КЛАУЗЕВИЦ

О ВОЙНЕ

II

Ф18749

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

Зак. 30. Тип. ВУНЦ ВМФ "ВМА". 23.03.2011.

Зав

ВОЕНИЗДАТ

VOM KRIEGE

HINTERLASSENES WERK
DES GENERALS
KARL von KLAUSEWITZ

Zweite Auflage

FERD. DÜMMLERS VERLAGS BUCHHANDLUNG
BERLIN — 1853

II
Б 297

КЛАУЗЕВИЦ

Библиотека 1952 г.

О ВОЙНЕ

1960

Том II

Перевод с немецкого
А. Рачинского

3-е издание

Военно-Морская Академия
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
Кафедра тактики и оперативного искусства
2
94181749

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1936

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ОБОРОНА

Глава I

НАСТУПЛЕНИЕ И ОБОРОНА

1. Понятие обороны

В чем заключается понятие обороны? В отражении удара. Следовательно, каков ее признак? Выжидание этого удара. Так как этот признак всякий раз характеризует действие как оборонительное, то лишь помощью его можно отличить на войне оборону от наступления. Но абсолютная оборона находится в полном противоречии с понятием войны, ибо в этом случае вела бы войну только одна сторона; поэтому оборона на войне может быть лишь относительной, и этот признак приложим только к понятию обороны в целом, но не может быть распространен на все ее части. Частный бой является оборонительным, когда мы выжидаем натиск, атаку неприятеля; сражение бывает оборонительным, когда мы выжидаем наступление, т. е. появление неприятеля перед нашей позицией в сфере нашего огня; кампания будет оборонительной, если мы будем выжидать вторжение противника на наш театр войны. Во всех этих случаях признак выжидания и отражения присущ понятию обороны в целом и не становится в противоречие с понятием войны: для нас может быть выгодным выжидать, чтобы враг напоролся на наши штыки, атаковал нашу позицию или вторгся на наш театр войны. Но для того чтобы и нам со своей стороны действительно вести войну, надо и самим давать неприятелю сдачу в виде ответ-

ных ударов, и этот наступательный акт в оборонительной войне происходит до известной степени под основным заглавием обороны, если развиваемые нами наступательные действия остаются в пределах понятия позиции или театра войны. Таким образом, можно в оборонительной кампании сражаться наступательно, а в оборонительном сражении использовать отдельные дивизии для наступательных действий; наконец, даже просто приняв построение для встречи атаки неприятеля, можно все же посылать ему навстречу наступательные пули. Отсюда оборонительная форма ведения войны является не непосредственным щитом, а щитом, составленным из искусных ударов.

2. Выгоды обороны

В чем заключается смысл обороны? В у д е р ж а н и и. Легче удержать, чем приобрести; уже из этого следует, что оборона, предполагая одинаковые средства, легче, чем наступление. В чем же заключается большая легкость удержания по сравнению с приобретением? В том, что все время, которое протекает неиспользованным, ложится на чашу весов обороняющегося. Последний жнет там, где не сеял. Каждое упущение наступающего, — происходит ли оно вследствие ошибочной оценки, или от страха, или инертности, — идет на пользу обороняющегося. Это преимущество не раз спасало от гибели Пруссию в течение Семилетней войны. Такое преимущество, вытекающее из понятия и цели, заключено в самой природе всякой вообще обороны; в столь схожей с войной области судебного процесса оно фиксируется латинской поговоркой: «beati sunt possidentes» («счастливы владеющие». — Р е д.). Другое преимущество, которое присоединяется к вышеуказанному, вытекает лишь из природы войны и заключается в содействии условий местности, используемых по преимуществу обороной.

Установив, таким образом, эти общие понятия, перейдем к ближайшему рассмотрению.

В тактике каждый бой — большой или малый — является о б о р о н и т е л ь н ы м, когда мы предоставляем противнику инициативу и выжидаем его появления перед нашим

фронтом. С этого момента мы можем пользоваться всеми наступательными средствами, не утрачивая двух вышеуказанных выгод обороны, а именно: преимущества выжидания и преимущества, предоставляемого местностью. В стратегии сначала вместо боя мы имеем кампанию, а вместо позиции — театр войны; а затем также вновь вся война заменит кампанию, а вся страна — театр войны [1], и в обоих случаях оборона останется тем же, чем она была в тактике.

Мы уже отметили в общем, что оборона легче, чем наступление, но так как оборона преследует негативную цель, удержание, а наступление — цель позитивную, завоевание, и так как последнее увеличивает наши средства вести войну, а первое — нет, то, чтобы быть точным, надлежит сказать: оборонительная форма ведения войны сама по себе сильнее, чем наступательная. К этому выводу мы и направляли свое рассуждение, ибо хотя он вполне вытекает из природы дела и тысячи раз подтверждается опытом, однако, он совершенно противоречит господствующему мнению — яркий пример того, как поверхностные писатели могут спутать все понятия.

Раз оборона — более сильная форма ведения войны, но преследующая негативную цель, то из этого следует само собой, что ею должно пользоваться лишь в течение того промежутка времени, пока в ней нуждаются вследствие своей слабости, и от нее надо отказаться, раз только налицо будет достаточная сила, чтобы поставить себе позитивную цель. А так как, одержав при содействии обороны победу, обычно мы достигаем более благоприятного соотношения сил, то естественный ход войны и сводится к тому, чтобы начинать ее с обороны и заканчивать наступлением. Таким образом, выдвигать оборону как конечную цель войны это означает вступать в такое же противоречие с понятием войны, как и распространять пассивность обо-

---

[1] Клаузевиц, таким образом, признает в своей стратегии как бы два этажа: 1) кампания на театре войны; 2) война в целом на всей территории страны. Первый этаж мы называем теперь областью оперативного искусства, а второй — стратегией. — Ред.

роны в целом на все ее части. Иными словами, война, в которой мы хотели бы использовать свои победы исключительно в целях отражения нападения, не нанося ответных ударов, в такой же мере была бы противна здравому смыслу, как и сражение, в котором во всех мероприятиях господствовала бы абсолютная оборона (пассивность).

Против правильности этого общего представления можно было бы привести много примеров таких войн, в которых оборона даже в своих конечных целях носила только оборонительный характер и где даже не было мысли о наступательной реакции. Но в основе такого возражения лежало бы упущение из виду того обстоятельства, что здесь речь идет лишь об общем представлении об обороне; мы утверждаем, что все примеры, которые можно было бы привести как ему противоречащие, должны рассматриваться как случаи, когда возможность наступательной реакции еще не обнаружилась.

Например, во время Семилетней войны, по крайней мере в последние три года, Фридрих Великий не думал о наступательных действиях; да мы полагаем даже, что в эту войну он вообще смотрел на свои наступательные действия только как на лучшее средство обороны; его принуждала к тому вся создавшаяся обстановка, и вполне естественно, что внимание полководца направлялось лишь на то, что непосредственно отвечало его положению. Тем не менее нельзя рассматривать этот пример обороны в большом масштабе без того, чтобы не положить в ее основу мысли о возможной наступательной реакции против Австрии и не сказать себе: но время еще не пришло. Что такое представление не лишено реального основания и при этом примере, свидетельствует самый факт заключения мира. Что, собственно, могло побудить Австрию заключить мир, как не мысль о том, что она одна не в состоянии своими силами уравновесить талант короля, что во всяком случае ее усилия должны быть гораздо большими, чем те, которые она уже делала до сих пор, и что при малейшем их ослаблении ей грозит новая потеря территории. И действительно, можно ли было иметь уверенность в том, что Фридрих Великий не попытается вновь нанести поражение австрийцам в Богемии и Моравии, если бы русские, шведы

и войска германского союза перестали отвлекать на себя часть его сил?

Установив, таким образом, понятие обороны в его истинном смысле и очертив ее границы, мы еще раз вернемся к утверждению, что оборона представляет б о л е е с и л ь н у ю ф о р м у в е д е н и я в о й н ы.

При ближайшем рассмотрении и сравнении наступления и обороны это положение выступит с полной ясностью; теперь же мы ограничимся лишь указанием, к какому противоречию с самим собой и с данными опыта приводит обратное утверждение. Если бы форма наступления была более сильной, то не было бы никакого основания когда-либо прибегать к форме оборонительной, ибо последняя вдобавок преследует лишь негативную цель; каждый захотел бы наступать, и оборона представляла бы уродливое, бессмысленное явление. Наоборот, вполне естественно затрачивать на достижение высшей цели более крупные жертвы. Кто чувствует в себе излишек силы, чтобы пользоваться слабейшей формой, тот вправе стремиться к более крупной цели; тот же, кто задается более мелкой целью, может это делать лишь для того, чтобы использовать выгоды более сильной формы. Обратимся к опыту: неслыханно, чтобы при наличии двух театров войны наступление велось на том, где армия слабее противника, а оборона велась там, где силы превосходят неприятеля. Но если всегда и всюду было наоборот, то это, конечно, доказывает, что полководцы даже при личной решительной склонности к наступлению все же считают оборону более сильной формой. В ближайших главах мы разъясним еще несколько вводных пунктов.

Глава II

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ НАСТУПЛЕНИЕМ И ОБОРОНОЙ В ТАКТИКЕ

Прежде всего мы должны бросить взор на условия, дающие в бою победу.

Мы не будем говорить здесь ни о численном превосходстве, ни о храбрости, ни о выучке и других качествах

армии, так как в общем они находятся в зависимости от обстоятельств, лежащих за пределами того военного искусства, о котором здесь идет речь; к тому же эти качества скажутся одинаково как в наступлении, так и в обороне: даже общее численное превосходство в данном случае нельзя принимать во внимание, так как численность армии представляет данную величину и не зависит от произвола полководца, притом все эти моменты не имеют особого отношения к наступлению и обороне. Три условия, как нам кажется, дают решительное преимущество, а именно: внезапность, преимущества, доставляемые местностью, и атака с нескольких сторон. Внезапность проявляется в том, что в одном из пунктов противопоставляют неприятелю значительно больше сил, нежели он ожидает[1]. Этого рода превосходство в числе весьма отлично от общего численного превосходства и составляет важнейший фактор военного искусства. Каким образом выгоды местности способствуют победе, достаточно понятно само собой; отметим лишь, что здесь речь идет не только о препятствиях, на которые неприятель натыкается при продвижении вперед, как-то: крутые овраги, высокие горы, заболоченные реки, изгороди и пр. К выгодам, даваемым местностью, нужно отнести и возможность укрыто расположить наши силы. Даже при совершенно одинаковом для обоих противников характере местности можно сказать, что она благоприятствует тому, кто с нею знаком. Атака с нескольких сторон включает в себя всякого рода тактические обходы, большие или малые, и влияние ее основано частью на удвоенной действительности огня, частью на опасении потерять путь отступления.

Каково же относительное значение этих данных для наступления и обороны?

Если иметь в виду три принципа победы, которые мы развили выше, то на этот вопрос придется ответить, что первый и последний принципы отчасти, но лишь в малой степени, благоприятствуют наступающей стороне, между

---

[1] О внезапности см. том I, часть 3-я, глава IX. — Ред.

тем как все они в значительной степени, а второй — исключительно, находятся на стороне обороняющегося.

Наступающий имеет лишь преимущество внезапной атаки целого целым же, в то время как обороняющийся имеет возможность в течение всего боя беспрестанно захватывать врасплох своего противника силой и формой своих переходов в атаку.

Наступающий легче может охватить и отрезать своего противника в целом, чем обороняющийся, ибо последний уже стоит на месте, в то время как первый движется, нацеливаясь соответственно расположению обороны. Но этот обход относится опять-таки к целому; в течение же самого боя и для отдельных частей производство нападения с разных сторон легче обороняющемуся, чем наступающему, ибо, как мы выше сказали, он имеет больше возможности поразить своего противника внезапностью формы и силы своего перехода в атаку.

Что обороняющийся использует по преимуществу выгоды местности, понятно само собой; что же касается превосходства во внезапности благодаря силе и форме атаки, то причина его та, что наступающий должен продвигаться по большим трактам и дорогам, где его нетрудно наблюдать, а обороняющийся располагается укрыто и остается невидимым для наступающего почти до решительного момента. С тех пор как стал применяться правильный способ ведения обороны, рекогносцировки вышли из моды, т. е. стали совершенно невозможными. Правда, порою еще производят рекогносцировку, но редко с нее возвращаются с ценными сведениями[1]. Как ни бесконечно ве-

---

[1] Это не вполне ясное место можно понимать так: в наполеоновскую эпоху отсутствовала систематическая разведка кавалерией; работы самостоятельных крупных кавалерийских частей перед фронтом не было вовсе; агентура и отдельные рекогносцировки штабных работников давали ценные данные лишь эпизодически; наступающий мог осветить обстановку, лишь серьезно ввязавшись в бой авангардом. На этом представлении о ходе ориентировки высшего командования и основывается в значительной мере роль авангарда как в наполеоновском военном искусстве, так и во французской военной доктрине. — Р е д.

лика выгода иметь возможность самому выбрать себе местность для расположения и с нею вполне ознакомиться до боя, как ни просто то, что тот, кто на этой местности устроит засаду (обороняющийся), гораздо более может поразить внезапностью своего противника, чем наступающий, все же до сих пор не могли отделаться от старых представлений, будто принятое[1] сражение уже наполовину потеряно. Эти взгляды ведут свое начало от той системы обороны, которая была в ходу двадцать лет тому назад, отчасти же господствовала и в Семилетнюю войну, когда от местности не требовали никакой иной помощи, кроме наличия трудно доступного фронта (крутые скаты и пр.), когда тонкое построение и уязвимость флангов придавали боевому порядку такую слабость, что поневоле приходилось растягиваться от одной горы до другой, отчего зло еще более обострялось. Если для флангов находились опоры, то все сводилось к тому, чтобы не допустить пробить дыру в этой армии, растянутой как бы на пяльцах. Местность, занятая войсками, приобретала в каждой своей точке непосредственную ценность, и ее приходилось непосредственно же защищать. При таких условиях в сражении (для обороняющегося. — Р е д.) не могло быть и речи ни о каком-либо маневре, ни о каком-либо поражении противника внезапностью; это представляло полную противоположность тому, чем может быть хорошая оборона и чем она в последнее время действительно стала.

Собственно говоря, пренебрежительное отношение к обороне всегда является наследием такой эпохи, в которой известная манера обороны пережила самое себя; так оно было и с той обороной, о которой мы только что говорили и которая в свое время имела действительно превосходство над наступлением.

Если мы проследим ход развития военного искусства, то увидим, что сперва, в эпоху Тридцатилетней войны и Войны за испанское наследство, развертывание и построение армии

---

[1] Т. е. оборонительное. По старой терминологии наступающий «предлагает» сражение, обороняющийся «принимает» его. — Р е д.

являлись одной из самых существенных частей сражения. Они составляли важнейшую часть плана сражения. Это давало в общем обороняющейся стороне большое преимущество, ибо ее армия к началу уже оказывалась развернутой и построенной. Как только способность войск маневрировать увеличилась, это преимущество исчезло, и наступающая сторона приобрела на некоторый период перевес. Тогда обороняющиися начал искать защиты за течением рек, за глубокими долинами и на горах. Таким образом, он вновь получил решительный перевес, что длилось до тех пор, пока наступающий не приобрел такую подвижность и искусство, что он уже сам мог отважиться двинуться по пересеченной местности и наступать отдельными колоннами, — следовательно, получил возможность о б х о д и т ь противника. Это повело ко все большей растяжке, что толкнуло наступающего на мысль сосредоточиваться в нескольких пунктах и прорывать тонкую позицию противника. Это дало в третий раз перевес нападающему, а оборона вновь была вынуждена изменить свою систему. В последние войны она стала сохранять свои силы в крупных массах, в большинстве случаев не развертывая их и располагая укрыто, где к тому представлялась возможность; таким образом, оборона лишь изготовлялась к тому, чтобы встретить во всеоружии мероприятия противника, когда последние достаточно обнаружатся.

Это вовсе не исключает частичной пассивной обороны местности; выгоды ее слишком велики, и использование их встречается сотни раз в течение одной кампании. Но центр тяжести действия обычно уже не лежит в такой пассивной обороне местности, а последнее-то нам и важно установить.

Наступающий может изобрести какой-нибудь новый крупный прием, что при простоте и внутренней необходимости, до которых все в настоящее время доведено, предвидеть не так легко; тогда и обороняющийся будет вынужден изменить свой способ действия. Однако, помощь, оказываемая обороне местностью, всегда останется обеспеченною за ней, а так как местность со всеми ее особенностями более чем когда-либо связана с военными дей-

ствиями, то она всегда обеспечит за обороной ее естественное превосходство [1].

Глава III

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ НАСТУПЛЕНИЕМ И ОБОРОНОЙ В СТРАТЕГИИ

Сперва поставим вопрос: какие обстоятельства обеспечивают в стратегии успешный исход?

В стратегии, как мы уже говорили, победы не бывает. Стратегический успех заключается, с одной стороны, в удачной подготовке тактической победы: чем значительнее этот стратегический успех, тем вероятнее и победа в бою. С другой стороны, стратегический успех заключается в использовании достигнутой победы: чем больше событий удастся стратегии при помощи своих комбинаций *после* одержанной победы вовлечь в результаты последней, чем больше ей удастся оттащить к себе отваливающихся обломков того, чье основание было поколеблено сражением, чем больше она охватывает широкими взмахами то, что с таким трудом и в скромных размерах достигается в самом сражении, — тем грандиознее ее успех. Основными факторами, дающими преимущественно такой успех или облегчающими его достижение, будут следующие главные начала, действующие в стратегии:

1. Выгоды, предоставляемые местностью.

2. Внезапность, вытекающая или из нечаянного нападения, или из неожиданной группировки в известном пункте более крупных сил, чем то предполагает противник.

3. Нападение с нескольких сторон.

Все эти три начала таковы же, как и в тактике.

4. Содействие, оказываемое театром войны, соответственно подготовленным устройством крепостей и другими мероприятиями.

5. Участие населения.

6. Использование крупных моральных сил.

---

[1] Это утверждение не совсем вяжется с заключительными словами XXVIII главы 5-й части о том, что теперь местность может играть лишь второстепенную роль. — *Ред.*

В каких же отношениях находятся наступление и оборона к этим началам?

Как в стратегии, так и в тактике обороняющийся имеет на своей стороне местные выгоды, а наступающий — преимущество внезапности. Надо заметить, что внезапное нападение представляет для стратегии несравнимо более действительное и важное средство, чем для тактики. В последней внезапное нападение редко может быть развито до размеров крупной победы, между тем как захват противника врасплох в стратегии нередко одним ударом заканчивает войну. Впрочем, надлежит отметить, что применение этого средства имеет своей предпосылкой к р у п н ы е, р е ш а ю щ и е, а следовательно, и р е д к и е ошибки со стороны противника; вследствие этого оно не может ложиться особенно серьезным грузом на чашу весов наступления.

Создание внезапности для противника путем группировки превосходных сил на известном пункте также имеет много общего с аналогичным приемом в тактике. Если обороняющийся вынужден разбросать свои силы на нескольких подступах к своему театру войны, то наступающий, очевидно, получит преимущество, заключающееся в возможности всеми своими силами обрушиться на одну из групп обороняющегося. Но и в том случае новое искусство обороны путем иного метода действий незаметно ввело иные основы. Если обороняющийся не опасается, что противник, воспользовавшись незанятой дорогой, обрушится на крупный магазин или депо, на не готовую к обороне крепость или на столицу, и если, таким образом, у него нет необходимости во что бы то ни стало преградить противнику избранную им дорогу, чтобы не потерять свой путь отступления, то у обороняющегося нет никакого основания дробить свои силы. Пусть наступающий изберет не ту дорогу, на которой он наткнулся бы на обороняющегося, — этот последний всегда успеет несколько дней спустя со всеми своими силами найти врага на новой дороге; в большинстве случаев он даже может быть уверен, что нападающий окажет ему честь, занявшись розыском его самого. Наконец, если наступающий сам найдет нужным при своем продвижении принять раздельную группировку, что является почти неизбежным по продовольственным соображениям, то обо-

роняющийся получит очевидное преимущество — возможность обрушиться всеми своими силами на одну из частей противника.

Наступление во фланг и в тыл коренным образом изменяет свои свойства в стратегии, где оно может быть нацелено на боковые фасы или на тыл театра войны, так как:

1) действие перекрестного огня отпадает, ибо невозможно стрелять с одного конца театра войны на другой;

2) страх потерять путь отступления у обойденного гораздо меньше, ибо пространство не может быть в стратегии так же преграждено, как в тактике;

3) в стратегии, благодаря большим пространствам, с большей силой выступает значение внутренних линий, т. е. линий более коротких, что служит значительным противовесом нападению с разных сторон;

4) чувствительность коммуникационных линий, т. е. влияние, оказываемое простым их перерывом, создает в стратегии новый принцип.

Надо заметить, однако, что по самой природе вещей, благодаря обширности пространств, приемы охвата и нападения с нескольких сторон нормально могут быть употреблены в стратегии только стороной, захватившей инициативу, следовательно, наступающим, и что у обороняющегося нет той возможности, какую он имеет в тактике, в свою очередь охватить охватывающего в процессе действия [1], ибо он не может ни эшелонировать свои силы на соответственной глубине, ни расположить их достаточно открыто. Но что пользы для наступления от легкости охвата, раз последний не приносит никаких выгод? Поэтому в стратегии вообще нельзя было бы выдвигать охватывающее наступление как принцип победы, если бы при этом не имелось в виду его влияния на сообщения. Но этот фактор редко получает крупное значение в первый момент, когда наступление и оборона приходят в соприкосновение между собою и находятся еще в нормальной группировке по отношению друг к другу; он нарастает лишь с течением кампании, когда наступающая сторона на неприятельской территории пос-

[1] В настоящее время железнодорожный маневр открывает для обороны широкую возможность оперативного охвата наступающего. — Ред.

тепенно переходит к обороне; тогда сообщения новоявленного обороняющегося становятся слабыми, и первоначально обороняющаяся сторона может использовать эту слабость, перейдя в наступление. Однако, всякому ясно, что это превосходство наступления не может быть занесено в его общий счет, так как оно по существу складывается из высших свойств обороны.

Четвертый принцип — содействие, оказываемое театром войны, — естественно на стороне обороняющегося. Когда наступающая армия выступает в поход, она отрывается от своего театра войны и вследствие этого ослабляется, так как оставляет позади себя свои крепости и всякого рода склады. Чем больше район операций, через который ей предстоит продвинуться, тем больше сил она теряет вследствие маршей и выделения гарнизонов. Между тем армия обороняющегося сохраняет все свои связи, т. е. она продолжает пользоваться поддержкой своих крепостей, ничем не ослабляется и остается вблизи своих источников пополнения и снабжения.

Участие населения — как пятый принцип — хотя и имеет место не при всякой обороне, ибо оборонительная кампания может вестись и на неприятельской территории, но все же этот принцип, исходя из понятия обороны, находит в ней в большинстве случаев применение. Подчеркнем, что здесь разумеется, если не исключительно, то преимущественно, содействие ландштурма и вооруженных народных масс; но участие народа также ведет к тому, что все трения становятся менее значительными, а источники снабжения и пополнения оказываются ближе и приток сил и средств из них обильнее.

Ясную, как бы сквозь увеличительное стекло, картину влияния данных, указанных в третьем и четвертом пунктах, дает нам поход 1812 г.: 500 000 человек переправились через Неман, 120 000 человек участвовали в Бородинском сражении, и еще гораздо меньшее число дошло до Москвы.

Можно смело утверждать, что влияние этого огромного опыта так велико, что русские, даже если бы они затем не перешли в наступление, все же на долгое время были бы обеспечены от нового нашествия. Правда, за исключением Швеции ни одна европейская страна не находится в таком

А 18443

положении, как Россия. Однако, действующий принцип всюду остается тем же и отличается лишь степенью своей силы.

Если к четвертому и пятому принципам добавить то соображение, что эти силы относятся к первоначальной обороне, т. е. к обороне, протекающей в собственной стране, и что они слабеют, когда оборона пересаживается на неприятельскую почву и переплетается с наступательными предприятиями, то отсюда вытекает, приблизительно как и при третьем принципе, новая невыгода для наступления, ибо точно так же, как оборона не состоит исключительно из оборонительных элементов, и наступление не состоит исключительно из элементов активных; более того, каждое наступление, которое не ведет непосредственно к миру, должно заканчиваться обороной.

Но раз все элементы обороны, встречающиеся в наступлении, ослабляются самой природой этого наступления, то это явление следует рассматривать как общий дефект последнего.

И это вовсе не праздная изворотливость мысли; напротив, здесь-то вообще и заключается главная невыгода наступления. Поэтому при составлении всякого плана стратегического наступления необходимо с самого начала обратить внимание на этот пункт, т. е. на оборону, которая должна последовать за наступлением; мы более подробно ознакомимся с этим в части, посвященной плану кампании [1].

Великие моральные силы, которыми порою бывают проникнуты все элементы войны, как своеобразным бродильным началом, и которыми полководец может, следовательно, пользоваться в известных случаях для подкрепления своей армии, можно мыслить в одинаковой мере как на стороне наступления, так и на стороне обороны; по крайней мере те из них, которые особенно ярко блещут при наступлении (например, смятение и страх в рядах противника), обычно проявляются лишь после решительного удара и редко способствуют тому, чтобы придать ему тот или иной оборот.

Этим, я полагаю, мы в достаточной мере обосновали наше положение, что оборона представляет более сильную форму войны, чем наступление, но

---

[1] См. часть 8-ю. — Ред.

остается еще упомянуть об одном небольшом и до сих пор не отмеченном факторе. Мы имеем в виду ту храбрость и то чувство превосходства, которые вытекают из сознания принадлежности к числу наступающих. Это — несомненная истина, однако, эти чувства очень скоро тонут в более общем и сильном чувстве, которое придают армии ее победы и поражения, талантливость или неспособность ее вождей.

Глава IV

КОНЦЕНТРИЧНОСТЬ НАСТУПЛЕНИЯ И ЭКСЦЕНТРИЧНОСТЬ ОБОРОНЫ

Эти два представления, эти две формы пользования силами при наступлении и обороне так часто встречаются в теории и в действительности, что навязываются воображению как почти необходимые формы, присущие наступлению и обороне. А между тем мало-мальски внимательное размышление показывает, что это неверно. Поэтому мы хотим возможно раньше рассмотреть эти две формы и раз навсегда составить о них ясное представление, дабы при дальнейшем рассмотрении взаимоотношений между наступлением и обороной мы могли совершенно от них отвлечься, чтобы нам уже не мешала видимость выгоды и ущерба, которой они окрашивают все явления. Мы рассмотрим их как чистые абстракции и выделим их понятие как некую эссенцию, оставив за собой право в будущем отмечать то участие, которое указанные формы принимают в различных явлениях.

Обороняющийся мыслится как в тактике, так и в стратегии выжидающим и, следовательно, стоящим на месте, а наступающий — находящимся в движении и притом в движении, имеющем в виду это стояние. Из этого необходимо следует, что охват и окружение всецело зависят от воли наступающего, — конечно, до тех пор, пока продолжается его движение и сохраняется неподвижность обороняющегося. Наступающий волен выбрать концентрическую форму или отказаться от нее в зависимости от того, выгодно ли это для него или невыгодно; и эту свободу выбора следовало бы отнести к его общим преимуществам. Однако, такой свободой выбора он пользуется только в тактике, в стратегии

же — далеко не всегда. В тактике точки опоры обоих флангов почти никогда не дают полного обеспечения, в стратегии же — весьма часто, когда линия обороны тянется от моря и до моря или от одной нейтральной страны до другой. В этом случае наступление не может вестись концентрически, и свобода выбора является ограниченной. Еще неприятнее будет ограничение свободы выбора, когда наступление м о ж е т вестись только концентрически. Россия и Франция не могут наступать на Германию иначе, как с разных сторон, и не могут предварительно собрать свои силы вместе. Таким образом, если бы позволительно было признать, что концентрическая форма действия сил в большинстве случаев является более слабой, то выгода, которую имеет наступающий благодаря большей свободе выбора, вероятно, совершенно уравновешивалась бы тем, что в иных случаях он был бы вынужден пользоваться более слабой формой.

Теперь рассмотрим влияние этих форм в тактике и в стратегии более подробно.

При концентрическом направлении сил — от периферии к центру — первое преимущество находят в том, что силы по мере продвижения вперед все более и более сближаются. Факт этот неоспорим, но предполагаемого преимущества нет, ибо сближение сил происходит у обеих сторон и, следовательно, выгоды уравновешиваются. То же можно сказать и про разброску сил при эксцентрических действиях.

Но другое реальное преимущество заключается в том, что силы, двигающиеся концентрически, направляют свое воздействие н а о д н у о б щ у ю т о ч к у, силы же, двигающиеся эксцентрически, смотрят в разные стороны. Каковы же последствия? Здесь нам придется раздельно рассмотреть вопрос в тактике и в стратегии.

Мы не намерены производить слишком глубокий анализ и потому выдвигаем следующие пункты как выгоды, доставляемые этим воздействием в тактике:

1. Удвоение или по меньшей мере усиление действия огня, происходящее тогда, когда все части целого в известной мере уже сблизились.
2. Нападение на одну и ту же часть с нескольких сторон.
3. Захват пути отступления

Преграждение пути отступления можно мыслить и в стратегии, но, очевидно, там оно будет гораздо труднее, ибо большие пространства заградить нелегко. Нападение на одну и ту же часть с разных сторон будет вообще тем действительнее и решительнее, чем меньше эта часть, чем ближе она мыслится к крайней грани, а именно — к единичному бойцу. Армия легко может сражаться на несколько фронтов одновременно, для дивизии это уже труднее, батальон будет драться, лишь построившись в каре, а отдельный человек совершенно не в состоянии это делать. Между тем стратегия охватывает вопросы больших масс, обширных пространств, продолжительного времени, а тактика занимает обратное положение. Отсюда следует, что нападение с нескольких сторон имеет иные последствия в стратегии, чем в тактике.

Действие огня не составляет предмета стратегии, но на его место становится нечто другое. Это — потрясение базиса, испытываемое в большей или меньшей степени всякой армией, когда неприятель победоносно появляется в ее ближнем или дальнем тылу.

Итак, можно считать установленным, что концентрическое действие сил обладает тем преимуществом, что воздействие, направленное на *А*, сейчас же отражается и на *Б*, не утрачивая своей силы по отношению к *А;* что воздействие, направленное на *Б*, сейчас же отражается и на *А*, так что вместе они составляют не только *А* плюс *Б*, но нечто еще большее; и что эта выгода получается как в тактике, так и в стратегии, хотя в обеих — несколько различными путями.

Что же можно противопоставить этому преимуществу при эксцентрическом действии сил? Очевидно, большую кучность группировки сил и действия по внутренним линиям. Нет надобности подробно развивать, каким путем это может сделаться таким множителем сил, что наступающий, не обладающий значительным численным превосходством, подвергается всем вытекающим из этого невыгодам.

Раз оборона воспримет принцип движения (это движение хотя и начинается позже, чем движение наступающего, но должно быть всегда достаточно своевременным, чтобы скинуть с себя оковы застывшей пассивности), то преимуще-

ство большей сосредоточенности и внутренних линий становится в высокой степени решающим и по большей части скорее ведущим к достижению победы, чем концентрическая форма наступления. А победа должна предшествовать успеху последней: надо преодолеть противника, прежде чем думать о том, чтобы его отрезать. Словом, мы видим, что здесь существует такое же соотношение, как и вообще между наступлением и обороной: концентрическая форма ведет к блестящим успехам, форма эксцентрическая более надежно обеспечивает свои успехи; наступление представляет собою более слабую форму с позитивной целью, оборона — более сильная форма с негативной целью. Таким образом, эти формы, как нам представляется, находятся в состоянии некоторого колеблющегося равновесия. К этому еще добавим, что оборона не является повсюду абсолютной и потому не всегда лишена возможности использовать свои силы концентрически; после этих замечаний, надо думать что по меньшей мере уже не будет оснований утверждать, будто бы одного концентрического способа действия достаточно для того, чтобы предоставить наступлению общий перевес над обороной. Это заключение освобождает нас от того влияния, какое указанная идея могла бы постоянно оказывать на наше суждение.

То, что мы говорили до сих пор, обнимало и тактику, и стратегию; теперь надо отметить один чрезвычайно важный пункт, касающийся одной лишь стратегии. Выгоды внутренних линий растут с увеличением пространств, к коим относятся эти линии. При расстоянии до противника в несколько тысяч шагов или полумилю, естественно, выгадываемое время не так велико, как при расстоянии в несколько переходов или в 20—30 миль; первые, т. е. небольшие пространства, принадлежат тактике, большие же — стратегии. Правда, в стратегии для достижения цели требуется и больше времени, чем в тактике; армию нельзя преодолеть так скоро, как батальон; однако, нужный промежуток времени увеличивается в стратегии лишь до известного предела, а именно до продолжительности одного сражения и во всяком случае не превосходит тех двух-трех дней, в течение которых можно уклоняться от сражения без существенных жертв. Далее наблюдается еще более крупное различие в

самом выигрыше времени, который получается в том и в другом случае. При малых расстояниях в тактике, т. е. в сражении, передвижения одной стороны происходят чуть ли не на глазах другой; сторона, действующая по внешним линиям, очень скоро усмотрит маневр противника. При более значительных расстояниях в стратегии очень редко может случиться, чтобы какое-нибудь движение не оказалось скрытым от противника по крайней мере в течение суток; довольно часто имеют место случаи, когда оно остается нераскрытым в течение недель, особенно если переброска распространяется лишь на часть сил и совершается на значительном удалении. Легко понять, как велика выгода скрытности для того, кто по самой природе своего положения более всего имеет возможность ее использовать.

На этом мы заканчиваем наше рассмотрение концентрического и эксцентрического воздействия сил и их отношения к наступлению и к обороне, но оставляем за собой право еще вернуться к этому предмету.

Глава V

ХАРАКТЕР СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ

Мы уже указали, что оборона является более сильной формой ведения войны (стр. 18), посредством которой стремятся добиться победы, чтобы, достигнув перевеса, перейти в наступление, т. е. к достижению позитивной цели войны.

Даже в тех случаях, когда задача войны сводится к одному лишь сохранению status quo (существовавшего раньше положения. — Ред.), все же простое отражение удара явится противоречащим понятию войны, ибо ведение войны заключается, бесспорно, не в одном претерпевании. Когда обороняющийся добился значительных преимуществ, оборона свою задачу выполнила, и он должен под защитой полученных выгод отплатить со своей стороны ударом за удар, если не хочет итти навстречу неминуемой гибели. Мудрость, требующая, чтобы железо ковалось, пока оно еще горячо, требует и использования достигнутого перевеса, дабы предотвратить вторично нападение. Правда, решение вопроса о том, как, когда и где эта реакция должна насту-

пить, зависит от многих других условий, которые нам удастся развить лишь впоследствии. Здесь мы ограничимся только указанием, что этот переход к ответному удару надо мыслить как тенденцию обороны, следовательно, как существенную составную часть ее, и что всякий раз, когда в обиходе войны достигнутая посредством оборонительной формы победа не используется каким-либо образом и вследствие этого бесплодно отцветает, совершается крупная ошибка.

Быстрый, могучий переход в наступление — этот сверкающий меч возмездия — составляет самый блестящий момент обороны. Кто мысленно не связывает с ним оборону или, даже более, кто не включает этот момент непосредственно в понятие ее, для того превосходство обороны никогда не будет ясным. Он всегда будет думать лишь о том, что можно приобрести или насколько можно ослабить противника посредством наступления; но ведь результат зависит не от того, как завязан узел, а от того, как он развяжется. Часто допускается и грубое смешение понятий, когда под всяким наступлением разумеют неожиданное нападение и, следовательно, оборону представляют себе лишь в образе бедствия и смятения.

Правда, завоеватель предрешает войну раньше, чем это делает безмятежный обороняющийся, и если завоевателю удастся достаточно сохранить втайне свои мероприятия, он может захватить оборону врасплох. Но это представляет собою нечто совершенно чуждое войне; так быть не должно. Война существует больше для обороняющегося, чем для завоевателя; ведь вторжение первоначально и вызывает оборону и вместе с ней войну. Завоеватель всегда миролюбив (как это всегда утверждал Бонапарт), с большой охотой он спокойно занял бы пределы нашего государства; чтобы он не мог этого сделать, мы должны хотеть войны и, следовательно, к ней подготовляться [1], т. е. другими словами: именно слабые, обреченные на оборону, и должны быть всегда во всеоружии, дабы не подвергнуться внезапному нападению; таково требование военного искусства.

---

[1] Этот отрывок, со слов: «Война существует больше для обороняющегося» и кончая словами: «к ней подготовляться», выписан по-немецки Лениным и сопровожден заметкой: «Ха-ха! Остроумно». — Ред.

Впрочем, более раннее появление на театре войны в большинстве случаев зависит не от наступательных или оборонительных намерений, а от совершенно иных обстоятельств. Если выгоды нападения достаточно велики, тот, кто готов раньше, и берется наступательно за дело именно по причине своей готовности; тот же, кто запаздывает в своей готовности, может до известной степени уравновесить грозящий ему ущерб лишь выгодами обороны.

Возможность так прекрасно использовать упреждение в готовности надо вообще рассматривать как преимущество наступления, что нами и было уже признано в третьей части [1]. Но это общее преимущество не является существенной необходимостью в каждом конкретном случае.

Таким образом, если мы мыслим оборону такой, какой она должна быть, то она будет рисоваться нам имеющей в возможной готовности все средства, армию, отвечающую требованиям войны, полководца, выжидающего неприятеля не вследствие растерянности и страха, а хладнокровно, по свободному выбору, крепости, не страшащиеся никакой осады, наконец, здоровый народ, не боящийся врага более того, чем последний его опасается. С такими атрибутами оборона, пожалуй, не будет уже играть особенно жалкой роли по сравнению с наступлением, и последнее не будет представляться таким легким и неотразимым, каким оно рисуется в глазах тех, кто с наступлением соединяет мысль о мужестве, силе воли и подвижности, а с обороной — лишь картины бессилия и паралича.

Глава VI
ОБЪЕМ СРЕДСТВ ОБОРОНЫ

Во второй и третьей главах этой части мы показали, каким естественным превосходством обладает оборона в использовании тех данных, которые определяют тактический и стратегический успех, помимо абсолютного численного перевеса и достоинств вооруженных сил, а именно: выгод, предоставляемых местностью, внезапности нападения с раз-

[1] Вероятно, надо иметь в виду главу VI части 3-й, где признается величие Фридриха II, использовавшего в 1756 г. свою раннюю готовность для захвата Саксонии. — Ред.

ных сторон, содействия, оказываемого театром войны, поддержки со стороны народа, использования крупных моральных сил. Теперь нам кажется полезным бросить взгляд на сумму тех средств, которые до известной степени следует рассматривать как устои различного рода, поддерживающие все здание обороны.

1. Ландвер. За последнее время им стали пользоваться также и за пределами собственной страны при наступлении по неприятельской территории, и нельзя отрицать, что во многих государствах, например, в Пруссии, его организация такова, что на него приходится смотреть почти как на часть постоянной армии; следовательно, он относится к средствам не только обороны. Однако, не следует упускать из виду, что очень энергичное использование ландвера в 1813, 1814 и 1815 гг. имело своим источником войну оборонительную и что ландвер, будучи лишь в очень немногих странах устроен так, как в Пруссии, по необходимости явится, при малейшем несовершенстве своей организации, более пригодным для обороны, чем для наступления. Кроме того, в самом понятии ландвера всегда заключается мысль о чрезвычайном, более или менее добровольном участии в войне всей народной массы, с ее физическими силами, достоянием, духовным складом. Чем больше организация ландвера удаляется от этого представления, тем больше последний будет приближаться под другим названием к постоянной армии, тем больше он будет обладать ее преимуществами, но при этом лишится преимущества подлинного ландвера — охвата масс, — гораздо более обширного, хотя и недостаточно определенного, но легко могущего еще более возрасти под влиянием состояния духа и настроений. В этом и заключается сущность ландвера; организация должна оставлять широкий простор сотрудничеству всего народа; в противном случае, ожидая от ландвера особых достижений, мы будем гоняться лишь за призраком.

Тесная связь между так понимаемым существом ландвера и обороной очевидна, и столь же очевидным является то, что такой ландвер всегда должен быть скорее отнесен к обороне, чем к наступлению; и, конечно, те стороны ландвера, которые заставляют нас предпочитать наступлению оборону, выскажутся полнее в последней.

2. К р е п о с т и. Влияние крепостей наступающего ограничивается ближайшим к границе районом и проявляется лишь в слабой степени; у обороняющегося оно распространяется и в глубину его территории, поэтому у него играют роль несколько крепостей, и воздействие их имеет гораздо большую интенсивность. Крепость, вызвавшая и выдержавшая настоящую осаду, несомненно, ложится более тяжелым грузом на чашу весов войны, чем такая, укрепления которой лишь устраняют мысль о захвате данного пункта, т. е. не отвлекают на себя сил противника и не уничтожают их.

3. Н а с е л е н и е. Хотя влияние на ход военных операций отдельного жителя театра военных действий можно заметить в большинстве случаев не более, чем воздействие капли воды в составе целого потока, все же даже в тех случаях, когда нельзя говорить о народном восстании, весьма ощутительно о б щ е е в л и я н и е, которое имеют жители страны на войну[1]. В своей стране все идет гораздо легче, конечно, при предпосылке, что настроение подданных этому понятию (т. е. подданству. — Р е д.) не противоречит. Все поставки, и крупные и мелкие, делаются неприятелю лишь под давлением ясно чувствуемой силы; последнюю приходится отрывать из состава армии, которая затрачивает для этого много людей и усилий. Обороняющийся получает все, если и не всегда так добровольно, как это имеет место в случаях восторженного самоотвержения, то по проторенной дороге гражданского послушания, являющегося второй природой обывателя; да и это послушание поддерживается совсем иными, исходящими уже не от армии, а от правительства, мерами устрашения и принуждения. Но и добровольное содействие, вытекающее из искренней преданности, несомненно будет весьма значительным, поскольку оно всегда проявится в тех случаях, когда не требуется никаких жертв. Отметим здесь хотя бы один пункт, имеющий огромное значение для ведения войны, это — о с в е д о м л е н и е; мы имеем в виду не столько те

---

[1] Ленин выписал в оригинале вышестоящий абзац и сопроводил его замечаниями: «большей частью» и «даже без восстания» и припиской: «(особенно-де (пример): осведомление армии)». — Р е д.

единичные крупные и важные данные, о которых доносят агенты разведки, сколько бесчисленное множество мелких соприкосновений с неизвестностью, в которые вступает каждодневная служба армии; именно в этой области хорошие отношения с населением дают обороняющемуся общее преимущество перед нападающим. Каждый малый дозор, каждый полевой караул, каждый командированный офицер — все они за нужными им сведениями о неприятеле, о друзьях и врагах обращаются к местным жителям.

Если от этих общих, всегда имеющихся налицо отношений мы перейдем к особым случаям, когда население начинает принимать непосредственное участие в борьбе, вплоть до высочайшего его напряжения, когда, как в Испании, население само ведет борьбу в форме народной войны, — то мы поймем, что здесь речь идет уже не об одном лишь усилении содействия, оказываемого народом, но возникает подлинная новая величина; отсюда мы можем указать на:

4. Вооружение народа, или ландштурм, как на своеобразное средство обороны.

5. Наконец, как последнюю опору обороняющегося мы можем назвать союзников. При этом, конечно, мы не разумеем обыкновенных союзников, которых имеет и наступающий, но тех, которые существенно заинтересованы в сохранении государства. Если мы обратим внимание на комплекс государств современной Европы, то увидим (чтобы не говорить о систематическом регулировании равновесия сил и интересов, какого на самом деле нет и которое часто поэтому справедливо оспаривается), что, неоспоримо, крупные и мелкие интересы государств и народов перекрещиваются между собой самым разнообразным и изменчивым способом. Каждая такая точка скрещения образует закрепляющий узел, ибо в ней направление одного интереса уравновешивается направлением другого. Посредством всех этих узлов образуется большее или меньшее сцепление целого, и это сцепление при всяком изменении должно частично преодолеваться. Таким образом, общая сумма отношений государств между собой скорее действует в направлении сохранения целого в его настоящем оформлении, чем в направлении его изменения, т. е. в общем господствует тенденция сохранения.

Так, мы полагаем, надлежит понимать мысль о политическом равновесии, и в этом смысле она будет возникать сама собой повсюду, где несколько культурных стран будут вступать в разносторонние соприкосновения между собой.

Насколько эта тенденция общих интересов действительна в отношении сохранения существующего положения, является другим вопросом; конечно, можно представить себе такие изменения во взаимоотношениях отдельных государств, которые облегчают деятельность целого, и другие, которые ее затрудняют. В первом случае это — попытки развить политическое равновесие, и так как их тенденция совпадает с тенденцией общих интересов, то они будут иметь на своей стороне и большинство этих интересов. В другом случае это — отклонения от политического равновесия, преобладающая деятельность отдельной части, настоящая болезнь. Неудивительно, что болезни возникают в таком слабо связанном целом, как множество мелких и крупных государств; ведь они встречаются и в удивительно упорядоченном органическом целом всей живой природы.

Таким образом, если нам укажут на примеры в истории, когда отдельным государствам удавалось осуществить значительные перемены исключительно в своих интересах, а целое не делало и попытки тому воспрепятствовать, или даже на такие случаи, когда отдельное государство имело возможность настолько подняться над остальными, что оно стало почти неограниченным владыкой комплекса государств, — то мы ответим, что это отнюдь не доказывает отсутствия тенденции общих интересов к сохранению существующего положения, но лишь то, что ее влияние в данный момент было недостаточно велико. Тяготение к известной цели есть нечто отличное от движения к ней, но из-за этого еще нельзя отрицать его существования. Значение такого тяготения мы особенно ясно можем усмотреть из небесной динамики.

Мы говорим: тенденция к равновесию заключается в стремлении к сохранению существующего положения, причем мы, конечно, предполагаем, что в этом положении заключается покой, т. е. равновесие, ибо там, где оно нарушено, где появилось напряжение, там тенденция к равновесию мо-

жет быть направлена и к переменам. Но эти перемены, если мы обратим внимание на природу предмета, могут коснуться лишь отдельных немногих государств и ни в коем случае не распространяются на большинство их. Таким образом, можно быть уверенным, что сохранение большинства государств будет всегда поддерживаться и обеспечиваться общими интересами всех и что каждое отдельное государство, которое еще не находится в состоянии напряжения и натянутости по отношению ко всему комплексу, в течение своей обороны найдет большее число интересов на своей стороне, а не против себя.

Кто смеется над этими размышлениями, как над утопическими мечтаниями, тот грешит против философской истины. Философия позволяет нам познать те существенные отношения, в которых находятся элементы вещей; конечно, было бы необдуманно, опуская все случайные воздействия, отсюда выводить законы, на основе которых можно регулировать каждый конкретный случай. Но кто, по словам великого писателя, не может возвыситься над уровнем анекдотов, кто только строит из них всю историю, везде начиная с самого индивидуального, с верхушки событий, и углубляется в предмет лишь постольку, поскольку он находит к тому те или другие поводы, и, следовательно, никогда не доходит до общих, лежащих в основе соотношений, мнение такого человека в лучшем случае может иметь ценность только для отдельного случая; все, что философия устанавливает как общий вывод для ряда случаев, представляется ему подобным сновидению [1].

Если бы не было этого всеобщего стремления к покою и сохранению существующего, то несколько сложившихся государств не могли бы спокойно существовать бок-о-бок более или менее продолжительное время: они неминуемо слились бы в одно. Таким образом, если современная Европа существует в нынешнем ее виде более тысячи лет, то мы можем приписать это явление лишь вышеуказанной тенденции общих интересов, и если защита комплекса не всегда была достаточной для сохранения каждого в отдельности, то это представляет лишь известные ненормальности в жиз-

---

[1] С начала абзаца выписано Лениным. — Ред.

ни комплекса, которые, однако, его не разрушили, а, напротив, были им преодолены.

Было бы совершенно излишним перечислять множество событий, когда перемены, чересчур нарушавшие равновесие, встречали противодействие в более или менее явной реакции других государств или же вовсе не были допущены ими; самый поверхностный взгляд, брошенный нами на страницы истории, покажет нам это. Мы хотим поговорить лишь об одном случае, ибо он всегда на устах тех, кто смеется над мыслью о политическом равновесии, а также потому, что он имеет особенное отношение к сказанному как пример гибели мирного оборонявшегося государства, не вызвавшей участия и поддержки других государств. Мы говорим о Польше. Тот факт, что государство с 8 млн. жителей могло исчезнуть, будучи разделено между тремя другими государствами, причем ни у одного из остальных государств меч не обнажился, представляется на первый взгляд таким случаем, который или служит достаточным доказательством общей недейственности политического равновесия, или по меньшей мере показывает, до каких пределов бессилие равновесия простирается в отдельных случаях. Что государство таких размеров могло исчезнуть и сделаться добычей других государств, принадлежавших уже к числу наиболее могущественных (Россия и Австрия), представляется совершенно исключительным случаем, а если и такая крайность не могла затронуть ни одного из общих интересов всего европейского концерта, то с полным правом, повидимому, можно было бы сказать, что реальность, какою эти общие интересы обладают в смысле сохранения интересов отдельного государства, должна почитаться воображаемою. Но мы остаемся при своем мнении, что один случай, как бы поразителен он ни был, ничего не доказывает против совокупности их, и утверждаем далее, что гибель Польши вовсе не является такой необъяснимой, как она может показаться на первый взгляд. Можно ли было смотреть на Польшу, как на европейское государство, заслуживающее одинаковой мерки с другими членами европейского концерта? Нет. Это было государство варварское, которое вместо того, чтобы лежать, как Крымское ханство, на берегу Черного моря, на грани европейского государственного мира, было располо-

жено среди него на Висле. Мы не хотим этим сказать что-либо презрительное о польском народе, не хотим этим и оправдывать раздела этой страны, но стремимся лишь взглянуть на вещи так, как они есть. В течение ста лет это государство в сущности не играло никакой политической роли и служило лишь яблоком раздора для других. При его состоянии и государственном устройстве оно никоим образом не могло бы долго просуществовать среди других государств, а существенное изменение в его варварском состоянии потребовало бы половины или целого столетия при условии, если вожди польского народа этого пожелают. Однако, эти последние сами были еще слишком варварами для того, чтобы захотеть подобного изменения. Государственная неурядица и безграничное легкомыслие шли рука об руку, и они, таким образом, покатились в бездну. Задолго до раздела Польши русские чувствовали себя там, как дома; понятия самостоятельного, определенного извне государства уже не существовало, и можно с уверенностью сказать, что если бы не произошел раздел Польши, она должна была бы обратиться в русскую провинцию. Не будь всего этого и будь Польша государством, способным обороняться, три державы не так легко приступили бы к ее разделу, а те государства, которые, как Франция, Швеция и Турция, были наиболее заинтересованы в ее целости, могли бы тогда совсем иначе содействовать ее сохранению. Но нельзя, чтобы сохранение государства всецело ложилось на плечи других государств; это уже является чрезмерным требованием.

В течение более чем ста лет несколько раз поднимался вопрос о разделе Польши, и за это время на нее приходилось смотреть не как на запертый дом, а как на проезжую дорогу, по которой постоянно бродили чужие вооруженные силы. Неужели другие государства обязаны были этому препятствовать, неужели они должны были все время стоять с обнаженным мечом на страже неприкосновенности польских границ? Это значило бы требовать морально невозможного. В те времена Польша политически представляла собой не более как необитаемую степь; и точно так же, как невозможно было бы ограждать такую расположенную среди других государств, никем не защищаемую степь от их посяга-

тельств, так невозможно было обеспечить и неприкосновенность так называемой польской государственности. По всем этим причинам не следовало бы удивляться бесшумному исчезновению Польши больше, чем незаметному исчезновению Крымского ханства; турки во всяком случае были более заинтересованы, чем какое-либо из европейских государств, в сохранении Польши; но они понимали, что было бы бесплодным усилием поддерживать не способную к сопротивлению степь.

Мы возвращаемся к нашему предмету и полагаем, что нам удалось доказать, что в общем обороняющийся может больше рассчитывать на помощь извне, чем наступающий; он с тем большей уверенностью может на нее рассчитывать, чем важнее его существование для других, чем здоровее и сильнее его политическое и военное состояние.

Мы здесь указали на специфические средства обороны в полном их объеме; в отдельном случае не все они будут в распоряжении обороняющегося, это разумеется само собой; в одном случае будет недоставать одних, в другом — других, но общему понятию обороны они принадлежат полностью.

Глава VII
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАСТУПЛЕНИЯ И ОБОРОНЫ

Теперь мы приступим к рассмотрению в отдельности обороны и наступления, поскольку можно провести грань между ними. Мы начинаем с обороны по следующим причинам. Конечно, вполне естественно и необходимо основывать правила обороны на правилах наступления и правила наступления на правилах обороны, однако, или наступление, или оборона должны иметь еще третий пункт, чтобы весь ряд представлений мог с чего-нибудь начаться, а следовательно, стал бы возможен. Таким образом, первый вопрос заключается в том, чтобы уяснить этот пункт.

Если мы философски подойдем к происхождению войны, то увидим, что понятие войны возникает не из наступления, ибо последнее имеет своей абсолютной целью не столько борьбу, сколько овладение, а из обороны, ибо последняя имеет своей непосредственной целью борьбу, так как очевидно, что отражать и драться — одно и то же.

Отражение направлено лишь на нападение и, следовательно, непременно его предполагает; между тем нападение направлено не на отражение, а на нечто другое, а именно на о в л а д е н и е и, следовательно, не предполагает непременно отражения. Поэтому вполне естественно, что если оборона первая вводит в действие стихию войны, и лишь с ее нарождением образуется деление на две стороны, то о б о р о н а же первая устанавливает и законы войны. Здесь речь идет не о каком-либо конкретном случае, но о случае общем, отвлеченном, намечаемом теорией для определения своего пути.

Таким образом, мы теперь знаем, где надо искать твердой точки опоры вне взаимодействия наступления и обороны, а именно в обороне.

Если это заключение правильно, то для обороняющегося должны существовать побудительные причины, определяющие его поведение даже тогда, когда он еще ничего не знает о том, что будет делать наступающий, причем эти основания должны быть достаточными, чтобы дать назначение средствам борьбы. Наоборот, наступающий, до тех пор пока он ничего не знает о своем противнике, не должен иметь никаких побудительных причин, определяющих его поведение и характер применения его боевых средств. У него не должно быть данных предпринять что-либо другое, как только захватить боевые средства с собой, т. е. овладеть чем-либо при помощи своей армии. Это отвечает действительности, ибо создать боевые средства еще не значит распорядиться ими, и наступающий, который берет их с собой, исходя из совершенно общего предположения, что они ему понадобятся, и который имеет в виду овладеть страной при помощи армии, вместо того чтобы сделать это при помощи комиссаров и прокламаций, этим еще не выполняет никакого положительного военного акта; между тем обороняющийся, который не только собирает свои боевые средства, но и размещает их в соответствии с тем, как он намерен вести борьбу, впервые проявляет деятельность, к которой действительно подходит понятие войны.

Второй вопрос заключается в том, какого рода будут те побудительные причины, которые теория может установить

для обороны еще до возникновения определенной мысли о самом наступлении. Очевидно, что таким побуждением будет продвижение противника с целью овладения, мыслимое вне войны, но дающее точку опоры для первых положений военной деятельности. Этому продвижению вперед оборона должна воспрепятствовать; следовательно, угрожающее продвижение должно мыслиться в связи с территорией страны; таким путем возникают первые, самые общие указания для обороны. Раз таковые установлены, с ними соразмеряется наступление, а из рассмотрения средств, которыми располагает последнее, получаются новые уточнения для обороны. Тут и возникает взаимодействие, за которым теория в своем исследовании будет наблюдать, пока она находит добываемые этим путем выводы достойными внимания.

Этот небольшой анализ был необходим, чтобы придать большую ясность и определенность нашим последующим рассуждениям; все это я пишу не для поля сражения, да и не для будущего полководца, а для сонмища теоретиков, которые до сих пор слишком легко обращались с этой проблемой.

Глава VIII

ВИДЫ СОПРОТИВЛЕНИЯ

Понятие обороны тождественно с отражением; в этом отражении заключено выжидание, а последнее составляет для нас главный признак обороны, и в нем мы видим главное ее преимущество.

Но так как оборона на войне не может быть исключительно одним претерпеванием, то и выжидание может быть не абсолютным, а только относительным; предмет, к которому оно относится, является в пространстве или страной, или театром войны, или позицией, во времени же — войной, кампанией или сражением. Что эти предметы представляют не неизменные единицы, а лишь центральные пункты известных областей, которые переходят одна в другую и друг с другом сплетаются, нам хорошо известно; однако, в практической жизни приходится часто довольствоваться лишь группировкой явлений, не проводя между ними строгих граней; к тому же эти понятия приобрели в самой практиче-

ской жизни достаточную определенность, и вокруг них удобно сосредоточивать все остальные понятия.

Таким образом, оборона страны лишь выжидает наступления на страну, оборона театра войны — наступления на театр войны, оборона позиции — наступления на позицию. Каждая позитивная, а следовательно, более или менее носящая характер наступления деятельность, которую после этого момента проявит обороняющийся, не упразднит понятия обороны, ибо главный ее признак и главное ее преимущество — выжидание — уже имело место.

Понятия, связанные с временем — война, кампания, сражение, — сопровождают понятия страны, театра войны и позиции, а потому имеют одинаковое отношение к этому вопросу.

Следовательно, оборона состоит из двух разнородных частей — выжидания и действия. Тем, что мы отнесли первое к определенному предмету и, таким образом, предпослали его действию, мы сделали возможным соединение обеих в одно целое. Но акт обороны, особенно акт крупный, как кампания или целая война, не будет состоять во времени из двух крупных половин: первой, во время которой только выжидают, и второй, во время которой только действуют, но из смены этих двух состояний, причем выжидание может протягиваться красной нитью в течение всего акта обороны.

Мы придаем этому выжиданию столь крупное значение только потому, что этого требует природа нашего предмета; и если в теориях, господствовавших до сих пор, оно никогда не выдвигалось как самостоятельное понятие, то в практической жизни, хотя часто и бессознательно, оно постоянно служило путеводной нитью. Выжидание составляет такую основную составную часть военного акта в целом, что последний без первого едва ли представляется возможным, и мы поэтому впоследствии еще часто будем к нему возвращаться, изучая его воздействие в динамической игре сил.

Теперь мы займемся выяснением того, как начало выжидания тянется через весь акт обороны и какие различные ступени отсюда возникают в обороне.

Дабы установить наши представления на более простом предмете, мы отложим до части, в которой будем говорить

о плане войны, рассмотрение вопроса об обороне страны, в котором наблюдается большая разносторонность и сильнейшее влияние политических факторов. С другой стороны, оборона позиции в сражении является предметом тактики, и лишь весь ее акт как целое составляет исходную точку стратегической деятельности; таким образом, мы лучше всего можем выявить условия обороны на вопросе обороны театра войны.

Мы сказали: выжидание и действие, — причем последнее всегда явится ответным ударом, т. е. реакцией, — составляют две существенные части обороны: без первого она не являлась бы обороной, а без последнего она не была бы войной. Эта точка зрения уже раньше привела нас к взгляду, что оборона не что иное, как более сильная форма ведения войны для более верной победы над противником; такого взгляда мы должны решительно придерживаться частью потому, что только он в конечном счете спасает нас от абсурда, частью потому, что, чем отзывчивее и ближе мы к нему держимся, тем более мощным явится весь акт обороны.

Может иметь место попытка провести различие в реакции, составляющей вторую необходимую часть обороны, и признавать лишь ту часть ее, которая является собственно отражением — отражением от страны, от театра войны, от позиций, — необходимою частью обороны, имеющею место лишь постольку, поскольку этого требует безопасность обороняемых предметов; на возможность же дальнейшей реакции, переходящей уже в область действительного стратегического наступления, будут смотреть, как на предмет чуждый и безразличный для обороны; но это будет в корне противоречить вышеприведенному нами взгляду; отсюда мы и не можем смотреть на такое различение, как на нечто существенное, и настаиваем, чтобы в основе каждой обороны лежала идея возмездия; ибо сколько бы мы в случае удачи ни нанесли урона противнику при первоначальной реакции, все же всегда недоставало бы надлежащего равновесия в динамическом соотношении между наступлением и обороной.

Итак, мы говорим: оборона есть более сильная форма ведения войны для достижения более легкой победы над вра-

гом, и предоставляем обстоятельствам решать, будет ли победа выходить за пределы того предмета, к которому относилась оборона или нет.

Но так как оборона связана с понятием выжидания, то эта цель — п о б е д и т ь н е п р и я т е л я — может существовать лишь условно, т. е. если последует наступление с его стороны. Поэтому, если наступления не последует, то, конечно, оборона должна довольствоваться сохранением находящегося в ее обладании; в этом и заключается ее цель в период выжидания, т. е. ближайшая цель. Лишь довольствуясь этой скромной целью, она может использовать преимущества более сильной формы войны.

Представим себе армию и обороняемый ею театр войны; оборона может заключаться в следующем:

1. Армия может атаковать неприятеля, едва только последний вторгнется на театр войны (Мольвиц, Гогенфридберг).

2. Она может занять позицию вблизи границы и выжидать, пока неприятель не появится перед нею с целью атаки, а в этот момент сама на него напасть (Часлау, Соор, Росбах). Очевидно, в этом случае поведение уже более пассивно, выжидание продолжается дольше; допуская, что неприятельское наступление действительно состоится, мы получим по сравнению с первым случаем лишь небольшой выигрыш в о в р е м е н и или даже никакого. Но может случиться. что у неприятеля нехватит решимости для развертывания перед нами с целью атаки; поэтому сражение, которое при действиях по первому способу непременно должно произойти, при действиях по второму уже имеет шансы не состояться; выгоду от выжидания надо расценивать как более крупную.

3. В такой позиции армия может выжидать не только решения неприятеля дать сражение, т. е. появления его перед нашей позицией, но и фактического нападения. (Продолжая черпать примеры из деятельности Фридриха Великого, мы находим у него такой образ действий под Бунцельвицем.) В этом случае дается настоящее оборонительное сражение, которое, однако, как мы уже выше говорили, может заключать в себе наступательное движение той или другой части армии. И здесь, как и в предыдущем случае, выигрыш вре-

мени еще не играет существенной роли, но решимость неприятеля подвергается новому испытанию; многие, уже выдвинувшись вперед для атаки, в последнюю минуту или даже после первой попытки отказывались от нее, находя позицию противника слишком сильною.

4. Армия может отнести сопротивление внутрь страны. Цель подобного отступления — вызвать и выждать такое ослабление противника, при котором он или сам приостановит продвижение, или же по меньшей мере окажется не в силах преодолеть то сопротивление, которое мы ему окажем в конце его пути.

Проще и яснее всего обнаруживается этот случай тогда, когда обороняющийся имеет возможность отойти за одну или несколько крепостей, которые наступающий вынужден осаждать или обложить. Ясно само собой, насколько это ослабляет вооруженные силы последнего и сколько случаев является обороняющемуся напасть на врага в каком-либо пункте с крупным перевесом сил.

Но даже когда нет крепостей, такое отступление внутрь страны может исподволь доставить обороняющемуся необходимое равновесие или даже перевес сил, которых у него не было на границе его страны, ибо всякое продвижение при стратегическом наступлении ослабляет наступающего отчасти абсолютно, отчасти вследствие неизбежного раздробления сил, о котором мы подробнее скажем при исследовании наступления. Мы здесь, однако, предвосхищаем эту истину, причем рассматриваем ее как факт, достаточно доказанный всеми войнами.

В этом четвертом случае особо важное преимущество надо видеть в выигрыше времени. Если наступающий начнет осаждать наши крепости, у нас будет выигрыш во времени до момента вероятного их падения (которое может иметь место через несколько недель, а в некоторых случаях и несколько месяцев); если же его ослабление, т. е. истощение наступательных сил, произойдет лишь вследствие продвижения вперед и занятия необходимых пунктов, следовательно, благодаря протяжению пройденного им пути, то выигрыш времени в большинстве случаев окажется еще крупнее, и наша деятельность не будет уже в такой степени связана с определенным моментом.

Кроме изменения соотношения сил между наступающим и обороняющимся, которое создается к концу этого пути, мы должны зачесть в актив обороны вновь повысившуюся выгоду от выжидания. Если бы наступающий и не оказался настолько ослабленным своим продвижением вперед, чтобы потерять способность напасть на наши главные силы там, где они остановятся, то все же у него на это может нехватить решимости, ибо здесь ему всегда потребуется ее больше, нежели нужно было бы близ границы: силы уже ослаблены и не так свежи, а опасность возросла, с другой стороны, для нерешительного полководца достаточно бывает занятия территории, чтобы отогнать всякую мысль о сражении, так как он или действительно думает, или прикрывается предлогом, что в сражении больше нет надобности. Этот упущенный случай для сражения хотя и не явится для обороняющегося таким негативным успехом, каким он был бы в приграничном районе, однако, предоставит ему значительный выигрыш времени.

Ясно, что во всех четырех указанных случаях обороняющийся пользуется выгодами, предоставляемыми местностью, а также воздействием, оказываемым крепостями и участием народных масс, причем эти воздействующие начала будут играть все большую роль с каждой новой ступенью обороны; они-то преимущественно и вызывают ослабление неприятельских сил на четвертой ступени обороны. А так как выгоды выжидания параллельно возрастают, то из этого само собою следует, что на эти ступени надо смотреть, как на действительную повышающуюся шкалу могущества обороны, и что эта форма войны становится тем сильнее, чем она больше удаляется от наступления. Мы в данном случае не боимся обвинения, будто мы держимся того взгляда, что наиболее сильной является наиболее пассивная оборона. Деятельность сопротивления с каждой последующей ступенью будет не ослабевать, а лишь замедляться, отсрочиваться. Ведь, очевидно, нет ничего противоестественного в утверждении, что на сильной и хорошо укрепленной позиции можно оказать большее сопротивление, а тогда, когда противник наполовину измотает в атаках на нее свои силы, возможно ему нанести более действительный контрудар. Без преимуществ, которые давала

ему его позиция, Даун не одержал бы победы под Колли-ном, и если бы он, когда Фридрих Великий, отступая с поля сражения, располагал не свыше 18 000 человек, повел более энергичное преследование, то получилась бы одна из самых блестящих побед в военных анналах.

Итак, мы утверждаем, что с каждой последующей сту-пенью обороны возрастает перевес или, точнее, противо-вес, приобретаемый обороняющимся, а следовательно, на-ращивается и сила контрудара.

Но достигаются ли эти преимущества наращения мощи обороны даром? Отнюдь нет. Ибо жертвы, ценою которых они покупаются, растут в той же пропорции.

Когда мы выжидаем подхода неприятеля внутри нашего театра войны, то как бы близко от границы ни произошло решительное сражение, все же неприятельские силы будут попирать наш театр войны, что не может не сопровождаться известными жертвами; между тем, наступая, мы перело-жили бы эти жертвы на плечи противника. Если мы не сразу пойдем навстречу неприятелю, чтобы его атаковать, то жертвы еще более возрастут, а пространство, какое займет неприятель, и время, какое ему потребуется, чтобы дойти до наших позиций, будут непрерывно их увеличивать. Если мы решаем дать оборонительное сражение и, таким образом, предоставляем неприятелю решение и выбор соот-ветственного момента, то может случиться, что он довольно продолжительное время останется в обладании занятой территорией, и мы этим расплатимся за то время, которое выиграли благодаря нерешительности противника. Еще чув-ствительнее будут жертвы при отступлении в глубь страны.

Но все эти жертвы, которые приносит обороняющийся, причиняют ему только такую потерю сил, которая дей-ствует на его вооруженные силы лишь косвенным образом, следовательно, позднее и не непосредственно и притом часто настолько косвенным образом, что воздействие их оказы-вается мало чувствительным. А это значит, что обороняю-щийся стремится увеличить свои силы за счет будущего, т. е. совершает заем, как то должен делать всякий, кто слишком беден для занимаемого им положения.

Чтобы оценить успешность этих различных форм сопро-тивления, обратим внимание на цель наступления.

Последняя сводится к овладению нашим театром военных действий или по крайней мере значительной его частью, так как под понятием целого надо разуметь по крайней мере большую его часть; обладание полосой территории в несколько миль вообще не имеет самостоятельного значения в стратегии. Пока наступающий еще не овладел театром военных действий, т. е. пока он, страшась нашей вооруженной силы, или вовсе еще не приступил к вторжению в него, или еще не подошел к нашей позиции, или же уклонился от сражения, которое мы предлагали ему дать, — до тех пор цель обороны оказывается достигнутой и воздействие мероприятий обороны представляется успешным. Но, конечно, это будет лишь негативный результат, непосредственно не дающий нам прироста сил, необходимого для контрудара. Косвенно же он может их дать, ибо потерянное время является минусом для наступающего.

Таким образом, на первых трех ступенях обороны, т. е. когда она протекает близ границы, отсутствие решительного столкновения уже представляет успех обороны.

Не то на четвертой ступени.

Если неприятель осаждает наши крепости, то мы должны своевременно их выручить, — следовательно, за нами очередь вызвать решительный акт нашей позитивной деятельностью.

Таково же положение, когда неприятель следует за нами внутрь страны, не подвергнув осаде наши крепости. Правда, в этом случае мы располагаем большим временем, мы можем дождаться момента наибольшего ослабления неприятеля, но все же остается предпосылка, что мы, наконец, должны перейти к действию. Неприятель, пожалуй, уже овладел всем участком территории, являющимся объектом его наступления; однако, он одолжен ему лишь временно; напряжение не прекращается, и решительный акт еще впереди. До тех пор пока силы обороняющегося с каждым днем продолжают расти, а силы наступающего слабеют, оттяжка решительного акта остается в интересах первого; но как только наступает кульминационный пункт, а он наступит непременно, хотя бы под влиянием конечного воздействия общей суммы потерь, которым подвергся наступающий, для обороняющегося при-

ходит час действовать и добиваться решения; всю выгоду от выжидания уже надо считать окончательно исчерпанной.

Для определения этого момента, конечно, нет общего мерила, ибо он находится в зависимости от множества обстоятельств и условий, но мы можем отметить, что зима обычно является естественным поворотным пунктом. Если нам не удастся воспрепятствовать неприятелю перезимовать на занятой им территории, то на нее обычно приходится смотреть, как на окончательно уступленную. Впрочем, стоит нам лишь вспомнить о примере Торрес-Ведраса [1], чтобы убедиться в том, что это не является общим правилом.

В чем состоит решение вообще?

При рассмотрении всех вопросов мы постоянно представляли его в форме (генерального. — Р е д.) сражения. Но последнее, конечно, не необходимо; можно себе представить целый ряд боевых комбинаций в раздельной группировке, могущих вызвать новый оборот событий и сделать отступление противника неизбежным, вследствие ли исхода реально состоявшихся частных боев или вследствие учета вероятного исхода несостоявшихся столкновений.

Другого решения на самом театре войны быть не может. Это неизбежно вытекает из установленного нами взгляда на войну; ведь если неприятельская армия начнет отступать из-за одного лишь недостатка в продовольствии, то это произойдет только вследствие стесненного положения, в которое неприятель поставлен силою нашего оружия; не будь вовсе налицо наших вооруженных сил, наступающему так или иначе удалось бы выйти из затруднения.

Таким образом, и в конце наступательного шествия, когда неприятель изнемогает от трудных условий наступления, когда выделение отдельных отрядов, голод и болезни ослабляют и истощают его, все же только страх перед нашим оружием может побудить его пойти вспять и отка-

---

[1] Торрес-Ведрасская укрепленная позиция прикрывала небольшой полуостров, на котором находится столица Португалии — Лиссабон. В 1810 г. Веллингтон укрылся за укреплениями Торрес-Ведраса, а остальная территория Португалии была предоставлена Массене. Трудность сообщений и широкое развитие партизанских действий в тылу Массены вынудили его в 1811 г. к отступлению, принявшему бедственный характер. — Р е д.

заться от всего достигнутого. Тем не менее все же существует крупное различие между таким решением и решением, имеющим место близ границы.

В последнем случае лишь наше оружие противостоит его оружию, лишь оно обуздывает противника или воздействует на него разрушительно; но там, в конце наступательного шествия, неприятельские вооруженные силы уже наполовину уничтожены его собственными усилиями, что дает нашим силам совершенно иной вес: они являются хотя и последним, но не единственным решающим фактором. Уничтожение неприятельских вооруженных сил в процессе их продвижения уже подготовляет решение и может сделать это в такой мере, что одна возможность реакции с нашей стороны вызовет отступление, а следовательно, и новый оборот событий. В этом случае практически нельзя не приписать решения напряжению, сопровождавшему наступление. Правда, нельзя указать такого случая, в котором оружие обороняющегося не принимало бы никакого участия в окончательном решении; но с практической точки зрения важно различать, какое из этих двух начал имело преобладающее значение.

В этом смысле мы считаем себя вправе сказать, что в обороне существует два рода решения, а следовательно, и два рода реакций, в зависимости от того, гибнет ли наступающий *от меча обороняющегося* или же *от собственного напряжения сил*.

Ясно само собою, что первый вид решения будет преобладать на первых трех ступенях, второй же — на четвертой ступени, причем этот второй вид решения может по преимуществу иметь место в тех случаях, когда отступление производится глубоко внутрь страны, и лишь он один может оправдать подобное отступление, сопровождаемое крупными жертвами.

Итак, мы познакомились с двумя различными началами обороны; бывали случаи в истории войн, где они встречались в таком чистом, изолированном виде, в каком только возможно встретить в практической жизни элементарные понятия. Первый — атака Фридрихом Великим в 1745 г. австрийцев под Гогенфридбергом в тот момент, когда они спускались с Силезских гор; австрийская армия не могла

еще быть заметным образом ослаблена ни выделением отрядов, ни чрезмерным напряжением сил; другой случай — когда Веллингтон выжидал на укрепленной позиции Торрес-Ведрас, чтобы армия Массены была доведена голодом и стужей до такого состояния, чтобы сама была вынуждена начать отступление; здесь оружие обороняющегося не приняло никакого участия в реальном ослаблении наступающего. В других случаях, где оба начала многообразно переплетаются между собой, все же одно из них определенно господствует над другим. Так было в 1812 г. В течение этого знаменитого похода произошло столько кровопролитных боев, что при других обстоятельствах одни эти бои могли бы привести к решительному исходу; тем не менее ни в одной кампании не обнаружилось с такой ясностью, что наступающий может погибнуть от собственных усилий. Из 300 000 человек, составлявших центр французской армии, до Москвы дошло лишь около 90, а выделено было из главных сил лишь около 13 000 человек; таким образом, потери достигали 197 000 человек, из которых, конечно, не более одной трети можно отнести на потери в боях.

Все кампании, отличавшиеся так называемым темпоризированием [1] по образцу, данному знаменитым Фабием Кунктатором, были рассчитаны, главным образом, на уничтожение неприятеля его собственными усилиями. Во многих походах это начало являлось руководящим, хотя о нем определенно и не говорили. Лишь закрыв глаза на все искусственные объяснения историков и взамен этого пристально вглядевшись в самые события, мы дойдем до этого истинного основания многих решений.

Теперь мы, кажется, достаточно развили понятия, лежащие в основе обороны, ясно показали и сделали понятным на двух главных видах сопротивления [2], как начало выжидания проходит через всю систему мышления и соединяется с позитивной деятельностью, так что последняя выступает в одном случае раньше, в другом — позже, когда выгоды выжидания оказываются исчерпанными.

---

[1] Т. е. стремлением замедлить темп, выиграть время. — Ред.

[2] Когда наступающий гибнет от меча обороны и когда он гибнет от собственных усилий. — Ред.

Мы полагаем, что теперь нами измерена и охвачена вся область обороны. Правда, в ней есть еще предметы, достаточно важные для того, чтобы образовать особые отделы, т. е. центры особых систем мысли, которых, следовательно, мы не должны упустить, например, о существе и влиянии крепостей и укрепленных лагерей, об обороне гор и рек, о давлении на фланги и т. д. Обо всем этом мы будем говорить в следующих главах; однако, все эти темы не лежат за пределами вышеприведенного ряда наших представлений, а являются лишь ближайшим приложением их к условиям местности и обстановки. Этот ряд представлений выведен нами из понятия обороны и ее отношения к наступлению. Мы связали эти простые представления с действительностью и этим указали путь, как от действительности вновь к ним вернуться и получить под собой твердое основание.

Однако, благодаря многообразию боевых комбинаций, — особенно в тех случаях, когда эти последние не приводят к действительно состоявшимся боям, а оказывают воздействие одной возможностью последних, — сопротивление силой оружия может приобретать столь изменчивую форму, столь различный характер, что невольно склоняешься к мнению о необходимости найти здесь еще другое активное начало. Между кровопролитным отпором в простом сражении и успехом стратегических комбинаций, одерживаемым без настоящего боя, существует такое огромное различие, что чувствуется необходимость предположить существование какой-то новой силы; так астрономы, наблюдая большое расстояние между Марсом и Юпитером, заключили о существовании между ними других планет [1].

Когда наступающий наталкивается на обороняющегося на укрепленной позиции, которую он не рассчитывает преодолеть, или за широкой рекой, через которую он не надеется переправиться, или даже в том случае, когда он опасается, что при дальнейшем продвижении не сможет достаточно обеспечить армию продовольствием, то отказ его от своих намерений все же будет вызван силой оружия обороняющегося: наступающего заставил остановиться только страх

[1] Эта задача была поставлена еще Кеплером. Вместо одной планеты здесь найдено почти три сотни астероидов. При жизни Клаузевица их известно было только четыре. — Р е д.

быть побежденным силой оружия или в генеральном сражении, или на особо важных пунктах.

Если с нами согласятся, что даже и при бескровном исходе в конечной инстанции решали бои, в действительности не имевшие места, а лишь предложенные, то все же будут полагать, что в этом случае наиболее действительное начало следует видеть в стратегических комбинациях этих боев, а не в тактическом решении и что, когда говорят о других средствах обороны помимо оружия, разумеют господство стратегических комбинаций. Мы готовы с этим согласиться, так как находимся именно на той точке, к которой хотели притти. Мы утверждаем: раз тактический результат боев образует основу всех стратегических комбинаций, то всегда возможна угроза, что наступающий ухватится за эту основу и прежде всего обеспечит за собой мастерство в тактике, дабы этим путем разрушить стратегические комбинации. Поэтому последние никогда нельзя рассматривать как нечто самостоятельное; они будут иметь значение только тогда, когда по той или другой причине тактические результаты нам не внушают тревоги. Чтобы в нескольких словах пояснить нашу мысль, мы лишь напомним, что такой полководец, как Бонапарт, ни на что не оглядываясь, прорывался через всю стратегическую паутину, сплетенную его противниками, и сам стремился в бой, так как он почти никогда не сомневался в его исходе. Поэтому всякий раз, когда стратегия его противников не направляла всех своих усилий на то, чтобы подавить его в этом бою превосходными силами, и пускалась в более тонкие (слабейшие) комбинации, она оказывалась разорванной, как паутина. Но если такого полководца, как, например, Дауна, можно было остановить подобными комбинациями, то было бы бессмысленным предлагать Бонапарту и его армии то, что прусская армия предлагала в Семилетнюю войну Дауну и его армии. Почему? Потому, что Бонапарт отлично знал, что все сводится к тактическим результатам, и был в них уверен, в то время как у Дауна дело обстояло иначе. Поэтому-то мы и считаем заслуживающим внимания указать, что каждая стратегическая комбинация покоится лишь на тактических успехах и что последнее обстоятельство как при кровопролитном, так и

при бескровном исходе является действительно основной причиной решения. Лишь когда последнего не приходится опасаться, — будь то вследствие характера противника или условий, в которых он действует, или по причине морального и физического равновесия обеих армий, или даже вследствие перевеса наших сил, — тогда можно ожидать чего-нибудь от стратегических комбинаций самих по себе, без боев.

На всем протяжении военной истории мы находим большое число походов, в которых наступающий, не вступая в кровопролитный бой, отказывался от дальнейшего наступления, следовательно, одни стратегические комбинации оказали сильное влияние; это могло бы навести на мысль, что по меньшей мере они обладают сами по себе большой силой и часто могут одни решить дело, если нет оснований предполагать чересчур решительный тактический перевес наступающего. Но на это мы должны ответить: если в данном случае говорят о явлениях, имеющих свой источник на театре войны и, следовательно, относящихся к самой войне, то такое представление ложно; безрезультатность большинства наступлений имела свое основание в высших, т. е. политических, условиях войны.

Общие условия, из которых возникает война и которые, естественно, образуют ее основу, определяют также и ее характер; мы об этом еще будем говорить в дальнейшем, при рассмотрении плана войны; эти общие условия сделали большинство войн чем-то половинчатым, и их чувства вражды в собственном смысле должны были прокладывать себе дорогу через такой узел сталкивающихся отношений, что становились элементом, весьма слабо действующим[1]. Это должно, естественно, более и сильнее всего проявляться в наступлении, которое должно находить себе выражение в позитивной деятельности. Отсюда и неудивительно, что вялое наступление может быть остановлено самым слабым сопротивлением. Часто бывает достаточно одного призрака сопротивления, когда слабый, еле существующий замысел наступающего стеснен тысячью соображений.

---

[1] От начала абзаца выписано Лениным. — Ред.

Не количество неприступных позиций, всюду встречающихся на пути, не страх перед грозными темными массами гор, протягивающимися по театру войны, не страх перед шириной реки, протекающей по нему, не легкость, с которой при помощи известного сочетания боев можно парализовать мускул, долженствующий нанести нам удар, не в этих данных лежит истинная причина того успеха, которого обороняющийся часто достигает бескровным путем. Истинная причина заключается в слабости воли, с которой наступающий делает свой нерешительный шаг вперед.

Можно и должно считаться с этими противовесами, но в них надо видеть лишь то, что они реально собой представляют, и не приписывать их воздействие другим явлениям, о которых мы здесь только и говорим. Мы не можем здесь не подчеркнуть, как часто военная история содержит ложное изложение событий и как много критика должна заботиться о восстановлении верной точки зрения.

Взглянем теперь на множество неудавшихся бескровных наступательных походов в том их оформлении, которое мы могли бы назвать вульгарным.

Наступающий продвигается в неприятельскую страну и несколько оттесняет противника, но одолевающие его сомнения не допускают довести дело до решительного сражения; так он и остается стоять перед неприятелем, делая вид, будто он совершил завоевание, и у него не осталось иной задачи, помимо обеспечения завоеванного пространства; теперь, мол, искать сражения — дело противника, а драться он согласен в любой день и пр. Всем этим полководец м о р о ч и т свою армию, двор, весь мир, даже самого себя Истинное же основание заключается в том, что он находит противника в занятом им положении слишком сильным. Мы здесь не говорили о том случае, когда нападающий отказывается от атаки по той причине, что не может использовать победы, так как находится уже у конца своего наступательного шествия, и нет запаса сил, чтобы начать новое. Последний случай предполагает уже удавшееся наступление, действительно имевшее место завоевание; здесь же мы имеем в виду лишь случай, когда наступающий застрял на пути к намеченному завоеванию.

Тогда начинается выжидание благоприятных обстоятельств; обыкновенно нет никаких оснований рассчитывать на них, ибо намеченное наступление уже доказывает, что ближайшее будущее не обещает ничего большего, чем настоящее, таким образом, на сцену является новая иллюзия. Если, как обычно бывает, данная операция стоит в связи с другими одновременными, то сваливают на плечи других армий то, чего не удалось достигнуть своей, и ищут оснований для оправдания собственной бездеятельности в недостаточной поддержке и согласованности. Говорят о непреодолимых трудностях и находят мотивы в самых сложных и тонких отношениях. Так истощаются силы наступающего в бездействии или, вернее, в недостаточной, а потому и непродуктивной деятельности. Обороняющийся выигрывает время, что для него всего важнее; приближается неблагоприятное время года, и дело кончается тем, что наступающий возвращается в свои пределы на зимние квартиры.

Вся эта сеть ложных представлений переносится затем на страницы истории и вытесняет совершенно простое, истинное основание неуспеха, а именно — *страх перед мечом врага*. Если критика углубится в разбор подобного похода, то она истощит свои силы над множеством мотивов и контрмотивов, не дающих убедительных выводов, так как все они висят в воздухе, и нет желания сойти на подлинный фундамент истины. Противовес, особенно ослабляющий стихийную силу войны, а с нею и наступление, заключается большею частью в политических отношениях и намерениях государства, а их всегда скрывают от света, от собственного народа и армии, а иногда даже от полководца. Никто не захочет мотивировать свою нерешительность признанием, что он-де боится недостатка сил довести дело до конца, что он наживет новых врагов или что он не хочет слишком большого усиления своих союзников и т. д. О таких сторонах умалчивают, но свету нужно дать связное изображение событий, и вот полководец оказывается вынужденным пустить в обращение за свой счет или за счет своего правительства целую сеть ложных оснований. Это постоянно повторяющееся жонглирование военной диалектикой окаменело в теории в виде целых систем, разумеется, весьма да-

леких от истины. Лишь теория, следующая простой нити внутренней связи событий, может дойти до сущности дела; мы это и пытались осуществить.

Относясь с таким скептицизмом к военной истории, мы видим, что рушится громадный аппарат наступления и обороны, состоящий из одних разглагольствований, а простая точка зрения на них, изложенная здесь нами, сама собой выступает на первый план. Мы полагаем, что она должна быть распространена на всю область обороны; только придерживаясь ее, мы будем в состоянии с ясным разумением судить о всей массе событий.

Теперь нам остается только заняться вопросом о применении этих различных форм обороны.

Так как они представляют лишь известные ступени усиления, покупаемые все возрастающими жертвами, то это уже в достаточной мере могло бы определить выбор их полководцем, если бы не сказывалось влияние и других обстоятельств. Полководец избрал бы именно ту форму, которая ему казалась бы достаточной, чтобы дать своим силам необходимую степень сопротивляемости, но не отошел бы дальше, дабы не вызвать излишних жертв. Однако, не следует упускать из виду, что свобода выбора различных форм в большинстве случаев весьма ограничена, ибо другие обстоятельства, с которыми нельзя не считаться, вынуждают нас избрать тот или другой род обороны. Для отступления в глубь страны необходимо значительное пространство или такая обстановка, при которой, как было в Португалии в 1810 г., один союзник (Англия) давал точку опоры с тыла, а другой (Испания) своей обширной территорией значительно ослаблял ударную силу противника. Расположение крепостей — ближе к границе или отнесенное более в глубь страны — может также воздействовать за или против данного плана; в еще большей мере скажутся свойства местности, характер, нравы и настроение населения. Выбор между наступательным и оборонительным сражением может определяться планом противника, особенностями обеих армий и полководцев; наконец, к избранию той или другой формы может привести наличие особенно выгодной позиции или оборонительной линии или же отсутствие таковых; короче говоря, достаточно назвать эти данные, что-

бы дать почувствовать, что при обороне выбор во многих случаях скорее определяется ими, чем простым соотношением сил. В дальнейшем мы ближе познакомимся с затронутыми здесь вопросами; тогда с большей определенностью выяснится и влияние, которое они оказывают на выбор, а в конце — в части, посвященной плану войны и кампании, — все будет сведено воедино.

Но это влияние получит первенствующее значение по большей части лишь в тех случаях, когда соотношение сил не окажется слишком неравным; в противном случае (что бывает чаще) это соотношение сил оказывает решающее влияние. Военная история достаточно доказывает, что и без того ряда рассуждений, которые мы здесь развили, а смутно лишь нащупывая решение, как в большинстве случаев и происходит на войне[1], соотношению сил отводили преобладающее значение при выборе форм обороны.

Тот же полководец с той же армией на том же театре войны раз дал сражение под Гогенфридбергом, а в другой раз засел в лагере под Бунцельвицем. Таким-то образом Фридрих Великий, более всех других полководцев стремившийся к наступлению, оказался в конце концов вынужденным при большом несоответствии сил занять чисто оборонительную позицию; и того же Бонапарта, который прежде, словно дикий вепрь, набрасывался на своих противников, разве мы не видим, при сильном изменении не в его пользу соотношения сил, в августе и сентябре 1813 г., как бы запертым в клетку, повертывающимся то к одному противнику, то к другому, но не решающимся, однако, очертя голову ринуться на одного из них? А в октябре того же года, когда перевес в силах грозил подавить его, разве он не располагается, словно ища убежища, в углу, образуемом Партой, Эльстером и Плейссой у Лейпцига, как бы в углу комнаты, прислонившись спиной к стене и выжидая подхода неприятеля?

---

[1] Ленин выписал эту фразу на немецком языке, начав со слов: «смутно лишь», а к замечанию Клаузевица: «как в большинстве случаев и происходит на войне» (wie das Meiste was im Kriege geschieht) добавил: «и не только на войне» и отметил выписку на полях NB. — Ред.

Мы не можем не отметить, что из этой главы, более чем из какой-либо другой данного труда, становится ясным, насколько мы далеки от стремления указать на новые принципы и методы ведения войны; напротив, мы лишь исследуем давно уже выявленное в его внутренней, более глубокой связи и хотим свести его к простейшим элементам.

Глава IX
ОБОРОНИТЕЛЬНОЕ СРАЖЕНИЕ

В прошлой главе мы говорили, что обороняющийся может дать сражение, которое тактически явится чисто наступательным: обороняющийся может двинуться навстречу и атаковать противника в тот самый момент, когда последний вторгается на наш театр войны; обороняющийся также может выждать появления неприятеля перед своим фронтом и тогда перейти в наступление, и в этом случае сражение будет тактически наступательным; наконец, обороняющийся действительно может выждать атаку противника на своей позиции и в свою очередь действовать против него как путем обороны участков местности, так и переходом в атаку части своих сил. При этом, разумеется, можно себе представить целую шкалу разных степеней, все более и более отклоняющихся от принципа позитивного[1] ответного удара и переходящих к принципу чисто местной обороны. Мы здесь не имеем возможности распространяться о том, как далеко можно зайти в этом направлении и какое соотношение обоих элементов наиболее выгодно для того, чтобы одержать решительную победу. Но мы продолжаем настаивать на том, что если искать такой победы, то невозможно вовсе обойтись без наступательной части сражения, и убеждены в том, что из этой наступательной части могут и должны исходить все последствия решительной победы, как-будто это было сражение в тактическом смысле чисто наступательное.

Точно так же как поле сражения стратегически представляет лишь точку, так и время сражения стратегически представляет лишь один момент, и стратегической величиной будет не ход сражения, а его конец и результат.

---

[1] Т. е. преследующего позитивную цель. — Ред.

Итак, если правда, что с элементами наступления, заключающимися в каждом оборонительном сражении, может быть связана полная победа, то с точки зрения стратегических комбинаций не должно было бы быть по существу никакого различия между сражением наступательным и оборонительным. По нашему убеждению, оно так и есть в действительности, но на вид дело представляется иначе. Чтобы пристальнее вглядеться в этот предмет, уяснить нашу точку зрения и тем самым устранить все кажущееся, мы бегло набросаем картину оборонительного сражения, как мы себе ее представляем.

Обороняющийся выжидает приближения наступающего на своей позиции; он выбрал для этого подходящую местность и устроился на ней, т. е. точно ее изучил, соорудил основательные укрепления на некоторых важнейших пунктах, провел и усовершенствовал тыловые дороги, поставил батареи, укрепил селения, выбрал укрытые места для размещения своих масс и пр. Фронт позиции должен быть более или менее силен; доступы к фронту должны быть затруднены одним или несколькими параллельными рвами, а также другими преградами или же влиянием командующих укрепленных пунктов; такой фронт во всех стадиях сопротивления вплоть до момента борьбы за ядро позиции, когда обе враждующие стороны взаимно истощают друг друга в точках их соприкосновения, дает обороняющемуся возможность уничтожать с малым расходом своих сил значительное количество неприятельских. Опорные пункты, которые он выбрал для своих флангов, обеспечивают его от внезапного нападения с нескольких сторон. Закрытая местность, избранная для расположения своих войск, заставляет противника быть осторожным, даже робким и дает возможность обороняющемуся, стягиваясь с боем к главной позиции, ослаблять наступающего небольшими удачными атаками. Устроившись таким образом, обороняющийся рассматривает с чувством удовлетворения сражение, пылающее перед ним умеренным пламенем. Но он не считает возможности своего фронтального сопротивления неистощимыми, не верит в неуязвимость своих флангов и не ждет от удачной атаки нескольких батальонов или эскадронов полного оборота в ходе

всего сражения. Позиция его глубока, ибо каждая инстанция на ступенях лестницы боевого порядка, от дивизии вплоть до батальона, имеет свой резерв на непредвиденный случай и для возобновления боя. И все же он сохраняет совершенно нетронутой, вне боя, довольно значительную массу войск, от одной трети до одной четверти целого, и держит ее столь далеко позади, что о каких-либо потерях от неприятельского огня не может быть и речи; это удаление должно быть, по возможности, таковым, чтобы эта часть оказалась вне линии охвата, могущего быть направленным наступающим на тот или другой фланг позиции. Этой частью он имеет в виду защитить свои фланги от более далекого и значительного обхода, обеспечить себя от всяких непредвиденных случаев, а в последней трети сражения, когда план наступающего получит полное развитие и большая часть его сил окажется уже израсходованной, обороняющийся имеет в виду броситься с этой массой на часть неприятельских сил и развить против нее свое собственное небольшое наступательное сражение, использовав в нем все элементы наступления, как-то: атаку, внезапность и обход; этот нажим в момент наиболее неустойчивого положения центра тяжести сражения и должен вызвать общее попятное движение.

Таково нормальное представление, которое мы составили об оборонительном сражении; оно базируется на современном состоянии тактики. Наступающий при помощи общего охвата стремится сделать успех более обеспеченным и в то же время придать ему больший размах, а обороняющийся отвечает на него частным охватом, и именно — охватом той самой части неприятельской армии, которая направлена в охват. Этот частный охват можно мыслить достаточным для того, чтобы парализовать действие охвата наступающего, но из него не может развиться столь же широкий общий охват неприятельской армии, как это может удаться наступающему. Поэтому между очертаниями победы будет всегда та разница, что в наступательном сражении победоносные войска будут охватывать неприятеля и действовать по направлению к центру его, при оборонительном же сражении они будут действовать более или менее из центра к периферии, в радиальном направлении.

На самом поле сражения и в первой стадии преследования всегда приходится признавать охватывающую форму наиболее действительной; преимущества ее, однако, не столько вытекают из ее оформления, сколько сказываются в тех случаях, когда удается довести охват до крайнего его предела, т. е. еще во время самого сражения ограничить возможности отступления неприятельской армии. Именно против этого крайнего предела и нацеливается позитивная реакция обороняющегося, и во многих случаях, когда она окажется недостаточной для достижения победы, ее все же хватит на то, чтобы оградить обороняющегося от крайних последствий охвата. Тем не менее мы не можем не признать, что при оборонительном сражении в особенности имеет место опасность чрезмерного ограничения свободы отступления и что если ее не удастся предотвратить, то успех, достигнутый противником в самом сражении и в первой стадии преследования, значительно возрастет.

Но это относится лишь к первой стадии преследования, а именно — до наступления ночи. К следующему дню охват оказывается уже закончившим свое существование, и в этом отношении равновесие вновь устанавливается между обеими сторонами [1].

Правда, обороняющийся может лишиться при этом своего лучшего пути отступления и попасть надолго в невыгодное стратегическое положение, но самый охват за немногими исключениями всегда окажется закончившим свое существование, так как он рассчитывается лишь на условия поля сражения и, следовательно, не может заходить далеко за пределы последнего. Что же, однако, произойдет на другой стороне, если победителем окажется о б о р о н я ю щ и й с я? Побежденный окажется разорванным на части; в первый момент это может облегчить отступление, но уже на с л е д у ю щ и й день возникнет острая необходимость в с о е д и н е н и и в с е х ч а с т е й. Если одержана чрезвычайно решительная победа и обороняющийся напирает очень энергично, то это соединение часто окажется невоз-

[1] При современном маневрировании действие охвата сохраняется иногда в продолжение двух недель. Вспомним шлиффеновский план охвата левого крыла французских армий. — Р е д.

можным, и разделение сил побежденного повлечет за собой для последнего самые печальные последствия, которые постепенно могут дойти до полного рассеяния его сил. Если бы Бонапарт одержал победу под Лейпцигом, то последствием этого явилось бы полное разъединение союзных армий и их стратегическое положение значительно ухудшилось бы. Под Дрезденом, где Бонапарт, собственно, не давал оборонительного сражения, наступление его все же имело ту геометрическую форму, о которой мы говорили, а именно — от центра к окружности; известно, в каком трудном положении оказались разделившиеся на части союзные войска; из затруднений их вывела лишь победа на Кацбахе, ибо, получив донесение о ней, Бонапарт с гвардией вернулся в Дрезден.

Подобный же пример представляет и сражение на Кацбахе; здесь мы видим обороняющегося, который в последнюю минуту переходит в наступление и, следовательно, действует эксцентрически; благодаря этому французские корпуса были отброшены в разные стороны, и несколько дней спустя дивизия Пюто попала в руки союзников как плод их победы.

Отсюда мы заключаем, что, тогда как наступление имеет возможность усилить свой успех посредством более родственной ему концентрической формы удара, обороне также дано средство при помощи более родственной ей эксцентрической формы усилить последствия своей победы по сравнению с теми, которые она имела бы при чисто параллельной позиции и перпендикулярном к ней действии сил. Мы полагаем, что оба эти средства равноценны.

Если мы редко наблюдаем в военной истории, что оборонительные сражения завершаются такими же крупными победами, как и наступательные, то это отнюдь не может служить опровержением нашего утверждения, что первые столь же пригодны для этого, как и вторые. Причина этому заключается в существенном различии условий, в которых находятся обороняющийся и наступающий. Обычно обороняющийся является слабейшей стороной не только в отношении вооруженных сил, но и в отношении всех условий обстановки; он в большинстве случаев не имеет или считает себя лишенным возможности дать полное развитие

следствиям своей победы и довольствуется одним отражением опасности и спасением чести своего оружия. Бесспорно, обороняющийся может быть иной раз действительно связан своей слабостью и обстановкой; однако, часто то, что являлось результатом необходимости, принималось за следствие той роли, которую играет обороняющийся, а отсюда сложился неразумный принципиальный взгляд на оборону, будто сражения, которые она дает, должны быть направлены лишь на отражение противника, а не на его уничтожение. Мы смотрим на такой взгляд, как на одно из самых вредных заблуждений, как на подлинное смешение формы с самим делом, и безусловно утверждаем, что в той форме ведения войны, которую мы называем о б о р о н о й, победа не только вероятнее, но она может приобрести такие же размеры и следствия, как и при наступлении; это относится не только к с у м м а р н о м у р е з у л ь т а т у всех боев, составляющих кампанию, но и к каждому отдельному сражению при наличии достаточных сил и воли.

Глава X

КРЕПОСТИ

Раньше, вплоть до появления больших постоянных армий, крепости, т. е. замки и укрепленные города, имели единственным своим назначением защиту их обитателей. Рыцарь, теснимый со всех сторон, укрывался в свой замок, дабы выиграть время и выждать более благоприятный момент; города при помощи укреплений пытались отвратить от себя проходящую мимо них грозовую тучу войны. Но дело не остановилось на этом простейшем и естественном назначении крепостей; отношения, которые возникли между подобным пунктом, всей страной и армиями, воевавшими между собой в разных местах страны, придали крепостям более широкое значение, проявившееся и за их стенами и в большей мере содействовавшее занятию страны или сохранению господства над ней, счастливому или несчастному исходу всей борьбы в целом; благодаря этому крепости сделались средством к тому, чтобы обратить войну в более связное целое. Таким путем крепости приобрели

свое стратегическое значение, которое некоторое время считалось настолько важным, что крепости давали основное направление планам кампаний, сводившимся скорее к тому, чтобы захватить одну или несколько крепостей, чем к уничтожению неприятельских сил. Большое внимание уделялось обоснованию значения крепостей, т. е. отношений укрепленных пунктов к местности и к армии; при определении тех пунктов, которые должны быть укреплены, считалось необходимым проявлять величайшую тщательность, тонкость и отвлеченное глубокомыслие. За этим отвлеченным определением стали почти совершенно забывать о первоначальном назначении крепостей, и, таким образом, возникла идея крепостей без городов и жителей [1].

С другой стороны, уже прошли те времена, когда простая укрепленная стена, без каких-либо иных военных сооружений, могла оградить какое-нибудь населенное место от военного потока, разливавшегося по всей стране; эта возможность основывалась прежде отчасти на малых размерах тех государств, на которые делились тогда народы, отчасти на периодичности нападений того времени, которые, почти как времена года, имели свою определенную, крайне ограниченную продолжительность: или вассалы торопились разойтись по домам, или истощались деньги для оплаты кондотьеров. С тех пор как крупные постоянные армии с их могучей артиллерией научились механически разрушать сопротивление стен и валов, у городов и других небольших общин пропала охота ставить на карту свои силы лишь для того, чтобы отсрочить захват их на несколько недель или месяцев, а затем быть подвергнутыми более суровой расправе. Еще менее могло входить в интересы армии дробить свои силы занятием многих укрепленных пунктов; оно, правда, задерживало до некоторой степени продвижение неприятеля, но в силу необходимости заканчивалось их

[1] Такими крепостями в особенности были крепости, построенные русскими в Польше уже после смерти Клаузевица: Новогеоргиевск, Ивангород и Брест-Литовск (вне города того же наименования). Такое направление крепостного строительства в России обусловливалось также и политическими причинами — глубоким недоверием русских властей после восстания 1830 и 1831 гг. к польскому населению. — Ред.

сдачей. Во всяком случае, занимая крепости, нужно было оставлять себе столько сил, чтобы иметь возможность выступить против неприятеля в открытом поле, за исключением того случая, когда рассчитывали на подход союзника, который заставил бы противника снять осаду с наших крепостей и освободить наши войска. Таким образом, число крепостей должно было значительно сократиться; это также должно было от идеи непосредственной защиты имущества и жителей городов при помощи укрепления толкать к другой идее: рассматривать крепости как к о с в е н н о е средство обороны страны; такую роль они выполняют благодаря своему стратегическому значению, как узлы, связывающие стратегическую ткань.

Таков был ход идей не только в книгах, но и в практической жизни; правда, в книгах, как обычно, он развит более хитро.

Как ни необходимо такое направление дела, однако, идеи завели слишком далеко. Искусственность и мелочная игра вытеснили здоровое ядро естественной и крупной потребности. Лишь эти простые, крупные потребности мы будем иметь в виду при перечислении целей устройства крепостей и тех требований, которым они должны удовлетворить; при этом мы будем переходить от более простых к более сложным вопросам и в следующей главе познакомимся с выводами относительно местоположения и числа крепостей.

Совершенно очевидно, что значение крепости слагается из двух различных элементов: пассивного и активного. Первым она охраняет занимаемую ею площадь и все, что на ней содержится; вторым она оказывает на окрестности известное влияние, простирающееся и за пределами сферы огня ее орудий.

Этот активный элемент сводится к наступательным действиям, которые гарнизон ее может предпринимать против всякого неприятеля, приблизившегося к ней на известное расстояние. Чем больше гарнизон, тем больше могут быть отряды, выдвигаемые из крепости с этой целью, а чем больше эти отряды, тем дальше они, как общее правило, могут выдвигаться. Отсюда следует, что район активного воздействия большой крепости не только интенсивнее, но и шире по своим размерам, чем район малой крепости. Но

и сам активный элемент состоит некоторым образом из двух частей, а именно: из предприятий самого гарнизона и из предприятий, которые могут совершать другие крупные или мелкие отряды, не входящие в состав гарнизона, но связанные с крепостью. Отдельные отряды, слишком слабые, чтобы самостоятельно противостоять неприятелю, получают возможность благодаря защите, которую они в случае нужды смогут найти за стенами крепости, удерживаться в данной местности и до некоторой степени господствовать над ней.

Предприятия, которые может себе позволить гарнизон, довольно ограничены. Даже в больших крепостях с сильным гарнизоном отряды, которые могут быть выделены для активных действий, большею частью бывают немногочисленны по сравнению с вооруженными силами, действующими в открытом поле, а диаметр района их действий редко оказывается больше двух переходов. Если же крепость невелика, то выдвигаемые ею отряды будут совершенно незначительны и район их действий по большей части ограничится соседними деревнями. Но отряды, не входящие в состав гарнизона и, следовательно, не обязанные непременно возвращаться в крепость, оказываются гораздо менее связанными; посредством таких отрядов активная сфера действия крепости при прочих благоприятных условиях может быть значительно расширена. Отсюда следует, что, когда мы говорим вообще об активном воздействии крепостей, то должны иметь в виду по преимуществу такие отряды.

Но и самая незначительная активная деятельность самого слабого гарнизона все же может оказаться весьма существенной для всех назначений, которые должны выполнять крепости. Строго говоря, даже самые пассивные из всех видов деятельности крепости (оборону против атаки) нельзя мыслить без такой активной деятельности. Между тем бросается в глаза, что при различных назначениях, какие крепость вообще или в отдельные моменты может выполнять, одни требуют в большей мере пассивной деятельности, другие — преимущественно активной. Эти назначения частью просты, — и в таком случае воздействие крепости имеет непосредственный характер, — частью же они являются сложными, — и тогда воздействие крепости является более

или менее косвенным. Мы намерены переходить от первых к последним, но предупреждаем, что одна и та же крепость может выполнять несколько и даже все перечисленные ниже назначения одновременно или в различные моменты.

Итак, мы утверждаем: крепости представляют крупную и превосходную опору для обороны, а именно:

1. Как обеспеченные склады. Наступающий в течение наступления живет изо дня в день; обороняющийся обычно должен задолго изготовиться, поэтому он не может черпать средства продовольствия из района, в котором располагается и который он в общем склонен щадить; поэтому склады для него крайне необходимы. Всякого рода запасы, которыми располагает наступающий, остаются позади на пути его продвижения и, таким образом, ускользают от опасностей театра войны; между тем запасы обороняющегося находятся под угрозой. Если эти запасы всякого рода не размещены в укрепленных местах, то они непременно окажут вредное влияние на деятельность в открытом поле, и часто необходимость прикрытия их обусловит занятие самых искусственных и растянутых позиций.

Обороняющаяся армия, лишенная крепостей, имеет сотни уязвимых мест; она представляет тело без панцыря.

2. Как обеспечение крупных богатых городов. Это назначение весьма близко к предыдущему, ибо большие и богатые города, в особенности торговые центры, представляют собой для армии естественные склады; в качестве таковых обладание ими или утрата затрагивает армию непосредственно. Кроме того, всегда стоит сохранить эту часть государственного достояния отчасти из-за тех сил, которые оттуда косвенно черпаются, отчасти потому, что обладание крупным населенным центром ложится серьезным грузом на чашу весов при заключении мира.

Такое назначение крепостей в последнее время недостаточно оценивалось, а между тем оно — одно из самых естественных, действующих самым могучим образом и подверженных наименьшему числу ошибок. Если бы существовала такая страна, где не только все крупные богатые города, но и все населенные места были бы укреплены и защищались своими жителями и окрестными крестьянами,

то в этой стране быстрота хода войны была бы столь ослаблена, а подвергшийся нападению народ оказал бы давление на чашу весов такой крупной частью всех усилий, на которые он способен, что талант и сила воли неприятельского полководца оказались бы окончательно подавленными.

Мы упоминаем о таком идеале укрепления страны лишь для того, чтобы вызвать справедливую оценку вышеупомянутого назначения крепостей и чтобы важность непосредственной защиты, которую они дают, ни на одно мгновение не упускалась из виду; впрочем, это представление не противоречит нашему разбору, ибо среди всех городов всегда найдется несколько таких, которые, будучи укреплены сильнее, чем остальные, должны рассматриваться как подлинные опорные пункты вооруженных сил.

Обе задачи, указанные в пунктах 1 и 2, требуют почти исключительно пассивного воздействия крепостей.

3. Как замки (заграждения, запоры. — Ред.) в собственном смысле этого слова. Они являются заставами на дорогах, а большей частью и на реках, где они расположены.

Не так-то легко, как обыкновенно думают, найти проезжую проселочную дорогу, которая обходила бы крепость; такой обходный путь должен не только находиться вне сферы орудийного огня крепости, но и проходить в более или менее значительном удалении от нее с учетом возможных вылазок.

Если местность сколько-нибудь трудно проходима, то часто малейшее отклонение от проезжей дороги связано со значительным промедлением, обходящимся в целый дневной переход, что может иметь огромное значение при многократном пользовании дорогой [1].

Каким образом крепости влияют на операции преграждением судоходства по рекам, ясно само собой.

4. Как тактические опорные пункты. Так как диаметр района, действительно обстреливаемого орудиями мало-мальски крупной крепости, уже достигает размеров нескольких часов ходьбы, а сфера наступательных действий крепости во всяком случае еще шире, то крепо-

[1] Т. е. когда дорога продолжает служить для армии как путь подвоза. — Ред.

сти представляют собою наилучшие опорные пункты для флангов позиций. Озеро длиною в несколько миль, конечно, может служить превосходным опорным пунктом; однако, крепость умеренной величины представляет большие преимущества. Нет необходимости фланг позиции дотягивать в непосредственную близость к крепости, ибо наступающий, опасаясь за свой путь отступления, не решится проникнуть в промежуток между флангом и крепостью.

5. Как этапные пункты[1]. Если крепости расположены на коммуникационной линии обороняющегося, что по большей части и имеет место, то они являются удобными станциями для всего того, что продвигается по этой линии взад и вперед. Опасности, угрожающие коммуникационным линиям, заключаются, главным образом, в набегах, воздействие которых всегда сводится к коротким порывистым ударам. Если важный транспорт при приближении подобного набега может достигнуть крепости, ускорив свое движение или быстро свернув, то он спасен и спокойно выждет, пока опасность минует. Далее все двигающиеся взад и вперед эшелоны могут останавливаться в крепости на дневку, а затем нагонять, увеличивая последующие переходы. А им больше всего угрожает опасность как раз на дневках. Таким образом, коммуникационная линия в 30 миль длины делается в некотором роде короче наполовину, если посредине ее имеется крепость.

6. Как убежище для слабых и разбитых отрядов. Под прикрытием орудий не слишком малой крепости всякий отряд обеспечен от ударов неприятеля, даже если для него не устроено особого укрепленного лагеря[2].

[1] В подлиннике «как станции». — Перев.

[2] В эпоху Клаузевица Пруссия уже развивала свои крепости на Рейне как крепости-лагери; с этой целью на расстоянии 2—3 километров от ядра крепости выносилось несколько фортов. Такие крепости-лагери являлись прекрасным убежищем для прусских войск, расположенных в рейнских провинциях Пруссии, отделенных от основного материка прусской территории, и позволяли этим войскам переждать натиск французов до момента прибытия главных сил прусской армии. Таким образом, линия вынесенных фортов образовалась первоначально под давлением оперативных, а не технических требований; последние определенно сказались лишь после франко-прусской войны. — Ред.

Правда, такой отряд, если он хочет остановиться на более или менее продолжительное время, должен считаться с потерей своего пути отступления. Но бывают обстоятельства, когда подобная жертва представляется не чрезмерной, ибо дальнейшее отступление завершилось бы полным развалом.

Во многих случаях бывает возможно остановиться в крепости на несколько дней, и не утрачивая возможности дальнейшего отступления. В особенности крепость является убежищем для опередивших разбитую армию легко раненых, рассеявшихся и пр.; здесь они могут выждать прибытия армии.

Если бы Магдебург находился в 1806 г. на прямой линии отступления прусской армии и если бы эта линия не была уже утрачена под Ауэрштедтом, прусская армия могла бы легко остановиться на три-четыре дня у этой большой крепости, собраться и вновь сорганизоваться. Но и в тех условиях, которые тогда имели место, она послужила сборным пунктом для остатков армии Гогенлое, которые лишь там вновь стали реальным явлением.

Нужно самому пережить войну и получить непосредственное впечатление, чтобы составить себе ясное понятие о благодетельном влиянии, оказываемом близостью крепостей, когда обстоятельства складываются неблагоприятно. В крепостях имеются порох и ружья, овес и хлеб, они дают кров больным, безопасность здоровым и возвращают самообладание устрашенным. Они представляют гостеприимный дом в пустыне.

В последних четырех назначениях уже в несколько большей степени сказывается активное воздействие крепостей; это ясно само собой.

7. Как подлинный щит против неприятельского наступления. Крепости, которые обороняющийся оставляет перед собой, рассекают, как ледорезы [1], поток неприятельского наступления [2]. Неприятель должен по

---

[1] В подлиннике «wie Eisblöcke», как глыбы льда; мы читаем «Eisbocke». — Пер.

[2] Еще до мировой войны в одном из томов издания Большого генерального штаба «Studien zur Kriegsgeschichte und Taktik», посвященном теме «Крепости в войнах Наполеона и в современной войне», было признано, что в настоящее время

меньшей мере их блокировать, для чего ему нужно, если гарнизон деятелен и предприимчив, пожалуй, вдвое больше сил по сравнению с численностью гарнизона [1]. Кроме того, эти гарнизоны могут и должны в большинстве случаев состоять частью из войск, которые хотя и можно использовать в крепости, но которые неприменимы в открытом поле, а именно: из наполовину обученного ландвера, из полуинвалидов, вооруженных горожан, ландштурма и пр. Таким образом, неприятель, пожалуй, будет вчетверо больше ослаблен, чем мы.

Это несоразмерное ослабление неприятельских вооруженных сил представляет первую выгоду, которую нам дает своим сопротивлением осажденная крепость; но она — не единственная. С момента, когда неприятель минует линию наших крепостей, все его движения подвергаются гораздо большему стеснению; пути отступления его армии ограничены, и он постоянно должен заботиться о непосредственном прикрытии предпринятых им осад.

И здесь, следовательно, крепости оказывают могучее и решительное воздействие на акт обороны; на это назначение надо смотреть, как на важнейшее из всех тех, какие может иметь крепость.

Если, тем не менее, мы сравнительно редко встречаем в военной истории такое применение крепостей и отнюдь не замечаем, чтобы оно регулярно повторялось, то причина тому заключается в характере большинства войн, для которых это средство является чересчур решительным. Мы это выясним лишь в дальнейшем изложении [2].

крепости, — отчасти вследствие падения их пассивной силы, отчасти вследствие общего увеличения масштаба операций, — утрачивают всякое значение, будучи предоставлены самим себе, и вся ценность их сохраняется лишь до момента, пока они остаются в связи с действующими в поле армиями. Отрываться от крепостей и оставлять их впереди своего фронта, как указывает Клаузевиц и как было вплоть до XX века, теперь нельзя. С отпадением роли «ледореза» утратился и важнейший смысл существования крепостей. — Р е д.

[1] В настоящее время блокада осуществляется силами, в два раза меньшими гарнизона. Гарнизон Перемышля в 1914—1915 гг. силой в 120 000 был прочно блокирован 50 000—60 000 русских ополченцев. — Р е д.

[2] См. главу XXX 6-й части. — Р е д.

При таком назначении крепости требования предъявляются, главным образом, к ее наступательной силе; из последней по меньшей мере вытекает влияние, оказываемое крепостью. Если бы крепость представляла для наступающего лишь пункт, который он не может занять, то, конечно, она могла бы служить для него помехой, но не в такой мере, чтобы он ощутил потребность осадить ее. Но так как наступающий не в состоянии оставить 6 000, 8 000 или даже 10 000 человек хозяйничать и распоряжаться у себя в тылу, он должен окружить их соответственными силами, а для того, чтобы не быть вынужденным выделить эти силы на все время войны, он должен взять эту крепость, т. е. ее осадить. С момента приступа к осаде преимущественно выступает уже пассивное воздействие крепости.

Все до сих пор рассмотренные назначения крепостей выполняются довольно непосредственно простейшим образом. Напротив, при выполнении двух последующих назначений способ воздействия более сложен.

8. Как прикрытие растянутого квартирного расположения. Крепость средней величины преграждает доступ к расположенному позади нее квартирному району на фронте в 3—4 мили; это — простой результат ее существования; но каким образом на долю такой крепости может выпасть честь прикрывать квартирное расположение в 15—20 миль по фронту, о чем так часто гласит военная история, это требует, поскольку действительно имеет место, подробного разъяснения, а поскольку является иллюзией — опровержения.

Здесь надо принять во внимание следующие обстоятельства:

а) крепость сама по себе замыкает одну из главных дорог и действительно прикрывает местность на 3—4 мили по фронту;

б) на крепость можно смотреть, как на необычайно сильное сторожевое охранение; она дает возможность весьма полного наблюдения местности, еще более усиливаемого агентурными данными, получение которых облегчается благодаря сношениям, существующим между значительным населенным центром и его районом; вполне естественно, что в городе с 6 000, 8 000 и 10 000 жителей можно

иметь больше сведений об окрестностях, чем в деревне, обычной стоянке сторожевых частей;

в) небольшие отряды могут опираться на крепость, находить у нее защиту и безопасность и время от времени могут продвигаться к неприятелю, чтобы добывать сведения, а если неприятель пройдет мимо крепости, то и для того, чтобы предпринять что-нибудь против его тыла; отсюда следует, что крепость хотя и не может сдвинуться со своего места, все же может выполнить роль выдвинутого впередотряда (часть 5-я, глава VIII);

г) обороняющийся, сосредоточив свои войска, может сгруппировать их как раз позади крепости, так что наступающий не сможет проникнуть к его расположению без того, чтобы крепость не угрожала его тылу.

Конечно, всякое наступление, имеющее целью атаку квартирного расположения, надо понимать как нечаянное нападение; точнее говоря, здесь идет речь лишь об этой стороне наступления, причем само собой разумеется, что нечаянное нападение осуществляет свое воздействие в гораздо более краткий промежуток времени, чем действительное наступление на театр войны. Если в последнем случае крепость придется осадить или обуздать блокадой, то при простом нечаянном нападении на квартирное расположение это не явится столь же необходимым; следовательно, крепость не может в такой же мере ослабить наступающего. Это, конечно, истина; понятно также, что квартирные районы, удаленные от крепости на расстояние от 6 до 8 миль, непосредственно не защищаются ею; однако, цель такого нападения заключается не в атаке квартир, отведенных нескольким частям. Лишь в следующей части труда, отведенной вопросам наступления, мы будем в состоянии обстоятельно указать, какую цель преследует такое нападение и чего от него можно ожидать; но, забегая вперед, мы уже теперь можем сказать, что главный его результат достигается не нападением на отдельные пункты расквартирования, а теми боями, которые наступающий навязывает разрозненным частям обороняющегося, находящимся не в надлежащем порядке, задача которых — торопиться к определенному пункту и которые не подготовлены для сражения. Но этот напор и движение по пятам должны быть всегда более или менее

ориентированы против центра неприятельского расквартирования, а следовательно, значительная крепость, расположенная перед центром, несомненно, явится большой помехой для наступающего.

Если мы вдумаемся в эти четыре пункта в их совокупном действии, то увидим, что значительная крепость, несомненно, прямым и косвенным образом обеспечивает некоторую безопасность гораздо большему протяжению расквартирования, чем может казаться на первый взгляд. Мы говорим: некоторую безопасность, ибо все эти косвенные воздействия делают продвижение неприятеля не невозможным, а только более трудным, более рискованным, а вследствие этого и менее вероятным и менее опасным для обороняющегося. Но это только и требуется в данном случае; только это и разумеется под прикрытием. Непосредственная безопасность в собственном смысле достигается сторожевым охранением и правильной организацией квартирного расположения.

Итак, способность более значительных крепостей прикрывать широкий фронт расположенного позади них квартирного района имеет под собой реальные основания, но вместе с тем нельзя отрицать и того, что в данном случае мы встречаемся в действительных военных планах, а еще более в исторических описаниях с пустыми, бессодержательными выражениями или с иллюзорными представлениями. Такое прикрытие всецело зависит от взаимодействия нескольких обстоятельств, но и тогда создает лишь уменьшение опасности; поэтому ясно, что в отдельных случаях, — благодаря особым обстоятельствам и прежде всего благодаря смелости противника, — все это прикрытие может оказаться иллюзорным, а на войне нельзя довольствоваться тем, чтобы суммарно принимать на веру воздействие такой крепости; необходимо определенно продумать каждый конкретный случай.

9. Как прикрытие не занятой войсками области. Когда во время войны какая-нибудь область вовсе не занята войсками или занята незначительными силами и более или менее открыта для неприятельских набегов, то на расположенную в ней значительную крепость смотрят, как на прикрытие или, если хотите, как на обес-

печение этой области. Обеспечением она, безусловно, является, так как неприятель станет хозяином этой области не раньше, чем овладеет крепостью, и мы выгадаем время, чтобы поспешить для ее обороны. Прикрытие же можно мыслить лишь косвенно, понимая его не в подлинном смысле слова. Дело в том, что крепость может положить некоторый предел набегам неприятеля лишь своими активными действиями. Если последние ограничиваются деятельностью гарнизона, то их успех окажется незначительным; для этой цели гарнизоны крепости большей частью слишком слабы, да и состоят они преимущественно из одной пехоты, и притом не лучшего качества. Несколько большую реальность приобретает это понятие, если небольшие отряды будут действовать в связи с крепостью, которая явится для них опорным пунктом и убежищем.

10. Как центр вооружения народных масс. Продовольствие, оружие, огнестрельные припасы во время народной войны не могут быть предметом регулярных поставок; по самой природе такой войны приходится в этом отношении каждому изыскивать всевозможные способы; таким образом, открываются тысячи мелких источников средств сопротивления, которые в другое время остались бы неиспользованными. Однако, вполне понятно, что значительная крепость, благодаря своим обширным запасам всех этих предметов, может придать народному сопротивлению больше силы и веса, больше связанности и последовательности.

Кроме того, крепость является убежищем для раненых, резиденцией правящих властей и казны, сборным пунктом для более значительных предприятий и т. д., наконец, ядром сопротивления, приводящим неприятельскую армию во время осады в состояние, облегчающее и поощряющее нападение взявшегося за оружие населения.

11. Для обороны рек и гор. Никогда крепость не выполняет столько задач, не берет на себя столько ролей, как в том случае, когда она расположена на берегу большой реки. Здесь она обеспечивает нашу переправу в любое время, препятствует переправе неприятеля на расстоянии нескольких миль в стороны, господствует над торговлей по всей реке, принимает в себя все суда, заграждает дороги и

мосты и дает возможность защищать реку косвенным путем, а именно — путем занятия позиции на неприятельском берегу. Ясно, что этим многосторонним воздействием она в значительной мере облегчает оборону реки и должна рассматриваться как существенная часть этой обороны.

Подобное же значение имеют крепости в горах. Здесь крепости замыкают и открывают целые системы дорог, в узле которых они устраиваются; благодаря этому они господствуют над всем краем, через который тянутся эти горные дороги, и должны рассматриваться как истинные контрфорсы всей системы обороны.

Глава XI

КРЕПОСТИ

Продолжение

Мы говорили о назначении крепостей, теперь перейдем к вопросу об их местоположении. На первый взгляд он представляется чрезвычайно запутанным, если вспомнить о множестве присущих крепостям назначений, из которых каждое может подвергнуться изменению вследствие условий местности; однако, это опасение неосновательно, если мы будем придерживаться существа дела и избегать излишних тонкостей и ухищрений.

Ясно, что все эти требования будут одновременно удовлетворены, если в той области, которую следует рассматривать как театр войны, будут укреплены самые большие и богатые города на больших путях, соединяющих между собой оба государства; преимущество должно отдаваться портовым городам, а также городам, расположенным у морских заливов, на больших реках, в горах. Большие города и большие дороги всегда связаны между собою; та же естественная и многосторонняя связь существует между ними, большими реками и морским побережьем, так что эти четыре назначения легко совпадут, и между ними не явится противоречия; напротив, горы с ними не совпадают; в них редко можно встретить крупные города. Поэтому, если положение и направление горной цепи делают ее пригодной как оборонительную линию, то необходимо запереть проходящие через нее дороги и имеющиеся проходы небольшими

фортами, сооружаемыми лишь для этой цели с возможно меньшей затратой средств; крупные же крепостные сооружения должны быть предназначены для создания важных плацдармов на равнине.

Мы еще не учитывали направления границы, ничего не говорили о геометрическом начертании всей линии крепостей, а также и об остальных географических условиях их местоположения, так как мы смотрим на данные нами определения, как на самые существенные, и держимся того мнения, что во многих случаях, а именно — в небольших государствах, их одних вполне будет достаточно. Разумеется, в странах с обширной территорией, которые обладают очень значительным числом городов и дорог или же, напротив, почти совершенно их лишены; которые или чрезвычайно богаты и, имея уже большое число крепостей, хотят соорудить новые, или же, наоборот, чрезвычайно бедны и вынуждены обходиться лишь немногими, — в этих случаях могут быть признаны необходимыми и другие определяющие основания, на которые мы и бросим теперь беглый взгляд.

Главные вопросы, которые еще остается рассмотреть, следующие:

1) какой пути должен быть выбран в качестве главного пути, если обе страны соединяются бо́льшим числом дорог, чем сколько хотят укрепить;

2) следует ли располагать крепости лишь близ границы или же надлежит их размещать по всей стране;

3) следует ли распределять крепости равномерно или группами;

4) каковы те географические условия местности, которые надлежит учитывать.

Многие другие вопросы, вытекающие из геометрического начертания линии крепостей, а именно: должны ли они располагаться в один ряд или в несколько рядов, т. е. более ли они действительны, когда стоят рядом, или же при расположении одна за другой; должны ли они размещаться в шахматном порядке или тянуться по прямой линии или по ломаной, образующей такие же исходящие и входящие углы, как линия огня самих укреплений, — все это представляется нам пустыми хитросплетениями, т. е. соображениями

столь ничтожными, что соображения более важные их совершенно подавляют; мы упоминаем о них лишь потому, что в некоторых книгах не только говорится об этом жалком вздоре, но и придается ему чрезмерное значение.

Что касается первого вопроса, то, чтобы нагляднее себе его представить, возьмем лишь южную Германию по отношению к Франции, т. е. к верхнему течению Рейна. Если представить себе южную Германию как целое, укрепление которого должно быть определено стратегически безотносительно к отдельным государствам, то возникает большая неопределенность: от Рейна ведет множество великолепных шоссированных дорог внутрь Франции, Баварии и Австрии. Нет также недостатка и в городах, которые по своим размерам выделяются среди прочих, как, например, Нюренберг, Вюрцбург, Ульм, Аугсбург, Мюнхен; но если укрепление всех их не входит в наши намерения, то необходимо произвести между ними выбор; далее, если согласно нашим взглядам считают за самое важное укрепить самые большие и богатые города, то все же нельзя отрицать, что при расстоянии, отделяющем Нюренберг от Мюнхена, первый по сравнению со вторым будет находиться в совершенно иных стратегических условиях; отсюда можно задать себе еще один вопрос: не следует ли вместо Нюренберга укрепить другой, менее значительный пункт, но лежащий ближе к Мюнхену?

Что же касается самого решения в подобных случаях, т. е. ответа на первый вопрос, то нам приходится отослать читателя к тому, что мы сказали в главе об общем плане обороны [1] и о выборе направления для наступления. Там, где находится природное направление для вторжения [2], там мы по преимуществу и поместим наши оборонительные сооружения.

Таким образом, из всех путей, идущих из неприятельской страны к нам, мы по преимуществу будем укреплять самый прямой, ведущий в сердце нашей страны, или же тот, ко-

---

[1] Общий план обороны только отчасти затронут в VI главе 6-й части; в целом же этот вопрос еще будет трактоваться в главах XXVII — XXX 6-й части, а также в 8-й части. — Ред.

[2] В оригинале: «естественный пункт наступления». — Ред.

торый особенно облегчает операции неприятеля, так как пересекает плодородные провинции или тянется вдоль судоходной реки. Наступающий встретит тогда на своем пути эти укрепления; если же он попробует их обойти, то подставит обороняющемуся для естественного и выгодного воздействия свой фланг.

Вена — сердце южной Германии; по отношению к одной Франции (т. е. при условии нейтралитета Швейцарии и Италии) Мюнхен или Аугсбург в качестве главных крепостей имели бы, очевидно, больший смысл, чем Нюренберг или Вюрцбург. А если еще принять во внимание и те пути, которые ведут из Швейцарии через Тироль и из Италии, то это станет еще более очевидным: для этих путей Мюнхен и Аугсбург попрежнему сохраняют свое значение, в то время как Вюрцбург и Нюренберг для них равны нулю.

Теперь обратимся ко второму вопросу, а именно: следует ли располагать крепости лишь вдоль границ или же их следует размещать по всей стране? Прежде всего отметим, что по отношению к небольшим государствам этот вопрос будет праздным, ибо то, что стратегически зовется границей, почти совпадает у них со всей страной. Но чем больше страна, о которой поднят вопрос, тем больше бросается в глаза необходимость дать на него ответ.

Естественным ответом будет указание на то, что место крепостей — на границе, ибо они должны защищать государство, а государство защищено до тех пор, пока защищены его границы. Это утверждение можно признать имеющим общее значение; однако, оно подлежит значительным ограничениям, что будет видно из следующих замечаний.

Всякая оборона, рассчитывающая на внешнюю помощь, придает особое значение выигрышу времени; она не имеет в виду могучего контрудара и стремится к замедленному развитию хода событий, в котором главную роль играет не столько ослабление противника, сколько выигрыш времени. Между тем, по самой природе вещей, при прочих равных условиях, крепости, разбросанные по всей стране, отделенные друг от друга большим пространством, могут быть взяты с большей затратой времени, чем скученные тесным рядом на границе. Далее, во всех тех случаях, когда предполагается одолеть противника вследствие растянутости его

сообщений и трудности его существования, — в странах, которые более всего могут рассчитывать на резкую реакцию, связанную с переходом от обороны к наступлению, было бы полным противоречием сосредоточивать оборону исключительно на границе. Если, наконец, принять во внимание, что укрепление столицы при малейшей к тому возможности составляет главную задачу[1]; что этого также требуют, согласно установленному нами принципу, главные города и главные торговые центры провинций; что реки, пересекающие страну, горы и другие местные рубежи, представляют выгоды новых оборонительных линий; что многие города по своему удобному местоположению как бы сами требуют, чтобы их укрепили; наконец, что известные военные учреждения, как оружейные заводы и пр., выгоднее помещать внутри страны, чем на границе, а по своему значению они вполне заслуживают прикрытия их крепостными сооружениями, то станет очевидным, что имеются основания — в одних случаях большие, в других меньшие — к тому, чтобы устраивать крепости внутри страны. Поэтому мы держимся мнения, что хотя в государствах, обладающих большим числом крепостей, вполне благоразумно размещать их преимущественно на границе, все же было бы крупной ошибкой, если бы внутренность страны была совершенно их лишена. Мы, например, полагаем, что эта ошибка в значительной мере допущена во Франции. По этому поводу может справедливо возникнуть большое сомнение, когда пограничные провинции страны совершенно лишены больших городов, и последние можно встретить лишь далеко позади, что, например, наблюдается в южной Германии: в Швабии почти вовсе нет больших городов, тогда как в Баварии их очень много. Мы не считаем возможным раз навсегда рассеять данное сомнение при помощи общих соображений и полагаем, что в таких случаях при решении вопроса надо руководствоваться особыми условиями данного конкретного случая; при этом мы обращаем внимание читателя на заключительное замечание настоящей главы.

---

[1] Когда Клаузевиц писал эти строки, ни одна из столиц крупных государств не была укреплена. К укреплению Парижа было приступлено лишь в 1841 г., уже после появления в печати труда Клаузевица. — Р е д.

Относительно третьего вопроса — следует ли располагать крепости группами или распределять их более равномерно — при внимательном рассмотрении можно заметить, что он возникает редко. Однако, мы не хотим относить его на этом основании к числу бесполезных ухищрений. Группа, состоящая из двух, трех или четырех крепостей, удаленных от общего центра лишь на несколько переходов, придает этому пункту и армии, находящейся в нем, такую силу, что возникает великое искушение, если обстоятельства сколько-нибудь это дозволяют, устроить у себя такой стратегический бастион.

Последний пункт касается остальных географических условий при выборе пункта под крепость. У моря, на берегах величайших или только крупных рек и в горах крепости оказываются имеющими вдвое большее значение; об этом мы уже говорили, так как это относится к числу основных соображений, влияющих на выбор пункта; но и сверх того остаются условия, которые приходится учитывать.

Если крепость не может быть расположена на берегу большой реки, то лучше ее строить не вблизи реки, а на расстоянии 10—12 миль. Река рассекает и заграждает сферу воздействия крепости во всех отношениях, указанных нами выше [1].

Этого нельзя в той же мере сказать о горах, ибо последние не в такой степени, как реки, связывают движения мелких и крупных масс с отдельными пунктами (переправами. — Ред.). Однако, размещение крепостей на обращенной к неприятелю стороне гор невыгодно, так как притти к ним на выручку представляется затруднительным. Когда они находятся по сю сторону гор, осада их для неприятеля крайне затруднена, ибо горы пересекают его коммуникационную линию. Напоминаем об осаде Ольмюца в 1758 г.

Легко понять, что большие непроходимые леса и болота представляют такие же условия, как и реки [2].

---

[1] Филиппсбург представлял образец неудачно расположенной крепости и напоминал идиота, упершегося носом в стену. — Прим. нем. изд.

[2] Т. е. стесняют сферу воздействия крепостей, почему последние лучше относить от них подальше. — Ред.

Нередко подымался также вопрос, выгодны или нет города, лежащие в очень трудно доступной местности, для устройства у них крепости. Так как их можно укрепить и защищать с меньшими затратами сил и так как при равных затратах они оказываются гораздо сильнее и часто совсем неприступными, а услуги, оказываемые крепостью, всегда носят более пассивный, чем активный, характер, то как-будто мы вправе не придавать чрезмерного значения тому возражению, что их легко блокировать.

Если мы бросим еще раз взгляд на нашу столь простую систему укрепления страны, то будем вправе утверждать, что она покоится на крупных, устойчивых во времени и связанных с основами государства началах и отношениях; следовательно, в ней мы не встретим никаких признаков скоропреходящих, модных взглядов на войну, тонких стратегических измышлений, совершенно индивидуальных требований данного момента, что для крепостей, строящихся на 500 лет или даже на целое тысячелетие, представляло бы ошибку, влекущую за собой самые печальные последствия. Зильберберг в Силезии, построенный Фридрихом II на гребне Судетских гор, при совершенно изменившихся обстоятельствах утратил почти все свое значение; между тем Бреславль, если бы был и остался хорошей крепостью, при всех обстоятельствах сохранил бы свое значение как против французов, так и против русских, поляков и австрийцев.

Пусть читатель не забывает, что эти замечания выдвигаются нами не только на тот случай, когда государство заново обзаводится крепостями; тогда они являлись бы бесполезными, так как этот случай может встретиться лишь крайне редко или даже никогда; мы остановились на них, так как они полностью могут найти применение при устройстве каждой отдельной крепости.

Глава XII

ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ

Каждая позиция, на которой мы, принимая сражение, используем местность как средство защиты, есть п о з и ц и я о б о р о н и т е л ь н а я. В данном случае безразлично,

держимся ли мы более пассивного образа действий или более наступательного. Это вытекает из нашего общего воззрения на оборону.

Можно было бы так назвать и всякую позицию, на которой войска, двигаясь против неприятеля, были бы вынуждены принять сражение в случае неприятельской атаки. По существу большинство сражений так и происходило, а в течение всего средневековья об иных сражениях не было и речи. Громадное большинство позиций носит именно такой характер, но не о нем мы теперь намерены говорить; понятие позиции, в противоположность остановке войск на ночлег на марше[1], здесь достаточно для выяснения сути дела. Но позиция, обозначаемая особо как позиция оборонительная, должна представлять собой нечто иное.

Очевидно, при боевых столкновениях на обыкновенных позициях господствует понятие времени; обе армии идут одна против другой, чтобы встретиться; место — дело второстепенное, от него требуют лишь, чтобы оно было сколько-нибудь приемлемым. На настоящей же оборонительной позиции является господствующим понятие места; решение должно произойти на этом именно месте или точнее — по преимуществу посредством этого места. Лишь о такой позиции здесь будет итти речь.

Значение места здесь бывает двоякое: во-первых, оно будет заключаться в том влиянии, какое расположенные на нем силы будут оказывать на общее положение, а затем в том, что местоположение этих сил явится для них средством обороны и усиления; словом, место имеет значение стратегическое и тактическое.

Лишь из тактических свойств места, строго говоря, происходит выражение оборонительная позиция, ибо стратегические свойства, заключающиеся в том, что размещенные на этом месте вооруженные силы своим присутствием способствуют обороне страны, подойдут в той же мере и к наступательному образу действий.

Стратегическое значение позиции может быть раскрыто с полной ясностью лишь позднее, при рассмотрении во-

---

[1] В оригинале «в противоположность походному лагерю». — Перев.

проса об обороне театра войны; мы здесь о нем упомянем лишь в той мере, в какой это можно сделать теперь же. Предварительно нам надо точнее ознакомиться с двумя понятиями, имеющими между собой большое сходство и вследствие этого часто смешиваемыми, а именно: с о б х о д о м позиции и п р о с л е д о в а н и е м м и м о нее.

Обход позиции относится к ее фронту и производится или с тем, чтобы напасть на позицию с фланга или даже с тыла, или же для того, чтобы перерезать путь отступления и коммуникационную линию.

Первое, т. е. нападение с фланга или с тыла, носит тактический характер. В наши дни, когда подвижность войск велика и все планы сражения более или менее ориентируются на обход и охватывающий бой, всякая позиция должна быть соответственно организована, а позиция, заслуживающая названия сильной, должна при сильном фронте обеспечить по меньшей мере возможность выгодных боевых комбинаций на флангах и в тылу, поскольку им угрожает опасность. Следовательно, обход с целью атаки позиции с фланга или тыла не сводит позицию к нулю; сражение, которое разовьется, будет связываться с значением позиции и должно доставить обороняющемуся те выгоды, какие он вообще мог рассчитывать получить от нее.

Если наступающий о б х о д и т позицию, нацеливаясь на путь отступления и коммуникационную линию, то это явится действием с т р а т е г и ч е с к и м; все будет зависеть от того, как долго позиция может выдержать этот нажим и нет ли средств превзойти противника в давлении на тыл; и то и другое зависит от положения позиции, т. е., главным образом, от условий, в которых находятся сообщения обеих сторон. Хорошая позиция должна в этом отношении давать преимущества обороняющейся армии. Во всяком случае, и здесь позиция не сводится к нулю; напротив, противник, отнесшийся к ней таким образом, сам себя нейтрализует [1].

Но когда наступающий, не заботясь о присутствии сил, поджидающих его на оборонительной позиции, продвигает-

---

[1] Т. е. отказывается от непосредственного удара по нашей живой силе. — Р е д.

ся своими главными силами по другой дороге, то, преследуя свою цель, он проходит мимо позиции; если он может это сделать безнаказанно, то он на самом деле вынуждает нас поспешно покинуть нашу позицию, утрачивающую тогда всякое значение.

Нет почти ни одной позиции на свете, которую в буквальном смысле этого слова миновать было бы нельзя. Невозможность миновать позицию должна, следовательно, вытекать из того невыгодного положения, в которое наступающий себя поставит, пройдя мимо позиции. В чем именно заключаются невыгоды этого положения, мы будем иметь случай более обстоятельно пояснить в дальнейшем, в главе XXVII[1]; велики ли они или малы, во всяком случае эти невыгоды являются эквивалентом утраты тактического воздействия позиции; в задачу входят как тактическое воздействие на атакующего противника, так и постановка его в невыгодное положение при проследовании противника мимо.

Из вышесказанного вытекают два стратегические свойства, требуемые от оборонительной позиции:

1) чтобы мимо нее нельзя было пройти;

2) чтобы в борьбе за сообщения она давала преимущество обороняющемуся.

К этому надо добавить еще два следующих стратегических свойства:

3) чтобы соотношение (между направлением фронта позиции и направлением. — Ред.) коммуникационных линий выгодно влияло на оформление боя и

4) чтобы общее влияние местности было выгодным.

Дело в том, что соотношение (между направлением фронта позиции и направлением. — Ред.) коммуникационных линий не только влияет на возможность пройти мимо позиции или отрезать противнику подвоз продовольствия, но и на весь ход сражения. Отходящий в косом направлении путь отступления облегчает наступающему тактический обход и связывает наши тактические передвижения в ходе сражения. Косое по отношению к коммуникационной линии расположение войск является часто не виною так-

[1] В действительности — в XXVIII главе. — Ред.

тики, а следствием недостатков позиции как стратегического пункта: его, например, совершенно невозможно избежать, когда ведущая в тыл дорога меняет свое направление в районе позиции (Бородино, 1812 г.); в таком случае наступающий находится в направлении, ведущем в обход нас, и при этом сам сохраняет перпендикулярное расположение к своим сообщениям.

Далее наступающий, — если он располагает для своего отступления многими дорогами, тогда как мы ограничены лишь одной, — обладает также преимуществом гораздо большей тактической свободы. В таких случаях тактическое искусство обороняющегося напрасно будет пытаться преодолеть невыгодное влияние, оказываемое стратегическими условиями.

Что же касается, наконец, четвертого пункта, то различные условия местности могут в своей сумме оказать столь невыгодное воздействие, что даже самый тщательный выбор и самое целесообразное применение тактических мероприятий окажутся бессильными. Отметим главнейшие обстоятельства.

1. Обороняющийся должен прежде всего добиваться преимущества над противником в обзоре и иметь возможность в пределах своей позиции быстро передвигать свои силы, чтобы на него броситься. Лишь там, где доступ наступающему затруднен рельефом и где налицо оба вышеуказанные условия, местность действительно благоприятствует обороняющемуся.

Напротив, невыгодными являются пункты, находящиеся под воздействием командующей над ними местности; далее — большинство горных позиций (о чем мы будем еще говорить особо в главах о войне в горах); затем — позиции, примыкающие флангом к горам: хотя такое положение и затрудняет противнику движение мимо позиции, зато облегчает ее обход; также невыгодными будут позиции, имеющие вблизи перед собой горы; невыгодными будут и другие свойства, о которых можно заключить из вышеупомянутых требований к местности.

Обратным этим невыгодным условиям явится случай, когда позиция имеет в своем тылу горы; отсюда вытекает столько выгод, что в общем можно признать такое поло-

жение за одно из наиболее благоприятных для оборонительной позиции.

2. Местность может в большей или меньшей степени соответствовать характеру армии и ее составу. Большой перевес в кавалерии с полным основанием заставляет нас искать позицию на открытой местности. Недостаток в этом роде войск, а, пожалуй, и в артиллерии, при наличии пехоты, обладающей боевым опытом, знающей местность и воодушевленной энергией, подсказывает выбор трудной пересеченной местности.

Здесь нам не приходится подробно говорить о тактическом соотношении между местными условиями оборонительной позиции и вооруженными силами; нас интересует лишь общий вывод, так как он один представляет стратегическую величину.

Бесспорно, позиция, на которой армия хочет выждать до конца наступления неприятеля, должна предоставлять ей значительные выгоды; позиция должна быть такова, чтобы на нее можно было смотреть, как на множитель сил армии. Где природа сделала многое, но все же недостаточно по сравнению с нашими пожеланиями, там приходит нам на помощь фортификационное искусство. При его содействии часто удается сделать отдельные участки совершенно н е п р и с т у п н ы м и; ничего необыкновенного не будет, если и вся позиция окажется таковою. Очевидно, что в последнем случае вся природа мероприятий меняется. Теперь уже мы не ищем сражения в благоприятных условиях, а в этом сражении — успеха всей кампании; мы добиваемся успеха без боя. Располагая свои силы на неприступной позиции, мы просто отказываемся от сражения и вынуждаем противника искать решения иным способом.

Таким образом, мы должны совершенно отделить друг от друга оба случая и поговорим о последнем из них в следующей главе под заглавием «К р е п к и е п о з и ц и и и у к р е п л е н н ы е л а г е р и».

Та оборонительная позиция, о которой мы здесь говорим, должна быть не чем иным, как полем сражения, представляющим повышенные для нас выгоды; и для того чтобы она стала полем сражения, благоприятствующие нам условия не должны быть доведены до ч р е з м е р н о с т и. До

какого же предела может быть доведена сила такой позиции? Очевидно, она должна быть тем сильнее, чем больше у нашего противника решимости атаковать; таким образом, ответ заключается в оценке данного конкретного случая. Когда перед нами Бонапарт, мы можем и должны отойти за более сильное прикрытие, чем когда имеем дело с каким-нибудь Дауном или Шварценбергом.

Если отдельные части позиции неприступны, например фронт, то на это надо смотреть, как на частичный фактор ее силы в целом, ибо те войска, которые не требуются в этих пунктах, можно применить на других участках. Но нельзя упускать из виду того обстоятельства, что раз неприятель окажется совершенно бессильным против этих неприступных участков, то форма его наступления приобретает совершенно иной характер, и надо еще дать себе отчет, будет ли отвечать такое изменение нашим ингересам.

Например: расположиться за значительной рекой настолько близко, что она может рассматриваться как преграда, усиливающая наш фронт (что порой и имело место), означает не что иное, как сделать реку опорным пунктом для нашего левого или правого фланга; противник, естественно, окажется вынужденным переправиться через реку правее или левее и атаковать, совершив захождение фронтом; таким образом, главный вопрос будет заключаться в том, какие это принесет нам выгоды или невыгоды.

На наш взгляд оборонительная позиция тем больше будет приближаться к своему идеалу, чем труднее разгадать ее действительную силу и чем больше мы будем иметь случаев поразить противника внезапностью наших боевых комбинаций. В той же мере, в какой необходимо скрывать от неприятеля количество и направление наших сил, мы должны скрывать от него и те выгоды, которые мы предполагаем извлечь из характера местности. Правда, здесь можно достигнуть лишь известного предела, и притом требуются особые, еще мало изведанные приемы.

Близость значительной крепости, в каком бы направлении она ни находилась, доставляет позиции огромное преимущество над противником в свободе передвижения и использования своих сил; целесообразным применением поле-

вых укреплений можно возместить недостаток природной силы отдельных пунктов; этим путем можно по произволу заранее очертить основные линии предстоящего боя. Таковы средства усиления, которые нам дает искусство. Если к этому присоединить удачный выбор препятствий, образуемых местностью и могущих затруднить действия неприятельских сил, но не делающих их невозможными; если мы будем стараться извлечь все выгоды из тех обстоятельств, что мы подробно знакомы с полем сражения, а неприятель — нет, что мы имеем возможность лучше скрыть наши мероприятия, чем он свои, и что вообще с началом боя превосходство в средствах внезапности будет находиться на нашей стороне, — то из всех этих отдельных условий может возникнуть подавляющее, решительное влияние местности, под мощью которого неприятель будет изнывать и притом так, что даже и не узнает истинной причины своего поражения. Вот, что мы разумеем под о б о р о н и т е л ь н о й п о з и ц и е й, представляющей одно из главных преимуществ оборонительной войны.

Безотносительно к каким-либо особым обстоятельствам можно признать, что волнообразная, не слишком сильно, но и не чересчур слабо возделанная и застроенная местность представляет лучшие позиции такого рода.

Глава XIII

КРЕПКИЕ ПОЗИЦИИ И УКРЕПЛЕННЫЕ ЛАГЕРИ

В прошлой главе мы указали, что позиция, настолько естественно сильная и хорошо укрепленная, что ее следует признать неприступной, совершенно утрачивает значение выгодного поля сражения и, следовательно, получает другой смысл. В настоящей главе мы рассмотрим ее особенности; так как по своей природе она близка к крепости, то мы назовем ее к р е п к о й п о з и ц и е й.

Не так легко создать такую позицию одним возведением укреплений — разве лишь в виде укрепленного лагеря при крепости; еще реже встретятся природные крепкие позиции, образованные естественными преградами. Нужна комбинация удачных природных условий и фортификационного искусства. Такие позиции часто называют у к р е п л е н-

ными лагерями, или укрепленными позициями, между тем последнее название может подойти ко всякой позиции, на которой возведено большее или меньшее количество укреплений, но которая, однако, не имеет ничего общего с характером той позиции, о которой в данном случае идет речь.

Смысл крепкой позиции сводится к тому, чтобы сделать группирующиеся на ней вооруженные силы как бы неуязвимыми; посредством этого можно или действительно защитить непосредственным образом известное пространство, или же защитить только вооруженные силы, расположенные на крепкой позиции, дабы посредством них косвенным образом оказать защищающее страну воздействие. Первое значение имели укрепленные линии в прежних войнах, например, на границе Франции, второе — обращенные фронтами во все стороны, расположенные у крепостей укрепленные лагери.

Когда фронт позиции настолько укреплен окопами и искусственными препятствиями, что атака на него становится невозможной, неприятель вынуждается к обходу его, дабы предпринять атаку с фланга или с тыла. Чтобы затруднить такие действия, старались отыскать опорные пункты, на которые фланги этих укрепленных линий могли бы в достаточной мере опираться; таковыми опорами являлись, например, Рейн и Вогезы в Эльзасских линиях. Чем длиннее фронт укрепленной линии, тем легче обеспечить ее от обхода, ибо каждый обход сопряжен для обходящего с известной опасностью, повышающейся соответственно с увеличением необходимого отклонения от первоначального направления его сил. Таким образом, фронт значительной длины, который удалось сделать неприступным, и хорошие опорные пункты давали возможность непосредственно защищать от неприятельского вторжения значительное пространство; по крайней мере, такова была точка зрения, послужившая основанием для создания подобных сооружений; таково было значение линий в Эльзасе, опиравшихся правым крылом на Рейн, а левым — на Вогезы, и Фландрских линий в 15 миль длины, опиравшихся правым флангом на Шельду и крепость Турнэ, а левым — примыкавших к морю.

Но если не имеется такого длинного и сильного от природы фронта и нет хороших опорных пунктов для флангов, а тем не менее требуется удержать за собой местность посредством укрепившихся вооруженных сил, то последние (и их позиция) для ограждения себя от обхода должны иметь возможность поворачивать фронт в любом направлении. При этом, однако, исчезает понятие действительно прикрытого пространства, ибо такая позиция стратегически может рассматриваться лишь как точка, прикрывающая вооруженные силы и этим дающая им возможность удерживать за собой страну, т. е. удерживаться в стране. Такой лагерь обойти уже нельзя, т. е. на него нельзя напасть с фланга или с тыла как с более слабых его сторон, так как он обращен фронтом во все стороны и всюду одинаково силен, но пройти мимо такого лагеря возможно и притом гораздо легче, чем мимо укрепленной линии, ибо он имеет лишь незначительное протяжение.

Укрепленные лагери, расположенные у крепостей, принадлежат к этому второму виду, ибо их назначение — защищать сосредоточенные в них войска; но дальнейшее их стратегическое значение, определяемое применением укрытой в них вооруженной силы, несколько отличается от значения прочих укрепленных лагерей.

Указав порядок возникновения этих трех средств обороны, мы перейдем к рассмотрению их ценности и обозначим их следующими именами: укрепленные линии, крепкие позиции и укрепленные лагери при крепостях.

1. Линии. Они являются самым пагубным видом кордонной системы обороны; препятствие, представляемое ими для наступающего, имеет известную ценность лишь тогда, когда оно защищается сильным огнем, само же по себе оно ничтожно. Та растяжка армии, при которой еще сохраняется достаточная действительность огня, является по сравнению с протяжением страны крайне ограниченной. Поэтому укрепленные линии могут быть лишь весьма короткими и прикрывающими только небольшую часть страны, в противном случае войска окажутся не в состоянии действительно защищать все их протяжение. Отсюда возникла

мысль не защищать все пункты такой линии, а лишь наблюдать за ними и оборонять эти линии при помощи расположенных позади резервов, подобно тому как можно оборонять не слишком широкую реку; однако, этот прием противоречит природе данного средства. Если естественные препятствия, образуемые местностью, так велики, что подобный способ обороны оказался бы возможным, то окопы были бы бесполезными и даже опасными, ибо этот способ обороны не местный [1], а окопы пригодны лишь для местной обороны; если же смотреть на укрепления, как на главные препятствия доступу, то само собой понятно, как мало значения могут иметь в качестве преграды н е о б о р о н я е м ы е окопы. Что может значить ров в 12 или хотя бы в 15 футов [2] глубины и вал в 10—12 футов высоты против сосредоточенных усилий многих тысяч людей, не встречающих помехи от огня противника? В результате получается, что такие линии, если они были короткими и, значит, занимались относительно сильно, подвергались обходу, если же они были растянуты и недостаточно сильно заняты, то их атаковали с фронта и овладевали ими без особого труда.

Так как подобные линии приковывают войска к местной обороне и отнимают у них всякую подвижность, то они представляют крайне неудачное средство против предприимчивого противника. Если же они тем не менее довольно долго применялись даже в недавних войнах, то причина этого заключалась лишь в ослаблении стихии войны, когда кажущаяся трудность часто вызывает такие же результаты, как и действительная. Впрочем, в большинстве кампаний этими линиями пользовались лишь для второстепенной обороны против набегов; хотя они и приносили при этом некоторую пользу, все же надо иметь в виду, сколько можно было бы выполнить более полезных дел на других пунктах при помощи войск, требовавшихся для их обороны. В последних войнах о них, конечно, не могло быть

---

[1] Т. е. требует активных действий, а не упорного отстаивания местности. — Р е д.

[2] Фут равен 30,48 сантиметра. — Р е д.

и речи, да мы и не находим от них здесь даже следа, и сомнительно, чтобы они снова когда-либо возникли[1].

2. Позиции. Оборона известного района (этот вопрос будет более подробно рассмотрен в XXVII главе) продолжается до тех пор, пока предназначенные для этого вооруженные силы удерживаются в нем, и прекращается лишь с момента, когда они его покидают и предоставляют своей участи.

Таким образом, если вооруженные силы должны удерживаться в стране, на которую напал неприятель, располагающий большим превосходством сил, то средства к этому будут заключаться в том, чтобы оградить эти вооруженные силы от неприятельского меча посредством неприступной позиции.

Так как такие позиции, как мы уже говорили, должны образовывать фронт во всех направлениях, то при обычной тактической растянутости занимаемых войсками участков и не слишком больших силах (очень крупные силы, впрочем, противоречили бы самой природе данного случая) они могли бы занять весьма малое пространство, а таковое в течение боя подверталось бы стольким неблагоприятным воздействиям, что, как бы эти позиции ни были усилены всевозможными фортификационными сооружениями, едва ли можно было бы рассчитывать на успешность сопротивления[2]. Поэтому такой лагерь, об-

---

[1] Клаузевиц преждевременно похоронил это могущественное средство обороны, применявшееся римлянами (например, Троянов вал), китайцами (Великая стена), русскими (засечная черта), южными немцами (Шварцвальденские линии). Зачатки растянутых позиций встречаются уже в русско-турецкой войне 1877—1878 гг., в русско-японскую войну на р. Шахэ выросли линии протяжением в 80 километров, в мировую войну линии выросли на тысячи километров. Основная причина этого воскрешения линий — автоматическое оружие, обеспечивающее достаточную плотность огня и на широких фронтах. — Ред.

[2] Нормальная плотность боевых порядков эпохи Клаузевица — 10 бойцов на 1 метр фронта; таким образом, армия силой в 40 000 человек нормально могла занять фронт в 4 километра; обороняясь во все стороны, она могла бы удерживать площадь, лишь немногим превышающую 1 километр; о совершенной недостаточности последней и говорит Клаузевиц. — Ред.

ращенный фронтом по всем направлениям, должен по необходимости иметь стороны более значительной длины; притом эти стороны должны быть почти неприступными. Но никакое фортификационное искусство не будет в силах придать им, несмотря на их протяженность, такую силу, откуда вытекает основная предпосылка устройства подобного лагеря: наличие естественных препятствий, делающих одни участки его обвода совершенно недоступными, другие же — трудно доступными. Таким образом, чтобы иметь возможность применить крепкую позицию как средство обороны, необходима наличность такой естественной позиции, а где ее нет, цель не может быть достигнута при помощи одних фортификационных сооружений. Эти выводы относятся, главным образом, к тактике, но крепкие позиции являются также действительным стратегическим средством: укажем на примеры Пирны, Бунцельвица, Кольберга, Торрес-Ведраса и Дриссы. Что касается стратегических свойств крепких позиций, то, разумеется, первым условием является обеспечение продовольствием размещенных в лагере войск на некоторое время, т. е. на тот период, в течение которого лагерь будет сохранять свое значение; это может быть достигнуто лишь в том случае, если позиция имеет в своем тылу гавань (Кольберг и Торрес-Ведрас), или если она находится в непосредственной связи с крепостью (Бунцельвиц и Пирна), или же если внутри или поблизости лагеря имеется большой склад провианта (Дрисса) [1].

Только в первом случае снабжение может быть обеспечено на неопределенное время; во втором же и в третьем случаях — лишь на более или менее ограниченный период, и в этом отношении всегда будет грозить известная опасность. Отсюда видно, что трудности снабжения продовольствием исключают возможность использовать как крепкую позицию множество сильных пунктов, которые в других отношениях были бы для этого весьма пригодны; это делает соответствующие пункты чрезвычайно р е д к и м и.

Дабы познакомиться с воздействием такой позиции, с

---

[1] Клаузевиц лично рекогносцировал Дриссу в 1812 г., разгадал лживость связанной с нею идеи и существенно повлиял на ее оставление. См. «Hinterlassene Werke», том VIII, стр. 18—27. — Р е д.

сопряженными с нею выгодами и опасностями, мы должны задать вопрос: что может предпринять против нее наступающий?

а) Наступающий может пройти мимо такой крепкой позиции, продолжать свои операции и оставить для наблюдения за нею большее или меньшее число войск.

Здесь мы должны отметить различие между двумя случаями: когда укрепленная позиция занята главными силами и когда она занята отрядами второстепенного порядка.

В первом случае движение наступающего мимо крепкой позиции может явиться полезным для него лишь тогда, когда, помимо главных сил обороняющегося, у него имеется еще другой р е ш а ю щ и й о б ъ е к т н а с т у п л е н и я, например, овладение крепостью, столицей и т. п. Но и при наличии такого объекта он может стремиться достигнуть его лишь при условии, что прочность его базиса и положение коммуникационной линии обеспечивают его от опасности воздействия на стратегический фланг.

Если мы отсюда заключим о допустимости и действительности крепкой позиции для главной массы боевых сил обороняющегося, то это окажется правильным или тогда, когда воздействие на стратегический фланг наступающего весьма решительно и можно заранее быть уверенным, что наступление удастся задержать раньше, чем оно достигнет опасного для обороны развития, или тогда, когда вовсе отсутствуют достижимые для наступающего объекты, за которые обороняющемуся приходилось бы опасаться. Если такой объект существует и угроза флангу наступающего недостаточно серьезна, то позицию или вовсе не нужно удерживать, или можно попытаться удержать ее лишь в виде опыта или для вида: может быть, противник захочет уважить ее значение; однако, при этом всегда будет грозить опасность, что если это не будет иметь места, то войска обороняющегося уже не успеют явиться на защиту угрожаемого объекта.

Если сильная позиция занята лишь отрядом второстепенного порядка, то у наступающего никогда не будет недостатка в другом объекте наступления, ибо таковым могут

быть главные силы противника; в этом случае значение позиции ограничивается тем воздействием, какое она может оказать на стратегический фланг неприятеля; следовательно, оно будет связано с условиями воздействия на неприятельские сообщения.

б) Наступающий может, не решаясь пройти мимо позиции, полностью блокировать ее и принудить посредством голода к сдаче. Но это требует наличия двух условий: первое — чтобы у позиции не было свободного тыла и второе — чтобы наступающий был достаточно силен для полного окружения.

Если оба эти условия будут налицо, то хотя наступающие силы и окажутся в течение некоторого времени нейтрализованными укрепленным лагерем, но за эту выгоду обороняющийся поплатится потерей собранных в лагере вооруженных сил.

Отсюда следует, что прибегать к такому мероприятию, как занятие главными силами крепкой позиции, можно лишь в следующих случаях:

когда имеется вполне обеспеченный тыл[1] (Торрес-Ведрас);

когда можно предвидеть, что превосходство сил противника явится недостаточным для того, чтобы полностью блокировать наш лагерь; если неприятель при недостаточном превосходстве сил все же попытался бы это сделать, то мы оказались бы в состоянии выйти с успехом из лагеря и разбить его по частям;

когда можно рассчитывать на выручку, как это ошибочно допустили саксонцы в 1756 г в Пирне и как это в действительности оправдалось в 1757 г. после сражения под Прагой: на самую Прагу надо смотреть, как на укрепленный лагерь, в котором принц Карл не дал бы себя окружить, если бы не знал, что его может освободить моравская армия.

Таким образом, одно из этих трех условий совершенно необходимо, чтобы оправдать занятие главными силами крепкой позиции; и все же мы должны согласиться, что последние два условия связаны с крупным риском.

---

[1] Т. е. море при господстве на нем нашего флота. — Ред.

Но когда речь идет о второстепенном отряде, которым в крайнем случае можно и пожертвовать для блага целого, то эти условия отпадают, и вопрос сводится лишь к тому, действительно ли такой жертвой предотвращается еще большее зло. Это, правда, имеет место редко, но невозможным признать такой случай нельзя. Укрепленный лагерь под Пирной помешал Фридриху Великому осуществить свое вторжение в Богемию еще в 1756 г. Австрийцы находились тогда в состоянии такой неготовности, что потеря Богемского королевства[1] представлялась несомненной, а с этим, вероятно, была бы сопряжена бо́льшая потеря людей, чем те 17 000 союзников, которые капитулировали в лагере под Пирной.

в) Если наступающему не представляется ни одной из возможностей, указанных в пунктах «а» и «б», и, следовательно, условия, выставленные нами в данном случае для обороняющегося, выполнены[2], то, конечно, наступающему остается только остановиться перед позицией, распространиться при помощи выделенных отрядов возможно шире по стране, довольствоваться мелкими, не решающего значения выпадами и предоставить будущему подлинное решение вопроса о владении данной областью. В этом случае позиция выполнила свою задачу.

3. У к р е п л е н н ы е л а г е р и п р и к р е п о с т я х. Как мы уже сказали, они принадлежат в общем к классу крепких позиций, поскольку их задача: не прикрывать территорию, а защищать вооруженные силы от неприятельской атаки; они отличаются от двух предшествующих видов лишь в том отношении, что вместе с крепостью составляют одно нераздельное целое, благодаря чему, конечно, приобретают гораздо бо́льшую силу.

При этом выявляются еще следующие особенности:

а) Они могут иметь еще особое назначение: или сделать осаду крепости совершенно невозможной, или же крайне затруднить ее. Ради этой цели можно пожертвовать зна-

---

[1] Т. е. области. — Р е д.

[2] Т. е. если наступающий не может ни пройти мимо, ни окружить «крепкую позицию». — Р е д.

чительным числом войск, если крепость является гаванью, которую блокировать нельзя; во всех же других случаях можно опасаться, что укрепленный лагерь падет вследствие голода слишком рано, чтобы оправдать пожертвование значительным числом войск.

б) Укрепленные лагери при крепостях могут быть устроены для меньшего количества войск, чем в открытом поле: 4 000—5 000 человек под стенами крепости могут оказаться непобедимыми, в то время как в открытом поле они, несомненно, погибли бы даже в самом сильно укрепленном лагере, какой только может существовать.

в) Они могут служить для сбора и завершения подготовки вооруженных сил, еще не обладающих достаточной внутренней спайкой, чтобы их можно было поставить в соприкосновение с неприятелем без защиты крепостных валов — например, новобранцев, ландвера, ландштурма и т. д.

Таким образом, укрепленные лагери при крепостях могли бы представить собой разностороннее полезное средство, заслуживающее настойчивой рекомендации, если бы не были связаны с существенной невыгодой: они более или менее вредят крепости, если не представляется возможности занять их войсками; снабжать же всегда крепость таким гарнизоном, которого сколько-нибудь хватало бы и на такой укрепленный лагерь, чрезвычайно трудно.

Поэтому мы склоняемся к тому, чтобы рекомендовать их устройство лишь в приморских крепостях, а в остальных случаях считать их скорее вредными, чем полезными.

В заключение, чтобы охватить общим резюме наше мнение, мы скажем, что крепкие позиции и укрепленные лагери:

1) тем необходимее, чем меньше страна и чем меньше у обороняющегося пространства для отступления;

2) тем менее опасны, чем вернее можно рассчитывать на помощь и выручку, будь то со стороны других сил, или же наступления сурового времени года, или народного восстания, или лишений в армии наступающего и пр.;

3) тем действительнее, чем слабее стихийная сила неприятельского натиска.

Глава XIV

ФЛАНГОВЫЕ ПОЗИЦИИ

Лишь для того, чтобы в нашем труде было легче отыскать это столь выдающееся в обычном обиходе военных идей понятие, мы, по примеру словарей, отводим ему отдельную главу, не думая при этом, чтобы под ним разумелось нечто самостоятельное.

Всякая позиция, которая должна удерживаться даже в том случае, когда неприятель следует мимо нее, представляет собою фланговую позицию, ибо с того момента, как противник проследовал мимо, она не может оказывать никакого иного воздействия, кроме воздействия на стратегический фланг противника. Отсюда все крепкие позиции в то же время являются и фланговыми позициями, так как, ввиду невозможности их атаковать и необходимости для неприятеля их миновать, вся ценность этих позиций сводится лишь к их воздействию на его стратегический фланг. Тянется ли действительный фронт крепкой позиции параллельно стратегическому флангу неприятеля, как под Кольбергом, или перпендикулярно, как в Бунцельвице и Дриссе, — совершенно безразлично, ибо крепкая позиция должна быть готова обратить фронт в любую сторону.

Но можно удерживать за собою позицию, и не являющуюся неприступной, при проследовании неприятеля мимо нее, если только ее положение предоставляет такие преимущества в отношении путей отступления и коммуникационных линий, что можно произвести успешное нападение на стратегический фланг продвигающегося вперед противника и при этом последний, имея под угрозой свои сообщения, не будет в силах полностью отрезать нам пути отступления. При отсутствии последнего обстоятельства мы рисковали бы быть вынужденными к сражению, имея отрезанными пути отступления, так как наша позиция не является крепкой, т. е. неприступной.

Кампания 1806 г. поясняет нам это примером. Расположение прусской армии на правом берегу р. Заалы могло бы вполне обратиться по отношению к продвижению Бонапарта через Гоф в позицию фланговую, если бы прус-

саки повернулись фронтом к Заале и в этом положении выжидали дальнейших событий.

Если бы в данном случае не было несоответствия физических и моральных сил и если бы во главе французских войск стоял генерал вроде Дауна, то прусская позиция блистательно оправдала бы себя. Пройти мимо нее было совершенно невозможно, что признал сам Бонапарт, решив ее атаковать; при этом самому Наполеону не удалось полностью отрезать линию отступления. При меньшем несоответствии моральных и физических сил было бы столь же невозможно отрезать путь отступления с позиции, как и пройти мимо нее, ибо поражение левого крыла прусской армии грозило ей гораздо меньшей опасностью, чем угрожало бы французской армии поражение ее левого крыла. Даже при несоответствии моральных и физических сил решительное и обдуманное командование давало бы еще большие надежды на победу. Ничто не мешало герцогу Брауншвейгскому 13-го принять такие меры, чтобы на рассвете 14-го противопоставить свои 80 000 человек тем 60 000 человек, которые Бонапарт перевел через Заалу у Иены и Дорнбурга. Если бы этого превосходства сил и крутых берегов долины Заалы в тылу французов и не оказалось достаточным, чтобы дать решительную победу, все же следовало ожидать, что исход боев сам по себе будет вполне удовлетворительным; а если и в этой обстановке нельзя было добиться счастливого исхода, то, значит, вообще следовало отложить мысль о любых решительных действиях в этом районе и надлежало отступать далее, чтобы этим усилить себя и ослабить противника.

Таким образом, хотя прусская позиция на Заале и не являлась неприступной, она все же могла рассматриваться как фланговая по отношению к пути, проходившему через Гоф; однако, — как всякая позиция, доступная атаке, — она не имела в абсолютной степени свойства фланговой позиции, ибо становилась такой лишь при условии, что неприятель не решится ее атаковать.

Еще менее отвечало бы ясному представлению о фланговой позиции расположение, не могущее быть удержанным, если неприятель будет следовать мимо. Одно лишь то обстоятельство, что обороняющийся может напасть на войска

наступающего сбоку, не дает права называть такое расположение фланговой позицией, потому что фланговая атака имеет мало связи собственно с самой позицией; она, по меньшей мере в главном, не проистекает из ее свойств, как то имеет место при воздействии на стратегический фланг.

Отсюда следует, что относительно свойств фланговой позиции не приходится устанавливать что-либо новое. Здесь будет уместно сказать лишь несколько слов о характере этого мероприятия; при этом мы вовсе не будем иметь в виду крепких позиций в собственном смысле, о которых сказано было уже достаточно.

Фланговая позиция, не являющаяся неприступной, представляет собою весьма действительное, но поэтому-то и крайне опасное орудие. Если наступающий поддастся ее чарам и остановится, то мы достигнем крупного результата с незначительной затратой сил; это будет подобно давлению, оказываемому мизинцем на длинный рычаг строгого мундштука. Но если действие окажется слишком слабым и не сможет пригвоздить наступление противника, то обороняющийся окажется пожертвовавшим в большей или меньшей степени своим отступлением и будет вынужден или попытаться поспешно ускользнуть кружными путями, — следовательно, в крайне неблагоприятных условиях, — или же подвергнуться риску сражаться без пути отступления. Против отважного, обладающего моральным превосходством противника, ищущего решительной схватки, это средство является в высшей степени рискованным и совершенно неуместным, как было отмечено нами на примере 1806 г. Наоборот, против осторожного неприятеля и в войнах, имеющих характер взаимного наблюдения, оно может служить одним из лучших средств, могущих быть использованными талантом обороняющегося. Примерами могут служить оборона реки Везера герцогом Фердинандом [1] при помощи позиции на левом берегу и известные позиции при Шмотзейфене и Ландсгуте, — хотя, правда, последний случай иллюстрирует всю опасность неправильного применения этого средства катастрофой корпуса Фукэ в 1760 г.

[1] Брауншвейгским Все примеры из Семилетней войны. — Ред

Глава XV

ОБОРОНА В ГОРАХ

Влияние, оказываемое горами на ведение войны, чрезвычайно велико; следовательно, этот вопрос весьма важен для теории. Поскольку же это влияние вводит задерживающее начало в военные действия, оно прежде всего относится к обороне; поэтому мы рассмотрим его здесь, но не будем ограничиваться узкими пределами понятия обороны в горах. Так как при рассмотрении этого вопроса мы приходим к выводам, противоречащим во многих отношениях общепринятому мнению, то нам придется войти в некоторые подробности.

Прежде всего рассмотрим тактические свойства обороны в горах, дабы установить точку соприкосновения со стратегией.

Бесконечные трудности, сопряженные с движением крупных колонн по горным дорогам, и необычайная сила, которую приобретает ничтожный отряд, прикрытый с фронта крутым скатом, а справа и слева — ущельями, на которые он может опереться, бесспорно, представляют два обстоятельства, издавна дававшие обороне в горах общее право на признание действенности и силы и заставлявшие воздерживаться от нее крупные массы вооруженных сил.

Когда колонна, извиваясь, как змея, с трудом тянется по узким ущельям в гору и медленно, как улитка, переползает через нее, а артиллеристы и обозные с криком и руганью подгоняют ударами бича своих замореных кляч по дорогам, представляющим глубоко врезанные рытвины; когда каждую ломающуюся повозку приходится с несказанным трудом удалять с пути, в ожидании чего все позади останавливается, клянет и ругается, — в такие минуты каждому приходит в голову, что стоит неприятелю появиться с несколькими сотнями людей, чтобы погнать все это воинство обратно. Отсюда родилось выражение историков, повествующих о теснинах, в которых горсть людей могла задержать целую армию. Между тем, каждому известно, — или должно быть известно, если он знаком с войной, — что такое походное движение через горы не

имеет ничего общего с атакой их и что поэтому умозаключение от этой трудности к еще большей трудности атаки в корне неправильно [1].

Вполне естественно, что к подобному заключению приходит человек неопытный, и почти так же естественно, что и военное искусство в известную эпоху само впало в эту ошибку; влияние, оказываемое горами, представляло для человека, опытного в военном деле, почти такую же новость, как и для профана. До Тридцатилетней войны, — при тогдашней глубине боевого порядка, многочисленности кавалерии, неусовершенствованном огнестрельном оружии и других особенностях того времени, — пользование значительными препятствиями, образуемыми рельефом, было непривычно, а настоящая оборона в горах, по крайней мере регулярными войсками, являлась делом почти невозможным. Лишь когда боевой порядок сделался более растянутым, причем пехота и ее огнестрельное оружие выступили на первый план, начали обращать внимание на горы и долины. Однако, прошло еще 100 лет до полного освоения гор военным искусством, что последовало в половине XVIII столетия.

Второе обстоятельство, а именно — громадная способность к сопротивлению, приобретаемая малым отрядом благодаря трудно доступной позиции, должно было еще больше утвердить во мнении о великой силе обороны в горах. Казалось, что стоит только вывод о таком небольшом отряде в трудном проходе помножить на известное число, чтобы распространить его от батальона на армию, от отдельной горы на горную цепь.

Не подлежит сомнению, что небольшой отряд, удачно выбравший позицию в горах, приобретает необычайную силу. Небольшая часть, которую на равнине легко прогнали бы несколько эскадронов кавалерии и которая сочла бы себя счастливой, если бы поспешным отступлением ей удалось спастись от разгрома и плена, имеет возможность в горах с известной, мы сказали бы, тактической наглю-

---

[1] Точное и блестящее изложение Клаузевицем ошибочной роли представлений о тактике в горах заслуживает и теперь полного внимания. — Ред.

стью выступить на глазах целой неприятельской армии и потребовать от последней, чтобы ей, небольшой кучке, были оказаны почести по-военному — методическим наступлением, обходом и пр. Дело тактики — развить метод, помощью которого небольшая кучка достигает такой способности к сопротивлению, используя местные преграды, фланговые опорные пункты, новые позиции, лежащие на пути ее отступления; мы же берем факт как данную опыта.

Вполне естественно было думать, что значительное число таких отрядов, способных к сильному сопротивлению и расположенных один возле другого, должны были бы образовать очень сильный, почти неуязвимый фронт и что оборона в горах сводилась бы лишь к тому, чтобы обеспечить себя от обхода растягиванием фронта вправо и влево, пока не найдутся опорные пункты, соответствующие важности целого, или же до тех пор, пока не выяснится, что само протяжение фронта уже является обеспечением его от обхода. Горная страна представляет особенно большой соблазн в этом отношении, ибо она предлагает для позиций такое множество пунктов, один лучше другого, что просто не знаешь, на чем остановиться. Дело обычно кончается тем, что занимают отрядами на известном пространстве все горные проходы и защищают их, причем надеются, что, заняв таким образом 10 или 15 отрядами протяжение в 10 и более миль, наконец обеспечили себя от ненавистного обхода. Так как эти отдельные отряды казались тесно связанными между собою недоступной местностью (невозможно же двигаться колоннами вне дорог), то полагали, что неприятелю противопоставлена непроницаемая стена. На всякий случай оставляли в резерве несколько батальонов пехоты, несколько конных батарей и дюжину эскадронов кавалерии на случай, если где-нибудь произойдет неожиданный прорыв.

Никто не станет отрицать историческую верность этого представления о горной обороне, но нельзя утверждать, что мы окончательно отделались от такого представления, несмотря на всю его несообразность.

Ход развития тактики со времен средневековья при все возрастающей численности армии тоже способствовал

тому, чтобы втянуть горные местности в сферу военных действий.

Основной характер обороны гор — это абсолютная пассивность; поэтому, пока армии еще не приобрели присущей им в наши дни подвижности, тяготение их к горной обороне было довольно естественно. Между тем, армии становились все крупнее и крупнее, учитывая действия огня, все более вытягивались в длинные и узкие линии; сохранение непрерывности фронта требовало высочайшего искусства, а движения были крайне затруднительны и почти невозможны. Выстраивание этой искусственной машины занимало почти полдня; на него уходила половина сражения и к нему относилось почти все, что ныне учитывается при составлении плана сражения. Закончив эту сложную работу, трудно было уже при появлении новых обстоятельств внести какие-либо изменения; вследствие этого наступающий, завершавший свое развертывание позже обороняющегося, имел возможность сообразовывать таковое с позицией последнего, лишенного возможности соответственно изменить свой распорядок. Таким путем атака приобрела общий перевес, и оборона не имела никакой иной возможности уравновесить это преимущество, как находя защиту в естественных местных преградах [1], а таковые нигде не встречаются в большем количестве и не являются более действительными, чем в горной местности. Поэтому старались до известной степени спаривать армию с надежным участком местности, и оба совместно делали свое общее дело. Батальон защищал гору, а гора — батальон. В результате этого пассивная оборона приобретала в горной местности значительную силу. Особой беды от этого не было, за исключением еще большей потери свободы движений; но последней, впрочем, и в других случаях не умели надлежащим образом пользоваться.

Где две враждебные системы воздействуют одна на другую, там более слабые стороны, т. е. уязвимые точки одной системы, всегда привлекают удары другой. Если обороня-

---

[1] Эта мысль неоднократно повторяется в различных частях труда. — Ред.

ющийся занимает ряд пунктов, представляющих собою каждый прочную и непреодолимую позицию, но остается неподвижным, окаменелым, то отсюда наступающий почерпнет смелость для обхода: ему уже нечего опасаться за свои собственные фланги. Это и имело место в действительности: система обходов[1] вошла в порядок дня; чтобы противодействовать обходам, стали все более и более растягивать позиции, что ослабило занятие их фронта; тогда атака вдруг устремилась на последний; вместо того чтобы путем еще большего растягивания своего фронта охватывать оборону, наступающий сосредоточивал массу своих войск на одном пункте и прорывал линию. Приблизительно такое оформление получила горная оборона в современной военной истории.

Таким путем наступление снова приобрело перевес и притом, главным образом, благодаря все более увеличивавшейся подвижности. И оборона могла бы найти для себя спасение только в подвижности, но гористая местность по самой своей природе противится подвижности, и потому горная оборона в целом, если можно так выразиться, потерпела поражение; войска, державшиеся этой системы горной обороны и застигнутые революционными войнами, испытали длинный ряд неудач.

Но чтобы нам не выплеснуть из ванны ребенка вместе с водой, не дать увлечь себя потоком общих мест и не притти к утверждениям, которые ежедневно тысячи раз опровергаются силой обстоятельств, мы должны установить различие между воздействием обороны в горах в зависимости от особенностей отдельных случаев.

Главный вопрос, который в данном случае приходится разрешить и который проливает яркий свет на всю тему, заключается в том, должно ли сопротивление, намеченное при обороне гор, быть относительным или же абсолютным, т. е. должно ли оно длиться лишь в течение

[1] В оригинале: «das sogenannte Tourniren»; французский корень, который избирает в данном случае Клаузевиц для обозначения обхода, придает его словам несколько презрительный характер — «игра в обходы». — Ред.

определенного промежутка времени или же завершиться решительной победой. Для сопротивления первого рода горная местность в высшей степени пригодна и вносит в него крупное усиливающее начало; для абсолютного же сопротивления она в общем совершенно непригодна, за исключением некоторых особых случаев.

В горах всякое движение медленно и затруднительно, требует много времени и, если протекает в сфере опасности, влечет за собою больше человеческих жертв. Затрата же времени и людей является мерилом оказанного сопротивления. До тех пор, пока движение остается исключительно делом наступающего, обороняющийся сохраняет решительное преимущество; но как только обороняющийся вынужден сам начать движение, это его преимущество сразу отпадает. Между тем, по самой природе дела, т. е. из тактических основ, вытекает допустимость большей пассивности при относительном сопротивлении, чем при сопротивлении, которое должно быть доведено до решительного исхода; при относительном сопротивлении можно доводить эту пассивность до крайних пределов, т. е. до конца боя, что никогда не должно иметь места в другом случае. Таким образом, затрудняющий элемент горной местности, подобно более плотной среде, ослабляет всякую позитивную деятельность и является вполне отвечающим задачам относительной обороны.

Мы уже говорили, что небольшой отряд, занимающий горную позицию, приобретает необыкновенную силу вследствие свойств местности; хотя этот тактический вывод и не требует дальнейшего доказательства, мы должны еще пояснить его. Дело в том, что здесь надлежит различать относительно малую и абсолютно малую величину отряда. Если наши силы выделят изолированно одну из своих частей, то последняя может подвергнуться атаке всех неприятельских сил в целом, т. е. действию такого превосходства, по сравнению с которым эта часть будет действительно мала. В таком случае задачей ее, конечно, не может быть сопротивление абсолютное, а лишь относительное. Чем меньше будет эта часть по сравнению с нашими силами в целом и с неприятелем, тем это положение имеет больше силы.

Но даже абсолютно малый отряд, т. е. такой, против которого стоит не более сильный неприятель и который, следовательно, вправе думать об абсолютном сопротивлении, т. е. о подлинной победе, будет в несравненно лучшем положении в горах, чем большая армия, и извлечет больше выгоды из местности, чем эта последняя; мы это разъясним ниже.

Итак, мы приходим к выводу, что маленький отряд обладает в горах большой силой. Какую громадную пользу это приносит во всех случаях, когда дело идет об *относительном* сопротивлении, ясно само по себе; но принесет ли это столь же решительную выгоду большой армии при *абсолютной* обороне? К исследованию этого вопроса мы теперь и переходим.

Прежде всего поставим следующий вопрос: будет ли линия фронта, составленная из нескольких таких отрядов, обладать относительно такой же силой, как каждый из них в отдельности, как это до сих пор обычно признавалось? Безусловно нет, и когда делают такой вывод, допускают одну из двух ошибок.

Во-первых, часто смешивают местность *бездорожную* с местностью *недоступной*. Там, где нельзя *следовать колонной*, включающей в свой состав артиллерию и кавалерию, пехота все же может продвигаться; туда удастся доставить и артиллерию, ибо крайне напряженные, но краткие движения в бою нельзя мерить масштабом похода. Таким образом, обеспеченность связи между отдельными отрядами основывается на прямой иллюзии, а потому фланги каждого отряда находятся под угрозой.

Или же полагают, что ряд мелких отрядов, устроившихся для обороны в горах и занимающих расположение, действительно очень сильное на фронте каждого из них, будет иметь и очень сильные фланги каждого из них, так как ущелье, скалистый кряж и прочее представляют превосходные опорные пункты для малого отряда. Но в чем заключается их превосходство? Не в том, что они делают обход невозможным, но в том, что они вызывают затрату времени и сил, соответствующую воздействию малого отряда. Неприятелю, который пожелает и будет вынужден

вследствие неприступности фронта обойти подобный отряд, несмотря на трудности, представляемые местностью, потребуется, пожалуй, полдня, чтобы выполнить эту задачу; придется, может быть, принести и некоторые человеческие жертвы. Если наш отряд может рассчитывать на подкрепление, или же если он должен оказывать сопротивление в течение известного срока, или, наконец, если по силам он равен противнику, то опоры его флангов выполнили свою задачу, и тогда можно было бы сказать: позиция обладает не только сильным фронтом, но и сильными флангами. Но не то будет, если речь идет о многих отрядах, образующих растянутую горную позицию. В этом случае не оказывается налицо ни одного из вышеприведенных трех условий. Неприятель атакует подавляющими силами один из пунктов; поддержка, получаемая с тыла, может быть слаба, а задача все же требует абсолютной обороны. В этих условиях опоры флангов этих отрядов окажутся ничего не стоящими.

На этот пробел наступление обычно и направляет свои удары. Атака сосредоточенными и, следовательно, весьма превосходными силами на один из пунктов фронта может встретить сопротивление, хотя и весьма упорное в масштабе этого пункта, но в отношении целого — весьма ничтожное; преодолев это сопротивление, наступающий оказывается подорвавшим оборону в целом и достигшим своей цели.

Отсюда следует, что относительное сопротивление в горах вообще больше, чем на равнине, и что при малых отрядах оно относительно всего сильнее и растет не пропорционально увеличению масс.

Теперь обратимся к подлинной цели общих крупных боев — к позитивной победе, которая также может быть целью обороны в горах. Если на нее обратят все или главные силы, то оборона гор сама собою переродится в оборонительное сражение в горах. Сражение, т. е. применение всех вооруженных сил для уничтожения неприятеля, теперь становится формой, а победа — целью боя. Оборона гор, имеющая при этом место, оказывается уже второстепенным явлением: она является уже не

целью, а средством. Как скажутся свойства горной местности при постановке такой цели?

Характер оборонительного сражения представляет собою пассивную реакцию на фронте и повышенно активную в нашем тылу; для последней гористая местность является ослабляющим началом. Два обстоятельства делают ее таковою. Прежде всего недостаток дорог, по которым можно было бы быстро передвигаться во всех направлениях из тыла вперед; даже внезапная тактическая атака тормозится неровностями местности. Во-вторых, трудность свободного обзора местности и неприятельских движений. Таким образом, горная местность предоставляет неприятелю в отношении наших активных действий такие же выгоды, какие она дает нам на фронте, и парализует полностью лучшую половину нашей обороны. К этому присоединяется еще и третье обстоятельство, а именно — опасность быть отрезанным. Как ни благоприятствует горная местность отступлению в случае общего нажима на фронт, как много она ни причиняет неприятелю потери времени, когда ему приходится нас обходить, все это, однако, имеет значение лишь в случае относительного сопротивления, не имеющего никакого отношения к решительному сражению, т. е. к бою до последней крайности. Правда, сопротивление здесь может длиться несколько дольше, а именно до тех пор, пока неприятель не достигнет своими фланговыми колоннами таких пунктов, которые угрожают нашему пути отступления или даже заграждают его; а если он ими овладел, то уже едва ли с этим можно будет бороться. Никакая контратака с тыла не может уже его выбить из угрожающих нам пунктов, никакое отчаянное движение всеми силами напролом не может одолеть его там, где он преградил путь отступлению. Тот, кто здесь усмотрит противоречие и будет полагать, что преимущества, доставляемые горной местностью наступающему, должны выпасть и на долю тому, кто пытается пробиться, тот упускает из виду различие обстоятельств. Отряд, вышедший на путь отступления и оспаривающий проход по нему, не имеет задачи абсолютной обороны; для него, вероятно, довольно нескольких часов успешного сопротивления; следо-

вательно, он находится в выгодном положении малого отряда на горной позиции. Кроме того, противник уже не обладает всеми своими средствами борьбы, он приведен в расстройство, ощущает недостаток в боевых припасах и пр. Во всяком случае виды на успех чрезвычайно ограничены, и эта опасность имеет то свойство, что обороняющийся более всего ее боится; и этот страх действует уже в течение сражения и ослабляет все мышцы борющегося атлета. На флангах возникает болезненная чувствительность, и всякий слабый отряд, который наступающий продвинет на покрытый лесом горный выступ в нашем тылу, явится новым рычагом достижения им победы.

Все эти невыгоды большей частью исчезли бы и сохранились бы одни преимущества, если бы оборона в горах образовывалась сосредоточенной группировкой армии на обширном горном плато. В этом случае можно представить себе очень сильный фронт, весьма трудно доступные фланги и при этом полнейшую свободу передвижений внутри и в тылу позиции. Такую позицию можно было бы причислить к сильнейшим из всех существующих в мире, однако, она — лишь иллюзорное представление, ибо хотя большая часть гор несколько более доступна на хребте, чем на склонах, однако, большинство плоскогорий или недостаточно обширно для такой цели, или же оно не вполне заслуживает этого названия, имеющего в данном случае скорее геологическое значение, чем геометрическое [1].

Как мы уже указывали, невыгоды оборонительной горной позиции уменьшаются при слабости действующих там сил. Причина заключается в том, что последние требуют меньше пространства, нуждаются в меньшем числе дорог для своего отступления и т. д. Единичная гора не представляет горной местности и не обладает невыгодами последней. Чем отряд меньше, тем больше его расположение будет ограничиваться отдельными гребнями и горами и тем меньше у него будет нужды путаться в лабиринте бесчисленных обрывистых горных ущелий.

---

[1] Т. е. плоскогорье оказывается в действительности недостаточно плоским. — Ред.

Глава XVI

ОБОРОНА В ГОРАХ

Продолжение

Теперь приступим к использованию в области стратегии полученных нами в предшествующей главе тактических выводов.

Мы различаем в данном случае следующие вопросы:

1. Горы как поле сражения.
2. Влияние, оказываемое обладанием ими на другие районы.
3. Воздействие их в качестве стратегического барьера.
4. Особые условия снабжения продовольствием в горах.

В отношении первого, наиболее важного вопроса мы должны различать:

а) генеральное сражение,

б) бои второстепенного порядка.

1. Горы как поле сражения. В прошлой главе мы показали, как мало горная местность благоприятствует обороняющемуся в решительном сражении и насколько, наоборот, она выгодна для наступающего. Это стоит в резком противоречии с общераспространенным мнением; но ведь чего не перепутывает общераспространенное мнение, как мало оно разбирается в разнообразнейших отношениях! Чрезвычайное сопротивление, какое оказывают малые части общего целого, вызывает впечатление чрезвычайной силы всякой вообще обороны гор, а затем готовы удивляться, если кто-нибудь посмеет отрицать эту силу по отношению уже к главному акту всякой обороны — оборонительному сражению. С другой стороны, то же ходячее мнение готово усмотреть во всяком сражении, проигранном обороняющимся в горах, необъяснимые ошибки кордонной войны, не считаясь с природой вещей и их неизбежным влиянием. Нас не пугает стать в прямое противоречие с таким мнением; напротив, мы считаем уместным отметить, что с чувством большого удовлетворения мы нашли наше положение у одного автора, который по многим основаниям должен в данном вопросе пользоваться крупным авторитетом: мы имеем в виду труд эрцгерцога Карла о походах 1796 и 1797 гг.; в лице этого автора со-

единились сразу хороший историк, хороший критик и прежде всего хороший полководец [1].

Для нас является жалким зрелищем, когда более слабый обороняющийся, собрав с трудом и величайшим напряжением все свои силы, чтобы в решительном сражении дать почувствовать наступающему высокую степень своего патриотизма и воодушевления, а также разумной предусмотрительности, — когда этот обороняющийся, на которого устремлены с напряженным вниманием все взоры, направляется во мрак гор с их многочисленными завесами [2] и, будучи скован в своих движениях свойствами горной местности, подставляет себя под тысячи возможных ударов превосходных сил противника. Лишь в одном направлении его ум находит широкое поле деятельности, а именно в отношении возможностей использования всех препятствий, образуемых рельефом; но последнее ведет его к самой грани пагубной кордонной войны, от которой он должен уклониться во что бы то ни стало. Мы далеки от того, чтобы видеть в горной местности убежище для обороняющегося на случай решительного сражения; скорее мы посоветуем полководцу всемерно ее избегать.

Правда, порою это оказывается невозможным; в таких случаях сражение по необходимости приобретет заметно иной характер по сравнению со сражением на равнине; позиция станет более растянутой, в большинстве случаев — вдвое или втрое, сопротивление явится более пассивным, контрудары слабее. Все это — воздействие горной местности, являющееся неизбежным; конечно, оборона в таком сражении все же не должна переходить в простую оборону гор, и основной ее характер должен непременно заключаться в сосредоточенной группировке вооруженных сил в горах; все должно решиться в одном бою и по большей части на глазах одного командующего; резервов должно оставаться достаточно, дабы решительный акт свелся не к простому сражению и не к одному подставлению щита под

---

[1] Этот комплимент находится в противоречии с многими глухими вылазками против труда эрцгерцога Карла в предшествующих главах. — Ред.

[2] Клаузевиц указывает на закрытый характер местности, препятствующий обзору и разведке. — Ред.

удары противника. Это условие необходимо, но оно трудно выполнимо; так легко соскользнуть на путь, ведущий к простой обороне гор, что не приходится удивляться тому, что она столь часто встречается; опасность же последней так велика, что теория обязана самым настоятельным образом предостеречь от такой обороны.

Сказанного достаточно для представления о решающем сражении в горах главных сил.

С другой стороны, для боев второстепенного значения и важности горы могут оказаться чрезвычайно полезными, ибо в данном случае дело заключается вовсе не в абсолютном сопротивлении и с ним не связаны какие-либо решительные следствия. Это станет более ясным для нас, если мы перечислим цели, которые при этом имеются в виду.

а) Простой выигрыш времени. С этой целью мы встречаемся на каждом шагу и во всяком случае при занятии оборонительной линии для своевременного осведомления [1]; кроме того, ее всегда имеют в виду при выжидании прибытия подкреплений.

б) Отражение простой демонстрации или мелкой вспомогательной операции противника. Если провинция ограждена горами и последние защищаются войсками, то оборона, как бы слаба она ни была, всегда окажется достаточной для того, чтобы оградить ее от неприятельских набегов и других мелких экспедиций в целях ограбления этой провинции. При отсутствии гор такая слабая оборонительная цепь являлась бы бесполезной.

в) С целью произвести самим демонстрацию; пройдет еще много времени, пока взгляды, которых следует держаться относительно гор, станут общим достоянием. До тех же пор всегда найдутся противники, которые будут бояться гор и уклоняться от операции в них. В подобных случаях можно употребить для обороны гор и главные силы. В войнах, не отличающихся значительной энергией и подвижностью, подобные случаи будут весьма часто встречаться; нужно лишь не забывать условия — не иметь намерения дать генеральное сражение на горной позиции и

---

[1] Т. е. когда преследуются задачи сторожевого охранения. — Ред.

не допускать положения, в котором мы были бы вынуждены дать его.

г) Вообще горная местность пригодна для всех группировок, при которых не имеют в виду принимать решительное сражение, ибо в ней все отдельные части являются более сильными и лишь целое как таковое оказывается слабее; кроме того, здесь не так легко быть застигнутым врасплох и оказаться вынужденным к решительному бою.

д) Наконец, горы представляют собою подлинную стихию для народной войны. Население, взявшееся за оружие, должно всегда быть подкреплено небольшими отрядами регулярных войск; близость же главных сил, повидимому, невыгодно отражается на повстанческих массах. Таким образом, нормально это не может служить основанием к тому, чтобы армия втягивалась в горы.

Вот что можно было сказать о горах в отношении встречающихся в них боевых позиций.

2. Влияние, оказываемое горами на другие районы. Как мы говорили, в горной местности легко обеспечить за собою значительные пространства слабыми отрядами, которые в местности легко доступной не могли бы держаться и были бы подвержены постоянной опасности; притом всякое продвижение в горах, занятых противником, гораздо медленнее, чем по равнине, а следовательно, не может итти одинаковым с последним темпом; отсюда вопрос о том, в чьем обладании уже находятся горы, имеет гораздо большее значение, чем тот же вопрос по поводу какой-либо другой площади таких же размеров. На открытой местности это обладание пространством изо дня в день может переходить от одной стороны к другой; простое продвижение крупных сил вынуждает противника предоставить нужное нам пространство. Не так обстоит дело в горах; здесь даже при гораздо более слабых силах возможно вполне ощутительное сопротивление. А потому, когда у нас имеется потребность в участке территории, занятой горами, всегда возникает необходимость в особых, специально для этого организованных и часто требующих значительной затраты сил и времени операциях для овладения этим участком. Таким образом, если горы и не являются театром главных операций, то все же они не

могут, как то имеет место в отношении доступной местности, рассматриваться как находящиеся в зависимости от главных операций; занятие их и обладание ими не является, как на равнине, прямым, естественным следствием нашего наступления.

Итак, горная местность отличается гораздо большей самостоятельностью, а обладание ею более решительно и прочно. Если к этому добавить, что горный участок страны по самой своей природе дает со своей окраины хороший обзор на прилегающую открытую равнину, сам же остается как бы погруженным в глубокую мглу, то станет понятным, что горная цепь для того, кто ею не владеет, но находится с нею в соприкосновении, всегда представляется неистощимым источником вредоносных влияний, мастерской враждебных сил; еще в большей мере это имеет место, когда горы не только заняты неприятелем, но и принадлежат ему. Самые небольшие партии дерзких партизан, будучи преследуемы, тотчас же находят в них убежище и могут затем безнаказанно появиться вновь в другом месте; самые сильные колонны, скрытые горами, могут незаметно приблизиться, и наши вооруженные силы должны всегда держаться в некотором отдалении от гор, чтобы выйти из сферы их командующего влияния и не подвергаться риску невыгодных боев и внезапных ударов, на которые они не будут в состоянии ответить.

Таким образом, всякие горы на известном расстоянии оказывают значительное влияние на прилегающую к ним более низменную местность. Окажет ли это влияние свое воздействие мгновенно, например в бою (сражение при Мальче на Рейне в 1796 г.), или же по прошествии некоторого времени на сообщения противника, это зависит от пространственных условий; может ли это влияние быть преодолено теми решительными действиями, которые разовьются в долине или на равнине, или же нет, — зависит от соотношения вооруженных сил.

Бонапарт в 1805 и 1809 гг. проник до Вены, не особенно заботясь о Тироле; между тем, в 1796 г. Моро был вынужден оставить Швабию, главным образом, потому, что оказался не в состоянии овладеть более возвышенными ее районами и должен был направить слишком много сил для

наблюдения за ними. В тех походах, в которых происходит игра уравновешенных колебаний сил, не станут подвергаться длительным невыгодам пребывания вблизи гор, находящихся во владении неприятеля, и попытаются занять и удержать за собою лишь тот их участок, в котором нуждаются в связи с основным направлением наступления; поэтому в этих случаях горы обычно становятся ареной мелких боевых стычек, надолго заваривающихся между обеими армиями. Но надо остерегаться переоценивать эти обстоятельства, рассматривать во всех случаях горную местность как ключ всей территории и видеть в обладании ею самое главное. Когда дело идет о победе, то глазное — сама победа, а раз последняя одержана, то остальное нетрудно устроить сообразно с господствующими потребностями.

3. Горы, рассматриваемые как стратегический барьер. Здесь мы должны различить два соотношения.

Первое — опять-таки решительное сражение. Можно смотреть на горную цепь, как на реку, т. е. как на барьер с некоторыми доступными проходами, предоставляющий нам случай для победного боя, так как он разделяет продвигающиеся неприятельские силы, ограничивает последние известными дорогами и предоставляет нам возможность атаковать разрозненные колонны противника нашими сосредоточенными силами, расположенными позади гор. Если бы даже наступающий решил оставить в стороне все прочие соображения, он все же не мог бы двигаться в горах одной колонной, так как тем самым подверг бы себя опасности быть втянутым в решительное сражение, имея в своем распоряжении только один путь отступления; следовательно, способ действий обороны во всяком случае явится обусловленным весьма существенными обстоятельствами. Но так как понятие гор и горных проходов очень неопределенно, то соответственные мероприятия обороны будут находиться в полной зависимости от местности, и на них можно указать лишь, как на возможные; однако, надо помнить, что с этим способом обороны связаны две невыгоды; первая состоит в том, что неприятель после первого же нанесенного ему удара легко находит защиту в горах; вторая заклю-

чается в том, что в его руках находится командующая местность; эта невыгода не имеет решающего значения, но все же скажется.

Мы не знаем ни одного сражения, которое было бы дано при таких обстоятельствах, если не считать сражения против Альвинци в 1796 г.[1]. Но что подобный случай м о ж е т иметь место, доказывает переход Бонапарта через Альпы в 1800 г., когда Мелас мог его атаковать всеми своими войсками до сосредоточения разъединенных колонн Бонапарта.

Второе соотношение, которое создается горами, как барьером, касается коммуникационной линии неприятеля, когда они пересекают ее. Помимо укрепления проходов при помощи фортов и действий взявшегося за оружие народа, плохие горные дороги в неблагоприятное время года уже сами по себе могут быть гибельны для армии; часто они вынуждали к отступлению армии, доведенные ими до полного истощения. Если к этому присоединяются частые налеты партизан или даже народная война, то неприятельская армия оказывается вынужденной выделить значительные силы и, наконец, занять постоянными отрядами ряд пунктов в горах; таким путем она попадает в самое невыгодное положение, в каком только может очутиться наступающий во время войны.

4. О с о б ы е у с л о в и я с н а б ж е н и я а р м и и в г о р а х п р о д о в о л ь с т в и е м. Этот вопрос чрезвычайно прост и сам по себе понятен. В этом отношении обороняющийся может извлечь крупные выгоды, когда наступающий или будет вынужден остановиться в горах, или оставит их в своем тылу.

Эти рассуждения об обороне гор, собственно говоря, охватывают войну в горах в целом, а их отражения достаточно освещают и наступательные действия в горах. Не следует смотреть на них, как на нечто непрактичное и неправильное по той причине, что из гор нельзя сделать равнины, а из равнин — гор; выбор театра войны опре-

[1] Клаузевиц, очевидно, имеет в виду сражение при Риволи; последнее, однако, имело место не в 1796 г., а 14 января 1797 г.; в новейшей истории примерами являются бои под Траутенау и Скалицем в 1866 г. — Р е д.

деляется таким множеством других условий, что, как кажется, для этого рода соображений может оставаться очень мало места. Мы убедимся, что, когда действия разыгрываются в крупном масштабе, выбор не является уже особенно ограниченным. Если речь идет о группировке и действиях главных сил и притом в момент решительного сражения, то несколько лишних переходов вперед или назад могут вывести войска из гористой местности на равнину, а проведенное с решимостью сосредоточение вооруженных сил на равнине может нейтрализовать расположенные рядом горы.

Теперь мы снова сосредоточим в одном фокусе рассеянные по разбираемому нами вопросу лучи и представим отчетливую его картину.

Мы утверждаем и считаем доказанным, что горы в общем как в тактике, так и в стратегии не благоприятствуют обороне, разумея здесь под обороной оборону р е ш а ю щ у ю, от результатов которой зависит обладание или потеря страны. Горы лишают кругозора и стесняют движения в любом направлении; они принуждают к пассивности и заставляют затыкать все доступы, вследствие чего возникает — в большей или меньшей степени — кордонная война. Поэтому следует, по возможности, избегать горной местности для главных сил, оставляя ее в стороне, или же держаться впереди или позади ее.

Напротив, для задач и целей второстепенных горная местность представляет, по нашему мнению, усиливающее начало; после всего того, что мы по этому поводу говорили, нельзя усмотреть никакого противоречия в нашем утверждении, что они являются подлинным убежищем слабого, т. е. того, кто уже не должен добиваться решительного боя. Выгоды, которыми пользуются при горном рельефе второстепенные роли, опять-таки делают горы неприемлемыми для главных сил.

Однако, все эти соображения едва ли смогут удержать в равновесии чувственные впечатления. В каждом отдельном случае воображение не только не знакомых с военным делом, но и всех, воспитанных на плохих методах ведения войны, получает подавляющее впечатление о трудностях, которые горная местность как более плотная, неподатли-

вая стихия противоставляет всем движениям наступающего; и для них будет трудно не рассматривать наше мнение как собрание самых причудливых парадоксов. Но при всяком рассмотрении вопроса в целом опыт истории последнего столетия (с его своеобразными способами ведения войны) выступит на место чувственного впечатления, и тогда лишь немногие решатся высказать, например, мнение, что оборона Австрии со стороны Италии легче, нежели со стороны Рейна. Между тем, французы, которые в течение двадцати лет вели войну, имея энергичное, ни перед чем не останавливавшееся командование и воочию видевшие его благие последствия, еще долго будут отличаться как в этом случае, так и в других тактом хорошо выработанного суждения.

Что же? Неужели государство лучше защищено равниной, чем горами? Неужели Испания была бы сильнее без ее Пиренеев, Ломбардия была бы более недоступна без Альп, а ровную страну, например, Северную Германию, было бы труднее завоевать, чем страну гористую? С этим неправильным выводом мы намерены связать наши заключительные замечания.

Мы не утверждаем, что Испания без своих Пиренеев была бы сильнее, чем при наличии их, а лишь то, что испанская армия, чувствующая в себе достаточно сил, чтобы довести дело до решительного сражения, поступит лучше, сосредоточив свои силы за р. Эбро, чем если бы она разделилась на части по числу пятнадцати пиренейских проходов. Но этим влияние Пиренеев на ход войны еще далеко не исчерпывается. То же утверждаем мы и об итальянской армии. Если бы она разбросалась по высоким Альпам, решительный противник ее одолел бы и не явилось бы даже вопроса о возможностях победы или поражения, тогда как на равнине Турина у нее были бы такие же шансы, как и у противника. Но по этой причине все же никто не станет думать, что наступающему приятно пересечь такой горный массив, как Альпы, и оставить его позади себя. К тому же принятие генерального сражения на равнине вовсе не исключает предварительной обороны гор второстепенными отрядами, что крайне желательно в таких горных массивах, как Альпы и Пиренеи. Наконец, мы далеки от мысли считать завоевание ровной местно-

сти делом более легким, чем завоевание местности гористой, — разве лишь в случае, когда одно решительное сражение окончательно обезоруживает неприятеля. После такой победы для завоевателя наступает состояние обороны, при котором гористая местность для него должна стать столь же и более невыгодной, чем она была для обороняющегося. Если война продолжается и появляется посторонняя помощь, если народ берется за оружие, то эта реакция еще усиливается горной местностью.

Здесь дело обстоит так же, как в диоптрике: в определенном направлении при отодвигании предмета изображение его становится светлее, но не насколько угодно, а только до достижения фокуса, за которым все получается наоборот[1].

Раз оборона в горах оказывается слабее, то это могло бы послужить основанием для того, чтобы наступающий избирал себе направление преимущественно через горы. Однако, это будет иметь место лишь в редких случаях, ибо трудности содержания в них войск, плохие дороги, неизвестность, согласится ли неприятель дать генеральное сражение именно в горах, да и расположит ли в них неприятель свои главные силы, — с лихвой уравновешивают возможные выгоды этого направления.

Глава XVII

ОБОРОНА В ГОРАХ

Продолжение

В XV главе мы говорили о природе боя в горах, а в XVI — о том применении, которое бой в горах может найти в стратегии, и при этом часто встречались с понятием обороны в горах, но не останавливались на форме и организации этого мероприятия. Теперь рассмотрим его подробнее.

Так как горы часто тянутся по поверхности земли как полосы или пояса; то они производят деление между текущими в разных направлениях водами и таким образом

---

[1] Этот абзац выписан Лениным, добавившим после «дело» «(влияние гор на войну)». — Ред.

образуют водоразделы целых речных систем. Эта форма целого повторяется в отдельных его частях: от главного массива отделяются отроги и гребни, образующие водоразделы более мелких систем. В связи с этим представление о горной обороне вначале естественно опиралось на созерцание их основного оформления в виде скорее длинного, чем широкого препятствия, тянущегося наподобие барьера; из этого представления и развивалось понятие горной обороны. И поныне геологи еще окончательно не сговорились относительно происхождения горных цепей и законов их образования; во всяком случае течение вод яснее и проще всего очерчивает горную систему или потому, что оно само принимало участие в образовании этой системы (через процесс размывания), или же потому, что само течение вод явилось следствием горной системы. Поэтому опять-таки являлось естественным искать руководящую нить для горной обороны в течении вод; на последнее можно смотреть, как на естественную нивелировку, знакомящую нас с общим направлением скатов, а следовательно, и с общим профилем горной местности; сверх этого течение вод образует долины, представляющие наиболее доступные пути к высшим точкам, ибо во всяком случае можно положительно утверждать, что процесс размыва водами сглаживает неровности откосов в правильную кривую. В связи со сказанным представление об обороне гор складывалось следующим образом: на горную цепь, пролегающую приблизительно параллельно линии обороны, можно смотреть, как на серьезное препятствие для доступа, как на своего рода вал, подступы к которому образуются долинами; оборона сосредоточивается непосредственно на гребне этого вала (т. е. на краю плоскогорий, находящихся в горах) и пересекает главные долины. Если же основное направление горного массива имеет скорее перпендикулярное направление к фронту обороны, то пришлось бы оборонять один из главных его отрогов, тянущийся параллельно какой-либо главной долине до главного хребта; пересечение позиции с последним образует важнейший пункт обороны.

Мы остановились на этом схематическом эскизе горной обороны, базирующемся на геологической структуре, ибо

действительно было время, когда она рисовалась в таком виде теории, объединявшей в так называемом учении о местности (Terrainlehre) воедино законы процесса размывания с правилами ведения войны [1].

Однако, все здесь настолько полно ложных предпосылок и неточных представлений, что от этих взглядов в действительности остается слишком мало, чтобы в них можно было найти систематическую опору.

Главные хребты в настоящих горных массивах пустынны и бездорожны; нет возможности сгруппировать на них значительные массы войск. С боковыми отрогами часто дело обстоит так же; часто они оказываются слишком короткими и неправильными. Не на всех гребнях гор бывают плоскогорья, а там, где встречаются, они по большей части слишком узки и к тому же негостеприимны; более того, очень мало встречается гор, которые при более внимательном их рассмотрении образовали бы непрерывный главный хребет, а с боков имели бы такие скаты, которые могли бы сколько-нибудь сойти за наклонную плоскость или хотя бы террасообразные уступы. Главный хребет извивается, искривляется, разветвляется; могучие отроги простираются извилистыми линиями внутрь страны и порою как раз в своих конечных пунктах достигают более значительной высоты, чем главный хребет; к ним примыкают предгорья, образующие обширные глубокие долины, не гармонирующие с общей горной системой. К этому надо добавить, что там, где скрещиваются несколько горных цепей, или в тех узлах, откуда они исходят, понятие узкой полосы или пояса совершенно утрачивается и уступает место звездообразному строению водораздела и горных кряжей.

Отсюда ясно, — и каждый, кто с этой точки зрения изучал горные массивы, ощутит это с большой отчетливостью,— насколько идея систематической группировки войск стушевывается и как непрактично было бы придерживаться ее как основы всего распорядка.

---

[1] Изложение этой главы стоит в непосредственной связи с главой XXIII этой же части «Ключ страны». — Ред.

Если мы снова пристально вглядимся в тактические явления войны в горах, то станет ясно, что в ней встречаются два главных элемента, а именно: во-первых, оборона крутых склонов, во-вторых, оборона узких долин. Последняя, в которой часто обороняющийся проявляет наибольшую силу сопротивления, нелегко может быть сопряжена с обороной главного хребта, ибо часто необходимо занять с а м у ю долину, и притом скорее там, где она вырывается из горного массива, чем у ее истоков, так как в первом случае она будет более глубоко врезанной. Кроме того, эта оборона долин сама по себе является средством обороны горной местности в тех случаях, когда на самом хребте войска не могут быть размещены. Таким образом, оборона долин играет тем бо́льшую роль, чем горы выше и непроходимее.

Из всех этих соображений вытекает, что надо совершенно отказаться от мысли об обороне более или менее правильной линии, которая совпадала бы с какой-то геологической линией, и смотреть на горный район лишь, как на поверхность, пересеченную разнообразными неровностями и препятствиями; последние надо стремиться использовать в той мере, как это позволят обстоятельства. Таким образом, если геологические линии рельефа и необходимы для ясного представления об оформлении горного массива в целом, то при принятии мер для обороны они едва ли могут быть использованы.

Ни в войну за австрийское наследство, ни в Семилетнюю, ни во время революционных войн мы не встречаем примеров оборонительного расположения, охватывающего целую горную систему и организованного в соответствии с ее основными очертаниями. Мы никогда не усматриваем армий, устроившихся на главном хребте, а всегда на склоне — то выше, то ниже, то в том, то в другом направлении: параллельно, перпендикулярно или под косым углом; по направлению течения вод или против него; в более высоких горах, например, в Альпах, мы встречаемся с обороной, сосредоточенной в одной долине; в менее высоких горах, как Судеты (причем это представляет наибольшую аномалию), — на половине склона, обращенного к обороняющемуся, т. е. имея перед собой главный хребет; такова была позиция Фридриха Великого в 1762 г., прикрывавшая осаду

Швейдница и имевшая перед фронтом лагеря высокую Совиную гору.

Наиболее знаменитые в Семилетнюю войну позиции Шмотзейфенская и Ландсгутская находились, в общем, в углубленных долинах; почти такое же положение занимала и позиция Фельдкирхенская в Форарльберге. В кампаниях 1799 и 1800 гг. позиции главных отрядов и у французов, и у австрийцев всегда бывали расположены в самых долинах, не только поперек в целях их преграждения, но и вдоль них, тогда как горные хребты не занимались вовсе или занимались лишь немногими слабыми частями.

Хребты высоких Альп настолько бездорожны и пустынны, что их невозможно занимать крупными массами войск. Таким образом, если все же желают держать войска в горах, дабы владеть ими, то не остается ничего другого, как располагать войска в долинах. На первый взгляд это представляется ошибкой, ибо согласно обычным теоретическим представлениям можно сказать: высоты господствуют над долинами. Но на деле это не так; горные хребты доступны лишь по немногим дорогам и тропинкам и за немногими исключениями только для одной пехоты, ибо проезжие дороги проходят по долинам. Таким образом, неприятель мог бы занять только отдельные пункты хребтов и притом одной пехотой. Однако, для действительного ружейного огня расстояния в этих горных массивах слишком велики; таким образом, располагаться в долине представляет меньше опасности, чем может казаться на первый взгляд[1]. Но, конечно, подобная оборона в долине подвержена другой крупной опасности, а именно — опасности оказаться отрезанной. Неприятель может спустить в долину одну лишь пехоту, которая будет накапливаться очень медленно и с большими усилиями, и его появление не может быть внезапным. Но ни одна позиция не защищает спуска в долину такой тропы, и неприятель постепенно накапливает в долине превосходные силы, затем развертывается и прорывает тонкую и с этого момента весьма слабую линию обороняющегося, единственным прикрытием которой остается,

[1] При дальности современного ружейного и пулеметного огня и при подвижности орудий расположение в долинах теперь представляется более угрожаемым. — Р е д.

может быть, лишь пересохшее каменистое русло горного потока. Между тем, отступление, которое может производиться только в долине и притом постепенно, частями, пока не будет найден выход из гор, может оказаться невозможным для многих частей растянутого расположения; по этой причине австрийцы всякий раз теряли в Швейцарии пленными от трети до половины своих войск.

Теперь еще несколько слов о степени раздробления, которому обычно подвергаются вооруженные силы при подобной обороне.

Каждая подобная оборонительная группировка исходит из позиции главных сил, находящейся более или менее в центре всей линии, на главном пути. Другие отряды выделяются вправо и влево для занятия важнейших проходов, и, таким образом, целое образует группу из 3, 4, 5, 6 и более отрядов, развернутых приблизительно на одной линии. Как далеко может или должна простираться эта линия, зависит от потребностей каждого конкретного случая. Растяжка на два-три перехода, следовательно на 6—8 миль, является еще весьма умеренной, и наблюдались случаи, когда она возрастала до 20 и даже до 30 миль.

Между отдельными отрядами, расположенными друг от друга на удалении одного-двух часов ходьбы, легко найти другие, менее важные проходы, на которые с течением времени обратят внимание; найдутся отдельные превосходные позиции для 2—3 батальонов, вполне отвечающие задаче поддержания связи между главными отрядами; их, следовательно, тоже займут. Легко понять, что дробление сил может развиваться и дальше, доходя до отдельных рот и эскадронов, и такие случаи бывали нередко; словом, какого-либо общего предела раздроблению в данном случае не существует. С другой стороны, сила отдельных отрядов зависит от общего количества войск, и уже по одному этому ничего нельзя сказать о возможном или естественном размере сил, которые должны сохраняться в основных отрядах. Мы приведем лишь несколько положений, которым нас учат опыт и природа дела, дабы они могли явиться исходной точкой для нашего суждения.

1. Чем горы выше и недоступнее, тем больше может быть дробление сил; в этом случае силы должны дро-

биться больше потому, что слабее можно обеспечить местность комбинациями, основанными на движении, и что более сильное обеспечение ее должно достигаться непосредственным прикрытием. Оборона Альп требует гораздо большего дробления сил и приближается гораздо ближе к установлению кордона, чем оборона Вогез или Исполинских гор.

2. Доныне всюду, где имела место оборона гор, происходило такое дробление сил, при котором в основных отрядах в первом эшелоне имелась по большей части пехота, а во втором эшелоне — несколько эскадронов кавалерии; лишь главные силы, помещенные в центре, имели несколько батальонов пехоты и во второй линии.

3. В самых редких случаях удавалось сохранить стратегический резерв [1], предназначенный для усиления подвергшихся нападению отрядов, ибо при растяжке фронта повсюду чувствовалась слишком большая слабость. Поэтому подкрепления, которые мог получить подвергшийся атаке отряд, по большей части заимствовались из состава других, неатакованных отрядов, расположенных на фронте.

4. Даже в тех случаях, когда дробление сил было относительно незначительным, а сила отдельных отрядов — достаточно велика, главное их сопротивление всегда заключалось лишь в отстаивании местности, — и если неприятель полностью овладевал данной позицией, то подходящие подкрепления уже не могли изменить положения.

После всего сказанного разрешение вопроса о том, на что можно рассчитывать при обороне в горах, в каких случаях надлежит обращаться к этому средству и до каких пределов можно и должно доводить растяжку и дробление сил, теория должна предоставлять такту полководца. Достаточно, если она ему скажет, что собственно представляет собой это средство и какие роли оно может брать на себя в борьбе между армиями обеих сторон.

Полководец, который, занимая растянутую горную позицию, даст себя разбить на-голову, заслуживает быть преданным военному суду.

---

[1] Надо разуметь «более крупный резерв». О стратегическом резерве см. главу XIII части 4-й. — Ред.

Глава XVIII

ОБОРОНА РЕК

Большие и средние реки, поскольку речь идет об их обороне, относятся, подобно горам, к классу стратегических барьеров. Но в этом отношении между реками и горами имеются два различия; первое касается их относительной обороны, а второе — абсолютной.

Подобно горам, реки усиливают относительное сопротивление, но их особенность заключается в том, что они напоминают орудие, сделанное из твердого, но хрупкого материала; они или выдерживают удар, нисколько не поддаваясь, или же оборона их дает излом, и ей наступает конец. При больших размерах реки и прочих выгодных условиях переправа может явиться абсолютно невозможной. Но раз оборона реки сломлена в каком-либо пункте, то уже дальнейшее упорное сопротивление, наблюдаемое при обороне гор, отпадает, и дело является решенным одним этим актом, за исключением случая, когда река протекает по горной местности.

Другая особенность больших рек в отношении ведения боя заключается в том, что в некоторых случаях они представляют возможность очень хороших и, в общем, лучших комбинаций для решительного сражения, чем горы.

Общее между ними то, что они являются опасными соблазнами, часто вовлекающими в ошибочные мероприятия и ставящими в крайне невыгодное положение. Мы еще обратим внимание на эти заключения при ближайшем рассмотрении обороны рек.

История не богата примерами успешной обороны рек; этим оправдывается мнение, что реки крупного и среднего размера не представляют такого сильного барьера, каким их считали раньше, при господстве системы абсолютной обороны, использовавшей всевозможные местные препятствия. Но все же нельзя отрицать то в общем выгодное влияние, которое реки оказывают на бой и на оборону страны.

Чтобы охватить вопрос обороны рек в его общей связи, мы сопоставим между собою различные точки зрения, с которых мы предполагаем рассмотреть его.

Прежде всего и вообще мы должны установить различие между стратегическими последствиями, к которым приводит оборона рек, и тем влиянием, какое реки оказывают на оборону страны, даже в тех случаях, когда они вовсе не обороняются.

Затем оборона рек может иметь три различных значения:

1. Решительная[1] оборона главными силами.
2. Оборона демонстративная.
3. Относительная оборона второстепенным частями, как, например, сторожевыми и прикрывающими частями, вспомогательными отрядами и т. д.

Наконец, мы должны различить в обороне в отношении ее формы три главные ступени или вида, а именно:

1. Оборона непосредственная, препятствующая переправе.
2. Более косвенная оборона, при которой река и ее долина используются лишь как средство для более выгодных боевых комбинаций.
3. Строго косвенная[2] оборона посредством удержания неприступной позиции на неприятельской стороне реки.

По этим трем ступеням мы и распределяем наше рассмотрение; после того как мы ознакомимся с каждой из этих ступеней в ее отношении к первому и важнейшему значению, мы примем во внимание в заключение и два остальных значения. Итак, начнем с непосредственной обороны, т. е. с обороны, долженствующей препятствовать переправе неприятельской армии.

Об этом виде обороны речь может итти лишь при очень крупных реках, т. е. при больших водных массах.

Сочетания пространства, времени и силы, на которые следует смотреть, как на элементы теории речной обороны, изрядно запутывают этот вопрос; не легко найти твердые исходные точки для его разрешения. Однако, при более внимательном размышлении мы непременно придем к следующим выводам.

---

[1] В оригинале абсолютная. — Перев.

[2] В оригинале строго непосредственная. Очевидная описка. — Перев.

Время, необходимое для наводки моста, определяет расстояние, на которое могут быть удалены друг от друга отряды, долженствующие оборонять реку. Если разделить всю длину линии обороны на величину этого расстояния, получится нужное число отрядов; если разделить на это число всю массу войск, то определится сила этих отрядов. Сопоставив силу отдельного отряда с тем числом войск, которое неприятель может перебросить во время постройки моста каким-либо другим способом, мы будем в состоянии судить, насколько можно рассчитывать на успешность сопротивления. Ибо лишь тогда можно быть уверенным, что река не будет форсирована, если обороняющийся сможет атаковать переправившиеся до окончания постройки моста части со значительным перевесом сил, т. е., примерно, с силами вдвое большими. Поясним примером.

Если неприятелю требуется для сооружения моста 24 часа и в течение этих 24 часов он не имеет возможности переправить через реку другими средствами более 20 000 человек, а обороняющийся имеет возможность в течение 12 часов сосредоточить к любому пункту обороняемого течения реки 20 000 человек, то в этом случае река не может быть форсирована: обороняющийся прибудет к месту переправы, когда наступающий переправит приблизительно половину 20 000 человек. А так как за 12 часов, считая и время, которое будет затрачено на передачу донесений о начавшейся переправе, можно пройти 4 мили, то необходимо было бы иметь по 20 000 человек на каждые 8 миль обороны, — следовательно, для обороны реки на протяжении 24 миль — 60 000 человек. Таких сил оказалось бы достаточно, чтобы сосредоточить в любом пункте 20 000 человек, даже если бы неприятель попытался одновременно произвести две переправы; если же неприятель переправляется только в одном пункте, то явится возможность собрать и 40 000.

Итак, в данном случае имеются три решающих момента: 1) ширина реки, 2) средства переправы, — ибо от того и другого зависят время, необходимое для постройки моста, и количество войск, которое может быть переправлено в течение постройки моста, — и 3) силы обороняющегося.

Что касается силы неприятельской армии, то она на успехе переправы еще не сказывается. Согласно этой теории можно сказать, что существует предел, на котором совершенно отпадает всякая возможность переправы, и никакое превосходство сил не будет в состоянии ее осуществить.

Такова простая теория непосредственной обороны реки, т. е. такой обороны, которая стремится воспрепятствовать противнику закончить наводку моста и произвести переправу; при этом нами еще не учитывалось воздействие демонстраций, которые могут быть применены переправляющимся. Теперь рассмотрим ближайшие обстоятельства и мероприятия, необходимые при такой обороне.

Если сначала мы оставим в стороне географические особенности, то надо будет сказать, что отряды, намеченные согласно вышеизложенной теории, должны быть сосредоточенно размещены непосредственно близ реки. Непосредственно близ реки потому, что отнесение назад их расположения без надобности и пользы удлинит путь; так как многоводность реки обеспечивает отряды от всякого значительного воздействия со стороны неприятеля, то нет необходимости держать их позади как резерв оборонительной линии. Надо иметь в виду и то обстоятельство, что дороги, которые тянутся непосредственно вдоль рек, в общем являются более проезжими, чем поперечные дороги, подходящие сзади к любому пункту реки. Наконец, наблюдение за рекой при таком расположении отрядов, бесспорно, легче, чем посредством одной цепи наблюдательных постов, — главным образом потому, что все старшие начальники в этом случае находятся близ реки. Сосредоточенное размещение этих отрядов требуется потому, что в противном случае весь расчет времени оказался бы иным. Тот, кто знает, сколько тратится времени на сбор войск, поймет, что именно в этом сосредоточенном расположении и заключается величайшая действительность обороны. Правда, на первый взгляд кажется соблазнительным небольшими отрядами помешать переправе неприятеля на лодках в первый же ее момент; однако, эта мера допустима лишь в отношении некоторых пунктов, особенно выгодных для переправы, — в общем же является крайне пагубной. Не говоря уже о том, что в большинстве случаев неприятель

окажется в состоянии прогнать такой небольшой отряд подавляющим огнем с противоположного берега, главный недочет при этом сводится к совершенно напрасной растрате своих сил; в лучшем случае при помощи такого отряда можно достигнуть лишь того, что неприятель выберет для своей переправы другой пункт. Поэтому, если мы не обладаем достаточными силами, чтобы отнестись к реке как к крепостному рву и соответственно защищать ее, — а этот случай не требует никаких указаний, — то такая непосредственная оборона берега не приведет нас к цели. Помимо этих общих правил, касающихся группировки войск, надо иметь еще в виду: первое — необходимость учитывать индивидуальные особенности реки, второе — удаление средств переправы и третье — влияние, оказываемое расположенными по реке крепостями.

Река, рассматриваемая как оборонительная линия, должна иметь справа и слева опорные пункты, — как, например, море или нейтральную область, — или же должны существовать какие-то другие обстоятельства, обусловливающие недействительность переправы за конечными пунктами оборонительной линии. А так как такие опорные пункты и такие обстоятельства встречаются лишь при большом протяжении линии обороны, то уже из этого ясно видно, что оборона реки должна всегда простираться на значительное протяжение; таким образом, в действительности нет возможности расположить крупную массу войск за сравнительно коротким участком реки (а мы всегда должны иметь в виду лишь такие случаи, которые могут иметь место в действительности). Мы сказали: з а о т н о с и т е л ь н о к о р о т к и м у ч а с т к о м р е к и; под последним разумеем протяжение, лишь немного превосходящее обычное протяжение фронта, на котором войска занимают расположение при отсутствии реки. Такие случаи, говорим мы, не встречаются в действительности, и каждая непосредственная оборона реки является своего рода кордонной системой, — по крайней мере в отношении своего протяжения; следовательно, она окажется вовсе непригодной для противодействия обходу способом, являющимся естественным при сосредоточенном расположении. Поэтому в случаях, когда обход представляется возможным, непосред-

ственная оборона реки, как бы ни складывались благоприятно условия для нее в прочих отношениях, представляет собою в высшей степени опасное предприятие.

Что же касается реки в пределах конечных пунктов обороны, то само собою разумеется, что не все пункты ее в равной степени пригодны для переправы. Условия, влияющие на удобство переправы, теоретически могут быть намечены довольно точно, но конкретизировать их трудно, так как самые ничтожные местные особенности часто имеют более решающее значение, чем все то, что в книгах представляется очень важным и значительным. Но в такой конкретизации нет никакой нужды, ибо вид реки и сведения, получаемые от местных жителей, уже дают достаточно ясные указания, и для сравнения удобств переправы в различных пунктах не понадобится вспоминать, что твердят об этом книги.

Для большего уточнения мы можем подчеркнуть, что ведущие к реке дороги, впадающие в нее притоки, расположенные на ней большие города и в особенности имеющиеся острова более всего благоприятствуют переправе; напротив того, командование берегов и изгибы русла в пункте переправы, которые в книгах играют первенствующую роль, в действительности редко оказывают какое-либо влияние. Это объясняется тем, что влияние двух последних факторов основано на ограниченной идее абсолютной обороны берега, — случай редкий или никогда не имеющий места при обороне крупных рек.

Какого бы рода ни были обстоятельства, создающие большую пригодность отдельных пунктов реки для переправы, они окажут влияние на группировку войск и внесут изменение в ее общий геометрический закон; однако слишком удаляться от него, слишком полагаться на трудность переправы в некоторых пунктах было бы неблагоразумно. Тогда неприятель, пожалуй, изберет пункт, по своей природе наименее благоприятный, раз он может рассчитывать там встретить самые слабые наши силы.

Во всяком случае возможно сильное занятие островов — мера безусловно рекомендуемая, ибо серьезная атака какого-либо острова противником представляет вернейший признак места намеченной переправы.

Так как расставленные близ реки отряды должны иметь возможность следовать вверх и вниз в зависимости от требований обстановки, то к числу существенных подготовительных мер обороны, при отсутствии большой дороги, параллельной реке, относится приведение в порядок ближайших небольших, идущих параллельно течению реки, дорог или даже сооружение на короткие расстояния новых дорог.

Вторая тема, которой нам надлежит коснуться, — это устранение средств переправы. Дело это нелегкое и в отношении самой обороняемой реки, по крайней мере, оно требует значительного времени; затруднения же, которые встретятся по отношению к притокам, впадающим в реку с неприятельской стороны, явятся часто непреодолимыми, так как эти притоки обычно окажутся уже в руках неприятеля. Поэтому крайне важно запереть крепостями устья этих притоков.

Так как при переправе через большие реки возимые неприятелем мостовые средства, а именно его понтоны, являются недостаточными, то многое зависит от тех средств, которые он найдет на самой реке, на ее притоках и в больших городах, расположенных на его стороне, — наконец, в растущих вблизи реки лесах, которые он может использовать для постройки лодок и плотов. Бывают случаи, когда все эти обстоятельства настолько ему не благоприятствуют, что в результате переправа становится почти невозможной.

Наконец, крепости, расположенные по обеим сторонам реки или на неприятельской стороне, представляют собою не только щит, обеспечивающий от переправы ближайшие, выше и ниже расположенные участки, но и средство заграждения притоков, а также средство быстрого захвата и сосредоточения в своих пределах средств переправы.

Вот, что можно сказать о непосредственной обороне реки, которая мыслится многоводной. При наличии глубоко врезанной речной долины с крутыми скатами или болотистых берегов трудность переправы и действительность обороны возрастают; однако, эти трудности нельзя рассматривать как замену водной массы, ибо они не создают абсолютного перерыва местности; последний же предста-

вляет необходимое условие непосредственной обороны.

Если задать себе вопрос, какую роль может играть такая непосредственная оборона реки в стратегическом плане кампании, то приходится согласиться с тем, что она никогда не может вести к решительной победе, — отчасти потому, что ее задача заключается в том, чтобы нигде не дать противнику возможности переправиться на нашу сторону или же чтобы подавить первую значительную массу неприятельских войск, которым удастся переправиться, отчасти же потому, что река мешает нам расширить сильным контрударом достигнутый успех до размеров решительной победы.

Зато подобная оборона реки может часто дать большой выигрыш во времени, к чему обычно и стремится обороняющийся. Сбор средств для переправы часто требует много времени; если несколько попыток терпят неудачу, то это даст еще значительно больший выигрыш времени. Если неприятель будет вынужден дать своим силам совершенно другое направление (из-за реки), то это может предоставить еще и другие выгоды; наконец, во всех тех случаях, когда побуждения неприятеля к наступлению являются не слишком серьезными, река может вовсе остановить его движение и прикрыть страну на долгое время.

Таким образом, непосредственная оборона при крупных силах с обеих сторон, при значительных размерах реки и при благоприятных обстоятельствах может считаться очень хорошим средством обороны, ведущим к результатам, на которые в последнее время (памятуя лишь о неудачных речных оборонах, предпринятых с недостаточными средствами) слишком мало обращали внимание. Ибо если при вышеуказанных предпосылках (которые на таких реках, как Рейн и Дунай, легко могут иметь место) становится возможной успешная оборона на участке протяжением 24 мили с 60 000 человек против значительно превосходных сил, то можно с полным правом сказать, что такое достижение заслуживает внимания.

Мы сказали против значительно превосходных сил; к этому пункту мы должны еще раз вернуться.

Согласно изложенной нами теории все сводится к средствам для переправы, а не к тем силам, которые намечены для переправы, раз они не меньше сил, обороняющих реку. Это может показаться очень странным, но это вполне верно.

Конечно, не следует забывать, что большинство обороняемых участков рек — вернее сказать, решительно все — лишены абсолютных опорных пунктов и, следовательно, могут быть обойдены, а такой обход значительно облегчается большим превосходством сил.

При этом надо иметь в виду, что такая непосредственная оборона реки даже в случае преодоления ее неприятелем все же не может быть поставлена на одну доску с проигранным сражением; едва ли она может привести к полному поражению, так как в бою участвует лишь часть наших войск, а неприятель, задержанный медленной переправой по единственному мосту, не имеет возможности тотчас же развить последствия своей победы до крупных размеров; отсюда ясно, что никак нельзя слишком низко ценить это средство борьбы.

Во всех практических, жизненных делах все сводится к тому, чтобы попасть в надлежащую точку. И при обороне реки важнейшим условием является правильный учет всех обстоятельств. На вид незначительное обстоятельство может внести существенные изменения в конкретную обстановку и обратить в пагубную ошибку то, что в другом случае представляло бы в высшей степени мудрую и действительную меру. Эта трудность — правильно все взвесить и учитывать не одни только свойства реки, — здесь особенно велика; больше чем в каком-либо другом случае мы должны здесь особенно остерегаться опасности неправильного применения и толкования; но, сделав эту оговорку, мы считаем долгом открыто заявить, что не придаем никакого значения воплям тех, кто под влиянием смутных чувств и неопределенных представлений всего ожидает от наступления и маневра и видит наиболее верное олицетворение войны в гарцующем на коне с поднятой над головой саблей гусаре.

Такие представления и чувства далеко не всегда достаточны. Напомним хотя бы о некогда знаменитом диктаторе

Веделе под Цюллихау в 1759 г.[1]. Но хуже всего то, что эти представления и чувства редко сохраняются до конца; они покидают начальника как раз в тот момент, когда на него напирают крупные и сложные события, запутанные в лабиринт тысяч отношений и зависимостей.

Таким образом, мы полагаем, что непосредственная оборона реки при значительных массах войск и при благоприятных обстоятельствах может дать хорошие результаты, если довольствоваться скромными негативными успехами. Но это не относится к небольшим массам войск. В то время как 60 000 человек на определенном участке реки могут воспрепятствовать переправе армии в 100 000 человек и больше, 10 000 человек не в состоянии помешать переправиться на том же протяжении корпусу в 10 000 человек и, пожалуй, даже вдвое слабейшему отряду, если бы последний отважился подвергнуться опасности оказаться на одной стороне реки со столь превосходным противником. Это вполне понятно, так как средства переправы остаются теми же самыми.

До сих пор мы почти не останавливались на демонстративных переправах, так как при непосредственной обороне реки они не имеют большого значения: с одной стороны, при такой обороне сосредоточение войск на одном пункте не имеет места, каждой части и без того поручена оборона известного участка реки, а с другой — такие демонстративные переправы в указанной обстановке крайне затруднительны. Если средства для переправы сами по себе слишком незначительны, т. е. не имеются в том количестве, какого желал бы наступающий для обеспечения своего предприятия, то едва ли наступающий сможет и захочет затратить значительную их часть для демонстративной переправы. Во всяком случае вследствие демонстрации общая масса войск, которую он будет в состоянии перебросить через реку на действительном месте переправы, соответ-

---

[1] Имеется в виду прусский генерал Ведель. Вступив в командование войсками, он немедленно атаковал русскую армию Салтыкова; пруссаки вступали в бой по частям, не дожидаясь подхода своих резервов, и были разбиты на-голову. В русских источниках сражение при Цюллихау часто упоминается под названием сражения при Пальциге. — Ред.

ственно уменьшится, и противник опять-таки выиграет то время, которое наступающий, может быть, потеряет из-за неуверенности, вызванной демонстрацией.

Непосредственная оборона вообще применима лишь по отношению к главным рекам в нижней половине их течения.

* * *

Второй вид обороны является весьма пригодным по отношению к небольшим рекам, текущим в глубоко врезанных долинах, иногда даже когда эти реки очень незначительны. Он заключается в том, что войска группируются на таком расстоянии позади реки, что представляется возможным застигнуть неприятельскую армию или разделенною на части во время переправы, когда последняя производится одновременно в нескольких пунктах, или вблизи реки, когда армия стеснена в своих движениях одним мостом или одной дорогой, переправляясь в одном пункте. Иметь тыл, прижатый к реке или к глубокой долине, и располагать лишь одним путем отступления — крайне невыгодное положение для сражения; в использовании этого обстоятельства и состоит наиболее действительная оборона рек средней величины и глубоко врезанных долин.

Группировка всей армии крупными частями вдоль самой реки, которую мы считаем наилучшей при непосредственной обороне, основывается на предпосылке, что неприятель не может большими массами неожиданно совершить переправу, ибо в противном случае опасность быть разбитым по частям была бы очень велика. Поэтому, если обстоятельства, благоприятствующие обороне реки, недостаточно выгодны, если в руках неприятеля уже имеются богатые средства для переправы, если река изобилует островами или даже бродами, если она недостаточно широка, если мы, обороняющиеся, недостаточно сильны и т. д., — то о непосредственной обороне реки не может быть и речи. Войска для обеспечения связи между собою должны быть несколько отодвинуты от реки, и все дело заключается теперь в том, чтобы, по возможности, ускорить сосредоточение к тому пункту, где неприятель предпринял переправу, чтобы атаковать его раньше, чем он успеет распространиться настолько, чтобы располагать несколькими

переправами. В этом случае река или долина должны наблюдаться и слегка обороняться цепью сторожевого охранения, а сама армия должна располагаться в нескольких группах на подходящих пунктах на некотором расстоянии от реки (обычно на расстоянии нескольких часов ходьбы).

Главное затруднение для наступающего в данном случае заключается в прохождении через теснину, образуемую рекою и ее долиной. Здесь, следовательно, дело сводится не столько к водной массе самой реки, сколько к общему характеру образуемой теснины; как общее правило, глубокая скалистая долина представляет гораздо большее препятствие, чем река значительной ширины[1]. Трудность прохождения большой массы войск через значительные теснины в действительности гораздо больше, чем это представляется с отвлеченной точки зрения. Требуемое для этого время весьма значительно; опасность, что неприятелю удастся овладеть окружающими высотами еще в момент прохождения через теснину, внушает серьезное беспокойство. Если первые переправившиеся части слишком далеко продвинуты вперед, то они раньше столкнутся с неприятелем и им угрожает опасность быть раздавленными превосходными силами; если они останутся поблизости от места переправы, то придется сражаться в самых невыгодных условиях. Поэтому переход через такую прорезь в рельефе местности, имеющий целью помериться силами с армией противника по ту сторону ее, представляет собою отважное предприятие, необходимой предпосылкой успеха которого является значительное превосходство сил и надежность командования.

Правда, подобная оборонительная линия не может растянуться на такое пространство, как участок непосредственной обороны крупной реки, ибо в основе лежит стремление вступить в бой всеми сосредоточенными силами, а

[1] Клаузевиц имеет в виду глубокие врезанные долины рек центральной и юго-западной части Германии. Такой рекой являлась Заала, через которую Наполеон переправлялся в ночь перед сражением при Иене. Подъем артиллерии на крутой обрывистый берег долины происходил ночью при свете факелов; Наполеон лично наблюдал его и вливал энергию в исполнение этого незамысловатого дела, от которого, однако, зависел успех следующего дня. — Ред.

переправа здесь, как бы трудна она ни была, не может сравниться с переправами через большие реки; поэтому для совершения обхода неприятелю не придется совершать особенно дальних движений. Однако, этот обход сдвигает неприятеля с его естественного направления (ибо мы, само собой разумеется, предполагаем, что долина перерезает последнее приблизительно перпендикулярно), а невыгодное явление стесненных путей отступления исчезает не сразу, а лишь постепенно. Таким образом, обороняющийся, даже не захвативший переправляющегося в самый критический момент, все же сохраняет некоторые преимущества и тогда, когда последний путем обхода приобрел некоторый простор.

Речь идет не об одной только водной массе рек; едва ли не большее внимание уделяется нами глубине их долин; поэтому мы должны оговориться, что под последней мы разумеем не настоящую горную долину, ибо в таком случае на нее распространялось бы все то, что нами было сказано о горах. Известны весьма многие совершенно ровные районы, где даже самые небольшие реки текут в глубоких долинах или оврагах с крутыми берегами; кроме того, сюда же следует отнести также реки, имеющие болотистые берега, и другие препятствия для доступа.

При таких условиях группировка обороняющейся армии позади значительной реки или глубокой долины создает очень выгодное положение, и этот вид обороны рек надо отнести к числу наиболее удачных стратегических мероприятий.

Слабое ее место (т. е. пункт, на котором обороняющийся легко может споткнуться) — это чрезмерная растяжка сил. Так естественно дать себя увлечь в подобных случаях от одного места переправы к другому и выйти из тех пределов, в которых следовало бы заключить оборону; а если не удастся дать бой вполне сосредоточившейся армией, то все значение этой обороны теряется; проигранный бой, вынужденное отступление, смятение и потери приближают армию к полному разгрому, хотя бы она и не упорствовала до крайнего предела.

В этих условиях обороняющийся не должен растягиваться слишком сильно; во всяком случае к вечеру того же

дня, в который неприятель переправляется, обороняющийся обязан сосредоточить свои войска. Этим достаточно сказано, и мы можем отказаться от рассмотрения всяких дальнейших комбинаций времени, сил и пространства, зависящих в данном случае от множества местных условий.

Сражение, возникающее при подобных обстоятельствах, должно носить своеобразный характер, а именно — отличаться крайней энергией и дерзостью со стороны обороняющегося. Демонстрация, помощью которой наступающий будет держать его некоторое время в неизвестности, обычно позволяет ему распознать пункт истинной переправы лишь тогда, когда времени для противодействия останется только в обрез. Специфические преимущества положения обороняющегося заключаются в невыгодном положении неприятельского корпуса, который окажется непосредственно перед ним. Но если по сторонам начнут тянуться переправившиеся в других местах корпуса и станут его охватывать, то он не сможет противодействовать им, как в обычном оборонительном сражении, энергичными атаками соответственных уступов, так как для этого ему пришлось бы пожертвовать выгодами своего положения[1]. Следовательно, обороняющийся должен добиться решения на своем фронте прежде, чем обходящие отряды станут для него опасны, т. е. он должен атаковать стоящие перед ним войска с возможной быстротой и энергией и их поражением решить все дело.

Однако, целью т а к о й обороны реки никогда не может являться сопротивление значительно превосходящим силам, как это все же мыслимо при непосредственной обороне очень крупной реки. Как общее правило, при данном виде обороны придется в действительности иметь дело с большей частью неприятельских сил, — правда, при благоприятствующих нам условиях. Отсюда легко усмотреть, что соотношение сил в этом случае скажется существенно.

Так обстоит дело с обороной средних рек и глубоко врезанных долин, когда действуют крупные массы войск. Значительное сопротивление, которое может быть оказано

[1] Клаузевиц в своем изложении имеет все время в виду сражение при Иене и в данном предложении осуждает сохранение пруссаками отдаленных резервов. — Р е д.

на самом краю обрыва в долину, не может ни в какой степени уравновесить невыгоды разброски сил этих крупных масс, для которых решительная победа является прямой потребностью. Но если дело заключается лишь в более прочном занятии второстепенной оборонительной линии, на которой необходимо сопротивляться в течение некоторого времени, выжидая подхода подкреплений, то, разумеется, может иметь место непосредственная оборона края обрыва в долину или самого берега реки; если здесь и не приходится рассчитывать на выгоды, подобные тем, какие представляются горными позициями, то все же сопротивление может продолжаться дольше, чем на обычной местности. Лишь в одном случае этот прием становится опасным или даже невозможным: это — когда река протекает крайне извилисто, образуя многочисленные излучины, что часто наблюдается именно у рек, текущих в глубоких долинах. Взглянем хотя бы на течение реки Мозеля. Части, выдвинутые в выступающие излучины для их обороны, почти неизбежно погибнут в случае отступления.

Само собою разумеется, что при обороне очень большой реки применим — и к тому же в гораздо более благоприятных условиях — тот способ обороны, какой мы признали наиболее подходящим для обороны рек средней величины при наличии значительных масс войск. Этот способ найдет применение преимущественно в тех случаях, когда обороняющийся стремится к решительной победе (Асперн).

Совершенно иначе складывается вопрос, когда армия располагается фронтом вплотную вдоль берега крупной или средней реки или края глубокой долины, дабы таким образом командовать над преграждающим доступ тактическим препятствием или усилить свой фронт. Ближайшее его рассмотрение относится к области тактики. О действительности такого приема мы скажем лишь одно: в сущности — это полнейший самообман. Если долина врезана очень сильно, то фронт позиции окажется совершенно неприступным. А так как обход этой позиции не представляет бо́льших затруднений, чем обход какой-либо иной позиции, то по существу все дело в данном случае сводится к тому, как-будто сам обороняющийся уклонился в сторону от пути наступающего; последнее, разумеется, едва ли могло вхо-

дить в задачу такого расположения. Оно, следовательно, может принести пользу лишь тогда, когда по условиям местности оно настолько угрожает коммуникационным линиям наступающего, что всякое уклонение от прямой дороги будет сопряжено для наступающего с чрезмерно невыгодными последствиями.

При этом втором виде обороны демонстративные переправы гораздо опаснее, ибо наступающий может их предпринимать с меньшими затруднениями, а задача обороняющегося, напротив, сводится к тому, чтобы сосредоточить все свои силы в надлежащем пункте. Однако, время, которым располагает обороняющийся, ограничено уже не в такой сильной степени, ибо его преимущества сохраняются до тех пор, пока наступающий не сосредоточил всех своих сил и не овладел несколькими переправами; к тому же действительность демонстративных атак не так велика, как при обороне кордона, когда все пункты необходимо удерживать за собою и когда при применении резерва центр тяжести заключается не в простом вопросе, где находятся главные силы противника, как то имеет место в данном случае, а в вопросе гораздо более сложном — в определении того пункта кордона, который будет раньше всего захвачен.

Относительно обоих видов обороны крупных и малых рек мы еще должны сделать одно общее замечание: организуемые в условиях поспешности и суматохи отступления, без необходимой подготовки, при невозможности удалить средства переправы и без точного знакомства с местностью, они не могут дать тех результатов, о которых мы здесь говорили. В большинстве случаев на эти благоприятные условия рассчитывать не приходится, и тогда было бы большой ошибкой распылять свои силы на растянутой позиции.

Так как на войне обычно терпит неудачу все то, что делается не с достаточно отчетливым сознанием и с неполным напряжением и твердостью воли, то и о б о р о н а р е к и вообще окажется неуспешной, если к ней обратятся лишь из страха дать сражение противнику в открытом поле, питая надежду, что неприятеля задержит ширина реки или глубина долины. В подобном случае наблюдается столь полное отсутствие уверенности в прочности своего положения, что обычно и полководец, и армия преисполнены са-

мых тревожных ожиданий; и действительность в короткий срок оправдывает эти опасения. Ведь сражение в открытом поле не предполагает, как в дуэли, совершенного равенства шансов; обороняющемуся, не умеющему извлечь для себя никаких преимуществ ни из природных свойств обороны, ни из быстроты маршей и знания местности, ни из свободы своих передвижений, ничто не поможет, а менее всего смогут выручить его река и ее долина.

* * *

Действенность третьего вида обороны — занятия крепкой позиции на неприятельском берегу — основывается на угрожающей неприятелю опасности, которая возникает из того, что река будет пересекать его коммуникационные линии и ограничивать их несколькими перекинутыми мостами. Само собою ясно, что в данном случае речь может итти лишь о крупных многоводных реках. Только такие реки подойдут к подобному случаю, ибо мелководная река, протекающая по глубоко врезанной долине, обычно имеет так много переправ, что указанная опасность совершенно устраняется.

Но позиция обороняющегося должна быть очень сильна, почти неприступна, в противном случае он пошел бы навстречу желаниям противника и отказался бы от своих преимуществ. Если же она настолько сильна, что неприятель не решится ее атаковать, то при известных обстоятельствах сам он окажется прикованным к тому же берегу, на котором находится обороняющийся. Если наступающий переправится на другую сторону, тем самым он откроет доступ обороняющемуся к своим коммуникационным линиям. Правда, в то же время он будет угрожать и нашим комуникационным линиям; здесь, как и во всех случаях расхождения обеих сторон по разным дорогам, все зависит от того, чьи сообщения по числу путей, их положению и прочим обстоятельствам являются более обеспеченными; от того, кто в совокупности всех условий может при этом больше проиграть, т. е. быть превзойденным противником; наконец, от того, которая из двух борющихся сторон сохранила в своей армии больше победного духа, дабы опереться на него в критический момент. Вся роль реки в

данном случае сводится лишь к тому, что она повышает обоюдную опасность подобного движения, ибо возможности каждой стороны ограничиваются теперь мостами. Поскольку можно предполагать, что в нормальных условиях переправа обороняющегося, а также его склады всех видов окажутся более обеспеченными крепостями, чем переправа и склады наступающего, постольку подобная оборона является вполне мыслимой и может явиться на замену непосредственной обороны реки, когда прочие обстоятельства недостаточно благоприятствуют последней. Правда, в этом случае ни армия не защищена рекою, ни река — армией; но соединение этих двух факторов прикрывает страну, а в этом — вся суть.

Впрочем, надо признать, что этот метод обороны без решительного удара — способ, напоминающий напряжение, в котором оказываются два противоположных электрических полюса при одном лишь соприкосновении их сфер, — пригоден только для того, чтобы задержать не слишком сильный импульс. Он вполне применим против осторожного, нерешительного полководца, который не рвется стремительно вперед даже при значительном перевесе сил; точно так же и в том случае, когда уже наступило колеблющееся равновесие сил обеих сторон и последние только стремятся выиграть друг у друга небольшие преимущества. Если же налицо большое превосходство сил и отважный противник, то это — опасный путь, приводящий на край гибели.

Впрочем, эта форма обороны выглядит так дерзко и в то же время так научно, что хотелось бы ее назвать элегантной; но так как элегантность может легко перейти в фатовство, что на войне не прощается так легко, как в обществе, то примеры такого рода элегантности очень редки[1]. Этот третий вид обороны реки породил особое подспорье для двух первых ее видов, а именно — удержание в своих руках моста и предмостного укрепления, дабы постоянно угрожать переправой на неприятельский берег.

---

[1] Эта фраза, начиная со слов: «но так как элегантность», выписана на немецком языке Лениным, начавшим выписку фразой в скобках: «такую-то защиту реки можно бы назвать «элегантной»..., но» и сопроводившим ее замечанием: «остроумно!»—Ред.

* * *

Помимо цели абсолютного сопротивления главными силами, каждый из этих трех видов обороны реки может иметь своей задачей и демонстративное сопротивление.

Создание такого призрака сопротивления, которое на самом деле мы оказывать не намерены, обычно может быть достигнуто и посредством многих других мероприятий в любом распоожении, несколько отличающемся от обычной остановки на ночлег во время марша; однако, при демонстративной обороне значительной реки призрак сопротивления разрастается в подлинное морочение противника, так как обороняющийся принимает множество более или менее обстоятельных мер; отсюда и воздействие демонстративной обороны реки обычно бывает более значительным и длительным, чем во всех других случаях. Выполнение такой переправы перед лицом неприятельской армии всегда является для наступающего очень важным шагом, и перед приступом к нему он часто затратит много времени на обдумывание, а иногда охотно отложит приступ к переправе до более благоприятного времени.

Для такой демонстративной обороны необходимо, следовательно, чтобы главные силы армии (приблизительно так же, как и при серьезной обороне) были расположены близ реки, но так как самое намерение ограничиться лишь демонстративной обороной показывает, что для действительной обороны обстоятельства недостаточно благоприятны, то такая группировка, которая по необходимости должна быть более или менее растянутой и раздробленной, легко может привести к опасности крупных потерь, если части армии начнут втягиваться хотя бы лишь в умеренное сопротивление; это явилось бы в подлинном смысле слова полумерой. При демонстративной обороне все должно быть рассчитано на безошибочное сосредоточение армии в пункте, расположенном позади и притом на значительном удалении (часто на расстоянии нескольких переходов); сопротивление должно быть оказано лишь совместное с осуществлением этого сосредоточения.

Дабы пояснить наш взгляд и в то же время показать все значение, которое может иметь такая демонстративная оборона, мы напомним о конце кампании 1813 г. Бонапарт привел обратно из-за Рейна каких-нибудь 40 000—50 000 человек. Защищать с такими силами реку на том протяжении, на котором союзники могли бы с удобством переправиться, не меняя направления своих сил, а именно от Мангейма до Нимвегена, являлось совершенно невозможным. Обстановка позволяла Бонапарту рассчитывать на оказание первого серьезного сопротивления лишь приблизительно на линии французского Мааса, где он имел бы возможность усилиться некоторыми подкреплениями. Но если бы он тотчас же отвел свою армию туда, то союзники последовали бы за ним по пятам; если бы он занял для отдыха квартирное расположение за Рейном, то пришлось бы почти немедленно сняться с квартир, ибо даже при самой робкой осторожности союзники перебросили бы через Рейн тучи казаков и других легких войск, а раз это осуществилось бы успешно, то за ними последовали бы и другие части. Таким образом, французские корпуса должны были заняться приготовлениями к серьезной обороне Рейна. Так как легко можно было предвидеть, что из этой обороны ничего не выйдет, если только союзники действительно приступят к переправе через Рейн, то на эту оборону надо было смотреть, как на простую демонстрацию, при которой французские корпуса не подвергались никакой опасности, так как пункт их сосредоточения лежал на верхнем течении Мозеля. Один лишь Макдональд, который, как известно, находился с 20 000 человек под Нимвегеном, допустил ошибку, оставаясь до момента, когда его фактически прогнали; так как оттеснение его из-за опоздания прибытия корпуса Винценгероде состоялось только в середине января, то это помешало Макдональду присоединиться к Бонапарту перед сражением под Бриенном. Демонстративная оборона Рейна все же оказалась достаточной, чтобы приостановить продвижение союзников и привести их к решению отложить переправу через Рейн до подхода подкреплений, т. е. задержало их на шесть недель. Эти шесть недель являлись для Бонапарта чрезвычайно ценными. Без демонстративной обо-

роны. Рейна победа под Лейпцигом непосредственно вела бы к Парижу, вступить же в бой по сю сторону этой столицы было бы для французов совершенно невозможно.

Подобный обман противника может иметь место и при втором виде речной обороны, т. е. при обороне рек среднего размера; однако, в общем он будет менее действительным, ибо в этом последнем случае осуществление попытки переправиться встречает меньше затруднений, а потому чары призрачной обороны рассеются скорее.

При третьем виде речной обороны демонстрация оказалась бы еще менее действительной и не могла бы пойти дальше демонстративной обороны любой позиции, занятой на короткий срок.

Наконец, первые два вида обороны весьма пригодны для того, чтобы придать выставленной для какой-либо второстепенной цели линии сторожевого охранения, или линии обороны (кордону), или второстепенному отряду, выдвинутому только для наблюдения, большую силу и надежность, которых они не имели бы при отсутствии реки. Во всех этих случаях речь может итти исключительно об относительном сопротивлении, а последнее, конечно, значительно усиливается при наличии такого местного рубежа. Мы должны притом иметь в виду не только относительно крупный выигрыш времени, который может дать сопротивление в течение самого боя, но и множество опасений, которые обычно появляются у неприятеля при подобных предприятиях и в результате которых, если обстоятельства не толкают особенно настойчиво вперед, в девяноста девяти случаях из ста предприятие останется невыполненным.

Глава XIX

ОБОРОНА РЕК

Продолжение

Теперь нам надо еще сказать кое-что о влиянии, оказываемом крупными и средними реками на оборону страны в том случае, когда эти реки не обороняются.

Каждая значительная река с ее главной долиной и с примыкающими к ней долинами представляет собой значительное местное препятствие и благодаря этому в общем является выгодной для обороны; особенности ее влияния могут быть очерчены в их главных проявлениях более точным образом.

Прежде всего мы должны различать, течет ли река параллельно границе, т. е. общему стратегическому фронту, или же ее течение имеет по отношению к границе косое или перпендикулярное направление. При параллельном течении мы должны различать тот случай, когда река находится в тылу нашей армии или же в тылу неприятеля, а в обоих случаях важно удаление, на котором находятся от реки войска той или другой стороны.

Обороняющаяся армия, имеющая в своем тылу на небольшом расстоянии (но не ближе одного перехода) значительную реку и обладающая на этой реке значительным числом обеспеченных переправ, находится, бесспорно, в более выгодном положении, чем если бы у нее не было в тылу этой реки, ибо хотя армия и связывается наличием определенных переправ и является несколько стесненной в своих движениях, но она гораздо больше выигрывает от обеспеченности своего стратегического тыла, т. е., главным образом, своих коммуникационных линий. При этом мы имеем в виду оборону в собственной стране, ибо в стране неприятельской, хотя бы неприятель стоял впереди нас, нам все же приходится в большей или меньшей степени опасаться появления его и в нашем тылу по ту сторону реки; в этом случае река, вследствие создаваемых ею дефиле, оказывала бы скорее вредное, чем полезное влияние на наше положение. Чем дальше позади армии протекает река, тем меньше пользы она приносит, а на известном расстоянии влияние ее совершенно исчезает.

Если наступающая армия при своем продвижении вперед должна оставить позади себя реку, то последняя окажет лишь вредное влияние на свободу ее движений, ибо она будет затруднять сообщение по коммуникационным линиям отдельными пунктами переправы. В 1760 г. принц Генрих, находясь против русских у Бреславля на правом берегу Одера, несомненно, получал опору в этой реке, про-

текавшей позади него на расстоянии перехода; напротив, русские, переправившиеся впоследствии через Одер под начальством Чернышева, оказались в невыгодном положении вследствие грозившей им опасности потерять путь отступления с утратой единственного моста через эту реку.

Если река течет через театр войны более или менее перпендикулярно к фронту, то выгода от нее будет опять-таки на стороне обороняющегося, ибо, во-первых, она доставляет обычно целый ряд удобных позиций, опирающихся флангом на реку и использующих для усиления фронта долины притоков (такую роль играла Эльба для пруссаков во время Семилетней войны); во-вторых, наступающий будет вынужден или оставить незанятым один из берегов реки, или разделить свои силы, а при таком разделении обороняющийся опять имеет шансы извлечь из него выгоды, так как в его распоряжении находятся более обеспеченные переправы, чем у наступающего. Стоит только бросить общий взгляд на Семилетнюю войну, чтобы убедиться, что Одер и Эльба оказались для Фридриха Великого при обороне его театра (а именно — Саксонии, Силезии и Бранденбурга) чрезвычайно полезными и, следовательно, в значительной мере препятствовали австрийцам и русским завоевать эти провинции, хотя подлинная оборона этих рек ни разу не имела места за все время Семилетней войны, а течение рек по обстановке оказывалось по большей части скорее косым или перпендикулярным по отношению к фронту, чем параллельным ему.

Лишь поскольку река при более или менее перпендикулярном направлении ее течения является водным путем, она в общем благоприятствует наступающему, так как коммуникационная линия последнего длиннее, а следовательно, и транспорт всего необходимого для него затруднительнее; в таком случае перевозки водой окажут ему значительное облегчение и послужат на пользу. Правда, и в данном случае у обороняющегося оказывается то преимущество, что он имеет возможность преградить крепостями пользование рекой наступающему, начиная от самой границы; однако, это не уничтожает выгод, которые река доставляет наступающему в пределах его собственной территории. Но нужно принять во внимание, следующие

обстоятельства: что многие реки там, где они по своей ширине имеют значение для войны в других отношениях, все же еще несудоходны; что иные реки бывают судоходны лишь в известное время года; что плавание вверх по течению крайне медленно и часто затруднительно; что многочисленные изгибы многих рек более чем удваивают длину пути; что в наше время главными путями сообщения между двумя странами являются шоссейные дороги; что теперь, больше чем в прежнее время, основную массу необходимых для войска продуктов обычно добывают в ближайших провинциях, а не доставляют издалека [1]. Отсюда ясно, что пользование рекой вообще не играет уже такой важной роли в деле снабжения войск, как обычно изображают в книгах, и что в этом отношении их воздействие на ход событий является крайне отдаленным и неопределенным.

Глава XX

А. ОБОРОНА БОЛОТ

Большие, занимающие обширные пространства болота встречаются так редко, что на них долго останавливаться не стоит; но не надо забывать, что кое-какие низины и болотистые берега небольших речек встречаются чаще и образуют значительные местные рубежи, которые могут быть использованы в целях обороны и которые в действительности часто для этого используются.

Хотя мероприятия по их обороне приблизительно таковы же, как и для обороны рек, тем не менее следует обратить внимание на некоторые особенности. Первая и важнейшая заключается в том, что те болота, которые вне гатей совершенно непроходимы для пехоты, делают переправу гораздо более затруднительной, чем какая бы то ни было река, ибо гать сооружается медленнее моста и притом не существует каких-либо средств переправы, при помощи которых можно было бы предварительно перебро-

---

[1] Преуменьшение значения подвоза объясняется не только несколько односторонним учетом опыта войн революции и Наполеона, но и полемикой с Виллизеном, переносившим центр тяжести стратегии на обеспечение работы тыла. — Ред.

сить часть войск для прикрытия работ по сооружению гати. Никто не приступит к постройке моста, не использовав часть лодок на перевозку авангарда, при переправе же через болото не может быть применен какой-либо соответственный подсобный прием; самый легкий способ организовать переправу одной пехоты через болото — это укладка досок, но при известной ширине болота на эту работу придется затратить несоизмеримо больше времени, чем на первую переправу через реку на лодках. Если вдобавок посредине болота протекает еще речка, через которую без моста пробраться нельзя, то задача переправы прикрывающих частей становится еще затруднительней, ибо по доскам могут перебраться отдельные люди, но доставить по ним тяжелые грузы, необходимые для постройки моста, невозможно. Это затруднение при известных обстоятельствах может стать непреодолимым.

Вторая особенность болот заключается в том, что переправы через них не могут быть окончательно уничтожены подобно тому, как это возможно по отношению средств переправы через реку: мосты можно разобрать или настолько разрушить, что ими уже нельзя будет пользоваться, гати же в лучшем случае можно перервать, что не имеет большого значения. Если посредине болота протекает небольшая речка, то хотя и можно снять с нее мост, но это не уничтожит всю переправу в целом в такой мере, в какой разрушение моста уничтожает переправу через значительную реку. Естественно, что при стремлении использовать болото для обороны придется всякий раз занимать сильными отрядами и серьезно защищать все имеющиеся гати.

Таким образом, с одной стороны, болота вынуждают к местной обороне, но, с другой, последняя облегчается невозможностью переправы в другом каком-либо месте. Эти две особенности придают обороне болот более местный и пассивный характер по сравнению с обороной рек.

Отсюда следует, что при обороне болот надо располагать сравнительно большими силами, чем при непосредственной обороне реки; следовательно, при одинаковых силах нельзя вдоль болот занимать столь же длинные оборонительные линии, — особенно в культурных странах, где

число переправ даже при благоприятной обстановке для обороны все же будет очень велико.

В этом отношении болота уступают большим рекам, и этому обстоятельству нельзя не придавать большого значения, ибо всякая местная оборона является делом трудным и опасным. Однако, если мы примем во внимание, что подобные болота и низменности обладают такой шириной, с которой нельзя сравнить ширину самых крупных европейских рек; что, следовательно, расположенный для обороны переправы отряд никогда не подвергается опасности быть подавленным огнем с противоположного берега; что действие его собственного огня благодаря крайне узкой и длинной гати бесконечно усиливается и что вообще переход через такую теснину, длиною в $^1/_4$ или в $^1/_2$ мили, представляет значительно бо́льшую задержку, чем переход по мосту, — то приходится сознаться, что такие низины и болота, если переходы через них не слишком многочисленны, принадлежат к числу сильнейших оборонительных линий, какие только могут оказаться.

Косвенная оборона, которую мы изучили в отношении больших и средних рек, — когда местный рубеж используется для того, чтобы в выгодных условиях вступить в генеральное сражение, — может точно так же применяться при расположении за болотами.

Третий метод речной обороны — при помощи занятия позиции на неприятельском берегу — оказался бы чересчур рискованным вследствие длительности переправы через болота.

Крайне опасно предпринимать оборону таких болот, сырых лугов, пойм и пр., которые вне гати не являются абсолютно непроходимыми. Достаточно неприятелю найти хотя бы одну переправу через них, чтобы прорвать оборонительную линию; а такой прорыв в случае серьезного сопротивления всегда сопряжен с большими потерями.

Б. ЗАТОПЛЕНИЕ

Теперь нам остается упомянуть еще о затоплении. И как средство обороны, и как явление природы оно, бесспорно, ближе всего подходит к обширным болотам.

Правда, затопления встречаются редко; пожалуй, Голландия — единственная страна, где они представляют явление, которое в отношении интересующего нас предмета заслуживает внимания. Эта страна и вынуждает нас по причине замечательных походов 1672 и 1787 гг., а также вследствие положения ее относительно Франции и Германии, посвятить данному вопросу некоторые соображения.

Голландские затопления по своему характеру отличаются от болотистых и непроходимых низин следующими особенностями:

1. Сама по себе страна сухая и состоит из лугов или пашен.

2. Ее прорезают многочисленные оросительные и водоотводные канавы большей или меньшей глубины и ширины, расположенные параллельными полосами.

3. Через всю страну во всевозможных направлениях проходят более крупные оросительные, осушительные и судоходные каналы, заключенные в дамбы; их свойства таковы, что перейти через них без мостов невозможно.

4. Поверхность всего района возможного затопления лежит заметно ниже уровня моря, а следовательно, и ниже уровня каналов.

5. Отсюда следует, что при помощи прорыва дамб, закрывания и открывания шлюзов можно покрыть водой страну так, что сухими останутся лишь дороги, пролегающие по более высоким дамбам, остальные же или будут совершенно под водою, или настолько размякнут, что ими пользоваться не придется. Уровень воды в затопленном районе достигает высоты лишь 3—4 футов, так что можно было бы, казалось, на коротком расстоянии пройти по затопленному пространству вброд, но этому препятствуют указанные в п. 2 небольшие канавы, которых под водой не видно. Лишь там, где эти канавы имеют соответственное направление, и между двумя из них можно продвигаться вперед, не переходя через ту или другую, затопление перестает быть абсолютной преградой. Понятно, что такое движение вдоль канав по затопленному пространству допустимо лишь на самых коротких расстояниях и, следовательно, этим обстоятельством можно пользоваться лишь в частных случаях, в тесных пределах тактики.

Отсюда вытекает следующее:

1. Наступающий ограничен некоторым небольшим числом подступов, пролегающих по довольно узким дамбам, обычно сопровождаемых справа и слева канавами, наполненными водой; следовательно, эти подступы представляют собой очень длинное дефиле.

2. Любое оборонительное сооружение на такой дамбе может чрезвычайно легко быть усилено так, что побороть его сопротивление окажется невозможным.

3. Обороняющийся таким же образом ограничен в своих действиях и может на каждом отдельном пункте придерживаться только пассивной обороны; следовательно, он обречен ожидать своего спасения от пассивного сопротивления.

4. В данном случае дело заключается не в одной оборонительной линии, которая преграждала бы, как барьер, доступ в страну; повсюду оказывается налицо то же препятствие доступу, прикрывающее фланги; имеется возможность непрестанно занимать новые позиции и таким образом заменять утраченный участок оборонительной линии другим. Мы готовы сказать, что число комбинаций здесь, как и на шахматной доске, неисчерпаемо.

5. Но так как такое состояние страны мыслимо лишь при чрезвычайно высокой культуре и большой плотности населения, то отсюда само собою вытекает, что число подступов, а равно и число отрядов, необходимых для их заграждения, окажется очень большим по сравнению со стратегическим расположением за другими преградами; отсюда опять-таки следует, что такая оборонительная линия не должна быть длинною.

Основная голландская линия идет от Наардена на Зюдерзее, большей частью за р. Фехтой до Горкума на Ваале, т. е., собственно говоря, к Бисбошу, и имеет протяжение около 8 миль. Для обороны этой линии было использовано в 1672 и 1787 гг. 25 000—30 000 человек. Если бы можно было уверенно рассчитывать на непреодолимое сопротивление, то, несомненно, результат являлся бы весьма значительным; по меньшей мере достигалось бы прикрытие расположенной позади голландской провинции. В 1672 г. эта линия действительно выдержала наступление значитель-

но превосходных сил под начальством великих полководцев, а именно — сначала Конде и затем Люксембурга, в распоряжении которых находилось от 40 000 до 50 000 человек; однако, решительных действий они не предприняли и предпочли выжидать наступления зимы, которая, впрочем, оказалась недостаточно суровой. Напротив, в 1787 г. сопротивление на этой линии оказалось совершенно ничтожным, и даже более серьезное сопротивление на гораздо более короткой линии, между Зюдерзее и Гаарлемским морем, было сломлено в один день воздействием весьма искусных и в точности отвечавших местным условиям тактических распоряжений герцога Брауншвейгского, несмотря на то, что силы пруссаков, действительно двинутые против этой линии, мало или даже вовсе не превосходили сил обороняющегося.

Различный исход этих двух оборон находится в зависимости от различия в главном командовании. В 1672 г. Людовик XIV напал на не изготовившихся к войне голландцев; последние, как известно, располагали сухопутными силами, не особенно проникнутыми воинственным духом. Поэтому большинство крепостей оказалось плохо снабженным предметами снаряжения и лишь со слабыми гарнизонами, состоящими из наемных войск; комендантами крепостей являлись или вероломные иностранцы, или свои да неспособные. Поэтому бранденбургские крепости на Рейне, занятые голландцами, очень скоро почти без сопротивления попали в руки французов точно так же, как и их собственные крепости, расположенные к востоку от указанной оборонительной линии, за исключением Гренингена. К захвату этого множества крепостей и свелась, главным образом, деятельность 150 000 человек французской армии.

Когда же, вследствие имевшего место в августе 1672 г. убийства братьев де-Витт, принц Оранский стал во главе правительства и внес единство в мероприятия по обороне, время оказалось еще не упущенным для того, чтобы заградить вышеуказанную оборонительную линию, и все мероприятия оказались настолько согласованными, что ни Конде, ни Люксембург, командовавшие после ухода обеих армий Тюрена и Людовика XIV оставшимися в Голландии

войсками, не отважились что-либо предпринять против отдельных отрядов.

В 1787 г. обстоятельства сложились совершенно иначе. Вся тяжесть обороны легла на одну лишь провинцию — Голландию, а не на все семь союзных провинций Нидерландской республики. Теперь не было и речи о взятии всех тех крепостей, которые в 1672 г. составляли главный предмет военных действий; оборона сразу ограничилась вышеупомянутой линией. Впрочем, и у наступающего имелось не 150 000 человек, а всего лишь 25 000; стоявший во главе полководец не являлся могущественным королем соседнего великого государства, а являлся посланцем весьма далекого, связанного всевозможными соображениями, государя. Народ же как и во всей республике, так и в провинции Голландия был разделен на две партии, но в Голландии партия республиканцев решительно господствовала и притом находилась в поистине восторженно приподнятом настроении. В этих условиях в 1787 г. могло быть оказано по меньшей мере столь же успешное сопротивление, как и в 1672 г. Однако, имелось и существенное различие: дело в том, что в 1787 г. не было единства в командовании. Последнее, переданное в 1672 г. в сильные руки разумного и предусмотрительного Вильгельма Оранского, оказалось в 1787 г. порученным так называемой комиссии обороны; эта комиссия, хотя и состоявшая из четырех сильных духом людей, не смогла, однако, внести во все дело обороны нужное единство мероприятий и внушить отдельным лицам требуемое доверие; поэтому весь инструмент оказался несовершенным и непригодным к употреблению.

Мы остановились немного на этих событиях, с целью внести несколько большую определенность в представление об этом оборонительном мероприятии и вместе с тем показать, насколько различна его действительность в зависимости от большего или меньшего единства и последовательности, господствующих в руководстве всего дела в целом.

Хотя организация и методы обороны такой оборонительной линии составляют предмет тактики, но близко соприкасаются и со стратегией; поэтому мы позволяем себе

сделать замечание, повод к которому нам дает кампания 1787 г. Мы полагаем, что, как ни пассивна должна быть по самой природе дела оборона отдельных пунктов, все же наступательная реакция на каком-либо участке сил всей оборонительной линии не исключается и может иметь хороший успех, если противник, как это имело место в 1787 г., не обладает заметным превосходством сил. Подобная вылазка может состояться лишь по дамбам и потому явится стесненной в свободе движений и не будет отличаться особой силой напора; но зато и наступающий не будет иметь возможности занять все те дороги и плотины, по которым он сам не подвигается Таким образом, у обороняющегося всегда явится возможность, при его знании страны и обладании крепостями, или произвести действительную фланговую атаку против наступающих колонн неприятеля, или же отрезать им связь с их запасами продовольствия. Если при этом иметь в виду, в каком крайне стесненном положении находится наступающий, — а именно, как в данном случае по сравнению со всеми другими возрастает его зависимость от сообщений, — то станет понятным, что каждая вылазка обороняющегося, имеющая хотя бы самые отдаленные шансы на успех, даже оставаясь только демонстрацией, может принести крупные последствия. Мы очень сомневаемся, решился ли бы подойти к Амстердаму осторожный и осмотрительный герцог Брауншвейгский, если бы голландцы предприняли хотя бы одну такую демонстрацию, — например, со стороны Утрехта.

Глава XXI

ОБОРОНА ЛЕСОВ

Прежде всего нужно различать густые, непроходимые, дикорастущие леса от культурных разросшихся лесных насаждений, которые частью очень редки, частью прорезаны многочисленными путями.

Последние, раз вопрос идет о занятии оборонительной линии, следует или оставлять у себя в тылу, или, по возможности, избегать. Обороняющийся, более чем наступающий, нуждается в том, чтобы иметь свободный кругозор, —

отчасти потому, что он является слабейшей стороной, отчасти потому, что естественные преимущества его положения побуждают обороняющегося развертывать свой план позднее наступающего. Если бы он допустил перед собою лесистую местность, то ему пришлось бы сражаться, как слепому против зрячего. Если бы он вздумал расположиться в лесу, то хотя обе стороны оказались бы слепыми, но это равенство не соответствовало бы естественным потребностям обороняющегося [1].

Итак, подобная лесистая местность не представляет каких-либо выгод для ведения обороняющимся боев, за исключением случая, когда она оказывается в тылу, где она позволяет укрыть от наблюдения неприятеля все, что происходит позади; лесистая местность может быть также использована обороняющимся для прикрытия и облегчения своего отступления.

Оговоримся, что здесь речь идет лишь о лесах в равнинной местности, ибо там, где местность носит решительно гористый характер, влияние последней в стратегии и тактике будет господствующим, и о нем мы уже говорили.

Но непроходимые леса, — т. е. такие, через которые можно пройти лишь по определенным дорогам, — несомненно, представляют для косвенной обороны выгоды, подобные тем, какие последняя извлекает из гор для завязки сражения в благоприятных условиях. Армия может позади такого леса выжидать в более или менее сосредоточенной группировке приближения неприятеля, чтобы атаковать его в момент дебуширования из теснин, образуемых лесными дорогами. Такой лес по оказываемому им воздействию скорее напоминает горы, чем реку, ибо хотя прохождение через него крайне медленно и трудно, однако в случае отступления он скорее выгоден, чем опасен.

Все же непосредственная оборона лесов, как бы непро-

---

[1] Это отрицательное отношение к использованию лесов сохранялось вплоть до мировой войны, когда оно уже вовсе не отвечало новой обстановке. Лесистая местность сильно ограничивает действительность огня современных артиллерийских масс и крайне затрудняет современное наступление. — Р е д.

ходимы они ни были, — рискованное дело даже для самой слабой цепи сторожевого охранения, ибо засеки представляют лишь воображаемые преграды, и никакой лес не является настолько непроходимым, чтобы через него в сотне пунктов нельзя было продвинуть небольшие отряды, а эти последние по отношению к сторожевой цепи напоминают первые капли воды, просочившиеся через плотину; за ними вскоре последует общий ее размыв.

Гораздо важнее влияние, оказываемое обширными лесами при народной войне; бесспорно, они являются подлинной ее стихией; поэтому, если стратегический план обороны можно так построить, что сообщения неприятеля окажутся пересеченными обширными лесами, то тем самым в дело обороны будет введен новый могучий рычаг.

Глава XXII

КОРДОН

Название кордона дается каждой изготовленной к обороне линии, стремящейся непосредственно защитить целую область путем ряда связанных между собою небольших отрядов, занимающих сильные позиции. Мы говорим *непосредственно*, ибо несколько выдвинутых на одну линию корпусов большой армии могли бы защищать от вторжения неприятеля значительную область страны, не образуя кордона, но такая защита не являлась бы непосредственной и осуществлялась бы путем различных комбинаций и движений.

Такая оборонительная линия, растянутая на большую длину, чтобы непосредственно прикрыть значительную область, обладает лишь ничтожной способностью к сопротивлению; это ясно до очевидности. Такая же неспособность к сопротивлению сохранится и при занятии кордона самыми крупными массами войск, если против них будут действовать соответственные массы. Отсюда следует, что *задачей* кордона может быть лишь оборона против удара слабого — по причине ли слабости волевого импульса или по причине незначительности тех сил, которые могут принять участие в этом ударе.

Таково и было назначение, для которого сооружалась Китайская стена: защита от набегов варваров [1]. Такое же значение имеют все организации линий и пограничных охран, устанавливаемых европейскими государствами, соприкасающимися с Азией и Турцией. При таком его применении кордон не становится в противоречие со здравым смыслом и не является нецелесообразным. Правда, не всякий набег может быть им предотвращен, но во всяком случае набеги будут затруднены и, следовательно, станут более редкими, а при взаимоотношениях, какие существуют с азиатскими народами, с которыми состояние войны никогда не прекращается, это чрезвычайно важно.

К этому значению кордона более всего приближаются и те линии, которые в новой истории устраивались также и в войнах между европейскими государствами, — как, например, французские линии на Рейне и в Нидерландах. Они, в сущности, были организованы для ограждения страны от вторжений, имевших задачей лишь сбор контрибуций и содержание войск противника. Таким образом, они имели назначением препятствовать лишь побочным предприятиям, а следовательно, и должны были обороняться только второстепенными силами. Но, конечно, в тех случаях, когда главные неприятельские силы направлялись против этих линий, обороняющийся оказывался вынужденным занять их также своими главными силами; отсюда возник один из далеко не лучших приемов обороны. Вследствие этой невыгоды и так как охрана от набегов в течение преходящей войны представляет задачу безусловно второстепенного значения, которая при наличности таких линий легко может повести к чрезмерной затрате сил, на эти линии в наше время стали смотреть, как на вредное мероприятие. Чем интенсивнее сила бушующей войны, тем это средство оказывается более бесполезным и опасным.

Наконец, все очень растянутые линии сторожевого охранения, прикрывающие квартирное расположение войск и долженствующие оказать некоторое сопротивление, могут рассматриваться как подлинные кордоны.

---

[1] В оригинале «татар», под которыми автор ошибочно разумеет всех кочевников Азии, преимущественно монголов, от которых Великая стена защищала внутренний Китай. — Ред.

Их сопротивление рассчитывается преимущественно против набегов и других небольших предприятий, покушающихся на безопасность расквартированных в отдельных селениях войск; для достижения этой цели при благоприятных условиях местности оно может получить достаточную силу. В том случае, если надвинутся главные силы неприятеля, сопротивление может быть лишь относительным, т. е. рассчитанным только на выигрыш времени, но и этот выигрыш времени окажется в большинстве случаев не очень значительным, а следовательно, на него можно смотреть, как на нечто меньшее, чем задача кордона сторожевого охранения. Сосредоточение и приближение самой неприятельской армии никогда не может осуществиться настолько незаметно, чтобы обороняющийся об этом впервые узнал лишь от своего охранения, и допустить это мог бы только такой обороняющийся, который заслуживал бы в подобном случае сожаления.

Следовательно, и в этом случае кордон выставляется лишь против нападения слабых сил и не противоречит, как в двух других случаях, своему назначению.

Но если главные силы, предназначенные для обороны страны от главных неприятельских сил, будут разбиты на длинный ряд отрядов, занимающих оборонительные позиции, т. е. образуют кордон, то это представляется столь несообразным, что является необходимость в исследовании дальнейших обстоятельств, сопровождающих и мотивирующих такое явление.

Всякая позиция в горной местности, — даже если она занимается с целью дать сражение вполне сосредоточенными силами, — может и неизбежно должна быть более растянутой, чем на равнине. Это в о з м о ж н о, ибо местные условия значительно повышают способность к сопротивлению; это н е о б х о д и м о, потому что здесь требуется более широкая база для отступления, как нами уже было отмечено в главе об обороне в горах. Но если в ближайшем будущем сражения не предвидится и если можно предполагать, что неприятель еще довольно долго будет оставаться против нас, ограничиваясь предприятиями лишь постольку, поскольку для них будет представляться благоприятный случай (состояние, являющееся обычным в боль-

шинстве войн), то естественно не ограничивать себя в отношении местности обладанием самым необходимым, но установить свое господство справа и слева над таким пространством территории, какое только допускает безопасность нашей армии; это дает нам разнообразные преимущества, как мы точнее еще покажем в дальнейшем. На открытой, доступной местности этого можно достигнуть при посредстве начала подвижности в большей мере, чем в горах; поэтому там для этой цели является меньшая потребность в растяжке и разброске вооруженных сил; к тому же они представляли бы там большую опасность, ибо на равнине каждая часть обладает гораздо меньшей способностью к сопротивлению.

Но в горах всякое обладание местностью находится в большей зависимости от местной обороны, так как нельзя скоро добраться до угрожаемого пункта и не так легко выбить противника даже превосходящими силами, раз он успел раньше нас занять известный пункт; при этих условиях в горах придут к расположению, хотя и не являющемуся подлинным кордоном, но все же приближающемуся к нему вследствие занятия ряда оборонительных позиций отдельными отрядами. Хотя от такой группировки, разбитой на несколько отрядов, остается еще большой шаг до кордона, но полководцы тем не менее часто его делают бессознательно, продвигаясь на этом пути от одной ступени к другой. Вначале целью раздробления сил является прикрытие местности и обладание ею, позднее это продолжается уже в интересах безопасности самих войск. Каждый начальник отдельного отряда учитывает выгоды, которые будут вытекать из занятия пункта, преграждающего тот или другой доступ вправо или влево от его позиции, и, таким образом, целое незаметно переходит с одной ступени дробления на другую.

Следовательно, кордонную войну, которая ведется главными силами, надо рассматривать при ее возникновении не как сознательно избранную форму, имеющую своей задачей отразить всякий удар неприятельских сил, а как положение, в которое попадают, преследуя совершенно иную цель, именно — сохранить господство над известной местностью и прикрыть ее от неприятеля, не имеющего в виду

предпринимать какие-либо крупные действия. Такое положение всегда является ошибочным, а основания, по которым у полководца постепенно выманивалось выделение одного небольшого отряда за другим, надо признать ничтожными по сравнению с задачами главных сил; во всяком случае они сигнализируют нам о возможности подобного заблуждения. Когда отдают себе отчет в этом заблуждении, т. е. в ложной оценке противника и своего собственного положения, то говорят об ошибочной с и с т е м е. Однако, с самой системой молча мирятся, когда ей можно следовать с известной выгодой или хотя бы без ущерба. Все восхваляют б е з у п р е ч н ы е походы принца Генриха во время Семилетней войны, ибо таковыми их признал сам король [1], хотя эти походы являют самые резкие, необъяснимые примеры такой растянутой разброски отдельных отрядов, которая заслуживает названия кордонов не менее всякой другой. Такие группировки можно вполне оправдать следующим образом: принц Генрих знал своих противников, — он знал, что ему нечего опасаться каких-либо решительных действий с их стороны, — а так как цель занятого им расположения всегда заключалась в том, чтобы сохранить в своих руках возможно больший район страны, то он шел в этом направлении настолько далеко, насколько допускали обстоятельства. Если бы принц, раскинувши эту паутину, хоть раз потерпел измену счастья и понес большие потери, то следовало бы утверждать, что дело не в неправильной системе ведения войны, которой держался принц Генрих, а в том, что он допустил промах в своих мероприятиях и применил их в неподходящем случае.

Пытаясь объяснить, как может возникнуть так называемая кордонная система использования главных сил на театре войны, — более того, каким образом она может оказаться разумной и полезной и, следовательно, уже не представляться абсурдом, — мы все же готовы признать, что, повидимому, бывают и такие случаи, когда полководцы или их генеральный штаб не отдают себе отчета в истинном значении кордонной системы. Они принимают ее относительную ценность за безусловную и серьезно счи-

[1] Фридрих Великий. — Р е д.

тают ее пригодной для прикрытия при всяком неприятельском наступлении. Здесь, следовательно, налицо будет не ошибочное применение мероприятия, а полное его непонимание. Мы готовы согласиться, что такой подлинный абсурд был, повидимому, допущен, между прочим, прусской и австрийской армиями при обороне Вогезов в 1793 и 1794 гг.

Глава XXIII

КЛЮЧ СТРАНЫ[1]

В военном искусстве нет теоретического представления, которое играло бы в области критики столь же крупную роль, как то, которым мы займемся в настоящей главе. Это — парадный конь, которого оседлывают все авторы, описывающие сражения и походы; это чаще всего встречающаяся исходная точка всякого резонерства и это тот фрагмент научного оформления, который хорошо знаком критике. Тем не менее, связанное с ним понятие до сих пор еще твердо не установлено и еще ни разу отчетливо не определено.

Мы попытаемся развить его до полной ясности, и тогда посмотрим, какая цена останется за ним для практической деятельности.

Мы рассматриваем его в этом месте нашего труда, так как предварительно надо было рассмотреть оборону гор и рек, а также понятия крепкой и укрепленной позиции, к которым оно непосредственно примыкает.

Неопределенное и путаное понятие, скрывающееся за этой древней военной метафорой, обозначало то такую местность, где страна представлялась наиболее открытой, то такую, где она представляла наибольшие трудности.

Если существует такой район, *без обладания которым нельзя отважиться на вторжение в неприятельскую страну*, то он по праву может быть назван ключом страны. Однако, этого простого, но довольно бесплодного представления оказалось недостаточ-

---

[1] Частично эта глава направлена против трудов эрцгерцога Карла. — Ред.

но для теоретиков; они возвели его в новую степень и под ключом страны стали разуметь такие пункты, которые решают вопрос об обладании страной в целом.

Когда русские хотели проникнуть в Крым, они должны были сперва овладеть Перекопом и его оборонительной линией, — не столько ради того, чтобы вообще получить в него доступ, ибо Ласси два раза (в 1737 и 1738 гг.) обходил эти линии [1], но для того, чтобы иметь возможность с известной степенью безопасности утвердиться в Крыму. Это чрезвычайно просто, но, правда, понятие пункта-ключа мало помогает уразумению этого. Но если бы действительно можно было сказать: тот, кто овладел районом Лангра, обладает или господствует над всей Францией вплоть до Парижа, т. е. что вступление во владение ею зависит лишь от него одного, то это было бы, очевидно, нечто иное, гораздо более важное. Согласно представлению первого рода нельзя мыслить обладание страной без обладания тем пунктом, который мы называем ключом, — это понятно простому здравому смыслу; согласно же представлению второго рода, обладание пунктом, называемым ключом, немыслимо без того, чтобы из него непосредственно не вытекало обладание страной; последнее представляет уже что-то чудесное, для понимания которого простого здравого смысла недостаточно, — для этого необходима магия чернокнижников. Эта кабалистика возникла в действительности в литературе лет 60 тому назад, достигла своего кульминационного пункта к концу прошлого столетия и, несмотря на подавляющую силу, уверенность и ясность, с какой методы ведения войны Бонапарта увлекли за собою убеждения всех современников, мы утверждаем, что она все же ухитряется тонкой живучей нитью тянуться по книжным страницам.

Само собою разумеется, что во всякой стране (раз мы должны отойти от нашего понятия пункта-ключа) найдутся пункты первенствующего значения, в которых сходятся многие дороги, в которых с удобством можно добывать продовольственные средства и из которых легко

---

[1] Переходя вброд Сиваш. — Ред.

направиться в любую сторону, — короче говоря, обладание которыми дает возможность удовлетворить разнообразные потребности и доставляет многие выгоды. Если полководцу вздумалось бы подчеркнуть одним словом важность такого пункта, назвав его к л ю ч о м с т р а н ы, то было бы педантизмом протестовать; напротив, в таком смысле это обозначение весьма выразительно и привлекательно. Но если из этого простого цветка красноречия хотят сделать ядро, из которого должна развиться целая система, с подобным дереву множеством разветвлений, то приходится взывать к здравому человеческому смыслу, чтобы он вернул этому выражению его истинную ценность.

От употребляемого на практике, но, конечно, очень неопределенного значения, которое имеет понятие «ключ страны» в рассказах полководцев о своих военных предприятиях, следовало бы перейти, при желании развить эту систему, к более определенному, следовательно, более одностороннему значению [1]. Из разных сторон этого значения выбрали в основу превышение местности.

Когда дорога переваливает через горный хребет, то благодаришь небо, что достиг уже высшей точки и начинаешь спуск. Это относится как к отдельному путешественнику, так в еще большей степени к армии. Кажется, что все трудности миновали; большей частью это действительно верно: спуск — легкое дело, мы чувствуем свое превосходство над всяким, кто вздумал бы воспрепятствовать нам; видишь всю страну перед собою и заранее господствуешь над ней взглядом. Таким образом, высшая точка, которой достигает дорога, переваливающая через гору, рассматривалась как самая главная; в большинстве случаев она действительно является таковой, но далеко не во всех. Такие точки очень часто получают название ключа в исторических повествованиях полководцев, — правда, опять-таки в несколько ином смысле и обычно в ограниченном значении. Преимущественно с этим представлением и связалась ложная теория (основателем которой можно, пожалуй, считать Ллойда). Она признала ключами страны к о м а н д у ю щ и е

[1] Ленин выписал этот абзац до этого места и сопроводил его замечанием: «Пример диалектики NB «Более определенный = более односторонний»... — Р е д.

над страной пункты, с которых спускается несколько дорог в страну, в которую предстоит вступить. Являлось вполне естественным, что это понятие сливалось с близко с ним соприкасавшимся, а именно — с представлением о систематической обороне гор[1], а вследствие этого все дело углублялось еще дальше в область иллюзий. К этому присоединились и некоторые элементы, имеющие значение при обороне гор, и, таким образом, вскоре понятие высшей точки дороги было оставлено, а за ключ страны стали признавать вообще высшую точку всей данной системы гор, т. е. точку водораздела.

А так как около этого времени, т. е. во второй половине XVIII столетия, распространились более ясные представления об образовании земной поверхности путем процесса размыва, то этой военной теории протянули руки естественные науки в образе этой геологической системы; тогда все плотины жизненной правды оказались прорванными, и резонирование всякого рода разлилось потоками фантастической теории, построенной на геологической аналогии. К концу XVIII столетия только и говорилось — или, вернее, писалось — об истоках Рейна и Дуная. Правда, эта чепуха господствовала главным образом только в книгах, ибо в действительную жизнь проникает малая доля книжной мудрости и притом тем меньшая, чем нелепее излагаемая в ней теория. Однако теория, о которой идет сейчас речь, на беду Германии не осталась без влияния на практическую деятельность: нам приходится сражаться не с одними ветряными мельницами и, чтобы это доказать, мы напомним о двух действительных происшествиях: во-первых, о важных, но чрезвычайно ученых походах прусской армии 1793 и 1794 гг. в Вогезы, теоретическое обоснование которых дают книги Граверта и Массенбаха; во-вторых, о походе 1814 г., где армию в 200 000 человек потащили на буксире той же нелепой теории через Швейцарию на так называемое Лангрское плато.

Дело в том, что высокий пункт известной местности, с которого стекают в разные стороны источники вод, по большей части не что иное, как пункт возвышенный, и все,

---

[1] См. главу XVII этой части. — Ред.

что в конце XVIII и в начале XIX столетия писалось об его влиянии на военные события с преувеличением и неправильным применением понятий, правильных по существу, является полнейшей фантазией. Если бы Рейн, Дунай и все шесть рек Германии имели одно общее место истока на о д н о й какой-нибудь горе, то все же эта последняя в военном отношении представляла бы собой ценность разве лишь пункта, пригодного для устройства тригонометрического сигнала. Для световой сигнализации она уже оказалась бы менее соответствующей, для наблюдательного поста — еще менее, а для целой армии — совсем не пригодной.

Итак, искание к л ю ч е в о й п о з и ц и и страны в м е с т н о с т и, признанной к л ю ч о м, т. е. там, где различные горные отроги расходятся из одной общей точки и где начинаются самые высокие источники вод, представляет собою чисто книжную идею, которую отвергает самая природа, так как она творит хребты и долины не столь доступными сверху вниз, как признавалось до сих пор так называемым учением о местности, а разбрасывает по своему произволу вершины, долины и нередко окружает самый низкий уровень вод наиболее высокими массами гор. Если по этому вопросу навести справку в военной истории, то легко убедиться, как мало конечные геологические пункты известной местности влияют на ее использование для военных действий и насколько в этом смысле преобладают другие районы и другие потребности. Часто линии фронта проходят от указанных пунктов на самом близком расстоянии, и все же последние не привлекают к себе внимания.

Мы не будем больше заниматься этим ложным понятием — мы задержались на нем так долго потому, что на него опиралась целая горделивая система, — и вернемся к нашей точке зрения.

Итак, мы говорим: если выражение к л ю ч е в а я п о з и ц и я должно соответствовать какому-нибудь самостоятельному понятию, то таковым может быть лишь понятие о местности, без обладания которой невозможно отважиться проникнуть в данную страну. Если этим именем обозначают каждый удобный проход в страну или каждый удобный центральный пункт, то это название утрачивает свое специфическое значение (т. е. свою ценность) и обозначает

нечто такое, что можно найти повсюду, и тогда оно становится лишь красивым риторическим оборотом.

Итак, позиции, которые соответствовали бы понятию о ключе страны, будут, конечно, встречаться крайне редко. По большей части лучший ключ к стране находится в неприятельском войске[1], и для того, чтобы понятие места могло господствовать над понятием вооруженных сил, должны существовать особо благоприятные условия. Последние, на наш взгляд, проявляются в двух главных моментах: во-первых, в том, чтобы расположенные в этом пункте войска, благодаря содействию местных условий, были в состоянии оказать сильное тактическое сопротивление, и, во-вторых, чтобы эта позиция угрожала сообщениям неприятеля раньше, чем наши сообщения окажутся под угрозой с его стороны.

Глава XXIV

ФЛАНГОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ

Едва ли нам нужно подчеркивать, что мы говорим о фланге стратегическом, т. е. о боковом протяжении в масштабе театра войны, и что с этим не следует смешивать атаку, направленную сбоку в сражении, т. е. тактического флангового воздействия; даже в тех случаях, когда стратегическое воздействие в своей последней стадии совпадает с тактическим, оно легко может быть от него отделено, ибо одно никогда не является естественным следствием другого.

Эти фланговые воздействия и связанные с ними фланговые позиции также принадлежат к парадным конькам теории, с которыми на войне лишь редко приходится встречаться не потому, что самое средство является недействительным или иллюзорным, но потому, что обе стороны обычно стараются оградить себя от его воздействия; случаи же, когда уклониться от него невозможно, крайне редки. В этих-то редких случаях средство это часто проявляло значительную действенность. Вследствие этого, а также по причине того постоянного внимания, которое оно к себе вызывает во время войны, нам представляется важным дать

[1] Эта фраза выписана Лениным, сопроводившим ее замечанием: «Остроумно и умно!» — Ред.

ясное теоретическое представление об этом средстве. Хотя стратегическое фланговое воздействие, конечно, мыслимо не только при обороне, но и при наступлении, все же оно имеет гораздо больше сродства с первым, и потому ему место в числе средств обороны.

Прежде чем углубиться в этот вопрос, мы должны установить простейший принцип, который затем никогда не будем терять из виду: те силы, которые должны действовать в тылу или на фланге неприятеля, уже не могут действовать на него с фронта; отсюда вытекает, что совершенно ложным является представление, будто з а х о ж д е н и е в т ы л само по себе уже является чем-то существенно важным. Само по себе это — ничто, и становится оно чем-то лишь в связи с другими данными; притом оно явится выгодным, а может быть и невыгодным, в зависимости от того, каковы эти другие данные; исследование последних и получает для нас особое значение.

Прежде всего в воздействии на стратегический фланг надо различать две стороны, а именно: воздействие на одну лишь к о м м у н и к а ц и о н н у ю л и н и ю и воздействие на п у т ь о т с т у п л е н и я, с которым может быть соединено и первое воздействие.

Когда Даун в 1758 г. выслал летучие отряды для перехватывания подвоза к осаждавшим Ольмюц войскам, он, очевидно, не имел намерения преградить королю путь отступления в Силезию; напротив, он скорее хотел побудить короля к этому отступлению и охотно открыл бы ему путь отступления.

В кампанию 1812 г. все летучие отряды, которые в сентябре и октябре отделялись от главных сил русских, имели своей задачей лишь прервать сообщения французов, но отнюдь не преградить им п у т ь о т с т у п л е н и я. Осуществление же последнего намерения являлось очевидно задачей Молдавской армии Чичагова, двигавшейся к Березине, а также войск ген. Витгенштейна, наступавшего против находившихся на Двине французских корпусов.

Приводим эти примеры лишь для большей ясности понимания.

В основном воздействие на коммуникационные линии направляется против неприятельского подвоза, против дого-

няющих главные силы мелких воинских команд, против курьеров и отдельных проезжающих лиц, против небольших неприятельских складов и пр., — словом против всего того, что необходимо для поддержания сил и здоровья неприятельской армии. Такое воздействие должно этим путем ослабить армию противника и побудить ее к отступлению.

Воздействие на путь отступления неприятеля имеет задачей отрезать ему отступление. Оно может достигнуть этой цели лишь в том случае, если неприятель действительно решит отступать; впрочем, возможно, что оно и принудит его к отступлению путем соответственной угрозы. Следовательно, производя демонстративный нажим на путь отступления, можно достигнуть такого же результата, как и при воздействии на коммуникационную линию. Но всех этих последствий, как мы уже говорили, надлежит ожидать не от одного лишь обхода, не просто от геометрической формы группировки сил, а лишь от соответственных условий.

Чтобы яснее представить себе эти условия, мы совершенно разделим рассмотрение этих двух видов флангового воздействия и прежде всего остановимся на направленном против коммуникационной линии.

Тут мы прежде всего должны выдвинуть два основных условия, из которых одно или другое должно иметься налицо.

Первое условие: надо, чтобы для подобного воздействия на коммуникационные линии противника достаточно было таких незначительных сил, отсутствие которых было бы почти незаметным на фронте.

Второе условие: неприятельская армия должна находиться у конца своего пути[1] и, следовательно, не имеет возможности каким-либо образом использовать новую победу над нашей армией или быть не в силах следовать за нашей отступающей армией.

Мы пока не будем касаться последнего случая, который встречается не так редко, как могло бы показаться на первый взгляд, и займемся дальнейшими условиями первого случая

Ближайшие из этих условий заключаются в том, чтобы коммуникационная линия неприятеля имела известную длину

[1] Клаузевиц употребляет слово «Bahn», которое надо понимать как путь, имеющий конечную точку. — Перев.

и не могла быть обеспечена двумя-тремя хорошими отрядами; второе — чтобы она по своему положению была доступна для нашего воздействия.

Доступность ее может быть двоякого рода: или по своему направлению, если коммуникационная линия идет не перпендикулярно к фронту противника, или — при условии прохождения ее по нашей стране; если оба условия совпадают, то доступность становится тем большею. Оба условия требуют более подробного анализа.

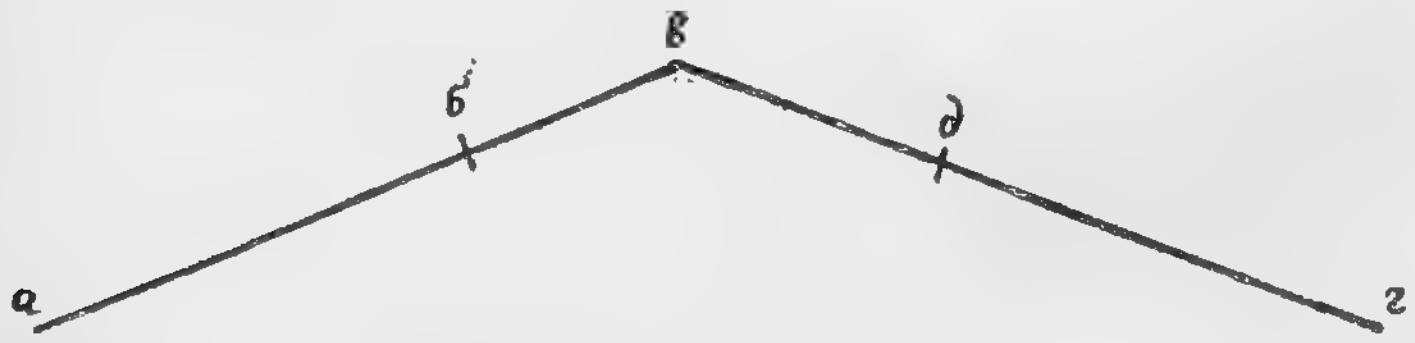
Казалось бы, когда речь идет о прикрытии коммуникационной линии в 40—50 миль, не так уж важно, расположена ли стоящая в конце этой линии армия под острым углом к ней: протяжение фронта армии по сравнению с длиной коммуникационной линии представляется как бы точкой; и все же — это не так. Даже при большом превосходстве в силах трудно прервать перпендикулярно отходящую неприятельскую коммуникационную линию путем набегов, направленных из армии. Если думать только о трудности абсолютного прикрытия известного пространства, то этому нельзя было бы поверить; напротив, следовало бы полагать, что армии трудно прикрыть свой тыл (т. е. местность, лежащую позади нее) от всех партий, какие может отрядить превосходящий нас силами противник. Разумеется так, если бы на войне все обстояло так же ясно, как представляется на бумаге! Тогда, конечно, прикрывающий, не зная, на каком пункте может появиться летучий отряд, должен был бы фигурировать до известной степени в роли слепца, и одни лишь партизаны оставались бы зрячими. Но если иметь в виду недостоверность и несовершенство всех сведений, получаемых на войне, и не забывать, что обе стороны непрерывно как бы впотемках нащупывают почву, то станет ясным, что летучий отряд, посланный в обход флангов для действий в тылу неприятельской армии, окажется в положении человека, которому в темной комнате приходится иметь дело со многими людьми. С течением времени он должен погибнуть; то же случится с отрядами, которые обойдут неприятельскую армию, занимающую перпендикулярную позицию, и, следовательно, будут находиться вблизи последней совершенно отрезанными от собственной армии. Мало того, что этим создается риск потерять

много сил, но и самое орудие очень скоро притупляется; первая же беда, постигшая один из таких отрядов, сделает остальные робкими, и вместо отважных налетов и дерзкого задирания получится зрелище непрерывного улепетывания.

Итак, благодаря этой трудности прямое расположение армии прикрывает ближайшие пункты своей коммуникационной линии и притом, в зависимости от силы армии, на расстоянии двух или трех переходов; а эти ближайшие пункты и являются наиболее угрожаемыми, ибо они ближе всего расположены и к неприятельской армии.

Между тем, при заметно косом расположении нет такой обеспеченной части коммуникационной линии, и малейший нажим — безобиднейшая попытка со стороны противника — тотчас попадает в чувствительную точку.

Что же определяет фронт расположения армии, не занимающей перпендикулярного положения по отношению к коммуникационной линии? Фронт противника; но последний можно с таким же правом мыслить зависящим от нашего фронта. Здесь появляется взаимодействие, исходную точку которого мы должны отыскать.



Если мы себе представим коммуникационную линию наступающего *аб*, расположенною по отношению к коммуникационной линии обороняющегося *гд* так, что она с нею образует значительный угол, то станет ясным, что если бы обороняющийся захотел занять позицию в точке *в*, где обе линии встречаются, наступающий из точки *б* мог бы его принудить одним геометрическим соотношением обернуться к нему фронтом и тем самым открыть свою коммуникационную линию. Но дело будет обстоять иначе, если обороняющийся расположится, не доходя до точки пересечения обеих линий, — положим, в точке *д*, тогда наступающий оказался бы вынужденным повернуться к нему фронтом;

мы предполагаем, что он не может произвольно менять направления своей операционной линии, которая ближайшим образом определяется географическими объектами, и не найдет возможности обратить ее, например, в направление *ад*. Отсюда следует, что в этой системе взаимодействия обороняющийся имеет лишний шанс перед наступающим; так как ему для получения преимущества надо лишь занимать позицию, не доходя до точки пересечения обеих линий. Мы далеки от того, чтобы придавать большое значение этому геометрическому элементу, и остановились на его разборе лишь для того, чтобы сделать нашу мысль вполне понятной; напротив, мы совершенно убеждены, что местные и вообще конкретные обстоятельства в гораздо большей мере обусловливают расположение обороняющегося, и нет никакой возможности дать какие-либо общие указания относительно того, которая из двух сторон окажется вынужденной больше подставить под удары свою коммуникационную линию.

Если коммуникационные линии той и другой стороны идут в одном и том же направлении, та из сторон, которая примет по отношению к ним косое расположение, принудит и другую сделать то же, но в таком случае геометрически не получится никакой выгоды: та и другая сторона приобретут одинаковые преимущества и потерпят одинаковый ущерб.

Поэтому в нашем дальнейшем изложении мы будем исходить из факта одностороннего обнажения коммуникационной линии.

Что же касается второго невыгодного положения коммуникационной линии, создавшегося при ее прохождении по неприятельской стране, то само собой понятно, в какой мере она окажется обнаженной, если жители этой страны возьмутся за оружие. На создавшееся положение придется смотреть, как на развертывание неприятельских сил вдоль всей коммуникационной линии. Хотя эти силы сами по себе чрезвычайно слабы, — они лишены плотности и неспособны к интенсивным усилиям, — но надо задуматься над тем, к чему приведет такое враждебное соприкосновение и воздействие во множестве пунктов, расположенных один подле другого вдоль линии значительного протяжения, где оно

проявится. Здесь не требуются дальнейшие разъяснения. Но даже и тогда, когда подданные враждебной стране не взялись за оружие, когда в стране нет ландвера или какой-нибудь другой военной организации населения, и даже в тех случаях, когда народ отличается крайне невоинственным духом, уже одно простое отношение чужих подданных к неприятельскому правительству представляет собою весьма чувствительную невыгоду для коммуникационной линии противной стороны. Помощь, которой пользуется летучий отряд, благодаря бо́льшей легкости сношения с жителями, знакомству с местностью и людьми, получаемой ориентировке и содействию со стороны властей имеет для него решающую ценность, — и эта помощь оказывается такому отряду без особых усилий с его стороны. К этому надо добавить, что на известном удалении всегда имеются крепости, реки, горы и другие убежища, которые в любое время оказываются в распоряжении нашего противника, если мы не вступим во владение ими и не снабдим их гарнизонами.

При таком отношении населения и в особенности при наличии и других благоприятных обстоятельств действие на коммуникационную линию неприятеля окажется возможным и в том случае, когда коммуникационная линия отходит перпендикулярно от фронта неприятельской армии, ибо нашим летучим отрядам уже не всегда явится необходимость возвращаться к своей армии; они смогут найти достаточное укрытие и в простом уклонении в пространства собственной страны.

Итак, мы теперь ознакомились: 1) со значительной длиной; 2) с косым положением и 3) с неприятельской территорией как с главными обстоятельствами, при которых коммуникационные линии могут быть прерваны относительно небольшими силами противника; для того чтобы этот перерыв сообщений оказался действенным, требуется еще четвертое условие, а именно — известная длительность. В этом отношении мы сошлемся на сказанное нами по этому поводу в XV главе 5-й части.

Эти четыре условия являются лишь четырьмя основными, охватывающими этот вопрос; к ним примыкает множество местных и конкретных обстоятельств, которые часто ста-

новятся гораздо более важными и вескими, чем основные условия. Чтобы назвать самые существенные, укажем на качество дорог, характер местности, по которой они проходят, на средства прикрытия, какими могут явиться реки, горы, болота, на время года и атмосферные условия, на значение отдельных отраслей подвоза, например, осадного парка, на количество легких войск и пр.

От всех этих обстоятельств будет зависеть успех, которого полководец сможет добиться на коммуникационной линии противника. Сравнивая общую сумму этих обстоятельств у одной стороны с общей суммой тех же обстоятельств у другой, мы получим соотношение между обеими системами сообщений; от этого же соотношения зависит, который из двух полководцев сможет в указанном смысле превзойти другого.

То, что выходит столь пространным в изложении, часто разрешается в каждом конкретном случае сразу наглаз; но для этого, конечно, необходима приобретенная путем опыта интуиция[1].

Надо продумать все разобранные здесь случаи, чтобы затем иметь возможность сознательно отнестись к обычной глупости писателей-критиков, полагающих, что словами о б х о д и д е й с т в и е в о ф л а н г уже что-то сказано без дальнейшей мотивировки.

Теперь переходим ко в т о р о м у о с н о в н о м у у с л о в и ю, при котором может иметь место стратегическое действие во фланг.

Дальнейшему продвижению неприятельской армии может препятствовать не наше сопротивление, а какая-нибудь другая причина; какова бы последняя ни была, нашей армии уже нечего бояться ослабления своих сил выделением значительных отрядов; ведь если бы даже неприятель пожелал наказать нас за это, то мы сможем свободно уклониться от удара. Последнее имело место в русской главной армии в 1812 г. под Москвой. Но чтобы создался такой случай, вовсе не нужны столь огромные размеры и большой размах, какие мы наблюдаем в этом походе. Фридрих

---

[1] В оригинале: такт суждения, тренированный опытом.— П е р е в.

Великий всякий раз оказывался в таком же положении на границах Богемии или Моравии в течение первой Силезской войны; в сложной обстановке, в которой могут оказаться полководцы и их армии, можно себе представить самые разнообразные причины преимущественно политического характера, делающие дальнейшее продвижение вперед невозможным.

В этом случае силы, выделяемые для действий на фланг, могут быть более значительны, поэтому остальные условия могут быть и не столь благоприятны: даже соотношение между нашей системой сообщений и системой сообщений противника не должно складываться обязательно в нашу пользу, так как неприятель, неспособный извлечь из нашего дальнейшего отступления выгоды, едва ли будет в силах расплатиться с нами той же монетой, а скорее озаботится непосредственным прикрытием своего отступления.

Итак, указанная обстановка оказывается весьма подходящей, чтобы достигнуть тех результатов, которых не желают добиваться путем сражения, представляющегося слишком рискованным, при помощи средства, которое менее блестяще и менее богато последствиями, чем победа, но зато и менее опасно.

В подобном случае фланговая позиция, обнажающая наши сообщения, не внушает уже таких сомнений и может всякий раз принудить противника занять косое по отношению к его коммуникационной линии расположение; таким образом, это вышеуказанное условие для успешного флангового воздействия будет иметь место почти неизбежно. Чем большее содействие окажут другие условия и иные благоприятные обстоятельства, тем скорее можно ожидать успеха от этого средства; наоборот, чем меньше будет иметься налицо таких благоприятных обстоятельств, тем больше будет зависеть успех от превосходства в искусстве комбинаций и от быстроты и уверенности в выполнении.

Здесь открывается подлинная область стратегического маневрирования, столь многократно повторявшегося во время Семилетней войны в Силезии и в Саксонии, в походах 1760 и 1762 гг. Если во многих войнах, отличавшихся слабостью проявлений стихийной силы, часто встре-

чается подобное стратегическое маневрирование, то оно, конечно, бывает не потому, что уж так многочисленны случаи, когда можно видеть полководца, стоящего у предела своих наступательных достижений, а потому, что недостаток решимости, мужества и предприимчивости, страх перед ответственностью часто заменяют истинные и веские основания; достаточно напомнить о фельдмаршале Дауне.

Сводя к одному основному выводу все наши рассуждения, мы найдем, что фланговое воздействие будет наиболее действительным:

1) при обороне;
2) к концу похода;
3) преимущественно при отступлении внутрь страны;
4) в соединении с народной войной.

О способе выполнения этого воздействия на коммуникационные линии нам остается сказать лишь несколько слов.

Эти предприятия должны выполняться искусными партизанами, которые совершают смелые марши и нападают своими маленькими отрядами на мелкие неприятельские гарнизоны, транспорты, передвигающиеся взад и вперед команды, ободряют взявшуюся за оружие часть населения[1] и соединяются с ней для отдельных предприятий. Отряды скорее должны быть многочисленны, чем сильны, и так организованы, чтобы было возможно объединение нескольких отрядов для выполнения более крупных предприятий; этому не должно слишком сильно препятствовать честолюбие и самодурство отдельных вождей.

Теперь нам остается еще поговорить о действиях против пути отступления.

Здесь нам особенно надо иметь в виду выдвинутый нами в самом начале принцип: силы, действующие в тылу противника, не могут быть использованы на фронте; следовательно, на действия против фланга или тыла нельзя смотреть, как на увеличение сил, а лишь как на более потенцированное[2] их применение — потенцированное в отношении результатов и в то же время потенцированное в отношении опасности.

---

[1] В оригинале: ландштурм. — Перев.
[2] Т. е. возведенное в высшую степень. — Ред.

Всякое вооруженное сопротивление, не являющееся простым и непосредственным, имеет тенденцию усиливать свою действенность за счет своей обеспеченности. Воздействие на фланг сосредоточенными силами или силами разъединенными, охватывающими противника, принадлежит к этой категории.

Но если действительно мы имеем серьезное намерение отрезать путь отступления и это не является простой демонстрацией, то подлинным разрешением этой задачи может явиться только решительное сражение или, по крайней мере, совокупность всех необходимых для него условий; в этом разрешении мы снова натолкнемся на отмеченные уже выше два элемента: бо́льшие достижения и бо́льшая опасность. Поэтому, чтобы полководец считал себя вправе придерживаться этого способа действий, у него должны быть обосновывающие его благоприятные условия.

При этом способе сопротивления мы должны различать две упомянутые раньше формы. Первая заключается в том, что полководец желает всей своей армией атаковать неприятеля с тыла — или исходя из занятой им с этой целью фланговой позиции, или путем подлинного обхода; вторая форма связана с разделением сил и занятием охватывающей группировки, чтобы полководец мог одной частью армии угрожать тылу неприятеля, а другой — фронту.

Повышение успеха в обоих случаях одно и то же, а именно: или действительно будет отрезан путь отступления и удастся захватить в плен или рассеять большую часть сил противника, или же вызывается поспешный отход на значительное расстояние неприятельской армии, уклоняющейся от этой опасности.

Но повышение опасности в этих двух случаях различно.

Если мы обходим неприятеля всеми своими силами, то опасность заключается в том, что мы обнажаем свой тыл, и тогда все опять зависит от соотношения между обоими путями отступления, — подобно тому, как в аналогичном случае при воздействии на коммуникационные линии все сводилось к соотношению между этими линиями.

Правда, обороняющийся, находясь в собственной стране, менее, чем наступающий, стеснен в отношении своих коммуникационных линий и путей отступления, а потому имеет

большую возможность осуществить стратегический обход; однако, это общее положение является недостаточно исчерпывающим, чтобы на нем строить практический метод действия.

Таким образом, решающим моментом является совокупность обстоятельств данного конкретного случая.

К этому можно еще добавить, что естественно благоприятные условия чаще встречаются при обширных пространствах, чем при небольших, и чаще в государствах самостоятельных, чем в слабых, рассчитывающих на посторонюю помощь, армии которых, следовательно, должны прежде всего не упускать из виду пункт соединения с армией, следующей на выручку; наконец, к концу похода, когда сила напора наступающего истощилась, эти условия складываются наиболее благоприятно для обороняющегося, — приблизительно так же, как это имеет место в отношении коммуникационных линий.

Фланговая позиция, какую русские в 1812 г. заняли с громадной выгодой для себя на дороге из Москвы в Калугу, когда сила напора Бонапарта уже истощилась, оказалась бы пагубной для них в начале кампании в Дрисском лагере, если бы они не догадались своевременно изменить свой план.

Другая форма обхода и отрезывания пути отступления при помощи разделения своих сил сопряжена с опасностью такого разъединения, тогда как неприятель, располагая преимуществами внутренних линий, остается сосредоточенным и имеет возможность атаковать каждую отделившуюся часть противника превосходными силами. Можно поставить себя в такое невыгодное положение, которое ничем не может быть возмещено, лишь при наличии одного из трех следующих основных поводов:

1) первоначального распределения сил, вызывающего необходимость подобного образа действий во избежание большой потери времени;

2) значительного материального и морального превосходства, дающего право на применение самых решительных форм;

3) истощения силы напора противника, находящегося в конце пути своего наступления.

Концентрическое вторжение Фридриха Великого в Богемию в 1757 г. не имело целью объединить фронтальное наступление с наступлением на стратегический тыл, — по крайней мере, это никак не составляло главной его задачи, как мы более подробно разъясним это в другом месте. Во всяком случае ясно, что не могло быть и речи о предварительном соединении его сил в Силезии или в Саксонии до этого вторжения, ибо в таком случае он лишился бы всех выгод внезапности.

Когда союзники планировали вторую часть похода 1813 г., они при значительном материальном превосходстве могли уже думать о нанесении удара главными силами по правому флангу Бонапарта, а именно — на Эльбе, чтобы таким путем перенести театр военных действий с Одера на Эльбу. Неудачу, которую они потерпели под Дрезденом, следует приписать не их общим предначертаниям, а ряду допущенных ими стратегических и тактических промахов. Под Дрезденом они имели возможность сосредоточить 220 000 человек против 130 000 Бонапарта — соотношение сил безусловно для них благоприятное (под Лейпцигом оно выражалось в цифрах 285 : 157). Правда, Бонапарт, приняв своеобразную систему обороны на одной линии, слишком равномерно распределил свои силы (в Силезии 70 000 против 90 000, в Бранденбурге — 70 000 против 110 000), но во всяком случае ему было бы трудно, не уступая Силезии, сосредоточить на Эльбе такие силы, которые были бы в состоянии нанести решительный удар главной неприятельской армии. Точно так же союзники легко могли продвинуть к Майну войска, состоявшие под начальством Вреде, и попытаться отрезать Бонапарту дорогу на Майнц.

С развитием кампании 1812 г. русские имели основание направить свою молдавскую армию на Волынь и Литву, чтобы позже двинуть ее в тыл главной французской армии, ибо не могло быть ни малейшего сомнения, что Москва окажется кульминационной точкой операционной линии[1] французов. За Россию, лежавшую по ту сторону Москвы,

---

[1] Клаузевиц вместо термина «операционная линия» употребляет выражение «линия предприятия». — Перев.

в продолжение этого похода нечего было опасаться; поэтому русской главной армии не было никаких оснований считать себя слишком слабой.

Та же форма группировки вооруженных сил лежала в основании первоначального, составленного ген. Пфулем, оборонительного плана, согласно которому армия под начальством Барклая должна была отойти в Дрисский лагерь, а армия Багратиона — наступать на тыл главных сил французов. Но какая разница между этими двумя моментами! В первом (хронологически — Ред.) французы были втрое сильнее русских; во втором — русские были заметно сильнее французов. В первом — французская армия имела силу напора, которой хватило до самой Москвы, на 80 миль дальше Дриссы; во втором — она уже не была в состоянии продвинуться хотя бы на один переход дальше Москвы; в первом — линия отступления до Немана не превышала 30 миль, во втором — она достигала длины 112 миль. То же воздействие на путь отступления противника, которое во второй момент оказалось таким успешным, было бы непростительной глупостью в первом.

Так как воздействие на путь отступления, не являющееся простой демонстрацией, заключается в действительном наступлении с тыла, то об этом можно было бы еще многое сказать; однако, это будет более уместно отнести в часть труда, посвященную наступлению.

Прерывая на этом наше рассмотрение, мы довольствуемся указанием тех условий, при которых может иметь место этот вид реакции.

Обычно под намерением принудить неприятеля к отходу угрозой его пути отступления разумеют скорее простую демонстрацию, чем действительное осуществление. Если бы в основе каждой демонстрации, дающей нужные результаты, непременно должна была лежать полная осуществимость подлинного действия, как это представляется естественным на первый взгляд, то все условия, необходимые для успеха демонстрации, должны были бы совершенно совпадать с условиями, требуемыми для подлинного действия. Однако на деле это не так; в главе, посвященной демонстрациям, мы увидим, что эти последние связаны с несколько иными условиями, и отсылаем к ней читателя.

Глава XXV

ОТСТУПЛЕНИЕ ВНУТРЬ СТРАНЫ

Мы рассматривали добровольное отступление внутрь страны как особенный косвенный вид сопротивления, при котором неприятель должен погибнуть не столько от нашего меча, сколько от собственного напряжения. При этом или вообще не предполагается никакого генерального сражения, или же срок его откладывается до того времени, когда неприятельские силы окажутся уже значительно ослабленными.

Продвижение наступающей армии связано с потерей сил из-за самого продвижения; это будет обстоятельно рассмотрено в седьмой части, но здесь мы должны предвосхитить вывод; последнее для нас тем легче, что в военной истории ясно об этом свидетельствует каждая кампания, в течение которой имело место значительное продвижение.

Такое ослабление наступающего по мере его продвижения развивается усиленным темпом, если противник не побежден, а отходит добровольно со своими несломленными, сохраняющими свежесть войсками, но заставляет оплачивать кровью каждую пядь земли постоянным, строго размеренным сопротивлением, так что движение наступающего вперед является непрерывным пробиванием себе дороги, а не одним лишь преследованием.

С другой стороны, потери, которые несет при отступлении обороняющийся, будут гораздо сильнее, если он отходит после проигранного сражения, чем если он это делает добровольно. Ибо если бы он и был в состоянии оказывать преследующему тот ежедневный отпор, на который мы рассчитываем при добровольном отступлении, то терпел бы еще урон, связанный с отступлением, вследствие чего соответственно нарастали бы потери, понесенные им в сражении. Но как неестественно это предположение! Лучшая в мире армия, когда она бывает вынуждена отступать вглубь страны после проигранного сражения, понесет при этом совершенно несоразмерные потери, а если значительное превосходство находится на стороне противника, что обыкновенно бывает в таких случаях, и он с большой энергией поведет преследование, что почти всегда наблю-

далось в последних войнах, то все шансы за то, что произойдет подлинное бегство, и в результате его армия обычно окончательно погибает.

Строго размеренное ежедневное сопротивление должно всякий раз длиться лишь до тех пор, пока равновесие в борьбе еще может поддерживаться в состоянии колебания; при этом методе действий мы страхуем себя от поражения, во-время уступая то пространство, за которое шел бой. Такая борьба обойдется наступающему по крайней мере так же дорого в отношении потерь людьми, как и обороняющемуся. Если последний время от времени неизбежно несет при отступлении потери пленными, то наступающий будет нести бо́льший урон от огня, ибо ему постоянно придется сражаться в невыгодных условиях в отношении местности. Правда, отступающий окончательно теряет своих тяжело раненых, но и наступающему приходится временно сбрасывать их со счетов, так как обычно они остаются в течение нескольких месяцев в госпиталях.

В конечном выводе обе армии будут в равной мере истреблять друг друга в этом постоянном взаимном соприкосновении.

Совершенно иную картину представляет преследование разбитой армии. В этом случае потери во время сражения, расстройство порядка, подорванное мужество и забота об отступлении крайне затрудняют для отступающего такое планомерное сопротивление, а в некоторых случаях делают его даже совершенно невозможным. Преследующий в первом случае продвигается вперед с крайней осторожностью, даже нерешительно, как слепой, нащупывающий перед собой почву; во втором же случае он ломится твердым шагом победителя, с дерзостью счастливца, с уверенностью полубога, ни перед чем не останавливаясь, — и чем смелее он идет напролом, тем более ускоряет он ход событий в том направлении, какое они уже приняли, ибо здесь — подлинная область моральных сил, которые растут и умножаются, не будучи связаны узкими гранями цифр и мер материального мира.

Отсюда ясно, насколько различно будет соотношение между обеими армиями в зависимости от того, каким из этих двух приемов они достигнут того пункта, на который

можно смотреть, как на предел намеченного наступающим для себя пути.

Но мы говорили лишь о результате взаимного истребления; к этому результату примыкает еще и ослабление, испытываемое наступающим от других причин; относительно него, как уже было сказано выше, мы отсылаем читателя к седьмой части этого труда. С другой стороны, отступающий в большинстве случаев получает подкрепления в лице вооруженных сил, развертывающихся позднее; они могут явиться или в виде внешней помощи, или представлять новые формирования, созданные собственными настойчивыми усилиями.

Наконец, в отношении продовольствия между отступающим и продвигающимся вперед наблюдается такое несоответствие, что нередко первый живет в изобилии, в то время как другой чахнет от нужды.

Отступающий имеет возможность всюду накоплять запасы, навстречу которым он и идет, в то время как преследующий должен все направлять вдогонку, что даже при самой короткой коммуникационной линии бывает затруднительно, раз он находится в движении; это обстоятельство с самого начала вызывает во всем недостаток.

Все местные средства используются и большей частью исчерпываются отступающим. Остаются лишь обобранные деревни и города, выкошенные и вытоптанные поля, вычерпанные колодцы и замутненные ручьи.

Таким образом, продвигающаяся вперед армия нередко с первого же дня вступает в борьбу за самые насущные потребности. Рассчитывать на неприятельские запасы она при этом совершенно не может, ибо было бы простой случайностью или непростительной ошибкой отходящего, если бы время от времени что-нибудь попадало в руки его противника.

Итак, нет сомнений, что при больших пространствах и не слишком большом несоответствии сил воюющих сторон, подобное отступление приведет к такому соотношению между вооруженными силами, которое сулит обороняющемуся бесконечно больше шансов на успех, чем какие он имел бы в случае, если бы решительное сражение произошло на границе. Но благодаря изменению в соотношении сил растут

не только шансы на победу; одновременно с изменившимся положением сторон увеличивается и значение победы. Какая огромная разница между сражением, проигранным на собственной границе, и сражением, проигранным в глубине неприятельской страны! Более того, положение наступающего, находящегося в конце намеченного им себе пути, часто бывает таково, что даже выигранное сражение может побудить его к отступлению, ибо у него нет уже ни необходимого напора, чтобы завершить и использовать победу, ни возможности пополнить понесенные потери.

Поэтому имеется существенное различие в том, дано ли решительное сражение в начале наступления или в конце его.

Противовесом огромным выгодам приведенного способа обороны являются два обстоятельства: первое — потери, которые несет страна от вторжения неприятеля, второе — моральное впечатление.

Правда, на ограждение страны от потерь никогда нельзя смотреть, как на цель обороны в целом, ибо этой целью будет выгодный мир. Все усилия должны быть направлены на достижение последнего возможно более надежным способом, и нет той временной жертвы, которую можно было бы считать чрезмерной. Однако эти потери, хотя бы они и не имели решающего значения, все же должны быть положены на чашу весов, ибо всегда будут нас интересовать.

Эти потери непосредственно не затрагивают нашей армии и оказывают воздействие на нее лишь более или менее кружным путем; между тем, само отступление непосредственно усиливает вооруженные силы. Поэтому трудно противопоставлять выгоды, получаемые армией при отступлении, жертвам, на которые обрекается страна; это явления разного порядка, и между ними нет близкой точки взаимодействия. Поэтому мы можем ограничиваться лишь замечанием, что указанные потери будут больше, когда приходится жертвовать плодоносной, густо населенной провинцией и значительными торговыми городами, а наибольшими явятся тогда, когда вместе с этой провинцией будут утрачены и средства борьбы в готовом или полуготовом состоянии.

Второе обстоятельство, являющееся противовесом, это — моральное впечатление. Бывают случаи, когда полководцу

необходимо через него перешагнуть, спокойно проводить свой план и взять на себя все невыгоды, создаваемые близоруким малодушием. Однако это еще не дает нам права считать моральное впечатление за призрак, которым можно пренебречь. Его следует уподоблять не такой силе, которая прилагается к одной точке, а такой силе, которая с быстротой молнии пронизывает все фибры и расслабляет всякую деятельность в народе и в армии. Конечно, бывают случаи, когда смысл отхода внутрь страны быстро усваивается и народом и армией, причем доверие и надежды даже возрастают, но такие случаи очень редки. Обычно ни народ, ни армия даже не разбирают, является ли данное движение добровольным отходом или же спотыкающимся, нерешительным отступлением, а еще менее — приняли ли этот план из мудрой предусмотрительности, чтобы обеспечить в будущем успех, или же из страха перед силой оружия противника. Народ будет испытывать чувства сострадания и досады, видя судьбу, постигшую принесенные в жертву провинции; армия легко может утратить доверие к своему вождю и даже веру в свои силы, а непрерывные арьергардные бои во время отступления будут постоянно вновь подтверждать ее опасения. Относительно т а к и х п о с л е д с т в и й отступления не следует заблуждаться. И безусловно, рассматривая вопрос сам по себе, было бы естественнее, проще, благороднее, более соответственно моральному облику народа открыто выступить к барьеру, чтобы неприятель не мог переступить границы народа, не встретившись с его гением, требующим удовлетворения кровью.

Таковы выгоды и невыгоды указанной выше системы обороны; теперь еще несколько слов об условиях ее и о благоприятствующих ей обстоятельствах.

Обширные пространства или, по крайней мере, длинная линия отступления составляют главное и основное условие, ибо несколько переходов вперед, конечно, не смогут заметно ослабить неприятеля. Центр сил Бонапарта в 1812 г. под Витебском имел в своем составе 250 000 человек, под Смоленском — 182 000, а под Бородином он сократился уже до 130 000 человек, т. е. сравнялся с численностью центра русских. Бородино находится от границы на расстоянии

90 миль; но только под Москвой образовался решительный перевес в пользу русских, что дало делу настолько несомненный новый оборот, что даже победа французов под Малоярославцем не могла внести в него существенного изменения.

Такой колоссальной территории, как Россия, не имеет ни одно европейское государство, и лишь у немногих из них можно себе представить линию отступления, достигающую сотни миль. Но зато и такая сила, как у французов в 1812 г., нелегко может встретиться при других обстоятельствах, а особенно такой перевес, какой наблюдался в начале похода на одной стороне: у французов было более чем вдвое войск и, кроме того, решительное моральное превосходство. Поэтому то, чего удалось здесь достигнуть лишь на протяжении 100 миль, при других обстоятельствах, пожалуй, может быть достигнуто при отступлении на 50, а то и на 30 миль.

К числу благоприятствующих обстоятельств принадлежат:

1) малокультурная местность;
2) верный воинственный народ;
3) дурное время года.

Все эти обстоятельства затрудняют содержание неприятельской армии, вынуждают организовать обширный подвоз, обусловливают постоянное выделение отрядов, утяжеляют службу, увеличивают заболевания и облегчают обороняющемуся воздействие на фланг противника.

Наконец, мы должны коснуться и абсолютных размеров боевых сил, что оказывает в данном случае известное влияние.

По самой природе вещей, независимо от соотношения сил обеих сторон, небольшая армия, в общем, скорее истощается, чем более значительная; следовательно, наступательный полет ее будет короче, а размеры ее театра войны не могут быть велики. Таким образом, до известной степени существует постоянное соотношение между абсолютными размерами вооруженных сил и размерами пространства, какое эти силы могут занять. Не может быть и речи о том, чтобы дать численное выражение этому соотношению; к тому же оно всегда будет меняться под влиянием

других обстоятельств; достаточно сказать, что эти явления в глубочайшей основе своего существа обладают такой связью. С 500 000 человек можно двинуться на Москву, с 50 000 — нельзя, хотя бы в последнем случае соотношение сил и было гораздо более благоприятным, чем в первом.

Если мы примем это соотношение между абсолютными силами и пространством одинаковым в двух разных случаях, то нет никакого сомнения, что успех нашего отступления в смысле ослабления неприятеля будет расти с ростом масс.

1. Продовольствие и расквартирование неприятеля будет затруднительнее, ибо, хотя пространство, захватываемое войсками, растет в той же пропорции, как и сама армия, все же продовольствие никогда не добывается исключительно на этом пространстве, а все, что приходится везти за армией, подвергается потерям в большем размере; также и для расквартирования можно использовать не все пространство, но лишь весьма малую его часть, которая не растет пропорционально росту масс.

2. Проникновение внутрь страны будет тем медленнее, чем крупнее становятся массы; следовательно, требуется больше времени для завершения всего пути наступления, и сумма ежедневных потерь возрастет.

3 000 человек, которые гонят перед собою 2 000, не позволяют последним в обычных условиях местности отступать небольшими переходами в 1—2, максимум 3, мили и время от времени останавливаться на несколько дней для отдыха. Настигнуть их, атаковать и погнать — дело нескольких часов. Но если мы помножим эти количества на 100, то картина получится совсем иная. Действия, которые в первом случае требовали нескольких часов, потребуют теперь уже целого дня, а то и двух дней. Каждая из сторон уже не может находиться полностью сосредоточенной в одном пункте; в связи с этим растет разнообразие всех движений и комбинаций, а следовательно, увеличивается и время, требуемое для их выполнения. Но при этом наступающий оказывается в худшем положении, так как он вынужден из-за трудности снабжения разбрасываться больше, чем отступающий, и, следовательно, всегда находиться под угрозой того, что последний нападет

на какой-нибудь пункт превосходными силами, как то хотели сделать русские под Витебском.

3. Чем крупнее становятся массы, тем больше увеличивается затрата сил каждого отдельного человека, которую от него требует ежедневная стратегическая и тактическая служба. 100 000 человек, которым ежедневно приходится выступать и развертываться, — то останавливаться на привал, то снова продолжать марш, то браться за оружие, то готовить пищу и принимать продукты, — 100 000 человек, которые не могут расположиться на ночлег раньше, чем со всех сторон не придут надлежащие донесения, потребуют, в общем, вдвое больше времени для всех этих второстепенных побочных усилий походной жизни, чем это нужно колонне силой в 50 000 человек; но ведь сутки для тех и для других имеют лишь 24 часа. А насколько время и усилия, затрачиваемые на один переход, различаются в зависимости от массы войск, мы уже показали в IX[1] главе предыдущей части. Правда, это напряжение разделит с наступающим и отступающий, но у первого оно значительно больше:

а) потому что, согласно предположенному нами превосходству его сил, масса его больше;

б) потому что обороняющийся, постоянно уступая место противнику, этой жертвой приобретает себе право всегда сохранять в своих руках решение, всегда предписывать другому закон. Он заранее составляет для себя план действий, и в большинстве случаев этот план ничем не нарушается, между тем как продвигающийся вперед может строить свой план лишь в согласии с неприятельской группировкой, которую он предварительно всегда должен постараться разведать.

Дабы не подумали, что мы впадаем в противоречие с тем, что нами было сказано в XII главе 4-й части, мы должны здесь напомнить, что речь идет о неприятеле, который не только не потерпел поражения, но даже не был побежден в сражении.

Эта прерогатива — всегда предписывать закон противнику — ведет к сбережению времени и сил и ко многим

---

[1] Фактически — в X главе — Ред.

побочным преимуществам; получаемый выигрыш, суммируемый на протяжении известного времени, окажется весьма существенным;

в) потому что отступающий, с одной стороны, делает все, чтобы облегчить свой отход, — он распоряжается починкой дорог и мостов, выбирает самые удобные места для ночлегов и т. д., — а с другой стороны, направляет столько же усилий на то, чтобы затруднить продвижение преследующему, разрушая мосты, уже одним своим прохождением портя и без того плохие дороги, отнимая у противника лучшие места для ночлега и пользования водой, так как он сам их занимает, и т. п.

Наконец, как на особо благоприятное условие укажем еще на народную войну. На последней здесь не приходится более подробно останавливаться, так как ей мы посвящаем особую главу.

До сих пор мы говорили о выгодах, какие приносит подобное отступление, о тех жертвах, каких оно требует, и об условиях, которые должны иметься налицо для его успешности; теперь мы хотим еще поговорить о его выполнении.

Первый вопрос, который мы должны поставить, касается направления отступления.

Оно должно совершаться в н у т р ь страны, следовательно, вести по возможности к такому пункту, где неприятель с обеих сторон будет охвачен нашими провинциями; тогда он подставит себя под их воздействие, мы же не будем подвергаться опасности б ы т ь о т т е с н е н н ы м и о т г л а в н о г о я д р а н а ш е й с т р а н ы, что могло бы произойти, если бы мы избрали линию отступления, проходящую слишком близко к нашей границе; это случилось бы с русскими, если бы они в 1812 г. решились отступать на юг вместо того, чтобы отступать на восток.

Это — условие, заключающееся в самой цели мероприятия. От обстоятельств будет зависеть, какой пункт страны признать за лучший, насколько может быть соединена с таким выбором задача непосредственного прикрытия столицы или другого важного пункта или же отвлечения неприятеля от них в другом направлении.

Если бы русские в 1812 г., заранее обдумав свой отход, проводили его вполне планомерно, они легко могли бы от Смоленска взять направление на Калугу, на которое они перешли лишь после очищения Москвы; очень возможно, что в этом случае Москва совсем не пострадала бы.

Дело в том, что под Бородином силы французов приблизительно достигали 130 000 человек; нет никаких оснований предполагать, что французы были бы сильнее, если бы русские приняли сражение на полпути к Калуге; сколько же из этих сил французы могли выделить и направить к Москве? Очевидно, весьма немного: но на расстояние 50 миль (удаление Смоленска от Москвы) нельзя отрядить слабые силы против такого города, как Москва.

Положим, что Бонапарт счел бы возможным рискнуть выделить для этой цели силы раньше, чем имело место решительное сражение, — например, из Смоленска, после боя под которым у него еще оставалось 160 000 человек. Допустим, что для этого он отрядил бы 40 000 человек, а против главных русских сил у него осталось бы 120 000 человек. В таком случае к моменту сражения эти силы сократились бы до 90 000 человек, т. е. оказались бы на 40 000 меньше, чем имевшиеся налицо под Бородином. Таким образом, у русских получился бы перевес в 30 000 человек. Если принять ход Бородинского сражения за мерило, то можно предполагать, что в этих условиях русские оказались бы победителями. Во всяком случае соотношение сил было бы более для них благоприятным, чем под Бородином. Но отход русских не являлся осуществлением заранее обдуманного плана; отступление зашло так далеко потому, что всякий раз, как задумывали принять бой, находили себя недостаточно сильными для генерального сражения. Все средства продовольствия и пополнения были направлены на дорогу, ведущую от Москвы к Смоленску, и в Смоленске никому не могло притти в голову ее оставить. Кроме того, победа между Смоленском и Калугой никогда не загладила бы в глазах русских греха оставления Москвы беззащитной в жертву возможному захвату ее неприятелем.

Еще вернее Бонапарт мог в 1813 г. прикрыть Париж, заняв позицию значительно в стороне, — скажем, за Бургундским каналом, — и оставив в Париже лишь несколько

тысяч человек и многочисленную национальную гвардию. Никогда у союзников нехватило бы духу отправить против Парижа корпус в 50 000—60 000 человек, зная, что под Оксером находится Бонапарт со 100 000 человек. С другой стороны, никто не посоветовал бы союзным армиям, если бы последние находились в положении Бонапарта, покинуть дорогу, ведущую в столицу, если бы их противником был Бонапарт. При имевшемся перевесе сил он ни минуты не задумался бы над тем, чтобы пойти прямо на столицу. Столь различен конечный вывод даже при тождественных обстоятельствах, но при ином соотношении моральных сил.

К этому мы лишь добавим, что при таком боковом направлении столица или то место, которое желают этим путем вывести из игры, должны обладать во всяком случае известной способностью к сопротивлению, дабы любой летучий отряд не мог занять и наложить на них контрибуцию. А теперь мы пока оставим эту тему, так как в дальнейшем, при рассмотрении вопроса о плане войны, мы еще к ней вернемся.

Но мы должны остановиться еще на одной особенности в вопросе о направлении линии отступления, а именно — на внезапном повороте в сторону. После того как русские все время, вплоть до Москвы, держались одного и того же направления, которое привело бы их к Владимиру, они затем покинули его, перейдя сначала на рязанское направление, а затем и на калужское. Если бы они оказались вынужденными продолжать свое отступление, то последнее могло бы легко продолжаться в этом направлении и привело бы их к Киеву, т. е. значительно приблизило бы их к неприятельской границе. Что французы, — даже если бы они в то время еще и сохраняли заметное превосходство над русскими, — не могли бы при этом удержать своей коммуникационной линии через Москву, ясно само собою; они должны были бы оставить не только Москву, но, по всей вероятности, и Смоленск, т. е. покинуть с таким трудом доставшееся им завоевание и удовольствоваться театром войны по западную сторону Березины.

Правда, при этом русская армия попала бы в то же самое невыгодное положение, в каком она могла очутиться, если бы сразу, с самого начала, взяла направление отсту-

пления на Киев, а именно — она оказалась бы отрезанной от главного ядра своего государства, но этот ущерб оказался бы уже теперь почти лишь воображаемым, ибо состояние, в котором пришла бы неприятельская армия к Киеву, если бы она не проделала перед тем кружного пути через Москву, было бы, конечно, совершенно иным.

Ясно, что такой поворот в сторону пути отступления, легко выполнимый при больших пространствах, доставляет значительные выгоды:

1) он лишает противника (наступающего) возможности сохранять прежние коммуникационные линии, устройство же новых представляет всегда значительные трудности; к этому присоединяется еще и то обстоятельство, что он будет изменять свое направление лишь постепенно, а следовательно, ему придется не один раз искать новых коммуникационных линий;

2) если благодаря этому обе стороны снова приближаются к границе, наступающий уже не прикрывает группировкой своих сил сделанные им завоевания и будет вынужден, по всей вероятности, от них отказаться.

Россия со своими огромными пространствами представляет такое государство, где две армии положительно могут играть друг с другом в кошки и мышки. Но и в странах с меньшей площадью такого рода повороты в сторону пути отступления возможны, если прочие обстоятельства тому благоприятствуют, о чем можно заключить лишь из рассмотрения всех условий данного конкретного случая.

Раз направление, в котором решено вовлечь неприятеля внутрь страны, установлено, то отсюда естественно следует, что наши главные силы должны отходить в этом направлении, ибо в противном случае и неприятель не двинул бы на это направление своих главных сил, а если бы он это и сделал, то мы не имели бы возможности поставить его в намеченные выше нами условия. При этом может возникнуть лишь один вопрос, следует ли держаться этого направления всеми силами или же выделить для отхода в сторону значительные части, чтобы осуществить таким образом свое отступление эксцентрически [1].

[1] Клаузевиц полемизирует здесь с Бюловым, требовавшим эксцентрического направления отступления. — Ред.

На этот вопрос мы должны ответить, что такая форма должна быть отвергнута:

1. Потому что таким путем силы разделяются, между тем как стягивание их к одному пункту составляет одно из главнейших затруднений для наступающего.

2. Потому что при этом на долю наступающего выпадают все выгоды, сопряженные с внутренними линиями; будучи более сосредоточен, чем мы, он приобретает больший перевес сил на отдельных пунктах. Правда, это превосходство, когда мы практикуем систему, заключающуюся прежде всего в постоянном уклонении, представляет меньше опасности; однако, условия этого уклонения всегда требуют, чтобы мы представляли постоянную угрозу для противника и не позволили разбить себя по частям, что легко может иметь место. Дальнейшее непременное условие такого отступления заключается в том, чтобы постепенно достигнуть превосходства наших главных сил, дабы иметь возможность использовать это превосходство для решительного сражения; при раздроблении сил это оставалось бы под вопросом.

3. Потому что вообще концентрические действия против неприятеля не подобают слабейшей стороне.

4. Потому что при разъединенных силах обороняющегося исчезают многие невыгоды, присущие слабым сторонам наступающего.

Главными уязвимыми сторонами при далеком продвижении наступления являются длинные коммуникационные линии и обнаженные стратегические фланги. Эксцентрическая форма отступления принудит наступающего развернуть фронтом в сторону часть своих сил; эта часть, назначенная собственно лишь для нейтрализации противопоставленных ему вооруженных сил, одновременно выполнит и другую побочную задачу — прикроет часть коммуникационной линии.

Следовательно, с точки зрения только стратегического воздействия отступления эксцентрическая форма невыгодна; иногда же ее задача заключается в подготовке позднейшего воздействия на коммуникационную линию противника; по этому поводу мы отсылаем к сказанному нами в предыдущей главе.

Существует лишь одна цель, для достижения которой допустимо согласиться на эксцентрическую форму отступления, а именно, — если посредством этой формы мы можем оградить такие области, которые иначе были бы заняты неприятелем.

Нетрудно в большинстве случаев наперед с достаточной достоверностью предвидеть, какие пространства справа и слева займет продвигающийся вперед противник; указаниями для этого являются сбор и направление его сил, положение его провинций, крепостей и пр. по отношению к нашим; занимать войсками те пространства, на которые он, вероятно, покушаться не будет, было бы опасной расточительностью сил.

Труднее, однако, предвидеть, будем ли мы в состоянии воспрепятствовать неприятелю занять те области, которые он, вероятно, захочет занять, развернув там известные силы; в этом вопросе многое зависит от интуиции.

Когда русские отступали в 1812 г., они оставили корпус в 30 000 человек под начальством Тормасова на Волыни против австрийцев, которые должны были вторгнуться в эту область. Обширность этой области, разнообразие трудностей, представляемых местностью, отсутствие перевеса неприятельских сил, которые должны были начать здесь наступление, давали русским право надеяться, что они здесь одержат верх или, по крайней мере, удержатся недалеко от границы [1]. Это впоследствии могло принести значительные выгоды, на которых мы здесь не будем останавливаться; кроме того, было почти невозможно своевременно подтянуть эти войска к главным силам, даже если бы этого и захотели. По этим причинам с полным основанием решили оставить эти войска на Волыни, чтобы вести там свою обособленную войну. Но нельзя согласиться с тем, что, согласно плану, разработанному генералом Пфулем,

---

[1] Клаузевиц или не знал, или делает вид, что не знает о секретном соглашении между русским и австрийским правительствами, согласно которому австрийский корпус Шварценберга должен был только создавать видимость военных действий против Тормасова. — Ред.

только армия Барклая (80 000 человек) должна была отойти к Дриссе, а армии Багратиона (40 000 человек) было указано оставаться на правом фланге французов, чтобы затем атаковать их с тыла; с первого взгляда ясно, что армии Багратиона было бы невозможно удержаться в южной части Литвы в тылу находящихся поблизости главных сил французов; огромные, подавляющие массы последних очень скоро ее уничтожили бы.

Само собою разумеется, что в интересах обороняющегося покинуть как можно меньше провинций на произвол наступающему, но это всегда остается второстепенной задачей; не менее ясно и то, что наступление становится тем труднее, чем меньше или, точнее, чем уже та полоса, пределами которой мы могли бы ограничить наступление неприятеля; но все это подчиняется непременному условию, чтобы это начинание имело вероятность успеха и чтобы оно не слишком ослабляло главные силы обороняющегося, ибо последние, главным образом, и должны дать окончательное решение, так как если неприятель начнет отступление, то это прежде всего будет обусловлено затруднениями, которые возникнут в его главных силах; с ними же более всего связывается и повышение потери физических и моральных сил.

Итак, отступление внутрь страны должно вестись не побежденными и не разделенными силами, а силами, непосредственно предшествующими главному ядру неприятеля, и притом как можно медленнее, непрерывно оказывая сопротивление, дабы принудить неприятеля все время находиться в боевой готовности и растрачивать свои силы на стратегические и тактические меры предосторожности.

Когда обе стороны достигнут, таким образом, конца намеченного пути наступления, то обороняющийся при малейшей возможности должен занять косвенное к нему положение и начать всеми доступными способами действовать на тыл неприятеля.

Поход в Россию 1812 г. показывает нам все эти явления в крупном масштабе; мы можем наблюдать их последствия как бы через увеличительное стекло. Хотя это и не было

добровольным отступлением, все же его вполне можно рассматривать под этим углом зрения. Если бы русским, при том знакомстве с его последствиями, какое они теперь имеют, пришлось снова его предпринять при тех же самых условиях, то они добровольно и планомерно проделали бы все то, что в 1812 г. было предпринято по большей части невольно.

Однако было бы большой ошибкой полагать, что не было и не может быть примера подобного способа действия при отсутствии огромных пространств России.

Всюду, где стратегическое наступление вследствие одних лишь трудностей терпит крушение без решительного сражения и продвинувшаяся вперед сторона оказывается вынужденной к более или менее пагубному отступлению, мы встречаемся с основными условиями и основными воздействиями этой формы сопротивления, какими бы видоизменяющими ее обстоятельствами она ни сопровождалась. Поход Фридриха Великого в 1742 г. в Моравию, в 1744 — в Богемию, французский поход в Австрию 1743 г., поход герцога Брауншвейгского во Францию 1792 г., зимний поход Массены 1810—1811 гг. в Португалию — представляют собою однородные примеры, но в гораздо меньших размерах и в более скромных условиях; и помимо этого можно встретить бесчисленное множество отрывочных воздействий подобного рода, где, если не весь успех, то часть его может быть приписана тому принципу, который мы здесь подчеркивали.

Мы, однако, не даем изложения этих примеров, ибо при этом явилась бы необходимость осветить в каждом случае обстановку, что завело бы нас чересчур далеко.

В России и в других перечисленных случаях дела приняли другой оборот и без удачного сражения, дающего решение в кульминационном пункте; но и в тех случаях, когда нельзя ожидать подобного хода событий, важное значение получает уже то обстоятельство, что подобной формой сопротивления можно достигнуть соотношения сил, допускающего возможность победы; эта победа, подобно серьезному толчку, вызывает попятное движение, при котором возрастание пагубных последствий будет, по закону падения, непрерывно ускоряться.

Глава XXVI

НАРОДНАЯ ВОЙНА[1]

Народная война в цивилизованной Европе представляет собою явление XIX века. У нее есть свои сторонники и противники; последние руководствуются или соображениями политического порядка, считая ее за средство революционное, за узаконенное состояние анархии, столь же опасное для общественного порядка внутри государства, как и для неприятеля, или же соображениями военного порядка, полагая, что результаты ее не соответствуют затрате сил. Соображение первого порядка нас в данном случае не касается, ибо мы рассматриваем народную войну лишь как средство борьбы, — следовательно, лишь по отношению к неприятелю; соображения же второго порядка побуждают нас отметить, что народная война, в общем, должна рассматриваться как прорыв, произведенный в наше время стихией войны в ограждавших ее искусственных дамбах, как дальнейшее расширение и усиление того общего процесса брожения, который мы зовем войной. Система реквизиций, огромный рост армий, увеличившихся до чудовищных размеров, что объясняется применением реквизиций и всеобщей воинской повинностью, применение ополчения — все эти явления, которые, если исходить из прежней тесно ограниченной военной системы, ведут по тому же пути, и на этом пути лежит и призыв ландштурма или поголовное вооружение народа. Первые из этих новых вспомогательных средств являются естественными и необходимыми следствиями разрушения старых рамок; они настолько увеличили силы впервые ими воспользовавшихся, что противник оказался увлеченным их примером и был сам вынужден к ним прибегнуть; то же самое будет иметь место и по отношению к народной войне. В общем, народ, разумно пользующийся этим средством, приобретает относительный перевес над народом, пренебрегающим им. Раз это так, может быть поставлен только один вопрос: является ли это новое усиление стихии войны благотворным для человечества или нет, — вопрос, на который, пожалуй, можно дать

[1] В оригинале: вооружение народа. — Перев.

тот же ответ, что и на вопрос о самой войне, — предоставляем оба вопроса на усмотрение философам. Но можно держаться и такого взгляда, что силы, поглощаемые народной войной, будучи употреблены на иные средства войны, могли бы дать лучшие результаты; однако, не нужно особо глубоких изысканий, чтобы убедиться, что чаще всего эти силы не находятся в нашем распоряжении и не могут быть использованы по нашему произволу. Существенная их часть, а именно — элементы моральные обретают свое бытие лишь при такого рода употреблении этих сил.

Поэтому не приходится спрашивать, во что обходится данному народу сопротивление, оказываемое им, когда он поголовно берется за оружие; мы ставим лишь вопрос: какое влияние может оказать подобное сопротивление, каковы его условия и как им надо пользоваться?

Что такое раздробленное сопротивление непригодно для сосредоточенного во времени и пространстве нанесения крупных ударов, вытекает из самой природы этого явления. Действие его направлено на поверхность, подобно процессу испарения в физической природе. Чем больше эта поверхность и чем шире соприкосновение между народными массами и неприятельской армией, — следовательно, чем больше последняя распространяется, — тем сильнее воздействие народной войны. Оно разрушает, как медленно тлеющий огонь, основные устои неприятельской армии. Так как результаты народной войны могут сказаться только по истечении некоторого времени, то в период, когда оба элемента так воздействуют друг на друга, возникает состояние напряжения, которое или постепенно разрешается, если народная война подавляется в отдельных местах, а в других сама мало-по-малу угасает, или же ведет к кризису, когда пламя этого всеобщего пожара охватывает армию со всех сторон и вынуждает ее очистить страну, чтобы не погибнуть полностью. Чтобы последнее решение было вызвано одной лишь народной войной, необходимо предположить или такое пространство оккупированной территории, которое в Европе можно найти только в России, или такое несоответствие размеров вторгшейся армии с размером площади страны, какого в действительности не бывает.

Если не гоняться за призраками, то необходимо мыслить народную войну в соединении с войной, которую ведет постоянная армия, и обе эти войны сложенными в одно целое одним охватывающим их планом.

Необходимые условия, при которых народная война может получить действительную силу, будут следующие:

1) чтобы война велась внутри страны;

2) чтобы она не была решена одной катастрофой;

3) чтобы театр военных действий охватывал значительное пространство страны;

4) чтобы характер народа благоприятствовал этому мероприятию;

5) чтобы поверхность страны была сильно пересеченной и трудно доступной благодаря горам или лесам и болотам или вследствие характера обработки ее почвы.

Численность населения не имеет решающего значения, ибо меньше всего ощущается при этом недостаток в людях. Богатство или бедность населения тоже непосредственного значения не имеют, — по крайней мере, не должны были бы иметь; однако, нельзя отрицать, что бедный, привыкший к тяжелой работе и к лишениям, народ обычно проявляет большую воинственность и силу.

Есть одна особенность страны, которая оказывается чрезвычайно благоприятной для народной войны, а именно — разбросанность жилищ, что наблюдается во многих частях Германии. Благодаря этому страна получает более изрезанный и закрытый характер; дороги становятся хуже, хотя число их увеличивается; расквартирование войск неимоверно затрудняется. Здесь в малых размерах сказывается особенность, отличающая народную войну в целом, а именно — начало сопротивления имеется налицо повсюду и нигде. Если население живет совместно в селах, то самые беспокойные села подвергаются воинскому постою и даже караются отдачей на разграбление, предаются сожжению и пр., что, однако, в отношении вестфальских крестьян не так-то легко выполнить.

Не следует применять ландштурма или вооруженных народных отрядов против главных неприятельских сил или даже против более или менее значительных войсковых частей; их задача — не дробить орех, а понемногу подтачи-

вать его скорлупу. Народ должен поднимать восстания в провинциях, расположенных по сторонам театра военных действий, куда неприятель не может ввести крупные силы. Скопляющиеся по сторонам грозовые тучи должны следовать за неприятелем по мере его продвижения. Там, где неприятель еще не появлялся, не будет недостатка в мужестве, чтобы взяться за оружие против него; этот пример разожжет и массу населения, граничащую с неприятелем. Так разгорается огонь, как пожар в степи, и достигает, наконец, тех пространств, на которые базируется наступающий; огонь охватывает его коммуникационные линии и подтачивает нерв его жизни. Ибо, если даже не иметь преувеличенного представления о всемогуществе народной войны, — если не считать ее непреодолимой стихией, обуздать которую вооруженная сила не в состоянии, подобно тому как человек не может повелевать ветру и дождю, — словом, если основывать свое суждение не на красноречивых памфлетах, то все же следует признать, что невозможно гнать перед собой вооруженных крестьян совершенно так же, как и отряд солдат, привыкших жаться друг к другу, подобно стаду, и всегда готовых бежать в ту сторону, куда обращены лицом, — между тем как крестьяне, будучи разбиты, рассеиваются в разные стороны, не нуждаясь для этого в каком-либо искусном плане. В этих условиях всякий марш небольшого отряда в гористой, лесистой или вообще сильно пересеченной местности приобретает чрезвычайно опасный характер: такое походное движение каждое мгновение может превратиться в бой, притом даже тогда, когда уже давно не было слышно о каких-либо неприятельских войсках. В любой момент в хвосте колонны могут появиться вооруженные крестьяне, которых уже давно отогнала голова той же колонны. Если речь идет о порче дорог и заграждении тесных проходов, то приемы, употребляемые сторожевым охранением и летучими отрядами регулярного войска, относятся к действиям поднявшейся крестьянской массы приблизительно так же, как движения автомата к движениям живого человека. У неприятеля для борьбы с ландштурмом нет никаких иных средств, кроме рассылки многочисленных частей для сопровождения своих транспортов, для охранения этапов, проходов, мостов и пр. По-

сколько первые попытки ландштурма будут ничтожны, постолько и эти отряды, во избежание опасности чрезмерного распыления сил, будут сначала слабы; в борьбе с этими слабыми командами обычно и зажигается огонь народной войны. В некоторых местах благодаря численному превосходству над ними удастся восторжествовать, мужество будет расти, воинственный дух разгорится, и интенсивность борьбы увеличится, пока не настанет кульминационный момент, который окончательно решит исход дела.

Согласно нашему представлению о народной войне, она должна сохранять свое облачное, туманное существование и никогда не должна сгущаться в действия компактных отрядов, иначе неприятель направит против них соответственные силы, уничтожит их и захватит много пленных. Тогда явится упадок духа; все будут полагать, что дело окончательно проиграно, что дальнейшие усилия напрасны, и оружие выпадет из рук народа. Но, с другой стороны, необходимо, чтобы этот туман стягивался густыми массами к известным пунктам, образуя грозные тучи, из которых могла бы блеснуть сокрушающая молния. Эти пункты, как уже было сказано выше, находятся, главным образом, на флангах театра военных действий неприятеля. Тут вооруженные народные массы должны собраться в более крупное и лучше устроенное целое с небольшим добавлением регулярных войск; тогда создастся вид организованного войска и явится возможность решиться на более крупное предприятие. Начиная с этих пунктов, интенсивность деятельности ландштурма должна постепенно уменьшаться в направлении к тылу неприятеля, где ландштурм подставлен под самые сильные его удары. Назначение этих более густых масс заключается в том, чтобы нападать на более значительные гарнизоны, оставленные противником позади себя; кроме того, они внушают страх и заботы и усиливают общее моральное впечатление; без них действия в целом оказались бы недостаточно мощными, и обстановка не внушала бы неприятелю достаточного беспокойства.

Это более крепкое оформление народной войны полководец может придать легче всего при помощи тех небольших регулярных частей, которыми он подкрепляет ландштурм. Без ободряющей поддержки, доставляемой небольшим до-

бавлением регулярных войск, у населения большей частью нехватит веры в свои силы и энергии, чтобы взяться за оружие.

Чем сильнее будут предназначенные для этой цели войсковые части, тем больше будет сила их притяжения и тем огромнее станет обрушивающаяся на противника лавина. Но здесь имеются известные пределы: с одной стороны, было бы гибельно распылить всю армию ради этой второстепенной задачи, — как бы растворить ее среди ландштурма и в связи с последним создать растянутую, повсюду слабую оборонительную линию, относительно которой можно уверенно предвидеть, что и армия и ополчение будут основательнейшим образом разбиты, — с другой стороны, мы знаем по опыту, что когда в известной провинции расположено слишком много регулярных войск, то энергия и действительность народной войны ослабевают.

Причины этого явления заключаются, во-первых в том, что эта провинция навлекает на себя слишком большие неприятельские силы, во-вторых, население начинает полагаться на собственные регулярные части, и, в-третьих, присутствие значительных масс войск чересчур напрягает силы населения в другом направлении — по расквартированию, транспорту и поставкам провианта, фуража и т. д.

Другим средством для предотвращения слишком энергичной реакции неприятеля против народной войны будет следующее положение, являющееся одновременно и основным руководящим ее началом: пользуясь народной войной как крупным средством стратегической обороны, можно лишь в редких случаях доводить дело до тактической обороны или даже никогда не доводить. Боевые действия ландштурма имеют общий характер с боями, которые ведутся плохими войсками: большая сила и горячность натиска, но мало хладнокровия и недостаток выдержки. Не существенно, если масса ландштурма будет побеждена и обращена в бегство, ибо такова ее судьба, но нельзя допускать, чтобы она получила смертельный удар в результате чрезмерных потерь убитыми, ранеными и взятыми в плен. Подобные поражения очень скоро охладили бы пыл народа. Эти-то две особенности и противоречат природе тактической обороны. Оборонительный бой требует выдер-

жанного, медленного, планомерного действия и отважного решения; простая попытка, от которой можно легко отказаться в любой момент, никогда не может привести к успеху при обороне. Поэтому, если ландштурму приходится брать на себя оборону какого-нибудь участка, то он никогда не должен доводить дело до решающего оборонительного боя; он в таком случае погибнет, как бы благоприятно обстоятельства ни складывались для него. Отсюда следует, что он может и должен защищать горные проходы, гати, ведущие через болота, и переправы через реки только до тех пор, пока это ему удается; но раз линия обороны прорвана, ему лучше рассеяться и продолжать свою оборону при помощи неожиданных атак, чем сосредоточиться в тесном последнем убежище, перейти к форменной обороне и дать себя окружить. Как бы ни был храбр народ, как бы ни были воинственны его нравы, как бы сильна ни была его ненависть к врагу, как бы ни были, наконец, благоприятны условия местности, все же народная война не может вестись в слишком сгущенной атмосфере опасности. Поэтому горючий материал народной войны может гореть ярким пламенем лишь в более отдаленных пунктах, где будет достаточно свежего воздуха и где его огонь не может быть заглушен одним ударом.

Эти соображения представляют скорее нащупывание истины чутьем, чем объективный анализ, так как это явление слишком ново и слишком мало описано теми, кто имел возможность продолжительное время непосредственно наблюдать его. Нам остается теперь лишь сказать, что стратегический план обороны может воспринять содействие народной войны двумя различными путями: или как последнее вспомогательное средство после проигранного сражения, или как естественную помощь еще до того, как будет дано решительное сражение. В последнем случае необходимыми предпосылками являются отступление внутрь страны и тот косвенный вид реакции, о которых мы говорили в VIII и XXIV главах этой части. Поэтому нам остается лишь сказать несколько слов о созыве ландштурма после проигранного сражения.

Никакое государство не должно считать, что вся его судьба, т. е. самое его существование, может зависеть от

одного, хотя бы самого решительного, сражения. Если оно потерпело поражение, то призыв новых сил и естественное ослабление, испытываемое с течением времени всяким наступлением, могут вызвать новый оборот дела, — наконец, помощь может притти со стороны. Всегда будет довольно времени, чтобы умереть. Естественно, чтобы утопающий хватался за соломинку; в такой же мере соответствует естественному порядку морального мира, чтобы народ испробовал последние средства для своего спасения, раз видит себя отброшенным на край бездны.

Как бы данное государство ни было мало и слабо по сравнению со своим противником, оно не должно скупиться на эти последние усилия, иначе пришлось бы сказать, что оно представляет собою уже мертвый организм. Это не исключает возможности заключить мир, связанный с большими жертвами, чтобы спасти себя от полной гибели, но и такое намерение, в свою очередь, не исключает полезности новых мер обороны [1], последние не затруднят и не ухудшат условия мира, а, напротив, облегчат заключение мира и улучшат его условия. Они еще более необходимы в тех случаях, когда мы ждем помощи от тех, кто заинтересован в нашем сохранении. Поэтому правительство, которое после проигранного генерального сражения думает лишь о том, как бы ему поскорее успокоить народ на ложе мира, и удрученное крушением великих, но ошибочных упований, уже не имеет ни мужества, ни охоты напрячь все силы страны, — такое правительство из малодушия поступает во всяком случае крайне непоследовательно и доказывает этим, что оно не было достойно победы и, может быть, поэтому и оказалось неспособным ее одержать.

Как бы решительно ни было поражение, которое потерпело государство, все же оно должно, при отсутствии армии внутри страны, обратиться к тому воздействию, которое могут оказать крепости и народная война. В этом отношении выгодно, если фланги главного театра войны примыкают к горам или другой трудно доступной местности; такая местность явится как бы выдвинутым бастионом;

---

[1] Клаузевиц имеет в виду положение Пруссии после Иенского разгрома. — Ред.

стратегический фланговый обстрел с него должен задержать продвижение неприятеля.

Раз победитель втянется в осадные работы, он повсюду оставит позади себя сильные гарнизоны, чтобы обеспечить свою коммуникационную линию, или даже отрядит целые корпуса, чтобы высвободить локти и держать в порядке соседние провинции; и когда он окажется в достаточной мере ослабленным потерей живых и мертвых средств борьбы, то для обороняющейся армии настанет момент снова выступить к барьеру и метко направленным ударом поколебать наступающего, находящегося в очень невыгодном положении.

Глава XXVII

ОБОРОНА ТЕАТРА ВОЙНЫ[1]

Мы, пожалуй, могли бы, ограничившись сказанным нами о важнейших средствах обороны, коснуться вопроса о том, как они связываются с общим планом обороны, лишь в последней части, где мы будем говорить о плане войны: только из последнего вытекает всякий подчиненный план наступления и обороны и, в основном, только им и определяется; во многих случаях даже самый план войны будет не чем иным, как проектом наступления или обороны на главном театре войны. Но мы вообще не сочли возможным начать наш труд с рассмотрения войны в целом, — хотя в войне, более чем в каком-либо другом явлении, части определяются целым, носят на себе отпечаток его характера и соответственно ему существенно видоизменяются; мы были вынуждены сначала отдать себе ясный отчет в отдельных явлениях как обособленных частях. Без такого постепенного перехода от простого к сложному мы оказались бы подавленными множеством неопределенных представлений; особенно большую путаницу внесли бы в наши представления столь разнообразные на войне явления взаимодействия. Поэтому мы стремимся приблизиться к целому еще на один шаг, т. е. хотим рассмо-

---

[1] Последние четыре главы, начиная с настоящей, представляют углубленное авторское резюме всей растянутой шестой части. — Ред.

треть оборону театра войны как таковую (an und für sich) и найти нить, связующую рассмотренные ранее явления.

Оборона в нашем представлении не что иное, как более сильная форма борьбы. Сохранение собственных вооруженных сил и уничтожение неприятельских — словом, победа — является объектом этой формы борьбы, хотя, правда, не в ней ее конечная цель.

Последней будет сохранение собственного государства и сокрушение неприятельского и опять-таки, выражаясь кратко, намеченный мир, ибо лишь в нем конфликт находит свое разрешение и только здесь ему подводится общий итог.

Что же представляет собою неприятельское государство по отношению к войне? Прежде всего имеют значение его вооруженные силы, затем его территория; сверх того, конечно, и многое другое может приобрести преобладающую важность благодаря особым обстоятельствам: сюда относятся по преимуществу внешние и внутренние политические отношения, которые иногда играют более решающую роль, чем все остальное. Но хотя вооруженные силы и территория неприятельской страны сами по себе еще не представляют собою всей мощи самого неприятельского государства и не исчерпывают всех отношений, какие государство может иметь к войне, все же эти два фактора всегда сохраняют свое первенствующее положение и по своему значению обычно бесконечно превосходят все другие отношения. Вооруженные силы должны или защищать территорию собственного государства, или завоевать территорию неприятельского государства; со своей стороны, территория питает и непрерывно обновляет вооруженные силы. Таким образом, они оба зависят друг от друга, друг друга поддерживают, одинаково друг для друга важны. Однако в этих взаимоотношениях существует различие. Когда вооруженные силы уничтожены, т. е. сокрушены, лишены способности к дальнейшему сопротивлению, то потеря территории вытекает из этого сама собой; но — обратно — за потерей территории не следует непременно гибель вооруженной силы, ибо последняя может добровольно очистить страну, чтобы потом тем легче ее снова отвоевать. Не только полный разгром вооруженных сил решает судьбу территории, но даже

всякое значительное ослабление их приводит каждый раз к известной потере территории; напротив, не всякая значительная потеря территории вызывает соответственно ослабление вооруженных сил; впоследствии она, конечно, скажется, но она не всегда проявится в пределах того промежутка времени, в течение которого борьба будет решена.

Отсюда следует, что сохранение собственных вооруженных сил и ослабление или уничтожение неприятельских по своему значению стоит выше обладания территорией и, следовательно, должно составлять первейшую задачу полководца. Лишь тогда обладание территорией выступает на первый план как цель, когда эта цель оказывается еще не достигнутой при применении первого средства (ослабление или уничтожение неприятельских вооруженных сил).

Если бы все вооруженные силы противника были собраны в одну армию и если бы вся война заключалась в одном сражении, то обладание страной зависело бы от его исхода; уничтожение неприятельских вооруженных сил, завоевание неприятельской территории и обеспечение своей являлись бы последствиями этого сражения и до известной степени были бы тождественны с ним. Здесь возникает вопрос, что̀ именно может побудить обороняющегося уклониться от этой простейшей формы военных действий и разделить свои силы в пространстве? Ответим: недостаточность победы, которую он мог бы одержать объединенными силами. Каждая победа имеет свой круг воздействия. Если последний охватывает все неприятельское государство и, следовательно, все его вооруженные силы и всю его территорию, — т. е. если все части его будут вовлечены в то самое движение, которое мы сообщили ядру его сил, — то такая победа явится исчерпывающей все наши пожелания, и не было бы достаточно оснований для дробления наших сил. Но если существуют части неприятельских вооруженных сил, а также территории обеих сторон, на которые действия нашей победы не распространяются, то мы должны были бы учесть эти части особо, а так как мы не в силах сосредоточить в одном пункте территорию, как сосредоточиваем войска, то нам придется разделить последние для обороны этих частей или для наступления на них.

Лишь в малых и округленных государствах возможно достижение такого единства (во времени и пространстве. — Ред.) военных сил и имеется вероятность, что все будет зависеть от победы над этими силами. По отношению же к государствам с крупной территорией, соприкасающейся с нами на большом протяжении, или же по отношению к союзу государств, окружающих нас с разных сторон, подобное единство практически неосуществимо. Здесь, следовательно, неизбежно должно произойти разделение вооруженных сил, что создает различные театры войны.

Сфера влияния победы будет, естественно, зависеть от величины ее, а последняя — от массы побежденных войск. Следовательно, против части территории, на которой собрано наибольшее количество неприятельских сил, может быть направлен тот удар, успешные последствия которого распространятся дальше всего; мы тем более будем уверены в достижении этого успеха, чем больше будет масса наших собственных вооруженных сил, предназначенная для нанесения этого удара. Этот естественный ряд представлений приводит нас к сравнению, посредством которого мы можем яснее передать нашу мысль: это — природа и воздействие центра тяжести в механике.

Центр тяжести всегда находится там, где собирается наибольшая масса; всякий удар, направленный на центр тяжести определенной массы, оказывается наиболее действительным; наконец, наиболее сильный удар будет нанесен центром тяжести той силы, которая его наносит; то же происходит и на войне. Вооруженные силы всякой воюющей стороны, — отдельного ли государства или же союза государств, — представляют собою известное единство и, следовательно, как-то вместе связываются; там же, где есть связь, появляется и аналогия с центром тяжести. Поэтому в этих вооруженных силах существуют известные центры тяжести, движение и направление которых оказывают решающее влияние на остальных пунктах; эти центры тяжести находятся там, куда собрана большая часть вооруженных сил; но в мире мертвой материи воздействие на центр тяжести имеет свою меру и предел в степени сцепления между собой частей; то же имеет место и на войне; как

там, так и здесь удар легко может оказаться сильнее допускаемого сопротивляемостью; получится удар по воздуху, явится расточительная затрата сил.

Какое громадное различие между сплоченностью армии, выступающей под единым знаменем, идущей в бой под личным руководством одного полководца, и сплоченностью военных сил коалиции, раскинутых на протяжении 50 или 100 миль и базирующихся к тому же в совершенно разные стороны! В первом случае следует ожидать, что сплоченность будет наиболее тесной, единство — самым близким; во втором случае еще далеко будет до полного единства; иногда оно будет заключаться лишь в общности политических намерений, да и то неполной и несовершенной; сплоченность же отдельных частей в большинстве случаев окажется очень слабой, а часто и вовсе призрачной.

Если, с одной стороны, мощь, которую мы хотели бы придать нашему удару, требует наибольшего сосредоточения сил, то, с другой стороны, мы должны остерегаться всякого перегиба, как приносящего существенный вред, ибо он связан с расточительной затратой сил, а это, в свою очередь, вызовет недостаток сил на других пунктах.

Распознавание этих centra gravitatis (центров тяжести. — Ред.) неприятельских военных сил и определение сферы их воздействия составляют высший акт стратегического суждения. Поэтому всякий раз необходимо спрашивать себя, какое воздействие окажет продвижение вперед или отступление одной из частей противных сторон на остальные.

Мы вовсе не воображаем, что здесь нами изобретен какой-то новый метод; лишь в основу метода, которого держались все полководцы и во все времена, мы положили такие представления, которые должны уяснить связь этого метода с природой вещей.

Роль, которую играет представление о центре тяжести неприятельских сил во всем плане войны, будет рассмотрена в последней части нашего труда, куда и относится эта тема; мы ее заимствовали сейчас оттуда лишь для того, чтобы не оставлять никакого пробела в ряде представлений. При этом рассмотрении мы установили, чем именно обусловливается разделение вооруженных сил. В сущности, имеются два противоположные друг другу стремления:

одно — обладание страной — влечет нас к разделению наших сил; другое — удар против центра тяжести неприятельских сил — снова собирает их до известной степени воедино.

Так возникают театры войны или области действия отдельных армий. Это — такие части территории страны с размещенными на них вооруженными силами, внутри которых всякое решение, исходящее от главных действующих сил, непосредственно распространяется на целое и увлекает его в своем направлении. Мы говорим — непосредственно, ибо решение, имевшее место на каком-либо одном театре войны, естественно должно оказывать более или менее отдаленное влияние и на соседние с ним театры военных действий.

Мы вновь подчеркнем, что в данном случае, как и повсюду, в наших определениях мы намечаем лишь центральные пункты известных областей представлений, не желая, да и не имея возможности, резкими чертами проводить грани между ними, что было бы противно природе самого предмета.

Итак, мы полагаем, что театр войны, будь он большой или малый, вместе с действующими на нем вооруженными силами — безотносительно к их численности — представляет целое, могущее быть сведенным к одному центру тяжести; в этом центре тяжести будет разыграно решение; оказаться победителем в этом пункте — значит осуществить оборону театра войны в самом широком смысле этого слова.

Глава XXVIII

ОБОРОНА ТЕАТРА ВОЙНЫ

Продолжение

Оборона состоит из двух различных элементов, а именно из решения и выжидания. Установление связи между этими двумя элементами составляет предмет настоящей главы.

Прежде всего мы должны сказать, что состояние выжидания хотя и не является законченной обороной, однако, представляет ту ее область, по которой она продвигается к

своей цели. До тех пор пока вооруженная сила не покинула доверенной ей полосы территории, напряжение сил, вызванное у обеих сторон наступлением, продолжается вплоть до решения. Последнее может считаться действительно завершенным лишь тогда, когда или наступающий, или обороняющийся покинет театр войны.

Пока вооруженная сила удерживается в своем районе, оборона последнего продолжается, и в этом смысле оборона театра войны тождественна с обороной на театре войны. При этом несущественно, бо́льшую или меньшую часть театра захватил неприятель, так как пространство уступается ему лишь временно, впредь до решения.

Но такое понимание, помощью которого мы стремимся определить состояние выжидания в его правильном отношении к целому, верно лишь тогда, когда решительный акт действительно должен иметь место и считается обеими сторонами неизбежным. Ибо только это решение создает реальность центров тяжести сил обеих сторон и их действенности на обусловленном ими театре войны. Как только отпадает мысль о решении, так центры тяжести оказываются нейтрализованными; в известном смысле нейтрализуются и вооруженные силы в целом, и тогда выдвигается на первый план в качестве непосредственной цели обладание территорией страны, составляющей второй основной элемент театра войны в его целом. Иными словами, чем меньше обе стороны ищут на войне решительных ударов, тем больше они переходят ко взаимному наблюдению, тем важнее становится обладание территорией, тем больше обороняющийся старается все непосредственно прикрывать и тем шире стремится наступающий распространиться в своем движении.

Следует также признать, что огромное большинство войн и походов более близки к состоянию чистого наблюдения, чем к бою не на жизнь, а на смерть, т. е. к бою, в котором по крайней мере одна сторона ищет решения[1]. Лишь войны XIX века[2] отличались этим последним характером

---

[1] Выписав этот абзац, Ленин приписал на полях: «большинство войн — только наблюдение». — Ред.

[2] Разумеются наполеоновские. — Ред.

в такой высокой степени, что по отношению к ним можно было применить теорию, построенную на этом. Но так как едва ли можно ожидать, что все будущие войны будут носить такой же характер, а скорее надо предполагать, что большинство их снова будет приближаться к характеру наблюдения, то теория, которая должна быть пригодной для действительной жизни, обязана с этим считаться. Поэтому мы прежде всего займемся тем случаем, когда все проникается и руководится стремлением к решению, т. е. войной в собственном смысле или, если можно так выразиться, абсолютной войной. В другой главе мы рассмотрим видоизменения, вытекающие вследствие большего или меньшего приближения к состоянию наблюдения.

В первом случае (наступающий или обороняющийся ищет решения) оборона театра войны должна будет заключаться в том, что обороняющийся должен держаться на театре войны таким образом, чтобы иметь возможность в каждое мгновение в выгодных условиях разыграть решение. Последнее может заключаться в одном сражении или в ряде крупных боев, но может также явиться итогом одних лишь взаимных отношений, вытекающих из группировки враждующих сторон, т. е. из последствий (неосуществленных, но... — Ред.) возможных боев.

Если бы даже сражение не было самым сильным, обычным и действительным средством добиться решения, — что, как мы полагаем, является нами уже неоднократно доказанным, — то было бы достаточно и того, что оно вообще является одним из средств добиться решения и потому требует сильнейшего сосредоточения сил, какое только допустимо в данных обстоятельствах. Генеральное сражение на театре войны есть столкновение одного центра тяжести с другим. Чем больше сил можно собрать в том или в другом, тем более обеспеченными, крупными будут его последствия. Следовательно, всякое разделение сил, не вызываемое определенной целью (т. е. такой целью, которой нельзя достигнуть счастливым исходом сражения или достижение которой составляет важное и главное для счастливого исхода самого сражения), должно быть отвергнуто.

Однако сильнейшее сосредоточение вооруженных сил не является единственным основным условием; необходимы такие группировки и положение их, чтобы сражение могло состояться в выгодных условиях.

К одной категории с этими основными условиями полностью относятся и те различные ступени обороны, которые мы могли изучить в главе о видах сопротивления [1], поэтому нетрудно связать последние с первыми в соответствии с условиями данного конкретного случая. Лишь в одном пункте заключается на первый взгляд внутреннее противоречие; оно требует разъяснения, тем более что этот пункт один из важнейших в обороне: это — столкновение центров тяжести неприятельских сил.

Если обороняющийся будет заблаговременно и достаточно хорошо осведомлен, по каким дорогам будет продвигаться неприятель и где наверное можно встретить ядро его сил, то он сможет пойти к нему навстречу по этой дороге. Этот случай является обычным, ибо хотя в отношении общих мероприятий — расположения крепостей, крупных складов оружия и мирной дислокации вооруженных сил — оборона предшествует наступлению и, таким образом, является для последнего руководящей нитью, все же при фактическом открытии военных действий оборона по отношению к силам наступающего уже будет пользоваться своеобразным преимуществом хода в игре после партнера.

Продвижение крупными силами по неприятельской стране требует значительных предварительных мероприятий, накопления продовольственных средств, запасов снаряжения и пр.; это продолжается настолько долго, что обороняющийся получает время, необходимое, чтобы сообразоваться со всем этим. Кроме того, не следует упускать из виду, что обороняющемуся вообще требуется меньше времени, ибо подготовка всякого государства рассчитана в большей мере на оборону, чем на наступление.

Но хотя бы в большинстве случаев это и было так, то все же не исключается возможность, что в отдельных случаях обороняющийся пребывает в неизвестности относительно главного направления вторжения противника; такой

---

[1] Глава VIII части 6-й. — Ред.

случай в особенности часто будет иметь место, если оборона покоится на мероприятиях, требующих значительной затраты времени, — например, сооружения укрепленной позиции и т. п. Далее — в тех случаях, когда обороняющийся не стремится дать тактически наступательное сражение, но фактически сгруппировался на линии наступления, наступающий сохраняет возможность обойти его позицию, несколько изменив свое первоначальное направление, ибо в европейских условиях обработки почвы никогда нельзя оказаться в таком положении, чтобы справа или слева не было дорог, по которым можно было бы миновать позицию. Очевидно, в таком случае обороняющийся не может выжидать своего противника на определенной позиции; по крайней мере он не может обманывать себя расчетом принять на этой позиции оборонительное сражение.

Но раньше, чем мы будем говорить о тех средствах, какие в этом случае остаются в распоряжении обороняющегося, мы должны сперва ближе рассмотреть природу такого случая и вероятность его появления.

Естественно, что в каждом государстве, а также на каждом театре войны (мы же в первую очередь говорим только о последнем) существуют объекты и пункты, наступление на которые может повлечь за собой особенно важные последствия. Мы полагаем более уместным подробнее поговорить об этом в части труда, рассматривающей наступление. Здесь мы ограничимся лишь замечанием, что в тех случаях, когда основанием, определяющим направление удара наступающего, является особенно выгодный для наступления объект и пункт, то это же основание будет воздействовать и на обороняющегося, определяя его действия и руководя им в тех случаях, когда он ничего не знает о намерениях противника. Если наступающий не изберет этого благоприятного для него направления, то он тем самым откажется от части своих естественных преимуществ. Ясно, что если обороняющийся занял позицию в этом именно направлении, то нельзя миновать и обойти его, не понеся известных жертв. Отсюда следует, что опасность ошибиться относительно направления, которое возьмет противник, а также возможность для наступающего миновать своего противника

не так уже велики, как могут показаться на первый взгляд; в наличии уже будет иметься определенное, большей частью преобладающее основание для выбора известного направления; следовательно, в большинстве случаев обороняющийся со своими мероприятиями, связанными с определенным пунктом, не преминет оказаться на пути ядра неприятельских сил. Иными словами, обороняющийся может в большинстве случаев быть уверен в том, что если только он расположится правильно, наступающий пойдет на него.

Тем не менее мы не должны и не можем отрицать возможность, что в отдельных случаях подготовка обороняющегося не разгадает действий наступающего; возникает вопрос, что ему делать в этом случае и какие из выгод, присущих его положению, остаются еще за ним.

Спросим себя, что вообще может предпринять обороняющийся, если наступающий следует мимо него? Действия обороняющегося могут направляться по следующим путям.

1. С самого начала разделить свои силы, чтобы одной из частей наверняка встретить неприятеля, а другой — поспешить на помощь.

2. Занять позицию сосредоточенными силами и, если противник захочет пройти мимо, быстро принять в соответственную сторону. В большинстве случаев такое продвижение уже не удается произвести прямо в сторону, а придется занять новую позицию, несколько отступив назад.

3. Атаковать сосредоточенными силами неприятеля во фланг.

4. Действовать на его коммуникационные линии.

5. Посредством контрнаступления на его театр войны или страну совершить в точности то самое, что выполняет он, проходя мимо нас.

Мы приводим здесь последний прием потому, что возможно представить себе и такую обстановку, когда он может оказаться действительным; но он противоречит задаче обороны, т. е. основаниям, руководствуясь которыми, мы остановили на ней наш выбор: на него можно смотреть лишь как на исключение, обусловленное или какими-то

крупными ошибками противника, или другими особенностями данного конкретного случая.

Воздействие на коммуникационные линии противника предполагает превосходство наших коммуникационных линий; последнее, безусловно, представляет одно из основных условий хорошей оборонительной позиции. Но если даже, исходя из этого, такое воздействие и обещает известные выгоды обороняющемуся, все же при обороне театра войны оно лишь в редких случаях явится пригодным, чтобы добиться решения; а достижение последнего, по нашему предположению, представляет цель похода.

Размеры отдельного театра войны обычно бывают не настолько велики, чтобы коммуникационные линии наступающего приобрели вследствие своей длины большую чувствительность; но если чувствительность коммуникационной линии имеет место, все же время, необходимое наступающему для осуществления своего удара, обычно оказывается слишком кратким, чтобы он мог быть задержан этим средством, действующим крайне медленно.

Таким образом, против неприятеля, стремящегося добиться решения, а также в том случае, когда и обороняющийся ищет его же, это средство (воздействие на коммуникационную линию) в большинстве случаев окажется совершенно недействительным.

Три других средства, которые остаются в распоряжении обороняющегося, направлены на непосредственное решение, — т. е. на столкновение одного центра тяжести с другим, — и, следовательно, они более соответствуют задаче. Заметим сейчас же, что третьему средству мы оказываем решительное предпочтение перед двумя другими; не отвергая окончательно этих последних, мы считаем его в большинстве случаев самым настоящим средством сопротивления.

При раздельной группировке мы рискуем быть вовлеченными в отрядную войну, из которой, когда против нас решительный противник, в лучшем случае может получиться лишь значительное относительное сопротивление, но отнюдь не то решение, к которому мы стремимся. Но допустим, что, руководясь верным тактом, удастся избегнуть этого ложного пути; все же пред-

шествовавшее разделение сил сопротивления значительно ослабит удар; притом никогда нельзя быть уверенным, что выдвинутые первыми корпуса не понесут несоразмерных потерь. К тому же сопротивление, оказываемое выдвинутыми в первую очередь корпусами, обыкновенно заканчивающееся отступлением к спешащим на помощь главным силам, по большей части воспринимается войсками как проигранный бой и как ошибочное мероприятие, что значительно ослабляет моральные силы.

Второе средство — перехватить дорогу противнику, заняв соединенными силами позицию на пути его обходного движения, — грозит опасностью прибыть слишком поздно и застрять между двумя мероприятиями[1]. Кроме того, оборонительное сражение требует известного спокойствия, обдуманности, знакомства (даже близкого знакомства) с местностью, чего нельзя ожидать при поспешном преграждении обходного пути. Наконец, позиции, представляющие хорошее поле для оборонительного боя, — слишком редкое явление, чтобы можно было предполагать их найти на всякой дороге и во всяком ее пункте.

Напротив, третье средство — атаковать наступающего с фланга, т. е. дать ему сражение с перевернутым фронтом, — представляет значительные выгоды.

Во-первых, в этом случае, как известно, всегда происходит обнажение коммуникационных линий и путей отступления, а по общим свойствам и в особенности по тем требованиям, которые мы предъявляем к стратегической группировке обороняющегося, последний всегда в указанном отношении будет обладать известными преимуществами.

Во-вторых, — и это особенно существенно — каждый наступающий, намеревающийся пройти мимо своего противника, запутывается в двух противоположных стремлениях. Первоначально он хочет продвинуться вперед, дабы до-

---

[1] Т. е. занятием позиций на пути обходного движения и атакой обходящего во фланг. При обороне Ричмонда во второй половине гражданской войны в Соединенных штатах генералу Ли удавалось забегать и преграждать путь войскам Гранта, что привело к позиционным формам борьбы. При хорошей постановке разведки такой прием оказывался действительным. — Ред.

стигнуть цели своего наступления; но возможность ежеминутно подвергнуться атаке с фланга вызывает в нем потребность направить в эту сторону удар, и притом удар всеми силами. Эти два стремления противоречат друг другу и настолько спутывают внутренние отношения, настолько затрудняют принятие мер, отвечающих обстановке, как бы последняя ни сложилась, что едва ли может оказаться стратегически худшее положение. Если бы наступающий достоверно знал, когда и где он будет атакован, то он мог бы ловко и искусно к этому подготовиться; но при полной неопределенности в таком вопросе и при необходимости продвигаться вперед нависающее сражение почти неизбежно застигнет его в момент весьма убогой подготовки к нему, т. е. наверно в невыгодных для него условиях.

Если для обороняющегося складываются иногда благоприятные моменты, когда он может дать в выгодных условиях наступательное сражение, то таких моментов надо прежде всего ожидать в этой обстановке. К тому же следует прибавить, что обороняющийся здесь может использовать знакомство с местностью и свободен в выборе ее; он имеет также возможность заранее подготовить и организовать свое движение; поэтому нельзя сомневаться, что и в этих обстоятельствах он сохранит значительное стратегическое превосходство над противником.

Итак, мы полагаем, что обороняющийся, занимающий сосредоточенными силами удачно расположенную позицию, может спокойно выжидать прохождения мимо него противника; если бы последний не стал атаковать его позицию, а действия на коммуникационные линии противника не отвечали бы обстановке, у него все же осталось бы превосходное средство добиться решительного исхода посредством атаки во фланг наступающего.

В истории мы почти не встречаемся с такого рода случаями; это отчасти объясняется тем, что у обороняющегося редко хватало смелости выдержать в таком положении, — он или разделял свои силы, или поспешно пытался пересечь всеми силами дорогу наступающему рокировочным или косым движением, — отчасти же, это происходило потому, что наступающий не дерзал в подобных условиях проходить мимо обороняющегося и обычно останавливал свой марш.

В этом случае обороняющийся вынужден дать наступательное сражение; ему приходится отказаться от дальнейших выгод выжидания сильной позиции, хороших укреплений и пр.; положение, в котором он застает продвигающегося неприятеля, не сможет в большинстве случаев возместить ему полностью утрату этих преимуществ, ибо во избежание их наступающий и поставил себя в новое положение; но все же некоторое возмещение он получит, и теории не приходится здесь сбрасывать со счета известную величину после взаимного поглощения pro и contra, как это часто имеет место, когда историки, критически подходящие к своей задаче, вставляют в свое повествование отрывочную часть теории.

Пусть не думают, что мы тут занимаемся логическими ухищрениями; напротив, чем глубже мы всматриваемся с точки зрения практики в этот предмет, тем более он представляется нам идеей, охватывающей все существо обороны, проникающей ее и ею управляющей.

Лишь атакуя всеми своими силами противника, раз только последний проходит мимо, обороняющийся может благополучно миновать обе пропасти, возле которых ведется оборона; эти пропасти — раздельное расположение и торопливое забегание перед противником. В обоих случаях он подчиняется воле наступающего, в обоих ему приходится пользоваться средствами крайней необходимости и действовать с опасной поспешностью; всякий раз, как решительный, жаждущий победы и решения противник сталкивается с такой системой обороны, он ее приводит к полному крушению. Но всякий раз, когда обороняющийся сосредоточивает для совместного действия в надлежащем пункте все свои силы и решается атаковать ими неприятеля во фланг, он избирает верный путь и опирается на все те преимущества, какие только ему может доставить оборона в этом положении; хорошая подготовка, спокойствие, уверенность, единство и простота характеризуют в этом случае все его действия.

Мы не можем не упомянуть здесь о крупном историческом событии, имеющем ближайшее отношение к разви-

ваемым здесь понятиям; нам важно предотвратить неправильную ссылку на этот пример.

Выжидая в октябре 1806 г. в Тюрингии французскую армию, предводимую Бонапартом, прусская армия располагалась посредине между двумя основными направлениями, по которым могли вторгнуться французы, а именно: между дорогой через Эрфурт и дорогой через Гоф, ведущими на Лейпциг и Берлин. Первоначальное намерение прорваться во Франконию прямо через Тюрингенский лес, а после отказа от него — неизвестность, по какому из этих двух путей направятся французы, определили выбор этого промежуточного по отношению к ним расположения. Как т а к о в о е оно должно было бы повести к мероприятиям по поспешному выдвижению наперерез неприятелю.

Это и было основной идеей пруссаков на тот случай, если бы французы двинулись через Эрфурт, ибо пути к нему были вполне доступны; напротив, нечего было и думать о том, чтобы продвинуться на дорогу через Гоф, — отчасти потому, что до этой дороги оставалось два или три перехода, отчасти же потому, что пути этого движения пересекались глубокой долиной реки Заалы. Последнее движение не входило в расчеты герцога Брауншвейгского, и поэтому никаких подготовительных мер к его осуществлению принято не было; однако, выполнение этого движения входило в намерения принца Гогенлое, т. е. полковника Массенбаха [1], который хотел насильно навязать эту идею герцогу. Еще меньше могло быть речи о том, чтобы, исходя из этой группировки на левом берегу реки Заалы, дать наступательное сражение продвигающемуся вперед Бонапарту, т. е. перейти против него в указанную нами выше фланговую атаку; ибо если река Заала являлась препятствием к тому, чтобы в последнюю минуту забе-

---

[1] Полковник Массенбах — генерал-квартирмейстер принца Гогенлое, командовавшего в 1806 г. силезской группой прусских войск и союзным саксонским контингентом; герцог Брауншвейгский был прусским главнокомандующим. Препирательства между ними осложнялись нахождением при армии прусского короля, официально стоявшего в стороне от командования, но невольно являвшегося центром, к которому апеллировали обе стороны. — Р е д.

жать и преградить дорогу неприятелю, то она представляла еще большее препятствие тому, чтобы перейти в наступление в такой момент, когда неприятель уже должен был хотя бы отчасти владеть противоположным берегом реки. В результате герцог решил выжидать за рекой дальнейшего развития хода событий, если можно назвать индивидуальным решением то, что происходило в этой многоголовой главной квартире в момент величайшей сумятицы и полнейшей нерешительности.

Чем бы это выжидание ни было вызвано, в итоге имелись следующие возможности:

1) атаковать неприятеля, если он переправится через Заалу, чтобы столкнуться с прусской армией, или

2) действовать на его коммуникационные линии, если он оставит прусскую армию в покое, или же

3) быстрым фланговым маршем преградить неприятелю дорогу еще у Лейпцига, если бы это признавалось выполнимым и желательным.

В первом случае прусская армия обладала бы значительными стратегическими и тактическими преимуществами вследствие трудностей, представляемых глубокой долиной реки Заалы; во втором — чисто стратегическое преимущество также было бы велико, ибо неприятель обладал лишь крайне узким базисом [1], стиснутым между нашей армией и нейтральной территорией Богемии, в то время как наш базис отличался исключительной шириной; даже в третьем случае наша армия, прикрытая рекой Заалой, оказывалась все же отнюдь не в невыгодном положении. Несмотря на общую сумятицу и неясность, царившие в главной квартире, эти три возможности действительно в ней обсуждались; но, конечно, нельзя удивляться тому, что если бы здесь и зародилась правильная идея среди общей нерешительности и царившего смятения, она была бы обречена потерпеть при ее осуществлении полное крушение.

---

[1] Термин «базис» применен здесь Клаузевицем не вполне точно; Клаузевиц разумеет, что все коммуникационные линии и пути отступления наступавшей французской армии проходили по узкой полосе территории между рекой Заалой и австрийской границей. — Ред.

В первых двух случаях позицию на левом берегу Заалы надо рассматривать как подлинно фланговую; в качестве последней она бесспорно представляла крупные выгоды; но, конечно, фланговая позиция для армии, не уверенной в себе, против превосходных сил неприятеля, против Бонапарта, представляет очень смелое предприятие.

После долгих колебаний 13 октября герцог остановил свой выбор на третьей из вышеуказанных возможностей, но было слишком поздно. Бонапарт уже приступил к переправе через Заалу, и сражения под Иеной и Ауэрштедтом являлись неизбежными. Герцог в своей нерешительности уселся между двух стульев: чтобы преградить дорогу неприятелю, он слишком поздно оставил занимаемый им район, а чтобы целесообразно дать сражение — слишком рано. Тем не менее природная сила этой позиции сказалась в такой степени, что герцог имел возможность под Ауэрштедтом уничтожить правое крыло своего противника, а князь Гогенлое еще мог бы вырваться из петли при помощи кровопролитного отступательного боя. Но под Ауэрштедтом нехватило решимости добиться победы, являвшейся несомненной, а под Иеной сочли возможным рассчитывать на победу, которая была совершенно немыслима.

Во всяком случае, у Бонапарта было такое сознание стратегического значения расположения пруссаков на Заале, что он не отважился пройти мимо и решился на переправу через эту реку в виду неприятеля.

Всем вышесказанным, мы полагаем, в достаточной мере уяснены отношения обороны к наступлению в случае действий, ориентированных на решение, и раскрыты положение и общая связь всех тех нитей, которыми скрепляются отдельные части оборонительных планов. Более определенный разбор отдельных мероприятий не входит в наши намерения, ибо это привело бы нас в безграничную область частных случаев. Раз полководец имеет перед собой определенную ориентирующую точку, он уже сам увидит, насколько географические, статистические и политические обстоятельства, материальные и личные условия, в которых находятся наша и неприятельская армии, соответствуют

этой ориентировке и в какой мере они обусловливают тот или другой образ действий.

Однако, для того чтобы ближе связаться с вопросом о ступенях усиления обороны, с которым мы ознакомились в главе о видах обороны [1], и снова ввести сказанное в поле нашего зрения, мы укажем здесь на наиболее общие моменты.

1. Следующие поводы могут побудить нас пойти навстречу неприятелю, чтобы дать наступательное сражение:

а) Когда нам известно, что наступающий продвигается, имея свои силы весьма разбросанными, и когда, следовательно, даже при значительной слабости наших сил мы все же можем рассчитывать на победу.

Однако такое продвижение наступающего само по себе крайне неправдоподобно; следовательно, такой план хорош лишь в случае нашей полной осведомленности; обосновывание своих расчетов и возложение на это всех своих упований при наличии одних предположений и без достаточных мотивов крайне сомнительно и обычно приводит к невыгодному положению. Обстоятельства не оказываются такими, какими мы их ожидаем, приходится отказаться от наступательного сражения, а к оборонительному ничего не подготовлено. Приходится, таким образом, предпринять вынужденное отступление и предоставить почти все на волю случая.

Приблизительно так обстояло дело с обороной, которую в 1759 г. вела армия генерала Дона против русских; после вступления в командование генерала Веделя оборона закончилась неудачным сражением под Цюллихау.

Прожектеры слишком часто готовы пускать в ход это средство, — оно так упрощает все дело, — не задаваясь при этом вопросом, в какой мере обоснована предпосылка, на которую оно опирается.

б) Когда мы вообще достаточно сильны, чтобы дать сражение.

в) Когда нас побуждает к этому особая беспомощность и нерешительность противника.

В этом случае воздействие неожиданности может ока-

---

[1] Глава VIII части 6-й. — Ред.

заться более ценным, чем какое бы то ни было использование местности на хорошей позиции. Подлинная сущность умелого ведения войны и заключается в том, чтобы этим путем ввести в игру мощь моральных сил; но при этом теория не может ни чересчур часто, ни чересчур громко повторять: необходимо, чтобы для этой предпосылки имелись объективные основания. Не имея таких конкретных оснований, постоянно твердят лишь о внезапности, о преимуществе необычайных наступлений, на этом строят планы, рассуждения, критические разборы, что представляет совершенно недопустимый, неосновательный прием.

г) Когда свойства нашей армии делают ее преимущественно пригодной к наступлению.

Несомненно, Фридрих Великий не ошибался и не основывался на одних мечтах, питая уверенность в том, что в своей армии, — подвижной, мужественной, приученной к повиновению и точности, воодушевленной и приподнятой гордым сознанием своей силы, с привычным ей косым боевым порядком, — он обладает орудием, которое в его твердой и смелой руке гораздо более пригодно для наступления, чем для обороны. Этих качеств у его противников не имелось, и именно в этом отношении он обладал решительным преимуществом перед ними. Использование его в большинстве случаев являлось для него более ценным, чем использование окопов и местных препятствий. Но такое превосходство будет редко встречаться; хорошо вышколенная и обученная маневрированию в крупном масштабе армия составляет лишь часть этого преимущества. Если Фридрих Великий утверждал, а за ним то же самое непрестанно повторяли и другие, что прусские войска особенно пригодны для наступления, то не следует придавать чрезмерного значения таким заявлениям; в большинстве случаев на войне чувствуют себя лучше и храбрее при наступлении, чем при обороне, но это чувство общее для всех армий; да и нет такой армии, о которой ее полководцы и вожди не утверждали бы того же самого. Поэтому в данном случае не следует легкомысленно доверять одной видимости превосходства и из-за нее упускать действительные преимущества.

Весьма естественным и веским поводом для наступательного сражения может служить соотношение родов войск, а именно — многочисленная кавалерия при малом количестве орудий[1].

Продолжаем перечисление оснований:

д) Когда безусловно нельзя найти хорошей позиции.

е) Когда мы должны добиться решения в кратчайшее время.

ж) Наконец — при совокупности всех или нескольких вышеприведенных оснований.

2. Выжидание подхода противника в районе, где мы сами намерены его атаковать (Минден, 1759 г.), вызывается следующими естественными поводами:

а) Наши силы не настолько уступают силам противника, чтобы понудить нас искать сильную позицию и укреплять ее.

б) Встречается особенно пригодная для этого местность. Свойства, определяющие ее пригодность, относятся к тактике; здесь мы лишь отметим, что они заключаются преимущественно в легкой доступности местности на стороне обороняющегося и во всякого рода местных препятствиях на стороне неприятеля.

3. Основания, чтобы занять позицию, на которой действительно будет иметь место выжидание наступления противника:

а) Когда несоразмерность сил принуждает нас стремиться к использованию местных препятствий и укреплений.

б) Когда местность представляет собою исключительно хорошую позицию.

Оба вида сопротивления, второй и третий, будут в особенности заслуживать внимания, если мы сами не стремимся добиваться решения, довольствуемся негативным успехом и имеем основание рассчитывать, что противник будет мед-

---

[1] Вследствие недостаточной подвижности и недальнобойности, особенно в эпоху Фридриха Великого, массовое использование артиллерии удавалось преимущественно при обороне; увеличение количества орудий в армиях тесно связывалось с переходом от маневренной войны к более позиционным формам войны. — Ред.

лить, проявлять нерешительность и, наконец, застрянет, не осуществив своих планов.

4. Укрепленный неприступный лагерь выполнит свою задачу лишь тогда:

а) Когда он расположен в особо важном стратегическом пункте.

Характер такой позиции заключается в том, что на ней сопротивление обороняющегося не может быть сломлено; поэтому неприятель оказывается вынужденным прибегнуть к другим средствам, т. е. или преследовать свою цель, не считаясь с позицией, или окружить и попытаться сломить ее голодом; если он не в силах осуществить последнее, то это свидетельствует о чрезвычайно высоких стратегических качествах избранной позиции.

б) Когда обстановка позволяет рассчитывать на помощь извне.

Именно в таком положении находилась саксонская армия, занявшая позицию под Пирной. Что бы ни говорили против этого мероприятия после гибельного его исхода, все же остается несомненным, что никаким другим способом 17 000 саксонцев не могли бы нейтрализовать 40 000 пруссаков. Если австрийская армия под Ловозицем не сумела использовать полученного ею вследствие этого превосходства, то это лишь доказывает, как плохо было все ведение войны австрийцами и их военное устройство; нет никакого сомнения, что если бы саксонцы, вместо того чтобы отойти в лагерь под Пирной, отступили в Богемию, Фридрих Великий в ту же кампанию прогнал бы австрийцев и саксонцев за Прагу и захватил бы этот город. Тот, кто не хочет оценить этой выгоды и думает только о пленении всей армии, тот вообще неспособен к стратегическому подсчету, а без подсчета не может быть и верных итогов.

Но так как случаи *а* и *б* встречаются крайне редко, то нет сомнения, что занятие укрепленного лагеря является мероприятием, требующим зрелого размышления и лишь в редких случаях удачно применяемым. Надежда импонировать противнику таким лагерем и тем парализовать всю его деятельность сопряжена с чрезмерным риском, а именно — с риском быть вынужденным сражаться, не имея пути отступления. Если Фридрих Великий достиг своей цели в

Бунцельвицском лагере, то приходится удивляться верности его суждения о своих противниках; правда, в этом случае скорее, чем в других, можно было надеяться, что в последние минуты Фридрих Великий нашел бы способ пробиться с обломками своей армии; следует также помнить о безответственности короля.

5. Если вблизи границы расположены одна или несколько крепостей, то возникает основной вопрос: должен ли обороняющийся искать решения впереди этих крепостей или позади них? Это последнее мотивируется:

а) превосходством противника, вынуждающим нас раздробить его силы раньше вступления в бой с ними;

б) близостью к этим крепостям, чтобы мы не несли излишние жертвы территорией;

в) их обороноспособностью.

Главная задача крепостей заключается или должна заключаться в том, чтобы раздробить неприятельские силы при их продвижении и значительно ослабить ту их часть, у которой нам предстоит оспаривать решение. Если нам так редко приходится встречаться с подобным применением крепостей, то зависит это от того, что редко бывает, чтобы та или другая сторона добивалась решения. Здесь же мы имеем в виду исключительно этот случай. Поэтому для нас является совершенно простым, но крайне важным принципом, чтобы во всех случаях, когда обороняющийся обладает одной или несколькими крепостями вблизи границы, он держался, имея их впереди себя, и дал решительное сражение позади них. Мы готовы согласиться, что проигранное нами сражение, данное нами по сю сторону наших крепостей, отбросит нас несколько дальше вглубь нашей страны, чем если бы мы его с такими же тактическими результатами проиграли по ту их сторону; впрочем, причины этого различия обосновываются скорее в воображении, чем материальными данными. Мы сами готовы еще напомнить, что по ту сторону крепостей можно предложить сражение на хорошо выбранной позиции, в то время как сражение позади них во многих случаях должно явиться сражением наступательным, а именно, — когда неприятель осаждает крепость и грозит захватить ее. Но что значат эти тонкие нюансы (оттенки. — *Ред.*) по сра-

внению с преимуществом иметь в момент решительного сражения неприятеля ослабленным на четверть или треть его сил или, пожалуй, на целую их половину, если он имеет дело с несколькими нашими крепостями?

Итак, мы полагаем, что во всех случаях, когда р е ш е н и е н е и з б е ж н о, ищет ли его наступающий или обороняющийся, и когда последний не слишком уверен в своей победе над неприятельскими силами и притом местность не предъявляет настойчивого требования, — дать сражение более впереди, во всех этих случаях, говорим мы, близлежащая и обороноспособная крепость должна служить для обороняющегося решительным мотивом, чтобы с самого начала отойти за нее и дать состояться решению по сю сторону ее, т. е. пользуясь содействием крепости. Если при этом позиция, которую займет обороняющийся, будет расположена настолько близко к крепости, что наступающий не будет иметь возможности ни осадить ее, ни блокировать, не прогнав предварительно армию обороняющегося, то последний вместе с тем поставит противника в необходимость атаковать его позицию. Поэтому изо всех оборонительных мероприятий в опасном положении ни одно не представляется нам столь простым и действительным, как выбор хорошей позиции на небольшом удалении позади значительной крепости.

Конечно, вопрос сложился бы несколько иначе, если бы крепость находилась на значительном удалении, в глубине страны. В этом случае такое мероприятие было бы связано с очищением значительной части своего театра войны; к этой жертве, как мы знаем, прибегают лишь при крайней необходимости. При таких условиях подобное мероприятие скорее приближается к отступлению внутрь страны.

Другим условием является обороноспособность данной крепости. Как известно, существуют такие укрепленные пункты и в особенности крупные города, соприкосновение которых с неприятельской армией недопустимо, так как они не в состоянии выдержать открытой атаки значительных сил. В подобном случае по меньшей мере наша позиция должна находиться так близко к крепости, чтобы имелась возможность притти на помощь гарнизону.

Наконец, отступление внутрь страны явится естественным мероприятием лишь в следующих случаях:

а) когда соотношение наших физических и моральных сил к силам противника исключает всякую мысль об успешном сопротивлении на границе или вблизи нее;

б) когда главное — это выиграть время;

в) когда этому благоприятствуют условия страны, о чем мы уже говорили в XXV главе.

На этом мы заканчиваем главу об обороне театра войны в тех случаях, когда та или другая сторона добивается решения и последнее, таким образом, является неизбежным. При этом, однако, мы должны напомнить, что на войне обстановка не представляется в столь определенном виде; следовательно, если перенести наши положения и рассуждения из области мышления в обстановку действительной войны, то придется иметь в виду еще XXX главу; в большинстве случаев должно мыслить полководца находящимся между обоими направлениями и приближающимся то к одному, то к другому из них, смотря по обстоятельствам.

Глава XXIX

ОБОРОНА ТЕАТРА ВОЙНЫ

Продолжение

Последовательное сопротивление

В XII и XIII главах 3-й части мы показали, что в стратегии последовательное сопротивление противоречит природе вещей и что все наличные силы должны быть использованы одновременно.

Для движимых средств борьбы это положение не требует дальнейших разъяснений; но если мы будем рассматривать как некоторое средство борьбы самый район военных действий с его крепостями, местными рубежами и даже просто размеры его площади, то такое средство борьбы оказывается недвижимым и, следовательно, мы можем лишь постепенно ввести его в дело или же должны сразу настолько отступить назад, чтобы все те части, воздей-

ствие которых является необходимым, оказались впереди нас. Тогда все, чем занятая неприятелем страна может способствовать ослаблению его мощи, тотчас начинает оказывать свое влияние: наступающий должен по меньшей мере блокировать неприятельские крепости, обеспечить за собою оккупированную территорию посредством гарнизонов и других отрядов; он должен пройти длинные концы, доставлять все на большое расстояние и т. д. Все это оказывает воздействие на наступающего, продвигается ли он вперед *до решения или после него*, с той только разницей, что в первом случае сказывается несколько сильнее, чем во втором. Отсюда следует, что если обороняющийся захочет несколько отнести решение вглубь страны, то этим он, конечно, приобретет возможность ввести в игру все эти недвижимые средства борьбы.

С другой стороны, ясно, что такое *отнесение вглубь страны решения* не окажет никакого влияния на сферу воздействия победы, которую одержит наступающий. С этой сферой воздействия победы мы ближе познакомимся при рассмотрении наступления; здесь мы отметим лишь, что эта сфера простирается до тех пор, пока не окажется исчерпанным превосходство (продукт моральных и физических соотношений) победителя. А это превосходство исчерпывается, во-первых, растратой вооруженных сил, поглощаемых театром войны, и, во-вторых, потерями в боях. Оба вида ослабления не могут существенно измениться от того, имели ли место бои в начале или в конце, впереди или позади. Мы, например, полагаем, что в 1812 г. победа, которую одержал бы Бонапарт над русскими под Вильной, повела бы его так же далеко, как и его победа под Бородином, предполагая, что силы его были бы такими же и что победа под Москвой не привела бы его дальше. Москва в любом случае являлась пределом сферы его победы. Конечно, ни одной минуты не может быть сомнения, что решительное сражение близ границы (по иным причинам) дало бы гораздо бо́льшие победные результаты и поэтому, может быть, дало бы и бо́льшую сферу победы. Таким образом, отнесение обороняющимся решения назад не встречает препятствий с этой стороны дела.

В главе о видах сопротивления[1] мы познакомились с отнесением назад решения, которое можно рассматривать как предельное; мы его назвали отступлением внутрь страны; это особый вид сопротивления, рассчитанный скорее на самоистощение наступающего собственными усилиями, чем на истребление его силой оружия в сражении. Но лишь при преобладании такого намерения можно смотреть на отнесение назад решения, как на особый вид сопротивления, ибо в противном случае, конечно, можно представить себе бесчисленное множество градаций, и последние могут связываться со всевозможными средствами обороны. Таким образом, в большей или меньшей степени содействия театра войны мы видим не особый вид сопротивления, но лишь произвольный добавок недвижимых средств сопротивления сообразно с потребностью сложившихся отношений и обстоятельств.

Если обороняющийся считает, что он вовсе не нуждается для обеспечения решения в этих недвижимых средствах борьбы, или если сопряженные с их использованием дальнейшие жертвы кажутся ему чрезмерными, то они остаются в запасе для будущего и являются для него в известной степени постепенными подкреплениями, которые, может быть, обеспечат ему возможность сохранить мощь его подвижных вооруженных сил, дабы после первого решения разыграть еще второе, а затем, пожалуй, и третье, т. е. таким путем становится возможным последовательное применение сил.

Если обороняющийся на границе проиграл сражение, не являющееся, однако, полным поражением, то можно легко допустить, что уже позади своей ближайшей крепости он окажется в состоянии принять второе сражение; более того, если он имеет дело с не слишком решительным противником, то, пожалуй, достаточно будет значительного местного рубежа, чтобы остановить последнего.

Таким образом, при использовании театра войны, как и всего прочего, стратегия стоит перед задачей экономии сил: чем меньшим обходятся, тем лучше, но хватить должно; здесь, конечно, как и в торговле, дело заключается вовсе не в одном голом скряжничестве.

[1] VIII глава 6-й части. — *Ред.*

Однако во избежание крупного недоразумения мы должны подчеркнуть, что предметом нашего рассмотрения в данном случае вовсе не является вопрос о том, какое сопротивление может быть оказано и что может быть предпринято после проигранного сражения; мы лишь разбирали, на какой успех мы можем заранее рассчитывать при этом вторичном сопротивлении и, следовательно, как высоко можем мы его расценивать в нашем плане. Обороняющемуся здесь надлежит почти исключительно обращать внимание только на один пункт: на своего противника — на его характер и на условия, в которых он находится. Противник слабохарактерный, не уверенный в себе, без великого честолюбия или находящийся в крайне стесненных обстоятельствах, будет счастлив удовлетвориться в случае успеха умеренной выгодой и робко задержится перед всяким новым решением, которое отважится предложить ему обороняющийся. В подобном случае обороняющийся может рассчитывать, что ему удастся постепенно использовать средства сопротивления, предоставляемые ему театром войны; слабые в своем существе боевые действия будут постоянно возобновляться, и перед обороняющимся всегда с новой силой будут развертываться шансы повернуть конечное решение в свою пользу.

Но кто же не чувствует, что здесь мы уже начинаем приближаться к кампаниям, в которых не ищут решения и которые в гораздо большей степени являются ареной последовательного применения сил? О них мы и будем говорить в следующей главе.

Глава XXX

ОБОРОНА ТЕАТРА ВОЙНЫ

Продолжение

Когда не ищут решения

Могут ли быть, и если могут, то в какой форме бывают такие войны, в которых ни та, ни другая сторона не является наступающей и где, следовательно, ни у кого нет стремления к чему-нибудь позитивному, об этом

мы подробнее будем говорить в последней части; здесь нам нет надобности заниматься этим противоречием, ибо на одном из нескольких театров войны мы легко можем предположить основание для подобной обоюдной обороны в тех отношениях, которые связывают этот театр с целым.

Однако имели место не только отдельные кампании, лишенные фокусов в виде являющегося необходимостью решения, но история нам свидетельствует, что было много таких войн, в которых хотя и имелась наступающая сторона, а следовательно, и позитивная воля, но последняя была столь слабой, что уже не стремилась во что бы то ни стало к своей цели и не добивалась необходимого для этого решения, а довольствовалась теми выгодами, которые в известной степени сами собой вытекали из обстоятельств. Или же бывали случаи, когда наступающий не преследовал никакой самостоятельно поставленной цели и ставил свои действия в зависимость от обстоятельств, чтобы при случае пожинать плоды, подвертывавшиеся ему время от времени.

Такое наступление, отказывающееся от строгой логической необходимости продвигаться к цели, бредущее в течение всей кампании подобно праздношатающемуся без определенной цели и обращающееся то вправо, то влево за случайной дешевой добычей, мало чем отличается от обороны, так же предоставляющей полководцу срывать подобные плоды; но ближайшее философское рассмотрение такого рода ведения войны мы отложим до части нашего сочинения, посвященной наступлению, здесь же будем придерживаться лишь вывода, что в подобной кампании ни наступающий, ни обороняющийся не строят всех своих расчетов на решении, и последнее, таким образом, уже не образует замочного камня свода, к которому направлены все линии стратегической арки. Подобного рода кампании (как нас учит история войн всех времен и стран) не только многочисленны, но составляют столь подавляющее большинство, что остальные являются как бы исключениями. Если бы даже со временем это отношение и изменилось, все же не подлежит сомнению, что всегда таких кампаний будет очень много и что в учении об обороне театра войны мы должны принять их в расчет. Мы попытаемся указать на

проявляющиеся в них особенности. Действительная война большей частью окажется посредине между этими двумя направлениями и будет приближаться то к тому, то к другому; поэтому мы можем усмотреть практическое воздействие этих особенностей лишь в тех изменениях, которые они вызывают в абсолютной форме войны. Уже в III главе этой части[1] мы говорили, что выжидание составляет величайшее преимущество, каким оборона пользуется по сравнению с наступлением. В жизни и особенно на войне редко происходит все то, что должно было бы произойти в соответствии с обстоятельствами. Несовершенство человеческого разумения, страх перед плохим исходом и случайности, постигающие развитие событий, приводят к тому, что из всех действий, выполнение которых по обстоятельствам возможно, весьма многие остаются неосуществленными. На войне, где неполнота осведомленности, опасность катастрофы и множество случайностей представлены несоизмеримо сильнее, чем во всякой другой человеческой деятельности, число упущений, если их так называть, оказывается гораздо бо́льшим. Это и является той богатой нивой, на которой оборона пожинает плоды, растущие для нее как бы сами собой. Если к этому выводу из опыта присоединить самостоятельное значение, которое имеет на войне обладание территорией, то в данном случае оправдается применяемое в боях мирного времени (юридических спорах) изречение: «Beati sunt possidentes»[2]. Последнее и заменяет собою решение, представляющее фокус всех войн, ориентированных на взаимное сокрушение. Это положение оказывается чрезвычайно плодовитым, — но не деятельностью, им вызванной, а мотивами для бездеятельности и для всей той деятельности, которая ведется в интересах бездеятельности. Там, где решение не ищется и не может ожидаться, там нет никаких оснований уступать во что бы то ни было; такая уступка могла бы иметь место лишь для того, чтобы этой ценою купить себе известные преимущества к моменту решения. Следствием этого является стремление обороняющегося сохранить (т. е.

---

[1] Фактически — в VIII главе. — Ред.
[2] «Счастливы владеющие». — Перев.

прикрывать) столько, сколько представляется возможным, а наступающий стремится захватить все, что только можно, при отсутствии решения (т. е. распространяется возможно шире). Здесь нас интересует только оборона.

Повсюду, где нет вооруженных сил обороняющегося, наступающий может вступить в обладание территорией, и тогда преимущество выжидания перейдет на его сторону; отсюда возникает стремление повсюду непосредственно прикрывать страну; все дело сводится к тому, будет ли наступающий атаковать части, выставленные для прикрытия.

Раньше чем приступить к ближайшему рассмотрению особенностей обороны, мы должны заимствовать из части, посвященной наступлению, те объекты, к которым стремится наступающий, когда нет тяготения к решению. Эти объекты таковы:

1. Занятие значительного участка территории, поскольку этого можно достигнуть без решительного сражения.

2. Захват значительного склада при том же условии.

3. Взятие неприкрытой крепости. Хотя осада представляет собою более или менее крупное предприятие, которое часто требует значительных усилий, но все же она не связана с риском катастрофы. На худой конец от нее можно отказаться, не понеся при том значительных позитивных потерь[1].

4. Наконец, удачный, имеющий некоторое значение бой, в котором, однако, большого риска не допускается, а потому ничего крупного и не может быть достигнуто; бой, не являющийся узлом целой стратегической операции, чреватый последствиями, но существующий сам по себе, ради трофеев, ради чести оружия. Для такой цели, понятно, бой не станут давать во что бы то ни стало, но будут выжидать выгодного случая или же постараются искусными действиями создать такой случай.

Эти четыре объекта наступления вызывают у обороняющегося следующие стремления:

1. Прикрывать крепости, оставляя их позади себя.

---

[1] Т. е. неуспех преимущественно ограничится моральным ущербом. — Ред.

2. Прикрывать страну, распространяясь по ней.

3. Если растяжка фронта оказывается недостаточной, предупреждать противника быстрыми фланговыми маршами.

4. Остерегаться невыгодных боев.

Первые три стремления, конечно, отвечают намерению навязать наступающему инициативу и извлечь возможно большую пользу от выжидания; это намерение настолько глубоко коренится в природе дела, что было бы неразумно осуждать его без разбора. Оно должно иметь место постольку, поскольку не приходится ожидать решения; оно лежит в глубочайшей основе всех подобных кампаний, хотя на поверхности военных действий часто и царит довольно живая деятельность, проявляющаяся, однако, в мелких, не ведущих к решению предприятиях.

Ганнибал, Фабий [1] и Фридрих Великий, а равно и Даун, свидетельствовали свое уважение этому принципу всякий раз, когда не искали решения и не считали его вероятным. Четвертое стремление служит коррективом для предыдущих и является для них conditio sine qua non [2].

Теперь мы хотим несколько ближе рассмотреть эти объекты.

Расположение армии в п е р е д и крепостей для защиты их от наступления противника представляется на первый взгляд чем-то нелепым, каким-то плеоназмом [3], ибо крепостные сооружения для того и строятся, чтобы самостоятельно противостоять атакам неприятеля. Тем не менее мы видим тысячи и тысячи повторений этого мероприятия. Но так уже привилось, что в вопросах ведения войны самые обычные вещи часто представляются самыми непонятными. У кого хватит мужества на основании этого кажущегося противоречия признать тысячи и тысячи случаев такого расположения за тысячи и тысячи ошибок? Вечное повторение этой формы доказывает, что для нее должно

---

[1] Очевидно, Фабий Кунктатор — противник Ганнибала. — Р е д.

[2] Непременным условием. — П е р е в.

[3] Плеоназм — это нагромождение слов, имеющих тот же смысл и даже тот же корень (красивая красота). Армия, стоящая впереди крепости для ее защиты, это такое нагромождение оборонительных мероприятий, которые Клаузевиц уподобляет плеоназму. — Р е д.

иметься глубокое основание. Об этом основании мы уже говорили выше; оно гнездится в моральной инерции.

Если обороняющийся располагается впереди своей крепости, то наступающий не может ее атаковать, не разбив предварительно находящуюся перед ней армию. Но сражение является решением; если неприятель не стремится к последнему, то он сражения не даст, и обороняющийся, не обнажая меча, сохранит свою крепость. Поэтому всякий раз, как мы не предполагаем у наступающего намерения добиться решения, мы должны испытать, отважится ли он на него, так как весьма вероятно, что он на это не пойдет. Если вопреки нашим ожиданиям неприятель приблизится, чтобы атаковать, то в нашем распоряжении в этот момент в большинстве случаев остается средство — отступить за свою крепость; благодаря этому расположение впереди крепости делается безопасным, а возможность сохранить без всяких жертв status quo [1] в таком случае уже не сопровождается хотя бы отдаленной опасностью.

Если обороняющийся располагается позади крепости, то он предоставляет противнику объект для действий, как будто нарочно для него созданный. Если крепость не очень значительна и сам наступающий не оказывается совершенно неподготовленным, то он предпримет осаду; дабы она не закончилась взятием крепости, обороняющийся должен двинуться на выручку. Отсюда позитивная деятельность, инициатива ляжет на его плечи, а противник, осадные действия которого надо рассматривать как продвижение к цели, окажется в блаженном положении владельца, который может выжидать. Дело всегда принимает такой оборот, отвечающий его свойствам; этому учит нас опыт. Осада, как мы уже отметили, не сопряжена с риском какой-либо катастрофы. Полководец, совершенно лишенный предприимчивости и энергии, который никогда не решился бы дать сражение, не задумываясь приступает к осаде, если он может приблизиться к крепости, не подвергаясь опасности; его даже не отпугивает наличие одной лишь полевой артиллерии. На худой конец он может отказаться от своего предприятия, не неся позитивных потерь. Приходится учи-

[1] Неизменное положение. — Перев.

тывать еще и опасность, всегда в большей или меньшей мере грозящую крепостям, — быть захваченными штурмом или каким-нибудь неузаконенным способом. Это обстоятельство обороняющийся при оценке обстановки не должен упускать из виду.

Взвешивая различные возможности, обороняющийся, естественно, должен предпочесть сражение в лучших условиях всякому другому; весьма вероятно, что он и совсем не будет сражаться. Таким образом, обычай располагать армию впереди своих крепостей представляется нам вполне естественным и простым. Фридрих Великий почти всегда применял этот прием, — например, под Глогау против русских, под Швейдницем, Нейссе и Дрезденом против австрийцев. Между тем, герцогу Бевернскому под Бреславлем не поздоровилось от такого приема. Если бы он расположился позади Бреславля, на него было бы невозможно напасть. Превосходство в силах австрийской армии, имевшее место в период отсутствия короля, с приближением последнего должно было прекратиться; таким образом, благодаря расположению позади Бреславля, сражение до прибытия короля могло быть избегнуто. Герцог Бевернский также несомненно предпочел бы расположиться позади Бреславля, если бы он при этом не давал австрийцам возможности подвергнуть этот важный город с его огромными запасами бомбардировке, за которую герцогу несомненно досталось бы от короля, который в подобных случаях не всегда бывал сговорчив. То, что герцог сделал попытку обеспечить Бреславль, заняв впереди него укрепленную позицию, в конечном счете осуждать нельзя, ибо легко могло случиться, что принц Карл Лотарингский [1], удовлетворившись взятием Швейдница и находясь под угрозой приближения короля, воздержался бы от дальнейшего наступления. Самое лучшее было бы не доводить дело до сражения и в момент приближения австрийцев для атаки отступить через Бреславль; таким путем герцог Бевернский извлек бы из выжидания все выгоды, не поплатившись за них серьезным риском.

Мы обосновали и оправдали расположение обороняюще-

---

[1] Австрийский главнокомандующий. — Ред.

гося впереди крепостей глубокими соображениями общего характера, но надо заметить, что к этому может быть добавлен и второстепенный довод, имеющий более непосредственное, но недостаточно объемлющее значение; поэтому было бы невозможно основываться только на нем. Он заключается в том, что армия пользуется ближайшей крепостью как складом запасов; это представляет столько удобств и выгод, что командование неохотно пойдет на то, чтобы подвозить все необходимое для своей армии из более отдаленных крепостей или же устроить свои склады в неукрепленном пункте. А раз крепость служит магазином для армии, то во многих случаях расположение армии впереди нее представляется совершенно необходимым, а в большинстве — вполне естественным. Тем не менее ясно, что это ближайшее основание легко может быть переоценено теми, кто вообще не очень заботится о более глубоких основаниях, так как оно недостаточно для объяснения всех имевших место случаев и вообще не является столь веским по сравнению с другими данными, чтобы ему можно было отвести решающее значение в этом вопросе.

Взять одну или несколько крепостей, не дерзнув при этом дать сражение, это столь естественная задача всех наступлений, не задающихся достижением крупных решений, что обороняющийся ставит своей главной задачей воспрепятствовать этому намерению. Отсюда мы видим, что на театрах войны, включающих много крепостей, почти все движения ориентируются на то, что наступающий пытается неожиданно подступить к одной из них, для чего прибегает к разнообразным уловкам, обороняющийся же искусно подготовленными движениями старается успеть преградить к ним дорогу. Таков основной характер почти всех нидерландских походов Людовика XIV, вплоть до маршала Саксонского [1].

На этом покончим с вопросом о прикрытии крепостей.

---

[1] Нидерландские кампании маршала Мориса Саксонского (кстати, кампания 1744 г. велась исключительно в стиле погони мандующего французской армией) относятся к 1744—1747 гг., за взятием крепостей, а в следующих маршал Саксонский уже проявил тяготение к решению и давал крупные сражения. — Ред.

Прикрытие страны посредством растянутого расположения вооруженных сил можно мыслить лишь в связи со значительными местными преградами. Крупные и мелкие отряды, которые при этом приходится образовывать, могут приобрести известную способность к сопротивлению лишь благодаря сильным позициям, а так как естественные препятствия редко оказываются достаточными, то на помощь к ним является искусство фортификации. Однако следует заметить, что этим способом можно достигнуть в каждом отдельном пункте лишь относительного сопротивления (см. главу о значении боя) [1], его нельзя рассматривать как сопротивление абсолютное. Правда, может случиться, что противнику не удастся осилить такой отряд и что в отдельном случае получится абсолютный результат. Но ввиду большого числа таких отрядов каждый из них, по сравнению с целым, является слабым и подвержен атаке значительно превосходящих сил; поэтому было бы неблаторазумным строить весь свой расчет на успехе сопротивления каждого отдельного отряда.

Таким образом, при растянутой группировке можно рассчитывать лишь на более или менее продолжительное сопротивление, но не на подлинную победу. Между тем, этой способности отдельных отрядов к сопротивлению может оказаться достаточно для общей цели и для расчетов в целом. В кампаниях, в которых не приходится опасаться крупных решений и безостановочного продвижения вперед для одоления всех сил обороны, бои отдельного отряда, если даже они окончатся очищением его позиции, не так опасны. Редко это влечет за собою что-либо более серьезное, чем утрату этой позиции и некоторого количества трофеев; победа не оказывает более глубокого влияния на все положение; она не опрокидывает фундамента, разрушение которого вызвало бы крупный обвал. На худой конец, если вся система обороны окажется нарушенной с падением нескольких отдельных позиций, у обороняющегося всегда останется время, чтобы собрать воедино все отряды и, имея свои силы сосредоточенными, предложить решение, к которому наступающий,

---

[1] Это глава V части 4-й, но помимо нее тот же вопрос освещается и в главе III части 4-й. — Ред.

согласно нашему предположению, не стремится. Поэтому обычно бывает, что вместе с сосредоточением сил размах этой операции приходит к концу, и дальнейшее продвижение наступающего приостанавливается. Небольшое пространство земли, несколько человек и пушек — вот и все потери обороняющегося; наступающий же вполне удовлетворяется этим успехом.

На такой риск при несчастливом ходе событий, говорим мы, обороняющийся может пойти, если существует возможность и даже вероятность, что наступающий робко (или осторожно) остановится перед его разбросанными отрядами и не решится их атаковать. При этом рассмотрении не надо забывать, что мы предполагаем наступающего, не стремящегося итти на крупный риск; такого противника отряд средней силы, расположенный на сильной позиции, вполне может остановить, ибо хотя возможность отбить атаку и остается для этого отряда под сомнением, но противник задает себе вопрос, во что это ему обойдется и не будет ли цена слишком высока по сравнению с тем, что он может извлечь из победы в данной обстановке.

Это свидетельствует о весьма удовлетворительном результате, который может дать обороняющемуся в общем итоге кампании сильное относительное сопротивление, оказываемое растянутой цепочкой из многих отрядов на сильных позициях. Дабы дать надлежащее направление мысленному взору читателя, устремляющемуся теперь к страницам военной истории, мы поспешим отметить, что такое растянутое расположение чаще всего встречается в последней половине кампаний, ибо к этому времени обороняющийся имеет возможность изучить наступающего, его намерения и условия, в которых он действует, а наступающий уже успевает утратить небольшой запас предприимчивости, имевшейся в начале кампании.

В условиях растянутой обороны, прикрывающей страну, запасы и крепости, все местные препятствия — реки, горы, леса и болота — естественно должны играть значительную роль и приобретать выдающееся значение; относительно их использования мы сошлемся на сказанное нами выше.

Благодаря особой важности топографического элемента,

та отрасль знания и та служба генерального штаба, которые принято считать характерными для него, приобретают особое значение. А так как генеральный штаб обычно является той частью войска, которая больше всего пишет и печатает [1], то отсюда и получилось, что эта сторона походов историей больше всего фиксируется; в то же время возникает довольно естественная склонность ее систематизировать и из исторического анализа одного случая делать общие выводы для остальных. Но это тщетное и ложное стремление. Даже при таком, более пассивном, более с местом связанном способе ведения войны каждый случай отличается от другого и требует иного подхода. Самые лучшие мемуары, содержащие рассуждения об этих предметах, могут лишь ознакомить нас с ними, но отнюдь не могут служить в качестве предписаний [2].

Как ни необходима и ни достойна уважения эта деятельность генерального штаба, которую мы здесь по общепринятому взгляду определили как наиболее характерную для него, все же мы должны предостеречь от узурпации, которая часто вытекает из этой его деятельности в ущерб целому. Значение, которое приобретают те начальники штаба, которые являются наиболее сильными в этой области военной службы, дает им часто известное общее господство над умами и прежде всего над самим полководцем. Отсюда возникает привычка мышления, приводящая к односторонности; в конце концов полководец перестает видеть что-либо, кроме гор и проходов, и то, что должно было быть определяемым обстановкой, свободно избранным мероприятием, обращается в манеру, становится второй натурой.

---

[1] Ленин выписал этот абзац и следующий, включительно до слов: «отсюда возникает привычка мышления, приводящая к односторонности», и сопроводил выписку заметками на полях: «генеральный штаб — та часть войска, которая больше всего пишет и печатает» и «штабная узость». — Ред.

[2] Текст 2-го нем. издания (1853 г.), с которым сверялся наш перевод, несколько отходит от текста 1-го издания; в последнем здесь имелась еще фраза, также выписанная Лениным. Она гласила: «Собственно они становятся военной историей, трактующей лишь одну сторону, свойственную этим войнам». Эта фраза во 2-м немецком издании (и в нашем переводе) приведена несколькими строками дальше. — Ред.

Так, в 1793 и 1794 гг. полковник Граверт, бывший в то время душой прусского генерального штаба и известный как специалист по горам и проходам, сумел заставить двух резко отличных друг от друга полководцев — герцога Брауншвейгского и генерала Моллендорфа — в точности держаться одних и тех же приемов ведения войны.

Оборонительная линия, организованная вдоль местного рубежа, может привести к кордонной войне; это само собой понятно. Она в большинстве случаев непременно и приводила бы к ней, если бы действительно все протяжение театра войны непосредственно должно было бы быть прикрыто подобным образом. Но большинство театров войны обладает такими размерами, по сравнению с которыми естественное протяжение тактического фронта назначенных для его обороны вооруженных сил слишком незначительно; а так как наступающий вследствие различных обстоятельств и своей собственной организации связан с известными основными направлениями и дорогами, и очень резкие отклонения от них даже перед лицом самого бездеятельного обороняющегося представляли бы слишком крупные неудобства и невыгоды, то для обороняющегося в большинстве случаев все сводится к тому, чтобы прикрыть местность вправо и влево от этих основных направлений на расстоянии известного числа миль или переходов. Это прикрытие, в свою очередь, достигается тем, что довольствуются преграждением главных дорог и подступов к ним отрядами, располагаемыми на сильных позициях, и ограничиваются наблюдением лежащей между ними местности. Последствием этого, конечно, может явиться то, что одна из колонн наступающего проскользнет между двумя отрядами, а отсюда явится возможность произвести намеченную на один из этих отрядов атаку с разных сторон. В предвидении этого отдельные отряды соответственно устраиваются на своих позициях: иногда их фланги примыкают к опорным пунктам, иногда организуется оборона к стороне фланга (так называемые загибы фланга); отчасти они обеспечиваются поддержкой со стороны расположенного позади резерва или же соседнего отряда. Таким образом, является возможность еще больше сократить число отрядов; в конечном счете армия, ведущая такого рода оборону,

обычно разбивается на четыре или пять главных оборонительных отрядов.

Для слишком удаленных, но все же в некоторой степени угрожаемых главных подступов устанавливают особые центральные пункты, что образует внутри большого театра войны как бы малые театры. Так, в Семилетнюю войну австрийцы в Нижнесилезских горах занимали своей главной армией по большей части от четырех до пяти позиций, выделив в Верхнюю Силезию небольшой почти самостоятельный корпус, который там организовывал подобную же систему обороны.

Чем дальше такая система обороны отходит от непосредственного прикрытия, тем больше приходится прибегать к движению (активная оборона) и даже к наступательным средствам. Известные группы войск рассматриваются как резервы; кроме того, один отряд спешит на помощь к другому своими свободными силами. Эта помощь оказывается или тем, что спешат подойти с тыла для фактического усиления и возобновления пассивного сопротивления, или тем, что атакуют неприятеля во фланг или даже угрожают его пути отступления. Если неприятель угрожает флангу отряда не непосредственной атакой, но лишь занятием такого расположения, которое является исходной позицией для попыток, направленных на его сообщения, то или фактически производят атаку на выдвинутый для этого отряд или же вступают на путь репрессалий и пытаются в свою очередь действовать на сообщения неприятеля.

Итак, мы видим, что этот вид обороны, несмотря на пассивный характер его основ, все же должен воспринять в себя многие активные средства и, ввиду сложности сопряженных с ним отношений, должен быть готов к использованию разнообразных приемов. Обычно считается наилучшей та оборона, которая шире всего пользуется активными или даже наступательными средствами; однако, с одной стороны, это в значительной мере зависит от характера местности, особенностей вооруженных сил и даже таланта полководца, с другой же стороны, если мы возлагаем слишком много надежд на движение и прочие активные вспомогательные средства борьбы, легко может случиться, что будет недостаточно использована местная оборона сильного есте-

ственного рубежа. Полагаем, что теперь достаточно выяснено, что̀ разумеется нами под растянутой оборонительной линией; мы обращаемся к третьему средству: к преграждению пути противнику посредством быстрых фланговых передвижений.

Это средство является непременной принадлежностью аппарата той обороны страны, которая здесь имеется в виду. Отчасти обороняющийся оказывается не в силах, несмотря на всю растянутость своей позиции, занять все угрожаемые подступы к своей стране, отчасти же ему во многих случаях приходится с ядром своих сил направляться к тому из своих отрядов, против которого намеревается броситься с ядром своих сил неприятель, ибо в противном случае сопротивление этого отряда слишком легко могло бы быть преодолено. Наконец, полководец, неохотно сковывающий свои силы пассивным сопротивлением в растянутом расположении, должен вообще стремиться достигнуть своей цели прикрытия страны сугубо быстрыми, обдуманными и организованными движениями. Чем бо̀льшие участки оставляются им незащищенными, тем большее мастерство должно проявляться в его движениях, дабы он успел повсюду во-время преградить дорогу неприятелю.

Естественным последствием подобного стремления является изыскание повсюду позиций, которые занимаются в нужных случаях и которые доставляют обороняющемуся достаточные преимущества, чтобы отбить у противника охоту их атаковать, раз только наша армия или даже часть ее займет эти позиции. Так как к занятию этих позиций приходится беспрерывно обращаться и так как при этом все дело заключается в своевременном прибытии к ним, то они являются альфой и омегой всего этого метода вести войну; последняя по своему характеру называется также о т р я д н о й в о й н о й[1].

---

[1] В оригинале: «Postenkrieg», т. е. нечто среднее между отрядной и позиционной войной. В австрийском генеральном штабе соответственный метод ведения войны в середине XIX века назывался «колбасной стратегией», так как Крисманич подготовил секретные карты Богемского театра войны, на которых всевозможные позиции были отмечены условным знаком, напоминавшим большую или маленькую колбаску. Русский генеральный

Подобно тому как растянутое расположение и относительное сопротивление на войне без крупных решений не сопряжены с заложенными в них опасностями, так и преграждение пути при помощи фланговых продвижений не так рискованно, каким оно явилось бы в момент крупного решения. Попытаться спешно забежать наперерез исполненному решимости противнику, имеющему возможность и волю совершать великие дела, означало бы оказаться на полпути к решительному поражению, ибо такая спешка и занятие первой попавшейся позиции не привели бы к добру при первом же, ни с чем не считающемся ударе всеми силами. Но против неприятеля, который берется за дело не всей рукой, а лишь кончиками пальцев, который не умеет использовать крупный результат (или, вернее, не умеет к нему подойти) и который добивается умеренного успеха, лишь бы по дешевой цене, — против такого противника, конечно, можно с успехом применить указанный прием сопротивления.

Отсюда вполне естественно, что подобный прием, в общем, также чаще встречается во второй половине кампании, чем при ее открытии.

Генеральному штабу здесь также представляется случай обработать свои топографические познания в связанную в одно целое систему мероприятий по выбору и подготовке позиций и ведущих к ним дорог.

В тех случаях, когда в конечном счете все сводится для одной стороны к тому, чтобы достигнуть известного пункта, а для другой — чтобы этому воспрепятствовать, часто обе стороны вынуждены выполнять свои движения на глазах противника, что заставляет проводить их с величайшей осторожностью и точностью, не требующимися в других случаях. В прежние времена, когда главные силы армии еще

штаб вплоть до русско-японской войны также в лице своего Военно-ученого комитета и кафедры военной статистики направлял все усилия на изучение многих тысяч возможных для нас и для противника позиций, но не портил своими исследованиями карты, а издавал объемистые фолианты маршрутов с перечислением всех попутных позиций. Эта работа, конечно, всегда встречала резко скептическое отношение со стороны менее погрязших в ней лиц. — Ред.

не подразделялись на самостоятельные дивизии и рассматривались — даже на марше — как одно неделимое целое, эта осторожность и точность были сопряжены с очень большими хлопотами и с большой затратой тактического искусства. Правда, в подобных обстоятельствах нередко отдельные бригады, взятые из боевой линии, спешно высылались вперед, дабы обеспечить захват известных пунктов и взять на себя выполнение определенной самостоятельной роли, пока не прибудет армия. Но такие случаи всегда являлись и оставались аномалиями. Походный порядок, в общем, всегда был направлен на передвижение целого без какого-либо нарушения его построения и на то, чтобы, по возможности, избежать подобных исключений. Теперь, когда главные силы армии подразделяются на самостоятельные члены, которые могут отважиться на бой с неприятельской армией в целом при условии, что остальные части будут поблизости, продолжат и завершат бой, — теперь такой фланговый марш даже на глазах противника представляет меньше затруднений. Что прежде достигалось самим механизмом походного порядка, теперь достигается предварительной отправкой одних дивизий, ускорением движения других и большей свободой применения целого.

Рассмотренными нами средствами обороняющийся должен помешать наступающему овладеть крепостью, захватить значительное пространство территории или магазин. Помеха, которую встретит наступающий, будет носить характер боя, который ему будет предлагаться повсюду и который будет представлять для него или слишком мало вероятности на успех, или слишком большую угрозу реакции в случае неудачи, или вообще слишком большое напряжение сил, не соответствующее ни преследуемой им цели, ни условиям, в которых складываются его действия.

Если обороняющийся достигает этого триумфа своей подготовки и искусства и если наступающий, куда бы он ни обратил своего взора, видит, что мудрыми мероприятиями ему закрыта всякая перспектива достигнуть даже скромного его желания, то идея наступления попытается найти какой-нибудь выход в удовлетворении хотя бы чести своего оружия. Удачный исход какого-нибудь более или менее значительного боя дает войскам вид некоторого превосходства,

удовлетворяет тщеславие полководца, двора, армии и народа, а тем самым отчасти отвечает и ожиданиям, естественно возлагаемым на всякое наступление.

Удачный, более или менее значительный бой ради одной лишь победы, ради трофеев явится теперь последней надеждой наступающего. Пусть не думают, что мы в данном случае запутываемся в противоречии: мы все еще исходим из нашей предпосылки, что удачные мероприятия обороняющегося лишили наступающего всякой надежды достигнуть какой-либо другой цели посредством успешного боя. Такая надежда могла бы быть обоснована при наличии двух условий: во-первых, благоприятной обстановки для боя и, во-вторых, чтобы успех в бою действительно вел к одной из этих целей.

Первое условие очень легко может иметь место без второго; таким образом, отдельные корпуса и отряды обороняющегося будут гораздо чаще подвергаться опасности втянуться в невыгодный для них бой, если наступающий добивается одной лишь чести завладеть полем сражения, нежели тогда, когда он связывает одержание тактического успеха с возможностью дальнейшей его эксплоатации.

Если мы поставим себя на место Дауна и постараемся уяснить себе его образ мыслей, то поймем, что он мог, не отклоняясь от своего обычного образа действий, рискнуть на внезапное нападение под Гохкирхом, так как он в этом сражении лишь стремился захватить трофеи. Между тем, чреватая последствиями победа, которая принудила бы короля предоставить собственной судьбе Дрезден и Нейссе, представляла совершенно иную задачу, разрешение которой Даун не хотел брать на себя.

Пусть не думают, что мы устанавливаем мелочные и даже праздные различия; напротив, мы в данном случае имеем дело с одной из самых глубоких черт, характеризующих войну. Значение боя является для стратегии его внутренним смыслом, и мы не можем не повторить с особой настойчивостью, что в стратегии все основное всегда вытекает из конечного намерения обеих сторон, представляющего заключительный вывод всей системы мышления. По-

этому между одним сражением и другим может быть такое огромное стратегическое различие, что их нельзя даже рассматривать под углом зрения однородного средства.

Хотя бесплодная победа наступающего почти не является существенным ущербом для обороны, обороняющийся все же неохотно предоставит и т а к о й успех своему противнику. К тому же никогда нельзя наверно предвидеть всего того, что такая победа может случайно за собой повлечь. Поэтому обороняющийся должен постоянно внимательно наблюдать за положением своих более значительных частей и отрядов. Хотя в данном случае важнейшее значение имеет целесообразность распоряжений начальников этих отрядов, однако, последние могут быть втянуты в неизбежные катастрофы нецелесообразными решениями полководца. Кому при этом не придет на ум судьба корпуса Фуке под Ландсгутом и отряда Финка под Максеном?

Фридрих Великий в обоих случаях слишком положился на влияние традиционных идей. Он, конечно, не мог рассчитывать, чтобы действительно 10 000 человек на Ландсгутской позиции могли успешно сражаться против 30 000, или чтобы Финк мог противостоять напору нахлынувших со всех сторон превосходных сил, но он рассчитывал, что и на этот раз, как и раньше, сила Ландсгутской позиции будет учтена как полноценный вексель и что Даун найдет в демонстрации против его фланга достаточный предлог, чтобы променять свое неудобное расположение в Саксонии на более удобное в Богемии. В одном случае он неправильно оценил Лаудона, в другом — Дауна; в этом-то и заключалась ошибочность его мероприятий.

Такие промахи могут приключиться и у полководцев, не столь гордых, дерзких и упрямых, каким бывал порой Фридрих Великий; помимо них в этом вопросе встречается крупное затруднение, заключающееся в том, что полководец не всегда может в полной мере рассчитывать на проницательность, усердие, мужество и силу характера начальников отдельных отрядов. Поэтому он не может предоставить разрешение всех вопросов их благоусмотрению, но многое должен предуказать им заранее, что связывает их действия и легко может оказаться в противоречии с обстоятельствами наступившего момента. Это, однако, соста-

вляет неизбежное зло. Без повелительной властной воли, которая проникает вплоть до последнего звена, невозможно хорошее руководство войсками, и кто имел бы привычку думать и ожидать от людей всегда самого лучшего, уж этим самым стал бы совершенно неспособен к хорошему руководству войсками [1].

Таким образом, необходимо постоянно и отчетливо иметь перед глазами положение каждой крупной части, каждого отдельного отряда, дабы неожиданно не вовлечь один из них в катастрофу.

Все эти усилия направлены на сохранение status quo. Чем они удачнее и успешнее, тем дольше военные действия будут задерживаться в одном и том же районе, а чем длительнее эта задержка, тем бо́льшую важность приобретают заботы о продовольствии.

На замену реквизиций и поставок местных средств — или с самого начала, или вскоре — народится снабжение армии из магазинов; взамен реквизаций местных подвод производимых для каждой отдельной перевозки, в большей или меньшей степени создастся организация постоянного обоза, составленного или из местных, или из принадлежащих самой армии подвод; словом, начнется приближение к тому правильно организованному снабжению армии продовольствием из магазинов, о котором мы уже говорили раньше, в XIV главе [2].

Однако не это обстоятельство оказывает особенно сильное влияние на ведение войны; оно и без того по самой своей задаче и характеру поставлено в рамки ограниченного пространства; система снабжения продовольствием явится одним из факторов, действующим — и даже очень сильно — в том же направлении, но не от нее зависит изменение всего характера войны. Зато воздействие обеих сторон на коммуникационные линии приобретает гораздо большее значение по двум основаниям. Во-первых, потому, что в подобных кампаниях отсутствуют более радикальные средства и стремления полководцев невольно тяготеют к

[1] Последняя фраза выписана Лениным, сопроводившим ее на полях следующей выноской: «хороший вождь... и недоверие к людям». — Ред.

[2] В XIV главе части 5-й. — Ред.

более слабым, а во-вторых, в этой обстановке не чувствуется недостатка во времени, чтобы выждать воздействия этого средства. Таким образом, обеспечение своих коммуникационных линий окажется особенно важным для обороняющегося; хотя их перерыв и не может являться целью неприятельского наступления, однако, он в состоянии понудить обороняющегося отступить и отказаться от обороны ряда объектов.

Все мероприятия по защите территории театра войны естественно ведут и к прикрытию коммуникационных линий. Обеспечение последних отчасти уже содержится в этих мероприятиях; нам остается лишь заметить, что обеспеченность сообщений составляет основное условие, определяющее выбор расположения и группировку сил.

О с о б ы м средством обеспечения служат сопровождающие отдельные транспорты небольшие, а порою и довольно значительные отряды. Это вызывается отчасти тем, что даже самые широко растянутые позиции не всегда могут обеспечить коммуникационные линии, отчасти тем, что такое конвоирование окажется особенно нужным там, где полководец захочет избежать чересчур растянутой группировки. Поэтому в истории Семилетней войны Темпельгофа мы находим множество примеров того, как Фридрих Великий отправлял свои мучные и хлебные транспорты в сопровождении отдельных пехотных или кавалерийских полков, а иногда даже целых бригад. Относительно австрийцев мы с такими фактами никогда не встречались; это, правда, отчасти объясняется тем, что на их стороне не было столь обстоятельного историка, отчасти же и тем, что они всегда занимали гораздо более растянутую позицию[1].

Упомянув о четырех устремлениях, в основном совершенно свободных от всякого элемента наступления и составляющих основу обороны, н е т я г о т е ю щ е й к к а к о м у-

[1] По существу, это явление объясняется тем, что у австрийцев были прекрасные легкие войска, проникавшие в тыл пруссаков и нападавшие на их транспорты, а прусские легкие войска, созданные для этой цели Фридрихом Великим, оказались мало пригодными, и никто на тылы австрийцев не нападал. Клаузевиц здесь уклоняется от того, чтобы признать превосходство в этом отношении за австрийцами. — Р е д.

либо решению, мы еще должны поговорить и о тех наступательных средствах, которые могут быть к ним примешаны в виде как бы пряной приправы. Эти наступательные средства, главным образом, следующие:

1. Воздействие на коммуникационные линии неприятеля; сюда же мы относим и предприятия против его складов.

2. Диверсии [1] и набеги на неприятельскую территорию.

3. Нападение на неприятельские части и отдельные отряды, а при благоприятных условиях даже на главные силы неприятеля, равно как и угроза таким нападением.

Первое из этих средств во всех подобных компаниях непрерывно пускается в ход, но некоторым образом под сурдинку, не получая фактического проявления.

Крупная доля значения каждой целесообразной позиции обороняющегося вытекает из опасений, внушаемых ею наступающему за его коммуникационные линии. А так как в подобной войне, как мы уже сказали, снабжение армии продовольствием приобретает первенствующую важность для обеих сторон, в том числе и для наступающего, то значительная доля стратегических соображений определяется опасениями возможного наступательного воздействия, исходящего из неприятельской позиции; к этому мы еще раз вернемся при рассмотрении наступления.

Но в сферу такой обороны входит не одно лишь общее воздействие, оказываемое выбором позиции, которое, как в механике давление, оказывает невидимое действие, но и действительное наступление частью вооруженных сил на неприятельскую коммуникационную линию. Однако, чтобы вести в выгодных условиях такого рода действия, необходимо наличие для этого особых оснований в положении коммуникационных линий, природе местности или особенностях вооруженных сил.

---

[1] Под диверсией понимается отвлечение внимания ударами в неожиданном направлении или в тылу. Клаузевиц под этим понятием преимущественно разумел второстепенные действия войск с демонстративной целью; теперь этот термин применяется почти исключительно для обозначения подпольных, террористических, вредительских и прочих выступлений в глубоком тылу неприятеля. — Ред.

Набеги на неприятельскую территорию, преследующие задачи репрессий или наложения контрибуций с фискальными целями, собственно говоря, не могут рассматриваться как средства обороны; это скорее средства наступления, но обычно они связываются с намерением произвести подлинную диверсию; последняя же ставит себе задачей ослабить стоящие против нас неприятельские силы и, таким образом, может рассматриваться как подлинное средство обороны. Но так как диверсию можно в той же мере применять и при наступлении, а сама по себе она представляет фактические наступательные действия, то мы находим уместным более подробно о ней поговорить в следующей части. Итак, мы лишь внесли этот прием в наш перечень, дабы представить здесь полностью весь арсенал мелкого наступательного оружия, коим располагает оборона театра войны; мы ограничимся лишь предварительным замечанием, что объем и значение диверсии могут возрасти до такой степени, что вся война приобретет видимость и почетное звание войны наступательной. Такого рода были операции Фридриха Великого в Польше, Богемии, Франконии перед открытием кампании в 1759 г., которая сама по себе была чисто оборонительной; но эти вылазки на неприятельскую территорию придали ей характер наступательный, который благодаря своему моральному весу, пожалуй, имеет особую ценность.

Нападение на неприятельские части или на главные его силы должно мыслиться как необходимое дополнение обороны в целом во всех случаях, когда наступающий слишком легкомысленно относится к своей задаче и кое-где открывает свои слабые, уязвимые места. Под этим молча подразумеваемым условием протекают все действия обороны этого рода. Однако тут, как и при воздействии на коммуникационные линии противника, обороняющийся может сделать еще один шаг вперед в наступательную сферу и, подобно своему противнику, сделать предметом своих стремлений подстерегание момента *для выгодного удара*. Дабы иметь возможность рассчитывать на некоторый успех в этой области, обороняющийся должен или обладать значительным перевесом сил над своим противником, — что хотя и противоречит самой природе обороны, но все же

случается в действительности, — или он должен обладать системой и талантом держать свои силы более сосредоточенными и возмещать своей деятельностью и подвижностью связанные с этим жертвы на других участках театра войны.

Примером первого является поведение Дауна в Семилетнюю войну, примером второго — поведение Фридриха Великого. Даун переходит в наступление почти исключительно в те моменты, когда его на это провоцирует Фридрих Великий своей преувеличенной дерзостью и пренебрежительным отношением к противнику (Гохкирх, Максен, Ландсгут). Напротив того, Фридриха Великого мы почти всегда видим в непрерывном движении, стремящегося своими главными силами разбить тот или другой корпус Дауна. Правда, это ему удается лишь в редких случаях, — по крайней мере результаты никогда не оказывались значительными, ибо Даун при большом превосходстве сил отличался удивительной осторожностью и предусмотрительностью; однако, отсюда не следует заключать, что усилия короля оказывались совершенно бесплодными. Напротив, эти усилия представляли весьма действительное сопротивление, ибо, — благодаря заботам и напряжению, которые противник был вынужден проявлять, дабы избегать чувствительных ударов, — нейтрализовалась сила, которая иначе способствовала бы прогрессу наступления. Вспомним хотя бы о Силезской кампании 1760 г., когда Даун и русские не могли продвинуться ни на один шаг вперед, будучи озабочены, как бы король не обрушился на них и не разбил бы их в том или другом пункте.

Теперь, нам кажется, мы отметили все, что составляет руководящие идеи и основные стремления, а следовательно, и опорные точки всей деятельности при обороне театра войны, когда не предвидится никакого решения. Мы преимущественно стремились перечислить их подряд, дабы представить картину связи стратегической деятельности в целом. Отдельные мероприятия, в которых они проявляются в действительности (позиции, марши и пр.), мы подробно рассмотрели уже раньше.

Еще раз обозревая все сказанное, мы должны заметить, что при наличии столь слабого наступательного духа, при

столь ничтожном стремлении с обеих сторон искать окончательного решения, при столь слабых политических побудительных причинах, при таком количестве внутренних противодействий, тормозящих и задерживающих решение, как это мы себе здесь представляем, существенное различие между наступлением и обороной должно все более и более исчезать. В начале похода, конечно, один из противников вступит на территорию другого, и благодаря этому его операция в известной мере примет характер наступления; однако, может легко случиться, и это бывает очень часто, что он вскоре будет употреблять все свои силы на то, чтобы на неприятельской земле защищать собственную страну. Так оба противника будут стоять друг против друга, по существу в положении взаимного наблюдения, оба насторожившись, с тем чтобы ничего не потерять; быть может, оба будут в равной мере иметь в виду остаться в положительном выигрыше. Может даже случиться, как то было с Фридрихом Великим, что обороняющийся в этом намерении даже превосходит своего противника [1].

Чем больше наступающий отходит от роли продвигающегося вперед, чем слабее его нажим, заставляющий обороняющегося заботиться только о своей сильно угрожаемой безопасности и держаться строгой обороны, тем большее создается между борющимися равенство положения, при котором деятельность обеих сторон будет направлена на то, чтобы урвать у противника какую-нибудь выгоду, а себя оградить от ущерба, т. е. на подлинное стратегическое маневрирование. Такой характер в большей или меньшей степени носят все кампании, в которых взаимные отношения или политические задачи не допускают крупных решений.

Стратегическому маневрированию мы посвящаем в следующей части отдельную главу [2], но так как эта уравновешенная игра сил часто приобретает в теории неподобающее значение, мы считаем необходимым войти в более подробный разбор стратегического маневрирования здесь же,

---

[1] Весь этот абзац выписан Лениным, сделавшим на полях две следующие заметки: «исчезает различие между обороной и наступлением» и «на чужой земле защищать свою землю». — Ред.

[2] Глава XIII части 7-й. — Ред.

говоря об обороне, где по преимуществу такое значение ему и придается.

Мы назвали это маневрирование уравновешенной игрой сил, ибо там, где целое не приводится в движение, налицо имеется равновесие; где нет подгоняющего вперед стремления к крупной цели, там нет движения целого. В подобном случае на обе стороны, каково бы ни было неравенство их сил, надо смотреть как на находящиеся в состоянии равновесия. На фоне такого общего равновесия выступают отдельные мотивы для более мелких действий и более ничтожных задач. Здесь они могут развиваться, так как не находятся под гнетом крупного решения и великой опасности. Таким образом, все, что вообще может быть выиграно и проиграно, разменивается на мелкую монету, а вся деятельность разлагается на мелкие дела. Из-за этих-то ничтожных выгод, приобретаемых лишь по дешевке, возникает между обоими полководцами борьба на ловкость; но так как на войне никогда нельзя окончательно преградить доступ случаю, а следовательно, и счастью, то эта борьба никогда не перестанет быть игрой. Между прочим, здесь перед нами возникают два вопроса, а именно — не играет ли для успеха при этом маневрировании случай меньшую, а анализирующий разум — большую роль, чем там, где все сосредоточивается в одном великом акте? На последний из этих вопросов [1] мы должны дать утвердительный ответ. Чем многочисленнее целое, чем чаще приходится принимать во внимание время и пространство, одно — единичными моментами, другое — единичными пунктами, тем, очевидно, шире поле деятельности для расчета, а следовательно, и для господства анализирующего разума. То, что выигрывается анализирующим разумом, частично освобождается от власти случая, но не обязательно всецело; поэтому мы не обязаны дать утвердительный ответ и на первый вопрос. Не надо забывать, что анализирующий разум не является единственной интеллектуальной силой полководца. Храбрость, сила характера, решимость, выдержка и пр. в свою очередь представляют качества, имеющие преобладающее значение там, где все зависит от одного вели-

[1] Т. е. большой роли превосходства ума при маневрировании. — Ред.

кого решения; конечно, они будут играть несколько меньшую роль в уравновешенной игре сил, причем преобладающее значение мудрого расчета растет в данном случае не только за счет случайности, но и за счет этих качеств. С другой стороны, эти блестящие качества могут в момент великого решения вырвать из рук случая значительную долю его власти и, таким образом, до известной степени связать то, чем расчетливый ум был бы не в состоянии овладеть. Итак, мы видим, что здесь происходит конфликт нескольких сил, а потому нельзя прямо и просто утверждать, что в великом решающем акте случаю открыто более широкое поле, чем в суммарном итоге игры равноценных сил. Поэтому, если в этой игре сил мы видим, главным образом, борьбу на ловкость, то последнюю надо понимать как мудрый расчет, а не как военное мастерство в целом.

Именно эта сторона стратегического маневрирования и дала повод приписывать маневрированию в целом то ложное представление, о котором мы выше говорили. Во-первых, эту ловкость в маневрировании спутали со всеми другими интеллектуальными качествами, потребными для полководца, — но это большая ошибка; как было уже сказано, нужно признать, что в моменты больших решений другие моральные качества полководца могут взять верх над силой обстоятельств. Если эта способность владеть обстоятельствами и является скорее результатом больших переживаний и тех вспышек духовного прозрения, которые возникают почти бессознательно, а не следуют по длинной цепи умозаключений, все же эта способность входит как полноправный гражданин в состав военного искусства; ведь военное искусство не является только деятельностью рассудка, равно как и деятельность рассудка в военном искусстве не является самым главным. Во-вторых, думают, что неуспех проведения той или иной кампании зависит обязательно от подобной ловкости полководца, или даже обоих полководцев, в то время как на самом деле неуспех свое главное и общее основание всегда имел в тех общих условиях, которые войну превращали в подобного рода игру [1].

[1] Выписав весь этот абзац, Ленин сделал следующие заметки: «эту игру (стратегических маневров и т. д.) считали «верхом военного искусства»; «война = игра». — Р е д.

Так как большинство войн между культурными государствами скорее преследовало цель взаимного наблюдения, а не стремилось к сокрушению врага, то, естественно, подавляющая часть кампаний носила характер стратегического маневрирования. Те кампании из их числа, в которых не выдвинулся ни один великий полководец, не подверглись какому-либо изучению; в тех же случаях, когда появлялся великий полководец, привлекавший на себя взоры всех, или даже если появлялись два боровшихся друг с другом великих полководца, как Тюренн и Монтекукули [1], там имена их накладывали на все это маневренное искусство окончательную печать отменного превосходства. Дальнейшим последствием явилось то, что стали смотреть на эту игру, как на верх искусства, как на высшее достижение его развития и, следовательно, как на главный источник, по которому надлежит изучать военное искусство.

Этот взгляд был довольно распространен в области теории перед французскими революционными войнами. Эти войны сразу открыли совершенно иной мир военных явлений; будучи первоначально несколько грубыми и примитивными, позже, при Бонапарте, систематизированные в замечательную методику, они привели к успехам, вызвавшим всеобщее удивление: тогда отступились от старых образцов, стали думать, что все это является следствием новых открытий, великих идей и т. д., но также во всяком случае и изменений в общественных условиях. Теперь стали думать что старое совсем больше не нужно и никогда больше не повторится. Но так как при всех подобных переворотах во мнениях возникают различные идейные группировки, то и здесь старое воззрение нашло своих защитников, которые рассматривали новейшие явления как грубые удары насилия, как общее падение искусства, и полагали, что именно безуспешная, стремящаяся к равновесию пустая игра в войну должна быть целью военного обучения. В основе этого последнего воззрения лежит такое отсутствие логики и философии, что его можно только назвать печальным смешением понятий. Но и противоположное мнение, — именно, что подобные явления больше не повторятся,

[1] Речь идет о кампании 1675 г. на Рейне. — Ред.

тоже очень необдуманно. Из новейших явлений в области военного искусства лишь самую незначительную часть можно приписать новым открытиям или новым идейным направлениям; большинство их вызвано новыми общественными условиями и отношениями[1]. Но и эти новейшие военные явления, имевшие место в критический момент процесса брожения, не могут приниматься за норму. Поэтому нет никакого сомнения, что значительная часть прежних военных отношений снова появится на свет. Здесь не место дальше распространяться на эту тему; достаточно того, что мы указали на положение, занимаемое этой уравновешенной игрой сил в ведении войны в целом, на ее значение и ее внутреннюю связь с остальными явлениями, и выяснили, что она всегда представляет собою продукт тех взаимоотношений, в которых находятся обе стороны, и весьма умеренного напряжения воинственной стихии.

В этой игре один полководец может оказаться искуснее другого и при равенстве сил вырвать кое-какие преимущества; уступая же в силах противнику, искусный полководец благодаря превосходству таланта может удержать равновесие. Но усматривать в этом честь и величие полководца можно, лишь вступая в грубое противоречие с природой войны. Напротив, подобная кампания будет всегда служить несомненным признаком того, что оба руководящие сторонами полководца не обладают крупным военным талантом или что талантливый полководец вынужден обстоятельствами воздержаться и не итти на риск крупного решения; но арена, на которой происходит подобная игра, никогда не может стать подмостками, на которых приобретается высшая военная слава.

До сих пор мы говорили об общем характере стратегического маневрирования; теперь нам надлежит еще упомянуть об одном особом влиянии, оказываемом им на ведение войны и заключающемся в том, что оно часто удаляет вооруженные силы от главных дорог и крупных городов и заводит их в отдаленные или не имеющие значения углы. Если мелкие мгновенно вспыхивающие и тотчас же зату-

[1] Ленин выписал абзац с начала до настоящего места и снабдил последнюю фразу замечанием на полях: «Верно!» — Ред.

хающие интересы играют решающую роль, то влияние основных очертаний страны на ведение войны становится слабее. Поэтому мы часто видим, что вооруженные силы выдвигаются в такие пункты, где никак нельзя было бы ожидать их встретить, если ориентироваться на крупные естественные потребности войны; отсюда следует, что перемены и изменчивость частностей хода войны здесь имеют место гораздо чаще, чем в войнах, имеющих крупные решения. Стоит только обратить внимание на последние пять походов Семилетней войны: несмотря на то, что в общем условия оставались неизменными, каждый поход получал новое оформление, а если всмотреться ближе, то окажется, что ни одно мероприятие не повторялось; между тем в этих походах наступательное начало проявляется со стороны союзников все же с большей энергией, чем в большинстве прежних войн.

В настоящей главе об обороне театра войны, когда не предвидится крупного решения, мы указали лишь на тенденции, направляющие военную деятельность, и на внутреннюю связь, условия и характер последней; с частными мероприятиями, из которых она состоит, мы ознакомились в подробностях уже раньше. Теперь спрашивается: неужели не существует принципов, правил и методов, объемлющих эти тенденции? На это мы ответим, что если базироваться на истории, то таковых в виде постоянно повторяющихся форм мы не найдем. А между тем в вопросах, связанных с этой темой и отличающихся столь разнообразной и изменчивой природой, мы могли бы считать имеющим силу только такой теоретический закон, который обоснован опытными данными. Война с крупными решениями не только много проще, но и много естественнее; она более свободна от внутренних противоречий, более объективна и более увязана воедино законом внутренней необходимости; поэтому рассудок и может указывать ей формы и законы. По отношению к войне, не имеющей решений, последнее нам представляется значительно более трудным. Даже два основных принципа возникшей лишь в наши дни теории войны, широта базиса (Бюлов) и группировка по внутренним линиям (Жомини), будучи приложены к обороне театра войны, оказы-

ваются на деле вовсе не объемлющими и не действенными. Между тем, являясь только формами, они должны были бы в данном случае оказаться наиболее действенными, ибо с распространением действий во времени и пространстве формы становятся действеннее, причем преобладание их над прочими слагаемыми общего итога увеличивается. В действительности же оказывается, что эти принципы представляют собою лишь одну из сторон дела и притом отнюдь не решающую. Уже своеобразие средств и обстоятельств должно оказывать огромное, нарушающее всякие общие правила влияние; это ясно само собой. То, что Дауну давали разброска сил и осторожность в выборе расположения, то королю давала постоянная сосредоточенность его армии, всегда вплотную подходившей к противнику и всегда готовой на экспромты. И то и другое вытекало не только из характера их армий, но и из условий, в которых находились полководцы; королю гораздо легче делать экспромты, чем любому ответственному полководцу. Здесь мы еще раз настойчиво подчеркнем, что критика не имеет никакого права смотреть на ту или другую манеру, на тот или другой могущий выработаться метод, как на различные ступени к совершенству, и ставить одно выше другого; нет, они должны стоять рядом, и в каждом отдельном случае суждению должно быть предоставлено оценить их применение.

В нашу задачу здесь не может входить подробное перечисление этих разнообразных манер, возникающих из своеобразия армий, государств и обстоятельств; мы уже раньше в общих чертах указывали на влияние этих данных.

Итак, мы сознаемся, что в этой главе мы не можем привести ни принципов, ни правил, ни методов, ибо история нам таковых не дает; напротив, мы почти в каждый отдельный момент натыкаемся на своеобразные явления, которые часто представляются непонятными, порою даже поражают нас своей причудливостью. Но отсюда не следует, что изучение истории в этом отношении бесполезно. Даже там [1], где нет системы и научного аппарата, там все

[1] Конец абзаца, начиная с этих слов, выписан Лениным, сопроводившим выписку заметкой на полях: «Истина не в системах». — Ред.

же есть истина, и ее тогда находят по большей части только посредством умелого суждения и на основании долгого опыта. Если история, таким образом, и не дает здесь формул, то все же она дает здесь, как и повсюду, навык в суждениях.

Мы хотим выставить лишь один объемлющий весь вопрос принцип или, точнее, мы хотим освежить и ярче представить перед глазами читателя естественную предпосылку, взятую нами в основу всего здесь сказанного, и придать ей форму особого принципа.

Все приведенные здесь средства имеют лишь относительную ценность: все они находятся под гнетом проклятия известной немощи обеих сторон; над этой областью царит высший закон, который обусловливает явления. Об этом полководец никогда не должен забывать; он никогда не должен с воображаемой уверенностью вращаться в этом тесном кругу, как в чем-то абсолютном, никогда не должен считать применяемые им средства за необходимые, единственные и прибегать к ним даже тогда, когда их недостаточность сознается им самим.

При той точке зрения, на которой мы теперь стоим, подобная ошибка может показаться почти невозможной; однако, действительная жизнь складывается иначе, так как в ней все вопросы не ставятся в таких резких контрастах.

Мы снова должны обратить внимание читателя, что для придания нашим представлениям большей ясности, определенности и силы мы сделали предметом нашего рассмотрения лишь полные противоположности, как крайности каждого образа действий; в конкретном же случае война большей частью складывается посредине и подчиняется господству этой крайности лишь в меру своего к ней приближения.

Поэтому в основном вопрос сводится к тому, чтобы полководец прежде всего уяснил себе, имеет ли противник склонность и достаточную мощь, чтобы превзойти его посредством более крупного и решительного мероприятия. Раз такое опасение имеется, он должен отказаться от мелких мероприятий, ограждающих его от мелких неприятностей; в его руках имеется средство при помощи этой до-

бровольной жертвы поставить себя в лучшее положение, чтобы оказаться на высоте более крупного решения. Другими словами, первое требование заключается в том, чтобы полководец овладел верным масштабом для организации своего дела.

Для того чтобы на основе конкретных фактов придать большую определенность этим представлениям, мы бегло коснемся ряда случаев, в которых, как нам кажется, был применен неверный масштаб, т. е. где один из полководцев основывал свои мероприятия в расчете на гораздо менее решительную деятельность противника. Начнем с открытия кампании 1757 г., когда австрийцы доказали группировкой своих сил, что они не рассчитывали на столь решительное наступление со стороны Фридриха Великого. Затянувшееся пребывание корпуса Пиколомини у силезской границы в то время, когда всей армии герцога Карла Лотарингского грозила опасность быть вынужденной положить оружие, свидетельствует о полном непонимании сложившихся условий.

В 1758 г. французы не только заблуждались относительно последствий Клостер-Зевенской конвенции [1] (что, впрочем, представляет факт, который сюда не относится), но и спустя два месяца совершенно неправильно судили о том, что может предпринять их противник; за это им пришлось расплатиться потерей всей территории от Везера до Рейна. Мы уже говорили, что Фридрих Великий совершенно неправильно оценил своих противников в 1759 г. под Максеном и в 1760 г. под Ландсгутом и не ожидал от них столь решительных действий.

---

[1] Клостер-Зевенская конвенция была заключена герцогом Кумберландским после понесенного им 26 июля 1757 г. поражения под Гастенбеком; герцог Кумберландский от имени Англии обязался перед французами распустить свою армию, собранную Англией для защиты Ганновера. Но после того как французы были разбиты 6 ноября 1757 г. Фридрихом Великим под Росбахом, Англия сейчас же признала Клостер-Зевенскую конвенцию недействительной и вновь собрала для отстаивания Ганновера армию, командование которой было вручено герцогу Брауншвейгскому. Таким образом, ошибка французов заключалась в излишнем доверии к клочку бумаги и в недостаточном учете значения участия Англии в сухопутной войне на европейском континенте. — Р е д.

Но, пожалуй, история не знает более крупной ошибки в оценке масштаба борьбы, чем ошибка, допущенная в 1792 г. Имелось в виду небольшой вспомогательной армией дать перевес одной из сторон в разгоревшейся гражданской войне, а навалили себе на плечи огромное бремя борьбы со всем французским народом, выбитым из равновесия политическим фанатизмом. Эту ошибку мы лишь потому называем крупной, что она таковой оказалась впоследствии, но не потому, что ее своевременно легко можно было бы избежать. Что касается самого ведения войны, то нельзя не согласиться, что главная причина всех невзгод последующих лет лежит в кампании 1794 г. Союзники не уяснили мощного характера неприятельского наступления в этой кампании и противопоставили ему мелочную систему растянутых позиций и стратегического маневрирования. Сверх того, по политическим раздорам между Пруссией и Австрией и по нелепому принесению в жертву Бельгии и Голландии можно судить, как мало европейские кабинеты догадывались о силе прорвавшегося потока. В 1796 г. отдельные акты сопротивления под Монтенотте, Лоди и т. д. достаточно обнаруживают, как мало понимали австрийцы, что значило иметь дело с Бонапартом.

В 1800 г. катастрофа, постигшая Меласа, вызвана была не непосредственно внезапным наступлением французов, а ложным взглядом на возможные последствия этого наступления.

Улым в 1805 г. был последним узлом реденькой ткани ученых, но крайне слабых стратегических комбинаций, пригодных разве для того, чтобы удержать ими какого-нибудь Дауна или Ласси, но не Бонапарта — революционного императора.

У пруссаков в 1806 г. нерешительность и замешательство были вызваны тем, что устарелые, мелочные, неприменимые взгляды и меры перемешивались с отдельными проблесками понимания и правильного сознания величайшей важности переживаемого момента. Как можно было при ясном сознании и верной оценке своего положения оставлять в Пруссии 30 000 человек, а также додуматься еще до создания в Вестфалии особого театра войны и вообразить, что можно достигнуть какого-нибудь успеха

мелкими наступательными действиями вроде тех, для которых были предназначены корпуса Рюхеля и Гогенлое[1], и как, наконец, могла еще в последние минуты совещания итти речь об опасностях, грозивших каким-то магазинам, о потере того или другого участка территории!

Даже в 1812 г., в этом грандиознейшем из всех походов, вначале не было недостатка в ложных устремлениях, исходивших из неправильно понимаемого масштаба. В главной квартире в Вильне была партия влиятельных лиц, настаивавших на сражении близ границы, дабы безнаказанно не попиралась русская земля. Что это сражение *может быть* проиграно, что оно *будет* проиграно, эти люди хорошо понимали; ибо хотя они и не знали, что на 80 000 русских двинутся 300 000 французов, то все же им было известно, что надо предполагать у неприятеля значительное превосходство в силах. Главное заблуждение заключалось в значении, придававшемся этому сражению; они полагали, что это будет только проигранное сражение, не отличающееся от многих других; между тем, почти с полной уверенностью можно было утверждать, что это важнейшее решительное столкновение близ границы вызвало бы целый ряд еще других явлений. Даже лагерь в Дриссе являлся мероприятием, в основе которого лежал совершенно неверный масштаб оценки противника. Если бы на нем остановились, то пришлось бы дать себя отрезать со всех сторон и окончательно изолировать, а затем у французской армии нашлись бы все средства, чтобы заставить русскую армию положить оружие. Изобретатель[2] этого лагеря не имел в виду действительного масштаба сил и воли.

Но и Бонапарт порой руководился ложным масштабом. После перемирия 1813 г. он рассчитывал сдержать второстепенные армии союзников (Блюхера и наследного принца шведского) корпусами, которые хотя и были недостаточно сильны, чтобы оказать действительное сопротивление, но все же могли дать осторожному командованию достаточный повод ни на что не рискнуть, что часто можно было

[1] Левое крыло пруссаков под начальством Гогенлое собиралось в Веймаре, поэтому в оригинале Клаузевиц называет его Веймарским корпусом. — Р е д.

[2] Пфуль. — Р е д.

наблюдать в прежние войны. Мысль его не остановилась в достаточной мере на той реакции, которую должны были оказать глубоко укоренившаяся ненависть и грозная опасность, под воздействием которых находились Блюхер и Бюлов.

Вообще Бонапарт всегда недооценивал предприимчивость старика Блюхера. Под Лейпцигом один Блюхер вырвал у него из рук победу; под Ланом Блюхер мог бы его уничтожить, и если этого не случилось, то вследствие обстоятельств [1], вовсе не учитывавшихся Бонапартом. За эту ошибку его постигла, наконец, кара под Ватерлоо, разразившаяся громовым ударом.

---

[1] Блюхер на второй день боя заболел, а замещавший его начальник штаба Гнейзенау натолкнулся на резкую оппозицию старших его по чину командиров корпусов, которая возглавлялась Иорком. — Р е д.

НАБРОСКИ К СЕДЬМОЙ ЧАСТИ

НАСТУПЛЕНИЕ

Глава I

НАСТУПЛЕНИЕ ПО ЕГО ОТНОШЕНИЮ К ОБОРОНЕ[1]

Если два понятия логически противоположны, то одно становится дополнением другого, так что по существу из одного проистекает другое; но если ограниченность нашего ума не позволяет нам одним взглядом окинуть их одновременно и найти, благодаря одной лишь противоположности, в целом одного целое другого, то все же понимание одного достаточно освещает многие частности другого. И потому мы полагаем, что первые главы, посвященные обороне, бросают достаточный свет и на наступление во всех вопросах, которые они затрагивают. Но полностью они их не исчерпывают. Система нашего мышления никогда не может быть полностью исчерпана, и потому там, где противоположность не заложена столь непосредственно в самом понятии, как это было в первых главах, невозможно сделать непосредственные выводы, относящиеся к наступлению, на основании лишь того, что было сказано об обороне. К предмету нашего исследования нас приблизит новая точка зрения; поэтому будет естественно рассмотреть с этой ближайшей точки то, что с более отдаленной мы не могли заметить. Таким образом, создается дополнение к системе нашего мышления, причем высказанное о насту-

[1] Замечания В. И. Ленина по III тому немецкого издания труда Клаузевица (7-я и 8-я части) начинаются с пометки: «Этот том представляет из себя лишь Skizzen (т. е. наброски)». — Ред.

плении бросит новый свет и на оборону. Следовательно, говоря о наступлении, мы большей частью будем касаться тех же вопросов, о которых говорили, разбирая оборону. Однако мы не имеем намерения по примеру большинства учебников фортификации, излагая наступление, обходить или сводить на-нет все положительные ценности, усмотренные нами в обороне, для доказательства того, что против каждого из средств обороны имеется надежный способ наступления. Это было бы противно природе предмета. Оборона имеет свои сильные и слабые стороны; если первые и можно преодолеть, то все же их преодоление обходится несоизмеримо дорого; это положение приходится признать бесспорным с любой точки зрения, чтобы не впасть в противоречие с самим собою. Далее мы не намерены со всей тщательностью проследить за игрой состязающихся между собой средств; каждое средство обороны вызывает соответственное средство наступления, но часто эти средства настолько однородны, что нет необходимости для их оценки переходить с точки зрения обороны к точке зрения наступления; одно из них вытекает само собой из другого. Наша задача заключается лишь в том, чтобы указать в каждом вопросе на особые условия наступления, поскольку они не вытекают непосредственно из обороны; а этот способ разработки нашего предмета неизбежно приведет нас и к некоторым главам, не имеющим соответственных в части, посвященной обороне[1].

---

[1] Часть 7-я труда Клаузевица представляет большей частью только наброски; главы IV, V и VI, затрагивающие глубочайшие вопросы наступления, представляют скорее программу-скелет, чем изложение затронутой темы; но приложенная в конце 7-й части черновая статья Клаузевица «О кульминационном пункте победы» в значительной степени восполняет этот пробел. Главы этого труда, трактующие вопросы оперативного порядка (VII, X—XII, XIV—XIX), представляют собой в настоящее время преимущественно исторический интерес. В стилистическом отношении первые семь глав 7-й части почти не обработаны; нет почти деления на абзацы, фразы отрывисты и скомканы, часто разделяются точкой с тире, знаменующей отсутствие связи в изложении. Эти недостатки немецкого текста наш перевод не стремился затушевать. Текст остальных глав 7-й части и всей 8-й части обработан Клаузевицем в достаточной степени. — Р е д.

Глава II

ПРИРОДА СТРАТЕГИЧЕСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ

Мы видели, что оборона на войне вообще, а следовательно, и стратегическая оборона не является одним лишь выжиданием и отражением атак, т. е. не есть нечто абсолютно пассивное, а пассивное лишь относительно, и потому оборона более или менее проникнута началом наступления. Наступление также не представляет собою однородного целого и постоянно перемешивается с элементами обороны. Однако, здесь имеется различие. Оборону без контрудара нельзя себе представить: контрудар — необходимая составная часть обороны. Не то при наступлении, в котором удар — нечто цельное и завершенное, оборона, как таковая, ему не нужна, и его приводят к ней, как к неизбежному злу, лишь условия пространства и времени, в которых протекает наступление. В о-п е р в ы х, наступление не может быть продолжено в непрерывной последовательности до полного его завершения, оно требует остановок, и в течение этих перерывов, когда оно само оказывается нейтрализованным, естественно наступает состояние обороны. В о-в т о р ы х, пространство, которое оставляют позади себя наступающие войска и использование которого безусловно необходимо для их существования, не всегда бывает прикрыто самим наступлением и требует особой защиты.

Следовательно, наступление на войне, преимущественно в стратегии, является постоянной сменой и сочетанием наступления и обороны[1], причем оборона не должна рассматриваться как действительная подготовка к наступлению, повышающая его напряжение. Оборона при наступлении не представляет собою действующего начала, напротив, она — неизбежное зло, т о р м о з я щ е е у с и л и е, вызываемое инертностью массы; оборона — это первородный грех, смертное начало для наступления. Мы сказали т о р м о з я щ е е у с и л и е, так как оборона, ничем не способствуя усилению наступления, ослабляет его действие уже одной вызываемой ею потерей времени. Но не может ли оборона в ка-

[1] Эта фраза со слова «следовательно» выписана В. И. Лениным в особую тетрадь с замечаниями по труду Клаузевица. — Р е д.

честве составной части всякого наступления наносить ему и непосредственный ущерб? После того как мы установили, что наступление более слабая, а оборона более сильная форма войны, то, казалось бы, из этого следует, что оборона не должна вредно влиять на наступление, так как, пока еще хватает сил для более слабой формы войны, то, конечно, их будет достаточно и для более сильной. В общем, т. е. в главном, это верно, но насколько применимо в частности, об этом мы скажем в главе о кульминационной точке победы[1]. Однако не следует забывать, что превосходство стратегической обороны отчасти проистекает из того, что наступление не может обойтись без примеси обороны, но обороны много более слабого рода. Наступление вынуждено влачить за собою самые худшие элементы обороны, о которых уже нельзя утверждать все то, что относится к обороне в целом, и потому становится понятным, что они могут стать началом, непосредственно ослабляющим наступление. Именно этими моментами слабой обороны, содержащимися в наступлении, и должна пользоваться оборона для положительной деятельности содержащегося в ней наступательного начала. Какая огромная разница в положении обороняющегося и наступающего, когда они во время двенадцатичасового отдыха, сменяющего дневной труд, находятся — первый на своей тщательно выбранной, хорошо знакомой ему, заранее подготовленной позиции, а второй — на походном биваке, куда он попал ощупью, как слепой; то же различие сохраняется и в период более длительной остановки, вызванной необходимостью организовать подвоз продовольствия, ожиданием подкреплений и т. д. В этих случаях обороняющийся извлекает пользу для себя из близости своих крепостей и складов, а наступающий живет, как птица небесная. Каждое наступление должно закончиться обороной, но какую форму она примет, зависит от обстановки. Последняя может быть или чрезвычайно благоприятной, если неприятельские силы уже уничтожены, или, если это не имело места, весь-

---

[1] Набросок этой главы без номера в конце 7-й части. — Ред.

ма затруднительной. Хотя такая оборона уже не является составной частью собственного наступления, все же ее свойства отражаются на наступлении и должны быть учтены при его оценке.

Общий вывод этого рассмотрения сводится к тому, что при всяком наступлении следует принимать в расчет и необходимо присущую ему оборону, дабы уяснить себе все невыгоды, с которыми оно сопряжено, и иметь возможность к ним подготовиться.

В зависимости от того, в какой мере используется начало выжидания, оборона представляет различные ступени. В связи с этим нарождаются формы обороны, существенно друг от друга отличающиеся, как это уже сказано нами в главе о видах сопротивления[1].

Так как в наступлении заключается только одно действующее начало и оборона в нем является лишь цепляющимся за него мертвым грузом, то в наступлении не может быть таких различий. Конечно, существует большое различие в энергии наступления, в быстроте и силе удара, но это различие только количественное, а не качественное. Можно допустить, что в единичных случаях наступающий, чтобы успешнее достигнуть поставленной цели, изберет форму обороны и, например, расположится на хорошей позиции и даст себя на ней атаковать. Однако подобные случаи встречаются весьма редко, и мы не будем считаться с ними в нашей группировке понятий, так как мы исходим из практического опыта, а не из исключений. Таким образом, наступление не может быть повышаемо в степени, как это имеет место в видах сопротивления.

Наконец, совокупность средств наступления сводится, как общее правило, к вооруженным силам: из крепостей на наступление оказывают заметное воздействие только ближайшие к театру войны. Но это воздействие ослабевает по мере продвижения вперед, и понятно, что крепости наступающей стороны никогда не будут играть столь существенной роли, как при обороне, когда они часто приобретают важнейшее значение. Содействие населения наступающему

---

[1] Часть 6-я, глава VIII. — Ред.

возможно только в тех случаях, когда жители сочувствуют ему больше, чем собственной армии. Наконец, у наступающего могут быть также союзники, но это отнюдь не вытекает из природы наступления, а является лишь результатом случайных обстоятельств [1]. Итак, хотя крепости, народное ополчение и помощь союзников входят в совокупность средств обороны, но мы их не можем причислить к составу средств наступления; в обороне они являются вполне естественными, здесь же они встречаются редко и по большей части случайно.

Глава III

ОБ ОБЪЕКТЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ

Цель войны — сокрушить противника; средство — уничтожение его вооруженных сил. Это верно как по отношению к наступлению, так и по отношению к обороне. Обороняющийся уничтожает силы противника, чтобы самому перейти в наступление, а наступающий — с целью овладеть страной. Таким образом, страна является объектом наступления, но не обязательно вся страна полностью: наступление может ограничиться захватом одной ее части, одной области, одного района, одной крепости и т. д. При заключении мира все захваченное может представлять большую ценность в качестве объекта приобретений или обмена.

Поэтому в качестве объекта стратегического наступления нужно представлять себе целый ряд бесчисленных ступеней, начиная от завоевания страны в целом и кончая занятием ничтожного местечка. Как только объект достигнут, наступление прекращается и начинается оборона. Из этого, казалось бы, следует, что можно рассматривать стратегическое наступление как определенно ограниченное целое. Но в действительности дело обстоит иначе. На практике намерения и мероприятия наступательного характера часто незаметно переходят в область обороны, так же как и планы обороны — в наступление. Редко или, по крайней

---

[1] В эпоху империализма образование коалиции с наступательной целью, правда, тщательно маскируемой, перестало быть случайностью. — Р е д.

мере, не всегда полководец точно намечает себе то, что он хочет завоевать, а ставит это в зависимость от развития событий [1]. Часто наступление заводит его дальше, чем он предполагал; часто после более или менее короткого отдыха он движется снова вперед, с новой стремительностью, но у нас нет повода рассматривать эти два периода наступления как два различных акта. Иногда наступающий останавливается раньше, чем предполагал, но не отказывается при этом от всего плана наступления и не переходит к подлинной обороне. Итак, если успешная оборона может незаметно перейти в наступление, то с наступлением может случиться обратное. Эти оттенки наступления необходимо иметь в виду, дабы не сделать ошибочных заключений из того, что мы скажем о наступлении вообще.

Глава IV

УБЫВАЮЩАЯ СИЛА НАСТУПЛЕНИЯ

Мы затрагиваем здесь один из наиболее существенных вопросов стратегии; от правильного его разрешения зависит в отдельных случаях правильность суждения о том, чего мы в состоянии достигнуть.

Причины, ослабляющие абсолютную мощь, следующие:

1. Самая цель наступления, так как в нее входит стремление занять неприятельскую страну. Обычно ослабление появляется лишь после первого решительного сражения, после которого, однако, наступление не прекращается.
2. Потребность наступающей армии оккупировать территорию, остающуюся позади, дабы обеспечивать свои сообщения и изыскивать средства существования.
3. Потери в боях и от болезней.
4. Удаление от источников пополнения.
5. Осады или блокады крепостей.
6. Падение напряжения.
7. Отступничество союзников.

Этим ослабляющим причинам противостоят другие, способные усилить наступление. Ясно, что результат определяется только сопоставлением этих двух различных вели-

---

[1] Эта фраза выписана В. И. Лениным. — Ред.

чин. Так, например, ослабление наступления может быть уравновешено, а иногда даже превзойдено ослаблением обороны. Последнее, впрочем, встречается редко; при этом не следует принимать всегда в расчет все действующие вооруженные силы, а только те, которые противостоят друг другу впереди или на решающих пунктах. Примеры тому: французы в Австрии, Пруссии и России; союзники во Франции и французы в Испании.

Глава V

КУЛЬМИНАЦИОННЫЙ ПУНКТ НАСТУПЛЕНИЯ

Успех в наступлении есть результат действительного превосходства; мы разумеем, конечно, суммарное превосходство материальных и моральных сил. В предыдущей главе мы указали, что сила наступления постепенно истощается; может случиться, что превосходство сил при этом возрастает, но в громадном большинстве случаев оно уменьшается. Наступающий закупает ценности, которые, быть может, и принесут ему выгоду при заключении мира, но пока он расплачивается за них наличными, расходуя свои вооруженные силы. Если превосходство, хотя и ежедневно уменьшающееся с успехами наступления, все же сохранится до заключения мира, то цель достигнута. Бывали стратегические наступления, которые приводили непосредственно к миру, однако, таковых меньше всего; большинство их доводило только до такого момента, когда сил как раз хватало на то, чтобы держаться в состоянии обороны и выжидать заключения мира. За этой точкой следует уже перелом, реакция. Сила такой реакции обычно значительно превосходит силу предшествовавшего ей удара. Этот переломный момент мы называем кульминационным пунктом наступления. Так как смысл наступления заключается в овладении неприятельской страной, то из этого следует, что продвижение вперед должно длиться до тех пор, пока не истощится перевес; это-то и гонит наступающего к цели, но легко может завести и дальше. Если принять во внимание, из какого большого количества элементов слагается уравнение действующих сил, то станет понятным, как трудно в некоторых случаях определить, на чьей стороне

находится перевес. Часто все висит на шелковой нити воображения.

Поэтому все сводится к тому, чтобы чутьем, при помощи обостренной интуиции, уловить кульминационный момент наступления. Здесь мы сталкиваемся с кажущимся противоречием. Оборона сильнее наступления; казалось бы поэтому, что последнее никогда не может завести слишком далеко, ибо до тех пор, пока слабейшая форма сохраняет достаточную силу, последняя будет тем более достаточной при переходе к сильнейшей форме[1].

Глава VI

УНИЧТОЖЕНИЕ НЕПРИЯТЕЛЬСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Уничтожение неприятельских вооруженных сил является средством достижения цели. Что разумеется под этим? Во что это обходится?

Возможны различные точки зрения по этому поводу:

а) уничтожить лишь столько, сколько того требует объект наступления;

б) или же столько, сколько окажется возможным;

в) щадить собственные силы — как основная точка зрения;

г) последнее начало может быть доведено так далеко, что наступающий будет придпринимать что-либо для уничтожения неприятельских сил лишь при благоприятных обстоятельствах, как это может иметь место и по отношению к объекту наступления, о чем уже было сказано в III главе.

Единственное средство уничтожения вооруженных сил противника — это бой, но притом двояким образом: во-

---

[1] Здесь в рукописи следует: «Развитие этой темы — в статье о кульминационном пункте победы». Под этим заголовком сохранилась записка в папке с надписью: «Отдельные рассуждения как материалы». Эта записка, представляющая, повидимому, обработку настоящей главы, здесь лишь бегло намеченной, помещена в конце 7-й части. — (Прим. издательницы к 1-му и 2-му немецкому изданиям).

первых, непосредственно и, во-вторых, косвенно, посредством комбинации боев. Следовательно, если бой — главное средство уничтожения, то все же не единственное[1]. Взятие крепости или захват части территории уже сами по себе представляют разрушение неприятельских боевых сил, но они могут повести еще к более крупным последствиям, т. е. воздействовать косвенно.

Итак, занятие незащищенной части страны вне зависимости от непосредственного достижения намеченной цели может быть рассматриваемо как уничтожение неприятельских боевых сил. И с этой точки зрения следует рассматривать случай, когда путем маневрирования заставляют противника очистить занятый им участок, что успехом оружия в точном смысле этого слова названо быть не может. Эти средства часто переоцениваются; редко они бывают равноценны выигранному сражению, но требуют мало жертв, а потому заманчивы; притом всегда следует опасаться невыгодного положения, в которое они могут поставить; они соблазнительны потому, что обходятся дешево.

На них надо всегда смотреть, как на мелкие ставки, ведущие к грошевому выигрышу. Они соответствуют стесненным обстоятельствам и робким побуждениям. Но они, очевидно, предпочтительнее безрезультатных сражений, успех которых не может быть использован.

Глава VII

НАСТУПАТЕЛЬНОЕ СРАЖЕНИЕ

Сказанное нами об оборонительном сражении уже осветило многое в сражении наступательном.

Мы тогда имели в виду такое сражение, где всего ярче

---

[1] Клаузевиц набрасывает здесь только скелет главы, и у читателя может возникнуть смущение при чтении двух рядом стоящих фраз: бой — единственное средство уничтожения и бой — не единственное средство уничтожения; взятие крепости и оккупация территории ведут к тому же, нанося моральное потрясение и пресекая источники пополнения противника. Это недоразумение разрешается тем, что Клаузевиц относит всякий территориальный выигрыш маневрирования за счет боя, не имевшего в действительности места вследствие уклонения противника (ч. 1-я, гл. II). — Ред.

выражена оборона, дабы вскрыть ее сущность; но подобного рода сражения редки, в большинстве же случаев сражения являются наполовину встречными [1], и оборонительный характер в них значительно утрачивается. Иначе обстоит дело с наступательным сражением: оно сохраняет свой характер при всех обстоятельствах, выявляя его тем сильнее, чем меньше обратилась оборона к своей подлинной сущности. Поэтому и в не вполне выраженном оборонительном сражении и в подлинном случайном сражении всегда сохраняется некоторое различие в характере ведения сражения той и другой стороною. Главная особенность, отличающая наступательное сражение, — это охват или обход, предпринимаемые с началом сражения.

Очевидно, что наличие охватывающей линии фронта предоставляет для ведения наступательного боя большие преимущества; впрочем, это предмет тактики. От этих преимуществ наступление не откажется из-за того, что оборона может применить против них соответствующее средство. Ведь для того, чтобы успешно охватить в свою очередь охватывающие части противника, обороняющийся должен расположиться на тщательно избранной и хорошо оборудованной позиции. Но для наступающего очень важно то, что в действительности (как показывает опыт всех времен) обороняющийся использует далеко не все выгоды, даваемые обороной; в большинстве случаев оборона представляет собою лишь жалкую попытку извернуться в положении весьма стесненном и опасном, когда она в предвидении наихудшего исхода сама идет навстречу наступлению. Последствием этого является то, что сражения с охватывающим или даже с перевернутым фронтом, которые по-настоящему должны были бы являться следствием выгодного соотношения коммуникационных линий, обычно представляют собою результат морального и физического превосходства (Маренго, Аустерлиц, Иена). Впрочем наступление во фланг, т. е. сражение с перевернутым фронтом, более действительно, чем охватывающая атака. Представление, будто последняя с самого начала должна быть соединена

---

[1] Клаузевиц употребляет французское выражение «ren-contres». — Ред.

с охватывающим стратегическим наступлением, как это было перед сражением под Прагой, является ошибочным. (Только в редких случаях одно бывает связано с другим, и вообще стратегическое охватывающее наступление — дело опасное. Об этом более подробно будет сказано в главе о наступлении на театре войны.) В то время как в оборонительном сражении полководец стремится возможно больше оттянуть решение и выиграть время, так как оборонительное сражение, не решенное до захода солнца, обычно превращается в выигранное, — в сражении наступательном он имеет потребность ускорить решение. Однако с чрезмерной поспешностью связана большая опасность, так как она ведет к расточительному расходованию сил. Отличительной особенностью наступательного сражения является в большинстве случаев неведение о положении противника, вследствие чего наступательное сражение буквально представляет собой нащупывание в неведомой обстановке (Аустерлиц, Ваграм, Гогенлинден, Иена, Кацбах). А чем больше неизвестность, тем более важно сосредоточение сил, тем предпочтительнее обход охвату. Что главнейшие плоды победы пожинаются при преследовании, об этом сказано уже в XII главе 4-й части. По самой природе наступательного сражения преследование более родственно ему, чем сражению оборонительному.

Глава VIII

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ РЕКИ

1. Значительная река, пересекающая линию наступления, представляет большие неудобства для наступающего, так как, переправляясь через нее, он обычно должен довольствоваться одним лишь местом переправы и если не пожелает оставаться у самой реки, то будет чрезвычайно стеснен в своих действиях. Если же он намеревается дать по ту сторону реки решительное сражение противнику или если он может ожидать, что противник сам пойдет навстречу, то он окажется перед серьезной опасностью; в подобное положение ни один полководец не поставит себя,

если не располагает значительным моральным и материальным превосходством.

2. В связи с трудностями, встречаемыми наступающим, оставившим позади себя реку, для обороняющего гораздо чаще создается возможность успешно оборонять реку, чем это было бы при отсутствии этих трудностей. Исходя из предпосылки, что обороняющийся не смотрит на защиту реки, как на единственное средство спасения, а, напротив, подготовился так, чтобы даже в случае неудачи обороны реки сохранилась возможность оказать сопротивление вблизи реки, наступающему приходится учитывать не только сопротивление, которое будет ему оказано после переправы, но и неудобства, упомянутые в предыдущем параграфе. Эти оба затруднения, взятые вместе, и вызывают в полководцах ту опаску, которую они проявляют при наступлении на обороняемую противником реку.

3. В предыдущей части мы видели, что при известных условиях сама оборона реки обещает значительный успех, и опыт указывает нам, что в действительности этот успех бывает гораздо чаще, чем это предусматривает теория, так как последняя оперирует только реальными данными, в то время как наступающий, обычно представляя себе трудности более значительными, чем они являются в действительности, тем самым тормозит свою деятельность.

Если же речь идет о наступлении, не имеющем в виду решающего результата и производимом не со всесокрушающей энергией, то можно смело утверждать, что при выполнении встретится множество мелких препятствий и случайных помех, предусмотреть которые теория не в состоянии, но которые будут направлены в ущерб наступающему; ведь он является действующим лицом, следовательно, ему и придется столкнуться с ними. Достаточно вспомнить, как успешно оборонялись незначительные сами по себе реки Ломбардии. Из истории же мы знаем примеры такой обороны рек, когда они как средство защиты не оправдывали возлагавшихся на них надежд; это объясняется переоценкой этого средства обороны, исходящей не из разбора тактических данных, а из упований на подтвержденную опытом действительность обороны рек, притом раздутую еще свыше всякой меры.

4. Но обороняющийся иногда ошибочно связывает всю свою судьбу с обороной реки и ставит себя в такое положение, что ему грозит катастрофа при прорыве через реку. В этих случаях речная оборона может рассматриваться как весьма выгодная для наступающего форма сопротивления, так как легче прорвать оборону реки, чем выиграть обыкновенное сражение.

5. Из всего сказанного становится ясным, что оборона реки чрезвычайно целесообразна в тех случаях, когда решение не ожидается. Но в тех случаях, когда следует ожидать, что энергия противника или его подавляющее превосходство могут привести к решению, неправильно применная оборона реки может приобрести положительную ценность для наступающего.

6. Лишь в немногих случаях при обороне рек обороняющийся не может быть обойден на всем защищаемом участке или на отдельном пункте реки. Поэтому наступающий, обладающий превосходством сил и стремящийся нанести решающий удар, всегда имеет в своем распоряжении средства, демонстрируя в одном пункте, переправиться в другом. Это позволит преодолеть невыгодные условия боя в первые моменты после переправы посредством численного превосходства и стремительности натиска, ибо превосходство в силах дает возможность осуществить все это. Таким образом, редко или, вернее, никогда не бывает подлинного тактического форсирования реки, при котором удалось бы подавляющим огнем и превосходящей храбростью отбросить один из главных отрядов противника. Выражение «форсирование переправы» надо понимать всегда лишь стратегически, так как наступающий, хотя и переправляется на участке, слабо или вовсе не защищенном в пределах организованной линии обороны, все же идет на то, чтобы подвергнуться всем невзгодам, которые по расчетам обороняющегося должны сложиться для него из-за переправы. Худшее, однако, что может сделать наступающий, это действительно переправиться в нескольких пунктах, если только последние не расположены вблизи друг от друга и не допускают возможности совместных боевых действий: если обороняющийся должен по необходимости дробить свои силы, то наступающий, разделяя свои силы,

отказывается от своего естественного преимущества. Именно вследствие этого Бельгард в 1814 г. проиграл сражение на р. Минчио, где оба противника случайно переправились через реку одновременно, причем австрийцы оказались более разбросанными, чем французы.

7. Если обороняющийся удерживается впереди реки, то, само собою разумеется, имеются два способа победить его стратегически. Первый — когда наступающий, невзирая ни на что, все же переправится где-либо на другой берег и обратит против обороняющегося его же оружие; второй способ — сражение. В первом случае решающее значение получает соотношение базирования и сообщений, хотя нередко бывает, что те или другие частные мероприятия приобретают более решающее значение, чем общие условия. Сторона, сумевшая принять более выгодную группировку и лучше устроиться, добившаяся большей дисциплины, имеющая преимущества в подвижности и т. д., может с успехом бороться против общих условий. Что же касается второго способа, т. е. сражения, то он предполагает у наступающего наличие средств и решимости для ведения боя и соответствующую обстановку. Но при наличии этих предпосылок трудно ожидать, чтобы обороняющийся отважился на подобный способ обороны реки.

8. В конечном выводе приходится сказать, что хотя сама переправа через реку лишь в редких случаях представляет крупные затруднения, но всегда, если только нет стремления к решению, она внушает наступающему такие опасения за последствия и отдаленные возможности, что легко может его остановить. В этом случае наступающий или оставит противника в покое на его стороне реки, или если переправится через реку, то все же от нее не отойдет. Чрезвычайно редки случаи, когда обе стороны долго остаются друг против друга на противоположных берегах реки.

Однако река имеет важное значение и тогда, когда стремятся к крупным решениям. Она всегда ослабляет наступающего и является ему помехой; наиболее выгодное положение создается для него, если река прельстит обороняющегося и последний решит использовать ее как тактический барьер, полагая в ее защите основную задачу своего сопротивления. В этом случае наступающему представляет-

ся возможность наилегчайшим способом нанести решительный удар[1]. Конечно, в первый же момент нельзя будет добиться полного разгрома противника, но решение сложится из отдельных успешных боев, которые поставят противника в чрезвычайно неблагоприятную обстановку, как это было с австрийцами в 1796 г. на Нижнем Рейне.

Глава IX

НАСТУПЛЕНИЕ НА ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ ПОЗИЦИИ

В части, посвященной обороне, достаточно разъяснено, в какой мере оборонительные позиции вынуждают наступающего или их атаковать, или отказаться от дальнейшего продвижения. Лишь те позиции, которые достигают этого, являются целесообразными и пригодными поглотить или нейтрализовать силу наступления полностью или частично. Наступление по отношению к такой позиции бессильно, т. е. у него нет средств уравновесить это преимущество обороны. Но не все оборонительные позиции действительно таковы. Если наступающий усмотрит, что он в состоянии достигнуть своей цели, не атакуя позиции противника, то атаковать ее было бы ошибкой. Если позиция препятствует достижению цели наступающего, то спрашивается — нельзя ли угрозой флангу противника заставить его покинуть свою позицию. Только после того как это средство окажется недействительным, решаются атаковать хорошую позицию, и тогда атака во фланг обычно представляет меньше трудностей. Выбор того или другого фланга зависит от положения и направления путей отступления обоих противников, т. е. от возможности создать угрозу отступлению неприятеля или обеспечить свое. В отношении значительности той или другой возможности может возникнуть даже своего рода соревнование, причем преимущество следует, естественно, отдавать возможности угрожать отступлению противника, так как эта угроза — характера наступательного, между тем как обеспечение собственного отступления есть

[1] В настоящее время эволюция огнестрельного оружия, расширившая фронты, совершенно изменила основные данные проблемы обороны рек, и последние используются именно как тактический барьер. — Ред.

оборонительное мероприятие. Но надо признать бесспорной и непреложной истиной, что атаковать крепкого противника, занимающего хорошую позицию, — дело сомнительное. Нет, правда, недостатка в примерах подобных сражений, притом удачно закончившихся, как Торгау и Ваграм (мы не упоминаем Дрездена, так как нельзя сказать, чтобы там был крепкий противник). Но в общем опасность для обороняющегося незначительна и вовсе отходит на второй план, если учитывать множество случаев, когда решительные полководцы пасовали перед такими позициями.

Но не следует смешивать случай, который мы имеем здесь в виду, с обычным сражением. Большинство сражений — простые, встречные столкновения (rencontres), в которых одна сторона хотя и стоит неподвижно, но не на подготовленной позиции.

Глава X

НАСТУПЛЕНИЕ НА УКРЕПЛЕННЫЙ ЛАГЕРЬ

Некоторое время господствовало течение — отзываться с большим пренебрежением об окопах и их значении. Это пренебрежение питалось неудачным исходом целого ряда сражений, в которых оборона опиралась на укрепления: кордонные оборонительные линии на границах Франции прорывались не раз; герцог Бевернский потерял сражение при Бреславле в укрепленном лагере; австрийцы были разбиты при Торгау; наконец, победы Фридриха Великого, одержанные благодаря подвижности и с помощью наступательных средств, набросили тень на всякую оборону, на всякий неподвижный бой и в особенности на полевые укрепления. Нельзя, конечно, считать надежной оборону, когда немногие тысячи людей должны защищать протяжение в несколько миль, а укрепления представляют только окопы, обращенные рвом вперед; доверие к такой обороне к добру не приведет. Но разве не будет противоречием или, вернее, нелепостью желание распространить это утверждение на укрепления вообще, уподобляя себя этим (как это делает Темпельгоф) заурядному эскадронному командиру? К чему вообще нужны укрепления, если они неспособны усилить оборону? Нет, не один только разум, но сотни и

тысячи примеров показывают, что хорошо устроенное, занятое достаточными силами и храбро защищаемое укрепление должно, как правило, считаться неприступным и соответственно рассматриваться и наступающим. Исходя из этого взгляда на значение отдельного укрепления, нельзя сомневаться в том, что атака укрепленного лагеря — задача крайне трудная и в большинстве случаев безнадежная.

Укрепленные лагери по своей природе занимаются слабыми силами; однако, в них возможно обороняться и против значительно превосходящих сил противника при наличии значительных естественных препятствий и хороших окопов. Фридрих Великий, несмотря на двойное превосходство сил, все же не решился атаковать лагерь у Пирны, и если впоследствии время от времени и утверждали, что лагерь можно было взять, то единственной опорой этого утверждения являлось крайне плохое состояние саксонских войск, что, конечно, не может служить аргументом против целесообразности укреплений вообще. К тому же весьма сомнительно, чтобы те, которые впоследствии считали эту атаку не только возможной, но и легко осуществимой, решились бы сами в действительности на нее.

Итак, мы полагаем, что атака укрепленного лагеря принадлежит к числу самых необычных средств наступления. Лишь в тех случаях, когда укрепления возведены наспех и еще не закончены, а имеющиеся препятствия еще недостаточно усилены; если весь лагерь, как это часто бывает, является лишь схемой того, чем ему надлежало бы быть; если он представляет собой лишь полуготовую стройку, — только тогда атака может быть не только рекомендована, но и явится путем к легкой победе.

Глава XI

НАСТУПЛЕНИЕ В ГОРАХ

Чем являются горные пространства со стратегической точки зрения и каково их значение для обороны и даже для наступления, об этом с достаточной полнотой было сказано уже в V главе[1] 6-й части и в последующих.

[1] Фактически главы XV, XVI и XVII. — Ред.

Там мы пытались вскрыть ту роль, которую играют горы в качестве оборонительной линии, а из этого уже вытекает, как надо оценивать их значение с точки зрения наступающего. Таким образом, нам остается весьма немного сказать по этому важному вопросу. Главный наш вывод был тот, что на оборону гор следует смотреть с совершенно различных точек зрения в зависимости от того, идет ли речь о второстепенном бое или о генеральном сражении. Наступление в первом случае следует рассматривать лишь как неизбежное зло, так как все обстоятельства складываются против него; зато во втором случае оно имеет на своей стороне все преимущества и выгоды.

Таким образом, наступление, исполненное мощи и решимости дать сражение, отыщет своего противника в горах и наверное останется от этого в барыше.

Мы еще раз возвращаемся к этому вопросу, так как трудно ожидать, что наши выводы встретят сочувствие у аудитории: они кажутся противоречащими не только очевидности, но и опыту прежних войн. Действительно, мы в большинстве случаев до сих пор видели, что наступающая армия (ищет ли она генерального сражения или нет — безразлично) считала необычайным счастьем, если противник оставлял незанятым лежащее поперек ее пути горное пространство, и спешила предупредить его в этом. В этой поспешности никто не усмотрит чего-либо противного интересам наступления. Наступающий прав и с нашей точки зрения; все же в данном случае необходимо отдать себе отчет в сущности обстоятельств.

Армия, наступающая на противника с намерением дать ему генеральное сражение и имеющая впереди себя горное пространство, пока не занятое неприятелем, естественно опасается, чтобы он в последний момент не опередил ее и не занял тех проходов, которые она имеет в виду использовать. Если бы опасения наступающей армии оправдались, и обороняющийся занял горы в последний момент, когда направление наступления уже определилось, то наступающая сторона лишилась бы тех преимуществ, которые имеются у нее, когда противник занимает обычную горную позицию. Ведь он уже не будет столь неестественно растянут и не будет находиться в неизвестности о пути движе-

ния наступающего. С другой стороны, наступающий уже не сможет координировать выбор своего пути с расположением обороняющегося; таким образом, сражение в горах уже не будет соединено для него с теми преимуществами, о которых мы говорили в 6-й части; при таких обстоятельствах наступающий может натолкнуться на обороняющегося, уже успевшего занять неприступную позицию. В этих условиях в распоряжении обороняющегося оказалась бы возможность извлечь из своего расположения в горах значительные выгоды для генерального сражения. Конечно, это возможно; но не следует забывать о тех трудностях, которые возникнут для обороняющегося в связи с его попыткой устроиться в последний момент на хорошей позиции, которую он к тому же перед этим оставил совершенно незанятой. Поэтому приходится признать подобный способ обороны совершенно ненадежным; следовательно, случай, которого мог бы опасаться наступающий, *невероятен*. Но, несмотря на все его невероятие, вполне естественно, что его боятся, так как на войне многие опасения весьма естественны, хотя по существу и напрасны.

Но есть нечто другое, чего в подобных обстоятельствах может опасаться наступающий, — это оборона гор авангардом противника или цепью его сторожевого охранения. Хотя и этот способ лишь в немногих случаях будет отвечать интересам обороны, но все же при применении его наступающий не в состоянии разгадать, до какой степени будет доведено упорство обороны, и потому опасается всего худшего.

Высказанному нами мнению отнюдь не противоречит возможность существования позиции, являющейся благодаря гористому характеру местности совершенно неприступной. Такие позиции существуют и не в горах (Пирна, Шмотзейфен, Мейссен, Фельдкирх), и они особенно пригодны именно потому, что находятся не в горах. Однако легко себе представить, что в горах возможно отыскать позиции, не представляющие обычных неудобств, встречаемых в горном расположении; таковы, например, позиции на высоких плоскогорьях, но подобные позиции крайне редки, а здесь мы можем иметь в виду лишь большинство случаев.

Как мало пригодны горы для решительных оборонитель-

ных сражений, это мы видим из истории войн. Великие полководцы всегда предпочитали давать решительные сражения на равнинах. На протяжении всей истории нельзя найти примеров решительных боев в горах, исключая войн революционных, когда ложная практика и злоупотребление аналогией заставляли пользоваться горными позициями и там, где следовало бы ожидать решительных ударов (в 1793 и 1794 гг. в Вогезах и в 1795, 1796 и 1797 гг. в Италии). Все осуждали Меласа за то, что в 1800 г. он не занял альпийских проходов; но эта критика непродуманная, мы готовы сказать — ребяческая, судящая по первому взгляду. Бонапарт на месте Меласа также не занял бы этих проходов.

Распорядок наступления в горах относится по преимуществу к тактике, но все же мы считаем нужным дать следующие указания по общему контуру этого распорядка, наиболее близко соприкасающемуся со стратегией:

1. В горах нельзя, как на другой местности, уклоняться с дороги и невозможно образование из одной колонны двух или трех в случае срочной надобности разделения массы наступающих войск; так как войскам приходится быть втиснутыми в дефиле, то наступление должно вестись по нескольким дорогам, или, иными словами, более широким фронтом.

2. Против широко растянутой обороны в горах наступать, конечно, следует сосредоточенными силами; об охвате такой линии в целом и думать нечего. Достижения значительного боевого успеха надо добиваться скорее при помощи прорыва неприятельского фронта и оттеснения крыльев, чем при помощи охвата, угрожающего сообщениям. Быстрое, безостановочное продвижение вперед по главному пути отступления неприятеля является естественным стремлением наступающего.

3. Если же предстоит атаковать неприятеля в горах в менее растянутой группировке, то обходные движения явятся весьма существенной частью наступления, так как удары в лоб встретят наиболее сильное сопротивление обороняющегося; но обходы должны нацеливаться преимущественно на действительное отрезывание пути отступления неприятеля, а не на тактическую атаку с фланга или с тыла, так

как при наличии у противника достаточных сил горные позиции даже с тыла в состоянии оказать большое сопротивление; при этом наискорейшего успеха надо ожидать от опасения противника утратить путь отступления, если такое опасение удастся ему внушить. Эти опасения всегда проявляются в горах раньше и действуют сильнее, так как при плохом обороте дела в них не так-то легко проложить себе дорогу штыком. Однако простой демонстрации здесь будет недостаточно; правда, ею можно заставить противника покинуть его позиции, но нельзя добиться значительного успеха; поэтому необходимо стремиться к тому, чтобы противник был действительно отрезан.

Глава XII

АТАКА КОРДОННЫХ ЛИНИЙ

Когда оборона и атака кордонных линий должны привести к основному решению, то на стороне наступающего оказывается значительное преимущество, так как слишком большое протяжение обороны противоречит всем условиям успеха в решительном сражении еще в большей степени, чем непосредственная оборона реки или горного пространства. Примером могут служить Денеиские линии принца Евгения Савойского 1712 г., потеря которых являлась вполне равноценной проигрышу сражения, а между тем Виллар едва ли одержал бы победу над Евгением, если бы последний занимал более сосредоточенное расположение. Оборонительные линии могут внушить уважение только в том случае, если наступающий не стремится к решительному сражению и притом линии заняты главными силами обороны; в этих условиях занятые в 1703 г. Людвигом Баденским Штольгофенские линии внушали почтение самому Виллару. Если же они заняты лишь второстепенной частью армии, то все будет зависеть от силы того отряда, который может быть использован против них. В большинстве случаев он встретит не слишком большое сопротивление, но, правда, и результаты победы редко будут особенно ценными.

Циркумвалационные линии осаждающего имеют свой особый характер, и о них мы будем говорить в главе о наступлении на театре войны.

Все расположения кордонного характера, например усиленная линия сторожевого охранения и прочее, всегда отличаются тем, что они легко поддаются прорыву, но когда прорыв не имеет целью дальнейшее наступление, чтобы добиться решения, то значение его невысоко и не окупает затраченных на него трудов.

Глава XIII

МАНЕВРИРОВАНИЕ

1. Вопрос о маневрировании был уже нами затронут в XXX главе 6-й части. Хотя маневрирование присуще как наступлению, так и обороне, но все же оно ближе по своей природе к первому, чем ко второй, почему мы и охарактеризуем здесь его несколько подробнее.

2. Маневрирование свойственно не наступлению открытой силой с его крупными сражениями, а такому его осуществлению, которое непосредственно вытекает из средств наступления, например, из воздействия на неприятельские коммуникационные линии, на его пути отступления, или из диверсий и пр.

3. Если придерживаться общепринятого словоупотребления, то под понятием маневрирования разумеется такого рода действие, которое вызывается до некоторой степени из ничего, т. е. из равновесия, каковое мы пытаемся нарушить, вовлекая противника на путь ошибок. Это — первые ходы на шахматной доске, борьба равноценных сил, имеющая целью создать счастливый случай для успеха, чтобы, воспользовавшись им, утвердить свое превосходство над противником.

4. Надлежит обратить внимание на следующие существенные элементы, являющиеся отчасти целью, отчасти основой маневрирования:

а) Снабжение продовольствием, от которого пытаются отрезать противника или в котором хотят его ограничить.

б) Соединение с другими отрядами.

в) Угроза связи противника с внутренними областями его страны или с другими армиями или отрядами.

г) Угроза линии отступления.

д) Нападение превосходными силами на отдельные пункты.

Перечисленные пять элементов могут до такой степени внедриться в самые мельчайшие частности данного положения, что последние приобретут превалирующее значение и на некоторое время подчинят себе все остальные интересы. Мост, дорога, укрепление начинают тогда играть первенствующую роль, и все значение их оказывается основанным лишь на их отношении к перечисленным элементам, что нетрудно доказать в каждом отдельном случае.

е) В результате удачного маневра наступающий, или, точнее, активная сторона (которой, конечно, может быть и обороняющийся), овладевает клочком территории, неприятельским складом и т. д.

ж) В стратегическом маневре мы встречаемся с двумя противоположностями, которые могут показаться особыми видами маневрирования, вследствие чего часто делали ложные выводы и создавали ошибочные правила. Хотя они представляют четыре члена, но в действительности мы имеем дело с составными частями одного общего целого. Первая противоположность — это охват и действие по внутренним линиям, вторая — сосредоточение сил и разброска их многими отрядами.

з) Что касается первой противоположности, то безусловно нельзя сказать, чтобы одна из ее двух частей имела принципиальное преимущество перед другой; понятно, что воздействие одной вызывает другую, противоположную, как естественный противовес, как самое подходящее противоядие. С другой стороны, охват однороден с наступлением, действие по внутренним линиям более соответствует обороне; поэтому первая часть чаще привлекает наступающего, а вторая — обороняющегося. Перевес будет на стороне той формы действия, которая используется с большим умением.

и) Также нельзя и во второй противоположности подчинить один ее член другому. Более сильная сторона мо-

жет себе позволить разбросать свои силы по нескольким пунктам, что создает для нее во многих отношениях более удобные стратегические условия существования и действия, сберегая в то же время силы войск. Более слабая сторона должна держаться гораздо сосредоточеннее, а вытекающий отсюда ущерб ей следует предотвращать своей подвижностью. Эта бо́льшая подвижность предполагает высшую ступень умения совершать марши. Поэтому более слабой стороне придется больше напрягать свои физические и моральные силы. Вот последний вывод, с которым нам, конечно, постоянно придется сталкиваться, если мы будем оставаться последовательными; на него можно до известной степени смотреть, как на логическую проверку нашего рассуждения. Действия Фридриха Великого против Дауна в 1759 и 1760 гг. и против Лаудона в 1761 г. и действия Монтекукули против Тюренна в 1673 и 1675 гг. всегда считались самыми искусными маневрами этого рода, и ими, главным образом, обосновывали мы наши суждения.

к) Мы уже предупреждали, что четыре части указанных двух противоположностей при неправильном их восприятии приводят к ложным выводам и положениям; мы предостерегаем также от переоценки таких общих условий, как база, местность и т. д., и от признания за ними решающего значения, какового в действительности они не имеют. Чем незначительнее интересы, за которые борются, тем большее значение приобретают отдельные подробности местности и данной минуты, и тем дальше отходит на второй план все существенное и крупное, не находящее для себя простора в мелочных расчетах. Можно ли себе представить, если смотреть с общей точки зрения, ситуацию, более противоречащую здравому смыслу, чем положение Тюренна в 1675 г., когда он стоял спиною к Рейну на протяжении 3 миль с одним мостом для отступления на своем крайнем правом фланге? Тем не менее его мероприятия достигли цели, и потому справедливо признать за ними высокую степень искусства и разумности. Но этот успех и искусство становятся понятными лишь тогда, когда мы войдем во все подробности и придадим им то значение, которое они получили в данном частном случае.

л) Мы убеждены, что для маневрирования нет никаких постоянных правил и что никакой метод и никакой общий принцип не могут служить для него указанием, но полагаем, что победа в борьбе достанется той стороне, которая проявит больше предприимчивости, точности, порядка, бесстрашия и дисциплины. Эти свойства и позволяют, главным образом, извлекать ощутительные результаты в таком состязании.

Глава XIV

НАСТУПЛЕНИЕ В БОЛОТАХ, ЗАТОПЛЕННЫХ ПРОСТРАНСТВАХ И ЛЕСАХ

Как мы уже упоминали, говоря об обороне, болота, т. е. непроходимые луговины, перерезанные только немногими плотинами, представляют особые трудности для тактического наступления. Ширина их почти всегда препятствует возможности прогнать артиллерийским огнем с противоположного берега противника и устроить переправу. Стратегическим последствием этого является стремление избежать необходимости атаки в болотах путем их обхода. Но в культурных условиях, встречающихся в некоторых местностях, где через болота проложено много проходов, хотя и может быть оказано относительно сильное сопротивление, но недостаточное для решающей обороны, и для последней болотистые пространства оказываются непригодными. Но если по примеру Голландии заболоченность почвы может быть усилена наводнением, то сопротивляемость обороны может быть доведена до непреоборимости, и всякое наступление в этих условиях потерпит крушение. Это доказала Голландия в 1672 г., когда после взятия французами всех расположенных вне линии затопления крепостей и занятия их гарнизонами у них осталось еще 50 000 солдат, которые сначала под командой Конде, а затем Люксембурга оказались не в состоянии преодолеть линию наводнений, хотя последнюю защищало не более 20 000 человек. Если поход пруссаков в 1787 г. под начальством герцога Брауншвейгского против голландцев дал противопо-

ложный результат и эти линии были взяты почти при равенстве сил и с ничтожными потерями, то причину этого следует искать в разъединившем обороняющихся политическом положении и отсутствии единого командования. Но все же нет сомнения, что успех этого похода, т. е. прорыв наступающего через последнюю линию затопления до самых стен Амстердама, висел на волоске, а потому удача пруссаков не позволяет делать никаких заключений. Этим волоском явилось отсутствие наблюдения со стороны голландцев за Гаарлемским морем, что дало герцогу возможность обойти оборонительную линию и выйти в тыл голландцам у Амсельвена. Имей голландцы несколько кораблей на этом море, герцог никогда бы не дошел до Амстердама.

Какое влияние оказало бы это обстоятельство на условия мира, об этом здесь говорить не станем, но можно быть уверенным, что не было бы и речи о преодолении последней линии затопления.

Правда, зима является естественным врагом этой оборонительной меры, чем воспользовались французы в 1794 и 1795 гг., но для этого надо, чтобы зима была *суровая*.

Мы отнесли к числу средств, оказывающих сильную поддержку обороне, трудно доступные леса. Однако лес никогда не бывает настолько непроходимым, как реки и болота, и потому тактическая сила отдельных участков не может считаться столь же надежной, так как наступающий в состоянии пройти через лес, если последний не исключительно велик, по нескольким близко проложенным друг от друга путям. Но если значительные пространства почти сплошь покрыты лесами, как это имеет место в России и Польше, и у наступающего нехватит сил для того, чтобы через них прорваться, то его положение действительно будет очень тяжелым. Достаточно упомянуть хотя бы о трудностях, которые встретит снабжение продовольствием, и о том, как мало возможностей у наступающего во мраке лесов заставить противника почувствовать свое численное превосходство. Подобное положение, несомненно, одно из худших, в какое может попасть наступающий.

Глава XV

НАСТУПЛЕНИЕ НА ТЕАТРЕ ВОЙНЫ, КОГДА ИЩУТ РЕШЕНИЯ

Уже в 6-й части, говоря об обороне, мы затронули большинство вопросов, относящихся к этой главе и проливающих достаточный, хотя и отраженный свет на наступление.

Понятие о замкнутом театре войны вообще больше связано с обороной, чем с наступлением. В настоящей части мы уже рассмотрели некоторые существенные вопросы об объекте наступления, о сфере действия победы и т. д.[1], на самое же глубокое и существенное в отношении природы наступления мы сможем указать лишь когда будем говорить о плане войны. Однако кое-что может быть сказано и сейчас. Начнем с похода, предпринятого с целью добиться крупного решения.

1. Важнейшая цель наступления — это победа. Наступающий в состоянии преодолеть все природные выгоды обороны только превосходством своих сил и, пожалуй, еще с помощью того скромного преимущества, какое дает наступающей армии сознание того, что она наступает и движется вперед. Впрочем, в большинстве случаев влияние этого чувства переоценивается; оно недолговечно и не может противостоять серьезным испытаниям. Само собой разумеется, что мы исходим здесь из предположения, что обороняющийся действует столь же безошибочно и целесообразно, как и наступающий. Этим замечанием мы хотим рассеять туманные идеи о неожиданном нападении и внезапности, как об обильнейшем источнике побед наступающего; в действительности они не имеют места без наличия особых обстоятельств. Как обстоит дело с неожиданным нападением в стратегии, мы уже говорили в другом месте[2]. Итак, если наступление не обладает физическим превосходством, то на его стороне должно быть превосходство моральное, чтобы уравновесить невыгодные стороны более слабой формы, какой является наступление. Где

[1] В 7-й части такой главы нет; этому вопросу посвящена глава X. 4-й части. — Ред.

[2] Часть 3-я, глава IX. — Ред.

нет и этого превосходства, там наступление ничем не оправдывается и к успеху не приведет.

2. Подобно тому как душой обороны должна быть осторожная предусмотрительность, так душой наступления должны быть смелость и уверенность в своих силах. Отсюда, конечно, не следует, чтобы каждая из двух сторон не нуждалась в качествах другой, но названные качества ближе подходят к задачам соответственно наступления и обороны. Вообще эти качества потому и нужны, что военная деятельность представляет собою не упражнение в математических выкладках, но совокупность действий, происходящих в области тьмы или по меньшей мере сумерек, где приходится вверять свою судьбу тому вождю, который является наиболее пригодным для нашей цели. Чем слабее духом обороняющийся, тем больше дерзости должен проявлять наступающий.

3. Для того чтобы победить, необходимо встретить главные силы противника. Это менее сомнительно при наступлении, чем при обороне, так как наступающему остается только отыскать обороняющегося на его позициях. Однако, говоря об обороне, мы утверждали, что если обороняющийся расположился ошибочно, то наступающему искать его не приходится, ибо можно быть уверенным, что обороняющемуся придется самому отыскивать наступающего, у которого тогда будет преимущество, что его противник находится не на заранее подготовленной позиции. В данном случае все зависит от важнейших путей и направлений. Этот вопрос, когда мы говорили об обороне, оставлен нами открытым, со ссылкой на настоящую главу, поэтому здесь мы изложим все необходимое по этому вопросу.

4. Уже раньше мы указали что может быть объектом наступления[1] и в чем, следовательно, будет смысл победы; если эти объекты находятся в пределах атакуемого театра войны и вместе с тем в пределах вероятной сферы победы, то естественным направлением удара будут ведущие к ним пути. Но не следует забывать, что объект наступления приобретает свое значение обычно только с победой, и потому мы должны всегда его мыслить в неразрывной связи

---

[1] Часть 7-я, глава III. — Ред.

с победой. Задача наступающего не в том, чтобы достигнуть самого объекта, а в том, чтобы овладеть им в качестве победителя, и потому удар должен нацеливаться не столько против самого объекта, сколько на тот путь к нему, на котором должна будет оказаться неприятельская армия. Этот путь и является ближайшим объектом наступления. Наивысшей победы мы добьемся тогда, когда отрежем армию противника от объекта и разобьем ее раньше, чем она дойдет до него. Допустим, что главный объект наступления — неприятельская столица, а противник не расположился между нею и армией наступающего; тогда наступающий поступил бы неправильно, направившись прямо к столице; лучше нацелиться на сообщения между армией неприятеля и его столицей и там добиваться победы, которая доставит и обладание столицей.

Если в пределах сферы победы наступающего нет крупного объекта, то первенствующее значение приобретают сообщения армии противника с ближайшим крупным объектом. Поэтому каждый наступающий должен задать себе вопрос: если мне посчастливится в сражении, то что извлеку я из этой победы? Естественное направление удара должно вести на объект, которым желают завладеть, и если обороняющийся расположился именно в этом направлении, то поступил правильно, и тогда наступающему не остается ничего иного, как идти на него. Если обороняемая позиция слишком сильна, то наступающий может сделать попытку пройти мимо, т. е. по нужде совершить обход, обращая необходимость в добродетель [1]. Если же противник расположился ошибочно, то наступающий идет на упомянутый объект и, поровнявшись с противником, если последний не принимает в сторону, чтобы перехватить наступление, сворачивает на линии его сообщений с этим объектом, дабы там встретить неприятельскую армию. Но если бы последняя не сдвинулась с места, то наступающему пришлось бы вернуться и атаковать ее с тыла.

Когда приходится выбирать между разными путями, следует отдавать предпочтение большим торговым дорогам,

[1] Aus der Not eine Tugend machen — очень близкая оперативному искусству пословица. — Р е д.

которые являются наиболее естественными и лучшими. Если пути эти делают слишком крутые колена, то для спрямления этих участков необходимо избрать иные, хотя и более узкие пути, так как путь отступления, значительно уклоняющийся от прямой линии, представляет всегда значительный риск.

5. У наступающего, который стремится к решительному результату, редко имеется повод разбрасывать свои силы, и если такое дробление все же имеет место, то его приходится рассматривать как ошибку, вызванную неясностью положения. Итак, нужно продвигать все колонны на фронте такой ширины, чтобы они могли принять одновременно полностью участие в сражении. Это будет особенно выгодно, если противник разбросал свои силы; в таком случае, чтобы удержать это выгодное положение, самому наступающему, может быть, придется произвести небольшие демонстрации, являющиеся до известной степени стратегическими fausses attaques [1]; разделение сил наступающего, вызываемое этим обстоятельством, надо признать целесообразным.

Неизбежное разделение наступающей армии на несколько колонн должно быть использовано для организации тактического наступления в форме охвата, так как последняя естественна для наступления и игнорировать ее без особой нужды не следует. Однако охват не должен выходить из пределов тактики, потому что охват стратегический в момент нанесения крупного удара являлся бы недопустимым расточением сил. Он мог бы быть оправдан только в том случае, когда наступающий настолько силен, что в успехе нет никакого сомнения.

6. Но и наступление нуждается в осторожности, так как и у наступающего имеется тыл и сообщения, которые необходимо обеспечить. Это обеспечение должно по возможности достигаться самим способом наступления, eo ipso [2] самой наступающей армией. Если же для этого окажутся необходимыми особые части, выделенные из армии, то это, естественно, может только повредить силе удара. Так как значительная армия наступает обычно на фронте шири-

---

[1] Ложные атаки. — Ред.
[2] Тем самым. — Ред.

ной не менее одного перехода, то она в большинстве случаев сама прикрывает свои сообщения и путь отступления, если направление их не слишком отклоняется от перпендикуляра к линии фронта.

Степень опасности, которой подвергаются тыл и сообщения наступающего, зависит, главным образом, от положения и характера противника, но у обороняющегося вообще нет предпосылок для подобных покушений, когда над всем довлеет атмосфера предстоящего крупного решения; поэтому обычно наступающему с этой стороны не грозит серьезной опасности. Но когда продвижение прекращается и наступающий сам переходит мало-помалу к обороне, то прикрытие тыла становится все более насущной задачей, превращаясь постепенно в основную [1]. Так как по самой природе своей тыл наступающего слабее тыла обороняющегося, то последний может начать действия против сообщений наступающего еще задолго до перехода своего в действительное наступление и даже тогда, когда, отходя назад, он все еще продолжает уступать территорию противнику.

Глава XVI

НАСТУПЛЕНИЕ НА ТЕАТРЕ ВОЙНЫ, КОГДА НЕ ИЩУТ РЕШЕНИЯ

1. Если нет ни воли, ни достаточных сил для крупных решительных действий, все же может существовать определенное намерение произвести стратегическое наступление, направленное, однако, на какой-нибудь менее важный объект. Если оно удалось, то с достижением цели все приходит в состояние покоя и равновесия. Если же встретятся те или иные затруднения, то общее продвижение вперед затухает еще раньше; на смену ему выступают случайное

[1] Глубокую верность этого замечания Клаузевица легко оценить на примере германского вторжения во Францию в 1914 г. Пока кризис не разрешился, тыл наступающего, почти не прикрытый со стороны моря и Нижней Сены, не подвергался сколько-нибудь серьезным покушениям. Обстановка решительно изменилась после Марны: когда наступающий перешел к обороне, прикрытие германского тыла с одной стороны и нападение на него с другой явились основными моментами «бега к морю». — Ред.

наступление и стратегическое маневрирование. Таков характер большинства походов.

2. Объектом такого рода наступления может быть следующее:

а) Часть территории; ее занятие даст продовольственные выгоды, пожалуй, откроет возможность собрать контрибуцию, сбережет средства своей страны и к тому же может послужить эквивалентом при заключении мира. Иногда к этим мотивам наступления присоединяется понятие о чести оружия, как это беспрестанно наблюдалось у французских полководцев времен Людовика XIV. Весьма существенным является вопрос: возможно ли удержать за собой эту часть территории? Утвердительно можно ответить только в том случае, если она будет смежной с территорией собственной, составляя естественное ее дополнение. Только такие части территории могут играть роль эквивалента при заключении мира, другие занимаются обычно лишь на время кампании и зимой очищаются.

б) Неприятельский склад, но только значительный, так как незначительный не может служить объектом наступления, определяющего всю кампанию в целом. Овладение складом приносит само по себе ущерб обороняющемуся, а наступающему прибыль, но в данном случае главная выгода для последнего в том, что обороняющийся вынуждается этой утратой несколько отступить и очистить часть территории, которую он без этого удержал бы за собой. Таким образом, захват магазина в сущности только средство, и мы упоминаем о нем здесь лишь потому, что этот захват является ближайшей конкретной целью действий.

в) Взятие крепости. Мы посвятили вопросу взятия крепостей отдельную главу[1] и отсылаем к ней читателя. Высказанные в ней положения в достаточной степени объясняют, почему крепости всегда составляют первенствующий и наиболее излюбленный объект тех наступательных войн и походов, которые не могут быть нацелены на полное сокрушение противника или на завоевание значительной части

[1] Следующая, XVII глава. — Ред.

его территории. Этим легко объясняется, почему в изобилующих крепостями Нидерландах все постоянно сводилось к вопросу об овладении той или другой крепостью, причем в большинстве случаев цель постепенного завоевания целой провинции даже не являлась основной, и каждая крепость рассматривалась как самодовлеющая величина, представляющая сама по себе ценность, причем, пожалуй, обращали больше внимания на легкость и удобство осады, чем на ценность самой крепости.

Между тем, осада сколько-нибудь значительной крепости — предприятие всегда серьезное, так как требует крупных денежных расходов, а на них приходится обращать особое внимание в войнах, не затрагивающих вопроса о существовании государства. В этих условиях такая осада является чрезвычайно существенной частью стратегического наступления. Чем незначительнее крепость или чем с меньшей серьезностью ведется осада, чем слабее подготовка к ней, чем больше предполагают все сделать en passan [1], тем ничтожнее окажется эта стратегическая цель и тем более будет соответствовать она пустым намерениям и слабым силам; часто все низойдет на степень простой комедии, поставленной только потому, что наступающий чувствует себя обязанным что-то делать.

г) Удачный бой, дело или, пожалуй, даже сражение из-за трофеев или хотя бы одной лишь чести оружия, а иногда просто из-за честолюбия полководца. В том, что это бывает, может сомневаться только тот, кто совершенно незнаком с военной историей. Именно к этому разряду принадлежит большинство наступательных сражений, данных французскими полководцами эпохи Людовика XIV. Но нельзя не отметить, что подобные бои не были лишены объективного значения и не являлись результатом только честолюбия. Они оказали весьма определенное и весьма решительное влияние на условия мира и, следовательно, вели достаточно прямо к намеченной цели. Честь оружия, моральное превосходство армии и полководца — все это действует невидимым образом, но непрестанно сказываясь на всей военной деятельности в целом.

---

[1] Мимоходом. — Ред

Бой с такой целью, правда, исходит из предпосылки, что, во-первых, перспектива победы достаточно вероятна и, во-вторых, в случае проигрыша сражения не слишком много будет поставлено на карту. Не следует, конечно, смешивать такие сражения, которые даются в стесненных обстоятельствах ради ограниченных целей, с теми, победа в которых остается неиспользованной из-за моральной слабости победителя.

3. Все указанные объекты, за исключением последнего [1], могут быть достигнуты без значительных боев, и наступающий обычно стремится достигнуть своей цели без таковых. Средства, которыми пользуется для этого наступающий, не рискующий вступить в решительное сражение, вытекают из тех интересов, которые приходится обороняющемуся ограждать в пределах театра войны; они, следовательно, будут заключаться в угрозе сообщениям его с источниками снабжения (магазинами, плодородными областями, водными путями и т. п.), или с пунктами особой важности (мостами, горными проходами и т. д.), или с другими частями его армии, в занятии наступающим сильной позиции, чрезвычайно стесняющей противника, который не в состоянии выжить из нее наступающего, а также в занятии богатых городов, плодородных участков территории, местности с беспокойным населением, каковое можно побудить к восстанию, и в угрозе слабым союзникам противника. Действительный прорыв наступающим сообщений, которые обороняющийся не может восстановить без крупных жертв, вынуждает последнего отнести свое расположение назад или в сторону, чтобы продолжать прикрывать объект, обнажив пункты менее для него важные. Таким образом, оставляется без защиты или часть территории, или магазин, или путь к крепости, чем создается возможность захватить первые и осадить вторую. При этом могут происходить более или менее крупные бои, но так как к ним не стремятся и они не являются целью, а только неизбежным злом, то по своим размерам и значению они не переступают известных пределов.

4. Воздействие обороняющегося на сообщения наступаю-

---

[1] Под литерой «г». — Р е д

щего представляет реакцию, которая в войнах, нацеленных на крупное решение, может иметь место только при очень большой длине операционной линии; эта форма реакции более родственна войнам без крупных решений. Правда, в последнем случае сообщения наступающего редко достигают значительной длины, но здесь не так уже важно нанести противнику тяжелые потери; часто оказывается достаточным создать неприятелю затруднения в области снабжения или сократить таковое, а если сообщения противника не столь растянуты в пространстве, то это возмещается растяжкой во времени, которое может быть затрачено на этот способ борьбы с врагом. Отсюда весьма важной заботой для наступающего является прикрытие своих стратегических флангов. Когда между наступающим и обороняющимся возникает такого рода состязание, то первому из них приходится восполнять превосходством сил естественные невыгоды своего положения. Если у наступающего еще хватит достаточно сил и решимости нанести сильный удар какому-нибудь значительному отряду или даже главным силам неприятеля, то угроза, которая будет висеть над головой последнего, будет служить лучшим прикрытием наступающему.

5. Наконец, мы должны упомянуть еще об одном важном преимуществе, каковым в войнах этого рода обладает наступающий, а именно: он правильнее может судить о намерениях и силах противника, чем обороняющийся о нем. Гораздо труднее предвидеть заранее, до какой степени дойдет дерзость и предприимчивость наступающего, чем решить вопрос о том, замышляет ли обороняющийся какую-либо крупную операцию. Обычно одно то, что противник остановил свой выбор на обороне, как форме ведения войны, указывает на отсутствие у него активных замыслов. Кроме того, подготовка к серьезному контрудару заметно отличается от обычной подготовки к обороне; гораздо труднее уловить различие между приготовлениями наступающего крупного или же ограниченного размаха. Наконец, обороняющийся вынужден принимать свои меры заранее, благодаря чему у наступающего есть преимущество: он отвечает на уже сделанный ход[1].

[1] В настоящее время подготовка наступления стала такой громоздкой (железнодорожные линии, шоссе, аэродромы и т. п.),

Глава XVII

АТАКА КРЕПОСТЕЙ

Здесь мы подвергаем разбору атаку крепостей, конечно, не с точки зрения фортификации, а под углом зрения, во-первых, стратегического смысла атаки, во-вторых, выбора между несколькими крепостями и, в-третьих, способов прикрытия осады.

Понятно, что потеря крепости ослабляет оборону, в особенности если эта крепость являлась существенной ее частью. С другой стороны, бесспорно, что наступающий, овладев крепостью, приобретает в связи с этим много выгод, так как он может прикрыть ею часть территории, свое расположение или использовать ее для обеспеченного расположения своих складов и депо. Наконец, взятые крепости представляют для наступающего самую крепкую опору, когда он окажется вынужденным перейти к обороне. Все сказанное нами в части этого труда, посвященной обороне, о крепостях и их значении в ходе войны в достаточной степени разъясняет вопрос и об атаке на них.

В вопросах целесообразности атаки крепостей существует резкое различие между походами с установкой на крупное решение и другими видами походов. В первом случае на осаду крепостей всегда приходится смотреть как на неизбежное зло. Пока обстановка заставляет искать окончательного решения, осаждают только такие крепости, которые оставить неосажденными нельзя. Когда решение уже состоялось, когда кризис и напряжение сил на некоторое время уже миновали и, таким образом, наступила пауза, взятие крепостей может последовать как закрепление сделанных завоеваний; при таком положении осада крепостей если и не обходится без усилий и жертв, то все же не влечет за собой опасности. Осада же крепости в период кризиса значительно обостряет последний во вред наступающему; очевидно, ничто не ослабляет в такой степени силы наступающего и, следовательно, не подрывает так в самое нужное время его превосходства, как

что и здесь крупное наступление может обнаружить себя заранее. — Р е д.

подобного рода осада. Однако бывают случаи, когда взятие той или другой крепости является совершенно необходимым, раз наступление должно продолжаться, и тогда на осаду следует смотреть как на интенсивное развитие наступления. В подобном положении кризис становится тем напряженнее, чем меньше до него было достигнуто крупных успехов. Об остальном по этому вопросу будет сказано в части, посвященной плану войны.

В походах с ограниченной целью овладение крепостью является обычно уже не средством, а самим смыслом действия; на взятую крепость смотрят как на небольшое, определенное завоевание, а как таковое, она обладает следующими преимуществами перед другими:

1. Крепость является небольшим, резко ограниченным объектом завоевания, не требующим величайшего напряжения сил, почему не приходится опасаться неудачи.

2. При заключении мира крепость можно использовать как предмет обмена.

3. Осада является интенсивным развитием наступления или по крайней мере производит впечатление такового, но не вызывает возрастающего ослабления сил, что неизбежно при всяком другом виде развития наступления.

4. Осада является предприятием, не сопряженным с риском испытать катастрофу.

По всем этим причинам взятие одной или нескольких крепостей обыкновенно становится целью стратегического наступления, неспособного поставить себе более крупную цель.

При выборе крепости как объекта осады в случае каких-либо сомнений нужно руководствоваться:

а) удобством удержания взятой крепости за собою, так как это удобство поднимает ее цену как предмета обмена при заключении мира;

б) наличием средств для осады; при ограниченных средствах следует осаждать лишь небольшие крепости, так как лучше овладеть небольшой крепостью, чем потерпеть неудачу перед большой;

в) фортификационной силой крепости; последняя не всегда пропорциональна значению крепости, и было бы верхом нелепости нести тяжелые жертвы перед очень сильной,

но не имеющей значения крепостью, когда можно избрать объектом атаки менее сильную;

г) вооружением и снабжением крепости и силой ее гарнизона; если крепость снабжена слабо и занята незначительным гарнизоном, то, естественно, взять ее будет легче; но при этом надо заметить, что обилие вооружения, снабжения и сильный гарнизон являются в то же время данной, определяющей ее значение, так как гарнизон и запасы крепости более непосредственно являются частью вооруженных сил неприятеля, чем крепостные верки; поэтому скорее окупит понесенные жертвы взятие крепости с сильным гарнизоном, чем крепости с особо сильными укреплениями;

д) относительной легкостью доставки осадных средств; большинство неудач при осадах происходит вследствие недостачи осадных средств, вызываемой трудностью подвоза; наиболее яркие примеры этого: осада Ландресси принцем Евгением Савойским в 1712 г. и Ольмюца Фридрихом Великим в 1758 г.;

е) и, наконец, надо еще иметь в виду более легкую возможность прикрытия осады.

Осаду можно прикрывать двумя совершенно различными способами во-первых, при помощи укреплений, ограждающих осаждающую армию, т. е. циркумвалационной линией, и, во-вторых, так называемой обсервационной линией. Первый способ уже совершенно вышел из употребления, хотя в его пользу говорит весьма существенный аргумент, а именно: армия наступающего при этом не ослабляет себя разделением сил и избегает, таким образом, основных отрицательных сторон, присущих положению осаждающего. Впрочем, ослабление весьма заметное порождается при этом с другой стороны, так как:

а) длинная циркумвалационная линия требует в большинстве случаев непомерной растяжки сил армии;

б) если бы осажденный гарнизон был приобщен к подходящей ему на помощь армии, то он восполнил бы только ее первоначальную силу; в этих же условиях он является как бы неприятельским корпусом, расположенным внутри нашего лагеря, и при этом корпусом неуязвимым за крепостными валами, на которые он опирается; в тече-

ние некоторого времени его сопротивление не может быть сломлено, что, конечно, в значительной мере усиливает его значение;

в) оборона циркумвалационной линии может быть только абсолютно пассивной, так как она имеет форму кольца с фронтом наружу, самую невыгодную и слабую из всех возможных позиций, крайне препятствующую всем попыткам перехода в наступление. Остается только обороняться в своих окопах до последней крайности. Легко понять, что эти условия могут вызвать гораздо большее ослабление осаждающей армии, чем уменьшение армии, примерно, на одну треть ее состава, когда она переходит в положение обсервационной [1]. Если при этом принять во внимание всеобщее со времени Фридриха Великого отвращение к окопам и увлечение подвижностью, маневрированием и так называемыми наступательными действиями (которые по существу не всегда являются таковыми), нас не должно удивлять, что циркумвалационные линии теперь совершенно вышли из моды. Однако упомянутые слабые места их тактической обороны отнюдь не являются их единственным недостатком, и если мы упомянули о предрассудках, примешивающихся к суждению о циркумвалационных линиях, то перечислим и действительные свойственные им недостатки. Циркумвалационная линия прикрывает в сущности только заключающееся в ее пределах пространство, предоставляя противнику почти весь остальной театр войны, если для его прикрытия не выделены особые отряды, что опять-таки влечет за собой раздробление сил, которого как раз и хотят избежать. При подобной обстановке осаждающий всегда будет испытывать опасения и затруднения хотя бы при подвозе всего необходимого для осады. Да и вообще, если количество необходимых для осаждающей армии припасов и средств достигает внушительных размеров, а неприятель имеет в поле значительные силы, то прикрытие циркумвалационными линиями возможно лишь в обстановке, подобной существующей в Нидерландах, где целая система расположенных вблизи одна от другой крепостей и оборонительных между ними линий прикрывает остальную территорию и

[1] Вследствие выделения одной трети для ведения осады. — Р е д.

значительно сокращает линии подвоза. В эпоху Людовика XIV с группировкой армии еще не связывали понятия театра войны. Так, во время Тридцатилетней войны армии двигались спорадически с места на место, подходя то к одной, то к другой крепости, вблизи которых не было неприятельских отрядов, и осаждали их до тех пор, пока хватало привезенных с собой осадных средств или пока не поспевала на выручку осажденным неприятельская армия. При таких условиях циркумвалационные линии соответствовали обстановке.

В будущем они едва ли найдут себе применение, разве только в том случае, если противник выставит незначительные действующие силы и понятие театра войны по сравнению с самой осадой отойдет на второй план. В таком положении и впредь будет целесообразным держать свои силы сосредоточенными во время осады, что бесспорно придает последней большую энергию.

В эпоху Людовика XIV циркумвалационные линии у Камбре и Валансьена оказались мало действительными; в первом случае, защищаемые принцем Конде, они были взяты приступом Тюренном, а во втором — Конде форсировал подобные же линии Тюренна. Однако не следует забывать, что в бесчисленных других случаях они внушали должное почтение даже тогда, когда налицо была самая настоятельная необходимость освободить осажденную крепость, а полководец обороняющейся стороны отличался большой предприимчивостью. Так, Виллар в 1708 г. не решился атаковать союзников в их линиях у Лилля. Фридрих Великий в 1758 г. под Ольмюцем и в 1760 г. под Дрезденом создал если не подлинные циркумвалационные линии, то оборонительные системы, по существу совпадавшие с последними, так как он одной и той же армией осаждал и прикрывал осаду. Под Ольмюцем прибегнуть к этой мере его побудило удаление, на котором находилась от него австрийская армия, но ему пришлось раскаяться в своем решении вследствие потери транспортов у Домштедтеля. Что тот же прием был применен под Дрезденом, объясняется пренебрежительным отношением Фридриха Великого к имперской армии и той поспешностью, с какою он стремился овладеть Дрезденом.

Наконец, минусом циркумвалационной линии является то обстоятельство, что при наличии ее в случае неудачи трудно спасти осадную артиллерию. Если бы решительный бой происходил на расстоянии одного или нескольких переходов впереди осажденной крепости, то можно снять осаду раньше, чем неприятель успеет приблизиться, и убрать на переход отходящий осадный парк.

В вопросе о расположении обсервационной армии прежде всего необходимо решить, на каком удалении от осажденной крепости ей следует находиться. В большинстве случаев этот вопрос разрешается в связи с условиями местности или положением других армий и отрядов, с которыми осаждающая армия хочет сохранить связь. В остальном нетрудно усмотреть, что при увеличении расстояния достигается лучшее прикрытие осады, а при небольшом расстоянии, не превышающем нескольких миль, армиям, осаждающей и прикрывающей, легче оказать поддержку друг другу.

Глава XVIII

НАПАДЕНИЕ НА ТРАНСПОРТЫ

Атака и оборона транспорта — дело тактики, и о них можно было бы здесь не упоминать, если бы в известной степени не требовалось предварительно установить условия возможности этих действий, что относится к области стратегии. Мы могли бы, конечно, затронуть эту тему, говоря об обороне, но то немногое, что по этому поводу вообще может быть высказано, легко изложить одновременно применительно и к наступлению и к обороне, причем первое в разбираемом вопросе играет главную роль.

Среднего размера транспорт в 300 или 400 повозок с любым грузом растягивается в длину на полмили, более значительный — на несколько миль. Каким же образом можно прикрыть столь растянутый участок теми ничтожными силами, какие обычно сопровождают обозы? Если прибавить к этому еще малоподвижность всей этой массы, ползущей чрезвычайно медленно и находящейся под постоянной угрозой замешательства; если к тому же принять во внимание, что каждую часть транспорта надо прикрывать отдельно,

так как если противник настигнет эту часть, то весь транспорт придет в смятение, — невольно возникает вопрос: возможно ли вообще защищать и прикрывать подобного рода обозы или, иными словами, почему не все атакованные транспорты бывают взяты и почему не все нуждающиеся в прикрытии, т. е. доступные нападению, бывают атакованы?

Ведь бесспорно, что любые тактические меры, как, например, совершенно непрактичное сокращение растяжки транспорта посредством беспрерывного вытягивания и выстраивания его, предлагаемое Темпельгофом, или, что много лучше, разделение его по совету Шарнгорста на несколько колонн, не могут сколько-нибудь существенно ослабить основные невыгоды обороны транспорта.

Разрешение загадки заключается в том, что в подавляющем большинстве случаев безопасность транспортов обеспечивается стратегической обстановкой. В этом преимущество транспортов перед всеми другими частями армии, доступными воздействию на них неприятеля, в этом и причина дееспособности даже ничтожных средств транспортной обороны. Транспорты почти всегда находятся в тылу собственной армии или по меньшей мере на значительном расстоянии от неприятельской. Поэтому против них могут быть направлены лишь небольшие отряды, которые к тому же оказываются вынужденными выделять крупные резервы для прикрытия самих себя. К этому нужно добавить, что вследствие неуклюжести транспортных повозок нападающий, даже захватив их, все же обычно их не увозит, а ограничивается тем, что обрубит постромки, уведет лошадей, взорвет зарядные ящики и т. д., что, конечно, задержит и дезорганизует транспорт, но не погубит его окончательно. Все сказанное достаточно ясно доказывает, что безопасность транспорта зависит в большей степени от общих стратегических условий, чем от силы его прикрытия. А если вдобавок это прикрытие, хотя и не имеющее возможности оказать непосредственной защиты всему транспорту, произведет решительный натиск, то может расстроиться весь план неприятельского нападения. Таким образом, в конце концов оказывается, что нападение на транспорты не только не обещает верного успеха, но, наоборот, представляет

изрядные трудности, и результаты его являются необеспеченными.

Но остается еще главное — возможность возмездия со стороны противника, который, узнав о нападении на его транспорт, захочет отомстить и, чтобы наказать противника, нанесет ему решительное поражение. Боязнь этого заставляет отказываться от множества начинаний, причем настоящая причина такой нерешительности остается неизвестной; ее объясняют наличием прикрытия и недоумевают, как оно, несмотря на свои жалкие возможности, в состоянии внушить к себе так много уважения. Чтобы почувствовать всю справедливость сказанного, вспомним о знаменитом отступлении Фридриха Великого через Богемию в 1758 г. после снятия им осады Ольмюца, когда половина его армии была разбита на отряды для прикрытия обоза, состоявшего из 4 000 фургонов. Что же помешало Дауну напасть на это уродливое чудище? Конечно, страх, что король нападет на него с остальною половиной своей армии и втянет его в сражение, к которому Даун не стремился. Что воспрепятствовало Лаудону у Чишбовиц раньше и решительнее напасть на транспорт, вблизи от которого он все время находился? Опять-таки опасение хорошо получить по рукам. Находясь в 10 милях от своей главной армии, но совершенно от нее отрезанный армией пруссаков, он опасался возможности чувствительного поражения в том случае, если бы король, которого Даун вовсе не связывал, бросился на него с большей частью своих сил.

Транспортам лишь тогда угрожает действительная и большая опасность и, следовательно, лишь тогда они являются выгодным объектом для атаки, когда стратегическое положение армии таково, что она находится в противоестественных условиях и ей доставляют все необходимое не из тыла, а с фланга или даже из впереди лежащей местности. Уже упоминавшийся поход 1758 г. дает нам пример удачного захвата транспорта у Домштедтеля. Дорога в Нейссе тянулась влево от расположения пруссаков, а силы короля были настолько связаны осадой и необходимостью выставить заслон против Дауна, что австрийским партизанам не приходилось опасаться за себя и они могли с полным спокойствием приступить к своему нападению.

В 1712 г. Евгений Савойский во время осады Ландресси подвозил снабжение осадной армии из Бушена через Денен, т. е. по местности, лежавшей перед фронтом его стратегической группировки. Известно, к каким мерам ему пришлось прибегнуть для осуществления прикрытия в столь тяжелых условиях и в какое он попал затруднительное положение, приведшее к коренному изменению всего хода кампании [1].

Окончательный наш вывод сводится к тому, что хотя атака транспортов и представляется с точки зрения тактики предприятием очень легким, но в действительности осуществить ее далеко не так легко по причинам стратегическим, и успеха можно ждать лишь в том случае, если сообщения противника значительно более открыты, чем это имеет место обычно.

Глава XIX

НАПАДЕНИЕ НА КВАРТИРНОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ НЕПРИЯТЕЛЬСКОЙ АРМИИ [2]

Предмет, о котором мы предполагаем говорить здесь, не был рассмотрен нами, когда мы говорили об обороне, так как расквартирование — по существу только состояние, в котором находится армия, а не оборонительное средство, причем это состояние связано с резким понижением боевой готовности. По поводу такой неподготовленности мы ограничили наши суждения тем, что в XIII главе 5-й части было высказано нами о подобном состоянии войск.

Здесь, говоря о наступлении, мы должны упомянуть о квартирном расположении противника, как об особом объ-

---

[1] Для прикрытия подвоза были выделены значительные силы; транспорты двигались между двумя рядами сплошных укреплений. Все же Виллар прорвал у Денена сообщения Евгения Савойского и вынудил последнего отказаться от вторжения во Францию, снять осаду Ландресси и отступить. — Ред.

[2] В современных условиях некоторую отдаленную аналогию с темой этой главы можно усмотреть в наступлении заранее изготовившейся стороны на неприятельскую армию в период ее сосредоточения. — Ред.

екте нападения, тем более что такое нападение носит характер исключительно своеобразный и может оказаться весьма действительным приемом стратегии. Следовательно, речь здесь будет итти не о внезапном нападении на отдельные квартиры неприятеля или на небольшой его отряд, расквартированный в нескольких деревнях, ибо организация такого нападения целиком дело тактики, но о наступлении на значительные силы, более или менее широко разбросанные по квартирам, так что целью наступления явится не нечаянное нападение на часть квартирного района, а воспрепятствование сбору сил противника.

Атака неприятельской армии, расположенной по квартирам, является нападением на не сосредоточившуюся еще армию. Нападение можно назвать удачным, если армия противника не успеет собраться в предварительно намеченном ею пункте и будет вынуждена избрать иной пункт, находящийся в более глубоком ее тылу. А так как отнесение назад этого сосредоточения, производимое в тяжелые минуты, редко бывает меньше, чем на один переход, обычно же достигает нескольких переходов, то оно связывается с потерей территории, и в этом заключается первая выгода, которая выпадает на долю наступающего.

Такое нападение, нацеленное на противника в совокупности, может вначале, конечно, являться и внезапной атакой некоторых участков расквартирования, правда, не всего сразу и даже не многих участков, так как последнее повело бы к значительному расширению фронта наступающей армии и ее разброске, что ни в коем случае не желательно. Из сказанного следует, что нечаянному нападению могут подвергнуться только те участки расквартирования неприятеля, которые лежат на пути наступающих колонн, да и это редко увенчивается полным успехом, так как приближение значительных сил редко остается незамеченным. Тем не менее отнюдь не следует пренебрегать и этим элементом наступления; на достигаемые им результаты мы смотрим, как на вторую выгоду, получаемую от такого нападения.

Третьей выгодой являются те частные бои, в которые будет вынужден втянуться противник; в них он может понести тяжелые потери. Значительная масса войск сосредоточивается на сборный пункт не по-батальонно, а предва-

рительно собирается в бригады, дивизии или корпуса; такие крупные соединения не могут бежать стремглав к назначенному месту и бывают вынуждены, если на них натолкнется неприятельская колонна, вступить с ней в бой. Правда, можно допустить, что следующие к сборному пункту части окажутся победителями, если колонна наступающего недостаточно сильна, но даже в случае победы она теряет время; да и вообще легко понять, что при таких условиях и при общей тенденции поскорей достигнуть позади расположенного пункта победитель едва ли сможет извлечь какую-либо выгоду из своей победы. Но следующие к сборному пункту части могут быть и разбиты, и это тем вероятнее, что у них не будет времени для того, чтобы подготовиться к надлежащему отпору. Поэтому мы вправе предположить, что наступающий при правильно задуманном и хорошо выполненном нападении захватит в этих частных боях значительные трофеи, которые явятся наиболее существенной слагаемой общего успеха.

Наконец, четвертая выгода, венчающая все предприятие, — известная временная дезорганизация неприятельской армии и упадок духа в ней, что редко позволяет немедленно использовать собравшиеся в конце концов силы. Подвергнувшийся нападению обычно бывает вынужден очистить еще часть территории и вообще внести резкие изменения в ход намеченных им операций.

Таковы обычно результаты удачного нападения на неприятельское квартирное расположение, т. е. такого нападения, при котором противник был лишен возможности сосредоточить без потерь свои войска там, где это было предусмотрено его планом. Но размер успеха по природе самого дела может быть самых различных степеней, и результат в одном случае будет весьма значителен, а в другом совершенно ничтожен. Однако даже тогда, когда результаты очень существенны, так как предприятие оказалось чрезвычайно успешным, значение его все же редко можно приравнять к тем выгодам, какие приносит выигрыш генерального сражения; это объясняется отчасти тем, что в первом случае количество трофеев редко бывает столь же значительно, как во втором, а отчасти тем, что моральное впечатление не может расцениваться столь высоко.

Этот общий результат необходимо всегда иметь в виду и не ожидать от рассматриваемого предприятия более того, что оно в состоянии дать. Некоторые считают нападение на квартиры за non plus ultra[1] наступательной деятельности, но, как мы видим из подробного разбора всех его сторон и из опыта военной истории, оно таковым отнюдь не является.

Одним из блистательнейших внезапных нападений было нападение у Дутлингена герцога Лотарингского в 1643 г. на французские квартиры. Французский корпус в 16 000 человек потерял своего командующего генерала Ранцау и 7 000 человек. Поражение было полное; к такому результату привело полное отсутствие сторожевого охранения.

Нападение, которому подвергся Тюренн в 1644 г. под Мергентгеймом (Мариендаль, как его называют французы), по своему результату было равносильно поражению, так как Тюренн из 8 000 человек потерял 3 000. Однако такие потери он понес главным образом потому, что, сосредоточив не полностью свои войска, он преждевременно решился дать противнику отпор. Но на такие действия нормально рассчитывать нельзя; в данном случае это явилось скорее результатом плохо обдуманного сражения, а не самого нападения. Тюренн легко мог избегнуть боя и соединиться с частью войск, занимавшей дальние квартиры.

Третье прославленное нападение было совершено Тюренном в 1674 г. в Эльзасе против армии союзников, находившейся под начальством великого курфюрста, имперского генерала Бурнонвиля и герцога Лотарингского. Трофеи Тюренна были незначительны. Потери союзников не превышали 2 000—3 000 человек, что не могло иметь решающего значения при общей численности армии в 50 000 человек; однако, союзники сочли невозможным дальнейшее сопротивление в Эльзасе и отступили за Рейн. Этот стратегический успех и явился как раз тем, чего Тюренн добивался, но причину успеха не следует искать в самом нападении. Нападение Тюренна расстроило не столько войска противников, сколько их планы, остальное довершили разногласия союзных полководцев и близость Рейна. Вообще это событие

[1] Наивысшую форму, венец. — Ред.

заслуживает более тщательного изучения, так как обычно оно истолковывается ложно.

В 1741 г. Нейперг внезапно напал на расквартирование Фридриха Великого, но весь успех выразился в том, что король был вынужден принять у Мольвица сражение с перевернутым фронтом и с не вполне сосредоточенными силами.

В 1745 г. Фридрих Великий напал на квартиры герцога Лотарингского в Лузации (Лаузице). Главный выигрыш при этом заключался в действительно внезапном нападении на Геннерсдорф, самый значительный из пунктов австрийского расквартирования, причем австрийцы потеряли 2 000 человек. Общий же результат выразился в том, что герцог Лотарингский отступил через верхний Лаузиц в Богемию, что, однако, ему не помешало опять вернуться в Саксонию по левому берегу Эльбы, так что без нового сражения у Кессельдорфа кампания закончилась бы без значительного результата.

В 1758 г. герцог Фердинанд Брауншвейгский внезапно напал на расквартирование французов, потерявших при этом несколько тысяч человек и оказавшихся вынужденными отнести свою группировку за реку Аллер. Но моральное впечатление от нападения, пожалуй, сказалось в дальнейшем и отразилось на последовавшем очищении французами всей Вестфалии.

Если бы мы пожелали подытожить выводы из всех перечисленных примеров, то лишь первый и второй могут быть приравнены по значению своего успеха к выигранному сражению. Но в обоих этих случаях масса была малочисленна и отсутствовало охранение, что чрезвычайно облегчало нападение. Что же касается четырех остальных случаев, то хотя их и следует отнести к числу вполне удавшихся предприятий, они все же никак не могут быть приравнены по своим результатам к выигрышу сражения. Одержанные в них успехи могли быть достигнуты лишь по отношению к противнику со слабой волей и характером; потому-то и не могли добиться успеха в 1741 г. австрийцы, имевшие дело с Фридрихом Великим.

У пруссаков в 1806 г. был выработан план нападения на квартирное расположение французов во Франконии. Обстоятельства этому благоприятствовали: Бонапарт отсутствовал, французские корпуса были разбросаны по широ-

ким квартирам. В этих условиях прусская армия могла рассчитывать, что решительным и быстрым натиском ей удастся с бо́льшими или меньшими потерями отбросить французов за Рейн. Но на большее надеяться было бы неоснова-тельно: не было никаких данных предполагать, что успех может быть развит и возможно будет продолжать преследование за Рейном, или что будет достигнут такой моральный перевес, что французы не осмелятся в эту кампанию опять появиться на правом берегу Рейна.

В начале августа 1812 г., когда Наполеон остановил свою армию на отдых у Витебска, русские предполагали напасть из Смоленска на французское расквартирование. Однако, к счастью для русских, на это у них нехватило смелости, так как не только центральная группа французов превосходила вдвое силы русских, но возглавлял ее самый решительный полководец из всех когда-либо существовавших. Потеря французами пространства в несколько миль сама по себе еще ничего не решала, так как поблизости не было такого рубежа, до которого русские могли бы довести свое наступление и там закрепиться; да и война 1812 г. не была из разряда походов, вяло плетущихся к своему концу, но являлась выполнением серьезного плана наступающего, поставившего своей целью полное сокрушение противника, и потому мелкие выгоды, какие могла бы доставить русским их атака на расквартирование французов, были несоизмеримо ниже поставленной цели и никак не могли уравновесить огромное неравенство условий и сил. Но самая возможность подобной попытки показывает, как неясное представление о действительности этого средства может привести к совершенно ошибочному его применению.

Все сказанное освещает данный предмет как с р е д с т в о с т р а т е г и и. Однако и осуществление его относится не только к тактике, но по самой его природе частично принадлежит к области стратегии, поскольку подобное нападение обычно протекает на довольно широком пространстве и наступающая армия может быть вовлечена в бой по частям, как это обычно и случается, так что вся операция представляет агломерат из отдельных боев. Поэтому нам остается сказать еще несколько слов о наиболее естественной организации подобного наступления.

Важнейшие требования будут следующие:

1. Атаковать неприятельское расквартирование достаточно широким фронтом, так как в таком случае будут иметь место нечаянные нападения на несколько квартирных районов, а другие будут отрезаны и в неприятельскую армию будет внесена дезорганизация. Что же касается числа колонн и интервалов между ними, то это зависит от обстановки.

2. Колонны наступающего должны направляться концентрически к пункту, намечаемому для их соединения, так как и противник в конце концов в большей или меньшей мере сосредоточит свои силы. Пунктом соединения для атакующего будет по возможности сборный пункт противника, или же он может быть выбран на пути его отступления и всего лучше там, где этот путь пересекает какой-либо естественный рубеж.

3. Отдельные колонны при встрече с силами противника должны атаковать их смело и решительно. На их стороне все выгоды обстановки, и потому полный риск уместен. Ввиду этого начальникам отдельных колонн должны быть предоставлены в данном случае большая свобода и полномочия действовать по усмотрению.

4. Планы тактического наступления против первых преграждающих путь отрядов противника должны быть всегда рассчитаны на их обход, так как главного успеха надо ожидать от разъединения неприятельских частей.

5. Каждая колонна должна состоять из всех родов войск и не страдать от отсутствия кавалерии. При некоторых обстоятельствах полезно распределить между этими колоннами всю резервную кавалерию; было бы ошибочно предполагать, что резервная кавалерия, как таковая, может сыграть в данном предприятии существенную роль. Ее в состоянии остановить первая встреченная деревушка, малейший мост, самая незначительная роща [1].

6. Хотя по самой природе нечаянного нападения тре-

---

[1] Резервная кавалерия эпохи Клаузевица представляла собой конницу, предназначенную для нанесения последнего решительного удара на поле сражения; отсутствие огнестрельного оружия, за исключением пистолетов, делало ее негодной для выполнения самостоятельных задач. — Р е д.

буется, чтобы наступающий не выдвигал слишком далеко вперед своих авангардов, однако это относится лишь к моменту приближения к противнику. Раз бой уже начался на фронте неприятельского расквартирования и, таким образом, то, что можно было непосредственно выиграть от нечаянности, уже исчерпано, каждая колонна должна выдвинуть свой авангард из всех родов войск возможно дальше; эти авангарды благодаря большой своей подвижности могут значительно усилить смятение в войсках противника. Лишь этим способом удастся захватить то тут, то там обозы, артиллерию, командированных, отставших, которые обычно тянутся за поспешно снявшимися со стоянки войсками. Такие авангарды должны служить главным средством для обхода и отрезывания отдельных неприятельских частей.

7. Наконец, следует заранее на случай неудачи обдумать путь и порядок отступления и наметить сборный пункт для армии.

Глава XX

ДИВЕРСИЯ

Под словом «диверсия» обычно подразумевают такое нападение на неприятельскую территорию, посредством которого силы противника отвлекаются от важнейшего пункта. Лишь в тех случаях, когда основное намерение заключается именно в этом, а не в захвате объекта наступления, операция получает своеобразный характер; в противном же случае ее следует рассматривать как обычную атаку.

Понятно, что, несмотря на это, диверсия должна иметь все же объект нападения, так как только ценность этого объекта сможет заставить противника выделить часть войск для его защиты. Кроме того, если предприятие и не удастся как диверсия, то овладение подобным объектом должно являться возмещением затраченных на него сил.

Объектами диверсии могут быть: крепости, значительные склады или богатые большие города, особенно столицы, возможность сбора всякого рода контрибуций и, наконец, способствование восстанию недовольных подданных противника.

Что диверсии могут быть полезны — понять нетрудно, но несомненно они приносят пользу не всегда; иногда, напротив, они причиняют только вред. Первое требование к диверсии заключается в том, чтобы она оттянула от главного театра войны больше сил противника, чем мы сами употребили на диверсию. Если бы она отвлекла силы, по количеству только равные нашим, то действие собственно диверсии равнялось бы нулю, а она сама превратилась бы в наступление побочного характера. Вспомогательное наступление, предпринятое при благоприятной обстановке с целью небольшими силами достигнуть непропорционально крупных результатов, например, не затрачивая усилий, захватить важную крепость, — не может быть названо диверсией. Правда, ею часто называют нападение нового противника на государство, находящееся уже в войне, но такое наступление отличается от обычного лишь направлением удара, и потому нет оснований давать ему особое наименование, так как в теории особыми названиями следует обозначать лишь своеобразные явления.

Но для того чтобы более слабые силы привлекли на себя более крупные, необходимо наличие особых обстоятельств, и потому какой-нибудь летучий отряд, высланный в неприятельский район, не затронутый еще войной, не соответствует назначению диверсии.

Если наступающий отправит небольшой отряд в 1 000 человек в неприятельскую провинцию, лежащую вне главного театра войны, с целью собрать там контрибуцию и т. п., то, конечно, можно ожидать, что противник будет не в состоянии воспрепятствовать этому намерению посылкой таких же 1 000 человек и будет вынужден отрядить значительно большее количество своих войск, чтобы обеспечить провинцию от налетов. Но не может ли обороняющийся вместо защиты своей провинции восстановить нарушенное равновесие нападением на нашу, дабы ее подвергнуть той же участи? Следовательно, чтобы отсюда для нас получилось какое-нибудь преимущество, надо установить, что из провинции противника можно извлечь больше, чем из нашей, или что занятие ее угрожает более значительным интересам, чем занятие нашей. Если это так, то несомненно даже очень слабая диверсия способна оттянуть на себя

силы, несравненно большие затраченных нами на нее. Однако по самой природе диверсии ее выгоды уменьшаются с ростом вводимых в дело масс, так как 50 000 человек могут с успехом защищать средних размеров провинцию не только против такого же количества нападающих войск, но и несколько большего. Таким образом, преимущество, получаемое при крупной диверсии, является чрезвычайно сомнительным; чем крупнее диверсия, тем благоприятнее для нее должны быть прочие обстоятельства, чтобы из нее получился какой-либо прок.

Этими обстоятельствами, способствующими диверсии, являются:

а) наличие вооруженных сил, которыми можно располагать для диверсии, не ослабляя главного наступления;

б) наличие у обороняющегося объектов, имеющих большую важность, которым можно угрожать при помощи диверсии;

в) недовольство подданных противника;

г) богатство провинции, могущее доставить значительные средства для войны.

Но если будут предприниматься лишь те диверсии, которые, будучи оценены с этих различных точек зрения, обещают успех, то окажется, что случаев для них представляется не слишком много.

К сказанному следует прибавить еще одно существенное замечание. Каждая диверсия подвергает бедствиям войны такую местность, которой без этого военные действия не коснулись бы; поэтому диверсия вызывает к жизни какие-то новые неприятельские силы, которые сами по себе оставались бы в покое; с этим приходится считаться особенно тогда, когда противник подготовил организацию милиции и народного ополчения. Вполне естественно и подтверждено опытом, что когда тот или иной район внезапно подвергается угрозе вторжения сил противника, а к обороне мер не принято, то все дельные чиновники, которые в нем окажутся, начнут изыскивать и претворять в действительность все мыслимые чрезвычайные мероприятия, способные предотвратить нависшую опасность. Таким путем здесь зарождаются новые силы для сопротивления, и притом в такой фор-

ме, которая напоминает народную войну и легко может ее вызвать.

Это обстоятельство должно быть учтено, дабы не выкопать себе самим могилы.

Экспедиции в Северную Голландию в 1799 г. и на остров Вальхерн в 1809 г. оправдываются с точки зрения диверсии только тем, что использовать иначе английские войска не было возможности; однако, не подлежит сомнению, что диверсии эти в результате увеличили сумму средств сопротивления французов и любая высадка в самой Франции вызвала бы аналогичные последствия. Конечно, угроза высадки на берегах Франции дает много выгод, нейтрализуя значительное количество войск, несущих службу береговой охраны, но сама высадка крупных сил найдет себе оправдание лишь в том случае, если можно рассчитывать на содействие населения какой-либо провинции против своего же правительства.

Чем меньше оснований ожидать на войне крупного решения, тем уместнее диверсии, но вместе с тем и полученный от них выигрыш будет меньше. При подобных обстоятельствах диверсии явятся средством дать движение замирающей на месте массе.

Выполнение

1. Диверсия может заключать в себе подлинное наступление; тогда выполнение ее не носит особого, только ей присущего характера, кроме смелости и быстроты.

2. Диверсия может поставить себе целью произвести более внушительное впечатление, чем то, которого она заслуживает; в этом случае она является одновременно и демонстрацией. Какие особые меры должны быть применены при этом, может подсказать лишь изворотливость ума, хорошо осведомленного об обстоятельствах и людях. При наличии такой цели, естественно, всегда имеет место значительная разброска сил.

3. Если силы довольно значительны, а отступление ограничено лишь некоторыми пунктами, то существенным условием является особый резерв, на который могло бы опереться ведение всей операции.

Глава XXI

ВТОРЖЕНИЕ

То, что мы можем сказать по вопросу о вторжении, сводится почти исключительно к области терминологии. Это выражение встречается часто у новейших писателей, употребляющих его с какой-то претензией обозначить им некое особое явление. Французы постоянно говорят о guerre d'invasion [1], называя так наступление далеко вглубь неприятельской страны, причем противопоставляют это наступление методическому, т. е. такому, которое лишь грызет края страны. Но все это лишь словесная путаница, притом далеко не философского характера. Останавливается ли наступление близ границы или проникает вглубь страны, стремится ли оно прежде всего к захвату крепостей или ищет и непрерывно преследует ядро неприятельских сил, — все это зависит не от той или другой манеры [2], а вытекает из обстановки. В некоторых случаях, несмотря на продвижение далеко вперед, война ведется методичнее и даже осторожнее, чем тогда, когда медлят вблизи границы. В большинстве же случаев далекое вторжение не что иное, как счастливый результат энергично предпринятого наступления, от которого, следовательно, оно ничем не отличается.

КУЛЬМИНАЦИОННЫЙ ПУНКТ ПОБЕДЫ [3]

Не во всякой войне победитель в состоянии окончательно сокрушить своего противника. Часто, и даже в большинстве случаев, наступает кульминационный пункт победы. Опыт войны в достаточной мере указывает на это; но так как этот вопрос является особо важным для теории войны и

---

[1] Буквально — война вторжения, т. е. завоевательная война. Эта глава представляет выпад против Жомини, предостерегавшего против далеких наступлений с широкими завоевательными планами. — Ред.

[2] Выражение «манера» Клаузевиц употребляет в гетевском смысле для характеристики новых явлений эволюции искусства, связанных со своеобразием крупного мастера. — Ред.

[3] Сравн. главы IV и V. — Прим. нем. изд.

ложится в основу почти всех планов кампаний, причем на его поверхности искрятся кажущиеся противоречия, как игра лучей в изменчивых красках, то взглянем на него пристальнее и вскроем его сущность.

Обычно источником победы является перевес суммы всех физических и моральных сил; победа бесспорно увеличивает этот перевес, иначе не добивались бы ее так и не покупали бы ее столь дорогой ценой. Безусловно победа сама по себе усиливает этот перевес; это также относится и к ее последствиям, но не до самого конца, а лишь до известного пункта. Последний может находиться очень близко и иногда лежит так близко, что все последствия победоносного сражения сводятся лишь к усилению морального превосходства. Взаимная зависимость всего этого и будет служить предметом нашего исследования.

По мере хода военных действий вооруженные силы постоянно соприкасаются с одними элементами, наращивающими их, и с другими, умаляющими их. Вопрос сводится к тому, на стороне каких элементов окажется перевес. Всякое уменьшение сил одной стороны надо рассматривать как увеличение сил другой, и этот двойственный поток прилива и отлива имеет место как при продвижении вперед, так и при отходе назад.

Достаточно исследовать основную причину этого изменения в одном случае, чтобы тем самым решить вопрос и в другом.

Главные причины усиления наступающего при его продвижении вперед будут следующие:

1. Потери вооруженных сил обороняющегося, ибо обычно они превышают потери наступающего.

2. Обороняющийся терпит утрату своих мертвых средств борьбы: складов, депо, мостов и пр., между тем как наступающий этих потерь не знает.

3. С момента занятия наступающим части областей противника последний теряет в них источник для содержания и пополнения своих боевых сил.

4. Частичное использование наступающим этих источников, иными словами, использование преимущества жить на счет противника.

5. Потери неприятельским государством внутренней связи и правильности функционирования всех его частей.

6. Союзники противника отступают от него, кое-кто из них присоединяется к наступающему.

И наконец:

7. Уныние в рядах противника, которое может дойти до того, что оружие будет валиться у него из рук.

Причины ослабления при наступлении заключаются в следующем:

1. Наступающий вынужден осаждать, штурмовать или наблюдать за неприятельскими крепостями; возможно, что противник до одержанной над ним победы проделывал все это по отношению к нашим крепостям, но при отступлении он отзывает к себе все выделенные с этой целью силы.

2. С момента вступления на территорию противника изменяются условия театра войны; он становится враждебным нам, приходится им овладевать, так как он принадлежит нам лишь постольку, поскольку мы заняли его; но и занятый нами он затрудняет повсюду работу всего механизма нашей армии, что, несомненно, ведет к ослаблению его действия.

3. Наступая, мы удаляемся от источников нашего снабжения, между тем как противник приближается к своим; отсюда задержка в пополнении израсходованных сил.

4. Угроза неприятельскому государству нередко побуждает другие государства выступить на его защиту.

И наконец:

5. Увеличение опасности вызывает рост усилий противника, тогда как усилия побеждающего государства ослабевают.

Все эти выгоды и невыгоды могут соприкасаться, сталкиваться и затем продолжать свой путь совместно. Лишь упомянутые последними противостоят друг другу как подлинные антитезы и при встрече одна с другой разойтись не могут и друг друга взаимно исключают. Уже это одно показывает, как бесконечно разнородны могут быть последствия победы в зависимости от того, ошеломит ли она противника или, наоборот, побудит его к новым еще более напряженным усилиям.

Мы попытаемся охарактеризовать в нескольких словах каждый перечисленный раздел:

1. Потери неприятельских вооруженных сил могут быть намного значительнее наших в первый момент после понесенного ими поражения, а затем с каждым днем они будут постепенно уменьшаться, пока не достигнут равновесия с нашими потерями; но они могут точно так же и возрастать с каждым днем в нарастающей прогрессии. Решающим фактором явится различие в положении и обстоятельствах. Обычно первое явление наблюдается у хорошей армии, а второе — у плохой; в этих случаях наряду с духом армии решимость правительства играет исключительную роль. На войне крайне важно различать оба эти случая, дабы не останавливаться там, где как раз надо бы начать действовать, и наоборот.

2. Точно так же потери противника мертвыми средствами борьбы могут возрастать и уменьшаться; это находится в зависимости от местоположения и состояния его складов. Впрочем, в наше время подобные потери не имеют по сравнению с другими крупного значения[1].

3. Третья выгода должна, естественно, расти по мере продвижения вперед; более того, она вообще начинает играть известную роль лишь с того момента, когда мы далеко проникаем вглубь неприятельской страны, т. е. когда позади нас остается от одной четверти до трети его территории. Впрочем, в данном случае надо учитывать внутреннюю ценность данного района в военном отношении.

Точно так же с продвижением вперед возрастает и выгода, указанная в п. 4.

Но относительно этих двух последних выгод следует отметить, что их влияние редко сказывается в ближайшем времени на борющихся вооруженных силах. Их влияние распространяется медленно, окольными путями, и потому ради них не стоит слишком сильно натягивать тетиву и ставить себя в опасное положение.

Пятое преимущество сказывается опять-таки лишь тогда, когда наступающий значительно продвинется вперед и кон-

[1] Это не совсем верно даже для времени Клаузевица. Теперь, разумеется, положение прямо противоположно оценке Клаузевица. — Ред.

фигурация неприятельской страны дозволяет отрезать от нее несколько провинций, которые, подобно оторванным членам, обычно скоро отмирают.

По поводу выгод, указанных в пп. 6 и 7, можно с некоторою вероятностью предположить, что они будут возрастать в связи с нашим продвижением вперед, но об этом мы еще поговорим.

Перейдем теперь к причинам ослабления:

1. Вместе с успехом наступления в большинстве случаев умножается необходимость в осаде, штурме или блокаде крепостей. Одно это обстоятельство оказывает настолько сильное влияние на состояние вооруженных сил, что легко может уравновесить все выгоды. Правда, в последнее время начали блокировать крепости небольшими силами или даже ограничиваются мелкими отрядами для наблюдения за ними. К тому же противник также должен выделить гарнизоны для крепостей. Но тем не менее крепость — важный фактор обороны. Гарнизоны обычно лишь наполовину состоят из людей, взятых из действующей армии. Перед крепостью, расположенной вблизи наших линий сообщения, приходится оставлять силы, вдвое превышающие численность гарнизона, а при стремлении начать правильную осаду хотя бы одной значительной крепости или при желании вынудить ее голодом к сдаче необходима небольшая армия.

2. Вторая причина — отсутствие предварительной организации театра войны в неприятельской стране — неизбежно нарастает в своей действенности с продвижением вперед; хотя причина эта и не отражается немедленно на состоянии вооруженных сил, но тем сильнее сказывается на них с течением времени.

Мы можем считать своей только ту часть территории противника, которая нами занимается, т. е. где мы оставили небольшие действующие отряды или расположили гарнизоны — главнейшие города, этапы и т. д. Как ни скупо будут отмерены эти гарнизоны, все же выделение их значительно ослабит наши вооруженные силы. Но это еще не самое существенное.

У каждой армии имеются свои стратегические фланги; мы имеем в виду местность, которая тянется по обе стороны ее сообщений. В таком же положении находится и

неприятельская армия; поэтому слабость этих флангов не столь заметна. Это имеет место, пока армия находится в собственной стране; но если мы окажемся на неприятельской территории, то слабость эта станет весьма чувствительной; при растянутых сообщениях, притом слабо или вовсе не прикрытых, самое незначительное покушение на них противника обещает известный успех, а такие покушения в неприятельской стране возможны повсюду [1].

Чем дальше продвинемся мы, тем фланги [2] становятся длиннее и опасность увеличивается в возрастающей прогрессии; создать для них надежное прикрытие очень трудно, а растянутость и беззащитность сообщений являются главной причиной, порождающей дух предприимчивости у противника. Последствия же утраты сообщения в случае отступления могут оказаться серьезными.

Все это вместе взятое создает для армии с каждым ее шагом вперед все увеличивающееся бремя, и если у нее вначале не было исключительного превосходства, то размах ее планов постепенно суживается, ее ударная сила слабеет и она в конце концов начинает испытывать беспокойство и неуверенность в своем положении.

3. Третья причина — отдаленность от источников, которые должны беспрерывно пополнять столь же беспрерывно тающие вооруженные силы. Армия, движущаяся на завоевание, подобна пламени в лампе: чем ниже становится уровень питающего ее масла, тем больше становится расстояние между пламенем и маслом, и пламя делается меньше, пока не погаснет совершенно.

Правда, богатство завоеванного края может в значительной мере уменьшить зло, но никогда не устранит его полностью; ведь многое возможно получить лишь из собственной страны, хотя бы, например, людей. Далее, заготовки в неприятельской стране обычно не производятся с такою быстротой и надежностью, как в своей собственной, и внезапно возникшую потребность нельзя так скоро удовле-

[1] О безопасности сообщений наступающего, стремящегося к нанесению решительного удара, см. в конце главы XV части 7-й. — Ред.

[2] Под флангом здесь надо разуметь употребляемое в фортификации выражение «фланк», т. е. линию обороны, перпендикулярную к общей линии фронта. — Ред.

творить, а недоразумения и ошибки всякого рода не так легко выявить и исправить.

Если глава государства не самолично ведет армию, что случается все чаще, если он от нее находится на расстоянии, то возникает новое и значительное неудобство, заключающееся в потере времени на непрестанные запросы и донесения, так как даже и наиболее широкие полномочия не могут охватить всей обширной области деятельности полководца.

4. Изменения в политических отношениях. Если такие изменения, вызванные победой, направляются во вред победителю, то нарастание вражды к нему, по всей вероятности, будет пропорционально его победоносному продвижению вперед; та же зависимость сохранится и в случае перемены отношений в его пользу. В подобном случае все зависит от существующих политических связей, взаимоотношений, интересов, политических течений, от монархов, их министров, от фаворитов и любовниц и т. д. В общем можно лишь сказать, что когда терпит поражение большое государство, у которого есть мелкие союзники, то они обычно торопятся отречься от него, так что победитель с каждым нанесенным им ударом становится сильнее; но если побежденное государство невелико, то оно приобретает себе покровителей всего скорее тогда, когда опасность будет угрожать самому его существованию, и в этом случае другие государства, помогавшие расшатывать его, возможно обратятся против победителя, чтобы воспрепятствовать окончательному уничтожению побежденного.

5. Рост неприятельского сопротивления. Бывает, что побежденный ошеломлен настолько, что под влиянием страха выпускает из своих рук оружие, а иногда бывает, что побежденного охватывает такой пароксизм воодушевления, что все берутся за оружие и сопротивление после первого поражения становится во много раз сильнее. Для того чтобы предвидеть, что именно последует, надо учитывать характер народа и его правительства, природу страны и ее политические связи.

Одни только обстоятельства, указанные в двух последних пунктах, вносят нескончаемое разнообразие в планы, которые в том или другом случае составляются и должны

быть составляемы. Поэтому случается, что один упускает счастье своею боязливостью или так называемыми методическими действиями, а другой вследствие необдуманности попадает в пучину гибели.

Не забудем еще и ослабления энергии, которое нередко проявляется у победителя, когда опасность удаляется, между тем как именно тогда требуются новые усилия, чтобы использовать победу. Окинув одним взглядом все эти различные и противоречивые начала, мы приходим к твердому убеждению, что использование победы и продвижение вперед при наступательной войне в большинстве случаев умаляют то превосходство сил, с которыми наступление было начато или которое было приобретено победой.

Здесь невольно рождается вопрос: но если это так, то что же побуждает победителя стремиться по орбите своей победы и продолжать наступление? И можно ли еще называть это использованием победы? Не лучше ли было бы остановиться, пока еще вовсе не началось уменьшение достигнутого перевеса?

На это, конечно, следует ответить, что перевес сил является не целью, а средством. Цель же заключается или в том, чтобы сокрушить врага, или по меньшей мере в том, чтобы отнять у него часть его территории, чтобы извлечь из этого выгоду если не для данного состояния вооруженных сил, то для ведения войны и заключения мира. Даже когда мы намереваемся окончательно сокрушить врага, все же приходится мириться с тем, что наш каждый шаг вперед уменьшает наше превосходство; отсюда еще отнюдь не следует, что это превосходство превратится в нуль раньше, чем прекратится сопротивление противника; прекращение последнего может последовать и раньше. А если сокрушение противника возможно при том минимуме перевеса, который у нас еще остается, то было бы ошибкой не использовать его.

Итак, перевес, который имеется или приобретается на войне, является не целью, а только средством, которое следует использовать для достижения цели. Но надо знать пункт, до которого перевес простирается, дабы не перейти через него и не пожать позора вместо новых успехов.

Нам нет необходимости доказывать примерами, что стра-

тегический перевес именно так исчерпывается в стратегическом наступлении; напротив, множество таких явлений и заставило нас искать их сокровенные причины. Только с появлением Бонапарта нам стали известны войны между цивилизованными народами, в которых перевес непрерывно сохранялся до прекращения неприятельского сопротивления[1]. До Бонапарта всякая кампания заканчивалась тем, что победоносная армия старалась достигнуть такого пункта, на котором она могла бы удерживаться в состоянии равновесия с противником. По достижении этой точки победное шествие прекращалось, а иногда оказывалось необходимым даже отступление. Этот кульминационный пункт победы найдет свое место и в будущем во всех войнах, в которых сокрушение противника не сможет явиться целью военных действий, а войны такого рода и в будущем будут представлять большинство. Достижение повторного пункта от наступления к обороне — естественная цель каждого конкретного плана кампании.

Переступив за указанный предел, мы не только будем напрасно напрягать наши силы, что не даст никаких дальнейших успехов, но будем расходовать их пагубно, вызывая реакцию, и притом такую, которая по незнающему исключений историческому опыту ведет к совершенно несоответственным по тяжести последствиям. Это явление так обычно и так естественно, что нам нет надобности обстоятельно излагать все его причины. Главнейшие из них во всех случаях: во-первых, победитель не успел еще устроиться на завоеванной территории и, во-вторых, воздействие на армию резкого контраста между случившейся крупной неудачей и ожидаемыми новыми успехами. В подобных положениях особое значение получают силы морального порядка, подъем духа, доходящий до дерзости, у одной из сторон и уныние у другой. Поэтому при отступлении потери становятся больше, и вчерашний победитель обычно благодарит судьбу, если ему удастся отделаться одним лишь возвращением завоеванного без утраты части собственной территории.

---

[1] После Наполеона Мольтке старшему удалось в кампаниях 1866 и 1870 гг. сохранить до конца этот перевес. — Ред.

Здесь нам надо устранить кажущееся противоречие.

Казалось бы, что до тех пор, пока наступление продолжается, перевес сил сохраняется на его стороне, а так как оборона, завершающая победный путь, является более сильной формой ведения войны, чем наступление, то невелика опасность, что наступающий, перейдя к обороне, неожиданно окажется слабейшей стороной. А, между тем, это так, и мы должны согласиться с историческим опытом, что наибольшая опасность поворота колеса фортуны рождается именно тогда, когда наступление ослабевает и переходит в оборону. Каковы же причины этого явления?

Превосходство, признанное нами за оборонительной формой ведения войны, основано на: а) использовании местности; б) обладании подготовленным театром войны; в) содействии населения; г) выгодах выжидания.

Ясно, что все эти начала не всегда налицо и не всегда в равной степени сохраняют свое значение, а потому не всегда одна оборона походит на другую и обладает одинаковым превосходством над наступлением. В особенности последнее относится к тем случаям, когда приходится обращаться к обороне после исчерпавшего себя наступления. Обычно театр войны принимает в этом случае форму треугольника, в выдающейся вершине которого расположена наступавшая армия. Тогда перешедший к обороне пользуется из всех нами перечисленных начал первым (использованием условий местности). Выгода от предварительной подготовки театра войны абсолютно отсутствует, деятельность населения направлена в отрицательную сторону, а выгоды от ожидания совершенно ничтожны; причину этого мы сейчас объясним.

Часто целые кампании не дают никаких результатов вследствие равновесия, существующего только в воображении. У той стороны, которой надлежало бы действовать, нехватает должной решимости. Именно в этом мы и усматривали преимущество выжидания. Но когда это равновесие нарушается наступательными действиями, затрагивающими интерес неприятеля, то последний вынуждается к ответному действию; нет больше оснований надеяться, чтобы он предавался попрежнему праздной нерешительности. Притом оборона, организованная на неприятельской территории,

носит значительно более вызывающий характер, чем оборона на своей собственной — ей, так сказать, привиты элементы наступления, чем, по существу, она ослаблена. Если Даун не беспокоил Фридриха II в Саксонии и Силезии, то в Богемии такое спокойствие с его стороны, конечно, не имело бы места.

Итак, ясно, что оборона, вкрапленная в наступление, будет являться ослабленной в своих основных устоях и уже не выявит первоначально присущего ей превосходства.

Как ни одна оборонительная кампания не может состоять только из элементов обороны, так и кампания наступательная не состоит из элементов одного лишь наступления, так как помимо тех коротких промежуточных периодов, когда обе враждующие армии находятся в состоянии обороны, всякое наступление, которого нехватает для заключения мира, неизбежно заканчивается обороной[1].

Таким-то образом сама оборона способствует ослаблению наступления. Это не праздное остроумие силлогизма; мы усматриваем главнейший минус наступления в том, что оно с течением времени переходит в безусловно невыгодную оборону.

Мы объяснили, каким путем постепенно уменьшается первоначальное различие в силе между наступательной и оборонительной формой ведения войны. Теперь покажем, как это различие может исчезнуть совершенно и как на короткое время эти формы ведения войны в отношении своей силы могут поменяться местами.

Для того чтобы изложить нашу мысль более кратким образом, да будет нам позволено указать на одно явление природы. В мире материи каждая сила способна проявить свое действие лишь при условии достаточного для этого

---

[1] План Шлиффена стремился во что бы то ни стало избежать этого конечного перехода к обороне, и с этой целью Шлиффен добивался всеми средствами колоссального перевеса на заходящем правом фланге, нагромождая на нем в затылок друг другу четыре оперативных эшелона (второй — для осады Антверпена и борьбы с англичанами, третий — для захвата Кале и побережья Франции, четвертый — для осады Парижа). Последующие оперативные эшелоны Шлиффена были именно и предназначены для противодействия моментам, ослабляющим наступление, о которых говорит здесь Клаузевиц. — Ред.

времени. Сила, которая способна остановить движущееся тело, им преодолевается, если она воздействует на него медленно и постепенно и если продолжительность воздействия недостаточна. Этот закон из области физической природы представляет точную аналогию некоторых проявлений нашей внутренней жизни. Если что-нибудь придало нашим мыслям известное направление, то не всякая, хотя бы сама по себе и достаточная причина в состоянии изменить его или задержать ход мыслей. Для этого необходимо время, покой и непрерывность воздействия на сознание. То же самое наблюдается и на войне. Если наш дух устремился вперед к какой-нибудь цели или обратился вспять к какой-либо спасительной гавани, то легко может случиться, что те основания, которые должны бы остановить нас в первом случае или побудить к деятельности во втором, не всегда будут ощущаться во всей их силе. А так как действие идет своим порядком, то увлекаемый движением человек, сам того не замечая, легко переходит границу равновесия и оказывается по ту сторону кульминационного пункта. Бывает даже, что наступающему, поддерживаемому моральными силами, хотя его физические силы и исчерпаны, все же легче двигаться вперед, чем остановиться; в этом случае он подобен лошади, которая тащит тяжесть в гору. Кажется, что, не впадая во внутреннее противоречие, мы достаточно обосновали сказанным то, что наступающий способен перешагнуть через тот пункт, остановившись на котором и перейдя к обороне, он мог бы рассчитывать на успех, т. е. на сохранение равновесия. Поэтому весьма важно, чтобы как наступающий, так и обороняющийся, составляя план кампании, правильно определили бы этот пункт, дабы первый из них не развивал операции свыше своих сил, так сказать, не влезал в долги, а второй смог бы догадаться о невыгодном положении противника и воспользоваться этим.

Теперь бросим взгляд назад на все то, что должен иметь в виду полководец при определении положения этого пункта, причем не забудем, что значимость важнейших факторов и направления, в котором они будут действовать, не только придется выводить, анализируя множество близких и отдаленных отношений и обстоятельств, но придется про-

сто угадывать. Придется угадывать, окрепнет ли и уплотнится ли ядро неприятельской армии после первой ее неудачи или же оно рассыплется в прах подобно графину из болонского стекла, когда на его поверхности сделана царапина. Придется угадывать, в какой степени парализует и ослабит воюющее государство противника перерыв некоторых линий сообщений и прекращение поступлений из тех или иных источников. Придется угадывать, свалится ли противник, изнемогая от жгучей боли полученной раны, или же, как раненый бык, придет в ярость. Наконец, необходимо угадать, какое чувство овладеет соседними державами — страх или негодование, и какие политические узы будут разорваны или закреплены. Все это, как и многое другое, полководец должен разгадать своей интуицией с такою же точностью, с какой хороший стрелок попадает в центр мишени. Нельзя не признать известного величия за таким актом человеческого разума. Наше суждение может уклониться с верной дороги по тысячам путей, расходящихся и скрещивающихся в различных направлениях. И если множество, запутанность и разнообразие вставших перед нами вопросов не смогут еще нас придавить, то над нами еще нависает ответственность и опасность.

Вот почему большинство полководцев охотнее останавливается задолго до предела, чем подходит к нему вплотную; и, наоборот, блестящая отвага и выдающаяся предприимчивость часто дают перелет и, таким образом, совершают непоправимый промах. Лишь тот, кто с малыми средствами совершает великое, действительно метко попадает в поставленную цель.

НАБРОСКИ К ВОСЬМОЙ ЧАСТИ

ПЛАН ВОЙНЫ

Глава I

ВВЕДЕНИЕ [1]

В главе о сущности и цели войны [2] мы до известной степени набросали общую схему понятия о ней и наметили ее отношение ко всему с ней связанному, дабы начать наше исследование на основе верных представлений. Мы коснулись тех разнообразных трудностей, с которыми при этом встречается наш разум, и, отложив на будущее их ближайшее рассмотрение, остановились на том выводе, что сокрушение неприятеля, следовательно уничтожение его вооруженных сил, составляет основную цель военной деятельности. Это дало нам возможность в следующей главе показать, что единственным средством военной деятельности является лишь бой. Полагаем, что это утверждение поставило нас для начала на правильную точку зрения.

Затем мы рассмотрели в отдельности заслуживающие внимания отношения и формы военной деятельности, встречающиеся за пределами боя, чтобы точнее оценить их значение — частью в зависимости от природы данного пред-

[1] Часть восьмая, являющаяся лишь наброском первых глав, представляет наиболее ценную часть труда Клаузевица. Первые шесть глав представляют широкое развитие мыслей, изложенных только конспективно в I и II главах 1-й части. Глава IX, посвященная плану войны, представляет основу, из которой исходили все оперативные проекты прусского генерального штаба, начиная с Мольтке старшего и до Шлиффена включительно. — Р е д.

[2] Часть 1-я, глава I. — Р е д.

мета, частью на основании данных военно-исторического опыта. При этом нашей задачей являлось очищение их от туманных, двусмысленных представлений, обычно с ними связанных, и выдвижение на первый план самого главного — подлинной цели военной деятельности, т. е. уничтожение неприятеля. Здесь речь будет итти о плане войны и кампании, что возвращает нас вновь к войне как целому и вынуждает связать наше изложение с воззрениями, выдвинутыми в 1-й части нашего труда.

Теперь на очереди главы, которые должны рассмотреть все вопросы в их совокупности и охватить подлинную стратегию во всем ее объеме и сущности. В самые недра стратегии, где сходятся все ее нити, мы вступаем не без некоторой робости, которая, впрочем, находит себе полное оправдание.

С одной стороны, военная деятельность представляется в высшей степени простой. Мы часто слышали и читаем, как просто и безыскусственно говорили о ней величайшие полководцы; по их словам управление и приведение в движение тяжеловесной армейской машины, состоящей из сотни тысяч различных членов, отходит совершенно на второй план перед их личностью, и, таким образом, весь исполинский акт войны в его целом индивидуализируется в своего рода единоборстве двух вождей. При этом мотивы их действий кажутся обусловленными немногими простыми представлениями, а порою несложным душевным побуждением; создается впечатление, что полководцы приступают к делу легко, уверенно, хотелось бы даже сказать — легкомысленно. Но, с другой стороны, мы усматриваем бесчисленное множество обстоятельств, в которых должен разобраться анализирующий разум полководца, огромные и часто неопределенные расстояния, на которые тянутся отдельные связывающие их нити отношений, и множество комбинаций. И мы должны помнить обязанность, лежащую на теории, все это охватить систематически, т. е. с совершенной ясностью и исчерпывающей полнотой, и для всякого действия указать достаточные основания. При этом, вполне естественно, нами овладевает сильнейшее беспокойство, как бы нам не опуститься до школьного педантизма, туда, где, ползая по подвалам тяжеловесных понятий, мы на пути своего ана-

лиза ни разу не встретимся с мышлением великих полководцев, одним взглядом охватывавших существо дела. Если результат теоретических усилий привел бы к этому, то, пожалуй, лучше было бы вовсе к ним не приступать. Они навлекли бы пренебрежительное отношение к теории со стороны таланта; такая теория обречена на скорое забвение. С другой стороны, этот свободный глазомер полководца, эта простота представлений, эта персонификация всей военной деятельности до такой степени составляют самый корень хорошего ведения войны, что лишь в условиях этой широты можно мыслить ту свободу духа полководца, которая является необходимой, чтобы властвовать над обстоятельствами, а не быть ими подавленной.

Не без робости делаем мы следующий шаг; он может быть направлен лишь по пути, намеченному нами с самого начала. Теория должна ярко осветить всю массу обстоятельств, дабы уму легче было среди них ориентироваться; она должна вырвать плевелы, которым заблуждение дало возможность повсюду прорасти; она должна вскрыть взаимоотношения явлений, отделить существенное от несущественного. Там, где представления сами собою складываются в такое ядро истины, которое мы называем принципом, там, где они сами устанавливают такой порядок, который мы называем правилом, на обязанности теории это отметить.

То, что ум вдохнет в себя во время этого странствования среди фундаментальных понятий предмета, те лучи, которые засияют в нем самом, в этом и заключается та польза, которую может дать теория. Она не может снабдить его готовыми формулами для разрешения практических задач; она не может указать обязательный для него путь, огражденный с обеих сторон принципами. Теория способна лишь направить пытливый взгляд на совокупность явлений и их взаимоотношения и затем отпускает человека в высшую область действия. Там, собрав в мере их развития все свои природные силы, он будет действовать уже сам в сознании истинного и правильного, выражающегося в конкретной, ясной мысли, рожденной воздействием всех этих сил, но кажущейся скорее результатом чувства, чем мышления.

Глава II

ВОЙНА АБСОЛЮТНАЯ И ВОЙНА ДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ

План войны обнимает собой все проявления военной деятельности в целом и объединяет ее в особое действие, имеющее единую конечную цель, в которую сливаются все отдельные частные цели.

Война не начинается, — или во всяком случае не следует, действуя разумно, начинать войну, — пока не будет установлено, чего мы хотим достигнуть посредством войны и в течение ее. В первом заключается смысл войны, второе является ее целью [1]. Из этой основной мысли вытекает все руководство войной, определяется размер потребных средств и мера энергии; влияние ее распространяется вплоть до самых мельчайших проявлений деятельности.

В первой главе мы сказали, что естественной целью военной деятельности является сокрушение противника и что если оставаться на строго философской точке зрения, то другой цели военной деятельности и быть не может.

Так как это представление распространяется на обе воюющие стороны, то отсюда следовало бы, что в военной деятельности не может быть пауз, и покой не может наступить до тех пор, пока одна из двух борющихся сторон не будет действительно сокрушена.

В главе о паузах в военных действиях [2] мы показали, как чистый принцип вражды, приложенный к носителю его, человеку, и ко всем обстоятельствам, из коих слагается война, подвергается воздействию сдерживающего и умеряющего начала, вытекающего из внутренних свойств механизма войны.

Но этого ограничения совершенно недостаточно для того, чтобы мы могли перейти от первичного понятия войны к конкретному образу ее, какой мы почти повсюду встречаем в действительности. Большинство войн только кажется взрывом взаимного возмущения, когда каждый хватается за оружие, чтобы защищать себя самого, а другому вну-

---

[1] Т. е. политический смысл войны и конечная военная цель. — Ред.

[2] Часть 3-я, глава XVI. — Ред.

шить страх и при случае нанести ему удар [1]. Таким образом, мы здесь не видим двух взаимно уничтожающих друг друга стихий, вступивших в соприкосновение. Перед нами пока лишь напряжение двух еще отделенных стихий, разряжающееся отдельными небольшими ударами.

В чем же заключается эта изолирующая перегородка, препятствующая полному разряду? Почему философское представление о войне оказывается недостаточным? Эта перегородка заключается во множестве явлений, сил, отношений, которыми война соприкасается с государственной жизнью; через образуемый ими лабиринт нельзя провести логическое заключение простейшим путем, при помощи двух-трех силлогизмов; логическая последовательность теряется в его извилинах, а человек, привыкший и в малом и великом действовать, руководствуясь скорее отдельными господствующими понятиями и чувствами, чем строгой логикой, едва ли будет сознавать в данном случае всю неясность, половинчатость и непоследовательность своих действий.

Но если бы разум, предопределяющий войну, и мог действительно охватить сразу все эти обстоятельства, не теряя ни на одно мгновение своей цели из виду, то этого нельзя ждать от всех прочих умов в государстве, имеющих значение в данном случае; таким образом, возникает известное противодействие, а вместе с ним для преодоления инерции всей массы потребуются усилия; последние обычно оказываются недостаточными.

Такая непоследовательность имеет место то у одной, то у другой стороны, то у обеих вместе и тем самым становится причиной того, что война обращается в нечто совершенно отличное от того, чем она должна была бы быть по своей идее; она становится чем-то половинчатым, лишенным внутренней связи.

Именно такова война почти повсюду, и можно было бы усомниться в том, что наше представление об абсолютном ее существе имеет какую-либо реальность, если бы мы не

---

[1] Это предложение выписано по-немецки В. И. Лениным, отчеркнуто трижды и снабжено следующим замечанием: «Все войны таковы, что оба только защищаются». — Р е д.

наблюдали как раз в наши дни действительную войну в ее абсолютном совершенстве. После краткой прелюдии, разыгранной французской революцией, ни перед чем не останавливавшийся Бонапарт быстро поднял войну на эту ступень. Под его руководством ход войны безудержно развивался до полного разгрома противника. Почти столь же безудержно последовал и обратный удар. Вполне естественно и логично, что это вернуло нас к первичной идее войны с неумолимо вытекающими из нее заключениями.

Должны ли мы на этом закрепиться и с этой точки зрения судить о всех войнах, как бы далеко они ни уклонялись от первоначальной идеи, и соответственно воздвигать всю теоретическую постройку?

Мы теперь же должны решить этот вопрос, так как, не установив своей точки зрения на то, должна ли война быть только приближающейся к абсолюту или она может быть и иною, мы не сможем сказать что-либо основательное о плане войны.

Если мы остановимся на первом, то наша теория будет во всех своих частях ближе к подлинно необходимому, явится более ясной и законченной. Но что же придется нам тогда сказать по поводу всех тех войн, которые велись со времени Александра Македонского, за исключением некоторых походов римлян, вплоть до Бонапарта? Нам пришлось бы их отвергнуть гуртом; но едва ли достойно взять на себя такую смелость. А что всего хуже — нам пришлось бы сказать себе, что в ближайшее десятилетие наперекор нашей теории может снова произойти подобная же война и что эта теория, вооруженная могучей логикой, окажется все же немощной перед силой обстоятельств. Поэтому нам придется примириться с тем, чтобы конструировать войну не из ее голого понятия, а признав право на соответственное место за всем чуждым, что к ней примешивается и с нею связывается, и отдав должное естественной тяжеловесности и трению частей, всей непоследовательности, неясности и слабости человеческого духа. Мы должны усвоить себе тот взгляд, что получаемый войною облик вытекает из господствующих в данный момент идей, чувств и отношений. Более того, чтобы быть совершенно искренними, мы должны будем сознаться, что это имело место даже и тогда,

когда при Бонапарте война приняла свой абсолютный облик [1].

Если мы должны так поступить, то надо признать, что война возникает и получает свой облик из конечного согласования не всех бесчисленных отношений, которые она затрагивает, а лишь некоторых из них, являющихся в данный момент господствующими; отсюда само собой вытекает, что она покоится на игре возможностей и вероятностей, счастья и несчастья, среди которых зачастую бесследно исчезает последовательность строгих логических заключений; логика вообще при этом оказывается весьма беспомощным и неудобным инструментом нашего мозга. В конце концов приходится согласиться, что война [2] является такой вещью, что может быть то в большей, то в меньшей степени войной.

Все это теория должна признать, но ее обязанность все же поставить во главу угла абсолютной облик войны и использовать его как общий ориентир, дабы стремящийся что-либо почерпнуть из теории приучался никогда не упускать его из виду, рассматривал бы его как основной критерий всех своих надежд и опасений, дабы приблизиться к нему, где он м о ж е т или когда он д о л ж е н.

Не подлежит сомнению, что основное представление, являющееся фундаментом нашего мышления и деятельности, придает им известный тон и характер даже тогда, когда ближайшие решающие мотивы исходят из совершенно иной сферы; так живописец придает своим картинам тот или другой колорит помощью красок, которые он накладывает для грунтовки.

Если теория может это успешно выполнить в наши дни, то этим она обязана последним войнам. Без таких предостерегающих примеров разрушительной силы разнузданной стихии теория напрасно бы кричала до хрипоты: никто не поверил бы тому, что ныне пережито всеми.

Разве Пруссия дерзнула бы в 1798 г. [3] вторгнуться во

---

[1] Последние семь слов выписаны В. И. Лениным. — Р е д.

[2] Со слова «война» и до конца абзаца немецкий текст выписан В. И. Лениным, сопроводившим эту выписку ссылкой на главу и замечанием в скобках: «диалектика». — Р е д.

[3] Описка автора; надо читать в 1792 г. — Р е д.

Францию с армией в 70 000 человек, если бы она могла предвидеть, что в случае неудачи обратный удар опрокинет все старые устои европейского равновесия?

Разве Пруссия рискнула бы в 1806 г. выступить против Франции с армией в 100 000 человек, если бы она подозревала, что первый же пистолетный выстрел явится искрой, брошенной в минный очаг, от взрыва которого она взлетит на воздух?

Глава III

А. ВНУТРЕННЯЯ СВЯЗЬ ЯВЛЕНИЙ ВОЙНЫ

В зависимости от того, имеем ли мы в виду абсолютный облик войны или какой-либо другой, более или менее разнящийся от него, у нас возникают два различных взгляда на успехи военных действий.

При абсолютном облике войны, когда все логически вытекает из необходимых оснований и все быстро сцепляется одно с другим, когда, если можно так выразиться, не остается места безличному, нейтральному промежутку, вся война полна многообразным взаимодействием [1]; тесная связь охватывает весь ряд следующих один за другим боев [2]; кульминационный пункт, имеющийся у всякой победы, определяет пределы, за которыми начинается область потерь и поражений [3]; все эти естественные в ходе войны отношения, утверждаем мы, допускают возможность лишь одного успеха, а именно — конечного успеха. До конечного успеха ничего не решено: ничего не выиграно, ничего не потеряно. Здесь следует постоянно напоминать, что только конец венчает дело. При таком представлении война является неделимым целым, части которого (отдельные успехи) имеют цену лишь в их отношении к этому целому. Завоевание Москвы и половины России представляло интерес для Бонапарта лишь в том случае, если бы оно привело его к намеченному им миру. Но оно являлось лишь частью его плана кампании, и недоставало еще другой — разгрома

---

[1] Часть 1-я, глава I. — Прим. нем. изд.

[2] Часть 1-я, глава II. — Прим. нем. изд.

[3] Часть 7-я, главы IV и V и приложение к последней о кульминационном пункте победы. — Прим. нем. изд.

русской армии. Если представить себе осуществление этого разгрома плюс прочие успехи, то надо считать достижение этого мира обеспеченным, насколько вообще обеспечение возможно в вопросах этого рода. Выполнить эту вторую часть плана Бонапарту не удалось, ибо он упустил подходящий для разгрома момент; в конечном счете все успехи по первой части плана оказались не просто бесполезными, но и гибельными.

Этому взгляду на общую связь военных успехов, который можно рассматривать как крайний, можно противопоставить другое крайнее представление, согласно которому течение войны слагается из отдельных, самодовлеющих успехов, причем, как в карточной игре, предыдущий розыгрыш не оказывает никакого влияния на последующий; таким образом, здесь все сводится лишь к сумме результатов, и каждый из них можно отложить, как игральную фишку.

В той же мере как первое представление черпает свою истинность в самой природе войны, так и второе подтверждает свою правильность ссылками на историю. Бывает множество случаев, когда можно достигнуть небольшого, умеренного успеха, не связывая себя какими-либо отягчающими условиями. Чем умереннее будет стихия войны, тем чаще будут иметь место подобные случаи; но точно так же, как никогда не бывало, чтобы первый взгляд оправдался полностью, так не бывает и войн, которым отвечал бы исключительно второй взгляд, так чтобы можно было вовсе обойтись без первого.

Если мы будем держаться первой точки зрения, то легко усмотрим необходимость рассматривать с самого начала каждую войну как единое целое; с первого же шага вперед полководец должен иметь в виду ту цель, к которой тянутся все нити.

Если мы станем на вторую точку зрения, то можно задаваться второстепенными выгодами ради них самих, предоставляя все остальное дальнейшему ходу событий.

Каждый из этих взглядов ведет к соответственным выводам, и теория не может обойтись ни без одного, ни без другого. Но разница в способе, коим она пользуется тем и другим, заключается в том, что она требует, чтобы пер-

вое представление как коренное всегда бралось за основу, а второе использовалось лишь для поправок в зависимости от особых обстоятельств.

Когда Фридрих Великий в 1742, 1744, 1757 и 1758 гг. каждый раз вгонял из Силезии и Саксонии новый наступательный клин в австрийское государство, то он хорошо сознавал, что это не приведет к новому прочному завоеванию, подобно завоеванию Силезии и Саксонии; он поступал так не потому, что намеревался этим путем сокрушить австрийское государство, но потому, что он преследовал иную, второстепенную цель: выиграть время и усилиться, чего было возможно достичь, не ставя на карту всю свою судьбу.

Но разумное достижение Пруссией в 1806 г. и Австрией в 1805 и 1809 гг. еще более скромной цели — прогнать французов за Рейн — требовало прежде всего, чтобы они окинули мысленным взором весь ряд событий, которые, вероятно, последовали бы за первым их шагом как в случае удачи, так и неудачи, вплоть до заключения мира. Это являлось абсолютно необходимым для того, чтобы окончательно решить, до какого предела можно, не подвергая себя опасности, использовать свою победу, и как и где можно будет остановить победное шествие неприятеля.

Внимательное рассмотрение исторических фактов укажет нам, в чем заключается различие обоих случаев. В XVIII веке, во время Силезских войн, война была исключительно только делом кабинетов, народ принимал в ней участие лишь в качестве слепого орудия. В начале же XIX века на чашки весов были брошены народы обеих сторон[1].

Полководцы, противостоявшие Фридриху Великому, были людьми, выполнявшими поручение, а потому и людьми, характерной чертой коих являлась опасливая осторожность, противником же австрийцев и пруссаков был, говоря коротко, сам бог войны.

Различие этих обстоятельств не должно ли было обусловить и совершенно разные соображения? Не следовало ли

---

[1] В. И. Ленин выписал по-немецки два вышестоящих предложения и отметил: «XVIII и XIX в е к. Р а з л и ч и е». — Р е д.

в 1805, 1806 и 1809 гг. обратить внимание на крайний предел несчастья, как на нечто близкое, возможное и даже весьма вероятное, что привело бы к совершенно иному напряжению сил и иным планам, чем те, объектом которых являлось несколько крепостей или провинция средних размеров?

Это не было выполнено в должной мере, хотя Австрия и Пруссия, готовясь к войне, с достаточной силой ощущали грозовое напряжение политической атмосферы. Они были и не в состоянии это выполнить, так как в то время эти отношения еще не были с такой полнотой разъяснены историей. Как раз эти походы 1805, 1806 и 1809 гг. и последующие существенно облегчили нам обобщение идей новейшей абсолютной войны с ее всесокрушающей энергией.

Итак, теория требует, чтобы перед всякой войной было уяснено представление об ее вероятном характере и общих очертаниях, вытекающих из политических данных и обстановки. Чем больше по этой оценке война по своему характеру будет приближаться к абсолютной, чем сильнее намеченные очертания войны охватят интересы воюющих государств и будут вовлекать их в общий водоворот, тем теснее будет взаимодействие всех событий войны и тем необходимее окажется не делать первого шага, не думая и о последнем.

Б. О РАЗМЕРАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕЛИ ВОЙНЫ И НАПРЯЖЕНИЯ

Насилие, которое нам придется применить к противнику, будет находиться в соответствии с размерами наших политических требований, а также требований противника. Поскольку последние известны, казалось бы, степень обоюдных усилий могла быть определена. Однако политические требования не всегда бывают достаточно явны, и в этом первая причина различия средств, применяемых с той и другой стороны.

Положение и обстановка государств неодинаковы; в этом может заключаться вторая причина.

Точно так же неодинаковы и сила воли, характер и способность правителей; это — третья причина.

Эти три причины вводят известную неопределенность в расчет сопротивления, которое мы встретим, а следовательно, в расчет тех средств, которые надо будет использовать, и конечной военной цели, которую следует себе поставить.

Так как недостаточность усилий приводит на войне не только к невозможности осуществить задуманное, но и наносит прямой ущерб, то это заставляет обе стороны стремиться превзойти друг друга в подготовке средств, благодаря чему возникает известное взаимодействие.

Последнее могло бы дойти до крайнего предела напряжения, если бы такой предел мог быть установлен. Но тогда потерял бы свое значение размер политических требований, средство утратило бы всякое соответствие с политической целью войны, а стремление к крайнему напряжению в большинстве случаев разбилось бы о противодействие, которое встретилось бы в собственной стране.

Таким образом, начинающий войну вновь вынуждается обратиться на средний путь, следуя которому, он до известной степени будет действовать по принципу — применять на войне лишь те средства и задаваться лишь такой конечной военной целью, которые будут достаточны для достижения политической цели. При следовании этому принципу воюющему придется отказаться от безусловного обеспечения успеха и от использования более широких возможностей.

Таким образом, умственная деятельность здесь покидает область строгого знания, логики и математики, и превращается в искусство в более широком смысле этого слова, т. е. в умение интуитивно выбирать из бесчисленного множества предметов и обстоятельств важнейшие и решающие. Бо́льшая или меньшая часть этой интуиции бесспорно состоит в полусознательном сравнении всех величин и обстоятельств, помощью которого быстро устраняется все маловажное и несущественное, а более нужное и главное распознается скорее, нежели путем строго логических умозаключений.

Таким образом, чтобы познать меру тех средств, которые надо подготовить для войны, мы должны продумать политический смысл ее как для нас, так и для противника;

мы должны оценить силы и внутренние условия неприятельского и нашего государства, характер и качества правительства и народа как у неприятеля, так и у нас, наконец политические отношения с другими государствами и то воздействие, какое на них может оказать война. Легко понять, что взвешивание всех этих разнообразных обстоятельств, различным образом переплетающихся друг с другом, представляет крупную задачу; требуется подлинное прозрение гения, чтобы быстро установить верное понимание, так как совершенно невозможно овладеть всем этим множеством данных помощью лишь школьно правильного размышления.

И совершенно прав был Бонапарт, утверждавший, что с такой алгебраической задачей не справился бы сам Ньютон.

Многообразие обстоятельств и их размах, а также неясность, каковой должна быть верная мера, нагромождают крупнейшие затруднения на пути к правильному выводу; но не следует упускать из виду, что огромная, ни с чем не сравнимая важность этого вопроса, да и сама его трудность и сложность увеличивают заслугу его разрешения. Опасность и ответственность не увеличивают в нормальном человеке свободу и активность духа, а, напротив, действуют на него удручающе; и потому, если эти переживания окрыляют и обостряют способность суждения, то несомненно мы имеем дело с редким величием духа.

Таким образом, мы прежде всего устанавливаем, что суждение о предстоящей войне, о конечной военной цели, которую надо себе поставить, о потребных для нее средствах может сложиться лишь из обзора совокупности всех обстоятельств, в которые вплетаются и злободневные моменты переживаемого времени. Это суждение, как и всякое другое в области военной практики, никогда не может быть чисто объективным, но определяется свойствами ума и темперамента государей, государственных людей и полководцев, — безразлично, совпадают ли последние в одном лице или же нет.

Наша тема станет более широкой и более поддающейся отвлеченной разработке, если мы будем иметь в виду общие условия, в которые эпоха и обстоятельства ставят государ-

ства. Поэтому мы позволим себе здесь бросить беглый взгляд на историю.

Полудикие татары, республики древнего мира, феодалы и торговые города средних веков, короли XVIII века, наконец государи и народы XIX века — все вели войны по-своему, каждый иным способом, другими средствами и для иных целей.

Татарские[1] орды искали нового местожительства. Они двигались целым народом с женами и детьми, и поэтому относительная численность их превосходила любую армию, а целью их являлось покорение или изгнание противника. Применяя такие средства, они скоро сокрушили бы все на своем пути, если бы эти средства могли быть совмещаемы с высоким уровнем культуры.

Республики древности, за исключением Рима, являлись небольшими по размеру; еще меньше были их армии, исключавшие из своих рядов основную массу — чернь. Этих республик было слишком много, и они располагались в слишком близком друг от друга соседстве; поэтому на них распространялось то естественное равновесие, которое по совершенно общему закону природы устанавливается между мелкими, обособленными частицами, а это являлось препятствием для крупных предприятий. Их войны, естественно, ограничивались опустошением полей и захватом отдельных городов, дабы заручиться в них на будущее время некоторым влиянием.

Один лишь Рим представлял в этом отношении исключение, но и то лишь в позднейшие периоды своей истории. Долгое время он вел небольшими отрядами обычную борьбу со своими соседями из-за добычи и союзников. Его рост обусловливается, главным образом, заключенными им союзами, в результате коих соседние народы постепенно сливались с ним в одно целое, и только в меньшей степени — подлинным их покорением. Лишь после того, как власть Рима таким путем распространилась на всю среднюю и южную Италию, Рим начал действительно расширяться завоеваниями. Пал Карфаген, Испания и Галлия были завое-

---

[1] Под татарами у Клаузевица надо разуметь вообще кочевников-завоевателей. — Ред.

ваны, Греция покорена, господство Рима распространилось и на Азию и на Египет. К этому времени его вооруженные силы достигли огромных размеров без особого напряжения сил с его стороны: содержание их покрывалось несметными богатствами. Он уже не был похож на древние республики и имел мало общего с тем Римом, каким он был раньше. Он остался единственным в своем роде.

Столь же единственными в своем роде являются войны Александра Македонского. С небольшой, но выдающейся по своей организации армией он опрокинул подгнившие здания азиатских государств. Без отдыха и оглядки он проложил себе путь через обширные пространства Азии и проник до самой Индии. Республике совершить все это было бы не по силам: так быстро осуществить это мог только царь, являвшийся в известной степени своим собственным кондотьером.

Крупные и мелкие монархии средних веков вели свои войны при помощи ленных ополчений. В этом случае продолжительность всей войны ограничивалась кратким временем; что за этот срок не могло быть выполнено, должно было рассматриваться как невыполнимое. Само ленное ополчение состояло из звеньев, связанных вассальными отношениями; связь, объединявшая его, являлась наполовину законной обязанностью, наполовину добровольным союзом, а целое представляло подлинную конфедерацию. Вооружение и тактика основывались на кулачных началах, на единоборстве, а следовательно, были мало пригодны для действия в крупных массах. Вообще история не знает другого времени, когда государственная спайка была столь слаба, а отдельная личность столь самостоятельна. Все это точнейшим образом обусловливало характер войн. Они велись относительно быстро, праздные стоянки в течение похода встречались редко, политическая же цель преимущественно сводилась к тому, чтобы покарать, но не сокрушить неприятеля: угоняли его стада, сжигали замки и возвращались домой.

Крупные торговые города и маленькие республики породили институт кондотьеров. Это было дорогое, но крайне ограниченное в своих размерах войско. Еще ничтожнее следует расценивать интенсивность его усилий. Здесь не

могло быть и речи о высшей степени напряжения и энергии, и дело большей частью сводилось лишь к притворной борьбе. Словом, ненависть и вражда уже не побуждали государство к непосредственной деятельности, а война обратилась в торговое предприятие; она утратила большую часть связанного с ней риска, что изменило ее природу, а потому все выводы, которые можно сделать из ее природы, не отвечали условиям борьбы кондотьеров.

Ленная система постепенно сплотилась в определенные территориальные государственные образования; государственная связь стала теснее, личные обязательства превратились в материальные, последние большей частью были заменены денежным налогом, а на смену ленных ополчений явились наемные войска. Кондотьеры представляли переходную ступень; услугами их в течение некоторого времени пользовались и большие государства; однако, вскоре наемники превратились в постоянное войско на жаловании, и вооруженные силы государств стали наконец армией, базировавшейся на средствах казны.

Вполне естественно, что медленное приближение к этой цели обусловливало многоразличное переплетение всех этих трех видов вооруженной силы. Под начальством Генриха IV мы встречаем ленников, кондотьеров и постоянное войско. Кондотьеры продолжают встречаться до Тридцатилетней войны включительно, слабые следы их можно найти даже в XVIII столетии.

Насколько своеобразны были вооруженные силы этих различных эпох, настолько же оригинальным был строй и облик европейских государств. В сущности эта часть света распалась на множество мелких государств, отчасти представлявших крайне беспокойные республики, отчасти — небольшие и неустойчивые монархии с крайне ограниченной правительственной властью. Такое государство нельзя было рассматривать как нечто целое; оно являлось лишь конгломератом слабо связанных между собою сил. Точно так же такое государство нельзя мыслить как единый разум, действующий по простейшим законам логики.

Именно с этой точки зрения и следует смотреть на внешнюю политику и войны средних веков. Вспомним хотя бы о длившихся в течение пятисот лет непрестанных по-

ходах германских императоров в Италию, за которыми, однако, ни разу не следовало основательное завоевание этой страны, и последнее даже не имелось в виду. Это явление, конечно, легко можно было бы счесть за постоянное повторение ошибки, вызванное установившейся в это время ложной точкой зрения; однако, благоразумнее рассматривать его как результат сотни крупных причин, в которые мы можем, правда, вдуматься, но которые мы все же не можем ощутить с той живостью, с какою их воспринимал находившийся под их давлением деятель. В течение всего времени, затраченного вышедшими из этого хаоса крупными государствами на то, чтобы сложиться и образоваться, силы их, главным образом, напрягались и направлялись на внутреннее их сплочение; войны с внешним врагом происходили редко, притом носили на себе отпечаток незрелости государственного образования.

Раньше всего возникли войны между Францией и Англией. Францию той эпохи еще нельзя рассматривать как настоящую монархию: она еще представляла конгломерат герцогств и графств. Хотя единство государственного организма в Англии достигло более высокой степени, все же она вела войну посредством ленных ополчений среди частых внутренних смут.

При Людовике XI Франция сделала крупнейший шаг на пути к внутреннему единству; при Карле VIII она выступила в Италии как держава-завоевательница, а в царствование Людовика XIV она уже развила свою государственность и армию до высшего предела.

Испания достигла единства при Фердинанде Католике; а при Карле V благодаря случайным бракам внезапно народилась великая монархия, в состав которой входили Испания, Бургундия, Германия и Италия. Чего этому колоссу нехватало в отношении единства и внутренней государственной спайки, он восполнял деньгами, и его постоянная армия столкнулась прежде всего с постоянными вооруженными силами Франции. После отречения Карла V испанский колосс распался на две части: на Испанию и Австрию. Последняя, усиленная присоединением Богемии и Венгрии, выступает отныне в роли великой державы и тянет за собой на буксире ладью германской конфедерации.

Конец XVII века — эпоху Людовика XIV — можно рассматривать как такой пункт истории, когда вооруженные силы, какими мы их видим в XVIII столетии, достигли высшей степени своего развития. Их основа — деньги и вербовка. Государства достигли полного единства, а правительства, заменив денежным налогом повинности своих подданных, сосредоточили все могущество в своей казне. Благодаря быстрому развитию культуры и улучшению административного аппарата это могущество резко выросло по сравнению с прошлым. Франция начинала войну с действующей армией в 200 000 солдат постоянной службы; соответственные силы противопоставлялись и другими государствами.

Прочие отправления государственной жизни также приняли новые формы. Европа была распределена между дюжиной монархий и несколькими республиками; теперь являлась мыслимой серьезная борьба между двумя государствами, не затрагивавшая в десять раз большее число других государств, как это бывало прежде [1]. Возможные политические комбинации все еще были чрезвычайно разнообразны, но все же их уже можно было охватить и временами предугадать, как они будут складываться.

Внутренние отношения почти всюду упростились до степени отполировавшейся монархии; права и влияние сословий постепенно отмерли, и кабинет [2] становится мало-помалу завершенным единством, представляющим государство во внешних сношениях. Таким путем сложились предпосылки, чтобы армия, ставшая превосходным инструментом, и руководившая ею независимая воля могли придать войне соответствующий ее понятию облик.

В эту эпоху народились и три новых Александра: Густав-Адольф, Карл XII и Фридрих Великий, которые, опираясь

---

[1] Это соображение находится в явном противоречии с тем, что Клаузевиц говорит через три страницы об утонченной системе европейского равновесия. — Р е д.

[2] Под кабинетом нужно понимать правительство XVIII века. Мы сохраняем этот термин Клаузевица, так как с ним связан другой характерный термин — «кабинетные войны». Политика «кабинетов» была, разумеется, тесно связана с интересами господствующих классов. — Р е д.

на умеренные по размерам, но доведенные до совершенства армии, сокрушали все на своем пути и пытались основать из маленьких государств большие монархии. Если бы им противостояли государства азиатского типа, они достигли бы в исполнении роли Александра Македонского еще большего сходства. В отношении пределов военных дерзаний их во всяком случае можно рассматривать как предвозвестников Бонапарта.

Однако все, что война выиграла в отношении силы и логичности, она утратила в другом отношении.

Армии содержались за счет казны, которую государи начали рассматривать как свое личное достояние или по меньшей мере как собственность правительства, а не народа. Отношения с другими государствами затрагивали, за исключением немногих торговых интересов, преимущественно интересы фиска, т. е. правительства, но не народа; по крайней мере таковы были общераспространенные взгляды. Таким образом, кабинет считал себя по существу владельцем и управляющим крупным имением, которое он всегда стремился расширить, но подданные этого имения не были особенно заинтересованы в этом расширении. Итак, н а р о д[1] на войне при татарских походах был в с е м; в древних республиках и в средних веках (если понятие «народ» ограничить действительными гражданами государства) — о ч е н ь м н о г и м; в условиях XVIII века он стал н е п о с р е д с т в е н н о н и ч е м и сохранял косвенное влияние на войну только благодаря своим общим добродетелям и недостаткам.

Так как правительство все больше отделялось от народа и лишь себя считало государством, то и война стала только деловым предприятием правительства, проводимым последним на деньги, взятые из своих сундуков, и посредством бродячих вербовщиков, работавших как в своей

[1] С этого слова немецкий текст до конца абзаца выписан В. И. Лениным; ему же принадлежит курсив на протяжении этой выписки. На полях В. И. Ленин поставил две пометки, а выписке предпослал следующее замечание: «И с т о р и ч е с к и е и з м е н е н и я в х а р а к т е р е в о й н ы: т а т а р с к и е о р д ы — м а л е н ь к и е р е с п у б л и к и д р е в н о с т и — Р и м — в а с с а л ы с р е д н и х в е к о в — к о н е ц XVII и XVIII век». — Р е д.

стране, так и в соседних областях. Последствием этого было то, что количество вооруженных сил, которые правительства могли выставить, являлось в достаточной степени определенной данной, и ее можно было взаимно учитывать как по объему возможных расходов, так и по их длительности. Это лишало войну самого опасного ее свойства, а именно — стремления к крайности и связанного с ним затадочного ряда возможностей.

Денежные доходы, казначейская наличность и кредит противника были известны; известна была и величина армии. Значительное увеличение последней в момент объявления войны являлось невыполнимым. Имея таким путем возможность обозреть пределы неприятельских сил, можно было считать себя достаточно обеспеченным от полной гибели; к этому присоединялось еще сознание ограниченности собственных сил. Все это заставляло выдвигать лишь умеренную конечную военную цель. При обеспеченности от крайностей со стороны противника не было нужды и самому отваживаться на крайности. Необходимость уже не понуждала к этому, — следовательно, только мужество и честолюбие могли толкать на крайние меры. Но последние находили себе могучий противовес в условиях тогдашней государственности. Даже в том случае, если в роли полководца выступал сам король, он оказывался вынужденным бережно обращаться с орудием войны — армией. Если бы последняя была полностью разбита, то новую создать было бы невозможно, а помимо постоянной армии другого орудия[1] не было. Отсюда требование большой осторожности во всех предприятиях. Лишь при убеждении в наличии на своей стороне крупных преимуществ решались пустить в дело это драгоценное орудие. Создать такие преимущества являлось задачей искусства полководца. В ожидании же их нарождения до известной степени парили в абсолютной пустоте; повода к действию не было, и казалось, что все силы и в особенности все побуждения находятся в состоянии покоя. Первоначальные стремления наступающего замирали в осторожности и опасливом раздумьи.

[1] Т. е. боеспособного ландвера, ополчения или милиции. — Ред.

Таким образом, война превратилась в настоящую игру, причем время и случай тасовали карты. По своему значению она являлась лишь несколько усиленной дипломатией, более энергичным способом вести переговоры, в которых сражения и осады заменяли дипломатические ноты. Добиться умеренного успеха и воспользоваться им при заключении мира являлось целью даже наиболее честолюбивых.

Этот ограниченный, съежившийся облик войны обусловливался, как мы уже упоминали, узостью фундамента, на который опиралась война. Но если столь выдающиеся полководцы, как Густав-Адольф, Карл XII и Фридрих Великий, и их прекрасные армии не могли в большей степени подняться над общим уровнем явлений и даже им пришлось довольствоваться посредственными успехами, то это объясняется политическим равновесием Европы.

Раньше, при наличии в Европе многих мелких государств, чтобы помешать быстрому росту одного из них, использовались самые непосредственные интересы — близость, соседство, родственные узы, личное знакомство. Теперь, в эпоху больших государств, с удаленными друг от друга центрами, для той же цели стали пользоваться сильно разросшимися экономическими интересами. Политические интересы, взаимное их притяжение и отталкивание слились в очень утонченную систему, и если где-либо в Европе раздавался пушечный выстрел, он сейчас же находил свое отражение в каждом европейском правительстве.

Теперь новому Александру приходилось иметь помимо доброго меча и искусное перо, и все-таки его завоевания редко могли быть сколько-нибудь значительными.

Даже Людовик XIV, стремившийся опрокинуть европейское равновесие и достигший в конце XVII века положения, при котором он мог пренебрегать возбуждаемой им повсюду враждой, вел войну все же по общему шаблону, ибо его армия хотя и была армией самого могущественного и богатого монарха, по существу являлась такой же, как и другие.

Грабежи и опустошения неприятельской страны, игравшие такую важную роль в войнах татар, древних наро-

дов и даже в средние века, теперь уже не соответствовали духу времени[1]. Подобные действия справедливо рассматривались как бесцельное варварство, за которое легко могло последовать возмездие; к тому же оно наносило вред населению, а не его правительству, и не могло оказать на последнее никакого воздействия; в то же время оно надолго отразилось бы отрицательно на культурном развитии народов. Таким образом, не только средства, но и цели войны все более и более концентрировались в армиях.

Армия с ее крепостями и несколькими подготовленными позициями представляла государство в государстве, и в его пределах стихия войны медленно пожирала самое себя. Вся Европа приветствовала эти изменения в военном искусстве и видела в них неизбежное последствие духовного прогресса. Здесь, конечно, имело место заблуждение, так как никакой прогресс не может вести к внутреннему противоречию и не сделает из дважды два — пять, как мы уже упоминали и должны будем еще сказать впоследствии. Результаты этих сдвигов в военном деле оказались, однако, безусловно благотворными для народов Европы; но не будем упускать из виду, что они еще в большей степени обратили войну в дело, касающееся исключительно правительства, еще более чуждое интересам народа. План войны наступающего государства состоял в те времена по преимуществу в том, чтобы овладеть той или другой неприятельской областью, план же обороняющегося стремился воспрепятствовать этому. План отдельной кампании сводился к захвату той или другой неприятельской крепости или же к тому, чтобы воспрепятствовать такому захвату. Только в том случае, когда эти цели не могли быть достигнуты без боя, сражения искали и давали. Тот, кто начинал сражение, не вынуждаемый к тому указанной необходимостью, а исходя лишь из жажды победы, считался дерзким полководцем. Обычно вся кампания заключалась в одной осаде, а при исключительном напряжении — в двух осадах. Зимние квартиры, на которые смотрели как на нечто необходимое, проводили резкую грань между двумя

[1] Интересы населения театров войны попираются империалистическими армиями в наше время в столь же грубой форме, как и при Чингис-хане. — Р е д.

кампаниями; при этом всякие отношения между сторонами прекращались, и ухудшение обстановки, в которой находилась одна из сторон, не могло быть использовано противником.

При равенстве сил обеих сторон, а также в случае, когда более предприимчивый полководец был намного слабее своего противника, дело не доходило ни до сражения, ни до осады, и тогда вся деятельность сводилась или к сохранению известных позиций и магазинов, или к планомерному поглощению средств данного района.

Пока война велась таким способом, явно ограничивавшим природную ее мощь, никто не усматривал в этом чего-либо нецелесообразного; напротив, все представлялось в полном порядке, и критика, начавшая к концу XVIII столетия заниматься военным искусством, обращала свое внимание, главным образом, на частности, не слишком озабочиваясь началом и концом. Таким путем составлялись различные репутации и выдавались патенты на мастерство; даже фельдмаршал Даун мог прослыть великим полководцем, хотя ему, главным образом, и обязан Фридрих Великий достижениями своих политических целей, а Мария-Терезия — своей конечной неудачей. Лишь время от времени, когда здравый смысл брал свое, прорывалось разумное суждение: при наличии превосходных сил надо же достигать каких-либо положительных результатов, и если ничего не достигнуто, то, невзирая ни на какие кунстштюки, ведение войны надо признать неумелым.

Такова была обстановка, когда разразилась французская революция. Австрия и Пруссия попытались выступить против нее с их дипломатическим военным искусством, но вскоре последнее засвидетельствовало свою несостоятельность. Исходя из обычных приемов оценки, союзники учитывали развал вооруженных сил Франции. Между тем, в 1793 г. на сцене появилась такая сила, о которой до той поры не имелось никакого представления. Война сразу стала снова делом народа[1], и притом народа в 30 миллионов

[1] К этому месту относится следующая заметка В. И. Ленина: «Революция (французская) переделала все это». Дальше выписан по-немецки текст Клаузевица: «Война сразу стала снова делом народа». — Ред.

человек, каждый из которых считал себя гражданином своего отечества. Не вдаваясь в подробное рассмотрение обстоятельств, сопровождавших это великое явление, мы зафиксируем здесь лишь интересующие нас выводы. Благодаря участию в войне всего народа не одно правительство и его армия, а весь народ [1] со всем присущим ему весом был брошен на чашки весов. Отныне уже не было определенных пределов ни для могущих найти применение средств, ни для напряжения сил; энергия ведения войны больше уже не находила себе противовеса, и потому опасность, грозившая противнику, возросла до крайности.

Если все революционные войны протекли раньше, чем их сила была осознана и полностью прочувствована; если революционные генералы еще не устремились неудержимо к конечной цели и не разрушили европейские монархии; если немецким армиям еще время от времени удавалось оказывать успешное сопротивление и задерживать победный поток, то реально это находилось в зависимости лишь от технического несовершенства французской организации: сначала солдатских масс, затем подбора генералов и, наконец, при директории — от недостатков самого правительства.

Когда же Бонапарт устранил эти недостатки, вооруженные силы Франции, опиравшиеся на всю народную мощь, прошли всю Европу, сметая на своем пути всякое сопротивление столь уверенно и надежно, что там, где им противопоставлялись одни лишь вооруженные силы старого порядка, не возникало даже проблеска сомнения в исходе борьбы. Но вызванная этими успехами реакция последовала еще во-время. В Испании война сама собой сделалась народным делом. В Австрии в 1809 г. правительство впервые затратило необычайные усилия для организации резервных частей и ландвера; эти мероприятия уже приближались к цели и превосходили все, считавшееся раньше в этом государстве исполнимым. В 1812 г. Россия последовала примеру Испании и Австрии; огромные размеры им-

---

[1] С этого слова до конца предложения немецкий текст выписан В. И. Лениным. — Ред.

перии допустили использование этих мероприятий, несмотря на их запоздание, и повысили их действенность. Успех оказался блестящим. В Германии первой очнулась Пруссия, обратила войну в народное дело и, несмотря на вдвое меньшее население, полное отсутствие денег и кредита, выступила по сравнению с 1806 г. с двойными силами. Остальная Германия с большим или меньшим опозданием последовала примеру Пруссии, и Австрия, напрягая, правда, свои усилия слабее, чем в 1809 г., все же выступила с очень крупными силами. В 1813 и 1814 гг. Германия и Россия совместно выставили против Франции около полумиллиона человек, считая все действующие войска и пополнение потерь в течение двух кампаний.

При таких условиях и энергия, с которой велась война, стала уже иною, и если она лишь отчасти достигала уровня энергии французов и кое-где еще наблюдалась известная робость, то все же в целом ход кампании был выдержан не в старом, а в новом стиле. За восемь месяцев театр войны был перенесен с Одера на Сену, гордый Париж был впервые вынужден склонить свою главу, а грозный Бонапарт лежал на обеих лопатках.

Таким образом, со времени Бонапарта война сперва на одной, затем на другой стороне снова стала делом всего народа, она приобрела совершенно другую природу, вернее — война сильно приблизилась к своей действительной природе, к своему абсолютному совершенству. Средства, пущенные в ход, не имели видимых границ; эти границы терялись в энергии и энтузиазме правительств и их подданных[1]. Энергия ведения войны была значительно усилена вследствие увеличения средств, широкой перспективы возможных успехов и сильного возбуждения умов. Целью же военных действий стало сокрушение противника; остановиться и вступить в переговоры стало возможным только тогда, когда противник был поврежден и обессилен.

---

[1] Немецкий текст с начала абзаца выписан В. И. Лениным, отчеркнувшим эту выписку и сопроводившим ее следующим замечанием: «Важно! (и одна неточность: буржуазии и может быть всей) «энергия» NB «энтузиазм» подданных».—Ред.

Так разразилась стихия войны, освобожденная от всех условных ограничений, во всей своей естественной силе. Причиной этого было участие народов в этом великом деле; это участие проистекало частью из тех условий, которые французская революция создала внутри каждой страны, частью из той опасности, которой угрожали всем народам французы [1].

Всегда ли так останется, все ли грядущие войны в Европе будут вестись при напряжении всех сил государства и, следовательно, в интересах значительных и близких народам, или наступит опять отделение правительства от народа, — разрешить это было бы трудно, и менее всего хотим мы осмелиться на подобное решение [2]. Но, вероятно, с нами охотно согласятся, если мы скажем, что не так-то легко воздвигнуть вновь раз прорванные преграды, заключавшиеся, главным образом, в непонимании заложенных в войне возможностей. По крайней мере всегда, когда на карту будут поставлены крупные интересы, взаимная вражда будет разряжаться так же, как это имело место в наши дни [3].

На этом мы заканчиваем наш беглый исторический обзор, предпринятый нами не для того, чтобы наскоро указать для каждой исторической эпохи несколько основных принципов ведения войны, а для того, чтобы показать [4], что всякая эпоха имела собственные войны, свои собственные ограничивающие условия и свои затруднения. Каждая эпоха имела бы, следовательно, также свою собственную теорию, если бы даже повсюду и всегда люди были распо-

---

[1] Этот абзац полностью выписан В. И. Лениным по-немецки, отчеркнут и сопровожден следующими заметками: «Участие народов»; «изменения внутри» (революция) и «опасность».

[2] Текст с начала абзаца, по-немецки выписан В. И. Лениным. — Ред.

[3] Т. е. при Наполеоне. — Ред.

[4] С этого слова и до конца абзаца немецкий текст выписан В. И. Лениным. Ему предшествует пояснение: «наша цель» и его сопровождают заметки: «каждое время — свои войны», «особенности каждой эпохи должны быть учтены для понимания полководца». Начало текста отчеркнуто дважды, середина трижды. — Ред.

ложены обрабатывать теорию войны на основе философских принципов. Следовательно, события каждой эпохи должны оцениваться, принимая во внимание их своеобразие, и только тот в состоянии понять и правильно оценить полководца, кто сможет перенестись в каждую эпоху не путем робкого изучения мелочных обстоятельств, но путем проницательного обозрения крупных событий.

Однако каждый способ ведения войны хотя и предопределяется особыми условиями, в которых находятся государство и вооруженные силы, все же должен заключать в себе нечто более общее или, точнее, что-то совершенно общее, с чем прежде всего должна иметь дело теория.

В недавнем прошлом, когда война достигла своего абсолютного облика, она глубже всего вскрыла свои общие начала и требования. Невероятно, чтобы отныне все войны обладали столь же грандиозным характером, но в такой же степени невозможно, чтобы широкие ворота, которые были раскрыты недавними войнами, когда-либо вновь могли полностью закрыться. Отсюда теории, которая останавливалась бы исключительно на такой абсолютной войне, пришлось бы или изъять из своего охвата все те случаи, в которых чуждые влияния изменяют сущность войны, или осудить их как ошибки. Такой не может быть задача теории, которая должна являться учением о реальной войне, а не о войне в идеале.

Поэтому теория, рассматривая различные вопросы своим пытливым, анализирующим и систематизирующим взором, должна всегда иметь в виду разнообразие условий, порождающих войну, и так наметить ее основные очертания, чтобы в них могли уложиться требования эпохи и данного момента.

После этого мы должны сказать, что цель, выдвигаемая начинающим войну, и средства, собираемые на нее, предопределяются совершенно конкретными особенностями его положения; именно поэтому они носят на себе отпечаток эпохи и общих отношений, и, наконец, они подчиняются еще и общим условиям, вытекающим из сущности войны.

Глава IV

БЛИЖАЙШЕЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЦЕЛИ ВОЙНЫ. СОКРУШЕНИЕ ПРОТИВНИКА

Целью войны согласно ее понятию всегда должно было быть сокрушение противника; такова наша основная предпосылка.

Что же означает сокрушение? Для последнего полное завоевание неприятельского государства не всегда необходимо. Если бы в 1792 г. дошли до Парижа, то, поскольку человек может предвидеть, война с революционной партией на этом и закончилась бы; при этом не было бы даже нужды предварительно разбить ее армию, так как последнюю еще нельзя было рассматривать как самостоятельный источник силы. Напротив, в 1814 г. даже занятием Парижа еще не все было бы достигнуто, если бы Бонапарт оставался во главе значительной армии; но так как его армия была большей частью уничтожена, то и в 1814 и в 1815 гг. занятие Парижа решило все. Если бы Бонапарту в 1812 г. удалось до или после занятия Москвы так же разгромить русскую армию в 120 000 человек, стоявшую на Калужской дороге, как он разгромил австрийскую армию в 1805 г. и прусскую в 1806 г., занятие Москвы, по всей вероятности, привело бы к миру, хотя все еще оставались незанятыми огромные пространства. В 1805 г. Аустерлицкое сражение решило исход кампании; следовательно, завоевания Вены и двух третей всех австрийских земель оказалось еще недостаточно, чтобы заключить мир; но, с другой стороны, после этого сражения заключению мира не могло помешать то обстоятельство, что Венгрия еще не была вовсе затронута вторжением французов. Поражение русской армии явилось последним требовавшимся ударом; у императора Александра поблизости другой армии не было, и, таким образом, мир являлся неизбежным последствием этой победы. Если бы русская армия еще на Дунае соединилась с австрийцами и еще там была бы вместе с ними разбита, то, по всей вероятности, вовсе не понадобилось бы и взятия Вены, и мир был бы заключен еще в Линце.

В других случаях и полное завоевание всего государства оказывается недостаточным; это имело место в 1807 г. в отношении Пруссии, когда удар, нанесенный русской вспомогательной армии под Эйлау[1], где была одержана сомнительная победа, оказался недостаточно решительным; исход войны был решен уже несомненной победой под Фридландом, как за год перед тем — победой под Аустерлицем.

Мы видим, что и в этом случае результат нельзя было предвидеть, исходя лишь из причин общего характера. Весьма часто решающее значение получают причины индивидуальные, о которых могут судить лишь участники событий; иногда решают причины морального порядка — их много, но о них предпочитают умалчивать; получают значение даже самые мелкие эпизоды и случайности, которые попадают в историю лишь в качестве анекдота. Теория по этому поводу может сказать только следующее: нужно не упускать из виду все преобладающее в соотношениях между воюющими государствами; в них складывается известный центр тяжести, то средоточие сил и движений, от которого зависит целое; на этот-то центр тяжести противника и должен быть направлен совокупный удар всех сил.

Мелкое всегда зависит от великого, маловажное от важного, случайное от существенного; на этом и должно базироваться наше суждение.

Александр, Густав-Адольф, Карл XII, Фридрих Великий имели свой центр тяжести в армии — с разгромом последней их роль была бы закончена; у государств, терзаемых борьбой партий, центр тяжести находится в большинстве случаев в столицах; в мелких государствах, опирающихся на могущественное, — в армиях последнего; у союзников — в общности их интересов; при народной войне — в личности вождей и общественном мнении. Против этих центров и должен направляться в каждом частном случае удар.

Если противник потеряет от первого удара равновесие, то ему не следует давать время его восстанавливать; надо продолжать наносить ему удары все в том же на-

---

[1] Точнее Прейсиш-Эйлау. — Р е д.

правлении, или, другими словами, победитель должен всегда направлять свои удары на целое, а не на частности противника. Действительное сокрушение противника достигается не тем, что мы спокойно будем завоевывать превосходными силами какую-либо неприятельскую провинцию и предпочитать обеспеченное обладание этой небольшой добычей гадательной возможности крупного успеха, а лишь тем, что мы непрерывно будем итти по следу самого ядра неприятельских сил, бросая в дело все, чтобы все выиграть.

Но каков бы ни был центр тяжести неприятеля, против которого мы должны направлять свои усилия, все же победа и разгром его вооруженных сил представляют самое надежное начало и самое существенное во всех случаях.

Поэтому, опираясь на многие данные опыта, мы полагаем, что сокрушение противника преимущественно обусловливается следующими обстоятельствами:

1. Разгромом его армии, когда она представляет в известной степени самостоятельный источник силы.

2. Занятием неприятельской столицы, если она представляет не только административный центр, но является и пунктом нахождения представительных учреждений и партий.

3. Действительным ударом главному союзнику, если последний сам по себе значительнее нашего противника.

До сих пор мы мыслили противника на войне как единое целое, что при широком подходе к вопросу было вполне допустимо. Но после того как мы сказали, что сокрушение противника заключается в преодолении сопротивления, сосредоточенного в его центре тяжести, мы должны отказаться от этой предпосылки и выдвинуть на первый план тот случай, когда мы имеем дело более чем с одним противником.

Если два или несколько государств соединяются против третьего, то с политической точки зрения это составит лишь о д н у войну; однако, подобное политическое единство бывает разных степеней.

Вопрос заключается в том, имеет ли каждое воюющее государство свой самостоятельный интерес и свои самостоятельные силы для преследования этого интереса или

интересы и силы прочих государств лишь опираются и примыкают к интересу и силам одного из них. Чем сильнее выражен этот последний случай, тем легче смотреть на разных противников, как на одного, и тем скорее можем мы упростить наши основные действия, сведя их к одному главному удару, и, поскольку такое упрощение возможно, этот удар остается самым верным средством достигнуть успеха.

Отсюда мы выдвигаем принцип, что, поскольку мы в состоянии победить всех остальных противников в лице одного из них, сокрушение этого одного должно являться конечной военной целью, так как мы в нем одном поражаем общий центр тяжести всей войны в целом.

Только в очень редких случаях такое представление о противниках оказывается недопустимым и сведение нескольких центров тяжести к одному не находит под собой реальной почвы. Если мы имеем дело с таким редким случаем, то, конечно, ничего другого не остается, как рассматривать подобную войну в виде двух или нескольких войн, у каждой из которых имеется своя особая конечная военная цель. Так как этот случай предполагает самостоятельность нескольких противников, следовательно значительное превосходство совокупности их, то при этом вообще не может быть речи о сокрушении противника[1].

Теперь мы с большей определенностью обратимся к вопросу: когда постановка такой цели[2] является возможной и может быть рекомендована?

Прежде всего наши вооруженные силы должны быть достаточными:

а) для того, чтобы одержать решительную победу над вооруженными силами противника;

б) чтобы сохранить за собой такой перевес, который необходим, чтобы развить одержанную победу до того

---

[1] Мольтке старший стоял на этой точке зрения, рассматривая условия одновременной борьбы на два фронта. А граф Шлиффен именно в превосходстве совокупности сил противников усматривал необходимость обострить до крайности методы сокрушения. — Р е д.

[2] Т. е. обусловливающей сокрушение противника конечной военной цели. — Р е д.

пункта, за которым восстановление равновесия уже немыслимо;

в) помимо этого наше политическое положение должно давать нам обеспечение [1] в том, что таким успехом мы не навлечем на себя новых врагов, которые нас могли бы немедленно отвлечь от нашего первого противника.

Франция имела возможность в 1806 г. полностью сокрушить Пруссию, хотя этим самым она навлекала на себя всю вооруженную мощь России, ибо Франция была в состоянии вынести в Пруссию свою оборону против России.

То же самое могла позволить себе Франция в 1808 г. в Испании по отношению к Англии, но не по отношению к Австрии. Франция была вынуждена в 1809 г. значительно ослабить свои силы в Испании, и, может быть, ей пришлось бы вовсе оттуда уйти, если бы у нее и без того не оказалось слишком значительного превосходства физических и моральных сил над Австрией.

Таким образом, надо хорошо обдумать свое положение в этих трех инстанциях, дабы в последней не проиграть процесса, уже выигранного в двух первых, и не быть присужденным к уплате судебных издержек.

При оценке сил и работы, которую ими можно выполнить, нередко возникает мысль рассматривать по аналогии с динамикой время как фактор силы и соответственно предположить, что при половине напряжения, — следовательно с силами, уменьшенными в два раза, — можно будет в течение двух лет выполнить то, чего можно было бы добиться в один год всеми силами полностью. Подобный взгляд, то явно, то скрыто лежащийся в основу многих военных планов, безусловно ошибочен.

Выполнение военных действий, как и всякое дело на земле, требует определенного времени; понятно, что в неделю не пройдешь пешком от Вильны до Москвы, но здесь

---

[1] Например, путем перестраховочных соглашений. В политике Бисмарка России отводилась преимущественно такая обеспечивающая роль. В русско-японской войне Англия взяла на себя роль секунданта Японии, гарантировавшего последней свою помощь, если ей придется иметь дело помимо России с другим противником. — Р е д.

нельзя усмотреть и следа какого-либо взаимодействия времени и силы, имеющего место в динамике.

Время нужно обеим воюющим сторонам, и вопрос заключается только в том, которая из них по своему положению первой может получить от него особые выгоды. Такой стороной (полагая, что своеобразие конкретной обстановки в одном случае уравновешивается другим случаем), очевидно, будет слабейшая сторона; правда, к такому выводу нас приводит закон не динамики, а психологии. Зависть, соперничество, заботы, порою даже великодушие являются естественными ходатаями за несчастного; с одной стороны, они привлекают к нему друзей, с другой — ослабляют и разваливают союз его врагов. Поэтому время скорее принесет что-нибудь терпящему поражение, чем завоевателю. Далее, не надо забывать, что использование первой победы, как мы указывали в другом месте, требует значительной затраты сил; эти затраты представляют не только единовременный расход, но и расход длительный, подобный жизни на широкую ногу. Не всегда добавочные ресурсы, извлеченные из оккупации неприятельских областей, оказываются достаточными для покрытия этого сверхсметного расхода; постепенно напряжение усилий будет возрастать, наконец его может нехватить, и само время приведет к внезапным коренным изменениям в обстановке.

Разве те деньги и иные ресурсы, которые в 1812 г. Бонапарт извлек из Польши и России, могли заменить ему ту сотню тысяч людей, которую ему следовало бы послать в Москву, чтобы в ней удержаться?!

Но если завоеванные области достаточно обширны, если в них расположены пункты, имеющие существенное значение для незавоеванной части территории, то нанесенная рана, как раковая опухоль, сама разъедает дальше организм побежденного; при таких условиях, даже не двигаясь дальше, завоеватель будет с течением времени больше выигрывать, чем проигрывать. Если не подойдет подмоги извне, то время может довершить начатое дело; еще не оккупированная территория может попасть сама собою в руки завоевателя; таким образом, время может также стать фактором увеличения его сил, но лишь в том случае,

когда побежденный уже неспособен к контрудару и поворот к счастью больше немыслим, т. е. когда это приращение сил завоевателя уже теряет для него всякое значение, так как он уже добился главного, а опасность, связанная с кульминационным пунктом победы, миновала, — словом, противник уже сокрушен.

Этим рассуждением мы стремились пояснить, что всякое завоевание должно быть выполнено возможно скорее, что рассрочка в выполнении его на более длительный период времени, чем это абсолютно необходимо, не облегчает, но затрудняет завоевание. Если такое утверждение правильно, то правильным будет и следующее: если мы вообще обладаем достаточными силами, чтобы осуществить известное завоевание, то мы находимся и в состоянии выполнить его одним духом, без промежуточных остановок. Само собой разумеется, что здесь мы не имеем в виду кратких остановок для сосредоточения сил и для принятия тех или иных необходимых мер.

Высказывая взгляд, что существенной чертой наступательной войны является стремление быстро и безостановочно добиваться развязки, мы тем самым опровергаем в корне мнение, противопоставляющее развивающемуся без задержек завоеванию медленное, так называемое методическое, завоевание, как более верное и надежное [1]. Однако наше утверждение может показаться парадоксом даже для тех, кто вплоть до этого пункта охотно с нами соглашался. На первый взгляд представляется, что оно содержит в себе противоречие; оно идет вразрез с застарелым предрассудком, глубоко укоренившимся и тысячи раз повторявшимся в книгах; поэтому мы считаем целесообразным ближе рассмотреть те неосновательные доводы, которые могут быть выдвинуты против нас.

Конечно, легче достичь более близкой цели, чем более отдаленной; но если достижение ближайшей цели нас не удовлетворяет, то отсюда еще не следует, что перерыв наступления и остановка движения обеспечат нам возмож-

[1] Таково было мнение генерала Ронья, который стремился на примере неудачного похода 1812 г. в Россию обосновать теорию методической войны. Еще раньше Клаузевица сам Наполеон на о-ве Святой Елены энергично его опровергал. — Ред.

ность с большей легкостью пройти вторую половину пути. Маленький прыжок легче сделать, чем большой; однако, желая перепрыгнуть через широкую канаву, мы не начнем с того, что половинным прыжком спрыгнем на ее дно.

Если мы внимательнее вглядимся в то, что лежит в идее так называемой методической наступательной войны, то увидим:

1. Завоевание неприятельских крепостей, которые встречаются по пути.
2. Накопление необходимых запасов.
3. Укрепление важных пунктов: складов, мостов, позиций и прочего.
4. Остановки для отдыха на зиму и расположение войск по квартирам для поправки.
5. Выжидание пополнений следующего года.

Устанавливая для достижения этих задач формальный перерыв хода наступления, приостановку движения, полагают, что при этом выигрывается новый оперативный базис и новые силы, словно собственное государство успеет продвинуться за своей армией, а последняя с каждым новым походом будет получать новую ударную силу.

Все эти похвальные достижения, может быть, делают наступательную войну более удобной, но они отнюдь не делают более обеспеченным ее конечный успех, в большинстве случаев они лишь маскируют известные противоречия в настроении полководца или нерешительность правительства. Мы попытаемся опрокинуть их ударом с левого фланга.

1. Выжидание новых пополнений распространяется в той же мере, а пожалуй, даже в большей, и на противника; баланс здесь складывается в его пользу. Кроме того, в природе вещей, что государство за один год может выставить в поле приблизительно столько же солдат, сколько и за все два года, ибо действительный прирост сил за этот второй год по отношению к целому лишь крайне незначителен.
2. Противник отдыхает в такой же степени, как и мы.
3. Укрепление городов и позиций не дело армии, а потому не может служить основанием для проволочки.
4. При теперешнем способе довольствования армий нужда

в магазинах сказывается больше, когда армия стоит на месте, чем когда она продвигается вперед. Пока продвижение протекает успешно, наступающий всегда овладевает неприятельскими запасами, и это его выручает там, где местные средства скудны.

5. На овладение неприятельскими крепостями нельзя смотреть, как на приостановку наступления, — это интенсивное развитие наступления, следовательно, вызываемая этим пауза имеет чисто внешний характер и, собственно говоря, не является тем случаем, о котором идет речь; это не задержка и не ослабление темпа. Но целесообразно ли предпринимать подлинную осаду той или другой крепости, или же можно ограничиться блокадой или даже простым наблюдением их, — это вопрос, могущий быть разрешенным лишь в зависимости от конкретных условий. Мы ограничимся здесь общим указанием, что ответ на этот вопрос может быть дан только после разрешения другого вопроса: подвергается ли наступающий чрезмерной опасности, если он ограничится одной лишь блокадой и будет продолжать дальнейшее продвижение? Там, где такой опасности нет и имеется еще простор для распространения своих сил, лучше отложить правильную осаду до конца всего наступления. Не следует соблазняться мыслью поскорей закрепить за собой завоеванное и упускать из-за этого более важное.

Правда, можно полагать, что при дальнейшем продвижении вперед мы тотчас же снова ставим на карту все приобретенное. Нам все же представляется, что в наступательной войне всякий перерыв, всякий отдых, всякая промежуточная остановка являются противоестественными; если же они оказываются неизбежными, на них следует смотреть, как на зло, которое не только не обеспечивает успеха, но делает его сомнительным; более того, общая истина заключается в том, что когда мы по своей слабости допустим остановку, то нормально второго скачка к цели уже не последует, и если бы второй скачок был возможен, то для него эта остановка вовсе не была бы нужна, а если намеченная цель по своей отдаленности была с самого начала нам не по силам, она останется такой же навсегда.

Мы говорим: так выглядит общая истина; мы стремимся лишь устранить ту идею, будто время само по себе может доставить наступающему какой-либо выигрыш. Но так как политические отношения могут меняться из года в год, то по одной этой причине могут встретиться исключения, не отвечающие этой общей истине.

Может показаться, будто мы уклонились от нашей общей точки зрения и остановили свое внимание исключительно на войне наступательной. Но это не так. Правда, тот, кто имеет возможность задаться целью окончательно сокрушить своего противника, лишь в редких случаях будет вынужден обратиться к обороне, ближайшая задача которой состоит лишь в сохранении того, чем обладаешь; но мы безусловно должны настаивать на том, что оборона, лишенная всякого положительного начала, содержит в себе внутреннее противоречие как в стратегии, так и в тактике. Мы постоянно будем повторять, что всякая оборона должна по мере сил стремиться перейти в наступление, как только она исчерпает присущие ей выгоды. Это наступление и его цель следует рассматривать как подлинную цель обороны, независимо от того, велика она или мала. Поэтому целью обороны, возможно, явится и сокрушение неприятеля. Что могут встретиться и такие случаи, когда наступающий хотя и имеет в виду огромную цель сокрушения, все же предпочтет сначала использовать оборонительную форму ведения войны и что подобное представление не уклоняется от действительности, — легко доказать на примере похода 1812 г. Может быть, император Александр и не задумывался, втягиваясь в войну, над окончательным сокрушением своего противника[1], как это случилось впоследствии, но разве у него не могло быть такой мысли? И разве при наличии этой мысли не являлось все же вполне естественным, что русские начали войну с обороны?

[1] Сокрушительный замысел у Александра I впервые нашел фактическое выражение в плане окружения и уничтожения армии Наполеона на р. Березине; этот план был составлен в Петербурге немедленно после получения первого донесения о Бородинской битве, рисовавшего его как полупобеду русских. — Р е д.

Глава V

ОГРАНИЧЕННАЯ ЦЕЛЬ

Продолжение

В прошлой главе мы сказали, что под выражением «сокрушение противника» мы разумеем подлинную абсолютную цель военных действий; теперь рассмотрим, что остается делать в том случае, когда нет предпосылок для достижения этой цели.

Эти предпосылки заключаются в большем превосходстве физических или моральных сил или же в большей предприимчивости и склонности к крупным дерзаниям. Там, где нет этих условий, цель военных действий может быть лишь двоякого рода: или завоевание какой-либо небольшой или умеренной части неприятельской территории, или сохранение собственной — в ожидании более благоприятного момента; последнее представляет обычный случай при оборонительной войне.

Которая из этих двух задач уместна в данном конкретном случае, указывает нам выражение, примененное нами по отношению к последней. Выжидание более благоприятного момента предполагает, что мы вправе ожидать такого момента в будущем; следовательно, такое выжидание, т. е. оборонительная война, всегда мотивируется такой перспективой; напротив, война наступательная, т. е. использование настоящего мгновения, предуказывается во всех тех случаях, когда будущее подает надежды не нам, а нашему противнику.

Третьим [1] случаем, который, быть может, является самым обыкновенным, был бы тот, когда обеим сторонам ничего определенного от будущего ждать не приходится, где будущее, следовательно, не может дать основания,

[1] В. И. Ленин выписал этот абзац, отчеркнув его и сопроводив заметкой: «Политически» нападающий (NB понятие)». Этой выписке В. И. Ленин предпослал следующее резюме предшествующего изложения Клаузевица: «Один случай, когда одному выгодно выждать время (выгодно вести оборонительную войну). Другой случай — выгодно использовать время, которое в будущем ничего не сулит (выгодна наступательная война)». — Ред.

определяющего наши действия. В этом случае, очевидно, нужно наступательную войну вести тому, кто является политически наступающим, т. е. тому, у кого есть для этого положительное основание; так как он для этой цели и вооружался, то все время, которое тратится без достаточно веской причины, является для него чистой потерей.

Здесь мы принимаем решение в пользу наступательной или оборонительной войны на основаниях, которые вовсе не затрагивают вопроса о соотношении сил; а между тем, казалось бы, гораздо правильнее производить выбор между наступлением и обороной преимущественно в зависимости от взаимного соотношения сил воюющих сторон; однако, мы полагаем, что при этом-то мы как раз и сошли бы с правильного пути. Логическую правильность нашего простого умозаключения никто не станет оспаривать; посмотрим теперь, может ли оно явиться ошибочным в конкретном случае.

Представим себе небольшое государство, которое вступило в конфликт с другим, значительно превосходящим его силами, и предвидит, что его положение будет ухудшаться с каждым годом. Разве оно не должно, если война неизбежна, воспользоваться тем временем, когда положение его менее плохо? Следовательно, оно должно наступать, но не потому, что наступление *само по себе* представляет какие-либо выгоды, — напротив, оно еще более увеличит неравенство сил, — но потому, что ему необходимо полностью покончить с этим делом, прежде чем наступят невыгодные для него времена, или, по крайней мере, добиться временных успехов, которые оно впоследствии может использовать. Такой вывод никоим образом нельзя признать нелепым. Но если бы это маленькое государство имело полную уверенность, что его противники сами двинутся против него, то в таком случае оно безусловно может и должно использовать оборону против них, чтобы добиться первоначального успеха; в этом случае оно, по крайней мере, не подвергается опасности потерять время.

Представим себе, далее, маленькое государство в войне с большим государством, причем предвидение будущего не влияет в какую-либо сторону на их решение; все же, если

маленькое государство является наступающей стороной в политическом отношении, мы можем от него требовать, чтобы оно шествовало к своей цели.

Раз у него хватило дерзости на то, чтобы выдвинуть положительную политическую цель против более могущественного государства, то оно должно и действовать соответственно, т. е. вести наступление против своего врага, если только последний не снимет с него это бремя упреждением своего наступления. Выжидание было бы с его стороны абсурдом, свидетельствующим, что оно изменило свое политическое решение в момент его выполнения; последний случай довольно часто имеет место и немало способствует тому, что война приобретает неопределенный характер.

Наши размышления об ограниченной цели приводят нас и к наступательной войне с такой целью и к войне оборонительной; мы рассмотрим их в отдельных главах, но предварительно мы должны затронуть еще другой вопрос.

Мы до сих пор выводили ограничение конечной военной цели лишь из внутренних причин. Природу политических намерений мы учитывали лишь постольку, поскольку она направлена или не направлена на нечто положительное. Все прочее в политических намерениях по существу представляет нечто чуждое самой войне; однако, во II главе 1-й части (цель и средства войны) мы уже признали, что природа политической цели, величина наших или неприятельских требований и все наше политическое положение имеют фактически решающее влияние на ведение войны [1], поэтому мы предполагаем заняться этим вопросом особо в следующей главе.

Глава VI

А. ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕЛИ НА КОНЕЧНУЮ ВОЕННУЮ ЦЕЛЬ

Мы никогда не встретимся с таким случаем, чтобы государство, выступающее в интересах другого, относилось к ним столь же серьезно, как к своим собственным. Обычно

[1] Немецкий текст со слов «мы уже признали» и до сих пор выписан В. И. Лениным, трижды отчеркнут и сопровожден замечанием: «Характер политической цели» имеет решающее влияние на ведение войны». — Ред.

отправляют среднего размера вспомогательную армию; если ее постигнет неудача, то на всем деле ставят крест и стараются выпутаться возможно дешевле.

В европейской политике давно вошло в обычай, что, заключая оборонительные и наступательные союзы, государства обязуются оказывать друг другу взаимную поддержку; при этом, однако, вражда и интересы одного союзника не становятся обязательными для другого; поддержка состоит лишь в том, что государства, не обращая внимания ни на объект войны, ни на усилия противника, обещают друг другу определенную, обычно очень умеренную военную силу [1].

При таком выполнении союзнического долга союзник не рассматривает свои отношения с противником как состояние настоящей войны, которая обязательно должна была бы начинаться с объявления войны и заканчиваться заключением мира.

Однако это понятие нигде сколько-нибудь определенно не выражено, а практика в этом вопросе представляется колеблющейся [2].

Дело приобрело бы известную внутреннюю цельность, и теория войны не была бы поставлена по этому вопросу в столь неопределенное положение, если бы обещанная вспомогательная сила в 10, 20 или 30 тысяч человек предоставлялась воюющему государству в полное его распоряжение, чтобы оно могло ею пользоваться сообразно своим потребностям; в таком случае на вспомогательный отряд можно было бы смотреть, как на наемное войско. Но на практике бывает далеко не так. Обычно вспомогательная армия имеет своего отдельного командующего, зависящего только от своего правительства; последнее ставит ему

---

[1] От начала абзаца до сих пор текст выписан по-немецки В. И. Лениным; против середины его поставлена нотабена. — Ред.

[2] Несомненно, в эпоху империализма спайка военных союзов, основывающаяся и сочетающаяся с установлением тесных экономических связей, стала значительно прочнее. Однако эти союзы не устраняют свойственных капитализму противоречий, которые не позволяют союзникам полностью слить и направить все их усилия для достижения единой цели. — Ред.

цель, наиболее совершенным образом отражающую половинчатость его намерений.

Но даже в тех случаях, когда действительно два государства ведут войну с третьим, все же у них не всегда бывает совершенно одинаковый подход к нему, как к врагу, которого они должны уничтожить, дабы он их не уничтожил; часто все дело трактуется как торговая сделка, в которую каждый [1] вкладывает, смотря по степени опасности, которой он подвергается, или в меру выгод, которых он может ожидать, определенный пай в 30—40 тысяч человек и поступает так, как будто он в этом деле может потерять только эту свою долю.

Такая точка зрения господствует не только в тех случаях, когда одно государство приходит другому на помощь в вопросе, мало его касающемся; даже при наличии у обоих государств общего крупного интереса дело не обходится без известных дипломатических оговорок, и договаривающиеся стороны обычно обязываются в заключаемой конвенции только на незначительное соучастие, чтобы использовать остальные военные силы в соответствии с особыми соображениями, которые могут возникнуть из дальнейшего хода политики.

Такой подход к ведению войны союзниками являлся чрезвычайно распространенным; лишь в последнее время под влиянием крайней опасности, заставившей умы стать на естественный путь (как то было п р о т и в Бонапарта), или вынужденный безудержным насилием (в коалициях, о б р а з о в а н н ы х Бонапартом), он должен был уступить свое место более естественному.

Этот [2] подход является половинчатостью, аномалией, ибо как война, так и мир по существу являются понятиями, не имеющими степеней; тем не менее эта манера была не только дипломатическим обычаем, которым мог бы пренебрегать разум; она глубоко обоснована в природной ограниченности и слабости людей.

---

[1] Немецкий текст с этого слова и до конца абзаца выписан В. И. Лениным. — Р е д.

[2] В. И. Ленин выписал немецкий текст отсюда и до конца абзаца, отчеркнул его и снабдил пометками: «С т е п е н и», «г р а д а ц и и» п о н я т и я в о й н ы и м и р а». Кроме того, он указал стрелкой на связь этой выписки с последующей. — Р е д.

Наконец, и в войнах, которые вело государство в единственном числе, политические поводы оказывали могучее влияние на способ их ведения.

Если мы хотим добиться от неприятеля лишь небольшой жертвы, то можем довольствоваться приобретением посредством войны небольшого эквивалента, что мы считаем возможным при умеренном напряжении сил. Приблизительно так же мыслит и наш противник. Когда та или другая сторона начнет убеждаться, что она ошиблась в своих расчетах, что она не имеет некоторого превосходства над противником, как того желала, и, наоборот, оказалась слабее его, то в этот момент обычно нехватает ни денег, ни всех остальных ресурсов, нехватает и достаточного морального импульса для проявления величайшей энергии; в результате изворачиваются, как могут, надеются на благоприятные события в будущем, хотя бы к тому не было никаких оснований, а война, между тем, влачит жалкое сушествование как ослабленный, хворый организм.

Таким путем взаимодействие, соревнование, все могучее и неудержимое в войне тонут в застое слабых побуждений, и обе стороны действуют на крайне стеснившейся арене в сознании известной безопасности.

Если[1] допустить это влияние политической цели на войну, — а допустить его необходимо, — то нельзя установить границ этого влияния, и придется волей-неволей дойти и до таких войн, которые заключаются только в угрозе противнику, — ведутся в помощь переговорам.

Что теория войны, стремящаяся быть и оставаться философским размышлением, оказывается в данном случае в затруднительном положении, вполне понятно. Все необходимое, заключающееся в понятии войны, ускользает от теории, и ей грозит опасность лишиться всякой точки опоры. Однако скоро открывается естественный выход. Чем больше сказывается в военных действиях умеряющее начало или, вернее, чем слабее становятся побуждения к действию, тем более действие переходит в пассивное состоя-

[1] Отсюда и до конца абзаца немецкий текст выписан В. И. Лениным; против начала выписки поставлена нотабена; стрелка соединяет ее с предшествовавшей выпиской. — Ред.

ние, тем меньше становятся результаты, которые оно дает, и тем меньше оно нуждается в руководящих принципах. Все военное искусство обращается в простую осторожность, а последняя направляется главным образом на то, чтобы колеблющееся равновесие внезапно не нарушилось в ущерб нам, а полувойна не превратилась в настоящу войну.

Б. ВОЙНА ЕСТЬ ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКИ [1]

Мы всесторонне рассмотрели расхождение, существующее между природой войны и другими интересами отдельного человека и общественных союзов, дабы не упустить ни одного из этих элементов противоречия; это расхождение коренится в самом человеке, следовательно, не может быть разрешено философией. Закончив это, мы попытаемся теперь найти то единство, в которое эти элементы

---

[1] Заглавие выписано В. И. Лениным. Очевидно, эта глава имелась им в виду, когда он («Новые статьи и письма» — «Война и революция») писал: «Известно изречение одного из самых знаменитых писателей по философии войн и по истории войн (Клаузевица), изречение, которое гласит: «Война есть продолжение политики иными средствами». Это изречение принадлежит писателю, который обозревал историю войн и выводил философские уроки из этой истории вскоре после эпохи наполеоновских войн. Этот писатель, основные мысли которого сделались в настоящее время безусловным приобретением всякого мыслящего человека, — этот писатель уже около 80 лет назад боролся против обывательского и невежественного предрассудка, будто войну можно выделить из политики соответственных правительств, соответственных классов, будто бы войну можно рассматривать, как простое нападение, нарушающее мир, и затем восстановление этого нарушенного мира. Подрались и помирились. Это грубый и невежественный взгляд, десятки лет назад опровергнутый и опровергаемый всяким сколько-нибудь внимательным анализом любой исторической эпохи войн».

«Война есть продолжение политики иными средствами. Всякая война нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает. Ту самую политику, которую известная держава, известный класс внутри этой державы вел в течение долгого времени перед войной, ту самую политику неизбежно и неминуемо этот самый класс продолжает во время войны, переменив только форму действий». — Р е д.

противоречия сливаются в практической жизни, отчасти нейтрализуя друг друга. Мы бы уже в самом начале выдвинули это единство, если бы не было необходимости заранее с особенной отчетливостью выделить эти противоречия и рассмотреть различные элементы в отдельности. Это единство[1] обозначает, что война является лишь частью политических отношений, а отнюдь не является чем-то самостоятельным.

Все знают, конечно, что война вызывается лишь политическими отношениями между правительствами и между народами; но обыкновенно представляют себе дело таким образом, как будто с началом войны эти отношения прекращаются и наступает совершенно иное положение, подчиненное только своим особым законам.

Мы[2] утверждаем наоборот: война есть не что иное, как продолжение политических отношений при вмешательстве иных средств. Мы говорим — при вмешательстве иных средств, чтобы вместе с тем подчеркнуть, что эти политические отношения самой войной не прекращаются, не преобразуются в нечто совершенно другое, но по существу продолжаются, какую бы форму ни принимали средства, которыми они пользуются, и что главные линии, по которым развиваются связанные с ними военные события, начертаны политикой, влияющей на войну вплоть до мира. И как можно представить это иначе? Разве когда-либо прекращаются вместе с дипломатическими нотами политические отношения различных народов и правительств? Разве[3] война не является только другим видом письма и речи, выражающим их мысли? Война, конечно, имеет свою собственную грамматику, но не собственную логику.

---

[1] «Единство, соединяющее в практической жизни противоречивые элементы». Этой вставкой В. И. Ленина начинается обширная выписка немецкого текста, на полях пометка: «Самая важная глава». Конец выписки будет указан отдельно. — Ред.

[2] Следующие три строки отчеркнуты В. И. Лениным в его выписке. — Ред.

[3] Следующие строки до конца абзаца отчеркнуты В. И. Лениным в его выписке; на полях поставлена нотабена. — Ред.

Следовательно, война никогда не может рассматриваться отдельно от политических отношений, и если это где-либо происходит, то тем самым в известной мере разрываются связующие нити и получается нечто бессмысленное и бесцельное.

Без этого представления нельзя обойтись даже в том случае, если бы война была всецело войной, всецело проявлением необузданной стихии вражды. В самом деле, все факторы, на которых война основана и которые определяют ее главное направление, как-то: собственные силы, силы противника, союзники обеих сторон, характер народов и правительств обеих сторон и т. д., как это мы перечисляли в I главе 1-й части, — разве все эти факторы не обладают политической природой и разве они не связаны со всеми политическими отношениями столь тесно, что их невозможно отделить? Но такое представление становится вдвойне необходимым, если мы примем во внимание, что действительная война вовсе не стремится последовательно к последней крайности, каковой она должна была бы быть согласно своему понятию, но что в действительности война половинчата, внутренне противоречива; что она, как таковая, не может следовать своим собственным законам, а должна рассматриваться как часть другого целого, и это целое — политика [1].

Политика, используя войну, уклоняется от всех строгих выводов, вытекающих из природы войны, мало заботится о конечных возможностях, интересуется лишь ближайшими вероятностями. Отсюда вносится во все дело значительная неопределенность, и, следовательно, война становится своего рода игрой; при этом политика каждого правительства лелеет надежду превзойти в этой игре своего противника искусством и дальновидностью.

Так [2] всесокрушающую стихию войны политика превращает лишь в простое свое орудие; страшный боевой меч, требующий, чтобы его подняли обеими руками, напрягая все силы для нанесения одного неповторяемого удара, благодаря политике превращается в легко управляемую шпагу,

---

[1] Конец выписки В. И. Ленина; последнее предложение отчеркнуто и сопровождено заметкой: «Война = часть целого, это целое = политика». — Ред.

[2] Этот абзац выписан В. И. Лениным полностью. — Ред.

которая становится порою даже рапирой, и ею фехтуют по всем правилам искусства.

Так разрешаются противоречия, в которые война запутывает робкого по природе человека, если можно это назвать разрешением.

Раз[1] война есть часть политики, то, следовательно, она будет принимать и ее свойства. Когда политика становится более грандиозной и мощной, то таковой же становится и война; и этот рост может дойти до такой высоты, что война приобретает свой абсолютный облик.

Таким образом, при указанном способе понимания нам нет надобности упускать из виду этот облик войны, — напротив того, он должен всегда чувствоваться на заднем плане.

Лишь при таком представлении война снова становится единством, только так можно рассматривать все войны, как вещи одного рода[2], только при таком представлении мы получаем правильную и точную опору и точку зрения для суждения; этой точкой зрения следует руководиться при создании крупных планов и при оценке их.

Конечно, политический элемент не проникает вглубь до всех мелочей войны; пикеты и патрули выставляются[3] не по политическим соображениям, но тем решительнее влияние политического элемента при составлении плана всей войны, плана кампании и часто даже плана сражения.

Поэтому мы и не торопились выдвинуть в самом начале эту точку зрения. Она бы нам мало помогла при рассмотрении отдельных явлений и даже до известной степени отвлекала бы наше внимание; но при рассмотрении вопроса о плане войны и кампании она совершенно необходима.

---

[1] Этот абзац полностью выписан В. И. Лениным. — Ред.

[2] Этот и следующий абзацы выписаны В. И. Лениным. Начало выписки отчеркнуто и сопровождено заметкой: «Только с этой точки зрения все войны — «вещи одного рода». — Ред.

[3] В. И. Ленин поставил после слова «патрули» в своей выписке (sic), означающее согласие, буквально — так! — Ред.

Самое[1] важное в жизни, это — отыскать такую точку зрения, с которой все вещи должны быть поняты и оценены, и придерживаться этой точки зрения до конца; ибо только с единой точки зрения можно охватить всю совокупность явлений как одно целое, и только единство точки зрения может гарантировать нас от противоречий.

Если, следовательно, при составлении плана войны недопустимы две или несколько точек зрения в оценках, например, точка зрения солдата, администратора, политика и т. д., то спрашивается: необходимо ли, чтобы именно политика была той точкой зрения, которой должно подчиняться все остальное?[2]

Мы исходим из того, что политика объединяет и согласовывает все интересы, как вопросы внутреннего управления, так и вопросы гуманности и всего остального[3], что может быть выдвинуто философией, ибо сама по себе политика ничто, а только представитель всех этих интересов перед другими государствами. Что политика может иметь неверное направление, служить преимущественно честолюбию, частным интересам[4], тщеславию правителей, — это сюда не относится. Ни в каком случае военное искусство не является для политики предопределяющим фактором, и мы можем здесь рассматривать политику лишь как представительницу всех интересов общества в целом[5].

Итак, вопрос состоит лишь в том, должна ли при составлении плана войны политическая точка зрения склоняться перед точкой зрения чисто военной (если таковая

---

[1] Следующие три абзаца выписаны В. И. Лениным. — Ред.

[2] Конец абзаца в выписке В. И. Ленина отчеркнут и сопровожден вопросом на полях: «Политика ли главное?» — Ред.

[3] Против этого места выписки В. И. Ленин поставил вопрос: «Что есть политика?» — Ред.

[4] Против этого места В. И. Ленин заметил на полях: NB «Подход к марксизму». — Ред.

[5] Конец абзаца в выписке В. И. Ленина трижды отчеркнут; на полях заметка: «Политика = представительство всех интересов целого общества». Сам В. И. Ленин, конечно, видел в политике представительство лишь интересов господствующих классов. — Ред.

вообще была бы мыслима), т. е. или совершенно исчезать, или ей подчиняться, или же политическая точка зрения должна быть господствующей, а военная находиться у нее в подчинении?

Мысль [1], что политическая точка зрения с началом войны должна исчезнуть, была бы возможной лишь в том случае, если бы война была боем не на жизнь, а на смерть вследствие одной только вражды; войны же в том виде, как они бывают в действительности, являются не чем иным, как проявлением именно политики, как мы уже выше показали. Подчинять политическую точку зрения военной — бессмысленно, так как политика родила войну [2]. Политика — это разум, война же только орудие, а не наоборот. Следовательно, остается только подчинить военную точку зрения политической.

Подумаем о природе действительной войны и вспомним сказанное в III главе этой части: *всякая война должна прежде всего рассматриваться по своему вероятному характеру и по главным очертаниям, вытекающим из политических величин и отношений; часто, — в наши дни мы можем с уверенностью сказать в большинстве случаев, — война должна рассматриваться как органическое целое, от которого нельзя отделить его составных частей, где, следовательно, каждое отдельное действие должно сливаться с целым и исходить из идеи этого целого; нам станет совершенно понятным и ясным, что высшей точкой зрения для направления войны, из которой должны исходить главные руководящие линии, может быть только точка зрения политики.*

Если мы будем исходить из этой точки зрения, все планы станут как бы монолитными, понимание и оценка облегчатся и станут естественнее, убежденность повысится,

[1] Следующие два абзаца выписаны В. И. Лениным полностью. Начало первого абзаца дважды отчеркнуто, и на полях стоит заметка: «Войны ведутся не из простой вражды...» — Ред.

[2] Последнее предложение в выписке В. И. Ленина два раза отчеркнуто, и против него на полях стоит заметка: «Политика родила войну». — Ред.

побуждения окажутся более соответственными, а история станет более понятной [1].

При такой точке зрения спор между интересами политическими и военными уже не вытекает из самой природы вещей; поэтому, если он возникает, на него надлежит смотреть просто как на недостаток разумения. Конечно, политика не может предъявлять к войне невыполнимых требований; это противоречило бы совершенно естественной и необходимой предпосылке, что она знает орудие, которым желает пользоваться. Если же она правильно судит о ходе военных событий, то определение, какие события и какое направление событий более всего соответствуют задачам войны, — целиком дело политики и может быть только ее делом.

Словом, военное искусство на своей высшей точке становится политикой, дающей сражения вместо того, чтобы писать ноты [2].

Согласно этому взгляду недопустимо и даже вредно устанавливать такое различие, что крупное военное событие или план операции допускают обсуждение с чисто военной стороны; более того, привлечение военных к обсуждению планов войны, чтобы они высказались с чисто военной точки зрения о том, что следует делать правительствам, представляет прием, противоречащий здравому смыслу; и еще нелепее требование теоретиков, чтобы имеющиеся для войны средства передавались полководцу, а последний в соответствии с ними вырабатывал бы чисто военный план войны или кампании. Точно [3] так же весь наш опыт говорит за то, что, несмотря на большое разнообразие в развитии современного военного дела, главные руководящие линии все же давались и определялись кабинетами, т. е., выражаясь точно, политическим органом, а не военным ведомством.

---

[1] Из этого абзаца В. И. Ленин выписал по-немецки: «С этой точки зрения... история станет более понятной». На полях против этой выписки поставлена нотабена. — Ред.

[2] Абзац выписан В. И. Лениным. — Ред.

[3] Отсюда и до конца абзаца немецкий текст выписан В. И. Лениным. — Ред.

И это вполне естественно. Ни один из основных планов, необходимых для войны, не может быть составлен без учета политических условий. Обычно выражают нечто совсем другое, чем то, что хотят сказать, когда говорят — а это часто имеет место — о вредном влиянии политики на ведение войны. Следует в этом случае порицать не это влияние политики, а самую политику. Если политика верна, т. е. если она ведет к своей цели, то соответственное ее воздействие может быть лишь благотворным для войны; там же, где ее воздействие удаляет нас от цели, корень зла надо искать лишь в ошибках политики.

Лишь в тех случаях, когда политика ошибочно ожидает от применения некоторых боевых средств и мероприятий несоответственного их природе действия, она может своими решениями оказать вредное влияние на войну. Подобно тому как человек, мало знакомый с каким-нибудь языком, порою выражает не то, что он хочет сказать, так и политика даже при правильном ходе мысли может поставить задачи, не соответствующие ее собственным намерениям.

Последнее имело место бесчисленное множество раз, что доказывает, что политические вожди не должны быть чужды известному пониманию военного дела.

Раньше чем продолжать, мы должны оградиться от неправильного толкования, которое легко может появиться. Мы далеки от мысли, что зарывшийся в бумагах военный министр, или ученый инженер, или даже испытанный боец будет наилучшим канцлером в том случае, если глава государства не руководит политикой. Иными словами, мы вовсе не хотим сказать, что знание военного дела должно быть главным качеством государственного человека. Широкий, выдающийся ум, сильный характер — вот те качества, которыми он по преимуществу должен обладать; понимание же военного дела всегда возможно так или иначе восполнить. Никогда во Франции политические и военные дела не руководились хуже, чем при братьях Белиль и герцоге Шуазель[1], которые все трое были хорошими солдатами.

[1] Клаузевиц имеет в виду министров иностранных дел Франции во вторую половину XVIII века. Маршал Фуке-де-Белиль особенно отличился при отступлении французской армии от Праги в 1742 г. — Ред.

Война должна вполне соответствовать замыслам политики, а политика должна соразмерять их в соответствии с имеющимися для войны средствами. Если политик и солдат не совмещаются в одном лице, то для достижения этого имеется лишь одно хорошее средство — сделать главнокомандующего членом правительства, дабы он в важнейшие моменты принимал участие в его совещаниях и решениях. Но опять-таки это возможно лишь в том случае, если само правительство находится вблизи театра военных действий, чтобы можно было без особого промедления решать все вопросы.

Австрийский император в 1809 г. и союзные государи в 1813, 1814 и 1815 гг. поступили таким образом, и этот метод вполне оправдался на практике.

Крайне опасно влияние в кабинете другого военного помимо главнокомандующего; это редко приведет к здоровой и энергичной работе. Пример Франции, когда Карно в 1793, 1794 и 1795 гг. руководил военными действиями из Парижа, безусловно не заслуживает подражания[1], ибо приемы террора доступны лишь революционным правительствам.

Закончим теперь рассуждение историческим обзором.

В 90-х годах прошлого[2] столетия произошел замечательный переворот в европейском военном искусстве; из-за него часть достижений лучших армий утратила всякое значение[3]. Начали достигаться такие военные успехи, о размерах которых раньше не имелось вовсе представления; казалось, что вся ответственность за происшедшие катастрофы ложится на ошибочные расчеты военного искусства. Конечно, привычки и традиции ограничивали военное искусство узким кругом идей, и оно было захвачено врасплох лавиной новых обстоятельств, которые хотя и выхо-

[1] В современных условиях при наличии телеграфа и возросшем значении тыла, непрерывно высылающего в армию пополнения людьми, снарядами и техникой, обстановка радикально изменилась, и методы Карно заслуживают полного внимания. — Ред.

[2] Т. е. XVIII столетия. — Ред.

[3] Имеются в виду муштровка и искусство маневрирования в линейном порядке, достигшее особого расцвета в прусской армии. — Ред.

дили за пределы старого круга представлений, но не противоречили существу дела.

Наблюдатели [1], обладавшие наибольшей широтой взгляда, приписывали это явление тому общему воздействию, какое политика в течение столетий оказывала на военное искусство, и притом к вящему вреду последнего, вследствие чего это искусство стало межеумочным и опустилось до игры в солдатики. Факт был верно подмечен, но было ошибочно видеть в нем нечто случайно возникшее, чего легко можно было избежать.

Другие пытались все объяснить расхождениями в политике Австрии, Пруссии, Англии и других стран.

Разум чувствовал себя захваченным врасплох; но правда ли, что подлинная внезапность имела место в области ведения войны, а не самой политики? Мы поставим вопрос на нашем языке: проистекло ли бедствие из влияния политики на войну или же из ложного направления политики?

Огромное влияние [2] французской революции на зарубежные страны заключается, очевидно, менее в новых средствах войны и взглядах на ее ведение, чем в совершенно измененном характере государства и управления, в характере правительства, состоянии народа и т. д. Что правительства других стран на эти вещи смотрели неправильно, что они обычными средствами хотели создать противовес силам новым и неудержимым, все это — ошибки политики.

Разве эти ошибки можно было предвидеть и исправить, стоя на почве чисто военного понимания явлений? Конечно, нет. Ибо если бы и появился в то время подлинный стратег-философ, который из одной лишь природы враждебного начала предвосхитил бы все последствия и, как пророк, возвестил бы об отдаленных грядущих возможностях, то такое откровение осталось бы гласом вопиющего в пустыне.

[1] Имеется в виду Беренхорст. — Ред.

[2] Этот абзац полностью выписан В. И. Лениным и сопровожден двумя нотабенами, относящимися к первой его половине. Выписке предшествует следующее замечание: «Пример: великие перемены в военном деле конца XVIII века. В чем их причина?» — Ред.

Лишь при том условии, что политике удалось бы подняться до правильной оценки пробудившихся во Франции сил и новых политических отношений, возникших в Европе, политика могла бы предвидеть, как отсюда сложатся общие очертания войны, а последнее привело бы ее к установлению нужного объема средств, к выбору лучших путей.

Следовательно, можно сказать: двадцатилетние победы революции являются главным образом последствиями ошибочной политики противостоявших ей правительств[1].

Правда, ошибки эти обнаружились лишь во время войны, а события последней оказались в полном противоречии с теми ожиданиями, которые на них возлагались политикой. Но это произошло не от того, что политика не удосужилась посоветоваться с военным искусством. То военное искусство, которому политика могла верить, т. е. военное искусство того же времени, того же порядка, того же старого мира, к которому относилась и политика, представляло хорошо знакомый ей инструмент, которым она и раньше пользовалась; но оно, конечно, утверждаем мы, разделяло заблуждения политики и поэтому не могло ей открыть глаза. Правда[2], сама война в своей сущности, в своих формах также претерпела значительные изменения, приблизившие ее к ее абсолютному облику; но эти изменения возникли не из того, что французское правительство эмансипировало войну, спустило ее, так сказать, с привязи политики; эти изменения возникли из новой политики, которая вышла из недр французской революции не только для Франции, но и для всей Европы[3]. Эта политика применила другие средства и другие силы и поэтому сделала возможной такую энергию в ведении войны, которая вне этих условий была бы немыслимой. Итак, действительные изменения в военном искусстве являются следствием изменений политики; они отнюдь не служат доказатель-

---

[1] Этот абзац полностью выписан В. И. Лениным. — Ред.

[2] Отсюда и до конца главы немецкий текст выписан В. И. Лениным. — Ред.

[3] Эта мысль в выписке В. И. Ленина дважды отчеркнута; на полях против нее стоит замечание: «Верно». — Ред.

ством возможности отделения одного от другого (военного искусства от политики), а, наоборот, являются сильным аргументом в пользу тесного их соединения.

Итак, еще раз: война есть орудие политики; она неизбежно должна носить характер последней; ее следует мерить мерой политики. Поэтому ведение войны в своих главных очертаниях есть сама политика, сменившая перо на меч, но от этого не переставшая мыслить по своим собственным законам [1].

Глава VII

ОГРАНИЧЕННАЯ ЦЕЛЬ. НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ВОЙНА

В тех случаях, когда сокрушение противника не может явиться задачей войны, налицо все же может иметься непосредственно положительная цель. Последняя может заключаться лишь в завоевании части неприятельской территории.

Польза от такого завоевания заключается в том, что мы ослабляем этим путем неприятельское государство, а следовательно, и его вооруженные силы и умножаем свои собственные силы; таким путем до некоторой степени мы ведем войну за счет противника. Кроме того, при заключении мира обладание неприятельской областью может рассматриваться как чистый выигрыш, ибо она или останется за нами, или может быть обменена на другие выгоды.

Такой взгляд на завоевание неприятельской страны является весьма естественным, и против него не было бы вовсе возражений, если бы не состояние обороны, которое должно следовать за наступлением; оно часто может внушать опасения.

В главе о кульминационном пункте победы мы с достаточной подробностью разъяснили, каким образом такое наступление ослабляет вооруженные силы и как за ним может последовать состояние, возбуждающее основательную тревогу за последствия.

---

[1] Последнее предложение в выписке В. И. Ленина отчеркнуто дважды и сопровождено замечанием на полях: «Война = политика, сменившая «перо на меч».—Ред.

Это ослабление наших сил при завоевании неприятельской территории имеет свои степени; эти последние находятся в зависимости преимущественно от географического положения завоеванного участка. Чем больше он является дополнением наших собственных земель, будучи окружен ими или простираясь вдоль них, чем больше он тянется в направлении действий главных сил, тем меньше он будет ослаблять наши вооруженные силы[1]. Саксония во время Семилетней войны представляла естественное дополнение прусского театра войны, и занятие ее не только не уменьшало вооруженных сил Фридриха Великого, но даже их усиливало, ибо она ближе расположена к Силезии, чем Бранденбург, и непосредственно прикрывает последнюю[2].

Даже Силезия, завоеванная Фридрихом Великим в 1740 и 1741 гг., не ослабила его вооруженных сил, ибо по своей форме и положению, а также по особенности своих границ[3] она предоставляла австрийцам, пока последние не владели Саксонией, лишь суженный конец, а этот небольшой участок соприкосновения к тому же лежал на том самом направлении, на котором должны были наноситься главные взаимные удары.

Напротив, в тех случаях, когда завоеванный участок территории вдается между другими неприятельскими провинциями, занимает эксцентрическое положение[4] и имеет неблагоприятные условия поверхности, ослабление вооруженных сил завоевателя возрастает так заметно, что не только неприятелю облегчается достижение победы в сражении, но таковое ему может даже не потребоваться.

---

[1] Как можно усмотреть из реального плана войны, составленного Клаузевицем в зиму 1830/31 г., здесь нужно разуметь, что захват небольшой, но богатой Бельгии на основном операционном направлении Аахен — Брюссель — Париж, не удлиняющий фронта соприкосновения с враждебными силами, не ослабляет, а усиливает положение Пруссии. Бельгия, охваченная в 1830/31 г. революцией, рассматривалась как естественная союзница Франции, а Голландия — как союзница Пруссии. — Р е д.

[2] Клаузевиц, учитывая географические данные, упускает из виду данные национального и в особенности социального порядка. — Р е д.

[3] Горные хребты на границе с Австрией. — Р е д.

[4] Т. е. подвержен охвату. — Р е д.

Австрийцы всякий раз при попытке вторжения из Италии в Прованс бывали вынуждены очищать его без боя. Французы были рады выбраться в 1744 г. из Богемии, даже не проиграв ни одного сражения. Фридрих Великий в 1758 г. не мог удержаться в Богемии и Моравии с такими же силами, с какими он достиг столь блестящих успехов в 1757 г. в Силезии и Саксонии. Случаи, когда армии не могли удержаться в завоеванных землях лишь вследствие вызванного этим ослабления, встречаются столь часто, что нет надобности приводить дальнейшие примеры.

Поэтому, когда возникает вопрос о том, должны ли мы ставить себе такую цель, то все зависит от того, можем ли мы рассчитывать удержать за собой завоеванное или же окупит ли нам в достаточной мере временный захват территории (вторжение, диверсия) затраченные на него силы; в особенности следует обдумать, нет ли основания опасаться сильного обратного удара, от которого можно вовсе утратить равновесие. Над чем надо останавливаться в каждом конкретном случае при разрешении этого вопроса, мы уже указали в главе о кульминационном пункте.

Нам остается добавить лишь следующее.

Такого рода наступлением нам не всегда удастся возместить ущерб, понесенный на других направлениях. Пока мы занимаемся частичным завоеванием, неприятель может предпринять на другом участке то же самое, и если наше предприятие не будет иметь преобладающего значения, то оно не заставит неприятеля отказаться от своего начинания. Поэтому все сводится к зрелому обсуждению вопроса, не потеряем ли мы при этом больше, чем выиграем.

Сам по себе ущерб от неприятельского завоевания всегда бывает больше выгод, извлеченных нами из завоевания, хотя бы ценность завоеванных обеими сторонами областей была совершенно одинакова; это объясняется тем, что при завоевании многое теряется непроизводительно.

Но так как непроизводительные издержки имеют место и у противника, то они, собственно, не должны были бы являться основанием к тому, чтобы придавать большее значение сохранению принадлежащего нам, чем завоеванию. А все же это так. Сохранение того, что принадлежит нам, всегда ближе нас затрагивает, и страдания, при-

чиняемые нашей собственной стране, лишь тогда уравновешиваются и в известной степени нейтрализуются, когда возмездие обещает принести значительные проценты, т. е. значительно превысить понесенный ущерб.

Вывод из всего вышесказанного тот, что стратегическое наступление, ставящее себе лишь умеренную задачу, в гораздо меньшей степени может освободиться от необходимости оборонять непосредственно неприкрытые им участки, чем наступление, направленное на центр тяжести неприятельского государства. Поэтому при постановке ограниченной цели не может быть в такой же степени достигнуто сосредоточение сил во времени и пространстве. Чтобы такое сосредоточение могло произойти хотя бы во времени, необходимо перейти в наступление, и притом одновременно на всех подходящих участках; но при таком наступлении утрачивается другая выгода, заключающаяся в том, что на отдельных пунктах при оборонительных действиях можно было бы обойтись гораздо меньшими силами. Таким образом, при постановке умеренной цели все гораздо больше снижается на один уровень, все военные действия уже нельзя сосредоточить в одной главной операции, а последнюю нельзя развить согласно одной основной руководящей идее. Все расплывается вширь, всюду усиливается трение, и раскрывается более широкий простор для случайности.

Такова естественная тенденция явлений. Она постепенно сковывает и нейтрализует полководца. Чем яснее он сознает эту тенденцию, чем больше в его распоряжении средств и полномочий, тем энергичнее он будет пытаться от нее освободиться, чтобы сосредоточить все внимание к одному пункту, хотя бы то было сопряжено и с большим риском.

Глава VIII

ОГРАНИЧЕННАЯ ЦЕЛЬ. ОБОРОНА

Конечная военная цель оборонительной войны, как мы уже говорили раньше, никогда не может быть абсолютно отрицательной. Даже для слабейшей стороны всегда найдется возможность сделать что-нибудь чувствительное или угрожающее противнику.

Правда, можно было бы указать, что такая цель будет заключаться в утомлении противника, ибо раз последний стремится к положительному результату, то для него всякое неудавшееся предприятие, даже если оно не имело иных последствий, кроме потери затраченных на него сил, представляет уже по существу шаг назад, в то время как потери обороняющегося являются не напрасными, ибо его цель — сохранение, и эта цель достигается. Итак, можно было бы сказать, что положительная цель обороны заключается уже в сохранении. Такое понимание следовало бы признать правильным, если бы можно было определенно утверждать, что наступающий после известного числа неудачных попыток обязательно утомится и откажется от достижения своей цели. Но как раз такой неизбежности нет. С точки зрения истощения сил обороняющийся находится в менее выгодном положении. Наступление действительно ослабляет, но лишь в том смысле, что может наступить поворотный пункт; в тех же случаях, когда о нем не приходится и думать, обороняющийся обессиливается больше, чем наступающий, отчасти потому, что он является слабейшей стороной и, следовательно, при равенстве потерь терпит больший урон, чем наступающий, а отчасти потому, что последний обычно отнимает у него часть его территории и источников снабжения и пополнения.

Однако нет никаких оснований делать отсюда вывод об уступке противнику, так как надо иметь в виду, что когда наступающий будет повторять свои удары, а обороняющийся будет ограничиваться одним отражением их, то последний уже не сможет устранить опасность успеха со стороны противника, и успех этот рано или поздно наступит.

Если действительно истощение или, вернее, утомление сильнейшей стороны нередко приводило к заключению мира, то причиной тому был тот половинчатый характер, который большей частью присущ войне. Однако с философской точки зрения в этом нельзя видеть общую и конечную задачу какой-либо обороны; отсюда остается лишь признать, что цель последней заключается в понятии выжидания, каковое и составляет ее характерную черту. Это

понятие заключает в себе представление об изменении обстоятельств, об улучшении положения, чего можно ожидать лишь извне там, где этого нельзя достигнуть внутренними средствами, т. е. самим сопротивлением. Это улучшение извне может быть вызвано только изменением политической обстановки: или обороняющемуся удастся заключить новые союзы, или же окажутся расторгнутыми старые, направленные против него.

Такова, следовательно, цель обороняющегося в том случае, когда его слабость не дает ему оснований рассчитывать на успех сколько-нибудь значительного контрудара. Но не всякая оборона согласно идее, которую мы о ней составили, носит такой характер. Мы указывали, что оборона является сильнейшей формой войны, и ради этой силы оборона может быть применена и в том случае, когда учитывается более или менее сильный контрудар.

Оба эти случая нужно с самого начала отделить друг от друга, ибо оборона в них складывается несколько отлично.

В первом случае обороняющийся старается возможно дольше удержать за собой и сохранить в неприкосновенности свою территорию, ибо при этом он выигрывает больше всего времени, а выигрыш времени для него единственный путь к достижению цели. Положительную задачу, которую ему легче других было бы выполнить и которая дала бы ему возможность при заключении мира осуществить свои намерения, он еще не может включить в свой план войны. Эта стратегическая пассивность предоставляет обороняющемуся возможность добиться на некоторых участках известных успехов при простом отражении отдельных атак; обороняющийся попытается использовать тот перевес, которого он добился здесь, для защиты других участков, ибо обычно нужда глядит на него из всех углов и концов. Если к этому не представится случая, то его успех часто сведется к незначительной выгоде, заключающейся в том, что неприятель оставит его на некоторое время в покое.

Небольшие наступательные предприятия, задача которых заключается не столько в прочном овладении территорией, сколько в приобретении временных выгод — захват про-

странства, которое можно будет потом уступать, вторжения, диверсии, предприятия против отдельных крепостей, — могут найти себе место в этой системе обороны, не изменяя ее целей и характера, если обороняющийся не слишком уже бессилен.

Но во втором случае, где обороне уже привито известное положительное намерение, она приобретает и более положительный характер, и притом тем больше, чем крупнее контрудар, допустимый в данной обстановке. Иными словами, чем больше оборона вытекает из свободного решения, дабы вернее обеспечить нанесение первого удара, тем более смелые западни может ставить обороняющийся своему противнику. Самый смелый прием такого рода, и при удаче самый действительный, — это отступление внутрь страны; это средство в то же время оказывается наиболее противоречащим системе, которой держится оборона в первом случае.

Вспомним о различии в положениях, в которых находились Фридрих Великий в Семилетнюю войну и Россия в 1812 г.

Когда началась война, у Фридриха благодаря готовности его имелось известное превосходство; это дало ему возможность оккупировать Саксонию, составлявшую, впрочем, столь естественное дополнение прусского театра войны, что этот захват не только не ослабил его вооруженных сил, но даже увеличил их.

В начале кампании 1757 г. король пытался продолжать свое стратегическое наступление, что не казалось невозможным, пока русские и французы еще не появились на театре войны в Силезии, Бранденбурге и Саксонии. Это наступление закончилось неудачей и перешло в оборону; Фридриху до конца кампании пришлось ограничиться обороной; он был вынужден вновь очистить Богемию и освобождать от неприятеля собственные области; последнее ему удалось лишь благодаря тому, что он с одной и той же армией сначала набросился на французов, а потом на австрийцев. Это преимущество ему могла дать только оборона[1].

[1] В настоящее время при наличии железных дорог действия по внутренним линиям возможны не только при обороне на

В 1758 г., когда неприятель теснее сомкнул вокруг него кольцо, а соотношение сил начало складываться очень невыгодно, он попытался предпринять новое небольшое наступление в Моравию; он задумал овладеть Ольмюцем ранее, чем его противники начнут кампанию; при этом Фридрих не надеялся ни удержать его за собой, ни продвинуться дальше; он лишь рассчитывал использовать его как вынесенное вперед укрепление, как contre-approche[1] против австрийцев, которые тогда были бы вынуждены затратить остальную часть кампании, а может быть и кампанию следующего года на то, чтобы вновь овладеть Ольмюцем. И это наступление постигла неудача. Тогда Фридрих отказался от всякой мысли о подлинном наступлении, сознавая, что последнее лишь увеличивает несоразмерность его сил с силами противника. Сосредоточенное расположение в центре его земель, в Саксонии и Силезии, использование коротких внутренних линий для внезапного усиления своих вооруженных сил на угрожаемом пункте, сражение, когда оно было неизбежно, небольшие вторжения, когда к тому представлялся удобный случай, и наряду с этим спокойное выжидание, сбережение средств до лучших времен, — вот что стало основой его плана войны. Выполнение этого плана постепенно приобретало все более пассивный характер. Заметив, что даже победы обходятся ему слишком дорого, он попытался применить более дешевые методы; для него важно было одно — выиграть время, сберечь то, чем он еще владел; он стал еще бережливее относиться к пространству и не побоялся перейти к подлинной кордонной системе. Последнего наименования заслуживают как позиции принца Генриха в Саксонии, так и позиции короля в Силезских горах. В его письмах к маркизу д'Аржану проглядывает то нетерпение, с которым он поджидал момента занятия зимних квартир; и как он был рад, когда он вновь мог начать распола-

---

тесном пространстве, но и при наступательных действиях на два фронта, что показала Германия в мировую войну. — Ред.

[1] Контрапрошами называли легкие укрепления, которые выносились при особенно активной обороне крепости вперед, за линию главной обороны, навстречу обнаруженной постепенной атаке осаждающего. — Ред.

гаться на них, не понеся за кампанию особенно тяжелого ущерба.

Тот, кто вздумал бы порицать Фридриха, видя в этом лишь упадок духа, вынес бы, как нам представляется, необдуманный приговор.

Укрепленный лагерь у Бунцельвица, кордонное расположение принца Генриха в Саксонии и короля в Силезских горах не рисуются нам теперь мероприятиями, на которые следовало бы возлагать свои последние надежды, так как какой-нибудь Бонапарт скоро прорвал бы эту тактическую паутину; но не надо забывать, что времена переменились, что война сделалась совсем другою; что ее вдохновляют совсем другие силы; в предыдущую же эпоху могли оказаться действительными и такие позиции, которые теперь потеряли всякое значение; при этом необходимо учитывать и характер противника. Против имперских войск, против Дауна и Бутурлина пользование такими средствами, которые Фридрих сам ни во что не ставил бы, могло быть высшей мудростью.

Конечный успех оправдал такую точку зрения. Спокойно выжидая, Фридрих достиг своей цели и обошел все затруднения, о которые могли бы разбиться его силы.

Соотношение сил, которые русские могли противопоставить французам в 1812 г., в начале кампании являлось гораздо более неблагоприятным для первых, чем соотношение сил, складывавшееся для Фридриха Великого в Семилетнюю войну. Но русские имели в перспективе прибытие значительных подкреплений в течение кампании. Вся Европа была полна тайными врагами Бонапарта; мощь последнего была взвинчена до крайней точки, изнурительная война отвлекала его силы в Испании, и, наконец, обширные пространства России открывали возможность довести до крайности ослабление неприятельских вооруженных сил путем отступления на протяжении 100 миль. При таких величественных обстоятельствах не только можно было рассчитывать на коренное изменение обстановки, в случае если бы предприятие французов не удалось (а как могло оно удаться, раз император Александр не заключал мира, а его подданные не бунтова-

ли?), но начавшаяся реакция могла привести к гибели противника. Высшая мудрость не могла бы, таким образом, подсказать лучшего плана, чем тот, который непреднамеренно проводили русские.

Правда, в те времена думали иначе и почли бы такой взгляд экстравагантным; но это не может теперь служить основанием для нас не выдвигать его как правильный. Раз мы должны учиться у истории, то надо смотреть на явления, имевшие место в действительности, как на возможные и в будущем. Что ряд великих событий, которые последовали за походом на Москву, являлся не рядом случайностей, с этим согласится всякий, кто может претендовать на право судить в таких вопросах. Если бы русские имели возможность кое-как защищать свои границы, то упадок могущества Франции и поворот в счастьи все же, вероятно, наступил бы, но он наверно не наступил бы с такой титанической силой и размахом. Ценою великих жертв и опасностей (которые, правда, для всякой другой страны были бы гораздо значительнее, а для большинства даже невозможными) Россия купила эти огромные выгоды.

Итак, крупного положительного успеха можно достигнуть лишь положительными мероприятиями, стремящимися к р е ш е н и ю, а не только к выжиданию, — словом, и оборона достигает крупного выигрыша лишь при помощи крупной ставки.

Г л а в а IX

ПЛАН ВОЙНЫ, КОГДА ЦЕЛЬ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В СОКРУШЕНИИ НЕПРИЯТЕЛЯ [1]

После того как мы подробно охарактеризовали различные возможные конечные военные цели, мы просмотрим теперь распорядок войны в целом для трех отдельных

[1] На эту главу надлежит смотреть как на обоснование первого наброска войны с Францией. Клаузевиц исходил здесь из обстановки выступления Священного союза в случае новой вспышки революции во Франции. Многие мысли этой главы легли затем в основу планов Мольтке старшего и Шлиффена. — Р е д.

ступеней [1], которые получаются в соответствии с различными целями.

Согласно всему тому, что мы до сих пор сказали об этом предмете, два основных принципа обнимают весь план войны и дают руководящее направление всему остальному.

Первое: сводить всю тяжесть неприятельского могущества к возможно меньшему числу центров тяжести, и если это удастся, то к одному; с другой стороны, удары против этих центров тяжести сводить к возможно меньшему числу основных операций, по возможности к одной; наконец, в пределах возможности все второстепенные операции ставить в подчиненное положение. Словом, первый принцип — в возможной степени сосредоточивать действие.

Второй принцип гласит: действовать с возможной быстротой, следовательно не допускать без достаточного основания ни пауз, ни уклонения на окольные пути.

Сведение сил неприятеля к одному центру тяжести зависит:

а) от политической увязки этих сил; если силы состоят из войск, принадлежащих одному государю, то обычно это не представит затруднений; если это союзные армии, из которых одна действует только в качестве союзника, не преследуя своих интересов, то трудность лишь немного возрастет; если же мы имеем дело с союзниками, связанными между собой общностью политических задач, то вопрос сводится к степени связывающей их дружбы; об этом мы уже говорили;

б) от положения театра войны, на котором выступают различные неприятельские армии.

Если неприятельские силы объединены на театре войны в одну армию, то фактически они составляют одно целое, и нам не о чем больше спрашивать; если же они группируются на театре войны несколькими армиями, то единство уже не абсолютно; все же между частями существует достаточная связь для того, чтобы решительный удар, нанесенный одной части, увлек вместе с этой частью и

[1] Т. е. сокрушение врага, наступление с ограниченной целью, оборона с ограниченной целью. — Ред.

другие. Если армии распределены по соседним театрам войны, не отделенным друг от друга значительными естественными преградами, то и здесь может наблюдаться решительное влияние, оказываемое участью одной армии на другую; если же театры войны очень удалены друг от друга, если их разделяют нейтральные земли, значительные горы и проч., то указанное влияние представляется весьма сомнительным и даже невероятным; если же, наконец, они расположены на разных концах воюющего государства, так что действия на них расходятся в эксцентрических направлениях, то почти исчезают следы всякой связи между армиями.

Если бы на Пруссию одновременно напали Россия и Франция, то в отношении ведения войны это было бы равносильно двум отдельным войнам. Но единство все же сказалось бы во время переговоров. И, наоборот, саксонские и австрийские войска во время Семилетней войны следует рассматривать как одно целое. Испытания, выпадавшие на одних, должны были ощущать и другие, отчасти потому, что для Фридриха Великого оба театра войны лежали в одном направлении, а отчасти потому, что Саксония не обладала политической самостоятельностью.

Бонапарту пришлось в Германии в 1813 г. бороться со многими врагами, но все они располагались по отношению к нему приблизительно в одном направлении, и театры войны их армий находились между собой в тесной связи и постоянном взаимодействии. Если бы Бонапарту удалось, сосредоточив свою армию, где-либо разбить главные силы противников, он тем самым нанес бы решительное поражение всем остальным частям. Если бы он разбил богемскую главную армию и двинулся через Прагу на Вену, Блюхер при всем своем желании не имел бы возможности оставаться в Саксонии, ибо его вызвали бы на помощь в Богемию, а шведский наследный принц ни за что не захотел бы оставаться в Бранденбурге.

Напротив, для Австрии при ведении войны против Франции одновременно на Рейне и в Италии всегда будет нелегко успешным ударом на одном из этих театров достигнуть решения и на другом. Отчасти Швейцария со своими горами слишком резко разделяет оба театра войны,

отчасти дороги на них идут в эксцентрическом направлении. Франция скорее имеет возможность победой на одном из этих двух театров добиться решительного перелома и на другом, ибо направления ее сил на обоих театрах концентрически сходятся к Вене — центру тяжести австрийской монархии; далее можно сказать, что легче действиями из Италии достигнуть решения и на Рейне, чем наоборот, ибо удар из Италии непосредственнее поражает центр австрийской державы, а удар на Рейне приходится на ее окраину.

Отсюда следует, что понятие о разъединении или единении неприятельских сил допускает разные градации, и лишь в каждом конкретном случае можно отдать себе отчет в том, какое влияние события, происходящие на одном театре войны, окажут на другой, а отсюда уже можно заключить, в какой мере можно свести различные центры тяжести неприятельских сил к одному.

Для принципа — сосредоточивать все усилия на центре тяжести неприятельской мощи — существует только одно исключение, а именно — когда второстепенные предприятия сулят *необычайные выгоды*; однако, и при этом мы устанавливаем предпосылку наличия решительного перевеса сил, при котором второстепенные действия не подвергнут нас чрезмерному риску на важнейшем пункте.

Когда генерал Бюлов двинулся в 1814 г. в Голландию, можно было предвидеть, что 30 000 человек его корпуса не только нейтрализуют такое же число французов, но и дадут возможность голландцам и англичанам выступить со своими силами, которые иначе вовсе бы себя не проявили.

Итак, первая точка зрения, которой надо держаться при составлении плана войны, сведется к тому, чтобы выяснить центры тяжести неприятельских сил и, по возможности, свести их к одному; вторая будет заключаться в том, чтобы сосредоточить силы, направляемые против этого центра тяжести, для одной основной операции.

Здесь могут встретиться лишь следующие основания для дробления и разделения вооруженных сил:

1. Первоначальное расположение сил, следовательно и положение участвующих в наступлении государств.

Если сосредоточение вооруженных сил связано с обходными движениями и значительной потерей времени, а риск разъединенного продвижения не слишком велик, то такое разъединение является оправданным, ибо осуществление с большой потерей времени не являющегося необходимым сосредоточения войск и лишение тем самым первого удара свежести и размаха будет противоречить второму из выдвинутых нами основных принципов. Во всех случаях, когда мы можем рассчитывать в известной степени поразить противника внезапностью, этому следует уделять особое внимание.

Но еще важнее тот случай, когда наступление предпринимается союзными государствами, которые по отношению к неприятельскому государству расположены не в одном направлении, не одно позади другого, а рядом. В случае войны Пруссии и Австрии против Франции было бы весьма ошибочным мероприятием, сопряженным с напрасной тратой времени и сил, если бы армии обеих держав захотели выступить из одного пункта; естественное направление к сердцу Франции идет для пруссаков через нижнее течение Рейна, а для австрийцев — через верхнее. Соединение этих армий и в дальнейшем не могло бы осуществиться без известных жертв; следовательно, в каждом таком случае приходится разрешать вопрос, будет ли сосредоточение сил настолько необходимым, чтобы стоило покупать его ценою этих жертв.

2. Наступление отделенными одна от другой группами может дать большие успехи.

Так как здесь идет речь о наступлении отделенными одна от другой группами против о д н о г о центра тяжести, то это предполагает к о н ц е н т р и ч е с к о е продвижение. Разъединенное наступление по параллельным или эксцентрическим линиям относится к в т о р о с т е п е н н ы м операциям, о которых мы уже говорили.

Всякое концентрическое наступление как в стратегии, так и в тактике сулит б о л е е з н а ч и т е л ь н ы й успех, ибо в случае удачи мы не только опрокидываем неприятельскую армию, но в большей или меньшей мере и отрезаем ее. Следовательно, концентрическое наступление всегда богаче результатами, но вследствие разъеди-

нения частей и расширения театра войны оно связывается с более крупным риском. В данном вопросе дело обстоит так же, как и с наступлением и обороной: более слабая форма открывает перспективу на более крупные успехи.

В конце концов все сводится к тому, чувствует ли себя наступающий достаточно сильным для того, чтобы стремиться к крупной цели.

Когда Фридрих Великий в 1757 г. решил вторгнуться в Богемию, он это выполнил раздельными группами, наступавшими из Саксонии и Силезии. Две главные причины побудили его к этому: во-первых, распределение его сил на зимних квартирах было таково, что сосредоточение их в одном пункте лишило бы его удар внезапности; вторая причина сводилась к тому, что это концентрическое продвижение угрожало каждому из двух австрийских театров войны с фланга и тыла. Опасность, которой при этом подвергался сам Фридрих Великий, заключалась в том, что одна из его двух армий могла быть разбита превосходными силами. Раз австрийцы э т о г о не поняли, они могли принять сражение только в центре или же подвергались опасности быть совершенно отброшенными в ту или другую сторону от своего пути отступления и претерпеть катастрофу; это и был тот чрезвычайный успех, который сулило королю это концентрическое наступление. Австрийцы предпочли принять сражение в центре, но Прага, у которой они построились, все еще была расположена в сфере охватывающего наступления, и последнее вследствие полной пассивности австрийцев достигло своей предельной действенности. Последствием этого после проигрыша австрийцами сражения явилась катастрофа, ибо нельзя не назвать катастрофой, если две трети армии вместе с главнокомандующим позволили запереть себя в Праге.

Этот блестящий успех в начале кампании был достигнут отважным концентрическим наступлением. Кто мог порицать Фридриха за то, что он считал достаточной гарантией успеха точность своих движений, энергию своих генералов, моральное превосходство своих войск и неповоротливость австрийцев? Эти моральные величины не должны выпадать из расчета; нельзя приписывать успех

только геометрической форме наступления. Вспомним хотя бы о не менее блестящей кампании Бонапарта в 1796 г., когда австрийцы были так жестоко наказаны за концентрическое вторжение в Италию. Средства, находившиеся в распоряжении французского генерала, имелись бы в наличии (за исключением моральных) и у австрийского полководца в 1757 г. и даже в большей мере, так как он не был, подобно Бонапарту, слабее своего противника. Таким образом, когда следует опасаться, что раздельное концентрическое продвижение даст противнику возможность посредством действий по внутренним линиям парализовать неравенство сил, такое движение рекомендовать нельзя, а если группировка войск заставит прибегнуть к нему, то на него следует смотреть как на неизбежное зло.

Если мы с этой точки зрения взглянем на план, составленный для вторжения во Францию в 1814 г., то он не заслужит нашего одобрения. Русская, австрийская и прусская армии находились вместе в районе Франкфурта-на-Майне, на самом естественном и прямом направлении к центру тяжести французской монархии [1]. Их разделили и направили — одну армию во Францию через Майнц, а другую — через Швейцарию. Так как у неприятеля было так мало сил, что ему нечего было и думать об обороне границ, то вся выгода, какую можно было бы ожидать от такого концентрического продвижения, если бы оно удалось, сводилась лишь к тому, что в то время как одной армией завоевывали Лотарингию и Эльзас, другая занимала Франш-Контэ. Стоила ли эта маленькая выгода того, чтобы проделывать поход через Швейцарию? Мы знаем, впрочем, что решающее значение для выбора этого плана имели и другие столь же недостаточные основания, но здесь мы остановились лишь на тех элементах, о которых идет речь сейчас.

С другой стороны, Бонапарт был как раз человеком, превосходно умевшим обороняться против концентрического наступления, доказательством чему является его мастерская кампания 1796 г., и если союзники значи-

---

[1] Точнее — империи. — Ред.

тельно превосходили его в количестве войск, то при всяком удобном случае проявлялось превосходство его как полководца. Он слишком поздно прибыл к своей армии в район Шалона, вообще слишком пренебрежительно смотрел на своих противников и все же едва не разбил поодиночке обе армии. В каком виде застал он их под Бриенном? У Блюхера из его 65 000 человек было налицо всего только 27 000, а из 200 000 главной армии — только 100 000 человек. Невозможно было предоставить противнику больше шансов на успех. И, конечно, с того момента, как начались действия, важнейшая потребность союзников заключалась в том, чтобы вновь соединиться.

По всем этим соображениям мы полагаем, что если концентрическое наступление и представляет средство для достижения наибольшего успеха, то все же оно преимущественно должно вытекать из первоначального разделения сил; редко встречаются такие случаи, когда мы поступили бы правильно, отказываясь из-за него от кратчайшего и простейшего направления наших сил.

3. Расширение театра военных действий может служить основанием для продвижения раздельными группами.

Когда наступающая армия двинется из одного пункта и с успехом вторгнется вглубь неприятельской территории, то пространство, над которым она господствует, не будет точно ограничиваться теми путями, по которым она следует, а расширится несколько в стороны; однако, размер этого расширения будет в значительной мере зависеть от плотности и сколоченности неприятельского государства. Если неприятельское государство слабо спаяно, а народ изнежен и отвык от войны, то без особых усилий с нашей стороны позади нашей победоносной армии откроется обширная полоса земли; но если мы имеем дело с мужественным и верным народом, то наше господство ограничится более или менее узким треугольником позади нашей армии.

Дабы предотвратить это зло, продвигающийся вперед должен вести свое наступление на достаточно широком фронте. Если неприятельские силы сосредоточены в одном пункте, то ширина фронта наступления может сохраняться лишь до установления контакта с противником и

должна суживаться по мере приближения к его расположению; это понятно само собою.

Однако если неприятель сам принял достаточно широкую группировку, то распределение наших сил на таком же фронте само по себе не представляло бы ничего неблагоразумного. Мы здесь говорим об одном театре войны или о нескольких, но находящихся вблизи, по соседству. Таким образом, очевидно, что это будет случай, когда, по нашим взглядам, главная операция решит судьбу и второстепенных пунктов.

Но в с е г д а л и следует ставить дело так, и можно ли подвергаться опасности, возникающей из недостаточного воздействия важнейшего пункта на пункты второстепенные? Не заслуживает ли потребность в известной ширине театра войны особого внимания?

Здесь, как и повсюду, невозможно исчерпать число комбинаций, которые м о г у т иметь место; но мы утверждаем, что за немногими исключениями решение, достигнутое на главном пункте, скажется и на второстепенных. Этим принципом должны руководиться действия во всех тех случаях, в которых противное не устанавливается с полной очевидностью.

Когда Бонапарт вторгся в Россию, он с полным правом мог рассчитывать на то, что ему удастся, одолев главные силы русских, тем самым смести и сопротивление войск, оставленных на верхнем течении Двины. Он вначале оставил против них лишь корпус Удино; однако Витгенштейн перешел в наступление, и Бонапарт оказался вынужденным послать туда еще шестой корпус.

Между тем, против Багратиона он еще с самого начала кампании направил часть своих сил; но Багратион был увлечен общим уходом центра, и Бонапарт имел возможность снова присоединить к себе эти войска. Если бы Витгенштейну не приходилось прикрывать вторую столицу, то и он присоединился бы к отступательному движению главной армии под командой Барклая.

В 1805 и 1809 гг. победы Бонапарта под Ульмом и под Регенсбургом явились и решением судьбы Италии и Тироля, хотя первая представляла довольно удаленный и самостоятельный театр войны. В 1806 г. под Иеной и Ауэр-

штедтом он добился окончательного решения по отношению ко всему, что могло быть предпринято против него в Вестфалии, Гессене и по дороге на Франкфурт.

Среди множества обстоятельств, влияющих на сопротивление боковых районов театра войны, преимущественное значение принадлежит двум следующим.

Первое: если страна, как это было в России, имеет огромные размеры и располагает относительно большими силами, то решительный удар на главном направлении может затянуться надолго; поэтому отпадает надобность спешно сосредоточивать к нему все силы.

Второе: когда (например, в 1806 г. в Силезии) боковой район приобретает необычную самостоятельность благодаря большому числу крепостей. И все же Бонапарт отнесся к этому району с большим пренебрежением, направив против него лишь 20 000 человек под начальством своего брата Жерома; между тем, Бонапарт, двигаясь на Варшаву, оставлял этот район позади себя.

Если в конкретном случае выяснится, что удар на главном направлении, по всей вероятности, не отразится на боковых районах или уже фактически не отразился, то причина этого заключается в том, что неприятель выставил там значительные вооруженные силы; против них также придется выделить соответственные силы, что надо считать неизбежным злом, так как нельзя сразу же оставлять свои сообщения без всякой охраны.

Однако осторожность может повести еще к дальнейшему шагу: она может выдвинуть требование, чтобы наступление на главном направлении точно сообразовалось с ходом наступления в боковых районах и, следовательно, чтобы каждый раз, когда неприятель не захочет уходить из них, наступление на главном направлении приостановилось бы.

Такой прием как будто не совсем противоречит выдвинутому нами принципу сосредоточивать возможно большие силы в одной главной операции, но тот дух, из которого рождается этот прием, явно противоположен идее, вложенной в наш принцип. При соблюдении этого приема возник бы такой темп движений, такое ослабление силы удара, такая игра случайностей и, наконец, та-

кая потеря времени, что это практически было бы совершенно несовместимо с наступлением, имеющим целью сокрушение противника.

Трудности еще возрастут, если силы противника в этих боковых районах имеют возможность отходить в эксцентрических направлениях. Что же тогда останется от единства нашего удара?

Мы должны, следовательно, высказаться безусловно против зависимости главного наступления от хода действия в боковых районах и утверждаем, что направленное на сокрушение противника наступление, у которого нехватает смелости лететь стрелой прямо в сердце неприятельской страны, никогда не достигнет своей цели.

4. Наконец, облегчение условий существования армии является четвертым основанием в пользу разъединенного наступления.

Конечно, гораздо приятнее итти с маленькой армией по богатой области, чем с большой следовать через бедную; но при целесообразных мероприятиях и с войсками, привыкшими к лишениям, последнее не представляется невозможным; поэтому такое соображение никогда не должно оказывать влияния на наше решение, чтобы мы из-за него подвергались серьезной опасности.

Итак, мы отдали должное основаниям для разделения сил, разлагающим единое главное действие на несколько, и не решимся высказывать порицание в тех случаях, когда такое разделение совершается на одном из этих оснований с ясным сознанием его смысла и с тщательным взвешиванием выгод и невыгод.

Но когда, как обычно это бывает, ученый генеральный штаб по привычке составляет план, по которому различные районы театра войны должны быть еще до начала игры заняты разными фигурами, как поле на шахматной доске, и затем начинается игра — движение к цели, вдохновляемое фантастической мудростью комбинаций, сложными линиями и отношениями, когда войска должны разойтись сегодня для того, чтобы с напряжением всех сил и искусства, с великой опасностью вновь соединиться через две недели,— то мы испытываем глубокое отвращение к такому уклонению от прямого, простого, бесхит-

ростного пути, умышленно ввергающему нас в полное замешательство. Подобные нелепости имеют тем легче место, чем слабее полководец осуществляет руководство войной и чем дальше отступает он от понимания своей роли, указанной нами в I главе [1], как непосредственного выявления своей одаренной огромными силами индивидуальности. При такой слабости полководца весь план рождается в недрах фабрики непрактичного генерального штаба и является продуктом мозговой деятельности дюжины полузнаек.

Теперь нам остается разобраться только в третьей части нашего первого принципа, а именно — все второстепенное ставить, насколько возможно, в подчиненное положение.

Стремясь свести все военные действия к одной простой цели и достичь ее, по возможности, одной крупной операцией, мы лишаем остальные участки соприкосновения воюющих держав доли их самостоятельности: они становятся районами подчиненных действий. Если было бы возможно абсолютно все сосредоточить в одной операции, то эти участки соприкосновения оказались бы совершенно нейтрализованными; но это возможно лишь в редких случаях, и поэтому все сводится к тому, чтобы ставить эти участки соприкосновения в такие рамки, в которых они не отвлекут от важнейшего слишком много сил.

Прежде всего мы утверждаем, что план войны должен преследовать эту тенденцию даже в том случае, когда невозможно свести неприятельское сопротивление в целом к одному центру тяжести, и, следовательно, мы находимся в том положении, которое мы уже однажды характеризовали как ведение одновременно двух почти совершенно различных войн. Всегда следует смотреть на одну из них, как на г л а в н у ю, и преимущественно на нее обращать все силы и внимание.

При такой точке зрения благоразумно будет действовать н а с т у п а т е л ь н о только на этом главном фронте, на другом же держаться обороны. Лишь при наличии необычайных обстоятельств, особо благоприятству-

---

[1] 8-й части. — Р е д.

ющих наступлению на этом последнем, таковое может быть оправдано.

Далее надлежит вести эту оборону на второстепенных участках возможно меньшими силами, стараясь извлекать все выгоды, присущие этой форме сопротивления.

Еще большее значение имеет эта точка зрения для всех тех театров войны, на которых хотя и выступают армии различных держав, но где обстановка допускает воздействие на них удара, нанесенного их общему центру тяжести.

Против же самого врага, на которого направляется главный удар, оборона на второстепенных театрах уже не нужна. Само главное наступление и вызванные другими надобностями вспомогательные атаки являются исчерпывающими и делают оборону пунктов, непосредственно ими не прикрытых, излишней. Все сводится к важнейшему решению; им покрываются все потери. Если, по нашему разумению, сил достаточно для того, чтобы добиваться такого решения, то **возможность неудачи** не должна служить основанием к тому, чтобы принимать меры для обеспечения себя на всякий случай от возможного ущерба на других участках, ибо как раз последнее увеличивает в значительной степени возможность такой неудачи и таким путем вводит в наши действия противоречие [1].

Подобное преобладание главного действия над подчиненными должно сохраняться и между отдельными частями общего наступления. Но так как обычно иного рода причины определяют силы, подлежащие движению с того или другого театра войны против общего центра тяжести, то в данном случае речь идет лишь **о стремлении отвести господствующую роль** основному действию, ибо чем больше будет достигаться такое первенство, тем это действие будет проще и меньше подвержено случайностям.

---

[1] Граф Шлиффен исходил из этого положения, ослабляя до крайности оборону Лотарингии и очищая верхний Эльзас, чтобы усилить перевес на правом фланге. Мольтке младший, не разделяя полностью идеи сокрушения, нарушил это положение, что обострило кризис на Марне. — Ред.

Второй принцип заключается в быстром использовании вооруженных сил.

Каждая напрасная трата времени, каждый окольный, кружной путь являются расточительным расходованием сил и, следовательно, противоречат принципам стратегии.

Весьма полезно при этом помнить, что наступление черпает свое почти единственное преимущество из внезапности, с которой происходит открытие действий. Его самые могучие крылья — это внезапность и безостановочность, и там, где цель наступления сводится к сокрушению врага, без них оно обойтись не может.

Здесь, следовательно, теория требует выбора кратчайших путей к цели и совершенно исключает бесчисленные споры о том, итти вправо или влево, туда или сюда.

Если мы напомним о том, что нами было сказано в главе об объекте стратегического наступления относительно впадины, ведущей к сердцу государства[1], а также и то, что мы говорили в IV главе этой части относительно влияния, оказываемого временем, то, думается нам, не потребуется дальнейших разъяснений для полного осознания, что этот принцип действительно обладает тем значением, которое мы ему приписываем.

Бонапарт всегда действовал таким образом. Кратчайшие дороги от своей армии к неприятельской или от своей столицы до столицы неприятеля были его излюбленными путями.

В чем же должна заключаться та главная операция, к которой мы все сводим и скорейшего без каких-либо извилин выполнения которой мы требуем?

Что значит сокрушение врага, мы, по возможности, разъяснили в общих чертах в IV главе, и было бы бесполезно вновь повторять сказанное. Конец в каждом отдельном случае может разниться, но начало всегда одно и то же, а именно — уничтожение неприятельских вооруженных сил, т. е. крупная победа, одержанная над ними, и их разгром.

---

[1] Этот вопрос не затрагивается в главе III части 7-й, на которую ссылается Клаузевиц; о нем говорится, не употребляя этого термина, в главе IV части 8-й. — Ред.

Чем скорее, т. е. чем ближе к нашей границе, будет одержана эта победа, тем достижение ее будет л е г ч е; чем позже, т. е. чем глубже в неприятельской стране мы ее одержим, тем она будет р е ш и т е л ь н е е. Здесь, как и во всех других случаях, легкость успеха находится в строгом соответствии с его размерами.

Поэтому, если мы не обладаем таким превосходством сил над противником, чтобы победа наша во всех случаях была несомненна, мы должны, по возможности, скорее добиться встречи с его главными силами. Мы говорим: п о в о з м о ж н о с т и, ибо если бы такая встреча была сопряжена для нас с кружными движениями, с блужданием по ложным направлениям и потерей времени, то добиваться ее во что бы то ни стало могло бы быть и ошибкой. Если мы не встречаем неприятельской армии на своем пути и не можем пуститься в поиски ее, так как это в других отношениях противоречило бы нашим интересам, то мы можем быть уверены, что найдем ее позднее, ибо она не замедлит броситься нам навстречу. Тогда нам придется сражаться, как мы только что говорили, при менее благоприятных условиях — зло, которого избегнуть нельзя. Если мы тем не менее выиграем сражение, то наша победа будет тем решительнее.

Отсюда следует, что умышленно проходить мимо неприятельских главных сил, когда они уже находятся на нашем пути, было бы ошибкой, по крайней мере постольку, поскольку мы имеем в виду облегчить себе одержание победы.

С другой стороны, из вышесказанного следует, что при очень значительном превосходстве сил можно сознательно пройти мимо неприятельских главных сил с тем, чтобы позднее дать им более решительное сражение.

Мы говорим о полной победе [1], следовательно о разгроме неприятеля, а не просто о выигранном сражении. Но для такой победы необходимо охватывающее наступление или же сражение с перевернутым фронтом, ибо в обоих случаях исход носит решительный характер. Поэтому существенной частью плана кампании является установление

[1] Шлиффен ввел термин «экстраординарная победа». — Р е д.

соответственного распорядка как в отношении группировки вооруженных сил, так и направления их; об этом будет сказано ниже, в главе о плане кампании [1].

Правда, мы не отрицаем возможности полного разгрома в сражениях с прямым фронтом, и в подобных примерах нет недостатка в военной истории; однако, такие случаи бывают редко и встречаются все реже и реже по мере того, как сходство между армиями в отношении обучения и тактической подготовки увеличивается. Теперь уже не удастся взять в плен в одном селении 21 батальон, как то было в Блиндхейме [2].

Раз одержана крупная победа, то не должно быть и речи об отдыхе, передышке, о том, чтобы оглядеться, устроиться и прочем; в порядке дня только преследование, нанесение новых ударов, где это понадобится, захват неприятельской столицы, наступление на выполнявшие второстепенные задачи части противника или на все то, что еще является опорой неприятельского государства.

Если наш победный путь направляется мимо неприятельских крепостей, то вопрос, следует ли подвергнуть их осаде, зависит от наших сил. При наличии большого перевеса на нашей стороне было бы потерей времени не овладеть ими как можно раньше. Но если мы не вполне уверены в дальнейшем успехе нашего продвигающегося ядра, то против крепостей мы должны оставить возможно меньшее количество войск, что исключает возможность их правильной осады. К тому моменту, когда осада крепости нас вынуждает приостановить дальнейшее наступление, последнее, как общее правило, уже достигло своего кульминационного пункта. Итак, мы настаиваем на быстром и безостановочном продвижении вперед и преследовании главными силами. Мы уже высказались против того, чтобы такое продвижение вперед на главном направлении сообразовалось с успехами в боковых районах; следствием этого в большинстве случаев явится сохранение позади наших главных сил лишь узкой полосы

---

[1] Эта глава осталась ненаписанной. — Ред.

[2] В плен теперь можно брать не десятки, а сотни батальонов. Но в основном Клаузевиц прав: развитие огнестрельного оружия уменьшило значение ординарной победы. — Ред.

территории, на которую распространяется наше господство, и которая образует весь наш театр войны [1]. Мы уже раньше указывали, насколько это ослабляет силу удара в голове наступления и какие опасности создаются отсюда для наступающего. Но не могут ли эти трудности, этот внутренний противовес получить такое развитие, что дальнейшее движение вперед затормозится? Безусловно это может иметь место. Но мы уже раньше утверждали, что было бы ошибкой с самого начала стараться избежать такого сужения театра войны и ради этого задерживать быстроту наступления. Добавим теперь: пока полководец не сокрушил своего противника, пока он считает себя достаточно сильным, чтобы добиться своей цели, он и должен ее преследовать. Возможно, ему придется следовать по своему пути при все возрастающей опасности, но одновременно будет расти и величина возможного успеха. Когда же наступит такой момент, что он не рискнет итти дальше, когда он найдет нужным озаботиться о своем тыле, расшириться и вправо и влево, это, по всей вероятности, будет знаменовать, что он достиг кульминационного пункта. Сила порыва окажется иссякшей, и если противник к этому времени еще не сокрушен, то, по всей вероятности, это уже и не случится.

Все, что он будет предпринимать для более интенсивного совершенствования своего наступления, овладевая крепостями, проходами, провинциями, хотя и явится медленным прогрессированием, но это будет уже не абсолютное, а только относительное прогрессирование. Неприятель уже более не бежит, он, возможно, подготавливает уже новое сопротивление; хотя наступающий все еще интенсивно прогрессирует, но, быть может, положение обороняющегося с каждым днем улучшается. Словом, мы повторяем вновь: после вынужденной остановки, как общее правило, вторичного порыва вперед не бывает.

Итак, теория требует лишь того, чтобы до тех пор, пока существует намерение сокрушить неприятеля, на-

---

[1] Клаузевиц здесь часто ограничивает понятие театра войны районом, местные средства которого могут быть нами использованы. — Ред.

ступление против него продолжалось безостановочно; но если полководец отказывается от этой задачи, так как находит опасность чересчур сильной, он поступит разумно, остановившись и приступив к расширению занятого района. Теория осуждает это лишь в тех случаях, если при этом имеется в виду искуснее сокрушить противника.

Мы не настолько безрассудны, чтобы утверждать, будто нет примеров государств, постепенно доведенных до крайности. Во-первых, выдвинутое нами положение не является абсолютной истиной, не допускающей исключений; оно зиждется лишь на вероятных и обычных результатах; во-вторых, следует различать, действительно ли крушение государства было вызвано постепенно или же оно явилось результатом первой кампании. Здесь мы имеем в виду лишь последний случай, ибо только в нем происходит то напряжение сил, которое или преодолевает центр тяжести всего бремени, или же приводит к опасности быть им раздавленным. Если в первый год добиться умеренного успеха, добавить к нему на следующий год такой же и так мало-помалу продвигаться к цели, то при этом ни разу не возникнет особенно серьезной опасности, но зато она распределится на несколько моментов. Каждая пауза от одного успеха до другого раскрывает перед неприятелем новые перспективы; предыдущий успех оказывает на последующий весьма слабое воздействие, часто никакого; порою получается даже отрицательное воздействие, ибо неприятель успевает отдохнуть, иногда получает более сильный импульс к новому сопротивлению, или же к нему приходит помощь извне; а тогда, когда все совершается одним духом, вчерашний успех влечет за собой сегодняшний, и пожар зажигает новый пожар. Если[1] есть государства, которые были побеждены последовательными ударами, и когда время, этот ангел-хранитель обороняющегося, оказалось губительным для них, то бесконечно более многочисленны примеры, где намерения наступающего совершенно не удавались из-за проволочки. Вспомним о результатах Семилетней вой-

---

[1] Немецкий текст отсюда и до конца абзаца выписан В. И. Лениным. — Ред.

ны, где австрийцы пытались достичь цели с такой медлительностью, осмотрительностью и осторожностью, что потерпели полную неудачу.

Стоя на этой точке зрения, мы, конечно, никак не можем разделить того мнения, что стремление вперед всегда должно сопровождаться заботой о надлежащей организации театра войны и как бы уравновешиваться ею; напротив, мы видим в невыгодах, вытекающих из продвижения вперед, неизбежное зло, заслуживающее внимания лишь в том случае, когда впереди для нас уже нет никакой надежды на успех.

Пример Бонапарта в 1812 г. не только не служит опровержением выдвинутого нами положения, а, напротив, заставляет нас еще тверже стоять на своем мнении.

Его наступление не потому потерпело неудачу, что он повел его слишком быстро и далеко, как гласит обычное мнение: будучи единственным средством достигнуть успеха, это наступление потерпело крах. Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, т. е. оккупировать; по крайней мере этого нельзя сделать ни силами современных европейских государств, ни теми 500 000 человек, которых для этого привел Бонапарт. Такая страна может быть побеждена лишь собственной слабостью и действием внутренних раздоров. Добраться же до этих слабых мест политического бытия можно лишь путем потрясения, которое проникло бы до самого сердца страны. Лишь достигнув могучим порывом самой Москвы, мог Бонапарт надеяться подорвать мужество правительства, стойкость и верность народа. В Москве надеялся он найти мир, и это была единственная разумная цель, какую он мог себе поставить в эту войну.

В соответствии с этим двинул он свои главные силы против главных сил русских; последние, спотыкаясь, отступали перед ним через Дрисский лагерь и остановились лишь под Смоленском. Бонапарт вовлек в общее отступление и Багратиона, нанес главной армии русских поражение и занял Москву. Он действовал здесь так же, как и всегда; лишь этим путем сделался он повелителем Европы, и только этим путем он мог им сделаться.

Кто, следовательно, восторгается Бонапартом как вели-

ким полководцем во всех его прежних походах, тот не должен его порицать и в этом случае.

Правда, позволительно судить о происшествии по конечному успеху, ибо последний является лучшей для него критикой (см. V главу 2-й части), но такое суждение, выведенное лишь на основании конечного успеха, не является еще продуктом человеческой мудрости. Изыскание причин неудачного похода еще не равносильно критической оценке последнего. Лишь доказав, что причины неудачи нельзя было не предвидеть или не следовало оставлять без внимания, мы становимся критиками и выступаем в роли судьи над полководцем.

Мы же утверждаем, что тот, кто находит поход 1812 г. абсурдом лишь по причине катастрофического оборота, который он принял в результате последовавшей реакции, а в случае успешного его окончания усматривал бы в нем самую блестящую комбинацию, тем самым свидетельствует свою полную неспособность к суждению.

Если бы Бонапарт остановился в Литве, как того желает большинство критиков[1], чтобы сначала овладеть крепостями, которых, впрочем, кроме расположенной совершенно в стороне Риги, почти не было, ибо укрепления Бобруйска были слабы и значение их было невелико, — то он к зиме оказался бы в сетях печальной системы обороны; тогда те же критики первые бы возгласили: «Это уже не прежний Бонапарт! Как, он даже не довел дело до первого решительного сражения, и это он, который привык запечатлевать свои завоевания победами вроде Фридланда и Аустерлица на крайнем рубеже неприятельских государств! Как мог он боязливо прозевать овладение неприятельской столицей, беззащитной, готовой пасть Москвой, и тем самым оставить нетронутым ядро, вокруг которого могло вновь организоваться сопротивление? На его долю выпало неслыханное счастье внезапно обрушиться на этого далекого колосса, как нападают на соседний город или как Фридрих Великий напал на маленькую близкую Силезию, и он не воспользовался этим

[1] Клаузевиц разумеет, главным образом, генералов Ронья и Сен-Сира. Под Литвой надо разуметь Литву и Белоруссию. — Ред.

случаем, застыл на середине своего победного шествия, словно злой дух привязался к его стопам». Так судили бы люди по результатам, ибо таково большинство критиков.

Мы же со своей стороны скажем: поход 1812 г. не удался потому, что неприятельское правительство оказалось твердым, а народ остался верным и стойким, т. е. потому, что он не мог удаться. Может быть, Бонапарт сделал ошибку, предприняв его, по крайней мере результат свидетельствует, что он ошибся в расчете, но мы утверждаем, что если уже добиваться этой цели, то в основных чертах иначе ничего нельзя было поделать.

Вместо того чтобы взвалить себе на плечи бесконечно дорого стоящую оборонительную войну на востоке, вроде той, какую Бонапарт вел уже на западе, он испробовал единственное средство, ведущее к цели: вырвать мир у испуганного противника одним отважным ударом; при этом он рисковал гибелью своей армии; это была его ставка в игре, цена великой надежды. Если это разрушение его вооруженных сил превысило строго необходимые размеры по его вине, то последняя не в том, что он слишком далеко зашел вперед, ибо такова была политическая цель и это было неизбежно, а в слишком позднем открытии кампании, в его расточительной — с точки зрения расхода людей — тактике, в недостаточно заботливом отношении к сохранению сил армии и к поддержанию в надлежащем виде пути отступления, наконец, в несколько запоздалом отходе из Москвы.

Тот аргумент, что русские армии могли преградить ему дорогу на Березине и окончательно отрезать путь отступления, не колеблет нашу точку зрения. Во-первых, как раз неудача этой попытки указывает, как трудно осуществить действительное преграждение отступления; отрезанная армия при самых неблагоприятных обстоятельствах, какие только можно себе представить, все же в конце концов проложила себе дорогу, и эта русская операция, хотя и увеличившая катастрофу, явилась все же лишь одной из ее слагаемых. Во-вторых, лишь редко встречающиеся условия местности создавали подходящую обстановку; без пересекающих путь отступления в пер-

пендикулярном направлении болот Березины с их лесистыми, недоступными берегами преграждение отступления было бы еще менее возможным. В-третьих, не существует вообще иного средства обеспечить себя от подобного покушения, как вести наступление своей армии на широком фронте, что мы уже раньше отвергли, ибо если бы мы решились продвигаться в центре, прикрываясь на флангах войсками, оставляемыми справа и слева, то пришлось бы при всякой неудаче, постигшей одну из этих частей, спешить обратно на помощь с частями, находящимися в голове наступления, а в этих условиях из последнего вряд ли что-нибудь могло бы получиться.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы Бонапарт, оставил свои фланги без внимания. Против Витгенштейна были оставлены превосходные силы; перед Ригой стоял соответственный осадный корпус, который там даже был излишним; на юге стоял Шварценберг с 50 000 человек, что превосходило силы Тормасова и почти равнялось Чичагову; к этому надо еще добавить корпус Виктора в 30 000 человек в центральном узле тыла. Даже в ноябре, т. е. в решительный момент, когда русские вооруженные силы усилились, а французские сильно ослабели, превосходство русских в тылу московской армии Бонапарта было не так уже значительно. Витгенштейн, Чичагов и Сакен вместе располагали 110 000 человек, а у Шварценберга, Ренье, Виктора, Удино и Сен-Сира было в строю 80 000. Самый осторожный полководец едва ли назначил бы для охраны своих флангов большее количество войск [1].

Если бы Бонапарт из 600 000 человек, переправившихся в 1812 г. через Неман, привел обратно за Неман не 50 000 человек, считая в том числе Шварценберга, Ренье и Макдональда, а 250 000, что было возможно, если бы указанные нами ошибки Бонапарта не были допущены, то оставался бы лишь неудавшийся поход; теория ничего не могла бы возразить, ибо потерять в таком предприятии немного более половины армии не представляет

[1] Клаузевиц умалчивает о тайном соглашении Шварценберга с русскими. Осторожный полководец не назначил бы политически ненадежных пруссаков и австрийцев сторожить свои сообщения. — Ред.

ничего удивительного; это бросается нам в глаза лишь вследствие крупного масштаба войны.

Мы достаточно сказали о главной операции, необходимой ее тенденции и неизбежных опасностях: что касается подчиненных действий, то прежде всего они должны иметь одну общую цель, но цель эта должна быть так намечена, чтобы не являться помехой деятельности отдельных групп. Когда с Верхнего и Среднего Рейна и из Голландии наступают во Францию с тем, чтобы соединиться под Парижем, и каждой из трех армий дается указание ничем не рисковать, чтобы, по возможности, сохранить неприкосновенными свои силы до момента соединения, то такой план мы назовем п а г у б н ы м. Здесь необходимо будет иметь место выравнивание этого тройного движения, которое внесет замедление, нерешительность и колебание в наступление каждой группы. Лучше каждой группе дать свою задачу и лишь тогда объединить их, когда различная их деятельность будет сама сливаться воедино[1].

Такое разъединение сил, при котором последние через несколько переходов вновь соединяются, происходит во всех войнах и в сущности смысла не имеет. Раз происходит разъединение, то нужно знать з а ч е м, и это з а ч е м должно быть выполнено; оно не может иметь целью вновь соединиться, как в туре кадрили.

Поэтому, когда вооруженные силы наступают на различных театрах войны, каждая армия должна получить свою самостоятельную задачу, на выполнение которой она должна направить всю силу своего удара. В с е д е л о в т о м, чтобы э т о т у д а р пришелся со всех сторон, а не в том, чтобы добиться всех возможных преимуществ.

Если одной из армий задача окажется не по силам, так как неприятель примет не ту группировку, которую мы предполагали, и она потерпит неудачу, то это не может и не должно оказать никакого влияния на деятельность других армий. В противном случае мы с самого начала подорвали бы шансы общего успеха. Лишь при неудаче, постигшей большинство групп или главные силы, она мо-

[1] Такой отказ от всякого вмешательства главного командования мыслим был лишь в эпоху Клаузевица, при отсутствии электрического телеграфа. — Р е д.

жет и должна оказать воздействие на остальные части; в этом случае мы имеем дело с неудавшимся планом.

Это правило распространяется и на армии и отряды, первоначально предназначенные для обороны, которые благодаря удачному ведению ее могут перейти в наступление. Конечно, можно предпочесть освободившиеся в них силы использовать для наступления на главном направлении [1]; решение этого вопроса преимущественно зависит от географических данных театра войны.

Но что в этом случае остается от геометрической фигуры и единства наступления в целом? Что будет с флангами и тылом отрядов, расположенных по соседству с разбитым отрядом?

Против этого-то мы больше всего и боремся. Такое склеивание в геометрический квадрат плана обширного наступления означает следование по ложной системе мышления.

В XV главе 3-й части мы уже имели случай отметить, что в стратегии геометрический элемент не играет такой роли, как в тактике, и здесь мы хотим лишь повторить вывод, к которому мы пришли, а именно: действительные результаты, достигнутые в отдельных пунктах, в особенности при наступлении, безусловно заслуживают большего внимания, чем геометрическая фигура, постепенно получающаяся из различия достигнутых успехов.

Во всяком случае можно сказать с уверенностью, что при обширности пространств, с которыми имеет дело стратегия, соображения и решения, вызываемые геометрическим положением частей, вполне могут быть предоставлены главнокомандующему. Никто из подчиненных ему начальников не имеет права спрашивать о том, что делает или чего не делает его сосед; каждому должно быть указано, чтобы он неуклонно преследовал поставленную ему цель. Если из этого и произойдут крупные неудобства, то сверху всегда успеют внести необходимые по-

[1] Этот вопрос являлся актуальным в августе 1914 г., когда после победы в Лотарингии в 6-й и 7-й германских армиях оказался избыток сил. Мольтке младший допустил ошибку, предоставив им наступать перед собой, вместо того чтобы использовать их на важнейшем направлении. — Р е д.

правки. Этим устраняется главный недостаток раздельного способа действий, заключающийся в том, что в ход событий вмешивается множество нереальных опасений, исходящих из предположения, что каждая случайность затрагивает не только ту часть, которой непосредственно касается, но по круговой поруке и всю армию в целом; последнее открывает широкий простор выявлению недостатков и личных счетов частных начальников.

Мы полагаем, что такой взгляд может показаться парадоксальным только лицам, бегло и недостаточно серьезно изучившим историю войн и потому еще не научившимся отличать существенное от несущественного и должным образом оценивать все воздействие человеческого несовершенства.

Суждение опытных в военном деле людей гласит, что даже в тактике нелегко добиться успешного результата при наступлении несколькими отдельными колоннами путем точного согласования всех частей; в стратегии, где разъединение частей гораздо больше, достичь этого много труднее или даже вовсе невозможно. Поэтому если бы постоянная согласованность всех частей была необходимым условием успеха, то от раздельного стратегического наступления пришлось бы безусловно отказаться. Но, с одной стороны, не от нашей воли зависит совершенно от него отказаться, ибо нас к нему могут вынудить обстоятельства, которые вовсе не в нашей власти, а с другой — даже в тактике нет надобности в таком постоянном согласовании всех частей в каждый отдельный момент, и еще менее она нужна в стратегии. Таким образом, стратегия может уделять согласованию не слишком много внимания, но тем тверже она должна настаивать на том, чтобы каждой части был отмерен самостоятельный отрезок общей работы.

Здесь мы должны добавить еще одно существенное замечание, касающееся распределения ролей.

В 1793 и 1794 гг. главные силы Австрии находились в Нидерландах, а Пруссии — на Верхнем Рейне. Австрийские войска направлялись из Вены на Кондэ и Валансьен, скрещиваясь на своем пути с прусскими войсками, двигавшимися из Берлина на Ландау. Правда, австрийцам приходи-

лось защищать свои бельгийские провинции, и если бы им удалось сделать завоевания во французской Фландрии, то последние были бы им чрезвычайно наруку; однако, эта заинтересованность не являлась особенно существенной. После смерти князя Кауница министр Тугут, чтобы сильнее сосредоточить силы Австрии, совершенно отказался от защиты Нидерландов. Действительно, от Австрии до Фландрии расстояние было почти вдвое больше, чем до Эльзаса, что имело в то время большое значение вследствие ограниченности размера вооруженных сил и необходимости расплачиваться за все наличными деньгами. Но Тугут преследовал, очевидно, и другую цель; он стремился подхлестнуть настоятельностью опасности державы, заинтересованные в защите Нидерландов и нижнего течения Рейна, как-то: Голландию, Англию[1] и Пруссию, и побудить их на большие усилия. Правда, он ошибся в своих расчетах, ибо в этот момент не было никакой возможности чего-либо добиться от прусского кабинета. Все же развитие этих событий указывает на влияние политических интересов на ход войны.

Пруссии нечего было ни оборонять, ни завоевывать в Эльзасе. В 1792 г. она предприняла поход через Лотарингию в Шампань под влиянием рыцарских чувств. Когда же последние под давлением неблагоприятных обстоятельств угасли, она продолжала вести войну уже с половинным интересом. Если бы прусские войска находились в Нидерландах, то они были бы в непосредственной связи с Голландией, на которую они могли смотреть почти как на собственную землю, так как они действовали в ней с успехом еще в 1787 г.; тогда они прикрывали бы нижнее течение Рейна, а следовательно, и часть прусской монархии, расположенную ближе всего к театру войны. С Англией Пруссия тоже оказалась бы в более тесном союзе благодаря субсидиям, и эти отношения не могли бы так

---

[1] Причиной очищения Бельгии австрийцами являлось понимание Тугутом глубокой заинтересованности Англии в том, чтобы лежащая против ее острова Бельгия не находилась в руках крупной континентальной державы, располагающей флотом. — Ред.

быстро переродиться в коварство, вскоре проявленное прусским кабинетом.

Таким образом, результаты были бы гораздо лучше, если бы австрийцы развернули свои главные силы на верхнем течении Рейна, а пруссаки все свои силы в Нидерландах, причем австрийцы оставили бы там лишь небольшой корпус.

Если бы в 1814 г. во главе силезской армии поставили вместо предприимчивого Блюхера генерала Барклая, а Блюхера оставили при главной армии под начальством Шварценберга, то кампания, вероятно, потерпела бы полное крушение.

Если бы предприимчивый Лаудон находился не на сильнейшем фронте прусской монархии, в Силезии, а на театре войны имперской армии, то возможно, что вся Семилетняя война приняла бы совершенно иной оборот. Дабы ближе подойти к этому вопросу, мы должны классифицировать явления по их главным особенностям.

Первый случай: когда мы ведем войну совместно с другими державами, выступающими не только в качестве наших союзниц, но преследующими собственные интересы.

Второй случай: когда союзная армия подошла на подмогу к нам.

Третий случай: когда дело сводится лишь к индивидуальным особенностям генералов.

В обоих первых случаях может возникнуть вопрос: не лучше ли полностью перемешать войска различных держав и образовать отдельные армии из корпусов разных государств, как это имело место в 1813 и 1814 гг., или же следует армии каждого государства, по возможности, держать отдельно и предоставить каждой из них действовать более самостоятельно.

Очевидно, что первый способ наиболее совершенный, но он предполагает редко встречающуюся степень дружбы и общности интересов. При таком слиянии вооруженных сил отдельным правительствам гораздо труднее выделять свои особые интересы, а что касается вредного влияния эгоистических взглядов начальников, то таковое может проявиться лишь у командиров национальных корпусов, следовательно, только в области тактики, да и здесь не

так безнаказанно и свободно, как при полном выделении каждой армии. В последнем случае оно распространяется на стратегию и сказывается в решающих вопросах. Но, как мы сказали, предпосылкой этого является редкое самоотречение со стороны правительств. В 1813 г. нужда погнала повелительно все правительства в этом направлении, и все же нельзя не отметить с особой похвалой, что русский император, располагавший самой сильной армией и имевший наибольшие заслути в повороте фортуны, подчинил свои войска прусским и австрийским командующим армиями, не увлекаясь честолюбивым желанием действовать самостоятельной русской армией.

Если же подобное слияние вооруженных сил союзников неосуществимо, то полное их разделение во всяком случае представляется более желательным, чем разделение наполовину; хуже всего, когда два независимых полководца двух разных держав действуют на одном театре войны, как это часто имело место в течение Семилетней войны по отношению к русской, австрийской и имперской армиям. При полном разъединении армий трудности, которые предстоит преодолевать, также бывают более разъединены, и тогда доля бремени, выпадающая на каждую, ложится на нее всей своей тяжестью и сильнее побуждает ее к деятельности; если же армии находятся в тесной связи или даже на одном театре войны, то это побуждение отпадает, да к тому же злая воля одного парализует и силы других.

В первом из трех указанных случаев полное разъединение не встретит больших затруднений, ибо естественный интерес каждой державы обычно уже указывает ее силам иное направление; во втором такого интереса может и не быть, и тогда вспомогательной армии, если силы ее пропорционально невелики, не остается ничего иного, как совершенно подчиниться главной; так поступили австрийцы в конце кампании 1815 г., а пруссаки в 1807 г.

Что же касается личных особенностей генералов, то в этом случае все переходит в область индивидуального, но мы вправе сделать одно замечание общего характера: не следует, как то часто случается, выбирать на роль командующих армиями, подчиняемых иностранному главному

командованию, самых осторожных и осмотрительных, а, наоборот, самых предприимчивых, ибо мы снова повторяем: при раздельных стратегических действиях ничто не имеет такого огромного значения, как полнейшее развитие каждой частью всей действенности ее сил; тогда ошибки, допущенные в одном месте, уравновесятся успехами, достигнутыми в другом. Но такой деятельности полным ходом всех частей можно ожидать лишь там, где вождями являются решительные, предприимчивые люди, которых гонит вперед внутреннее влечение их собственного сердца, ибо редко бывает достаточно одного лишь объективного холодного убеждения в необходимости действовать.

Наконец, нам остается еще отметить, что, поскольку позволяют обстоятельства, следует пользоваться войсками и полководцами в отношении их назначения и характера местности сообразно их специфическим свойствам: постоянные армии, хорошие войска, многочисленную кавалерию, старых, осторожных, благоразумных полководцев надо использовать на открытой местности; ополчение, вооружившийся народ, молодых предприимчивых вождей — в лесах, горах и теснинах; вспомогательные войска союзников — в богатых провинциях, где они чувствовали бы себя хорошо.

Сказанное нами до сих пор о плане войны вообще, а в этой главе — о плане, направленном на сокрушение противника, должно было особенно выдвинуть его цель и затем указать руководящие основы для организации средств и избрания путей. Мы хотели вызвать ясное сознание того, к чему следует стремиться и что делать в такой войне. Мы старались выдвинуть вперед необходимое и общее, оставить простор для конкретного и случайного, но устранить все произвольное, необоснованное, игрушечное, фантастическое и софистическое. Если мы этого достигли, то наша задача разрешена.

Тот же, кто будет удивлен тем, что ничего не нашел здесь об обходе рек, о господстве над горами с их высших точек, о том, как избежать атаки укрепленных позиций и найти ключ страны, тот еще не понял нас и,

думаем мы, не понял и войны в ее основных очертаниях.

В предыдущих частях настоящего труда мы в общем охарактеризовали эти темы и пришли к выводу, что значение их в большинстве случаев гораздо меньше, чем то гласит ходячее мнение. Тем меньше могут и должны они в войне, целью которой является сокрушение неприятеля, претендовать на крупную роль, т. е. на такую, которая имеет влияние на весь план войны.

Организации верховного командования мы посвятим особую главу в конце этой части[1], настоящую же главу мы закончим примером.

Если бы Австрия, Пруссия, Германский союз, Нидерланды и Англия[2] предприняли войну против Франции при условии, что Россия сохраняет нейтралитет[3], случай, который за последние полтораста лет не раз повторялся, то они были бы в состоянии вести наступательную войну, направленную на сокрушение противника. Ибо как ни велика и могущественна Франция, все же может создаться положение, что большая часть ее территории будет наводнена неприятельскими войсками, столица окажется в их власти, и оставшиеся у Франции средства борьбы будут явно недостаточны, а за исключением России нет державы, которая могла бы ей оказать существенную помощь. Испания слишком удалена и невыгодно расположена; итальянские государства слишком дряхлы и бессильны.

Вышеупомянутые страны, не считая их внеевропейских владений, насчитывают 75 000 000 жителей, между тем

---

[1] Такой главы в бумагах Клаузевица не оказалось, и сама 8-я часть осталась не только не отделанной, но прямо оборванной на слове «глупец». — Ред.

[2] Этот пример является стратегической обработкой постановлений Карлсбадского конгресса на случай французской революции. В начале октября 1830 г. Клаузевиц в роли начальника штаба Гнейзенау был призван разработать план войны с революционной Францией уже не в теории, а в предвидении реальной войны. — Ред.

[3] Нейтралитет реакционной России Николая I по отношению к революционной Франции представляет чистую фантазию. Клаузевиц хочет показать, что цели — сокрушения Франции — можно было достигнуть, не выжидая прибытия русских войск. — Ред.

как у Франции их всего лишь 30 000 000 [1]; армия, которую коалиция могла бы выставить в случае серьезной войны против Франции, равнялась бы без какого-либо преувеличения следующему:

Австрия	250 000	чел.
Пруссия	200 000	»
Остальная Германия	150 000	»
Нидерланды	75 000	»
Англия	50 000	»
Всего	725 000	чел.

Если бы эти вооруженные силы действительно были выставлены, то они значительно превзошли бы те силы, какие Франция, по всей вероятности, могла бы противопоставить, так как это государство и при Бонапарте ни разу не обладало армией подобной численности. Учитывая при этом французские войска, долженствующие быть выделенными в гарнизоны крепостей и депо [2], для охранения берегов и пр., едва ли можно усомниться в значительном превосходстве сил союзников на главном театре войны, а на нем-то главным образом и основывается постановка сокрушительной цели.

Центр тяжести французского государства заключается в его вооруженных силах и в Париже. Разбить первые в одном или в нескольких генеральных сражениях, захватить Париж, отбросить остатки неприятельской армии за Луару — такова должна быть конечная военная цель союзников. Путь к сердцу французской монархии проходит через Брюссель к Парижу: там расстояние от границы до столицы всего 30 миль. Часть союзников — Англия, Нидерланды, Пруссия и северогерманские государства — имеют здесь естественный район развертывания: их страны лежат или поблизости, или же непосредственно позади. Австрия и южногерманские государства могут удобно вести войну, исходя лишь с верхнего течения Рейна. Самое естественное для них направление идет через Труа на Париж или же

---

[1] Эта глава была, вероятно, написана в 1828 г.; с тех пор численный состав населения, конечно, изменился. — Прим. немецкого издания.

[2] Запасные части. — Ред.

на Орлеан. Итак, оба удара, один из Нидерландов, другой с верхнего течения Рейна, являются совершенно прямыми, безыскусственными, короткими и сильными и оба ведут к центру тяжести неприятельской мощи. Между этими двумя ударами и должны быть распределены все силы наступающих.

Лишь два соображения противоречат этому простому плану.

Австрийцы не захотят оголять Италию; они во всяком случае захотят оставаться там хозяевами положения. Поэтому они не смогут ограничиться косвенным прикрытием Италии при помощи наступления на сердце Франции. Учитывая политическое состояние Италии, нельзя пренебрегать данной побочной задачей; но было бы решительной ошибкой связать с нею старую, многократно испытанную идею наступления на южную Францию со стороны Италии и увеличивать ради этого количество вооруженных сил в Италии, долженствующих служить лишь обеспечением ее на случай неудачи первой кампании. Лишь нужное для этой цели количество войск должно оставаться в Италии, лишь столько можно отвлечь от главного предприятия, если мы хотим остаться верными основной мысли: единый план, сосредоточение сил. Завоевывать Францию со стороны Роны — это значит поднимать ружье, взявшись за конец его штыка; но и в качестве второстепенного, побочного предприятия нельзя одобрить наступление на южную Францию, ибо оно лишь пробудит к жизни против нас новые силы. Всякий раз, как мы нападаем на отдаленную провинцию, мы затрагиваем интересы и возбуждаем деятельность, которые иначе дремали бы. Лишь в том случае, если бы оказалось, что оставленных в Италии сил слишком много для обеспечения страны и они могут остаться вовсе неиспользованными, можно оправдать наступление отсюда на южную Францию.

Поэтому повторяем: вооруженные силы в Италии должны быть доведены до того минимума, какой только допускают обстоятельства; их надо считать уже достаточными, если австрийцы не рискнут потерять в течение одной кампании всю страну. Примем это количество для нашего примера в 50 000 человек.

Другое соображение, заслуживающее внимания, касается положения Франции как приморской страны. Так как на море господствует Англия, то отсюда вытекает значительная чувствительность Франции вдоль всего Атлантического побережья и, следовательно, более или менее сильное занятие его войсками. Как бы ни была слаба эта береговая охрана, все же она увеличивает втрое протяжение границ Франции, и это не может не отвлечь значительные силы от французских армий, действующих на театрах войны. 20 000 или 30 000 свободных десантных войск, которыми Англия могла бы угрожать Франции, потребовали бы, пожалуй, двойного или тройного количества французских войск, причем пришлось бы подумать не только о войсках, но и пушках, денежных затратах и прочем необходимом для флота и береговых батарей. Допустим, что англичане на это затратят 25 000 человек.

Таким образом, наш план войны слагается совершенно просто и сводится к следующему:

1. В Нидерландах сосредоточиваются:

200 000	чел.	пруссаков
75 000	„	нидерландцев
25 000	„	англичан
50 000	„	северогерманских союзных войск
Всего 350 000	чел.,	

из них приблизительно 50 000 человек расходуется на занятие пограничных крепостей, и остается 300 000 человек для движения на Париж и генерального сражения с французскими армиями.

2. 200 000 австрийцев и 100 000 южногерманских войск сосредоточиваются на верхнем течении Рейна, дабы вторгнуться во Францию одновременно с нидерландской армией и наступать в направлении верхнего течения Сены, а оттуда на Луару, дабы также дать неприятельской армии генеральное сражение. На Луаре оба эти удара могут быть объединены в один.

Этим мы установили главное[1]; то, что нам еще остается

[1] Под этот план в значительной степени подогнано все изложение главы. Идея плана — наступление двумя равными

сказать, касается преимущественно тех ложных идей, которые мы хотели бы устранить, и заключается в следующем:

а) Основная тенденция полководца должна сводиться к тому, чтобы добиваться намеченного генерального сражения и дать его при такой обстановке и при таком соотношении сил, которые обещали бы решительную победу. Для осуществления этого намерения нужно жертвовать всем, стараясь обойтись при осадах, блокадах и выделении гарнизонов возможно меньшим числом войск. Если союзники вздумали бы, подобно Шварценбергу в 1814 г., вступив на неприятельскую территорию, тотчас же расходиться по эксцентрическим радиусам, то все пропало бы. Последнее не случилось в 1814 г., но союзники обязаны этим лишь бессилию Франции в то время. Наступление должно походить на мощно вгоняемый клин, а не на мыльный пузырь, раздувающийся, пока не лопнет.

б) Швейцарию надо предоставить своим собственным силам. Если она останется нейтральной, то мы будем иметь на верхнем течении Рейна хорошую опору для обеспечения фланга. Если на нее нападет Франция, то пусть Швейцария сама защищает собственную шкуру, к чему она во многих отношениях вполне пригодна. Нет большей нелепости, как, исходя из того, что Швейцария представляет наиболее высоко лежащую страну в Европе, приписывать ей какое-то решающее географическое влияние на военные события. Такое влияние может осуществляться лишь при некоторых, редко встречающихся условиях, которых в данном случае налицо нет. В то время как французы подвергаются нападению в сердце собственной страны, они не могут вести сколько-нибудь сильного наступления из Швейцарии ни против Италии, ни против Швабии; менее всего может играть при этом роль возвышенное положение Швейцарии. Преимущества стратегического командующего положения

группами на максимальном удалении одна от другой — весьма спорна. Сохранение одной более сильной главной группы представляло непригодное для Клаузевица решение, так как положение Австрии в Германской империи обеспечивало ей главное командование важнейшей группой, и Пруссия была бы оттеснена на второй план. Клаузевиц же заботится не столько о выигрыше войны, сколько о том, чтобы предоставить в ней выигрышную роль Пруссии. — Р е д.

сказываются прежде всего и главным образом при обороне, а то, что от этого значения остается для наступления, может проявиться лишь в каком-нибудь одном ударе. Кому это неизвестно, тот не продумал вопроса до полной ясности; и если в будущем в совете властителя и полководца обретется ученый офицер генерального штаба, который начнет излагать с озабоченным челом подобную мудрость, то мы заранее заявляем, что это претенциозный вздор, и от души желаем, чтобы в том же совете оказался добрый рубака, дитя здравого разума, который заткнул бы ему рот.

в) Пространство между обеими наступающими армиями мы оставляем почти без внимания. Когда 600 000 человек сосредоточиваются на расстоянии 30—40 миль от Парижа, чтобы двинуться в сердце Франции, разве, говорим мы, приходится еще думать о том, чтобы прикрывать среднее течение Рейна, т. е. Берлин, Дрезден, Вену и Мюнхен? Это противоречило бы всякому здравому смыслу. Но должны ли мы прикрывать свои сообщения? Это имело бы некоторую важность, но тогда вскоре можно было бы притти и к тому, чтобы этому прикрытию придать силу и значение наступления и, следовательно, вместо того, чтобы наступать по двум линиям, как то безусловно вызывается положением государств, начать наступать по трем линиям, чего вовсе уже не требуется; эти три линии, пожалуй, обратились бы затем в пять, а там и в целых семь, и этим путем в порядок дня была бы поставлена вся старая волынка.

Оба наши наступления имеют каждое свою цель; развернутые в них силы, по всей вероятности, значительно превосходят силы противника; если каждое энергично пойдет своим путем, то они несомненно окажут друг на друга благотворное влияние. Если бы одно из двух наступлений подверглось неудаче вследствие того, что неприятель очень неравномерно распределил бы свои силы, то можно с полным правом рассчитывать, что успех другого сам собой загладил бы этот ущерб, а в этом и заключается истинная связь обоих. Связь, распространяющаяся на события каждого дня, конечно, по дальности расстояния между ними существовать не может, да она им и не нужна; поэтому непосредственная или, вернее, прямая связь между ними не имеет особой цены.

Но неприятель, которого атакуют в самое нутро, не будет располагать крупными силами для перерыва этой связи; единственно, чего можно опасаться, это перерыва, вызванного местным населением, поддержанным летучими отрядами; на это предприятие противнику не придется и затрачивать настоящих войск. Для поддержания связи будет достаточно отправить из Трира в направлении на Реймс корпус в 10 000—15 000 человек, преимущественно кавалерии. Этих сил будет совершенно достаточно, чтобы прогнать любой партизанский отряд и держаться на линии фронта большой армии. Этот корпус не обязан ни блокировать, ни наблюдать крепостей; он будет проходить между ними и, не связывая себя каким-либо постоянным базированием, будет уклоняться в любом направлении от столкновения с превосходными силами. Крупное поражение постигнуть его не может, а если бы оно и имело место, то это не было бы большим несчастьем для целого. При таких условиях подобного корпуса, вероятно, будет достаточно для того, чтобы служить промежуточным звеном между обеими наступающими армиями.

г) Обе второстепенные группы, а именно — австрийская армия в Италии и английский десант, могут разрешать свои задачи так, как им покажется лучше. Если они не останутся вовсе праздными, то главное уже сделано; во всяком случае ни одно из двух крупных наступлений не должно быть поставлено в какую-либо зависимость от них.

Мы твердо убеждены, что таким путем Франция может быть сокрушена и наказана всякий раз, как ей вздумается вновь проявить ту заносчивость, с которой она угнетала Европу в течение последних ста пятидесяти лет. Лишь по ту сторону Парижа, на Луаре, можно добиться от нее тех условий, которые необходимы для мира Европы. Лишь этим путем можно быстро выявить естественное соотношение между 30 и 75 миллионами душ населения, а не способом, практиковавшимся в течение полутораста лет, когда эта страна бывала обставлена от Дюнкирхена до Генуи полукольцом армий, преследовавших до полусотни разнообразнейших мелких политических целей, из которых ни одна не была достаточно крупна, чтобы преодолеть инерцию, трения и чуждые влияния, постоянно зарождающиеся и веч-

но возобновляющиеся повсюду, особенно же в союзных армиях.

Как мало подобному распорядку соответствует первоначальная организация союзной германской армии, читатель сам может заметить. Вследствие этой организации федеративная часть Германии образует ядро германской мощи, а Пруссия и Австрия, ослабленные этим, теряют присущее им значение. Федеративное же государство для войны представляет весьма дряблое ядро; в нем нет единства, нет энергии, нет разумного выбора полководца, нет авторитета, нет ответственности.

Австрия и Пруссия составляют два естественных ударных центра Германской империи; они составляют центр размаха, силу клинка; это монархические державы, привыкшие к войне, у них свои определенные интересы, самостоятельная мощь, они первенствуют среди других. Этим естественным очертаниям должна следовать организация, а не ложной идее единства. Эта идея в данном случае совершенно невозможна, а тот, кто в погоне за невозможным упускает возможное, тот — глупец.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВАЖНЕЙШИЕ ПРИНЦИПЫ ВОЙНЫ

Дополнение к курсу, читанному лично его королевскому высочеству кронпринцу [1]

Эти основные принципы являются плодом долговременных размышлений и систематического изучения военной истории; все же они мною лишь были намечены, а форма их не выдерживает строгой критики. Я останавливаюсь только на важнейших вопросах, так как вынужден к известной краткости. Задача этих принципов — не сообщить вашему королевскому высочеству определенный круг знаний, а лишь явиться учебным пособием, ведущим к самостоятельным размышлениям.

---

[1] В дополнение к труду Клаузевица «О войне» мы даем еще выдержки оперативного и стратегического характера из двух других важнейших его теоретических трудов — «Важнейшие принципы войны» и «Учебное пособие для занятия по тактике, или учения о бое». Мы опускаем при этом устаревшие, чисто тактические положения. Приводимые здесь выдержки относятся к 1811—1812 гг.; следовательно, они были написаны на 16—17 лет раньше основного труда Клаузевица и частично явились для него материалом. Знакомство с ними, таким образом, позволяет проникнуть в ход мышления Клаузевица и глубже понять его основной труд. Во многих отношениях последний знаменует крупный шаг вперед, обусловленный новым военным опытом кампании 1812—1815 гг., более глубоким знакомством с военной историей и решительным переходом на диалектический метод исследования. Это раннее произведение Клаузевица («Важнейшие принципы войны») получило широкое распространение в русской и французской армиях. Надо, однако, иметь в виду, что популярный в России перевод «Важнейших принципов войны» Драгомирова, переизданный в 1923 г., сделан не с немецкого оригинала, а с французского перевода, допустившего многие искажения и отступления от подлинника. Наш перевод строго согласуется с немецким текстом. — Ред.

I. ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ВОЙНЫ

1. Теория войны преимущественно занимается исследованием вопроса, как добиться на решительном пункте перевеса материальных средств и преимуществ. Но последнее может оказаться и невозможным; тогда теория учит и тому, как принять в расчет величины морального порядка, например, вероятные ошибки противника, впечатление, производимое отважностью предприятия, даже наше собственное отчаяние. Все это отнюдь не выходит из пределов военного искусства и его теории, так как последняя представляет не что иное, как здравое размышление по поводу любого положения, в котором можно очутиться на войне. Над самыми опасными из таких положений надо всего чаще останавливать свое внимание, чтобы теснее с ними свыкнуться. Этим путем разум может стать основой героических решений.

Иначе представить это дело вашему высочеству может только педант, взгляды которого причинят вам только вред. Вы сами когда-нибудь ясно почувствуете в великие минуты жизни, среди суматохи и неурядицы боя, что лишь указанная нами установка может помочь там, где помощь всего нужнее и где цифровые выкладки педантов оставляют нас без всякой поддержки.

2. Естественно, что на войне всегда стараются иметь на своей стороне вероятность успеха, рассчитывая при этом или на материальное, или на моральное превосходство. Однако не всегда это бывает возможно; часто приходится предпринимать что-нибудь, *не считаясь с вероятностью успеха, а именно тогда, когда нельзя сделать ничего лучшего*. Если бы мы в таком случае пришли в отчаяние, то наш разум как раз умолк бы тогда, когда он более всего необходим, когда все кажется ополчившимся против нас.

Итак, если против нас даже сама вероятность успеха, то все же не следует считать из-за этого предприятие невозможным или неразумным; разумно оно всегда, раз мы ничего лучшего сделать не можем и при имеющихся у нас скудных средствах добиваемся всего, что только возможно. Дабы в подобном положении не потерять хладнокровия и

стойкости, качеств, которые на войне прежде всего подвергаются опасности и которые сохранить так трудно в подобных условиях, но без которых даже при самых блестящих духовных дарованиях человек ни на что не способен, — надо приучить себя к мысли погибнуть с честью, постоянно питать ее в своей груди и с нею свыкнуться. Будьте уверены, ваше высочество, что без этой твердой решимости ничего великого сделать нельзя даже в счастливой войне, а тем более в несчастной [1].

Фридриха II верно не раз занимала эта мысль во время его первых Силезских войн; так как он свыкся с нею, он и предпринял в памятный день 5 декабря свою атаку под Лейтеном, а не потому, что он заранее учел высокую вероятность разбить австрийцев посредством своего косого боевого порядка.

3. При всех операциях, на которых вы будете останавливаться в том или другом случае, при всех мероприятиях, на которые вы будете решаться, у вас всегда будет выбор между самым отважным и самым осторожным решением. Существует мнение, будто теория рекомендует самое осторожное. Это неправда. Если теория что-либо и советует, то, следуя естеству войны, она советует самое решительное, т. е. самое отважное; но она же предоставляет самому полководцу делать выбор в меру своего собственного мужества, своей предприимчивости, своей веры в свои силы. А потому делайте свой выбор в меру своих внутренних сил, но помните, что великим не сделался ни один полководец, лишенный дерзновения.

II. ТАКТИКА ИЛИ УЧЕНИЕ О БОЕ

Война состоит из сочетания многих отдельных боев. Такое сочетание может быть мудрым или неразумным, а от этого в значительной мере зависит успех; но еще важнее исход самого боя, ибо лишь из сочетания удачных боев

---

[1] Этот пункт отчасти навеян мрачной обстановкой, в которой находилась после Тильзитского мира Пруссия, наполовину оккупированная французами; будущая война рисовалась Клаузевицу как отчаянное восстание, направленное против значительно превосходящего силами противника. — Ред.

могут получиться хорошие результаты. Поэтому самым важным на войне все же остается искусство победить своего врага в бою [1].

. . . . . .

Главный принцип обороны: никогда не держаться совершенно пассивно; в то самое время, когда неприятель нас атакует, мы должны напасть на него с фронта и во фланг. Ведут оборону на известной линии лишь для того, чтобы принудить противника развернуть для атаки свои силы, а затем с другими, удержанными позади частями переходят в свою очередь в наступление. Как ваше высочество сами совершенно правильно изволили заметить, искусство возводить окопы должно служить обороняющемуся не для того, чтобы спокойно защищаться за их стеною, а для того, чтобы с бо́льшим успехом атаковать противника; то же можно сказать и о всякой пассивной обороне; она всегда является только средством атаковать в выгодных условиях неприятеля на местности, нами избранной и соответственно оборудованной, где мы разместили свои части.

. . . . . .

Создавая план для боя, надо иметь в виду достижение крупной цели, например, атаку значительной неприятельской колонны и полное ее поражение. Задаваясь мелкой целью, в то время как неприятель имеет в виду цель обширную, мы, очевидно, останемся в проигрыше, ибо мы ставим на карту рубли против копеек.

Правило, представляющее собою первейшую из причин победы в современном военном искусстве: задаваться целью важной, решительной и преследовать ее с энергией и упорством.

Правда, при этом возрастает также и опасность, которой мы подвергаемся в случае неудачи; но умножать осторожность за счет достигаемого результата — это ложная осторожность, противоречащая, как мы уже говорили, природе войны; ради крупных целей надо и отваживаться на мно-

---

[1] Здесь и в дальнейшем строчки из многоточия обозначают пропуски, сделанные редакцией. — Ред.

гое. Истинная осторожность заключается в том, чтобы, отваживаясь на что-нибудь на войне, тщательно выбирать и применять средства к достижению результата, не упуская ни одного из них по лености или легкомыслию. Такого рода была осторожность императора Наполеона, который никогда не преследовал крупных целей боязливо и половинными шагами ради осторожности.

Вспомните, ваше высочество, о тех немногих оборонительных сражениях, которые отмечены историей как победоносные, и вы увидите, что лучшие из них были проведены в духе приведенных нами принципов, ибо изучение военной истории и подсказало нам эти принципы.

. . . . . .

Даже при превосходстве в силах все же часто выбирают для направления главного удара лишь один пункт, что и позволяет сосредоточить против него большие силы, ибо совершенно окружить неприятельскую армию оказывается возможным лишь в самых редких случаях; предпосылкой окружения является огромнейшее физическое и моральное превосходство. Оттеснить же противника от линии отступления можно, атакуя один из его флангов; уже это дает в большинстве случаев крупные результаты. Вообще главное — это уверенность (значительная степень вероятности) в том, что победа будет одержана, т. е. уверенность в том, что неприятель будет прогнан с поля сражения. Обеспеченность успеха и должна лóжиться в основу всего плана сражения, ибо выигранное, хотя бы не вполне решительное, сражение нетрудно уже обратить в решительную победу путем энергичного преследования.

. . . . . .

При наступлении, как и при обороне, надо избирать объектом атаки ту часть неприятельской армии, поражение которой сулит самые решительные выгоды.

Как и при обороне, надо не прекращать боя, пока цель не будет достигнута или все средства не будут исчерпаны. Если обороняющийся тоже активен, если он атакует нас на других пунктах, то мы можем вырвать у него победу, лишь превзойдя его в энергии и дерзости. Если противник

пассивен, то вообще мы не подвергаемся значительной опасности.

. . . . . .

Согласованность атак отдельных дивизий и корпусов достигается не тем, что ими пытаются руководить из одного пункта так, что, хотя они следуют на значительном расстоянии или даже, может быть, отделены друг от друга неприятельскими войсками, все же постоянно сохраняют между собой связь, точно сообразуют друг с другом свои движения и пр. Это ложный, дурной способ достигать согласования действий; он подвержен тысяче случайностей, посредством его никогда нельзя достигнуть чего-нибудь великого, но зато можно наверное ожидать поражения при наличии сильного, энергичного противника.

Верный способ заключается в том, чтобы указать каждому начальнику дивизии или корпуса главное направление его движения и поставить ему целью его действий — неприятеля, а задачей — победу над неприятелем.

Каждый начальник колонны, следовательно, имеет приказ атаковать неприятеля, где бы он его ни встретил, и притом всеми своими силами. На него нельзя возлагать ответственность за исход, ибо это вызовет в нем нерешительность; он отвечает лишь за то, что его колонна примет участие в бою всеми своими силами, не останавливаясь ни перед какими жертвами.

Хорошо организованная самостоятельная часть может выдержать довольно долго (несколько часов) атаку превосходных сил и, следовательно, не может быть мгновенно уничтожена; поэтому, если она действительно слишком рано ввяжется в бой с противником и даже будет разбита, затраченные усилия не окажутся потерянными даром для общего дела; неприятелю придется развернуть и израсходовать свои силы против этой части, что предоставит остальным удобный случай атаковать в выгодных условиях.

. . . . . .

Итак, согласованность действий сил обеспечивается тем, что каждой части предоставляется известная самостоятель-

ность и что каждая часть обязана искать встречи с неприятелем и атаковать его с полным самоотвержением [1].

Один из важнейших принципов наступательной войны, это — поразить неприятеля внезапностью. Чем атака внезапнее, тем она будет успешнее. На неожиданность, которую может создать обороняющийся скрытностью своих мероприятий и укрытым расположением войск, наступающий может ответить лишь неожиданностью своего появления.

Однако это явление наблюдается крайне редко в новейших войнах, что зависит частью от улучшения принимаемых в настоящее время мер охранения, а частью от быстроты ведения войны; теперь в военных действиях редко наступает продолжительная пауза, в течение которой бдительность одной из сторон могла бы ослабеть, что предоставило бы другой стороне случай произвести внезапную атаку.

. . . . . .

Мы не должны ни на минуту упускать из виду следующий принцип, огромное значение которого я не могу не подчеркнуть с особой настойчивостью: не вводить сразу и на-авось всех своих сил в дело, ибо через это мы выпускаем из рук все средства руководить боем; по возможности истомлять противника малым количеством сил, сохраняя решительную массу для последней решительной минуты. Раз пущен в ход этот решительный резерв, им надо действовать с величайшей дерзостью.

Следует установить для всей кампании или для всей войны нормальный боевой порядок, т. е. порядок расположения войск до и во время боя. Этот боевой порядок заменяет специальную диспозицию во всех тех случаях, когда таковая не была составлена заранее. Поэтому он по преимуществу должен быть рассчитан на оборону. Этот боевой порядок устанавливает в армии известный метод ведения боя, что крайне необходимо и полезно, ибо большинство младших генералов и других командиров более мелких частей не будет обладать особыми познаниями в тактике, да и не будет иметь выдающихся военных талантов.

---

[1] Это правило Клаузевиц перенес и в стратегию (часть 8-я, глава IX). Она явилась основным догматом ведения пруссаками войн 1866—1870/71 гг. — Ред.

Таким путем устанавливается известный методизм, заменяющий искусство там, где таковое отсутствует. По моему убеждению, это в высокой степени присуще французской армии [1].

. . . . . .

Наступающему надо считаться с местными условиями главным образом в двух отношениях: не выбирать пунктом атаки слишком трудно проходимую местность, а с другой стороны — наступать, по возможности, по такой местности, на которой неприятелю труднее всего разгадать наши силы.

. . . . . .

Принцип, имеющий для обороняющегося величайшее значение, на который надо смотреть, как на краеугольный камень всего учения об обороне: никогда не уповать всецело на силу местности, следовательно никогда не поддаваться соблазну пассивной обороны в расчете на таковую силу. Если местность действительно столь сильна, что наступающему будет невозможно нас выбить из занимаемого расположения, то он его обойдет, что всегда возможно, а тогда самая неприступная местность окажется бесполезной; мы тогда будем принуждены драться на совершенно иной местности, в условиях изменившейся в корне обстановки, как будто мы и вовсе не вводили в наши планы неприступную позицию. Но если позиция не представляет такой силы и атака ее в известной степени еще возможна, то выгодная местность никогда не сможет уравновесить невыгоды чисто пассивной обороны. Следовательно, все препятствия, представляемые местностью, должны быть использованы лишь для частной обороны, дабы с небольшими силами оказать сравнительно сильное сопротивление и выиграть время для

---

[1] Этот вопрос подробно разобран в главе IV части 2-й. Нормальные боевые порядки с повышением тактической подготовки всюду отменены. Упорным сторонником их в Германии являлся генерал Шерф. В русской армии период их существования при Николае I связывался с максимальным застоем военной мысли. — Ред.

перехода в наступление, посредством которого надо пытаться добиться подлинной победы на другом участке [1].

III. СТРАТЕГИЯ [2]

Она является сочетанием отдельных боев, из которых состоит война, для достижения цели кампании и всей войны.

Раз мы умеем драться, раз мы умеем побеждать, нам нехватает лишь немногого. Сочетать счастливые результаты легко, ибо это исключительно вопрос навыка в правильном суждении; для этого уже не требуется специальных знаний, как для управления боем [3].

Отсюда те немногие принципы, которые можно установить в стратегии и которые покоятся на организационных основах государства и армии, можно свести по существу к весьма кратким положениям.

1. Общие принципы

1. При ведении войны могут быть три главные задачи:

а) победить и уничтожить вооруженные силы неприятеля;

б) овладеть материальными средствами борьбы и другими источниками существования неприятельской армии;

в) склонить на свою сторону общественное мнение.

2. Для достижения первой задачи всегда нацеливают главную операцию против главной армии неприятеля или хотя бы против значительной ее части, ибо, лишь разбив ее, можно с успехом приступить к выполнению двух других.

3. Чтобы овладеть материальными средствами борьбы неприятеля, направляют свои операции на те пункты, в ко-

[1] Клаузевиц не применяет вводимый нами для ясности термин «участок». Он во всех случаях употребляет выражение «пункт». — Р е д.

[2] Этот раздел воспроизведен в нашем переводе полностью. — Р е д.

[3] Впоследствии, когда Клаузевиц углубился в вопросы стратегии, он, как видно из многих мест его капитального труда, резко изменил точку зрения на трудности, представляемые стратегией. — Р е д.

торых по преимуществу концентрируются эти средства: на столицы, склады, большие крепости. На пути к ним предстоит встреча с неприятельскими главными силами или значительной частью их.

4. Наконец, склоняют на свою сторону общественное мнение путем крупных побед и овладения столицей.

5. Первый и самый важный принцип, которым надо руководствоваться для достижения этих задач, заключается в следующем: напрягать полностью все силы, находящиеся в нашем распоряжении. Всякий предел напряжению, допущенный здесь нами, приводит к неполноте разрешения поставленной задачи. Если бы даже успех сам по себе представлялся довольно вероятным, все же было бы крайне неразумно не проявить наибольших усилий, дабы быть в п о л н е у в е р е н н ы м в у с п е х е, ибо такое напряжение никогда не может дать отрицательных результатов. Пусть это ляжет тяжким бременем на страну, все же это не принесет особого ущерба, ибо тем скорее это бремя будет снято с ее плеч.

Огромное значение имеет то моральное впечатление, которое производят энергичные приготовления: всякий получает уверенность в успехе, а это — лучшее средство поднять дух народа.

6. Второй принцип: возможно больше сосредоточивать свои силы там, где должны быть нанесены главные удары, не останавливаясь перед невыгодами, вытекающими из этого сосредоточения для других участков, дабы иметь большую уверенность в успехе на главном пункте. Этот успех покроет все прочие невыгоды.

7. Третий принцип: не терять времени. Если мы не можем извлечь каких-либо особых выгод из промедления, то важно приступить к делу как можно скорее. Быстротой можно пресечь многие мероприятия противника в самом зародыше и привлечь на свою сторону общественное мнение.

Внезапность играет в стратегии гораздо бо́льшую роль, чем в тактике: она является наиболее действительным началом победы. Александр, Ганнибал, Цезарь, Густав-Адольф, Фридрих II, Наполеон обязаны быстроте действий самыми яркими лучами своей славы.

8. Наконец, четвертый принцип: с величайшей энергией использовать достигнутые нами успехи.

Только преследование разбитого врага даст нам плоды победы.

9. Первый из этих принципов является основой трех остальных. Следуя ему, мы можем, не ставя всего на карту, применить остальные с величайшим дерзновением. Он дает нам средство непрерывно формировать в тылу новые силы, а с ними можно загладить всякую постигшую нас неудачу.

Вот в чем заключается истинная осторожность, а не в том, чтобы двигаться вперед робкими шагами.

10. Малые государства в наши дни не могут вести завоевательных войн, но для войны оборонительной и они обладают огромными средствами. Поэтому я твердо убежден, что тот, кто будет напрягать все свои силы, чтобы выдвигать все новые и новые массы, кто принимает все мыслимые меры для повышения подготовки, кто держит свои силы сосредоточенными на главном направлении, кто, вооруженный таким образом, решительно и энергично преследует крупную цель, тот сделал все, что достижимо при стратегическом руководстве войной; и если боевое счастье не будет совершенно против него, то в общем итоге он неизменно окажется победителем, поскольку его противник будет отставать от него в напряжении усилий и энергии.

11. При соблюдении этих принципов форма операций в конечном счете не имеет особого значения. Впрочем, я попытаюсь в нескольких словах выяснить самое важное.

В тактике всегда стараются охватить противника, и притом ту часть его, против которой направлен главный удар, отчасти потому, что действие сил по концентрическим направлениям более выгодно, чем при прямых параллельных фронтах, а отчасти потому, что лишь этим путем мы имеем возможность оттеснить неприятеля от пути его отступления.

Если мы этот вопрос в отношении противника и позиции из области тактики перенесем в стратегию, на театр войны, следовательно, учтем и снабжение неприятеля, то окажется, что отдельные колонны или армии, имеющие назначение охватить неприятеля, в большинстве случаев будут так далеко отстоять друг от друга, что окажутся не в

состоянии принять участие в одном и том же бою. Противник, находясь в центре, будет иметь возможность обратиться против каждого отдельного корпуса и разобьет их поодиночке одной и той же армией. Кампании Фридриха II являют примеры этого, особенно в 1757 и 1758 гг.

А так как бой есть самое главное и решающее, то действующий по внешним линиям, если у него не будет решительного перевеса сил, утратит в боях все те преимущества, которые ему должен был доставить охват: ибо воздействие на снабжение проявляется крайне медленно, а победа, одержанная в сражении, — чрезвычайно быстро.

Отсюда в стратегии тот, кто находится между частями неприятеля, находится в лучшем положении, чем тот, кто обходит своего противника, особенно при равных или слабейших силах.

Конечно, чтобы отрезать неприятеля от его пути отступления, стратегический обход и охват являются чрезвычайно действительным средством, но так как той же цели можно достигнуть также и посредством тактического обхода, то стратегический обход можно рекомендовать лишь в том случае, когда наши силы (моральные и физические) настолько превосходны, что мы все же останемся достаточно сильными на решительном пункте и по выделении обходящей группы.

Наполеон никогда не предпринимал стратегических обходов, хотя он часто, даже почти всегда, располагал моральным и физическим перевесом[1].

Фридрих II воспользовался этим приемом один только раз: во время своего вторжения в Богемию в 1757 г.

Правда, он этим достиг того, что первое сражение австрийцы могли дать лишь под Прагой; однако, какую пользу принесло ему завоевание Богемии вплоть до самой Праги без решительной победы? Сражение под Коллином принудило его снова отказаться от всех его завоеваний — дока-

---

[1] Это утверждение исходит из недостаточного знакомства Клаузевица в 1812 г. с кампаниями Наполеона. Впрочем, маневрирование Наполеона было вскрыто в полном объеме военными историками лишь в последней четверти XIX столетия, и Клаузевиц в своем основном труде также недооценивает оперативное маневрирование Наполеона. — Р е д.

зательство, что бои решают все. Под Прагой ему несомненно грозила опасность быть атакованным всеми силами австрийской армии до подхода Шверина. Он не подвергся бы этой опасности, если бы двинулся со всеми своими силами через Саксонию. Тогда первое сражение, вероятно, произошло бы под Будином на Эгере, и оно было бы столь же решительным, как сражение под Прагой [1]. Поводом для такого концентрического наступления на Богемию бесспорно послужила зимняя дислокация прусской армии в Силезии и Саксонии, и крайне важно отметить, что в большинстве случаев именно такого рода соображения и играют более вескую роль, чем преимущества той или иной формы группировки сил, ибо удобоисполнимость операции способствует быстроте выполнения, а трения столь огромной машины, как армия, настолько велики, что без особой нужды их не следует увеличивать.

12. Только что приведенный нами принцип — по возможности сосредоточиваться на решительном направлении — уже сам по себе устраняет идею стратегического охвата, а отсюда сама собой вытекает группировка наших вооруженных сил. Поэтому я и вправе был заявить, что форма этой группировки не имеет особого значения. Однако в одном случае стратегическое воздействие на неприятельский фланг ведет к таким же крупным последствиям, как и в сражении, а именно — когда неприятель, действующий в бедной стране, с великим трудом устроит свои магазины, от целости которых безусловно зависит успех его операций. В подобных случаях можно даже рекомендовать не итти с главными силами навстречу главной армии неприятеля, но устремиться на его базу. Но для этого необходимы два условия:

а) неприятель должен настолько удалиться от своей базы, что наше движение принудит его к значительному отступлению;

---

[1] В IX главе 8-й части Клаузевиц дает другую оценку этой кампании. Как сражение под Будином могло бы быть столь же решительным, как под Прагой? Последнее вытекало из стратегического охвата пруссаков и, кроме того, было более удалено от границы, что увеличивало его значение (часть 8-я, глава IX). — Ред.

б) мы должны иметь возможность задержать его на главном операционном направлении небольшими силами при помощи естественных и искусственных преград, дабы он не мог сделать завоеваний, способных вознаградить его за потерю базы [1].

13. Продовольствование войск — неминуемое условие ведения войны, а потому оно оказывает большое влияние на операции, особенно тем, что допускает лишь до известного предела сосредоточение масс и является решающим фактором при выборе операционной линии, определяя полосу наступления на театре войны.

14. В областях, сколько-нибудь допускающих довольствие войск местными средствами, последние используются реквизиционным порядком.

При современном способе вести войну армия занимает значительно большее пространство, чем раньше. Образование в нашей армии самостоятельных корпусов сделало это возможным, не ставя нас в худшее положение по сравнению с противником, который сосредоточит в одном пункте на старый образец от 70 000 до 100 000 человек, ибо корпус современной организации может в течение некоторого времени вести борьбу с противником, вдвое и втрое его сильнейшим; тем временем подойдут на выручку остальные, и если первый корпус даже окажется разбитым, то он сражался не даром, как мы это уже указывали по другому поводу.

Поэтому теперь отдельные дивизии и корпуса двигаются врозь, рядом или позади один другого; если они составляют одну и ту же армию, то удаление их друг от друга ограничивается лишь тем условием, чтобы они могли принять участие в общем сражении.

[1] Мысль, на которой останавливается Клаузевиц весной 1812 г., любопытна в том отношении, что в то время в России («бедная страна») возводился по идеям Пфуля Дрисский лагерь для задержки фронтального наступления Наполеона, а армия Багратиона имелась в виду для действий на стратегический фланг против магазинов. В скором времени Клаузевиц поступил на русскую службу и был сначала адъютантом Пфуля. Ознакомившись с конкретными условиями осуществления этой идеи, Клаузевиц многое сделал (личный доклад Александру I), чтобы русские отказались от этого гибельного плана и бросили Дрисский лагерь. — Р е д.

Это дает возможность питать войска непосредственно, без особых магазинов. Такая постановка снабжения облегчается организацией самих корпусов с их генеральным штабом и интендантством.

15. Если решающее значение не принадлежит более веским основаниям, например, расположению неприятельской главной армии, то выбирают для операций наиболее плодородные области, ибо легкость снабжения способствует быстроте операции. Важнее вопросов снабжения может быть лишь расположение главной армии противника, столкновение с которой нам предстоит, положение столицы или крепости, которой мы стремимся овладеть. Все прочие основания, например, выгоднейшая форма группировки сил, о которой мы уже говорили, обычно имеют гораздо меньшее значение.

16. Несмотря на эту новую систему довольствия, мы еще далеки от того, чтобы совершенно обходиться без всяких магазинов, и мудрый полководец, даже если средства провинции и совершенно достаточны, все же не преминет устроить у себя в тылу магазины на непредвиденный случай, чтобы иметь возможность сильнее сосредоточиться в известных пунктах. Эта предосторожность принадлежит к числу тех мер, которые не идут в ущерб поставленной задаче.

2. Оборона

1. Политически оборонительной войной называется такая война, которую ведут, чтобы отстоять свою независимость; стратегически оборонительной войной называют такой поход, в котором я ограничиваюсь борьбой с неприятелем на том театре войны, который я себе подготовил для этой цели. Даю ли я на этом театре войны сражения наступательного или оборонительного характера, это дела не меняет [1].

2. Избирают стратегическую оборону главным образом в тех случаях, когда неприятель сильнее нас. Естественно,

[1] Этот абзац выписан В. И. Лениным; против первой половины абзаца на полях стоит заметка: «NB. Оборонительная война в политике и стратегии», против второй половины: «NB. Верно!» — Ред.

что крепости и укрепленные лагери, на которые следует смотреть как на основу подготовки театра войны, представляют значительные преимущества; в число последних входят также знакомство с местностью и наличие хороших карт. С помощью этих преимуществ небольшая армия, базирующаяся на небольшое государство, располагающая неоольшими средствами, будет скорее в состоянии оказать неприятелю сопротивление, чем без них.

Наряду с этим еще следующие два основания могут побудить остановиться на оборонительной войне.

Во-первых, если области, прилегающие к нашему театру войны, в значительной мере затрудняют операции по недостатку продовольствия. В этом случае мы избегаем неудобств, которые всецело ложатся на противника. Таково, например, в настоящее время (1812 г.) положение русской армии.

Во-вторых, когда неприятель превосходит нас в умении вести войну. На подготовленном театре войны, который нам знаком и где все побочные обстоятельства нам благоприятствуют, вести войну гораздо легче; здесь нельзя наделать так много ошибок. В этом случае, т. е. когда к оборонительной войне нас побуждает ненадежность наших войск и генералов, к стратегической обороне охотно присовокупляют и оборону тактическую, т. е. сражения даются на заранее подготовленных позициях, — опять-таки потому, что в этих условиях будет допущено меньше ошибок [1].

3. В войне оборонительной не менее, чем в войне наступательной, надлежит задаваться крупной целью. Такой может быть не что иное, как истребление неприятельской армии или посредством сражения, или посредством постановки ее в крайне трудные для существования условия, что приводит ее в расстройство и принуждает к отступлению; в течение последнего она, естественно, подвергается большим потерям. Примерами тому могут служить походы Веллингтона 1810 и 1811 гг.

Следовательно, оборонительная война не сводится лишь к праздному выжиданию событий; выжидать следует только в предвидении очевидных и решительных выгод. Крайне

---

[1] Повидимому, в этом абзаце, как и в предшествующем, Клаузевиц имел в виду русскую армию. — Ред.

опасно для обороняющегося то затишье перед бурей, во время которого наступающий собирается с силами для решительного удара.

Если бы австрийцы после сражения под Асперном утроили свои силы, как то сделал французский император, — а возможности к этому у них были, — то период затишья, предшествовавший сражению под Ваграмом, оказался бы для них полезным, но только при таком условии; так как, однако, они этого не сделали, то время оказалось для них потерянным, и было бы гораздо благоразумнее с их стороны, если бы они воспользовались невыгодным положением Наполеона, чтобы пожать плоды сражения под Асперном.

4. Назначение крепостей — отвлечь значительную часть неприятельских сил на осады. Этот промежуток времени должен быть использован на то, чтобы разбить остальную часть неприятельской армии. При этом надо давать сражение за своими крепостями, а не перед ними. Но не следует оставаться праздным наблюдателем, как их берут, как то сделал Бенигсен во время осады Данцига.

5. Большие реки, т. е. такие, через которые наводка моста представляет большие трудности, как, например, Дунай ниже Вены и Нижний Рейн, составляют естественную оборонительную линию. Но не следует равномерно распределять войска вдоль реки, чтобы непосредственно препятствовать переправе, — это опасно, а надо наблюдать ее, и там, где неприятель переправился, атаковать его со всех сторон в ту минуту, когда он не успел еще подтянуть все свои силы и еще ограничен узким пространством близ реки. Примером таких действий может служить сражение под Асперном. В сражении под Ваграмом австрийцы без всякой надобности предоставили французам слишком много пространств, чем избавили последних от специфических невыгод переправы через реку [1].

---

[1] Действия австрийцев объясняются отчасти сильным огнем тяжелой артиллерии, выставленной Наполеоном в пункте переправы на острове Лобау, а отчасти желанием маневрировать в сражении на сообщения Наполеона с мостами, когда он несколько продвинется от них. Подготовка Наполеона и множество мостов, одновременно наведенных, исключали возможность разбить французов в течение самой переправы. — Ред.

6. Горы составляют второй вид естественных преград, который может служить хорошей оборонительной линией, причем их оставляют впереди себя, занимая только легкими войсками и трактуя их до некоторой степени как реку, с тем чтобы предоставить неприятелю перевалить через них и затем, как только он начнет дебушировать отдельными колоннами из горных проходов, обрушиться на одну из них всеми силами; другой способ заключается в том, что в горы вводятся главные силы. В последнем случае следует защищать отдельные горные проходы лишь небольшими отрядами, а значительную часть армии (от одной трети до половины) держать в резерве, дабы атаковать превосходными силами одну из неприятельских колонн, которой удалось бы прорваться. Однако не следует распылять этого крупного резерва, пытаясь абсолютно преградить выход всеми колоннам, но с самого начала надо задаться целью обрушиться на ту колонну, которую предполагают самой сильной. Если таким путем удастся разбить значительную часть наступающей армии, то остальные прорвавшиеся колонны отступят сами собою.

Строение большинства горных хребтов таково, что в толще их массы расположены более или менее высокие плоскогорья (плато), в то время как скаты, обращенные к равнинам, обычно пересечены глубокими, крутыми долинами, образующими горные проходы. Таким образом, обороняющийся найдет в горах местность, в которой он может быстро передвигаться вправо и влево, в то время как наступающие колонны отделены друг от друга крупными и неприступными хребтами. Лишь в тех случаях, когда горы носят такой характер, они представляют удобства для обороны. Если же горы суровы и неприступны во всю глубину, так что отряды обороняющегося окажутся разбросанными без взаимной связи, то оборонять их главными силами — дело опасное. Все выгоды при этих условиях оказываются на стороне наступающего, который имеет возможность атаковать отдельные пункты превосходными силами; и тогда ни один горный проход, ни один отдельный пункт не будет настолько крепок, чтобы им не могли быстро овладеть превосходные силы.

7. Вообще по поводу горной войны следует заметить, что

в ней все зависит от искусства частных начальников, офицеров и еще в большей мере от духа солдат. Здесь не требуется большого искусства маневрирования, но нужны воинственный дух и преданность делу, ибо здесь каждый более или менее предоставлен самому себе. Вот почему народное ополчение особенно сильно в горной войне, ибо, лишенное первого, оно в высшей мере обладает последними двумя качествами.

8. Наконец, по поводу стратегической обороны надо заметить, что, будучи сильнее сама по себе, чем наступление, она должна служить лишь для того, чтобы добиться первых крупных успехов; но раз они достигнуты, а мир непосредственно за ними не последует, дальнейших успехов можно добиться лишь наступлением, ибо тот, кто постоянно хочет только обороняться, подвергается большой невыгоде всегда воевать за собственный счет. Этого ни одно государство долго не выдержит; подвергаясь ударам противника и ни разу не отвечая ударом на удар, обороняющийся несомненно в конце концов ослабевает и будет побит. Нужно начинать с обороны, чтобы тем вернее можно было кончить наступлением.

3. Наступление

1. Стратегическое наступление непосредственно приступает к достижению политической цели войны, ибо оно непосредственно направлено на разрушение неприятельских сил, тогда как стратегическая оборона пытается достигнуть этой политической цели отчасти лишь косвенным образом. Поэтому принципы наступления уже содержатся в общих принципах стратегии. Лишь о двух пунктах следует здесь упомянуть особо.

2. Первое — это безостановочное пополнение войск и вооружения. Для обороняющегося это сравнительно нетрудно благодаря близости источников такого пополнения. Наступающий же, хотя и располагает в большинстве случаев ресурсами более обширного государства, оказывается вынужденным доставлять свои ресурсы более или менее издалека и с известными затруднениями. Поэтому, чтобы никогда не испытывать недостатка в силах, он должен при-

нять такие меры, чтобы наборы рекрут и перевозка вооружения задолго предшествовали появлению в них нужды. Дороги его операционной линии должны быть непрерывно заняты движением следующих к армии людей и транспортов, перевозящих все потребное снабжение; на этих дорогах должны быть устроены этапные пункты, содействующие быстрейшему следованию транспортов.

3. Даже при самых благоприятных условиях и при величайшем моральном и физическом превосходстве сил наступающий никогда не должен упускать из виду возможность крупной неудачи. Поэтому он должен подготовить на своей операционной линии такие пункты, куда он мог бы отойти со своей разбитой армией. Это будут крепости с укрепленными лагерями при них или же одни укрепленные лагери.

Большие реки — лучшее средство задержать на некоторое время преследующего неприятеля. Поэтому переправы через них должны быть защищены предмостными укреплениями, усиленными поясом сильных редутов.

Для занятия таких пунктов, а также самых значительных городов и крепостей должно быть оставлено большее или меньшее количество войск в зависимости от большей или меньшей степени опасности, которая грозит от налетов неприятеля или от восстания населения. Эти войска вместе с прибывающими подкреплениями образуют новые корпуса, которые при успешном ходе дел продвигаются вслед за армией, в случае же неудачи размещаются в укрепленных пунктах для обеспечения отступления.

Наполеон в деле организации тыла своей армии всегда отличался чрезвычайной осмотрительностью, отчего самые его операции являлись менее рискованными, чем казались.

4. О применении на войне изложенных принципов

Принципы военного искусства сами по себе в высшей степени просты, вполне согласуются со здравым смыслом, и если в тактике они и опираются на специальные знания в большей мере, чем в стратегии, то все же эти знания столь необширны, что их едва ли можно сравнить с любой другой наукой по их объему и разнообразию. Таким обра-

зом, здесь не требуется ни учености, ни глубокой научности, даже не требуется особо выдающихся качеств ума. Если сверх навыка в суждении и требуется какое-либо особое свойство ума, то скорее всего таким свойством будет хитрость или изворотливость [1]. Долгое время утверждали прямо противоположное, но только из-за ложного благоговения перед предметом и по тщеславию писателей, занимавшихся этими вопросами. Нас в этом убеждает беспристрастное обсуждение этого предмета, практический же опыт еще бесповоротнее укрепит в нас такой взгляд. Еще в период революционных войн многие люди, не получившие никакого военного образования, проявили себя как искусные полководцы, даже как полководцы первой величины. По крайней мере военное образование Конде, Валленштейна, Суворова и многих других весьма сомнительно [2].

Само ведение войны — дело трудное, в этом нет никакого сомнения, но трудность заключается не в том, что требуется особая ученость или огромный гений для того, чтобы усвоить себе истинные принципы военного искусства; это доступно каждому правильно развитому мозгу, свободному от предубеждений и сколько-нибудь знакомому с делом. Даже применение этих принципов на карте и на бумаге не представляет никаких трудностей, и набросать хороший операционный план не представляет особой мудрости [3]. Великая трудность заключается в том, чтобы *при практи-*

---

[1] Клаузевиц затем решительно изменил свои взгляды по этому поводу (см. часть 1-ю, главу III, часть 2-ю, часть 3-ю, главу X). Здесь Клаузевиц следует за величайшим скептиком в военных вопросах — Беренхорстом. — Ред.

[2] А. В. Суворов не получил систематического образования, но много работал над пополнением своего образования в течение всей жизни. Суворов знал языки: немецкий, французский, польский, турецкий, понимал финский и итальянский. Ланжерон в своих мемуарах рассказывает, что после штурма Измаила в 1790 г. генерал майор де-Рибас представил ему волонтеров своей флотилии (из них было много иностранцев самых разнообразных национальностей), и с каждым из них Суворов объяснялся на его родном языке. В области военных знаний Суворов был всеобъемлющ и много занимался военной историей; вообще же облалал исключительной начитанностью. — Ред.

[3] Изменение взглядов Клаузевица на стратегию после знакомства с ней видно хотя бы из сравнения этого положения с главой XI части 8-й. — Ред.

ческом выполнении остаться верным усвоенным принципам.

Обратить внимание на эту трудность и составляет задачу настоящих заключительных замечаний, а дать вашему королевскому высочеству ясное об этом представление я считаю самым важным из всего того, чего я хотел достигнуть всей этой запиской.

Все ведение войны напоминает сложную работу машины с огромным трением, так что комбинации, которые с большой легкостью набрасываются на бумаге, могут быть выполнены на деле лишь с большим напряжением сил.

Таким образом, свободная воля и мысль полководца ежеминутно встречают препоны своим движениям, и для преодоления этих препон требуется особая сила духа и разума. Среди этого трения приходится отбрасывать не одну удачную мысль и прибегать к более простым, скромным приемам, хотя более сложные и могли бы дать большие результаты.

Дать исчерпывающий перечень всех причин этого трения, пожалуй, невозможно, но главнейшие из них следующие:

1. В общем о положении противника и о его мероприятиях имеется гораздо менее данных, чем требуется для составления планов; бесчисленные сомнения возникают в момент выполнения принятого решения, вызываемые опасностями, грозящими отовсюду в случае крупных ошибок в предположениях, легших в основу принятого решения. Тогда нами овладевает чувство беспокойства, которое легко нападает на человека при выполнении большого дела, а переход от такого беспокойства к нерешительности и от нерешительности к полумерам представляет очень маленький, незаметный шаг.

2. К неточности сведений о размере сил неприятеля добавляется то, что слухи (все сведения, получаемые нами от сторожевых частей, от шпионов и из случайных источников) всегда их преувеличивают. Людская толпа боязлива по природе, а потому регулярно наблюдается преувеличение опасности. Все воздействия, таким образом, объединяются на том, чтобы внушить полководцу ложное представление о силах неприятеля, с которым придется иметь дело; и это служит новым источником его нерешительности.

Нельзя себе и представить тех размеров, до которых может дойти такая недостаточность осведомления, а потому особенно важно заранее к ней подготовиться.

Раз все заранее спокойно обдумано, раз без предубеждения мы разобрались и установили наиболее вероятный случай, мы не должны сразу отказываться от первоначального мнения; надо подвергать строгой критике все доставляемые сведения, сравнивать их между собою, посылать за новыми и так далее. Очень часто неверные сведения могут быть немедленно опровергнуты, а иные данные — получить подтверждение; в обоих случаях мы получаем бо́льшую достоверность и можем сообразовать с ней свое решение. Если у нас нет полной достоверности, то надо себе сказать, что на войне ничего без риска не делается, что самая природа войны не дает безусловной возможности всегда наперед предвидеть, куда идешь, что вероятное все же остается вероятным, даже если оно и не представляется во всей своей полноте нашему чувственному взору, и что при прочих благоразумных мероприятиях не сразу же последует полная гибель от одной ошибки.

3. Неизвестность положения дел в каждую данную минуту распространяется не только на неприятеля, но и на свою армию. Последняя редко может быть настолько сосредоточенною, чтобы можно было в любой момент отчетливо обозреть все ее части. Если быть склонным к опасливости, то на этой почве могут возникать новые сомнения. Является желание выждать, а неизбежным его последствием будет задержка в общем действии.

Поэтому необходимо верить, что наш общий распорядок оправдает ожидаемые от него результаты. В особенности надо доверять своим подчиненным начальникам, а потому на эти посты надлежит выбирать таких людей, на которых можно положиться, и это соображение ставить выше всяких других. Раз мы целесообразно наметили свои мероприятия и учли при этом возможные несчастные случайности и так устроились, что, если они нас постигнут при выполнении нашего плана, мы не погибнем сразу, то нам следует смело итти вперед среди мрака неизвестности.

4. Если мы решили вести войну с большим напряжением сил, то часто подчиненные начальники, а также и войска

(особенно, если они не втянуты в войну) будут встречать непреодолимые в их представлении затруднения. Они найдут, что переходы слишком велики, что усилия слишком тяжки, что снабжение продовольствием невозможно. Стоит только дать веру всем этим затруднениям (Diffikultäten, как их называл Фридрих II), и скоро окажешься подавленным ими; вместо того чтобы действовать сильно и энергично, станешь, слабым и бездеятельным.

Чтобы противостоять всему этому, необходимо доверять своим взглядам и предусмотрительности; в эти минуты такая убежденность имеет вид упрямства, но на самом деле представляет собою ту силу ума и характера, которую мы называем твердостью.

5. Все воздействия, которые мы учитываем на войне, никогда не бывают в точности такими, как их представляет себе тот, кто лично внимательно не наблюдал войну и не свыкся с ней.

Часто ошибаются на много часов в расчете марша какой-нибудь колонны, причем нельзя даже точно выяснить, от чего зависела задержка; часто возникают препятствия, которые заранее предвидеть было невозможно; часто предполагают достигнуть с армией известного пункта, но бывают вынуждены остановиться на несколько часов пути раньше; часто выделенный нами отряд оказывает гораздо меньшее сопротивление, чем мы ожидали, а неприятельский отряд — гораздо большее; часто средства какой-нибудь провинции оказываются скромнее, чем мы предполагали, и пр.

Все такие задержки могут быть заглажены не иначе, как ценою крупных усилий, которых полководец может добиться лишь строгостью, граничащей с жестокостью. Лишь в том случае, когда он убежден, что будет выполнено все, что только возможно, он может быть уверен, что эти мелкие затруднения не приобретут огромного влияния на операции и он окажется не слишком далеко от цели, которой мог бы достигнуть.

6. Можно принять за несомненное, что армия никогда не будет находиться в том самом состоянии, в каком ее рисует себе тот, кто из своего кабинета следит за операциями. Если он расположен к этой армии, он будет пред-

ставлять ее себе на треть или на половину более сильной и более хорошей. Весьма естественно, что полководец, составляющий впервые план предстоящих операций, находится в таком же положении, но затем он видит, что его армия начинает таять так, как он и не предполагал, что его кавалерия приходит в негодность и пр. Поэтому то, что в начале похода и наблюдателю и полководцу кажется возможным и легким, при выполнении оказывается трудным и недосягаемым. Если полководец окажется человеком отважным, с сильной волей, то, побуждаемый высоким честолюбием, он все же будет преследовать свою цель; человек же заурядный найдет в состоянии своей армии достаточное оправдание, чтобы отказаться от достижения цели.

Массена доказал в Генуе и Португалии, какое воздействие сила воли полководца может оказать на его войска; в Генуе твердость его характера, можно, пожалуй, сказать его жестокость, позволила вынести его армии чрезвычайные лишения и привела к большому успеху [1]; в Португалии он если и уступил, то по крайней мере сделал это много позже, чем сделали бы другие.

В большинстве случаев неприятельская армия будет находиться в таком же положении; вспомним хотя бы Валленштейна и Густава-Адольфа под Нюренбергом, Наполеона и Бенигсена после сражения под Прейсиш-Эйлау. Но состояние противника не видно, а страдания собственной армии — перед глазами; поэтому последние действуют на обыкновенного человека сильнее, ибо у обыкновенного человека чувственные впечатления берут верх над голосом разума.

7. Снабжение войск продовольствием, как бы оно ни производилось (из магазинов ли или путем реквизиции), представляет всегда такие трудности, что имеет в высшей степени решительный голос при выборе способа действий. Часто соображения этого порядка противятся самым дей-

[1] Армия Массены, осажденная в 1800 г. в Генуе, обходилась долгое время почти без всякого продовольствия; тем временем Бонапарт вышел в тыл австрийцам; голод заставил Массену согласиться на почетную капитуляцию — армия и расположенная к французам часть населения получили возможность отойти во Францию, не складывая оружия; крайнее сопротивление Массены позволило Бонапарту одержать победу под Маренго. — Р е д.

ствительным комбинациям и вынуждают заботиться о пище, тогда как можно было бы добиваться победы, самого блестящего успеха. Вследствие потребности в продовольствии вся машина приобретает тяжеловесность, из-за которой ее успехи столь отстают от полета широких замыслов.

Генерал, который тиранически требует от своих войск крайнего напряжения сил, величайших лишений; армия, в длительных войнах свыкшаяся с этими жертвами, — какое огромное преимущество будут они иметь перед своим противником, насколько скорее достигнут своей цели, несмотря на все препятствия! При одинаково хороших планах — сколь различен будет успех!

8. Вообще и для всех этих случаев надо всегда иметь перед глазами следующую истину.

Чувственные наглядные представления, получаемые в течение исполнения, живее составленных нами раньше путем зрелого размышления. Но они дают нам лишь непосредственную видимость предметов, а эта последняя, как известно, редко совпадает в полной мере с сущностью их. Поэтому нам грозит опасность пожертвовать плодами зрелых размышлений из-за впечатления, создавшегося по первому взгляду.

Что эти первичные впечатления, как общее правило, влекут в сторону страха и чрезмерной осторожности, зависит от природной боязливости человека, которая заставляет его глядеть на все односторонне.

Здесь, следовательно, надо быть настороже и питать прочное доверие к выводам своих прежних зрелых размышлений, чтобы таким путем укрепить себя против расслабляющего действия впечатлений момента.

При этих трудностях выполнения все, следовательно, зависит от верности и твердости собственного убеждения. Поэтому-то так важно изучение военной истории, ибо из нее мы узнаем явления войны, самый ход событий. Принципы, с которыми можно ознакомиться путем изучения теории, пригодны лишь к тому, чтобы облегчить это изучение и обратить внимание на то, что в военной истории является самым важным.

Итак, вы должны, ваше королевское высочество, ознакомиться с этими принципами, имея в виду проверить их при

чтении истории войн, чтобы самому увидеть, где они совпадают с ходом событий и где эти события вносят в них тот или другой корректив или даже опровергают их вовсе.

Наряду с этим изучение военной истории при недостатке собственного опыта одно в состоянии дать наглядное представление о том, что мы назвали трением всей машины в целом.

Правда, не следует останавливаться лишь на общих выводах, еще менее следует доверять рассуждениям историков, но нужно, по возможности, углубляться в детали. Историки редко задаются целью изобразить высшую правду; обычно они хотят разукрасить деяния своей армии или же доказать совпадение исторических фактов с мнимыми правилами. Они выдумывают историю вместо того, чтобы ее писать. Для вышеуказанной цели не требуется истории многих войн. Детальное знакомство с несколькими отдельными боями полезнее, чем общее знакомство с многими кампаниями. Поэтому полезнее читать побольше отдельных реляций и дневников, чем исторических книг в собственном смысле этого слова. Образец такой реляции, который не может быть никогда превзойден, представляет описание обороны Менена в 1794 г., помещенное в мемуарах генерала фон-Шарнгорста. Это повествование, особенно же рассказ о вылазке и прорыве гарнизона, даст в руки вашему королевскому высочеству масштаб того, как надо писать историю.

Ни один бой, как этот, не укрепил во мне так убеждения, что на войне до последней минуты нельзя отчаиваться в успехе и что влияние правильных принципов, которое никогда не может быть таким постоянным, как себе это представляют, неожиданно сказывается вновь в самом бедственном положении, когда, казалось, они уже утратили всякую силу.

Необходимо, чтобы какое-нибудь чувство одушевляло великие силы полководца, будь то честолюбие Цезаря, ненависть к врагу Ганнибала, гордая решимость Фридриха Великого погибнуть со славою.

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ТАКТИКЕ ИЛИ УЧЕНИЕ О БОЕ[1]

1. ОБЩАЯ ТЕОРИЯ БОЯ

Цель боя

1. Какова цель боя:
а) уничтожение неприятельских вооруженных сил,
б) завладение каким-нибудь предметом,
в) победа ради лишь воинской чести,
г) соединение нескольких или всех этих целей[2].

Теория победы

2. Всех этих четырех целей можно достигнуть лишь путем победы.

3. Победа есть уход неприятеля с поля сражения.

4. К этому побуждают неприятеля:

а) слишком крупные потери,

— следовательно, страх перед превосходством противника,

— или заключение, что выполнение задачи обойдется слишком дорого;

б) когда сильно расстроен его порядок, а следовательно, и действенность в целом;

---

[1] В русском переводе не печаталось; здесь даются выдержки. Несмотря на сугубо тактическое заглавие, мы видим в этой работе исходный набросок для капитального труда по стратегии. Внимание автора повсюду устремляется на оперативную сторону вопроса. Общий бой трактуется почти как операция. Повидимому, на этом основании автор оставил этот опыт теории тактики без окончательной обработки и использовал его в десятках мест для капитального труда. — Ред.

[2] Ср. часть 4-ю, глава V. — Ред.

в) когда условия местности стали для него чересчур невыгодными и он, следовательно, опасается чрезмерных потерь при продолжении боя (таким образом, здесь учитывается потеря позиции);

г) когда принятая группировка вооруженных сил влечет за собою слишком крупные невыгоды;

д) когда он захвачен внезапностью или даже нечаянно атакован и, следовательно, не имеет времени установить нужный распорядок и сделать соответствующие распоряжения;

е) когда он замечает, что неприятель значительно превосходит его численно;

ж) когда он замечает, что неприятель значительно превосходит его морально.

5. Во всех этих случаях полководец может быть вынужден отказаться от боя, так как у него нет надежды на его благоприятный исход и он опасается еще худших последствий, чем те, которые уже наступили.

6. Без какой-либо из этих причин отступление не имело бы оснований, и потому полководец или начальник, командующий в бою, не примет соответствующего решения.

7. Однако отступление может произойти фактически, помимо воли начальника:

а) когда войска отступают по недостатку мужества или доброй воли;

б) когда их гонит паника.

8. В этих условиях против воли начальника, командующего в бою, даже в случае, если отношения, указанные в пунктах от «а» до «е», складываются благоприятно, может быть, придется признать победу противника.

9. Подобный случай очень возможен при действиях небольших отрядов. Скоротечность боя в этих случаях часто не дает начальнику времени принять какое-либо решение.

10а. При больших массах войск это может иметь место лишь частично и лишь в самых редких случаях по отношению ко всем силам в целом. Однако из того, что несколько частей откроют противнику путь к легкой победе, для целого могут возникнуть невыгоды, указанные в пунктах от «а» до «д», чем может быть обусловлено решение полководца отступить.

10б. Указанные в пунктах «а», «б», «в» и «г» невыгодные соотношения при больших массах, участвующих в боях, выясняются полководцу не в форме арифметической суммы всех сложившихся отдельных невыгод, ибо достаточно полной картины не бывает; эти невыгодные соотношения проявляются там, где они сосредоточиваются на небольшом пространстве и сказываются на значительной части войск; последней могут быть или главные силы, или значительная их часть. По этому важнейшему событию всего боя и принимается решение.

11. Наконец, полководца могут побудить к отказу от боя, а следовательно к отступлению, и основания внешнего порядка, не связанные с самим боем, например, получение сведений, при которых отпадает цель боя или заметно изменяется стратегическая обстановка. Но это является уже перерывом боя и сюда не относится, ибо это уже не тактический акт, а стратегический.

12. Отказ от боя является, следовательно, признанием превосходства в данный момент противника — физического или морального — и подчинением его воле. В этом заключается первая моральная сила победы.

13. Так как отказаться от боя нельзя иным способом, как покинув поле сражения, то отступление с этого поля и являет собою знак такого признания, своего рода спуск флага[1].

14. Но признак победы еще не решает вопросов об ее размерах, значении и блеске. Эти три вопроса часто совпадают, но вовсе не тождественны.

15. Размер победы зависит от величины тех масс, над которыми она одержана, а также от количества взятых при этом трофеев. Захваченные орудия, пленные, доставшиеся в добычу обозы, число убитых и раненых входят в это понятие. Таким образом, над небольшим отрядом большой победы одержать нельзя.

16. Значение победы зависит от важности цели, достигнутой при помощи ее. Занятие важной позиции может придать крупное значение победе, ничтожной самой по себе.

[1] Ср. всю теорию победы с главой IX части 4-й. — Ред.

17. Блеск победы заключается в относительной многочисленности трофеев по сравнению с силами победоносной армии.

18. Таким образом, бывают разного рода победы, а главное — победы разных степеней. Строго говоря, ни один бой не может закончиться без решения, следовательно без победы, но словоупотребление и сама природа предмета требуют, чтобы лишь такие результаты боев рассматривались как победа, коим предшествовали бы значительные усилия.

19. Если неприятель делает лишь столько, сколько ему нужно для опознания наших намерений, а получив нужные для него сведения, тотчас же уклоняется от боя, то это нельзя назвать победою над ним; если же он делает больше этого, то значит он действительно искал победы, и его отказ от боя должен рассматриваться как поражение.

20. Так как прекратить бой можно лишь при условии, что одна из сторон или обе несколько отведут назад свои войска, пришедшие в соприкосновение с противником, то, собственно говоря, не может быть такого случая, про который можно сказать, что обе стороны удержали за собою поле сражения. Но поскольку согласно требованию природы предмета и принятому словоупотреблению под полем сражения следует только разуметь расположение главных сил, ибо лишь при отступлении главных сил появляются первые последствия победы, то, конечно, могут быть и сражения, остающиеся совершенно нерешенными.

Средство к победе есть бой

21. Средство к победе есть бой. Так как указанные в п. 4 под литерами от «а» до «ж» данные обусловливают победу, то они и являются ближайшими целями для боя.

22. Теперь мы должны ознакомиться с боем с различных его сторон.

Что такое отдельный бой [1]

23. Конкретно можно разбить каждый бой на столько отдельных боев, сколько имеется налицо бойцов. Но каж-

[1] Ср. часть 1-я, глава II. — Р е д.

дый отдельный индивид выявляется как самостоятельная величина лишь тогда, когда он сражается в одиночку, т. е. самостоятельно.

24. От одиночного боя боевые единицы, подчиненные одному начальнику, восходят к новым единицам, также объединенным командованием.

25. Эти единицы связаны между собою общей целью и планом, но не настолько тесно, чтобы отдельные члены не сохранили известной самостоятельности. Эта самостоятельность все возрастает, чем выше становится ступень единицы. Каким образом происходит эта эмансипация членов, мы будем иметь возможность показать лишь в дальнейшем изложении (§ 97 и следующие).

26. Итак, каждый общий бой состоит из великого множества отдельных боев в нисходящем порядке членов до последнего самостоятельно действующего члена.

27. Но из отдельных ведущихся рядом боев слагается и бой в целом.

28. Все отдельные бои мы называем частными боями, а целое — общим боем; понятие же общего боя мы связываем с условием командования, объединенного в одном лице, так что лишь то относится к одному бою, что руководится одной волей. (При кордонных позициях эту границу никогда нельзя точно определить.)

29. То, что мы будем говорить о теории боя, должно быть отнесено в равной мере как к общему, так и к частному бою.

Принцип боя

30. Каждый бой есть проявление вражды, инстинктивно переходящей в него.

31. Этот инстинкт нападения на неприятеля и уничтожения его и есть подлинная стихия войны.

32. Но даже у самых первобытных людей это враждебное чувство не остается одним лишь инстинктом; к нему присоединяется рассуждающий разум, и непреднамеренный инстинкт переходит в преднамеренное действие.

33. Таким путем духовные силы подчиняются разуму.

34. Однако их никогда нельзя мыслить совершенно устраненными, и нельзя поставить на их место одно устремление разума, ибо если бы они даже совершенно оказа-

лись поглощенными намерениями разума, то вновь разгорелись бы в процессе самой борьбы.

35. Так как наши войны не являются выражением вражды единичного человека против единичного же человека, то казалось бы, что в бою должно было бы совершенно отсутствовать всякое чувство вражды и он должен бы представлять чисто рассудочную деятельность.

36. Однако это вовсе не так. С одной стороны, нет никогда недостатка в коллективной ненависти у обеих сторон, проявляющейся в индивиде с большей или меньшей силой, так что каждый индивид из ненавидящей и ненавидимой стороны является и субъектом и объектом ненависти; с другой стороны, в самом процессе боя у индивидов в большей или меньшей степени разгорается действительное чувство вражды.

37. Жажда славы, честолюбие, своекорыстные побуждения, чувство солидарности и другие духовные силы могут заменить чувство вражды при отсутствии последнего.

38. Поэтому в бою редко или даже никогда не бывает, чтобы единственным мотивом действий сражающихся была воля командующего и предписанная задача; в нем всегда принимают значительное участие и духовные силы.

39. Это участие усиливается еще тем, что борьба протекает в сфере опасности, когда духовные силы приобретают особое значение.

40. Но и руководящий борьбой интеллект не может исчерпываться силами разума, и, следовательно, бой не может быть делом голого расчета, так как:

а) бой является столкновением живых физических и моральных сил, которые подчиняются лишь общей оценке, а не точному учету;

б) духовные силы, вступающие здесь в дело, могут обратить бой в предмет воодушевления, а следовательно, суждение о нем переносится в высшую инстанцию.

41. Итак, бой может быть актом таланта и гения в противоположность расчетливому разуму.

42. Духовные силы и гений, проявляющиеся в бою, должны рассматриваться как особые моральные величины, которые при их значительном неравенстве и эластичности беспрестанно сказываются за пределами расчетливого разума.

43. Задача военного искусства — учитывать эти силы как в теории, так и на практике.

44. Чем больше их смогут использовать, тем сильнее и успешнее будет борьба.

45. Все изобретения искусства, как-то: оружие, организация, прикладная тактика и принципы применения войск в бою, являются ограничениями естественного инстинкта, который должен быть подведен окольными путями к более действительному использованию своих сил. Но духовные силы не слишком поддаются перестройке; если мы чересчур хотим их обратить в орудие, то лишаем их порыва и сил. Поэтому им всегда надо предоставлять известный простор как при отдельных указаниях теории, так и в постоянном распорядке жизни армии. Для этого от теории требуется более высокая точка зрения и большая осмотрительность, а от практики — интуиция.

Расчленение боя

97. В п. 23 мы видели, что каждый бой есть многочленное целое, в котором самостоятельность членов не одинакова, уменьшаясь книзу. Теперь мы можем ближе исследовать этот вопрос.

98. Можно с полным правом рассматривать как начальную единицу бой части, которой можно руководить в бою словесной командой, например, батальона, батареи, кавалерийского полка и пр., если эти части действительно собраны воедино.

99. Где словесная команда оказывается недостаточной, прибегают к словесному или письменному приказу.

100. Словесная команда не поддается дальнейшей градации, она является уже частью исполнения. Приказ же имеет свои степени, начиная с высшей, граничащей в отношении определенности со словесной командой и кончая величайшей общностью. Сам приказ не является частью исполнения, а представляет лишь поручение.

101. Все подчиненные словесной команде не имеют своей воли; но как только вместо нее является приказ, тотчас начинается известная самостоятельность членов, ибо приказ носит общий характер и воля начальника должна дополнить то, чего в нем недостает.

102. Если бы можно было заранее определить и предусмотреть бой во всех имеющих место рядом и следующих друг за другом частях и событиях, если бы, следовательно, план боя мог сразу охватить действия мельчайших частей, подобно устройству бездушной машины, то приказ не имел бы этой неопределенности.

103. Однако сражающиеся не перестают быть людьми и индивидами, они никогда не смогут быть превращены в лишенные воли машины, а местность, на которой они сражаются, редко бывает совершенно голой равниной, не оказывающей никакого влияния на бой. Поэтому не представляется никакой возможности наперед учесть все воздействия.

104. Эта неопределенность в плане возрастает с длительностью боя и числом сражающихся. Рукопашный бой небольшой части почти целиком содержится в его плане; между тем план огневого боя даже небольшой части благодаря его длительности и привходящим случайностям не может в такой же мере проникнуть во все его подробности. С другой стороны, рукопашная схватка более значительных масс, например, кавалерийской дивизии в 2 000—3 000 сабель, не может быть в такой степени исчерпывающе охвачена первоначальным планом, чтобы воле частных начальников не приходилось многократно его восполнять. План же большого сражения, кроме приступа к нему, может набросать лишь главные его очертания.

105. Так как недостаточность плана (диспозиции) возрастает с увеличением времени и пространства, занимаемых боем, то, как общее правило, более крупным войсковым частям приходится предоставлять и больший простор, чем более мелким; и определенность приказов будет постепенно увеличиваться с уменьшением войсковой части вплоть до частей, управляемых словесной командой.

106. В зависимости от обстоятельств, в которых находится войсковая часть, ей может быть предоставлена различная степень самостоятельности. Пространство, время, характер местности и почвы, природа даваемого поручения должны ослаблять или усиливать определенность приказа для одной и той же части.

107. Помимо этого планомерного деления общего боя на

отдельные члены, может возникнуть и непреднамеренное разделение его и притом:

а) так, что преднамеренные деления станут глубже, чем то было намечено в плане;

б) так, что появляется разделение там, где оно вовсе не предполагалось и где все должно было находиться под одной командой.

108. Это непреднамеренное деление возникает из обстоятельств, которые не удалось заранее предусмотреть.

109. Последствием является неодинаковый результат действий частей, которые, предполагалось, будут действовать совместно (ибо они могут оказаться в неравных условиях).

110. Отсюда у некоторых частей возникает потребность в изменениях, которые не входят в план целого:

а) или они хотят уклониться от невыгод, представляемых условиями местности, соотношением сил и их группировкой;

б) или в этих отношениях они имеют преимущества и хотят их использовать.

112. Тогда предстоит задача подогнать эти изменения к общему плану, почему:

а) в случае неудачи ее стараются тем или другим путем загладить;

б) в случае успеха его стараются использовать в той мере, в какой это не грозит опасностью реакции.

113. Таким образом, преднамеренное и непреднамеренное разделение общего боя на более или менее самостоятельные частные бои вызывает смену форм боя как в отношении смены рукопашных схваток и огневого боя, так и смены наступления и обороны в пределах общего боя в целом.

Бой состоит из двух актов: из акта разрушения и из решающего акта

114. Из огневого боя с его началом разрушения и из рукопашного боя с его прогоняющим началом вытекают два различных акта в частном бою: акт разрушения и акт решающий.

115. Чем массы меньше, тем в большей мере эти два акта будут состоять из одного простого огневого боя и одного простого рукопашного боя.

116. Чем массы становятся больше, тем больше придется рассматривать эти акты в совокупности, так что огневой бой будет состоять из ряда одновременных и последовательных огневых боев а решающий — также из нескольких рукопашных боев.

117. Таким образом, разделение боя не только продолжается, но оно все более и более расширяется по мере увеличения сражающихся масс, причем акт разрушения и решающий акт все более разделяются друг от друга во времени.

Акт разрушения

118. Чем целое больше, тем большее значение приобретает физическое уничтожение, ибо:

а) тем меньше становится влияние вождя (это влияние бывает больше в рукопашном бою, чем в огневом);

б) тем менее значительно моральное неравенство; при больших массах, например, целых армиях, остается только национальное различие; при небольших же массах наблюдается различие между частями и отдельными начальниками, наконец, имеют место случайные особенности, которые у больших масс сглаживаются;

в) тем глубже построение, т. е. тем больше резервов имеется налицо для возобновления боя, как мы то увидим впоследствии.

Таким образом, количество частных боев возрастает, а следовательно, и длительность общего боя; через это уменьшается влияние первого момента, который является столь решающим при изгнании противника.

119. Из предшествующего пункта следует, что чем целое больше, тем больше нужна подготовка решающего акта физическим уничтожением.

120. Эта подготовка заключается в том, что масса сражающихся уменьшается с обеих сторон и соотношение сил изменяется в нашу пользу.

121. Первого достаточно, если мы обладаем моральным или физическим превосходством; второе требуется, если такого превосходства нет.

127. Но не абсолютная величина масс служит препятствием в решающий момент (хотя и эта абсолютная

величина небезразлична, ибо 50 человек против 50 могут немедленно приступить к решающему акту, но не 50 000 человек против 50 000), а величина относительная. Дело в том, что когда пять шестых целого уже померялись силами в акте взаимного уничтожения, то если они даже остались в полном состоянии равновесия, они все же ближе к конечному решению, которое должны принять, и теперь нужен лишь сравнительно незначительный повод для того, чтобы довести дело до решения. При этом безразлично, будет ли оставшаяся часть шестою частью армии в 30 000 человек, т. е. 5 000, или же она будет шестою частью армии в 150 000 человек, т. е. равняться 25 000.

128. В акте разрушения основное намерение обеих сторон направлено к тому, чтобы получить перевес сил к моменту решающего акта.

129. Этого перевеса можно достигнуть уничтожением неприятельских физических сил, но он может получиться и из других условий, указанных в § 4.

130. Итак, акту разрушения присуще естественное стремление использовать все имеющиеся налицо выгоды, насколько это дозволяют обстоятельства.

131. Каждый бой, в котором участвуют более крупные массы, распадается на несколько частных боев (§ 23), более или менее самостоятельных, из которых, следовательно, каждый часто должен содержать акт разрушения и решающий акт, раз мы хотим использовать выгоды, которые получили от первого акта.

135. Каждый из двух полководцев старается уже в акте разрушения добиться тех выгод, которые приводят к решающему исходу, и таким путем сколь возможно подготовить таковой.

138. Таким образом, уже акт разрушения с обеих сторон, но особенно со стороны наступающего, представляет осторожное продвижение к цели.

139. Так как в огневом бою число не имеет решающего значения, то сама собою возникает тенденция обойтись в нем возможно меньшим количеством войск.

140. Так как в акте разрушения главное место занимает огневой бой, то в нем должно господствовать стремление к величайшей бережливости в отношении сил.

141. Так как в рукопашном бою численность войск весьма существенна, то часто придется в момент решения частных боев акта разрушения вводить в дело превосходные силы.

142. Впрочем, в общем и здесь характер бережливости должен преобладать, и, как общее правило, лишь те приступы к решению частных боев можно считать целесообразными, которые вытекают сами собою, не требуя особого численного превосходства.

143. Несвоевременное стремление к решающему акту имеет следующие последствия:

а) если он производится с соблюдением экономии сил, то приводит нас в положение, охваченное превосходными массами неприятеля;

б) если мы применяем надлежащие силы, то сами себя преждевременно истощаем.

144. Вопрос, не время ли приступать к частному решению, очень часто возникает во время акта разрушения; в отношении же главного решающего акта он возникает лишь под конец.

145. Акту разрушения присуща естественная тенденция переходить на отдельных пунктах в решающий акт, ибо каждое преимущество, представляющееся в ходе разрушения, может быть использовано в полной мере лишь через решающий акт, который становится потребностью.

146. Чем успешнее используются средства, примененные в акте разрушения, чем больше сказывается физическое или моральное превосходство, тем сильнее становится эта тенденция целого.

147. При незначительных или отрицательных результатах или при превосходстве сил противника эта тенденция будет на отдельных пунктах проявляться лишь так редко и в столь слабой степени, что для целого она как бы вовсе не будет существовать.

148. Эта естественная тенденция может вызывать в частных боях и в целом несвоевременный приступ к решению, что, однако, далеко не является злом; напротив, это — необходимое свойство акта разрушения, ибо без него многое было бы упущено.

152. Так как акт разрушения, развивающийся успешно,

сам собою стремится перейти к решающему акту, то дело вождя скорее сводится к решению, когда и где настало время отпустить поводья и дать простор этому стремлению.

153. Когда тенденция к решающему акту в акте разрушения слабо выражена, то это одно уже может служить довольно верным признаком отсутствия шансов на победу.

154. Следовательно, в подобном случае командиры и полководцы большей частью будут не давать решение, а принимать его.

155. Там, где все же надо переходить и в этих условиях к решающему акту, переход обусловливается категорическим приказом, сопровождаемым всеми находящимися в распоряжении вождей средствами ободрения и увлечения.

Решающий акт

156. Решающий акт есть то событие, которое вызывает в одном из двух полководцев решение к отходу [1].

157. Мы уже указали основания для отхода в § 4. Эти основания могут возникать постепенно из последовательного накопления в акте разрушения мелких неудач. В этом случае решающий акт не имеет места.

158. Но решение может быть вызвано и отдельным, крайне неблагоприятным событием, следовательно, внезапно, при все еще сохранявшемся до тех пор состоянии равновесия.

159. В этом случае можно видеть акт решения лишь в тех действиях противника, которые вызвали это событие.

160. Обычно же решение назревает мало-помалу в течение акта разрушения, а признание его побежденным получает последний толчок от какого-либо особого события. Таким образом, и в этом случае решение приходится рассматривать как данное противником.

161. Раз решение дается, оно должно быть положи-

---

[1] Эта концепция боя с решающим актом резко отличается от характеристики сражения во II главе 4-й части; она исходит из успешных кампаний Наполеона и обученных армий, тогда как в своем капитальном труде Клаузевиц находился под давлением последних неудачных для Наполеона войн с преобладанием плохо обученных войск. — Ред.

тельным действием. Таковым может быть атака, но также и простой подход новых резервов, которые до того находились в скрытом месте.

165. При больших массах, состоящих из всех родов войск, решение никогда не будет заключаться в одном рукопашном бою; для него потребуется новый огневой бой.

166. Но подобный огневой бой сам примет характер атаки; он будет вестись более густыми массами, т. е. действие будет сосредоточено во времени и пространстве и являться краткой подготовкой самой атаки.

170. К концу сражения забота о путях отступления получает все более и более важное значение; поэтому угроза этим путям может служить существенным средством для достижения решения.

171. На этом основании, где обстановка это позволяет, план сражения с самого начала будет ориентироваться на указанные пути.

172. Чем больше сражение или бой развиваются в духе такого плана, тем больше будет возрастать угроза путям отступления неприятеля.

173. Другое могучее средство достижения победы — это прорыв боевого порядка. Искусственная структура боевого порядка, в котором вооруженные массы вступают в бой, значительно страдает в продолжительной разрушительной борьбе, истощающей их силы. Если это потрясение и ослабление доведены до известной точки, то быстрый натиск сосредоточенными массами со стороны одного из борющихся на боевой фронт другого вызывает большое смятение, которое лишает последнего всякой возможности рассчитывать на победу и требует от него полного напряжения сил для того, чтобы отвести в безопасное место отдельные части и с грехом пополам восстановить нарушенную связь всего целого.

174. Из всего вышесказанного вытекает, что если в подготовительном акте господствует величайшая бережливость в отношении сил, то в решающем акте должно господствовать начало одоления при помощи численного превосходства.

175. Если в подготовительном акте должны преобладать терпение, стойкость и хладнокровие, то в решающем акте преобладающее значение имеют отвага и пыл.

176. Из двух полководцев обычно лишь один дает решение, другой его принимает.

178. Так как положительную задачу ставит себе атакующий, то всего естественнее, чтобы он и давал решение, что чаще всего и имеет место.

179. Но если равновесие заметно нарушено, то решение может дать:

а) или полководец, достигший известных преимуществ,

б) или тот, кто терпит неудачу.

180. Первый случай — очевидно самый естественный, и если этот полководец в то же самое время является и атакующей стороной, то это становится еще естественнее; поэтому лишь в редких случаях инициатива решения не будет исходить от этого полководца.

181. Если же преимущества на стороне обороняющегося, то является естественным, что он дает решение, так как постепенно слагающаяся обстановка имеет более решающее значение, чем первоначальная задача атаки и обороны.

182. Атакующий, который терпит заметные неудачи и все же идет на решение, смотрит на это, как на последнюю попытку достигнуть своей первоначальной задачи. Если обороняющийся дает ему для этого время, то вполне соответствует природе положительной задачи атакующего сделать такую последнюю попытку.

183. Обороняющийся же, терпящий заметную неудачу и все же желающий добиться решения, делает нечто совершенно противное природе, и на его действия надо смотреть, как на акт отчаяния.

184. Там, где все находится еще в состоянии равновесия, успех обычно бывает на стороне того, кто дает решение, ибо в момент, когда бой созрел для решения, когда силы взаимно истощились в борьбе, положительное начало будет иметь гораздо больший вес, чем в начале его.

Разделения актов разрушения и решения во времени

188. Вышеприведенный взгляд, что каждый бой распадается на два отдельных акта, в первый момент встретит много возражений.

189. Эти возражения будут частью исходить из усвоенного ложного взгляда на бой, частью же из того, что понятию отдельного придают чересчур педантическое значение.

190. Слишком большою представляют себе противоположность между атакой и обороной, считают обе эти деятельности как две чистых антитезы или же усматривают противоположность между ними там, где в действительности ее нет.

191. В результате такого взгляда получается, что наступающего рисуют себе с первого до последнего момента охваченным равномерным непрерывным стремлением к продвижению вперед, а приостановку его наступательного движения — как что-то всегда непроизвольное, вынужденное, зависящее от непосредственно встреченного сопротивления.

192. Согласно такому представлению всего естественнее было бы, если бы каждое наступление начиналось атакой, веденной с величайшим напором.

193. По отношению к артиллерии и при таком представлении уже привыкли к известному подготовительному акту; чересчур бросалось в глаза, что в противном случае она оказалась бы большей частью бесполезной.

194. Во всем остальном такое чистое, без примеси стремление к продвижению вперед считали настолько естественным, что на атаку без единого выстрела смотрели как на своего рода идеал.

Даже Фридрих Великий до сражения под Цорндорфом смотрел на огонь, как на нечто несовместимое с атакой.

195. Если впоследствии несколько и отошли от такого крайнего взгляда, все же доныне большинство полагает, что чем раньше атакующий овладеет важнейшими пунктами позиции, тем лучше.

197. Однако военная история и знакомство с оружием показывают нам, что полный отказ от огня при наступлении является абсурдом.

199. Наконец, в военной истории встречается бесчисленное множество случаев, когда от добытого уже результата приходилось снова отказываться, понеся крупные потери, так как выдвижение вперед было неосторожно. Поэтому нельзя согласиться и с принципом, приведенным в § 195.

200. Ввиду всего этого мы утверждаем, что все представление, которого мы только что коснулись, о чистой, несмешанной природе наступления, если нам будет дозволено так выразиться, ложно, ибо оно отвечает лишь весьма немногим, редко встречающимся случаям.

201. А раз начинать с рукопашного боя и приступать к решительному акту без подготовки противно природе вещей, то само собою возникает разделение на подготовку решительного акта и на самый решительный акт, т. е. на те два акта, которыми мы занимались.

207. Так как части известного целого (члены первого порядка) становятся все более и более самостоятельными по мере увеличения размеров этого целого, то, несомненно, и единство целого будет меньше на них действовать в смысле ограничения их самостоятельности; отсюда следует, что в пределах частных боев всегда может и будет происходить тем больше решающих актов, чем больше целое.

208. Следовательно, в более крупной части решающие акты не будут сливаться в одно целое в такой мере, как это случается в более мелкой части, так как они больше распределятся во времени и пространстве; но заметное разделение двух различных видов деятельности все же будет наблюдаться в начале и к концу.

209. Но части могут достигнуть таких размеров, деление между ними может сделаться таким значительным, что хотя их деятельность в бою все же будет еще исходить от воли полководца (чем и обусловливается цельность боя), однако это руководство будет ограничиваться одной постановкой первоначальной задачи или в лучшем случае постановкой нескольких таких задач в течение боя; в подобном случае такая часть объединяет в себе почти в полной мере всю организацию боя в целом.

210. Чем крупнее решительные акты, выпадающие на долю части, тем больше будут эти акты предопределять решение в целом; можно даже представить себе такое отношение частей, что в их решающих актах уже содержится решающий акт целого, так что особого решающего акта для целого не потребуется.

211. . . . Если мы себе представим, что значительному корпусу, составляющему треть или даже половину целого,

поручено взять значительный участок неприятельской позиции, то достигнутые этой частью результаты легко могут оказаться настолько важными, что решат судьбу целого; раз этот корпус выполнит свою задачу, то нового решающего акта уже не потребуется. Теперь мы можем вообразить себе положение таковым, что вследствие дальности расстояния и условий местности этот корпус не может получать много распоряжений в течение боя; тогда ему должны быть предоставлены и подготовка и самый решающий акт. Таким путем общий решающий акт может совершенно отпасть и разложиться на отдельные решающие акты нескольких крупных членов.

212. Несомненно в больших сражениях это часто случается, и педантическое представление о разделении обоих актов, на которые мы разлагаем бой, противоречило бы ходу подобного сражения.

214. Раздельность по форме всего яснее проявляется в небольших боях, где простой бой и бой рукопашный стоят в резком контрасте друг с другом. Этот контраст становится менее резким, когда обе сражающиеся части больше, ибо здесь в обоих актах две формы боя, из которых эти акты исходят, снова соединяются, но самые акты принимают более крупные размеры, они занимают больше времени и, следовательно, больше отодвигаются друг от друга во времени.

215. Разделение для целого может тоже прекратиться, поскольку решающий акт поручается членам первого порядка[1], но даже тогда в целом будут все же замечаться

---

[1] Основное отличие довоенной французской доктрины от германской заключалось в том, что в Германии решающий акт передоверялся частным начальникам, а во Франции считалось обязанностью согласно наполеоновской традиции организовать решающий акт в целом, и это являлось заботой старшего начальника даже во фронтовом масштабе (Мальяр, Бонналь, Фош, Ланглау и т. д.).

Последний случай наступил в условиях централизации, вызванной позиционным периодом мировой войны; в позиционных условиях частные бои отпадают, и остается единая огневая подготовка и единое решающее движение на приступ. Эта тенденция продолжает господствовать в оперативном искусстве и после окончания мировой войны. — Р е д.

известные следы этого разделения, так как будут стремиться увязать во времени решающие акты этих различных членов; в одном случае будут стремиться к одновременности совершения решающих актов, в других же случаях для них будут устанавливать известную последовательность.

216. Таким образом, различие между этими двумя актами и для целого никогда окончательно не утратится, а то, что из него потеряется для целого, снова возродится у членов первого порядка.

217. Так надо понимать нашу точку зрения; при этом понимании она, с одной стороны, не окажется лишенной реальности, с другой — будет направлять внимание старшего начальника в бою (будь то мелкий или крупный бой, частный или общий) на то, чтобы отводить каждому из двух актов боевой деятельности подобающую ему роль, дабы не проявлялась ни чрезмерная поспешность, ни упущение и запаздывание.

218. Чрезмерная поспешность будет проявлена тогда, когда не будет дано достаточно пространства и времени разрушительному началу, когда захотят рубить гордиев узел; последствием этого явится неудачный исход решающего акта; этот исход или явится совершенно непоправимым, или нанесет существенный ущерб делу.

219. Упущение и промедление наблюдаются во всех случаях, где не доводят дела до окончательного решения по недостатку мужества или вследствие ошибочной оценки положения; неизбежным последствием этого будет напрасный расход сил, но отсюда может получиться и положительный ущерб, ибо момент зрелости событий для решения зависит не исключительно от длительности разрушения, но и от других обстоятельств, т. е. от благоприятного момента.

План боя. Определение

220а. План боя делает возможным его единство; каждая совместная деятельность требует такого единства. Это единство не что иное, как задача боя; она определяет указания, необходимые для каждой части в целях наилучшего разрешения данной задачи. Таким образом, установление

задачи и вытекающих из нее распоряжений и составляет план.

220б. Под планом мы разумеем те распоряжения, которые даются для боя, будь то до начала его, в самом начале или в течение боя, т. е. вся сумма воздействия разума на материю.

220в. Но, очевидно, есть существенная разница между указаниями, которые необходимо должны быть и могут быть сделаны заранее, и распоряжениями, вызываемыми лишь в процессе исполнения.

220г. Первое составляет план в собственном смысле этого слова, второе можно назвать вождением.

221. Так как подобные указания в процессе исполнения имеют своим основным источником взаимодействие противников, то мы пока лишь запомним это различие; ближе мы ознакомимся с ними, когда займемся этим взаимодействием.

222. Часть этого плана уже стереотипно предусматривается боевым порядком вооруженных сил, посредством которого большое число членов сводится к немногим.

223. В частном бою боевой порядок имеет большее значение, чем в общем: там он составляет часто весь план, и притом тем больше, чем меньше часть. В пределах батальона в крупном сражении почти не приходится отдавать каких-либо распоряжений, кроме тех, которые значатся в уставе и разучены на учебном плацу; для дивизии же этого недостаточно, здесь уже необходимы конкретные указания.

224. В общем же бою, который ведет хотя бы самая мелкая часть, боевой порядок редко составляет весь план; во многих случаях план заставляет отказаться от обычного построения, чтобы получилась большая свобода для группировки в соответствии с конкретными условиями. Эскадрон, предпринимающий налет на небольшой неприятельский отряд, может разделиться на несколько отдельных частей с таким же успехом, как и самая большая армия.

Цель плана

225. Задача боя создает единство плана; мы можем рассматривать ее как цель боя, а именно — как то направление, к которому должна тяготеть вся деятельность.

226. Задача боя — это победа, следовательно все то, что обусловливает победу и что перечислено в § 4.

227. Все перечисленное в § 4 может быть достигнуто лишь уничтожением неприятельских сил; таким образом, последнее является во всех случаях средством.

228. В уничтожении в большинстве случаев заключается и основной смысл боя.

229. В тех случаях, когда это так, весь план ориентируется на возможно большее уничтожение неприятельских вооруженных сил.

230. В тех же случаях, когда большее значение придается другим объектам, перечисленным в § 1, а не уничтожению сил неприятеля, это последнее, как средство, занимает подчиненное место; тогда уже требуется не возможно большее уничтожение, а лишь достаточное, после чего уже можно следовать кратчайшим путем к цели.

231а. Бывают случаи, когда перечисленные в § 4 в п. «в», «г», «д», «е», «ж» условия, определяющие отход неприятеля, могут быть достигнуты вовсе без уничтожения неприятельских сил; тогда преодолевают неприятеля помощью маневра, а не посредством боя. Однако это отнюдь еще не победа; поэтому маневрирование может быть применяемо лишь постольку, поскольку смысл наших действий заключается не в одержании победы, а в чем-то другом.

231б. Правда, в этих случаях применение вооруженных сил все же будет заключать в себе всегда идею боя, а следовательно, уничтожение неприятельских сил, но лишь как нечто возможное, а не как нечто вероятное[1]. Ибо, направляя свои намерения на нечто другое, а не на уничтожение вражеских вооруженных сил, мы исходим из предположения, что это другое окажется действительным и дело не дойдет до существенного сопротивления противника. Если мы не вправе сделать такое предположение, то мы не можем и избирать других объектов, а если окажется, что мы ошиблись в нашем предположении, то и весь план окажется ошибочным.

232. Из предыдущего параграфа следует, что во всех тех случаях, когда условием победы является значительное

---

[1] См. часть 1-ю, глава II. — Ред.

уничтожение неприятельских сил, последнее должно составлять и основной предмет плана.

233. Так как маневр сам по себе не представляет боя, а последний имеет место лишь тогда, когда маневр не достигает ожидаемого успеха, то и законы, регулирующие общий бой, не могут подходить к маневру, а своеобразные условия, играющие роль в маневре, не дают ничего для теории боя [1].

234. Правда, при практическом выполнении часто наблюдаются смешанные условия, но это не препятствует нам отделить в теории явления, различающиеся между собою по существу. Раз мы знаем свойства отдельных частей, комбинировать их уже нетрудно.

235. Итак, во всех случаях уничтожение неприятельских сил является нашим намерением, и условия, перечисленные в § 4 в п. «б», «г», «д», «е», лишь этим вызываются на сцену; правда, раз появившись, они уже выступают в качестве самостоятельных сил, находящихся во взаимодействии с основным намерением.

237. Поскольку можно установить что-нибудь совершенно общее относительно плана боя, оно может заключаться лишь в наиболее действительном использовании собственных сил для уничтожения неприятельских.

Отношение между величиной успеха и его обеспеченностью

238. Так как на войне, а следовательно, и в бою мы имеем дело с моральными силами и воздействиями, не поддающимися точному учету, то всегда сохраняется большая неуверенность в успехе примененных средств.

239. Эта неуверенность еще более увеличивается вследствие множества случайностей, с которыми входит в соприкосновение военная деятельность.

240. Там, где господствует неуверенность, риск становится существенным элементом.

241. Рисковать в обычном смысле означает строить свой расчет на данных, которые скорее невероятны, чем вероятны. Но в широком смысле рисковать означает, однако, исходить из предпосылок, являющихся недостаточно

---

[1] Ср. часть 7-ю, глава XIII и примечание к ней. — Ред.

обеспеченными. В этом последнем смысле мы и будем здесь пользоваться этим словом.

242. Если бы во всех встречающихся случаях можно было провести черту между вероятным и невероятным, то могла бы притти мысль обратить ее в предельную черту риска и, таким образом, считать риск за пределами этой черты, т. е. риск в более узком смысле, недопустимым.

243. Однако, во-первых, такая черта представляет химеру, а, во-вторых, борьба есть не только акт рассудка, но и акт страсти и мужества. Эти факторы исключить невозможно, и если бы мы вздумали чрезмерно их ограничить, то отняли бы у собственных сил самую могучую пружину, из-за чего оказались бы в постоянном убытке, так как в большинстве случаев частое неизбежное недохватывание до этой черты можно возместить только тем, что порою мы перейдем за эту черту.

244. Чем благоприятнее предположения, которые мы допускаем, т. е. чем больше мы хотим рисковать, тем крупнее результаты, которых ожидаем от применения тех же самых средств, а следовательно, тем крупнее и цели, которыми мы задаемся.

245. Чем больше мы рискуем, тем успех менее вероятен, а следовательно, и менее обеспечен.

246. Таким образом, размер и обеспеченность успеха при тех же средствах находятся в противоречии.

247. Первый вопрос заключается в том, которому из этих двух противоположных начал следует отдавать предпочтение.

248. Здесь ничего определенного установить нельзя; на войне это является самым индивидуальным. Во-первых, решает этот вопрос обстановка, которая может сделать величайший риск необходимостью, а во-вторых, его решают дух предприимчивости и мужество, нечто совершенно субъективное, чего приказать нельзя. Можно требовать от вождя, чтобы он взвесил с знанием дела всю обстановку и средства, которыми располагает, и не переоценивал их действенности; раз он это сделал, то приходится уже предоставить ему самому решить, чего он думает достигнуть ими в зависимости от своего мужества[1].

[1] Соответственная § 238—248 глава должна была иметься в капитальном труде, но осталась ненаписанной (см. том I). — Ред.

Отношение между размерами успеха и его ценой

249. Второй вопрос относительно подлежащих уничтожению неприятельских сил касается цены, которой покупается его уничтожение.

250. При намерении уничтожить неприятельские силы обычно предполагается, конечно, уничтожить их больше, чем мы жертвуем своими. Однако это условие не является категорически необходимым, ибо могут встретиться случаи (например, при крупном численном превосходстве), когда простое уменьшение неприятельских сил составляет известное преимущество, хотя бы мы купили его еще большим уничтожением наших собственных.

251. Но даже тогда, когда наше намерение определенно направлено на уничтожение большего числа неприятельских сил, чем сколько мы при этом пожертвуем наших, все же вопрос о размере этой жертвы остается открытым, ибо вместе с этим размером, естественно, растет и понижается и успех наших действий.

252. Всякому ясно, что ответ на этот вопрос зависит от цены, которую мы придаем нашим силам, а следовательно, от конкретных обстоятельств; им и следует предоставить решение.

Мы не можем сказать ни того, чтобы общим правилом было возможно более бережливое отношение к своим вооруженным силам, ни того, что необходимо ими жертвовать без оглядки.

Атака и оборона [1]

257. В отношении вида боя существуют только два различия, которые встречаются всюду, а потому носят общий характер; первое исходит из позитивного или негативного характера намерения и дает наступление и оборону, второе — из природы применяемого оружия и дает огневой и рукопашный бой.

258. Строго говоря, оборона должна бы заключаться в одном лишь отражении удара, и ей подобало бы лишь одно оружие — щит.

---

[1] Ср. часть 6-я, глава I. — Ред.

259. Но это было бы чистым отрицанием, абсолютно страдательным отношением. Между тем, ведение войны — отнюдь не одно страдательное отношение, не одно претерпевание; поэтому в основу обороны никогда нельзя класть безусловную пассивность.

261. Оборона является борьбой, боем в такой же степени, как и атака.

262. Бой можно вести только ради победы, которая, следовательно, является целью обороны в той же мере, как и наступления.

263. Ничто не дает права мыслить победу обороняющегося как нечто негативное; если в отдельных случаях она и приближается к этому, то это зависит от конкретной обстановки данного случая; включать это в понятие обороны отнюдь не следует, иначе такое включение логически отразилось бы на всем представлении о бое и внесло бы в него известные противоречия или привело бы нас снова при строгом умозаключении к абсурду абсолютно страдательного отношения и претерпевания.

264. И все же есть в высшей степени существенное различие между атакой и обороной, которое, однако, является принципиально единственным, а именно: наступающий хочет действия (боя) и вызывает его к жизни, а обороняющийся его выжидает.

265. Этот принцип проходит красной нитью через всю войну, а следовательно, и через всю область боя, является первоистоком всех различий между атакой и обороной.

266. Но тот, кто желает какого-нибудь действия, стремится выполнить какую-либо задачу, и этой задачей должно быть нечто позитивное, ибо намерение, направленное на то, чтобы ничего не произошло, не может вызвать действия. Отсюда атака должна иметь позитивное намерение.

267. Победа не может быть этим намерением, ибо она является лишь средством. Даже в тех случаях, когда ищут победы ради нее самой, ради, например, воинской чести или для того, чтобы ее моральным весом оказать давление на политические переговоры, смысл заключается все же в воздействии победы, а не в самой победе.

268. Намерение победить должно в равной мере быть и у атакующего и у обороняющегося, но истоки этого намерения у обоих разные: у первого таким истоком является задача, разрешению которой должна служить победа, у обороняющегося же — голый факт боя. У первого намерение приходит сверху, у второго оно вырабатывается снизу. Кто вообще дерется, может драться лишь из-за победы.

269. Из-за чего же сражается обороняющийся, т. е. ради чего принимает он бой? Из-за того, что он не хочет допустить осуществления позитивного намерения атакующего, т. е. прежде всего потому, что он хочет сохранить status quo [1]. Таково ближайшее и необходимое намерение обороняющегося; то, что в дальнейшем с этим связывается, уже не необходимо.

270. Таким образом, необходимое намерение обороняющегося или, вернее, необходимая часть намерения обороняющегося является негативною.

271а. Всюду, где эта негативность обороняющегося имеется налицо, т. е. всюду и всегда, где его интерес заключается в том, чтобы ничего не случилось и все оставалось попрежнему, она должна его побуждать к бездействию и выжиданию действий противника; но с того момента, как тот начал действовать, обороняющийся уже не может достигнуть осуществления своего намерения одним лишь выжиданием и бездействием. Теперь уж он начинает действовать так же, как его противник, и различие между ними исчезает.

271б. Если приложить это сперва к общему бою, то все различие между атакой и обороной сводилось бы к тому, что последняя выжидает первую, ход же самого боя в дальнейшем этим не обусловливается.

272. Однако этот принцип можно приложить и к частному бою; для членов и частей целого интерес также может заключаться в том, чтобы не наступило никаких перемен, что может и их побудить к выжиданию.

273. Это возможно не только для членов и частей обороняющегося, но и для членов и частей атакующего и действительно встречается у обоих.

---

[1] Существующее положение. — Ред.

274. Однако естественно, что у обороняющегося это будет наблюдаться чаще, чем у атакующего, что мы яснее увидим лишь тогда, когда рассмотрим индивидуальные обстоятельства, вступающие в связь с принципом обороны.

275. Чем дальше вниз будет опускаться принцип обороны в общем бою, вплоть до самых малых членов целого, и чем шире мы распространим его на все члены, тем общее сопротивление будет пассивнее, тем больше оборона будет приближаться к черте абсолютно страдательного отношения, на которое мы смотрим, как на абсурд.

276. Где в этом отношении выгоды выжидательного положения прекращаются для обороняющегося, т. е. где действенность такого выжидания оказывается исчерпанной и где до известной степени достигнута точка насыщенности, мы сможем установить лишь впоследствии.

277. Теперь мы выведем из вышесказанного лишь то заключение, что оборонительное или наступательное намерение отражается известным образом не только на завязке боя, но и проникает действия сражающихся в течение всего боя, и, следовательно, мы действительно имеем два различных вида боя.

278. Поэтому план во всяком случае должен указать относительно боя в целом, следует ли ему быть наступательным или оборонительным.

280. Если мы пока оставим в стороне все те конкретные обстоятельства, в зависимости от которых решается вопрос о выборе между атакой и обороной, то получим лишь один общий закон, а именно: *там, где хотят задержать решение, нужно действовать оборонительно; там же, где этого решения ищут, нужно действовать наступательно.*

Последовательное применение вооруженных сил [1]

291. При общем действии отдельных сил одновременность этого действия сама по себе является основным условием. То же бывает и в бою. Так как число вооруженных сил в продукте их деятельности составляет известный фак-

[1] К этой теме в стратегическом масштабе Клаузевиц возвращается в главе XII части 3-й капитального труда. — Ред.

тор, то при всех прочих равных условиях одновременное применение всех вооруженных сил, т. е. максимальное сосредоточение их во времени против неприятеля, который не применяет их все сразу, даст победу, и притом сперва над той частью неприятельских вооруженных сил, которая введена им в дело; а так как благодаря этой победе над частью моральные силы победителя вообще возрастают, а моральные силы побежденного уменьшаются, то из этого следует, что даже в том случае, если потери окажутся одинаковыми у обеих сторон, такая частичная победа должна поднять общие силы победителя над общими силами побежденного и, следовательно, может обусловить победу и в общем бою.

292. Но заключение, к которому мы пришли в прошлом параграфе, базируется на двух предпосылках, которые не существуют, а именно: во-первых, что нет предела количеству применяемых сил, и, во-вторых, что нет предела пользованию одной и той же воинской частью, пока от нее что-либо остается.

293. Что касается первого условия, то самое пространство уже ограничивает число сражающихся, ибо то, что не может принять участия в действиях, должно считаться лишним. Этим ограничиваются глубина и ширина построения всех предназначенных к одновременному действию бойцов, а следовательно, и их число.

294. Но еще гораздо более важное ограничение числа заключается в природе огневого боя. Введение в него крупных сил в известных границах оказывает лишь то действие, что усиливает общую силу огневого боя [1]. Следовательно, там, где для одной стороны в таком усилении уже нет выгоды, оно теряет для нее свое значение; таким путем количество одновременно применяемых сил скоро достигнет в этом случае своего максимума.

295. Этот максимум полностью зависит от конкретных условий — местности, морального состояния войск и бли-

---

[1] Т. е. густое построение, с одной стороны, позволяет вести и более сильный огонь, а, с другой стороны, образует более благодарную мишень, вследствие чего действие огня с обеих сторон усиливается, как думает Клаузевиц, почти равномерно.— Ред.

жайшей задачи данного огневого боя. Здесь достаточно сказать, что такой максимум существует.

296. Итак, число одновременно могущих быть применяемыми сил имеет свой максимум, за пределами которого уже наступает расточительность.

297. Точно так же имеет свой предел пользование одними и теми же вооруженными силами. Вооруженная сила, участвовавшая в огневом бою, мало-помалу становится непригодной для дела, но и от рукопашного боя происходит такое же ухудшение. Если истощение физических сил в этом случае меньше, чем в огневом бою, то при неудачном исходе моральное истощение является гораздо бо́льшим.

298. Благодаря этому ухудшению, которому подвергаются все уцелевшие вооруженные силы, участвовавшие в бою, в последнем выявляется новый принцип, а именно — внутреннее превосходство свежих боевых сил над уже бывшими в употреблении.

299. Однако приходится считаться и с другим явлением, заключающимся во временном ухудшении бывших в деле вооруженных сил, а именно — в том кризисе, который в них вызывает каждый бой.

300. Рукопашный бой фактически не имеет никакой длительности. В тот момент, когда один кавалерийский полк бросается в атаку на другой, дело уже решено, и с теми немногими секундами, в течение которых происходит действительная рубка, не приходится считаться, как с периодом времени; почти то же бывает и с пехотой и с крупными массами войск. Но этим дело не кончается; то критическое состояние, которое находит себе разряд в решающем акте, еще не заканчивается вполне с этим актом; победоносный полк, преследующий, распустив поводья, побежденных, уже не походит на тот полк, который стоял на поле битвы в сомкнутых рядах; правда, моральная сила его поднялась, но его физические силы, степень его порядка, как общее правило, подорваны. Лишь благодаря потере моральных сил, понесенной противником, и тому обстоятельству, что он также расстроен, победитель удерживает свой перевес. Появись в этот момент новый противник, нет никакого сомнения, что он при равных качествах войск разобьет победителя.

301. Такой же кризис наблюдается и в огневом бою, так что те самые войска, которые только что победоносно отразили своим огнем противника, все же в это мгновение находятся в заметно ослабленном состоянии в отношении порядка и сил. Это состояние длится до тех пор, пока все пришедшее в расстройство снова не будет поставлено в рамки порядка.

302. То, что мы сейчас говорили о небольших частях, можно распространить и на крупные.

303. Сам по себе кризис в маленьких частях достигает больших размеров, так как он равномерно охватывает всю часть, но зато он бывает кратковременным.

304. Всего слабее бывает кризис целого[1], особенно же в целой армии, но зато такой кризис бывает и самым продолжительным.

305. До тех пор, пока боевой кризис у победителя продолжается, в этом кризисе заключается средство для побежденного восстановить бой, т. е. повернуть в свою пользу результат боя, если только он имеет возможность подвести свежие войска в соответственном количестве[2].

306. Это является вторым основанием для последовательного применения вооруженных сил в качестве действующего начала.

307. Но раз последовательное применение вооруженных сил в ряде боев, следующих один за другим, возможно, а одновременное их применение не безгранично, то из этого само собой вытекает, что силы, которые не могут действовать одновременно, могут оказаться действенными при последовательном их применении.

308. Рядом таких следующих один за другим боев длительность общего боя значительно увеличивается.

309. Эта длительность вводит новое основание для последовательного применения вооруженных сил, с которым следует считаться, так как в расчет входит новая величина; эта величина — непредвиденные события.

311. Продолжительность действия вводит в расчет и чи-

---

[1] Впоследствии Клаузевиц изменил свое мнение: «Один большой огонь достигает большей степени жара, чем несколько маленьких». — Ред.

[2] Часть 4-я, глава VII. — Ред.

стую случайность, а последняя по природе дела на войне играет бо́льшую роль, чем где бы то ни было.

312. С непредвиденными событиями вообще надо считаться, что может выразиться лишь в том, что оставляют позади соответственные силы, т. е. резерв в собственном смысле этого слова.

Глубина боевого порядка

313. Все бои, которые даются последовательно, требуют по тем основаниям, из которых они проистекают, свежих вооруженных сил. Эти последние могут быть или совершенно свежими, т. е. еще не бывшими в деле, или такими, которые уже были использованы, но благодаря отдыху более или менее вышли из своего состояния ослабления. Легко понять, что здесь могут быть различные градации.

314. И то и другое применение, т. е. совершенно свежих сил или сил, уже использованных раньше, но отдохнувших, обусловлено нахождением их позади, т. е. группировкой вне сферы разрушительного акта.

315. И в этом могут быть градации, ибо сфера разрушения не обрывается сразу, но постепенно сходит на-нет.

Полярность одновременного и последовательного применения вооруженных сил

321. Так как одновременное и последовательное применение вооруженных сил одно другому противоположно и обладает каждое известными преимуществами, то на них надлежит смотреть, как на два полюса, которые притягивают на свою сторону решение полководца и тем самым ставят его на точку, где они друг друга уравновешивают; конечно, мы исходим из предпосылки правильной их оценки.

322. Теперь, значит, дело сводится к тому, чтобы ознакомиться с законами этой полярности, т. е. с выгодами и условиями обоих способов применения сил, и через это изучить их взаимоотношения.

329. Там, где нет особого интереса ускорять действие огня, обе стороны будут заинтересованы в том, чтобы обойтись возможно меньшим числом сил, т. е. применить лишь такое количество сил, чтобы слишком незначитель-

ным их числом не побудить противника тотчас же броситься в рукопашную.

330. Таким образом, одновременное применение вооруженных сил в огневом бою ограничено недостаточностью выгоды[1], и обеим сторонам приходится прибегнуть к последовательному применению излишних сил.

340. Можно себе представить одновременное введение в бой большой суммы вооруженных сил при помощи большого протяжения фронта двояким образом, а именно:

а) тем, что, удлиняя фронт, мы заставляем и противника удлинить свой фронт; в этом случае мы не получаем никакого преимущества перед неприятелем, но последствием этого является введение в дело с обеих сторон большего количества сил одновременно;

б) тем, что мы охватываем неприятельский фронт.

341. Одновременное введение обеими сторонами большего количества сил в немногих случаях будет отвечать интересам обеих сторон; притом не может быть уверенности, согласится ли неприятель на это дальнейшее удлинение.

342. Если он на него не пойдет, то или часть нашего фронта, т. е. наших вооруженных сил, окажется без дела, или же мы должны будем применить излишнюю часть нашего фронта для охвата неприятеля.

343. Лишь страх перед таким охватом может побудить противника соответственно растянуть свой фронт.

344. Но когда нужно охватить противника, то, очевидно, лучше с самого начала принять соответствующий распорядок, и, следовательно, удлиненный фронт приходится рассматривать лишь с этой точки зрения.

345. Охватывающая форма применения вооруженных сил имеет ту особенность, что она не только увеличивает сумму одновременно примененных с обеих сторон вооруженных сил, но и дает возможность ввести в дело больше сил, чем противник.

348. Второе преимущество охватывающей формы — это более сильное действие концентрического огня.

---

[1] Усовершенствование оружия и улучшение снабжения боеприпасами увеличили выгоды энергичного ведения огневого боя и вызвали быстрый рост фронта с конца XIX столетия. — Ред.

349. Третье преимущество — это отрезание путей отступления.

350. Эти три преимущества охвата ослабевают с увеличением вооруженных сил или, говоря точнее, с увеличением их фронта и усиливаются с их уменьшением.

356. Однако у охватывающей формы имеется и своеобразная невыгода, заключающаяся в том, что силы при ней растягиваются на большее пространство, откуда их действенность уменьшается в двух отношениях.

357. Время, потребное для того, чтобы пройти известное пространство, не может быть употреблено на то, чтобы сражаться. А все движения охватывающего, не направленные перпендикулярно к неприятельскому фронту, происходят на большем пространстве, чем движения охватываемого, ибо последний движется более или менее по радиусам меньшего круга, а охватывающий — по окружности большего, что представляет существенную разницу.

358. Отсюда для охваченного вытекает возможность легче пользоваться своими силами на различных пунктах.

359. Наряду с этим, с увеличением пространства уменьшается и единство целого, ибо донесениям и приказам приходится проходить бо́льшие расстояния.

360. Обе эти невыгоды охватывающей формы увеличиваются с расширением фронта. При немногих батальонах они незначительны, при крупных армиях они становятся весьма чувствительны.

364. Раз выгоды охвата при небольших фронтах очень велики, а невыгоды очень малы, и притом первые уменьшаются, а вторые увеличиваются с увеличением фронта, то из этого следует, что может быть такая точка, где они будут взаимно уравновешивать друг друга.

365. За пределами этой точки расширение фронта не будет, следовательно, в состоянии противопоставить каких-либо преимуществ последовательному применению сил, а, напротив, оно приведет к известным невыгодам.

370. Необходимо иметь позади всякого построения не подверженное обстрелу пространство для резервов, для командования и пр., находящихся позади фронта. Если бы они подвергались обстрелу с трех сторон, они перестали бы быть тем, к чему они предназначены.

371. Так как эти элементы при больших массах сами представляют более или менее крупные массы и, следовательно, требуют для себя значительного пространства, то не подвергающееся обстрелу пространство позади фронта должно быть тем большим, чем больше целое; по этой причине фронт должен расти с ростом масс.

372. Но пространство позади значительной массы войск должно быть большим не только потому, что резервы и пр. нуждаются в большом пространстве, но оно должно быть еще большим, чтобы гарантировать большую безопасность, ибо, во-первых, случайно залетевшие снаряды оказали бы гораздо большее действие на крупные массы войск и обозы, чем на несколько батальонов; во-вторых, бои больших масс гораздо продолжительнее, а потому потери в войсках, расположенных позади фронта и, следовательно, не участвующих в бою, могут за это время стать гораздо более значительными.

380. Из всего до сих пор сказанного об этих двух выгодах охвата вытекает, что небольшие массы с трудом могут достигнуть достаточной длины фронта. Это настолько верно, что, как мы знаем из практики, они большей частью бывают вынуждены отказаться от стереотипного порядка своего построения и растягиваются значительно шире. В крайне редких случаях примет батальон, предоставленный самому себе, бой с длиною фронта своего обычного построения (150—200 шагов); он разделится по-ротно, а роты растянутся стрелковой цепью, оставив часть в качестве резерва; таким путем батальон займет в два, три или четыре раза большее пространство, чем сколько ему, собственно говоря, полагается.

381. Но чем массы становятся больше, тем легче бывает достигнуть необходимой длины фронта, ибо хотя эта последняя и растет вместе с ростом масс, но не в одинаковой мере.

382. Поэтому большим массам нет надобности отступать от нормального порядка построения, и они имеют возможность сохранить позади часть войск.

384. У очень крупных масс (в армиях в 100 000, 150 000, 200 000 человек) мы наблюдаем постоянный рост резервов

(от $^1/_4$ до $^1/_8$). Это доказывает, что силы все более и более превосходят потребности фронта.

387. Первые два преимущества охвата оказывают свое действие в смысле о б е с п е ч е н и я успеха, увеличивая наши силы; третье достигает того же, но лишь при крайне коротких фронтах.

388. Оно влияет на мужество сражающихся на неприятельском фронте тем, что внушает им представление о потере пути отступления, что всегда производит весьма сильное впечатление на солдата.

389. Однако это будет иметь место лишь в том случае, когда опасность быть отрезанным настолько близка и очевидна, что впечатление от нее заглушает все законы дисциплины и силу приказания и увлекает солдата совершенно непроизвольно.

390. При большом отдалении, когда раздающаяся пушечная и ружейная стрельба в тылу лишь намекает на это, в солдате может возникнуть беспокойство, но, если дух войска не слишком плох, это ему не помешает слушаться приказаний вождя.

391. В этом случае выгода отрезывания, которую имеет охватывающий, уже не должна считаться за такую, которая о б е с п е ч и в а л а бы в большей мере успех, т. е. придавала бы ему большую в е р о я т н о с т ь, а является лишь преимуществом, у в е л и ч и в а ю щ и м р а з м е р достигнутого успеха.

392. И в этом отношении третье преимущество охвата подчиняется той же антитезе: при коротком фронте оно бывает больше, а с удлинением его оно уменьшается, как то можно наблюдать с очевидностью.

393. Это, однако, не противоречит тому, что более крупные массы нуждаются в более широком фронте, чем мелкие. Отступление никогда не происходит по всей ширине фронта, а ведется по отдельным дорогам; отсюда само собою следует, что отступление крупных масс требует больше времени, чем более мелких; эта большая продолжительность времени требует, следовательно, более широкого фронта, чтобы неприятель, охватывающий его, не мог так скоро достигнуть пунктов, через которые производится отступление.

394. Раз третье преимущество охвата в большинстве случаев, а именно — при не слишком коротких фронтах, отражается (согласно § 391) лишь на размере, а не на обеспеченности успеха, то отсюда следует, что в зависимости от обстоятельств и намерений сражающихся оно приобретает совершенно различное значение.

395. Там, где вероятность успеха и без того незначительна, надо прежде всего позаботиться об обеспечении его; в таких случаях преимущество, влияющее главным образом на его размер, не может иметь особого значения.

396. В тех же случаях, когда это преимущество даже шло бы вразрез с этим вероятием (§ 365), оно представляло бы положительный ущерб.

397. В таких случаях придется постараться выгодами последовательного напряжения сил уравновесить выгоды большего фронта.

398. Итак, мы видим: положение безразличной точки между обоими полюсами одновременного и последовательного применения сил, ширины и глубины фронта не только складывается иначе у крупных и мелких масс, но и меняется в зависимости от обстановки и намерений обеих сторон.

399. Более слабая и более осторожная сторона должна отдавать предпочтение последовательному напряжению сил, а более сильная и отважная — одновременному.

400. По своей природе атакующий бывает более сильным и отважным, безразлично по свойствам ли характера полководца или по необходимости.

401. Охватывающая форма боя, т. е. обусловливающая наиболее одновременное напряжение сил у нас и у противника, естественно, подходит для атакующего.

402. А охваченная, т. е. связанная с последовательным применением сил и потому обреченная на охват, есть, следовательно, естественная форма для обороны.

403. В первой заложена тенденция к быстрому решению, в последней заложена тенденция к выигрышу времени, и эти тенденции гармонируют с основным смыслом обеих форм боя.

404. Но в природе обороны заключается еще одно основание, склоняющее ее к более глубокому построению.

405. Одно из самых значительных преимуществ обороны заключается именно в поддержке, которую ей оказывают местность и рельеф, почему местная оборона и является существенным ее фактором.

406. Но ведь можно было бы предположить, что это поведет к удлинению фронта до крайних пределов, чтобы использовать это преимущество в возможной степени: это односторонний подход, в котором можно видеть главнейший мотив, так часто склонявший полководцев занимать растянутые позиции.

411. Надо рассматривать как решительный ущерб для обороны занятие более растянутого фронта по сравнению с фронтом, необходимым атакующему для развертывания своих сил.

412. Как необходимо велик должен быть фронт атакующего; этим вопросом мы займемся впоследствии; здесь же мы можем лишь сказать, что, когда атакующий занимает чересчур малый фронт, обороняющийся его за это наказывает не тем, что он сразу придает своему фронту большую длину, но принятием наступательных, охватывающих контрмер.

413. Поэтому можно уверенно сказать, что обороняющийся, чтобы во всяком случае избежать невыгод слишком растянутого фронта, должен занимать возможно меньший, насколько это позволяют обстоятельства, ибо через это он сбережет больше сил позади фронта; эти же последние никогда не могут оказаться без дела, как части слишком растянутого фронта.

414. Пока обороняющийся довольствуется возможно малым фронтом и старается сохранить возможно большую глубину, т. е. пока он следует естественной тенденции своей формы боя, до тех пор у наступающего проявляется обратная тенденция: растянуть свой фронт возможно шире, т. е. охватить своего противника возможно дальше.

415. Но это лишь тенденция, а не закон, ибо мы видели, что выгоды этого охвата уменьшаются с увеличением размеров фронтов, а следовательно, на известной точке уже не уравновешивают выгод от последовательного применения сил. Этому закону подчинены в равной мере как атакующий, так и обороняющийся.

416. Здесь нам надо различить два неодинаковых протяжения фронта, а именно то, которое определяет обороняющийся принятой им группировкой, и то, которое вынуждается у обороны атакующим посредством намеченного им окрыления.

417. Если первое уже столь велико, что все выгоды от охвата флангов или исчезают, или лишаются силы, то последнее отпадает; наступающий должен искать получения выгод другими путями, как мы сейчас увидим.

418. Если же первое протяжение фронта так мало, насколько это только возможно, то наступающий вправе рассчитывать на известные выгоды от окрыления и охвата; здесь надлежит определить границы этого охвата.

419. Эта граница определяется (§ 356—365) невыгодами преувеличенного охвата.

420. Эти невыгоды появляются тогда, когда стараются осуществить охват противника вопреки чрезмерной растянутости неприятельского фронта; однако эти невыгоды становятся еще больше, как то наглядно видно, при чрезмерно широком охвате короткой линии.

421. Раз эти невыгоды выпадают на долю наступающего, то выгоды последовательного применения сил, которые сохраняет оборона благодаря своему короткому фронту, получают тем большее значение.

422. Правда, может показаться, что обороняющийся, принявший короткий фронт и глубокое построение, не может посредством этого сохранить только на своей стороне выгоды последовательного применения сил, ибо если наступающий займет столь же короткий фронт и, следовательно, не будет охватывать противника, то у обоих в равной мере открывается возможность последовательного применения сил; если же наступающий охватит противника, то последний будет вынужден повсюду противопоставить фронт и, следовательно, будет сражаться на фронте такой же длины (если не считать незначительной разницы между двумя концентрическими кругами). Здесь приходится иметь в виду четыре соображения.

423. Во-первых, если атакующий в такой же мере сократит свой фронт, у обороняющегося всегда остается та выгода, что борьба из области растянутого и быстро ре-

шающегося боя переходит в область боя сосредоточенного и длительного, а бо́льшая длительность боя в интересах обороняющегося.

424. Во-вторых, обороняющийся, когда его охватывает противник, не всегда бывает вынужден сражаться с охватывающими частями параллельным фронтом, но может ударить им или во фланг, или в тыл, чему геометрические соотношения весьма благоприятствуют; это уже будет последовательное применение сил, ибо это последнее не требует, чтобы вступающие позднее силы непременно применялись так же, как и предыдущие, или чтобы вообще последующие силы занимали место предыдущих, как мы сейчас подробнее укажем. Без размещения вооруженных сил позади такой о х в а т о х в а т ы в а ю щ е г о был бы невозможен.

425. В-третьих, короткий фронт с сильными, расположенными позади резервами предоставляет возможность наступающему произвести чересчур широкий охват (§ 420), из которого посредством имеющихся позади сил обороняющийся может извлечь выгоду.

426. В-четвертых, как на выгоду, можно смотреть и на то обстоятельство, что это обеспечивает обороняющегося от противоположной ошибки — напрасной затраты сил на участках фронта, не подвергающихся наступлению.

427. Таковы преимущества глубокого построения, т. е. последовательного применения сил. Они не только уравновешивают обороняющемуся выгоды растянутого фронта, но и заставят наступающего не переступать известной границы охвата, не уничтожая, однако, тенденции к растягиванию фронта до этого предела.

428. Последняя тенденция у наступающего ослабевает или совершенно пропадает, когда обороняющийся сам занял чересчур растянутый фронт.

429. Правда, при таких условиях обороняющийся за недостатком оставленных позади сил уже не может наказать наступающего за чрезмерную растяжку при производстве им охвата, но и без этого выгоды, доставляемые охватом, становятся чересчур ничтожными.

430. Тогда наступающий уже не станет искать выгод от охвата, если обстановка не вынудит его придать осо-

бенное значение тому, чтобы отрезать путь отступления противнику. Таким путем тенденция к охвату окажется ослабленной.

431. И она совершенно отпадает, если обороняющийся займет столь широкий фронт, что наступающему будет возможно оставить праздной значительную долю этого фронта, ибо это для него явится существенным выигрышем.

432. В подобных случаях наступающему приходится добиваться преимущества, исходя уже не из растягивания фронта и охвата противника, а из противоположного приема, а именно — сосредоточения своих сил против одного какого-нибудь пункта. Что это равносильно глубокому построению, понять нетрудно.

433. До каких пределов атакующий может сократить ширину своего фронта, зависит:

а) от количества его сил,

б) от размеров неприятельского фронта,

в) от готовности противника к контрнаступлению.

434. При небольших массах невыгодно оставлять незанятой какую-либо часть неприятельского фронта, ибо при легкости обозрения всего боя и небольших расстояниях эти части могут немедленно найти иное применение.

435. Из этого само собою следует, что и при крупных массах и широких фронтах участок, подвергающийся атаке, не должен быть чересчур мал, ибо отсюда, хотя бы частично, мог бы позникнуть только что указанный нами ущерб.

436. Но в общем вполне естественно, что атакующий, долженствующий добиваться преимущества посредством сосредоточения своих сил, ибо на то ему дает право чрезмерная растянутость фронта обороняющегося или его пассивность, может итти дальше в направлении сокращения своего фронта, чем обороняющийся, ибо последний не подготовлен своей растянутостью к активному противодействию посредством охвата.

437. Чем фронт обороняющегося шире, тем больше частей его наступающий может оставить без дела.

438. То же можно сказать в отношении сильно выраженного намерения вести чисто местную оборону.

439. Наконец, и относительно очень крупных войсковых масс.

440. Таким образом, наибольшую выгоду получит наступающий от сосредоточения своих сил, когда встречаются все эти благоприятные условия, а именно — крупные массы, слишком растянутый фронт и сильная тенденция к чисто местной обороне со стороны противника.

444. Из всех этих рассуждений мы видим, как безразличная точка между одновременным и последовательным применением сил занимает иное положение в зависимости от величины расположенных позади частей, от соотношения сил, от отваги и осторожности.

Определение пространства

460. Если мы можем не вступать в бой с какою-либо частью неприятельских вооруженных сил, то тем самым мы становимся сильнее в борьбе с другими, будь то при одновременном или последовательном применении вооруженных сил. В таком случае мы вступим в бой всеми своими силами с частью неприятельских сил.

461. Следовательно, в этом случае на тех участках, где мы применим наши силы, мы будем или иметь превосходство над противником, или, по крайней мере, окажемся сильнее, чем этого следовало ожидать по общему соотношению сил.

462. Исходя из предпосылки, что с остальными частями противника мы можем не вступать в бой, силы, занимающие атакуемые участки, можно рассматривать как целое; таким способом происходит искусственное повышение наших сил благодаря большему их сосредоточению в пространстве.

463. Само собою ясно, что это средство составляет важный элемент всякого плана боя; оно применяется наиболее часто.

464. Поэтому важно ближе познакомиться с этим вопросом, дабы определить те части неприятельских сил, которые можно рассматривать в этом смысле как целое.

465. В § 4 мы привели мотивы, определяющие отступление сражающегося. Ясно, что факты, из которых исходят эти мотивы, относятся или ко всем вооруженным силам в целом, или по крайней мере к столь существенной их

части, что последняя имеет больше значения, чем все остальные, т. е. решает их судьбу вместе со своей.

466. Легко можно себе представить, что эти факты касаются всей вооруженной силы в целом при небольших массах войск, но не при более крупных. Правда, и здесь мотивы, указанные под литерами «г», «е», «ж», распространяются на целое, но остальные, особенно же потери, всегда касаются лишь известных частей, ибо при более значительных массах крайне невероятно, чтобы потери постигли в одинаковой мере все части.

467. Те части, состояние которых служит основанием для отступления, естественно, должны быть в отношении к целому значительными; ради краткости мы их назовем преодоленными.

468. Эти преодоленные части могут находиться рядом или быть в большей или меньшей степени распределенными среди всей армии.

469. Нет основания считать один из этих двух случаев более действительным, чем другой. Если корпус какой-либо армии совершенно разбит, а все остальные сохранились нетронутыми, то в одном случае это может оказаться лучше, в другом хуже, чем если бы потери были равномерно распределены по всей массе [1].

470. Второй случай предполагает равномерное применение стоящих друг против друга сил; теперь же мы рассматриваем лишь неравномерное (сосредоточенное на одном или нескольких участках) применение сил, поэтому нас интересует лишь первый случай.

471. Если преодоленные части расположены рядом, то на них можно смотреть в совокупности как на одно целое, и такой смысл мы придаем нашим словам, когда говорим об атакованных и преодоленных частях или участках.

472. Если удастся определить, какова должна быть эта часть, чтобы господствовать над целым и увлекать его за собой, то мы тем самым определили бы, против какой части целого следует направлять свои силы и вести настоящую борьбу.

---

[1] Сомнительно. Концентрированные потери вызывают более серьезные моральные последствия. — Ред.

473. Если отвлечься от условий местности, то для определения той части, которая должна подвергнуться нашему нападению, мы обязаны принять во внимание только ее размер и положение. Прежде всего рассмотрим вопрос о размере.

474. Надо различать два случая: первый, когда мы сосредоточиваем свои силы против одной части неприятельских сил и ничего не противопоставляем другим частям; второй, когда мы противопоставляем остальным частям более слабые силы, дабы занять его внимание. И то и другое, очевидно, представляет собою сосредоточение сил в пространстве.

475. Вопрос о том, каких размеров должна быть та часть неприятельских сил, которую нам необходимо преодолеть, очевидно равнозначащ вопросу, насколько малым может быть наш фронт. Но этот вопрос мы уже рассмотрели в § 433 и следующих.

476. Дабы точнее познакомиться с предметом во втором случае, мы сперва представим себе, что противник столь же положительно и деятельно настроен, как мы, из чего будет следовать, что если мы разобьем более значительной частью нашего целого менее значительную часть его целого, то он отплатит нам тем же.

477. Поэтому, если мы хотим, чтобы конечный успех был на нашей стороне, мы должны так устроиться, чтобы та часть неприятельских сил, которую мы разобьем, была бы больше в отношении целого, чем та часть, которой мы для этого пожертвуем, по отношению к нашему целому.

480. Чем больше наше численное превосходство, тем больше может быть та часть неприятельских сил, с которой мы вступаем в серьезную борьбу, и тем наш успех окажется значительнее. Чем мы слабее, тем меньше должна быть часть, с которой мы вступаем в серьезную борьбу, что согласуется с естественным законом, что слабый должен больше сосредоточивать свои силы.

481. Но при этом мы исходим из молчаливого предположения, что неприятелю потребуется столько же времени для того, чтобы разбить нашу слабую часть, сколько нам для того, чтобы одержать победу над его частью. Если бы

это оказалось не так и имелась значительная разница во времени, то он получил бы возможность употребить часть своих войск против наших главных сил.

482. Но ведь победу, как общее правило, одерживают тем скорее, чем неравенство сил бывает больше; таким образом, отсюда следует, что мы не можем сделать ту часть, которой мы жертвуем, произвольно малой, но что она должна сохранить сколько-нибудь сносное соотношение к неприятельским силам, которые она должна сковывать. Итак, сосредоточение сил у слабого имеет свои пределы.

484. Но если бы мы захотели пойти дальше и сделать вывод, что атакующий всегда одерживает победу в тех случаях, когда обороняющийся ничего положительного не предпринимает против слабейшей части атакущего (что очень часто наблюдается), то такой вывод был бы ошибочным; ибо в тех случаях, когда подвергающийся нападению не пытается искать вознаграждения за счет слабейшей части противника, то воздерживается он от этого, главным образом, потому, что он все же находит возможность ввести в бой часть своих главных сил, не подвергавшихся нападению, против наших главных сил и тем самым сделать сомнительной победу последних.

485. Чем меньше часть неприятельских сил, которую мы атакуем, тем легче это будет для него, отчасти благодаря незначительности пространства, отчасти же и в особенности потому, что моральная сила победы при незначительности масс гораздо меньше: победа над мелкой частью не так-то легко заставляет неприятеля терять голову и мужество и не лишает его способности использовать еще имеющиеся в его распоряжении средства для восстановления положения.

486. Если неприятель поставил себя в такое положение, что он не может ни вознаградить себя позитивной победой над нашей слабейшей частью, ни противопоставить нашему главному наступлению имеющиеся на неатакованных участках излишние силы, или если он вследствие своей нерешительности не надумает сделать ни то, ни другое, лишь в этих случаях атакующий может рассчитывать одолеть его сравнительно малыми силами посредством сосредоточения их.

487. Однако теория не должна изображать лишь одного обороняющегося в невыгодном положении невозможности отплатить должным образом противнику за сосредоточение им сил; она обязана указать на то, что каждая из обеих сторон, как атакующая, так и обороняющаяся, может оказаться в этом положении.

488. Дело в том, что непропорциональное сосредоточение сил на одном участке, чтобы достигнуть на нем превосходства, всегда базируется на надежде поразить противника внезапностью, дабы он не имел ни времени собрать на этом участке столько же сил, ни возможности подготовиться к отплате той же монетой. Надежда на успех такой внезапности основывается по существу на заблаговременно принятом решении, т. е. на инициативе.

489. Однако это преимущество инициативы имеет свою антитезу, о чем будет еще речь впереди; здесь мы лишь отметим, что оно не составляет абсолютного преимущества, действие которого непременно должно сказаться во всех случаях.

490. Но если даже не считаться с теми основами успеха внезапности, которые заключаются в инициативе, и если даже нет для нее никакого объективного основания, так что успех всецело зависит от счастья, то все же теория не должна отвергать и этого фактора, ибо война — игра, из которой никак не может быть исключен элемент риска. Поэтому вполне допустимо даже при отсутствии всякого другого мотива сосредоточить свои силы наудачу в надежде поразить неприятеля внезапностью.

491. Если той или другой стороне удастся поразить внезапностью противника, будет ли то наступающий или обороняющийся, сторона, застигнутая таким образом врасплох, окажется до известной степени лишенной возможности отплатить противнику тем же самым.

497. При атаке флангов или тыла необходимо предполагать, что можно принудить неприятеля противопоставить нам в этих местах вооруженные силы; там, где мы не уверены в том, что таково будет воздействие нашего появления, последнее было бы опасно; ибо там, где не с кем сражаться, войска остаются праздными, и если это слу-

чится с главными силами, цель окажется несомненно недостигнутой.

498. Правда, такие случаи, чтобы противник оставил беззащитными свои фланги или свой тыл, чрезвычайно редки, однако они встречаются, и притом легче всего тогда, когда противник обеспечивает себя наступательными контрдействиями (Ваграм, Гогенлинден, Аустерлиц могут служить примерами).

499. Атака центра (под которым мы разумеем не что иное, как часть продолжающегося фронта, не представляющую заканчивающегося на этом участке крыла) отличается той особенностью, что она может повести к разделению частей, которое обычно называется п р о р ы в о м.

500. Прорыв, очевидно, является противоположностью окружения. Оба действуют в случае победы чрезвычайно разрушительно на неприятельские силы, но каждый по-своему.

1) Охват содействует обеспечению успеха своим моральным воздействием, подрывая мужество противника.

2) Прорыв центра содействует обеспечению успеха тем, что при нем наши силы остаются более сосредоточенными. Мы уже говорили об этом.

3) Охват может непосредственно повести к уничтожению неприятельской армии, если он производится значительно превосходными силами и увенчается успехом. Во всяком случае, если он приводит к победе, то успех первого дня бывает больше, чем при прорыве.

4) Прорыв может вести лишь косвенным образом к уничтожению неприятельской армии и редко проявляет свое действие в значительных размерах в первый же день, а скорее влияет стратегически в последующие дни.

501. Прорыв неприятельской армии посредством сосредоточения наших главных сил против одного участка предполагает чрезмерную растянутость неприятельского фронта, ибо гораздо труднее бывает приковать остальные вооруженные силы неприятеля более слабыми силами, и неприятельские силы, расположенные вблизи направления главного удара, легко могут быть направлены на борьбу с ним. К тому же при атаке, направленной на центр, таковые находятся по обеим сторонам при атаке же на крыло — лишь с одной стороны.

502. Вследствие этого подобная атака центра легко подвергается концентрической контратаке неприятеля.

504. Мы рассмотрели сосредоточение главных сил на одном участке для действительного боя, но, конечно, оно может иметь место и на нескольких участках, на двух, даже на трех, не переставая быть сосредоточением сил против одной части неприятельской армии. Разумеется, с увеличением числа участков сила этого начала окажется ослабленною.

505. До сих пор мы имели в виду одни лишь объективные преимущества такого сосредоточения сил, а именно — более благоприятное соотношение сил на главном участке; существует, однако, и субъективное основание для вождя или полководца избрать этот прием, а именно дабы крепче держать в руках главную часть своих сил.

506. Хотя воля полководца и его разум и руководят всем в сражении, однако, эта воля и этот разум проникают лишь в крайне ослабленной степени до низших членов его армии, и это имеет тем большее место, чем дальше расположены части от полководца; значение и самостоятельность подчиненных начальников возрастают, и притом за счет верховной воли.

507. Но не только естественно, но при отсутствии какой-либо аномалии и выгодно, чтобы в руках главнокомандующего оставалась величайшая действенность власти, какую только допускает обстановка.

Взаимодействие

509. Нам остается рассмотреть лишь один вопрос — взаимодействие планов и действий обеих сторон.

510. Так как план боя в собственном смысле может устанавливать лишь то, что можно предвидеть в отношении действий, то сводится он обычно к трем сторонам дела, а именно: а) крупные линии боя, б) подготовка к нему, в) подробности начала.

511. Лишь начало боя может действительно быть полностью установлено планом; течение его уже требует новых, вытекающих из обстановки указаний и приказов, т. е. вождения.

512. Разумеется, желательно следовать принципам плана и при вождении, ибо и цель и средства остаются теми же самыми; поэтому, если это не всегда может иметь место, то смотреть на это обстоятельство надо как на неизбежное несовершенство.

513. Деятельность вождения, очевидно, носит совсем иной характер, чем деятельность создания плана. Последний составляется вне сферы опасности и на досуге; первое протекает всегда под давлением момента. План всегда разрешает вопросы с более высокой точки зрения, с более широким кругозором. Вождение определяется ближайшим и самым конкретным, более того — это ближайшее и конкретнейшее часто насильственно увлекает его. Ниже мы будем говорить о различии в характере этих двух деятельностей интеллекта, здесь же мы ограничиваемся тем, что отделим их друг от друга как две различные фазы.

514. Если мы себе представим обе стороны так, что ни одна из них не знает ничего о мероприятиях противника, то каждая будет иметь возможность предпринимать свои меры лишь на основе общих принципов теории. Значительная доля их заключается уже в построении боевого порядка и в так называемой элементарной тактике армий, которая, естественно, базируется лишь на общих началах...

515. Но очевидно, что распорядок, рассчитанный лишь на общее, не может иметь действенности того распорядка, который построен в расчете на конкретные обстоятельства.

516. Следовательно, возможность принять свои меры позже, чем неприятель, уже учитывая мероприятия последнего, представляет огромное преимущество; это преимущество последней руки в карточной игре [1].

517. Редко или даже никогда не организуется бой без принятия в расчет конкретных обстоятельств. Первое из них, без знакомства с которым обойтись нельзя, это местность.

---

[1] Т. е. преимущество делать свой ход после партнера. — Ред.

518. Знакомство с условиями местности присуще преимущественно обороняющемуся, ибо один он знает точно и наперед, на какой местности произойдет бой, и у него есть время соответственно обследовать местность. Здесь коренится вся теория позиции, поскольку она принадлежит к тактике.

520. Если обороняющийся, кроме простого ознакомления с местностью, захочет использовать ее далее для чисто местной обороны, то отсюда будет вытекать более или менее о п р е д е л е н н о е, д е т а л ь н о е применение его вооруженных сил; вследствие этого наступающий оказывается вынужденным изучить его и принять в расчет при составлении своего плана.

521. В этом заключается первое проявление внимания со стороны противника к действиям другой стороны.

522. В большинстве случаев в этой стадии и завершаются планы той и другой стороны, дальнейшее уже принадлежит к вождению боем.

523. В боях, где ни та, ни другая сторона не являются обороняющейся, когда обе идут друг другу навстречу, строй, боевой порядок и элементарная тактика (как стереотипная группировка, несколько видоизмененная в соответствии с условиями местности) заменяют план в собственном смысле.

524. При небольших частях это случается весьма часто, реже при крупных.

525. Но если действие делится на атаку и оборону, то наступающий оказывается в стадии, указанной в § 522, и в отношении взаимодействия имеет явное преимущество перед обороняющимся. В его руках инициатива действия, а его противник уже должен был обнаружить своими приготовлениями к обороне значительную часть того, что намерен делать.

526. В этом и заключается причина, почему до сих пор в теории смотрели на атаку как на значительно более выгодную форму боя.

527. Однако взгляд на атаку как на более выгодную форму или, выражаясь более определенно, как на б о л е е с и л ь н у ю ф о р м у б о я приводит нас к абсурду, что мы покажем впоследствии. А это упускали из виду.

528. Ошибка этого вывода заключалась в переоценке преимущества, указанного в § 525. Оно существенно в отношении взаимодействия, но составляет не в с е. Преимущество пользования условиями местности как вспомогательной силой, до известной степени подкрепляющей силы обороняющегося, во многих случаях имеет большее значение и при надлежащих мероприятиях могло бы иметь его в большинстве случаев.

529. Но неправильное пользование местностью (крайне растянутые позиции) и неправильная система обороны (полная пассивность ее) несомненно придали этому преимуществу атаки — предпринимать свои шаги «в последней руке» — такое значение, что атака почти исключительно ему обязана теми успехами, которых достигает на практике свыше естественной меры, присущей ей в действительности.

530. Так как участие интеллекта не прекращается с составлением плана в собственном смысле, то мы должны проследить роль взаимодействия и в о б л а с т и в о ж д е н и я боем.

531. Область вождения — это т е ч е н и е и л и д л и т е л ь н о с т ь боя; а таковое тем длиннее, чем больше в нем последовательного применения сил.

532. Поэтому при расчете на вождение необходимо глубокое построение.

533. Таким образом, возникает вопрос, что лучше — довериться ли больше плану или руководству.

534. Очевидно было бы нелепостью умышленно не принимать в расчет какую-либо имеющуюся налицо данную и, если она имеет какую-либо ценность для намеченного действия, не обсудить ее заранее. Но этим сказано не что иное, как только то, что плану следует лишь настолько вмешиваться в действие, насколько имеется у него данных, и что область вождения начинается лишь там, где план оказывается недостаточным. Таким образом, вождение является лишь заместителем плана и в качестве такового должно рассматриваться как н е о б х о д и м о е з л о.

535. Но, конечно, здесь мы говорим лишь о п л а н е м о т и в и р о в а н н о м. Все указания, долженствующие иметь конкретную тенденцию, не могут опираться на про-

извольные предположения, а должны опираться на определенные данные.

536. Следовательно, где данные прекращаются, должны останавливаться и указания плана, ибо, несомненно, лучше оставлять что-нибудь неопределенным, т. е. под охраной общих принципов, чем определять его, не считаясь с обстоятельствами, которые обнаружатся впоследствии.

537. Каждый план, который определяет заранее слишком много подробностей хода боя, должен поэтому оказаться ошибочным и пагубным, ибо подробности зависят не только от общих оснований, но и от частностей, которых нельзя знать наперед.

538. Если принять во внимание, что воздействие отдельных обстоятельств (случайных и других) возрастает с увеличением времени и пространства, то станет ясно, что в этом и заключается причина, почему очень широко задуманные и сложные движения редко удаются и приводят к гибели.

539. Вообще в этом и заключается причина пагубности всех чересчур сложных и искусственных планов боя. Все они часто бессознательно опираются на множество мелких предположений, из которых большинство не оправдывается.

540. Вместо того чтобы чрезмерно расширять план, лучше оставлять больше на долю вождения.

541. Но это предполагает (§ 523) глубокое построение, т. е. наличие крупных резервов.

542. Мы видели (§ 525), что атака в отношении взаимодействия распространяет свой план дальше, чем оборона.

543. С другой стороны, обороняющемуся условия местности дают многочисленные основания к тому, чтобы заранее определить ход боя, т. е. своим планом гораздо дальше проникнуть в ход боя.

544. Оставаясь на этой точке зрения, мы должны были бы сказать, что планы обороняющегося гораздо более исчерпывающи, чем планы атакующего, и, следовательно, последний должен гораздо больше отводить места вождению.

545. Однако это преимущество обороняющегося лишь кажущееся, а не действительное. В самом деле мы не дол-

жны забывать, что мероприятия, вытекающие из условий местности, являются лишь приготовлениями, основанными на предположениях, а не на действительных мерах, принятых противником.

546. Лишь потому, что эти предположения обычно весьма правдоподобны, и поскольку они таковы, они и основанные на них мероприятия имеют ценность.

547. Но это условие, под которым строятся предположения обороняющегося и основанные на них мероприятия, естественно, очень ограничивает последние и вынуждает обороняющегося к величайшей осторожности в отношении своих мероприятий и планов.

548. Если он в них зашел слишком далеко, то атакующий имеет возможность от них уклониться, и тогда у него тотчас появляется мертвая сила, т. е. напрасная затрата сил.

549. Сюда относятся чересчур растянутые позиции и слишком частое применение местной обороны.

550. Как раз эти две ошибки часто обнаруживали невыгоду, вытекающую из преувеличенного расширения плана обороняющегося, и ту выгоду, которую атакующий может извлечь из естественного размера своего плана.

551. Лишь чрезвычайно сильные позиции, и притом такие, которые сильны со всех точек зрения, открывают плану обороняющегося более широкую область, чем область планов атакующего.

552. Но поскольку позиция менее совершенна или даже вовсе отсутствует или, наконец, поскольку нехватает времени хорошенько на ней устроиться, постольку же обороняющийся будет оставаться позади атакующего в отношении определенности своего плана и окажется вынужденным в большей мере довериться вождению боем.

553. Это нас снова приводит к тому положению, что обороняющемуся по преимуществу придется придерживаться приема последовательного применения сил.

554. Уже раньше мы видели, что лишь большие массы могут пользоваться преимуществами, связанными с коротким фронтом; теперь мы еще отметим, что обороняющийся должен предохранить себя от чрезмерного, вызываемого условиями местности расширения сво-

его плана и пагубного распыления своих сил путем вспомогательных средств, заключающихся в ресурсах вождения, т. е. посредством сильных резервов.

555. Отсюда естественный вывод, что отношение обороняющегося к атакующему становится тем более благоприятным, чем бо́льшими становятся массы.

556. Таким образом, продолжительность боя, т. е. сильные резервы и, по возможности, последовательное их применение, является первым условием вождения боем, и превосходство в этом отношении должно вести к превосходству в вождении независимо от виртуозности того, кто его осуществляет; ибо самое высокое искусство бессильно при отсутствии средств, и очень легко можно себе представить, что менее искусный, но располагающий еще средствами борьбы получит перевес в течение боя.

558. В природе вещей, что определения п л а н а больше касаются членов в ы с ш е г о порядка, а указания в о ж д е н и я — членов н и з ш е г о порядка; следовательно, каждое отдельное распоряжение последнего будет иметь меньшее значение, но зато, естественно, они будут гораздо более многочисленными, благодаря чему разница в значении плана и вождения отчасти сглаживается.

559. Далее, в природе вещей, что вождение есть подлинная область взаимодействия и что здесь оно никогда не прекращается, ибо обе стороны стоят лицом к лицу и что, следовательно, взаимодействие или вызывает или видоизменяет большинство решений.

560. Если обороняющийся в о с о б е н н о с т и должен сберегать свои силы для вождения (§ 553) и в большинстве случаев оказывается в выгоде при их употреблении, то отсюда следует, что он не только может уравновесить свою сравнительную слабость в отношении взаимодействия планов преимуществами в отношении взаимодействия вождения, но может достигнуть общего перевеса в отношении взаимодействия.

561. Но каково бы ни было в отдельных случаях взаимоотношение обеих сторон, всегда должно существовать известное стремление оказаться «за рукой» в своих мероприятиях, дабы иметь возможность учесть мероприятия противника.

562. Это стремление и есть подлинная основа значитель-

ного увеличения размера резервов, наблюдаемого в последнее время при применении крупных масс.

563. Мы не сомневаемся, что для всех значительных масс наряду с условиями местности резервы являются важнейшим фактором в деле обороны.

Характер вождения [1]

564. Мы уже сказали, что есть различие в характере между указаниями, даваемыми планом, и указаниями, из которых складывается вождение боем; причина тому заключается в том, что условия, при которых работает ум, различны в обоих случаях.

565. Это различие обстоятельств сводится к трем элементам, а именно — к недостатку данных, к недостатку времени и к опасности.

566. Явления, которые при полном обозрении положения и общей связи всего в его целом составляют самое главное, могут и не казаться таковыми, когда такого обозрения нет; тогда другие явления, и притом, само собою понятно, ближайшие, будут казаться преобладающими по своему значению.

567. Таким образом, если план боя представляет скорее геометрический чертеж, то вождение им — скорее перспективный [2], первый — скорее схематический набросок, второй — скорее изображение в перспективе. Как исправить погрешность, мы укажем в дальнейшем.

568. Недостаток времени влияет не только на недостаток обозрения, но и на возможность обсудить обстоятельства. Сравнивающее, взвешивающее, критическое суждение отходит на второй план в сравнении с интуицией, т. е. приобретенной упражнением находчивостью суждения. Это мы должны также отметить.

569. Человеческой природе свойственно, чтобы непосредственное чувство большой опасности для себя и для других являлось помехой для чистого разума.

570. Если таким путем суждение ума всячески стесняется

[1] Здесь Клаузевиц набрасывает вопросы, разработанные впоследствии в главе третьей части первой и главах шестой и седьмой части третьей капитального труда. — Ред.

[2] Автор имеет в виду отметить поверхностный, но конкретный характер вождения по сравнению с более глубоким и отвлеченным направлением плана. — Ред.

и ослабляется, то на что придется опереться? Только на мужество.

571. В данном случае требуется мужество двоякого рода: мужество, чтобы не поддаться личной опасности, и мужество для того, чтобы рассчитывать на недостоверное и строить на этом свою деятельность.

572. Второй вид мужества обычно называют мужеством разума (courage d'esprit), для первого нет соответствующего закону антитезы названия, ибо и то название неверно.

573. Если мы спросим, что в первоначальном смысле называется мужеством, то окажется, что здесь разумеется личное самопожертвование в опасности, и из этого пункта мы должны исходить, ибо на него опирается в конце концов все.

574. Такое чувство самопожертвования может исходить из двух совершенно разных источников: во-первых, из равнодушия к опасности — безразлично, происходит ли оно из органических свойств данного индивида, или из равнодушного отношения к жизни, или, наконец, из привычки к опасности, а во-вторых, из положительных мотивов: честолюбия, любви к отечеству, всякого рода воодушевления.

575. Лишь на первый вид мужества можно смотреть как на подлинное, прирожденное или обратившееся во вторую природу мужество, и оно отличается той особенностью, что вполне тождественно с самим человеком и, следовательно, никогда его не покидает.

576. Иначе обстоит дело с мужеством, исходящим из положительных чувств. Эти чувства противостоят впечатлениям опасности, и при этом, естественно, все зависит от их отношения к ним. Бывают случаи, в которых они могут повести гораздо дальше, чем простое равнодушие к опасности, в других же случаях впечатления опасности получают перевес над ними. При равнодушии к опасности сохраняется большая трезвость суждения, что ведет к стойкости; положительные же чувства, вдохновляющие мужество, делают человека более предприимчивым и ведут к смелости.

577. Если с подобными импульсами еще связано и равнодушие к опасности, то мы получим совершеннейшую форму личного мужества.

578. Это до сих пор рассмотренное нами мужество представляет нечто совершенно субъективное, оно касается лишь личного самопожертвования, а потому мы его называем л и ч н ы м мужеством.

579. Но ведь вполне естественно, что человек, не придающий особой цены жертве собственной личности, точно так же не будет придавать особой цены жертве другими (которые по занимаемому ими положению поставлены в зависимость от его воли). Он будет смотреть на них как на товар, которым он может распоряжаться в той же мере, как самим собою.

580. Точно так же и тот, которого привлекает к себе опасность благодаря какому-нибудь положительному чувству, или будет приписывать то же самое чувство другим, или будет считать себя вправе подчинить этих других своему чувству.

581. Обоими путями мужество приобретает о б ъ е к т и в н ы й к р у г д е й с т в и я. Оно уже не только влияет на личное самопожертвование, но и на применение подчиненных вооруженных сил.

582. Если мужество исключает из души все слишком живые впечатления опасности, то оно оказывает влияние и на деятельность разума. Последняя становится свободной, так как освобождается от гнета забот.

583. Но, конечно, мужество не может создать ни сил разума, если последних нет налицо, ни тем более понимания и проницательности.

584. Таким образом, при недостаточном разумении и проницательности мужество может повести совершенно ошибочным путем.

585. Совсем иное происхождение мужества, которое называют мужеством разума. Оно исходит из убеждения необходимости риска, а также из большей проницательности, вследствие которой риск представляется не столь большим, как он кажется другим.

586. Это убеждение может возникнуть и у людей, не обладающих личным мужеством, но оно становится мужеством, т. е. известной силой, поддерживающей человека в момент опасности и затруднений и сохраняющей в нем равновесие своим влиянием на темперамент, будящим и повышающим в нем благороднейшие силы; поэтому-то тер-

мин мужество разума не вполне правилен, ибо из самого разума оно никогда не возникает. Но мысли порождают чувства, которые могут усилиться посредством длительного воздействия мыслительной способности; это известно каждому на основании личного опыта.

587. Если, с одной стороны, личное мужество поддерживает и тем самым повышает способности разума, а с другой — рассудочное убеждение пробуждает и оживляет силы темперамента, то оба вида мужества сближаются и могут даже совпасть, т. е. дать один и тот же результат при вождении. Впрочем, это бывает редко; обычно проявления мужества носят известные черты характера его происхождения.

588. Там, где сочетаются выдающееся личное мужество и крупный ум, вождение, естественно, достигает наибольшего совершенства.

589. Что мужество, исходящее из убеждений разума, распространяется преимущественно на риск и заключается в способности вверяться неизвестности и счастью, а не охватывает сферы личной опасности, вполне естественно, ибо опасность едва ли может служить предметом значительной деятельности разума.

590. Таким образом, мы видим, что в вождении боем, т. е. в момент опасности и затруднений, силы темперамента должны поддержать разум, а последний должен в свою очередь их будить.

591. Такое повышенное духовное состояние необходимо для того, чтобы суждение, не имеющее возможности все обозреть, лишенное досуга и находящееся под самым сильным давлением нахлынувших событий, все же могло принимать верные решения. Такое состояние можно назвать военным талантом.

592. Если рассматривать бой с множеством его мелких и крупных членов и связанных с ними действий, то бросается в глаза, что мужество, порождаемое чувством личного самопожертвования, будет господствовать в низших сферах, т. е. будет руководить преимущественно мелкими частями, другой же вид мужества — преимущественно крупными.

593. Чем ниже мы спускаемся по ступеням расчленения боя, тем действие становится проще, тем, следовательно,

в большей мере простой рассудок будет достаточен, но тем больше будет личная опасность, а следовательне, тем большие требования будут предъявляться к личному мужеству.

594. Чем же выше мы будем подниматься по этой лестнице, тем значительнее и более чревата последствиями будет деятельность каждого лица, ибо вопросы, зависящие от его решения, находятся более или менее в тесной связи с целым. Отсюда следует, что здесь требуется более широкий кругозор.

595. Правда, чем выше пост, тем шире его горизонт, и с него лучше, чем с низкого, можно обозреть связь всех явлений; но все то, чего недостает в отношении общего обозрения в ходе боя, главным образом здесь-то и отсутствует; поэтому по преимуществу именно здесь и приходится так много делать наудачу, доверяясь интуиции.

596. Этот характер вождения все усиливается по мере развития боя, так как положение дел все больше удаляется от того, которое нам было известно.

597. Чем дальше продолжается бой, тем больше имеют место случайности, т. е. события, не входившие в наши расчеты, тем больше все выходит из колеи нормального порядка, тем больше хаоса и сумятицы появляется то там, то здесь.

598. Но по мере развития боя все более и более накопляются и учащаются решающие акты, и тем меньше остается времени для обдумывания.

599. Таким-то образом и высшие члены мало-помалу, особенно в отдельных пунктах и в отдельные моменты, спускаются в сферу, где личное мужество имеет большее значение, чем рассудительность, и играет почти всерешающую роль.

600. Таким путем в каждом бою все более и более исчерпываются все комбинации и в конце концов уже ведет борьбу и действует почти исключительно одно лишь мужество.

601. Мы видим, следовательно, что задача мужества и повышенного им интеллекта — сгладить затруднения, встречаемые в процессе вождения. Насколько успешно они могут с ними справиться — н е в э т о м вопрос, потому что то же происходит у противника, и наши ошибки и промахи в большинстве случаев уравновешиваются его ошибками и промахами. Но что чрезвычайно важно — это не у с т у п а т ь противнику в мужестве и умственных силах, особенно в первом.

602. Есть, однако, еще одна способность, которая имеет в данном случае огромное значение, — это интуиция. Она представляет не только природный талант, но главным образом является в результате практики, знакомящей с явлениями и почти обращающей в привычку открытие истины, т. е. правильность суждения.

603. Наконец, нам остается отметить, что если в вождении обстоятельства заставляют придавать преимущественное значение ближним явлениям по оравнению с явлениями более высокого порядка и более отдаленными, то эта ошибка в обозрении явлений может быть исправлена лишь тем, что действующий, не ведая, прав ли он или нет, старается придать своим действиям определяющее значение. Это достигается тем, что он действительно стремится ко всем тем возможным результатам, которые могут быть достигнуты. Таким путем целое будет увлечено в известном направлении второстепенной точкой зрения при отсутствии более высокой, хотя оно всегда должно было бы быть руководимо с этой последней точки зрения.

Мы попытаемся разъяснить это примером. Когда дивизионный генерал в сумятице большого сражения потеряет связь с целым и находится в нерешительности, отважиться ли ему на новое наступление или нет, то, решившись на него, он найдет известное успокоение за себя и за судьбу целого лишь в том, что будет стремиться не только довести свою атаку до конца, но и достигнуть такого успеха, который загладил бы все неудачи, какие бы имели место тем временем на других участках.

604. Подобный образ действия называется в тесном смысле этого слова решительным. Таким образом, взгляд, который мы здесь проводим, заключающийся в том, что лишь таким способом можно господствовать над неопределенностью положения, приводит к решительности; последняя ограждает от полумер и является самым блестящим качеством в вождении крупным боем [1].

КОНЕЦ

[1] На этом рукопись Клаузевица обрывается.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Авангард — I — 150, 278, 307, 313, 323, 354, 355, 357, 358—367, 368, 369, 371, 372, 398; II — 284.

Армия — масса бойцов, находящаяся на одном и том же театре войны — I — 325, 331, 332. А. — органическое подразделение — I — 343, 349, 377.

В а. — концентрируются не только средства, но и цели войны — II — 354. Различие между а. и флотом — I — 246, 247. Рост а. увеличивает зависимость от операционного базиса — I — 419—424. Каждая а. должна получить самостоятельную задачу — II — 418. Нормальная величина а. — I — 213, 214. А. — государство в государстве — II — 354. Обсервационная а. — I — 44, 45; II — 306. Таяние а. — I — 417.

Артиллерия — I — 331—337, 341, 342, 352, 353; II — 59.

Арьергард — I — 269, 306.

Б

Базис операционный — I — 122, 123; 419—424. Градации б. армии — I — 422; II — 219, 259, 367.

Безопасность — I — 354, 357, 368, 370, 399; II — 158, 375.

Бескровное решение — I — 70, 74, 75, 300; II — 46, 48.

Биваки — I — 113, 115, 116, 373—375, 386, 391.

Благоприятный момент — I — 46; II — 365.

Блокада — II — 65, 91, 228, 368.

Боевой порядок — подразделение и объединение родов оружия в отдельные члены целого и формы их построения, которые остаются нормой для всей войны — I — 150, 280, 342—351, 352, 362, 377, 383. Подразделение — I — 345 — 349. Объединение родов войск — I — 349—350. Построение — I — 350—351. Глубина б. п. — I — 356; II — 492. Б. п. в частном бою имеет больше значения, чем в общем — II — 481. О неде-

лимости и единстве б. п. — I — 284, 343, 344, 381. Контрмарш — I — 382. Линейный б. п. — I — 343, 377, 380, 383. Нормальный б. п.—I—342. Косой б. п. — I — 150, 151, 198; II — 222, 436.

Бой — единственное средство военной деятельности — I — 67, 71, 112, 251, 323; II — 333. Высший закон решения оружием — I — 75. Б. — уплата наличными — I — 71. Б. — соизмерение сил — I — 37, 70, 109, 252, 327—330. Б. — взаимодействие с вооружением и организацией войск — I — 110. Тактика оформляет б., стратегия использует его — I — 118. Если противник изберет путь решительного б., мы должны будем встать на ту же дорогу — I — 73. Значение б. — I — 267—270. Продолжительность б. — I — 270, 271. Учет вероятного исхода фактически не имевшего места б. — I — 70, 190, 192; II — 43, 45, 210, 273. Стратегия определяет время, место и силы — I — 211 и влияет этим на исход б. Цель б.: общая — уничтожение вооруженных сил противника и ближайшая — захват областей, городов, крепостей, дорог и т. д. — I — 71, 92, 253—270. Предложение неприятелю б. — I — 280, 281. Обоюдное согласие на б. — I — 279—283, 352. Отказ от б. — представляет полупобеду противника — I — 266, 281, признание его превосходства и подчинение его воле — II — 464, 465. Б. наступательный и оборонительный — I — 268. Цели и средства частного б. — I — 70, 134. Стратегический результат наступает только тогда, когда успехи частных б. свяжутся в одно самостоятельное целое — I — 228, 233. Условный приговор начальных успехов в тактике — I — 227, 277. Момент решения б. — I — 271 — 279, 283—289. Демонстративный б. — I — 269. Подстерегание выгодного случая для б. — II — 233, 234, 352, 353. Б. без большого риска, существующий сам по себе, ради трофеев — II — 233, 246, 298. Ночной б. — I—318—323. Восстановление б. — I — 285. Авангардный б. — I — 278. Арьергардный б. — II — 177, 179, 181.

Болота — оборона — II — 146, 147, 148. Наступление через б. — II — 290, 291.

В

Ведение войны — есть распорядок и ведение борьбы, взимодействие с противником — I — 244; в. в. в его

главных очертаниях — сама политика, сменившая перо на шпагу — II — 387.
Взаимодействие с противником — I — 109, 110, 123, 129; II — 509—516.
Внезапность — I — 216—222, 234, 275, 282, 322. II — 10—12, 14, 25, 312, 313, 444.
Военное искусство — охватывает всю работу по созданию вооруженных сил — I — 109—119; как ведение войны — I —110; распадается на тактику и стратегию — I — 111. Стремление к систематизации в. и. — I — 22, 120, 121. Невозможность подмостков в в. и. в виде системы — I — 130. В. и. или военная наука — I — 142—145. В. и. и ремесло — I — 144. В основе в. и. лежит опыт — I — 166, 176. Построение научных подсобных линий — I — 173, 182. В. и. древних — I — 184, 280. В. и. — умение интуитивно выбирать из множества предметов и обстоятельств важнейшие и решающие — II — 344. В. и. не является для политики предопределяющим фактором — II — 380. В. и. на своей высшей точке становится политикой, дающей сражения, вместо того, чтобы писать ноты — II — 386. В. и. — действительные изменения в нем являются следствием изменения политики — II — 386. Причины великих перемен в в. и. в конце XVIII века — II — 385, 386.
Военное искусство Александра Македонского — II — 347.
Военное искусство Наполеона I; его стратегия — I — 215, 216, поход на Вену — I — 108, 109. Стратегическое значение Мантуи — (1796—1797 гг.) — I — 162. Иена и Аустерлиц — I — 272; II — 276. Вторжение в Россию — I — 390—392; II — 183, 184, 193, 194. Бородино — I — 309—330 (см. также указат. геогр. назв. и имен). Стремление к разгрому противника в первом же сражении — I — 314; ведение войны — I — 241, 416; II — 261, 262, 329, 336, 356, 402, 403, 410, 413, 415; причины поражения в 1812 г. — I — 181, 231; II — 395, 414. Операции в 1813 г. — II — 52, 398. Внезапное нападение на Блюхера в 1814 году — I — 220, 278. Ватерлоо — I — 289. Отличие от тактики Фридриха Великого — I — 360, 361, см. *«Демонстрация», «Вторжение».*
Военное искусство Фридриха Великого; его стратегия в Семилетнюю войну — I — 212—213. Стратегическое маневрирование — I — 187, 188; II — 230, 235, 250, 251, 269, 340, 362, 395. Стремление к разгрому противника в первом же сражении — I — 301. Отли-

чие ведения операций от Наполеона — I—360, 361, 377. Отличие ведения операций от Александра Македонского — I—188, 189. Экономия сил — I—66, 67. Победа над более крупными силами — I—212. Высокая боеготовность и слабые охранения — I—359. Использование внезапности — I—219, 220. Тактика — II—221. Начало Семилетней войны — I—207. Вторжение в Богемию в 1757 г. — II—176, 177, 401. Операции против Лаудона — I—218. Сражение под Лигницем — I—277, 278. Заключение мира Австрией — II — 8.

Военная история — не дает формул, но дает навык в суждениях — II—260. Важность изучения в. и. — II—460, 461. В. и с политической точки зрения становится более понятной — II — 382. Важнейшее значение изучения новейших войн — I—182. Скептическое отношение к поверхностным в. и. трудам — I—182; II—50, 51. Критика в. и. вызывает потребность в теории — I—121. Поверка теории опытом—I—120, 121. В. и. при отсутствии критики обращается в упорного лгуна и обманщика—II—42. В. и. примеры—4 рода: 1) пояснение мысли; 2) прикладного характера; 3) устанавливающие возможность явления; 4) доказательство истины — I—178. Злоупотребление в. и. примерами — I—176, 180, 218. О попытке преподать военное искусство на ряде в. и. примеров — I—182. Великие примеры — лучшие наставники — I—303. См. также *«Опыт»* и *«Критика»*.

Вождение — его область начинается лишь там, где план оказывается недостаточным—II—512. Пропасть, отделяющая составление плана от его выполнения — I — 103. Трудность выполнения — I—189. Впечатления момента — I — 102.

Война — ее природа — I—33—108; акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю — I—34. В. — часть целого; это целое — политика — II — 378. В. — орудие политики и неизбежно должна носить характер последней — II—379, 387. В. — взрыв обоюдного негодования — II—336. В. — продолжение государственной политики иными средствами — I—54; II—377. Война имеет собственную грамматику, но не особую логику — II—377. Политика — это разум, в. же только орудие — II—381. Получаемый в. облик вытекает из господствующих в данный момент идей, чувств и отношений — II—338. Своеобразие в. в мировой

истории — II—345—359. В. то в меньшей, то в большей степени может быть войной — II—338. Войны представляют явления одного порядка, лишь рассматриваемые как орудие политики — II—379. Степени и градации понятия в. и мира — II — 375. Большинство в.— только наблюдение — II—209. Общие условия, из которых возникает в., делали большинство в. половинчатыми — II—48, 375. Вооруженный нейтралитет — I—243. В. стала делом народа — II—357. В. — нешуточное средство — I—52, 53. В.— единоборство— I—33, 280, 301, 358. В.— абсолютная и в. действительная— II—336—340. Отклонение в. действительной от в. абсолютной — I—38, 39, 60, 61, 75; II—210, 231, 232, 359, 379. Абсолютная в. имеет целью сокрушение — I—54, 59; II—357, 360—369. В. при Бонапарте приобрела свой абсолютный облик — II—337—339, 343. Двойственность метода ведения в. — I—26, 87. Внутренняя связь явлений в. — нельзя обособить отдельный успех от успеха в целом — I—193, 194. Повышение внутренней связи делает каждое отдельное действие более значительным и опасным — I — 47. Внутренняя связь в. ныне увеличилась— I—400. В. с крупными решениями проще, естественнее и более свободна от внутренних противоречий, более объективна и более увязана воедино законом внутренней необходимости — II—209. В. наступательная является использованием настоящего мгновения — II—371. В. оборонительная — выжидание благоприятного момента — II—370, 371. В. оборонительная в политике и стратегии — II—450. В. оборонительная — не праздное выжидание событий — II—450, 451. К в. оборонительной побуждает ненадежность войск и генералов— II—450. Интенсивность (напряжение) — I—50, 374, 375. Благотворно ли усиление стихии войны для человечества — II—195, 196. Исход войны не представляет чего-либо абсолютного — I—42. Аналогия между в. и торговлей — I—144. Кабинетная в. — II—342. Отрядная в. — II—214, 242.

Воинская доблесть — I—199—203.

Воодушевление — I—201.

Воля к победе — I—38, 51, 59.

Враждебные чувства — I—34, 35, 126, 244, 298; II—48, 467.

Время — как фактор действия— II—331, 364, 365.

Всеобщая воинская повинность (конскрипция) — I—340: II—195.
Вторжение — II—320, 403. В. в Россию в 1812 г.— I—169, 170, 246, 412, 413, 423; II—17, 95, 96, 183—188, 193, 194, 357, 365, 395, 404.
Втянутость в войну — I—107, 176, 294, 328.
Вылазка — II—153.

Г

Гарнизоны — II—61, 65, 70, 93, 170, 171, 324, 325.
Генеральное сражение — бой главной массы вооруженных сил с полным напряжением за подлинную победу — I—283—303. Г. с. — концентрированная война — I—297. Решение в г. с. может иметь место в результате расстройства порядка (Лейтен), захвата важного пункта (Гравелотт), соотношения между уцелевшими резервами (Бородино) — I—284, 285. 285. Г. с. представляет собою преимущественно медленное изменение равновесия, а не качание маятника, колеблющегося справа налево — I—285. Воздействие г. с. тем больше, чем больше была в нем сосредоточена вся вооруженная сила, а в вооруженной силе—вся сила государства — I—295 Тактические формы г. с. — I—296. Г. с. — главный удар — I—297, 298. Г. с. сосредоточивает действия в одной точке пространства и времени — I — 299. Г. с. — столкновение одного центра тяжести с другим — II—209, 214. Г. с. — великое единство — I—358. Г. с. — центр тяжести войны — I—283, 297.
Генеральный штаб — II—159, 160, 406, 407, 430. Специальностью г. ш. принято считать топографический элемент — II—240—242. Г. ш. — та часть армии, которая больше всего пишет и печатает — II—240.
Гений — I—26, 76, 124, 130, 138, 161, 162, 196; II—345.
Геология — II—117, 118, 163.
Геометрический элемент в стратегии — I — 123, 194, 195, 238—240, 422; II—167, 170, 419.
Горы — оборона в горах — II—97—122; трудность движения — II—97—99, 102, 103, 114. Чувственные впечатления в г. — II—97—99, 116. Г.—как поле сражения — 107—111. Влияние г. на другие районы — II—110—111. Г. — стратегический барьер — II—112, 117. Особые условия снабжения армии в г. продовольствием — II—112, 114, Г. освоены военным искусством в половине XVIII века — II—98. Крепости в г. — II—76. Г. — позиция — I—436; II—99, 194. Г. — проход — II—112, 116. Взаимодействие обороны и наступления в г. —

II—100. Различные точки зрения на оборону в г. при второстепенном бое и генеральном сражении — II—283. Оборонительное сражение в г. — II—104, 105. Г. не благоприятствуют решающей обороне — II—114. Систематическая оборона г.—II—163. Г. оборона — опасный соблазн — II—99, 102. Г. — оборона главными силами — дело опасное — II—452. Раздробление сил при обороне в г. — II—121. Г. оборона имеет пассивный характер — II—100. В г. контрудары слабее — II—108. Абсолютное сопротивление в г. — II—101—105. Относительное сопротивление в г. — II—99—106. Наступление в г. — II—282—286. Наступательное генеральное сражение в г. имеет на своей стороне все преимущества — II—283. Второстепенное наступление в г. — неизбежное зло — II—284. Г.—выгодная арена борьбы для народного ополчения — I—198.

Д

Демонстрация — вынуждение противника стать на ложный путь — I—269. Д. — создание призрака обороны — II—141. Д. переправ — II—132, 133, 138. Д. — ложные атаки — II—295. Д. — бой не допускает решения — II—273. Д. — угроза пути отступления — II—179. Д. в горах — II—109. Демонстративная оборона Рейна Наполеоном в 1813 г.— II—141, 142, см. «Реки».

Десант — II—428, 431.

Диалектика — II—162, 339.

Диверсия — нападение на неприятельскую территорию, посредством которого силы противника отвлекаются от важнейшего пункта — II—251, 316—320. Временный захват территории — II—389. Диверсия русских в 1760 г. на Берлин — I—387.

Дивизия — I—345, 346, 347, 365, 371, 379, 381, 383, 409; II—448, 449.

Дисциплина — I — 429.

Директория французская — I—160; II—544.

Довольствие войск — см. *«Продовольствие»*.

З

Закаленность — I—200.

Заключение мира — выгодного является целью войны — II—182, 204. З. м. и конечная выгодная военная цель — I—135, 157. Иногда разумно з. м. и с большими жертвами — II—202. Для з. м. требуется преодоление воли одной из сторон — I—59. З. м. часто имеет место до исчерпания всех средств сопротивления — I—60. Иногда

к з. м. ведет захват территории — I—60. Эквивалент при з. м. — I—23; II—270, 297, 302. — Враждебное начало остается до з. м. — I — 46.

Закон — выражает то, от чего зависим и мы и все предметы, вне нас находящиеся — I—146; сложные явления войны недостаточно закономерны — I—147. З. решения силой оружия — I—75. Искание з. — подобных тем, которые выводятся из мира мертвой материи, приводит постоянно к ошибкам — I—145. Основные з.: держать свои силы сосредоточенно — I—225; одновременное напряжение сил, назначенных для стратегического удара — I—226, 233; з. динамики войны — I—247; двойной з. уничтожения неприятельских вооруженных сил в больших сражениях — I—297. Философско-динамический з. об отношении между величиной и обеспеченностью успеха — I—66.

Зимние квартиры — I—326, 367, 373, 401; II—50.

И

Игра — случай, превращающий войну в игру — I—51, 57, 244; II—111, 266, 339, 378, 506.

Изнурение врага — противника. Истощение физических сил и воли. — I—64, 65; изнурение — способ действий слабого против сильного — I—66.

Износ вооруженных сил — противника достигается разрушением их нашими усилиями и в потере областей, следовательно, в завоевании их нашими войсками — I—63; и. в. с. как побочный фактор в стратегии — I—229, 230. Перегиб в сосредоточении увеличивает и. в. с. — I—231. И. в. с. при преследовании — I—307, 308. И. в. с. маршами — I—388—390. И. в. с. от недостатка продовольствия — I—417, 418; при наступлении в глубь страны — II—39. Наступающий гибнет от собственных усилий — II—44, 73, 74, 322—332.

Импульс наступления — II—140, 153, 375.

Инициатива захвата — II—16, преимущество второй руки у обороны — II—211. Когда не ищут решения, выгоды выжидания вызывают стремление навязать и. наступающему — II—232, 233.

Интендантство — I — 408, 410; II — 449.

Интуиция (такт суждения) — I—26, 80; II—51, 192, 273, 332, 344, 509, 516, 520.

К

Кабалистика — II — 161, 162.

Кавалерия — I — 148, 183, 272,

274, 305, 306, 331, 344, 353, 364, 374, 390, 419, 434.

Квартирное расположение — I — 113, 115, 116, 367, 386, 392—400; II — 67—69, 156, 309—316.

Ключ страны — I — 434, 438; II — 112, 160—165; II — 164. Ключевая позиция — II — 164. Лучший к. к неприятельской стране заключается в неприятельской армии — II — 165.

Коалиция — сплоченность военных сил к. — II — 207; союзники вступают в войну лишь позднее — I — 41. Союзники — опора обороны — II — 28. Операции, направленные на развал к. — I—63. Государство, выступающее в интересах другого, никогда не относится к ним столь же серьезно, как к собственным — II—372 — 374. Перемешивание войск различных держав — II — 422. Полное разделение войск союзников более желательно, чем разделение наполовину — II — 423. Требования к полководцу в коалиционной войне — II — 423, 424.

Командование местности — I — 434—438; II—80, 112, 161.

Коммуникационные линии — см. *«Сообщения»*.

Кондотьеры — I — 144, 183, 199; II — 59, 348.

Конкретный случай — его связь с принципом — I — 90; конкретная война создает манеру, скоро обращающуюся в пережиток — I — 152; цель и средства войны определяются конкретными условиями и потому носят отпечаток эпохи и общих отношений, но подчиняются и общим законам войны — II — 359.

Контрибуция — I — 34; II — 156, 251.

Кордон — непосредственная защита целой области рядом небольших отрядов, занимающих сильные позиции — II — 155. К. при обороне зимних квартир — I — 367. К. линии — II — 86, 87. К. в горах — II — 108, 114, при обороне реки — II — 127, 143. Оборона к. — II — 137, 138. Чем интенсивнее сила войны, тем линия к. оказывается более беспощадной и опасной — II — 156. К. — раздробление сил — II — 158—160. К. — война на рубеже — II — 241. Атака к. — II — 286, 287. Применение кордонной системы Фридрихом В. — II — 394.

Корпус — I — 347 — 350, 365; II — 448.

Крайность — I — 36, 37 — 39; II — 260, 261, 344. См. *«Полярность»*, *«Противоположности»*.

Крепость — значение к. первоначальное — защита поселений — II — 58—77; существенный элемент содействия театра войны — II — 17, 25, 26, 49, 229, 321. Раздробление неприятельского наступления — II — 65, 66, 226; убежище для слабой армии — II — 63—65; прикрытие стратегического фланга — I — 355; прикрытие магазина — I — 420, 421; составная часть операционного базиса — I — 422; значение к. Мантуя в 1796—1797 гг. — I — 162—163; гарнизон к. — II — 324; местоположение к. — II — 51, 71—143; к. на реке — II — 76, 129, 140, 144; к. — лагерь — II — 92, 93; борьба за к. составляла все содержание войны — I — 236, 237, 294, 298, 354; осада к. — начало военного искусства — I — 120; осада крепости не связана с риском катастрофы — II — 235. Взятие к. — II—297, 298. Атака к. — II — 301—306. Если осада к. вынуждает приостановить дальнейшее наступление, то последнее обычно уже достигло кульминационного пункта — II — 411. Должен ли обороняющийся искать решения впереди или позади к. — I — 396; II — 225. Расположение армии впереди к. имеет основание в моральной дряблости и бездеятельности — II — 234—237.

Крестоносцы — I — 338.

Кризис тактический — беспорядок, расстройство и ослабление сил — I — 226, 227, 304.

Кризис стратегический — состояние напряжения сил, в котором все готово для большого сдвига — I — 248. Кровавое разрешение к. — первородный сын войны — I — 75. К. и сторожевое охранение — I — 322. К. в народной войне — II — 195—196. Значение решения боем в момент к. — I — 248.

Критика — приложение теоретической истины к действительным событиям. Основная задача — установление причинной связи явлений — I — 26, 27, 152 — 156, 166 — 169; в собственном смысле — I — 152—175; задачи к. — I — 156; конек исторической к. — I — 218, задачи к. по отношению к военной истории — II — 49; глупая к. — II — 172; обоснованная к. — II — 415.

Кругозор — I — 434—436; II — 153, 154.

Кульминационный пункт победы — I — 303; II — 321—332. За к. п. начинается область потерь и поражений — II — 339. К. п. наступит непременно, хотя бы под воз-

действием потерь — II — 42, 43. Достижение к. п. обычно знаменуется остановкой наступающего и заботой его о своем тыле — II — 411—412. В к. п. оборот хода войны может наступить и без удачного для обороны сражения — II — 194. К. п. ложится в основу всякого плана кампаний — II — 321, 332. Отношения враждующих армий, достигших к. п., различны в зависимости от того, как они дошли до него — II — 180, 181. Уклонение от удара легко достижимо, если неприятель достиг к. п. — II — 172. Москва как к. п. наступления 1812 г. — II — 176, 228.

Л

Лагерь — I — 280, 351—352; II — 84—93.

Ландвер — II — 26, 66, 93.

Ландштурм — см. «*Народное ополчение*».

Лес — оборона — II — 153; непосредственная оборона л. рискована — II — 155. Наступление в л. — II — 291.

Летучий отряд — II — 166, 171, 431.

Лишения — средство к победе — I — 299, не должны являться бедствием, возведенным в систему — I — 403, 417.

Личность — ее воздействие — I — 66; II — 221.

Логическое мышление — его значение для войны — II — 337.

М

Магазин — I — 402 — 403, 410 — 412; II — 237, 297, 449.

Манера (субъективный методизм) — I — 152, 220; II—12, 241, 258.

Маневрирование стратегическое — действие, исходящее из равновесия, каковое мы пытаемся нарушить, вовлекая противника на путь ошибок — II — 287—290. Подлинная область м. с. — II — 173. М. с. и военная ученость — I — 434, 435. Скрытность м. с. — II — 23. На смену затухшего наступления, когда не ищут решения, является м. с. — II — 296. Занятие территории посредством м. с. часто переоценивается — II — 274. М. с. имеет часто основанием недостаток решимости, мужества и предприимчивости — II — 174. М. с. не имеет постоянных принципов, правил, методов — II — 258, 260, 290. М. с. заводит вооруженные силы в отдаленные углы — II — 258. М. с. — продукт унылых условий и весьма умеренного напряжения воинственной стихии — II — 257. М. с. считали верхом военного искусства — II — 259.

М. с. — уравновешенная игра сил — борьба на ловкость — приобретение по дешевке ничтожных выгод — II — 254—257. Безрезультатность кампаний имеет свое главное основание в общих условиях, превращающих войну в игру м. с. — II — 255, 256.

Марш — инструмент, посредством которого стратегия распределяет свои деятельные начала — I — 113 — 115, 189, 353, 375—392, простой переход из одного расположения в другое. Выбор дорог — I — 376, 378. Длительность переходов — I — 378—380. Величина переходов — I — 379, 380. Деление на походные колонны — I — 376, 377, 379. М. на глазах противника — II — 251. Расположение на виду противника — I — 322, 359.

Массы — воздействие на них политической цели — I — 44. М. скорее приходится подталкивать, чем сдерживать — I — 55. М. и полководец — I — 84. Участие в войне м. — II — 27, 28. Восстание м. — I — 245, 429. С ростом м. увеличивается ежедневная затрата сил каждого отдельного человека — II — 186.

Местная оборона — II — 147, 158, 243, 497, 510, 513.

Международное право — I — 34.

Мера действительности (реальный масштаб) — I — 37—42.

Местность — I — 92—94, 134, 304; II — 509. Виды м. — I — 429 — 434. М. — ключ позиции — I — 284. Маскирование вопреки м. — I — 433. М. гористая — I — 386, 430, 432. М. бездорожная не является недоступной — II — 103. Выгодная м. никогда не может уравновесить невыгоды чисто пассивной обороны — II — 442. Мало культурная м. — II — 184. Пересеченная м. — I — 336, 339, 352, 432, 433. Учение о м. — I — 117.

Местные средства — I — 411, 422—424.

Метод — способ действия — это избранный между другими, постоянно повторяющийся прием — I — 147. Методизм — I — 145, 152; м. теории военного искусства — I — 117, 118; поиски принципов и тяготение к созданию системы — I — 121. Непригодность догматики — I — 124. Ведущая роль опыта — I — 136. М. — задачи критики — I — 156. М. заменяет искусство там, где его нет — II — 441, 442. Переход от простого к сложному — II — 205. Ограниченное значение изучения элементов стратегии — I — 195. Аналитический и синтетический м. — I — 124, 191, 198, 204. Умозрительное раз-

личие — I — 248. См. *«Критика»*.
Мода (модные взгляды, средства) — I — 163, 178, 218, 219, 428; II — 77.
Моральные силы — I—125—129, 195—199; в центре военного искусства — твердая воля гордого духа — I—104; необходимость для стратегии оценивать м. с. — I—186, 187. Основные моральные потенции I—198, 199. Упадок м. с. затрудняет работу полководца — I—84. Изменчивость морального воздействия оружия I—177. Преобладающая роль м. с. при воздействии на фланг и тыл — I—275. М. с. проникают все элементы войны, как бродильное начало — II—18. Роль м. с. увеличивается, когда ищут крупное решение — II—255. Моральный перевес наступающего может уравновесить невыгодные стороны наступления — II — 292. Путь подчинения м. с. (духовных сил) разуму — II—467. Потери моральных сил измеряются количеством израсходованных резервов — I—260, 261, 263, 264, 291, 292. Настроение войск — I—203. Корпоративный дух — I—200, 203. Моральное превосходство — I—261, 262; иногда его достаточно, чтобы заменить в бою управление — I—323. Моральное превосходство обеспечивается лучшей организацией и вооружением — I—327. М. (духовные) силы не слишком поддаются перестройке; если мы чересчур хотим их обратить в орудие, то лишаем их порыва и сил — II—183. Моральное воздействие не является призраком, которым можно пренебречь — II—183. Моральное воздействие победы — I—263, 265. Текучесть м. с. — I—72. Восстановление м. с. — I—262.
Мужество — его виды — I—51, 78, 80, 81, 101, 127, 191; II—518, 519.

II

Набеги — II—156, 169, 250.
Наводнения (затопления) искусственные — II — 148 — 153, 291.
Наемные войска — I—401; II—347, 348.
Напряжение сил — взаимодействие сторон — I—37, 38; II—322, 344—360. Физическое напряжение (основная причина трения) — I — 100 — 101, 105. Противодействие неприятеля достижению нами позитивной цели создает н. с., приводящее к кризису — I—247. Экстравагантное н. с. в 1812 г. — I—391. Н. с. является фактором уничтожения собственных сил — I — 389; II—44. Напряжение всех сил — основное начало экономии сил —

I—237; II—444. Чем слабее напряжение, тем больше сглаживается разница между обороной и наступлением —II—231. Неудача постигает на войне все, что делается без отчетливого сознания и с неполным напряжением воли — II—138, 139. Энергия — основа успеха и славы оружия — I — 258. Необходима тренировка армии в физическом направлении — I — 107, 108. В бой обычно вступают с ослабленными физическими силами — I—304. Растяжимость предела физического напряжения—I—100, 417. Действие физических сил полностью сплавляется с действием моральных — I — 78.

Народ — его участие на войне— II—14, 17, 26, 27, 40, 356, 357. Н. на войне в татарских нашествиях был всем, в древних республиках и в средние века — очень многим, в условиях XVIII века — непосредственно ничем — II—351. Участие н. в войне в результате изменений, вызванных французской революцией, внутри каждой страны — II—37, 38.

Народное ополчение (ландштурм) — средство обороны— II—17, 28, 269, 270. Его выгодно использовать в связи с крепостями — II—66, 69, 70, 93. Воинская доблесть в н. о. возмещается другими качествами — I — 202. Действия н. о. на сообщения —II—170, 171, в горах — II—452. Задача н. о. — не дробить орех, а понемногу подтачивать скорлупу — II—197, 198. Милиция — I—246.

Народная война — представляет дальнейшее расширение общего процесса брожения, который зовется войной — II—195. Н. в. в Европе — явление XIX века — II—195. Возражения реакционеров против н. в. — II—195. Н. в. должна мыслиться в соединении с войной, которую ведет постоянная армия — II—197. Необходима поддержка небольшого добавления регулярных войск. При избытке последних энергия н. в. ослабевает— II—199. Начало сопротивления при н. в. повсюду — II—196. Влияние лесов — II—154, гор — II—113. Процент пехоты при н. в. увеличивается — I—337. Воздействие н. в. на фланги—II—173, на коммуникационную линию — II—170, при отступлении внутрь страны — II—187. Диверсии могут вызвать н. в.— II—317. Н. в. должна подниматься по сторонам театра войны — II—198. Н. в. не должна сгущаться в действия компактных отрядов — II—199, иногда это неизбежно — I—433. Воздействие н. в. тем сильнее, чем

больше неприятельская армия расплывается — II — 196. Н. в. использует новые моральные силы — II—196. Н. в. рождается при напряжении всех сил после поражения — II—202. Разброска жилищ благоприятствует н. в. — II—197. Бедный, привыкший к лишениям, народ обычно проявляет большую воинственную силу — II—197. Н. в. не может вестись в слишком сгущенной атмосфере опасности; никогда не следует доводить дело до тактической обороны — II—199, 200.

Наступление — стратегическое — непосредственный приступ к достижению политической цели войны — II—453, 265—332. Объект наступления — II—96, 212, 233, 234, 270—271. Цель наступления — завоевание — II—7. Задача н. не в том, чтобы достигнуть объекта, а в том, чтобы овладеть им в качестве победителя—II—294. Н. более слабая форма войны, чем оборона — II—268. Два рода наступления — на сокрушение — II—360 и с ограниченной целью — II — 370. Объект стратегического н. — II—270, 271. Объект н. приобретает значение только с победой — II—294. Н. не может быть, подобно обороне, повышаемо в степени — II—269. Убывающая сила н. — II—271, 272. Кульминационная точка н. — II — 272, 273. Н. связано с основными направлениями и дорогами—II—241. Потеря времени — минус для н. — II—41. Смысл н. — овладение неприятельской территорией; поэтому продвижение вперед должно длиться до истощения перевеса сил—II—272. Рассрочка выполнения не облегчает, а затрудняет завоевание — II—366. Время само по себе не дает н. выигрыша — II—369. Проволочка часто приводит н. к крушению — II—413. Время может стать фактором, увеличивающим силы и, лишь тогда, когда побежденный уже не способен к контрудару — II—365, 366. Если сил достаточно, чтобы осуществить завоевание, то оно может быть выполнено одним духом, без промежуточных остановок — II—366. Н. на сокрушение, у которого не хватает смелости лететь стрелой прямо в сердце неприятельской страны, никогда не достигает цели — II—406. Атака с нескольких сторон — II—10, 14, 16—17, 21. Концентрическое наступление—II—20—22. Победа должна предшествовать успеху концентрической формы н. — II—22. Охватывающее н. — дело опасное—II—276. Н. ну-

ждается в осторожности, так как имеет свой тыл и сообщения — II — 295. Когда продвижение прекращается и начинается переход к обороне, прикрытие тыла постепенно становится основной задачей — II—296. К концу шествия победы обостряется недостаток продовольствия у н. — II—418. Н. с ограниченной целью в гораздо меньшей степени может освободиться от необходимости оборонять непосредственно неприкрытые участки — II—390. Объекты н., когда ищут решения — II—292—296. Объекты н., когда не ищут решения — II—232, 233, 296—301, 387. Праздно шатающееся н. — II—231. Прогрессирующее стратегическое н. — I—249. Относительное прогрессирование Н. — II—412.

Наступательное сражение—II—274—276. Главная особенность н. с. — охват или обход — II — 275. В н. с. имеется потребность ускорить решение — II—276.

Находчивость — I—201.

Недостаток сведений — образует сумерки, в которых обычно протекает военная деятельность—I—130, 168, 188, 209; II — 456, 457. Н. с. часто вызывает необходимость в оперативном резерве — I—234. Н. с. объясняет отчасти происхождение пауз — I — 241. Н. с. влияет на составление плана — I—79. Критика недостоверных сведений — I—102—103. Н. с. обусловливает необходимость методизма — I—149, 150.

Неприступность — II—82—84, 95, 100, 103, 137, 284.

Ночной бой — I—274, 288, 289, 306, 318, 323. Ночной марш — I—312, 371. Ночь — средство защиты — I—274, 288, 289, 372.

О

Обозы — I—374, 387, 392, 402, 404, 407, 412, II—248.

Оборона — отражение удара — II—1—264. Негативная цель о. — удержание — II—7. Пассивная о. — II—40. Никогда не поддаваться соблазну пассивной о. — II—442. Учащение боев за о. пункта — плохой признак для стратегического положения — I—270. Задачи тактической о. — I—268, 269. Чистое сопротивление — I—65 73, 74. Претерпевание о. — II—35, 486. Активная о.—II—242. Выжидание — I—74; II—5, 35—43, 208, 487. Начало выжидания проходит через всю систему о. и соединяется с позитивной деятельностью—II—45. Выжидание—величайшее преимущество о.—

II—232. Преимущество выжидания — в нехватке должной решимости у стороны, которой надлежало бы действовать — II—329, 330. Поэтому оборона жнет, где не сеяла (beati sunt possidentes) — II—6, 232. Выжидание заключает в себе представление об изменении обстоятельств к лучшему — II—391, 392. Когда исчерпываются выгоды выжидания, приходит час действовать — II—42, 43. Выигрыш времени — I—74—76, 360, 370, 371; II—40, 41, 45, 50, 74, 109, 143, 157, 227, 341, 394. Время — ангел-хранитель — II—413. Выигрыш времени — единственный путь о. к достижению цели — II—392. Относительная о. — I — 270; II—143, 156, 214, 238, 239. О. театра войны — когда ищут решения — II—203—230; силы сопротивления — I—41; виды сопротивления—II—35—49; последовательное сопротивление — II—227—230. Выгоды выжидания увеличиваются с каждой ступенью о.— II—40. О. театра войны — II—203—264. О. театра войны, когда не ищут решения — II—230—264. Жертвы при отступлении внутрь страны — II—41. О. элегантная — II—140. См. *«Реки»*, *«Горы»*, *«Лес»*, *«Болота»*.

Оборонительные позиции — II 77—84. Наступление на о. п. — II—281, 282. Одно из основных условий о. п. — превосходство наших сообщений, что необходимо для воздействия на сообщения неприятеля—II—214. Укрепленная п. обороняющегося — II—45.

Оборонительное сражение — II—38, 39, 53, 58, 212—215.

Обход стратегический — I—355; II—79, 175. О. с. требует превосходства сил — II—176. О. увеличивает как размер успеха, так и риск — I—321. Сильная конница благоприятствует о. — I — 336. О. в горах — II—99. О. ведет к растяжке фронтов — II—12, 86.

Общественные отношения — новейшие явления в области военного искусства в большинстве вызваны изменениями в общественном строе и общественных отношениях — II—257.

Огнестрельное оружие — I—136, 137, 177, 183, 338, 339, 341, 342.

Одновременное напряжение сил как основной закон войны— I—225, 227, 230, 233.

Окружение — I—283, 321, 323; II—19, 91, 439, 508.

Опасность — область войны — I—78, 82, 98 — 100, 105, 107, 125, 128, 190, 241, 242, 259, 261, 368; II—40, 322, 342, 517,

Операционная линия — I—195; II—169.
Опорный пункт — стратегический — I—354.
Опыт — стратегия черпает цели и средства, подлежащие исследованию, только из о. — I—136. Знания, лежащие в основе военного искусства, базируются на о. — I—176. В практических искусствах следует держаться ближе к о. — I—28. Философия и о. поддерживают друг друга — I—28. Поверка теории о. — I—132. Тысячи раз подтвержденный о. противоречит господствующему мнению — II—7. В военном искусстве о. дороже любой философской истины — I—166. Ценность личного боевого о. — I—106, 107, 149, 153, 239.
Оружие — его влияние на ведение войны—I—109, 136, 137.
Осторожность — II—342, 352. Истинная о. — напряжение всех сил — II—438, 439, 445. Ложная о. — за счет достигаемого результата — II—438. Ошибочно полагать, что теория рекомендует самое осторожное — II — 437. Предусмотрительность и о. — душа обороны — II — 293. Неосторожность — I — 323.
Ответственность — I — 80, 81, 83, 242; II — 345.
Отношения между наступлением и обороной. Н. и о. — понятия не полярные — I — 48. Взаимодействие о. и н. — II — 5, 6, 9, 33—35, 266. О. предшествует н.—II—32, 211. О. является логически дополнительным понятием к н. — II — 265. О.— более сильная форма войны с негативной целью, н. — более слабая с позитивной — I — 48, 65, 66; II — 7, 8, 18, 19, 23, 37, 204, 268, 271, 329, 392, 453. Н. может незаметно перейти в о.— II — 271. Соотношение между н. и о. в тактике — II — 9—14; соотношение между н. и о. в стратегии — II — 14—18. О. при н. — неизбежное зло, тормозящее усилие — II — 267. О. после исчерпывающего себя н. — II—329, 387. О. способствует ослаблению н — II — 331. О., вкрапленная в н., ослаблена в своих основных устоях — II — 331. О. является только средством атаковать в выгодных условиях неприятеля на местности, заранее избранной и подготовленной— II — 438. О. переходит в н. — I — 246; II — 270, 369. Начинать с о., чтобы тем вернее кончить н. — II — 453. Наступательный акт — необходимая составная часть о.—II—7, 267. При о. решительная победа невозможна без наступательной части сражения — II — 53, 54. Динамиче-

ское равновесие между н. и о. требует идеи возмездия— II — 37. Месть как препятствие дальнейшему развитию операций — I — 277, 278; II— 308, 389, 390. Прерогатива о. по сравнению с н. всегда предписывать закон противнику и сохранять в своих руках решение, что дает сбережение времени и сил— II — 186, 187. О. на неприятельской территории носит более вызывающий характер, так как ей привиты элементы н. — II — 330. Отношение о. к н. тем благоприятнее, чем больше массы — II— 515. О. имеет преимущество второй руки—II— 211; иногда это преимущество переходит к н. — II — 300, 301. Н. — не будет искать о. в случае ее ошибочного расположения—II— 212, 213, 293. Н. тем труднее, чем уже полоса, на которую о. стеснила н. неприятеля — II — 193. При н. чувствуешь себя лучше и храбрее, чем при о. — II — 222. Противоречие между концентричностью н. и эксцентричностью о. — II — 19— 23. Н. концентрическое богаче результатами, но связано с более крупным риском — II — 400—403. О. и н. должны иметь одинаковые виды на величину победы — II — 57. Противоречия позитивной (наступления) и негативной (обороны) цели — I — 65, 66, 73; II — 6, 7, 486. Противоречие н. и о. наступать и выжидать — I — 74; II — 5, 35, 487. Чем слабее напряжение, тем больше сглаживается разница между о. и н. — II — 231.

Отступление стратегическое — строго размеренное ежедневное сопротивление, пока равновесие борьбы может поддерживаться — II — 180, 194. Успех о. в смысле ослабления неприятеля увеличивается с ростом масс — II — 125. О. эксцентрическое — I — 317, 318; II — 191. О. в 1812 г. — II — 193, 194. О. внутрь страны — II — 179— 194, 201, 226. Оно открывает возможность флангового воздействия — II — 173, и может дать обороне необходимое равновесие — II — 39, 44, 51; в кампанию 1812 г. — II — 183, 184. Направление о. — II — 187 — 188. Внезапный поворот о. в сторону — II — 190. Направление о. в 1812 г. — II — 187—190; в 1813 г. — II — 188 — 190, благодетельное влияние на о. малейшего успеха — I — 314, 315. О. из Москвы — I— 326, 327, 391, 394, 413.

Отступление тактическое—I— 316—318, 364, 368, 369. Так-

тическое о. — спуск флага — II — 464, помимо воли начальника — II — 463. Причины тактического о. — I — 261. Умеренные темпы тактического о. — I — 316. Угроза пути о. — I — 288; II — 56, 57. Условия продовольствия при о. — I — 412, 413. О. ночью — I — 288, 289. См. *«Путь отступления»*.

Охват — I — 156, 302, 426; II — 16, 19, 55, 288, 295. О. охвата — II — 55, 275, 501. Тенденция о. к быстрому решению естественно подходит для наступающего — II—498.

П

Палатка — I — 322, 323, 373, 375.

Паника — I — 200, 203, 292, 293; II — 463.

Партизан — I — 352, 364; II — 111, 113, 168, 174, 431.

Пауза — промежуток времени, в течение которого наступающий находится в таком же состоянии обороны, как и противник — I — 437. Причины п. — I — 45—50, 240 — 245; II — 336. П. (промежуток бездействия) — зимние квартиры — I — 373, 401. П., в течение коих ведутся операции против крепостей, носят чисто внешний характер — II — 301, 368. П. характеризуется покоем, т. е. отсутствием напряжения сил — I — 247. Ограниченное значение событий в период покоя — I — 248. Всякая п. в наступательной войне противоестественна — II — 368. П. между двумя успехами раскрывает перед неприятелем новые перспективы — II — 413. После п. нормально второго скачка к цели не бывает — II — 368. П. и бездействие как основное состояние армий во время войны — I — 241.

Первобытный народ — его отличие от цивилизованного в области ведения войны — I — 35, 77, 254; II — 466, 467.

Перевернутый фронт — сражения приводит к крупным результатам — I — 304; II — 215. Существенной частью плана кампании является установление такой группировки и направления сил, которые бы обеспечивали охватывающее наступление или сражение с п. ф. — II — 410, 411. Представление, будто сражение с п. ф. вытекает из охватывающего стратегического наступления, ошибочно — II — 275, 276.

Перевес сил — I — 231, 294; II — 91, 183, 184. Относительное превосходство — I — 215, 216. П. с. — не цель, а средство — II — 327. П. с. обязывает достигать каких-то положительных результатов — II — 355.

Перегруппировка — необходимое зло — I — 164, 236.
Пехота — I — 148, 183, 202, 274, 331—342, 434; II — 120.
План войны — II — 333—432, объединяет военную деятельность в особое действие, имеющее единую конечную цель — II — 336. План войны чисто военный — II — 382. П. в., когда цель заключается в сокрушении неприятеля — II — 396—432. Только п. в. определяет всякий подчиненный план наступления и обороны — II — 203. В основу п. в. должно ложиться определение кульминационного пункта победа—II—321, 332. П. в. нельзя представлять как бы штампованными из-под станка — I — 150, 151. П. в. составляет стратегия — I — 185. П. в. представляет внутреннюю связь всего военного акта — I — 191. Учет вероятного исхода боевых столкновений при составлении п. в. — I — 192. П. в. должен преследовать тенденцию свести неприятельское сопротивление в целом к одному центру тяжести — II — 407. Оценка масштаба войны — II — 261, 262; ошибка, допущенная в 1794 г. — II — 262; ошибка, допущенная в 1812 г. — II — 263. П. в. с Францией — II — 425—432.
План кампании — устанавливается стратегией — I — 185. П. к. учитывает кульминационный пункт — II—18, 332. П. к. использует народную войну — II — 201. П. к. нельзя штамповать — I — 151. Существенной частью п. к. является установление соответствующего распорядка как в отношении группировки сил, так и направления их — II — 418.
Пленные — I — 262, 264; II — 180, 224.
Победа — отказ от боя, как доказательство п. — I — 265; п. (успех) решается перевесом суммы материальных и моральных сил — I — 292; II — 272, 321. Два вида победы—обыкновенная и чрезвычайная — I — 266, 267; II—410, 411. П. — уход неприятеля с поля сражения — I — 133; II — 462. П. принимает реальную форму при преследовании уже после решения — I — 260, 272. П. связана с тактическим кризисом — I—227. Значение окружения и внезапности для п. — I — 282. Значение п. увеличивается с количеством побежденных сил — I — 235; моральное влияние — I — 260, 261. Значение п. зависит от важности достигнутой цели — II — 464, 465. П. изменяет политические отно-

шения — II — 326. Несоответствие между величиной п. и ее следствиями—II—326. Канонада под Вальми имела несравненно бо́льшие следствия, чем сражение под Гохкирхом — I — 248. П. — объект борьбы, но не вся конечная цель — II — 204. Когда идет дело о победе, самое главное — сама победа — II — 112. Последствия п. могут быть пагубными — I — 296. Энергия преследования определяет ценность победы — I — 310. Полупобеда — Бородино — I — 267, 309, 310, 328. Половинчатая п. — I—310. Бесплодная п. — II — 247. Выигранное на излете наступления сражение может побудить к отступлению — II — 182. П. не может быть использована у предела траектории наступления — II — 167, 168, 173. П. — приговор, вынесенный моральным и материальным силам — I — 292. Великая п. ведет к великим результатам — I — 300. Блеск п. — I — 101. Честь п. — I — 308. Размер п. — I — 190; II — 205. Подготовка п. — трудная задача стратегии — I — 303. Очарование п. I — 277. Интенсивность п. — I — 300, 301. Быстрота п. — I — 270. Использование п. при наступательной войне умаляет превосходство в силах—II—327, 365. Истощение силы п. — I — 294. Очертания п. — концентрические действия в наступательном сражении, эксцентрические — в оборонительном — II—57. П. обычно сдерживается тем скорее, чем больше неравенство сил — II — 504, 505. П. достигается легче сейчас же после перехода границы: чем глубже в неприятельской стране она будет одержана, тем она будет более решительной — II — 410.

Подвижность — I — 336; II—290, 304.

Подготовка войны — I — 39, 40, 53, 117, 137, 138. Энергичные приготовления вызывают подъем моральных сил — II — 444. Упреждение в готовности — I — 206; II — 25. Начинать войну с возможно сильной армией — I — 213. Неготовность к войне — I — 221.

Позиции — см. «*Оборонительные*» и «*Фланговые*» *п.*

Полиция — I — 426.

Полководец — направляет войну в точном соответствии со своими целями и средствами — I — 186. П. — государственный человек — I — 57, 96. П.—член правительства—II—384. П. должен обладать величайшей действенностью власти, какую только допу-

скает обстановка — II — 509. Для понимания п. должны быть учтены особенности эпохи — II — 358—359. Многие п. губили себя, становясь на путь бескровного решения — I — 74. У первобытных народов не встречается подлинно великих п.— I — 77—78. П. должен подняться до представления географических особенностей целой страны — I — 93. П. не должен быть ученым историком, ни знатоком государственного права, он должен быть близко знаком с высшими областями государственной жизни — I — 139, 140. Ни один П. не исправит впечатления неудачи изображением трудностей — I— 101. П. должен обладать исключительными качествами духа I — 107. Ум п. должен быть воспитан теорией — I— 132. Выдающиеся п. никогда не выходили из класса ученых офицеров — I — 138. Не может быть великого п. с ограниченным умом — I—140. У каждого п. своя субъективная манера — I—151. Таланту п. открывается наибольший простор на пересеченной местности — I — 199. П. может руководить лишь целым — I — 201. Без смелости выдающийся п. немыслим — I — 208. П. находится постоянно под ударами ложных сообщений и случайностей — I — 209. Требования коалиционной войны к п. — II — 423—424. Борьба храбрости и проницательности в п. — I — 286, 288. Способность п. господствовать над обстоятельствами — II — 255—256. П., ожидающий от людей всего лучшего, совершенно неспособен командовать армией — II — 248. Интересы физического человека находят верного проводника к сердцу п. — I — 305. Недоверие к вождям — I — 293, «Гений выше всех правил» — I — 124, 130, 137—138, 196. См. *«Интуиция»*.

Политика — объединяет и согласовывает все интересы внутреннего управления, а также вопросы гуманности и всего остального — II — 380; разум олицетворенного государства — I — 56; лоно, вынашивающее войну — I—144; в своих высших областях стратегия граничит с п. и даже сама становится п. — I—187, 217, 234. П. — это разум, война — только орудие; высшая точка зрения на руководство войной может быть только точкой зрения п. — II—381—382. П. породила войну — II— 381. Война не всегда является свободным решением п. — I—329. Влияние полити-

ческого элемента особенно сказывается при составлении плана войны, кампании и даже сражения — II—379. Главные линии, по которым развиваются военные события, начертаны п., влияющей на войну вплоть до мира — II—377. Когда п. становится грандиозной и мощной, война приобретает свой абсолютный облик — II—379. «Вредное влияние» п. на ведение войны — II—383. Политически наступающий—II—370—371. Политическая оборона —II—449. Политические вожди не должны быть чужды известного понимания ведения войны — II—383. Война является оружием п. — II—376—387. См. *«Война»* и *«Цель политическая»*.

Полярность — I—47, 48, 240. П. одновременного и последовательного применения сил — II—492—503. Часто усматривают противоположность между наступлением и обороной там, где в действительности ее нет. — I—47—48; II — 477. См. *«Крайность», «Противоположности»*.

Понятие — служит для того, чтобы придать изложению большую ясность и определенность — I—327.

Пополнения — I—420—421; II—367, 453.

Поражение — значение — I—292—294 выявляет суровую правду—I—293. Право на воскресение после п. — I — 330. Общий паралич в результате п. — I—294. П. может пробудить новые силы — I—296. Проклятие п. — I — 277. Чувства п. — I—293. Тактическое п. — постепенное опускание чаши весов — I—271, 285, 328, 329.

Последовательное напряжение сил — I—226, 229—233, 273; II—488—491.

Постоянная (регулярная) армия — I—200, 246, 247, 280; II—26, 59, 348.

Потери — I — 226, 227, 259—262, 278, 290, 368. При добровольном отступлении п. менее значительны — II—179. П. от маршей в 1812 г.— I—390, 391.

Потеря пространства — I—252, 261, 285, 287, 292.

Поход — происшествия, имевшие место на одном театре войны — I—326, 327.

Правительство — I — 57, 186, 196, 217, 244, 246, 262, 294, 401, 402; II—202, 351, 382, 386.

Практика — I—121, 133. П. знакомит с явлениями и почти обращает в привычку открытие истины — II — 520. Привычка — I—99, 106.

Предмостное укрепление — II—140.

Преследование — дает нам плоды победы — II—445. П. —

второй акт победы — I — 310. Тактическое п.— I—305—307; II—57. Раз одержана крупная победа, не может быть и речи об отдыхе — в порядке дня только п. —II—411. П. ночью — I — 306, 307. Значение конницы при п. — I—302, 333. П. — это подлинная область моральных сил — II — 180. Стратегическое п. — непрерывный нажим на побежденного — I — 311, 312, 315. Параллельное п. — I — 311. П. при отходе внутрь страны после проигранного сражения причиняет несоизмеримые потери — I — 315. Бегство — I — 217, 311.

Принцип — представляет лишь дух и смысл закона — I—146. П. — плод ясного и глубокого проникновения, и мнение о каждом конкретном случае стоит на нем, как на якоре — I—90. Верность и постоянство в следовании п. создают устойчивость и последовательность действий, которые зовутся характером — I — 90. П. утрачивает свой характер всеобщности при обращении его в положительное учение — I—155. Если из соображений выдвигаемых теорией, сами собой сложатся принципы и истина отольется в их кристалличе-

скую форму, то теория не должна противиться этому естественному закону ума — I—132, 133; II—334. Посредством п. редко удается сузить ход рассуждений до одной непрерывной линии; всегда остается известный простор — I—237. Чем слабее побуждение к действию, тем меньше последнее нуждается в руководящих п.— II — 375, 376. Основной п. — на решительном пункте быть возможно сильнее — I—211, 231, 327. Основной принцип — смотреть на уничтожение неприятельских вооруженных сил, как на самое главное — I — 258, 297. П. — не подчиняться воле неприятеля — I — 317. П. для составления плана войны: 1) применять на войне лишь те средства и задаваться лишь такой конечной военной целью, которые будут достаточны для достижения политической цели — II—344; 2) поскольку мы в состоянии победить всех остальных противников в лице одного из них, сокрушение этого одного должно являться конечной военной целью — II—363; 3) в возможной степени сосредоточивать действие — II—397; 4) действовать с возможной быстротой, не допуская ни пауз, ни уклоне-

ния на кружные пути — II—397. Важнейшие п. войны — II—435—461

Продовольствие — II—185, 448, 459, 460. Эквилибристика в ведении войны переносит центр тяжести в п. войск — I—416. П. — лишь одно из условий войны, но не цель — I—417. П. в горах — II—112—116. Система снабжения п. — II—248. Довольствие войск — I—400—419.

Прорыв — I—364; II—13, 475, 476, 508.

Проследование мимо позиции — II — 79 — 80, 86, 90, 95, 212, 213, 216, 220, 411, 412.

Противоположности (противоречия)—рассматриваются для придания большей определенности нашим представлениям — II — 260, 261. П. — в обороне—II—44; п. — между вторжением и методической войной — II—320; п. — между природой войны и интересами человека — II—376. См. *«Крайность», «Полярность»*.

Протяжение войны во времени — I—40, 53, 65. Продолжительность боя — I — 270—271, 278, 357.

Психология масс — II—326—327.

Путь отступления — I—264, 265, 269, 292, 293, 425; II—65, 96, 144, 242, 280, 285, 294, 475. Воздействие на п. о. — II—167, 178. Косое направление п. о. — II — 80, 81. Соотношение п. о. — II — 175. Преграждение п. о. — I—429; II—21, 105, 166, 175. Преграждение п. о. на Березине в 1812 г. — II—416. См. *«Отступление»*.

Р

Равновесие сил — I—41, 46, 50, 248.

Развертывание новых сил — I—233; II—81.

Раздел Польши — II—31—33.

Разделение сил — неизбежное зло—I—358; II—295, 402. Три условия, допускающие разделение сил — II—176. Ошибочное р. с. при открытии кампании 1814 г.—II—402, 403. Раздельная группировка армии — I—353—358; II—15, 216, 217; она вызывает риск быть вовлеченным в отрядную войну — II—214. Раздельное наступление — II—400, 402, 403, 406. При р. с. важнее всего развитие каждой частью всей действенности ее сил — II—423. Раздельное наступление имеет недостаток: в ход событий вмешивается множество нереальных опасений — II—419, 420. От. р. с. пришлось бы безусловно отказаться, если бы постоянная согласованность всех частей являлась необходимым условием успеха — II—420. При разделении армий трудности

также разъединяются, и доля бремени, приходящаяся на каждую армию, сильнее побуждает ее к деятельности — II — 422, 423. Раздельное наступление в кампании 1757 г. — II—401. Силы, назначенные действовать в тылу или на фланге неприятеля, немогут действовать на него с фронта — II—166, 174. Раздробление сил — II—122, 241, 242; его степени — II—157, 158. Выделение части сил — I—225. См. «*Форма операций*».

Растяжка сил — II—122, 135, 141, 155 — 158, 238, 239, 242, 243.

Реакция — быстрый, могучий переход в наступление, сверкающий меч возмездия — II—24. Контрудар — II—40, 41, 74. Условия р. при воздействии на путь отступления — II—178. Р. двоякого рода: 1-й — наступающая армия гибнет от меча обороняющегося; 2-й — от собственных усилий — II—44, 179, 229. Р. после проигранного генерального сражения может пробудить новые силы — I—296. Р. в 1812 г. — II — 395, 396.

Резерв стратегический — I—233—237; II—122. Тактический р. — I—226—228, 261, 273; II—444. Таяние р. — I—261. Общий р. должен находиться вне линии неприятельского охвата — II—55. Превосходство в р. ведет и к превосходству в вождении боем — II — 514. Моральная ценность свежей армии — I—230.

Реквизиция — I—395, 405, 414; II—448. Р. правильная — I — 409—413. Р. войсковая — I — 408, 409. Р. дает войне полную свободу действий — I — 412, 413.

Реки — стратегический барьер — II—123. Оборона р. — II—123—146. Влияние р. когда, они не обороняются — II—143, 144. Непосредственная оборона р. — II—125—132. Оборона р. косвенная — II—133—138; II—451. Оборона р. с занятием позиции на неприятельском берегу — II—139, 140, 278, 279. Характер сражения при косвенной обороне р. — II—136. Значение крепости при обороне р. — II—70, 71. Оборона р. — опасный соблазн — II—123. Переоценка обороны р. — II—277. Прорвать оборону р. легче, чем выиграть обыкновенное сражение — II—278. Оборона р. чрезвычайно целесообразна, когда не ожидаются решения — II—278. Оборона р. ведет к раздроблению сил — II—141. Расчет времени при обороне р. — II—126. Хрупкость относи-

*

тельного сопротивления на р. — II—123. Демонстративная оборона Рейна Наполеоном в 1813 г. — II—141, 142. Р. — вынуждают наступающего к разделению сил — II—145. Средства переправы II—125, 129—132. Переправа через р. — II—276, 280.

Рекогносцировка — I—249, 268; II—11.

Репрессалии — II—242, 251.

Решение — фокус всех войн, ориентированных на взаимном сокрушении — II—232. Образует замок свода, к которому тянутся все линии стратегической арки — II—231. Р. боя — II—271—279. Р. — момент, когда одна сторона откажется от своей цели, или другая уступит ей — I—247. Там, где все еще находится в состоянии равновесия, успех обычно бывает на стороне того, кто дает решение — II—477. Р., исходящее от главных сил, непосредственно распространяется на целое — II—208. Уступка имеет смысл лишь для того, чтобы купить себе преимущество к моменту р. — II—232. Отнесение р. в глубь страны не влияет на сферу воздействия победы — II—228. Р. в частных боях — II—473. Решительный акт — I—235, 375. Решительный момент сражения — I—236.

Решимость — I—80—82, 109, 215, II—40.

Решительный пункт — I—211, 213, 216, 224, 231.

Риск — I—52, 171, 215, 276, 300, 322; II—484. Р. — цена великой надежды — II—416. Указание отдельным армиям ничем не рисковать делает план пагубным — II—418.

Робость — потеря равновесия — II—204, 205.

Рубеж — I—369, 396; II—241—243.

С

Сборный пункт — I—394—397; II—311.

Связь — I—397; II—306.

Сила воли — I—83, 188, 210, 223.

Сила характера (упрямство) — I — 83, 89, 91.

Скрытность — I—223.

Слабость воли — II—49.

Случайность — I—51, 79, 83, 105, 209, 220, 275. Роль с., когда не ищут решения — II—254, 255. С. получает простор, когда выдвигается ограниченная цель — II—390. См. *«Игра»*.

Смелость — I—204—209, 330; II—293.

Снабжение — I—413, 414; II — 89, 185.

Сокрушение — политическое уничтожение врага или лишение его возможности сопротивляться — I—10, 33. С.

всегда начинается с уничтожением неприятельских вооруженных сил — I—72; II—409. Совпадение политической и конечной военной цели при сокрушении во время большой войны — I—54, 55. Давление на политические отношения бывает более коротким путем к намеченной цели, чем сокрушение вооруженными силами — I—63. Со времен Наполеона с. вошло в порядок дня — II—357, 358; государства первого ранга сокрушались одним ударом — I—246. С. неприятеля — основная цель военной деятельности — II—333. Предпосылка с. — II—362, 370. Победитель должен при с. направлять удары на целое, а не на частности противника — II—361. Уступка территории при борьбе на с. несущественна—II—209. С. может явиться и целью обороны — II—369. Пока полководец не сокрушил своего противника и пока он считает себя достаточно сильным, чтобы добиться цели, опасность все время будет нарастать, но одновременно будет расти и величина возможного успеха — II—412. Невозможность сопротивляться — I—37, 59, 192, 193. См. «*Уничтожение вооруженных сил противника*».

Сообщения — коммуникационные линии — жизненные артерии, подлинный стратегический тыл армии — I—425. Обеспечение тыла — I—252, 264; II—91, 144. Чувствительность с. — I—427; II—16. Соотношение систем с. — II—138, 139, 172. Превосходство неприятельской системы с. делает фланги слабейшей частью нашей армии — I—356. Изменение системы сообщений — I — 426, 427. Воздействие на с. — II—79, 80, 166, 167, 242, 243, 250, 251. Условия, при которых перерыв с. небольшими силами оказался действительным — II—171. Беззащитность с. порождает у противника предприимчивость—II—325. Фронт, перпендикулярный к своим с., создает обеспеченность тыла — I—354; II—81. Косое направление с. к фронту противника — II—169, 170. Водный путь — II—144, 145. Воздействие системы снабжения на с. — I—416. Воздействие обороняющегося на с. наступающего — II—299, 300.

Соотношение родов войск — I—270, 271, 331—342.

Соотношение сил — I—210—213, 327—330, 370, 371; II—52, 371. С. с. изменяется к концу пути наступления — II—40, 180, 181, 194.

Сосредоточение действия — сводить всю тяжесть неприятельского могущества к возможно меньшему центру тяжести, если можно — к одному — II—397, 407, 408. С. д. в пространстве — I—225, 289, 444, 447, 505. С. д. во времени — I — 225 — 233. Быть возможно сильнее в момент решительного боя — I—209—233. С. во времени и пространстве достигается в более слабой степени при постановке ограниченной цели — II—390. Слабый должен больше сосредоточивать свои силы — II—505. С. увеличивает лишения войск — I—230, 231 Перегиб в с. является расточением сил — II — 207. Непропорциональность с. на одном участке всегда базируется на расчете на внезапность — II—508. Движения по с. — I—397, 398.

Средство войны — физическое насилие — I—33—35; размер с. противника — I—38; с. сплетаются с волей к победе — I—38; с. (силы) стратегии не могут быть использованы одновременно — I—41; с. для достижения политической цели — лишить неприятеля возможности сопротивляться — уничтожение его вооруженных сил — I—59. Оказание давления на политическое отношение — I—63. Другие с., ведущие к увеличению затраты сил противника: занятие территории, контрибуции, изнурение врага — I—64. Пассивное выжидание ударов врага — I—65; с. личного порядка — I—66, 67. Главное с. стратегии — бой — I—67. Двоякий способ уничтожения мечом обороняющегося и собственными усилиями наступающего — II—44. С. тактики — обученные вооруженные силы — II—25—33. С. обороны — I — 133. Целесообразность с. — I — 157—162. Применение каждого средства должно увязываться с конечной военной целью — I—157. Действие никогда нельзя постигнуть в полной мере из одних лишь свойств примененного с. — I—176. Воздействие с. при стратегическом маневрировании — II—174.

Стоимость содержания различных родов оружия — I—333.

Стойкость — I—78, 83; II—517.

Столица — I—169; II—189, 294, 444.

Сторожевое охранение — I—266, 321, 332, 358—367, 393, 397; II—68, 69, 143, 156, 284.

Стратегия — I—185—250 — учение об использовании боев в целях войны — I—111, 185, 255; II—443—461. С. — увязка отдельных боев с общею целью войны — I—111. С. сводит всю

военную деятельность к единству отдельных боев — I—254. С. получила свое название от хитрости, что правильно только на первый взгляд — I—223. Все основное в с. вытекает из конечного намерения обеих сторон, представляющих заключительный вывод всей системы мышления — II—247. Элементы с. — I—194, 195. Стратегические комбинации нельзя рассматривать как нечто самостоятельное — II—47; они покоятся только на тактических успехах — II—47, 53, 54. В с. число и размах победоносных боев важнее линий того фасада, в котором эти бои между собою связываются — I—239, 432. С. — использование отдельного боя — I—115—117, С. — цели и средства — I—135, 136. Теория с. представляет наибольшие трудности, так как с. в направлении целей, ведущих к заключению мира, раскрывается в безграничную область возможностей — I—142. В с. все протекает медленнее, чем в т.—I—188. С. допускает только одновременное введение в дело сил — I—228. Труды, усилия и лишения представляют своеобразное разрушительное начало на войне, по преимуществу входящее в область с.— I—229. В с. невозможно даже приблизительно наметить те силы, которые нужны для достижения намеченного крупного успеха, а следовательно, и определить излишек сил — I—231, 232. Влияние тактических элементов на стратегические — I—252.

Суждение по успеху — I—169—171, 186.

Т

Тактика — учение об использовании вооруженных сил в бою — I—111; II—437—422, 462—520. Т. — организация самих по себе отдельных боев и ведение их — I—111. Т. — оформление отдельного боя — I—118. Т. представляет для теории гораздо меньше трудностей, чем стратегия — I—131,142. Т. — цель и средства — I—133, 134. В т. будут чаще, чем в стратегии, встречаться понятия о принципах, правилах, положениях и методах — I—147, 148. В т. события увлекают с неудержимой силой — I—188. Т. допускает растянутое во времени введение в дело сил — I—228. В т. разрушительное начало, в виде трудов, усилий и лишений, оказывает меньшее воздействие, чем в стратегии, так как т. акты мало продолжительны — I—

229. В т. можно без особого труда наметить приблизительно те силы, какие нужны для достижения намеченного крупного успеха — I—231. Тактические успехи имеют первенствующее значение — I—256.
Твердость — I—209—210.
Творчество оперативное — I—161, 162, 186, 187.
Театр войны — часть охваченного войной пространства с прикрытыми границами — I—325. Понятие т. в. в эпоху Людовика XIV не связывалось с группировкой армии — II—305. Содействие т. в. неподвижными средствами войны — II—14, 17, 227, 228, 322. Выбор т. в. определяется множеством условий — II—113, 114. Вторжение римлян в Испанию и Африку, когда Ганнибал оставался еще в Италии — I—183. Значение различных т. в. при борьбе между Францией и Австрией — II—388, 389. Т. в. с действующими на нем вооруженными силами представляет целое, которое сводится к одному центру тяжести — II—209. Отрицательное значение отсутствия предварительной организации т. в. нарастает в своей действенности при продвижении наступающего вглубь — II—324. Использование войск и полководцев на различных т. в. сообразно их специфическим свойствам — II — 424. Оборона т. в. — II—203—264.
Темперамент — I—86, 87. Классификация людей с точки зрения их т. — I—87—89; влияние сплавов т. и рассудка на действия человека — I—97; силы т. теряют свою мощь с появлением ясной мысли — I — 206; смелость как свойство т. отодвигается на второй план на высших командных должностях — I—207. Честолюбие и воля как силы т. — I—223; развитие хитрости за счет свойств т. — I — 224.
Теория военного искусства — I—119—142; под в. и. первоначально разумели лишь подготовку боевых сил — I—119; размышления по поводу военных событий вызвали потребность в т. — I—121; моральные величины не могут быть исключены из т. войны — I — 125, 126. Т. должна являться рассмотрением, а не учением — I—131—133; знание должно стать умением — I—141—142; историческое развитие — I—119, 123, основные задачи: привести в порядок спутанные понятия — I—118, 119; установить и разграничить сферу исследований — I—

111; считаться с человеческой природой — I—52; сохранить равновесие между тремя тенденциями, создающими облик войны — инстинктом, игрой и чистым рассудком — I—57—58; отвечать большинству случаев — I—110; поставить в основу исследования абсолютный облик войны и использовать его как общий ориентир — II—339; разрушить предрассудки — I—303; осветить всю массу обстоятельств и вырвать плевелы, которым заблуждение дало возможность произрасти — II — 335; она должна вскрыть взаимоотношения явлений и отделить существенное от несущественного — II — 335; совлечь с взбалмошных идей их незаслуженную репутацию — I—239; предостеречь от грубых ошибок — I—299, 300; польза, которую она может дать, — это то, что ум вдохнет в себя во время странствования среди фундаментальных понятий предмета — II—335. Т. базируется всегда на опыте — I—136. В особенности в стратегии т. должна ограничиваться лишь простым рассмотрением явлений, с тем, чтобы помочь деятелю проникнуть в суть последних — I—142. Для т. важны только конечные выводы многих других дисциплин, что упрощает требуемые знания и объясняет быстрое формирование полководцев — I—137—138. Т. устанавливает связь причин и следствий — I—152—153; каждая эпоха нуждается в особой теории войны — II—358—359. Т. в. — здравое размышление по поводу любого положения, в котором можно оказаться на войне — II — 436; теория вызывающая пренебрежительное отношение со стороны талантов, обречена на скорое забвение — II — 335. Гений не нуждается в т. и не для гения т. сочиняются — I—138. Парадный конек т. — II—165.

Территория — I — 59, 62, 63. Разгром вооруженных сил решает судьбу т. — II — 204. Обладание т. выдвигается на первый план, когда не ищут решения — II—211. Занятие т. — II—40, 41. Прикрытие т. — II — 203—205, 233, 234.

Точка зрения — только с единой т. з. можно охватить всю совокупность явлений, как одно целое, и уберечься от противоречий (политика) — II—380. Чисто военная т. з. — II—382. Военная т. з. должна подчиняться политической — II—380, 381. С восхождением к конечной цели приобретается новая т. з. — I—157, 158.

Транспорт — I—418, 423; II—240. Нападение на т. — II—306—309.
Трение — I—100, 101, 104—107, 150, 190, 191, 217, 247; II—17, 339, 390, 456.
Трофеи — материализация и мерило победы — I—262, 266, 267, 277, 293, 304, 309, 341.
Тыл — угроза — I—264.

У

Укрепленные линии — I—84—87, 156.
Укрепленный лагерь — II—46, 84—93, 224, 281—282.
Умственные способности (силы) — I—76—79, 91, 94, 95, 129, 139, 140, 186.
Уничтожение вооруженных сил противника — приведение их в состояние, исключающее продолжение борьбы — I—59. Средство войны у. в. с. п. — не отрицается ростом культуры — I—79. К этому направлена вся деятельность в бою — I—69. Средство и цель — I—69—71, 75, 254, 255, 259, 268, 273; II—462. У в. с. п. составляет основной принцип позитивных действий на войне — I—296, 297. Оборонительные сражения также должны быть направлены на у. в. с. п. — II—56—58. У. в. с. п. выше обладания территорией — II — 205.
Успех — только крупные тактические у. могут привести к крупным стратегическим — I—256. Стратегический у. — не столько определенный объект, как тактический у. — I—231, 232. Тактический у. — I—72; повышение размаха у. — II—55. Стратегический у. — II—14. Сумма у. — II—341. Два взгляда на у. военных действий — II—340, 341. Цена успеха — I—61—63, 74, 160; II—238, 239, 484—486; конечный успех не во всех случаях уменьшается с количеством проигранных сражений и потерянных областей — I—246. Сомнительность у. — I—61; стремление к обеспечению у. часто маскирует нерешительность — II—367. Динамический закон успеха — I—65, 302; II—175, 483. Основные факторы у. в тактике (принцип победы) — II—10. Основные факторы у. в стратегии — II—14. См. также «*Победа*».
Устав — I—148, 149, 203.
Ученость ложная — непрактичное и противоречивое резонирование теории и критики — I—151; не останавливаются у порога священной теории — I—155; ложные системы — I—255; военная ученость — I—434. Шарлатанство — I — 438. Теоретическое прожектерство — I—182;

ложная теория — II—162; нелепая теория — II—163; односторонность — II—241; ложные устремления — II—263. Система окаменевшей военной диалектики — II—50, 51. Полузнайки — II—406, 407. Претенциозный вздор — II—430. Труха — I—175.

Ученый педантизм — I—123, 138, 140; II—436.

Ф

Фехтование — I—244, 245; II—378, 379.

Философия ложная — I—126, 136, 166, 196, 308.

Фланги стратегические — местность, которая тянется по обе стороны сообщений — II—325. Чувствительность ф. — II—106. Обеспечение ф. — I—356; II—19, 416, 417. Фланговая атака — I—275, 276; II—153, 216. Воздействие на стратегический ф. наступающего — II—90, 91, 93, 165—178, 447. Фланговое воздействие в кампанию 1812 г. — II—177, 178; в кампанию 1813 г. — II—177. Фланговый марш — I—380—383; II—219, 245.

Фланговая позиция — II—94—96, 175, 176, 220.

Форма операций — II—445. Более слабая ф. открывает перспективу на более крупные успехи — II—400, 401. Действенность ф. увеличивается с распространением действий во времени и пространстве — II—259. Ф. стратегического маневрирования — II — 288. При выборе внешних линий нужно помнить, что воздействие на снабжение проявляется крайне медленно, а воздействие боя — чрезвычайно быстро — II—446. Внутренние линии — I—123; II—16, 21, 176, 193, 288, 394, 402. Выгоды внутренних линий растут с увеличением пространства — II—21.

Х

Характер войны — определяется общими условиями, из которых возникает война — II—48. Х. в. на сокрушение — I—245, 247; х. в. как органического целого — II—381. Грандиозный х. современных войн — II—359. Воздействие на х. в. различных родов оружия — I—335, 336; воздействие х. в. на организацию армии — I—337. Ошибки в оценке х. в. — II—261—264.

Хитрость — I — 222—225, 330; II—455.

Ц

Цель ограниченная — выдвигается при незначительном напряжении, когда достаточно призрака будущих неудач или больших жертв, чтобы привести к заключению мира — I — 61. Воздей-

ствие о. ц. на средства — I—62, 63, 64. О. ц. — отклонение действительности от абсолютной войны — I—75. О. ц. в результате слабости позитивной воли — II—231. О. ц. — наступательная война — II—387—390. О. ц. — оборона — II—390—396. О. ц. в истории—II—346, 347. О. ц.— затрудняет сосредоточение военных действий в одной главной операции — II—390. О. ц. или завоевание умеренной части неприятельской территории, или сохранение собственной в ожидании благоприятного момента — II—370—372. При о. ц. военная история не дает никаких формул, а только навык в суждениях — II—260, 290. В средние века политическая цель преимущественно сводилась к тому, чтобы наказать, но не сокрушить противника — II—347.

Цель конечная военная — непосредственно ведущая к заключению мира — I—135, 136, 158. С ней должно быть сообразовано применение всех средств — I—157. Мерило для нее — политическая цель — I—44; неопределенность в вопросе о выборе к. в. ц. — II—345. Суждение о к. в. ц. никогда не может быть чисто объективным — II—345. Москва в 1812 г. как к. в. ц. — I—161, 231, 309; II—177, 178, 183, 184, 228, 340, 341. Ц. к. в. обеих сторон — заключительный вывод всей системы мышления, из которого вытекает все основное в стратегии — II—247.

Цель политическая, являющаяся первоначальным мотивом войны, служит мерилом, как для конечной военной цели, так и для определения объема необходимых усилий — I—43. П. ц. — навязать противнику нашу волю — I—33. П. ц. — исходная данная для войны — I—53—54. П. ц. и военные цели совпадают — I—43, 54, 55. Ценность п. ц. определяет размер жертв — I — 61, 66. Разнообразие п. ц. — I—66. На войне многие пути ведут к достижению п. ц.—I—75. Различие п. ц. обеих сторон не допускает приостановки действий — I—240, 241. Ц. п. не всегда проста — I—254. Ц. п. создает единство войны — I—280. Отношение ограниченной войны к ц. п. — I—187, 188, 403. Ц. п. определяет объем подготовки к войне— II—344, 345. Политическая цель имеет решающее влияние на ведение войны — II—372. Политическая цель, особенно союзных армий, должна быть достаточно крупна, чтобы преодолеть инер-

цию, трения и чуждые влияния — II—431, 432. Эквивалент п. ц. — I—44; II—375. П. ц. можно принимать за мерило, лишь отчетливо представляя ее действие на народные массы, которые она должна всколыхнуть — I—44. См. *«Политика», «Война».*

Центр тяжести (centra gravitatis) — где концентрируется наибольшая масса — II—206, 207. В соотношениях воюющих государств — II—391; он может заключаться в армии, или в столице, или в общности интересов союзников, или в общественном мнении, или в личности вождей — II—362. Реальность и действенность ц. т. сил обеих сторон имеет место только при сокрушении — II—299. Когда не ищут решения, ц. т. оказывается нейтрализованными — II—209. Распознавание ц. т. неприятельских сил — высший акт стратегического суждения — II—207. Удар против ц. т. неприятельских сил требует сосредоточения, а обладание страной — раздвоения — II—208. Удар против ц. т. при сокрушении следует сводить к возможно меньшему числу операций — II—397. Только в редких случаях не находит под собой реальной почвы сведение нескольких ц. т. к одному — II—363. Условия сведения сил неприятеля к одному ц. т. — II—397—407. Ц. т. союзников в 1814 г. — I—164, 165. Ц. т. Франции — II—425, 426.

Циркумвалационная линия — I—162; II—303, 304.

Ч

Честолюбие — I—21, 85, 99, 189, 208, 223, 246.

Честь оружия — I—249; II—201, 232, 245, 298.

Численность войск. Численное превосходство — I—122, 210—216, 231, 327. Численность абсолютная — I—214, 329.

Ш

Школьный педантизм — II—334.

Шлак (перегар) — I—252, 285.

Э

Элементы — образующие атмосферу войны — I—83. Элементы, порождающие борьбу между людьми — I—35.

Экономия сил — противоречие между стремлением к уничтожению неприятельских сил и сохранением своих — I—74, 232. Основной принцип экономии — напряжение сразу всех сил, имеющихся в нашем распоряжении — I—237—238; II—444. Сохранение своих сил — I—112, 113, 116,

308. Э. с. при использовании театра войны — II—229. Значение экономного расходования сил в тактике — I—273, 274. Значение народной войны в э. с.—I—246; II—70. Длительность использования сил — фактор убыли сил в тактике, в стратегии же это в основном не наблюдается— I—232. См. «*Равновесие сил*» и «*Соотношение сил*».

Этапный пункт —II—64, 454.

Я

Язык — I—172—175.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ И ИСТОРИЧЕСКИХ ССЫЛОК

А

Австрия — I — 221, 340; II — 8, 31, 73, 115, 194, 262, 272, 342, 343, 349, 355, 356, 357, 364, 385, 398, 400, 420, 425, 432.

Азия — II — 156, 347.

Александр I, русский царь — I — 6, 13, 169, 170; II — 360, 369, 395, 396.

Александр Македонский — I — 189, 202, 208; II — 338, 347, 351, 361, 404.

Александр Фарнезе, испанский полководец — I — 202.

Аллер, река — II — 313.

Альвинци, австрийский генерал — II — 113.

Альпы, горы — I — 221; II — 113, 115, 119, 120.

Амсельвен, город — II — 291.

Амстердам, город — II — 153, 291.

Англия — I — 13; II — 51, 262, 349, 364, 385, 421, 426, 428.

Антверпен — II — 330.

Д'Аржан, маркиз — II — 395.

Арси, бой 1814 г. — I — 165.

Асперн, сражение 1809 г. — II — 137, 451.

Атлантическое побережье — II — 428.

Аугсбург, город — II — 73, 74.

Аустерлиц, сражение 1805 г. — I — 170; II — 276, 360, 361, 415, 508.

Ауэрштедт, сражение 1806 г. — I — 6, 272; II — 65, 220, 404, 405.

Африка — I — 183.

Б

Бавария, область — II — 73, 75.

Багратион, генерал — I — 391; II — 178, 193, 404, 414.

Барклай-де-Толли, русский фельдмаршал — II — 178, 193, 404, 422.

Бауцен, сражение 1813 г. — I — 219, 309, 310.

Бевернский, герцог, прусский генерал — II — 236, 281.

Бельгард, австрийский генерал — II — 279.

Бельгия — II — 262, 388, 421.

Белиль, братья, французские генералы — II — 383.
Бенигсен, русский генерал — II — 451, 459.
Березина — II — 169, 369, 416.
Берлин — I — 21, 25, 387; II — 218, 420, 430.
Бисбош, селение — II — 150.
Бисмарк — II — 364.
Блиндхейм, бой 1704 г. — II — 411.
Блюхер, прусский генерал — I — 6, 164, 165, 215, 219, 220, 278, 309, 315, 318, 325, 365, 388, 392, 399, 400; II — 264, 398, 403, 422.
Бобруйск, крепость — II — 415.
Богемия — I — 219; II — 8, 92, 172, 176, 177, 194, 219, 224, 247, 251, 308, 313, 330, 349, 389, 398, 406, 446, 447.
Богемский театр войны — II — 244.
Бонналь, военный писатель — II — 480.
Бородино — I — 6, 267, 309, 310, 328, 391; II — 17, 81, 183, 188, 228, 369.
Брандейс, селение — I — 382.
Бранденбургская марка (область) — I — 221, 236, 361; II — 145, 177, 388, 393, 398.
Брауншвейгский, герцог, Карл-Вильгельм — II — 5, 151, 153, 194, 218, 241, 280.
Брауншвейгский, герцог, Фердинанд — II — 96, 261, 313.
Бреславль, город — I — 22, 398; II — 77, 144, 236, 281.
Брест-Литовск, город — II — 59.
Бриенн, сражение 1814 г. — I — 318, 329; II — 142, 403.
Брюссель, город — I — 419; II — 426.
Будин, город — II — 447.
Бунцельвицкий лагерь — 1761 год — I — 179; II — 38, 52, 89, 94, 225, 395.
Бургундия — II — 349.
Бургундский канал — II — 188.
Бурнонвиль, генерал — II — 312.
Бутурлин, русский генерал — II — 395.
Бушен, город — II — 309.
Бюлов, генерал — I — 399; II — 264, 399.
Бюлов, писатель — II — 190, 259.

В

Ваал, река — II — 150.
Ваграм, сражение 1809 г. — I — 170, 180; II — 276, 281, 451, 508.
Валансьен, город — I — 419; II — 305, 420.
Валленштейн, полководец — II — 455, 459.
Вальми, сражение 1792 г. — I — 248.
Вальхерн, остров — II — 319.
Вандам, фрачцузский генерал — I — 235.
Вандейская армия — I — 326.
Варшава, город — II — 405.

Ватерлоо (Бель-Алианс), сражение 1815 г. — I — 6, 267, 289, 307, 315, 317, 329; II — 264.
Ведель, генерал — II — 131, 132, 221.
Везер, река — II — 96, 262.
Веймар, город — II — 263.
Веллингтон, английский генерал — I — 325, 400; II — 43, 45, 450.
Вена — I — 159; II — 111, 360, 399, 420, 430, 451.
Венгрия — I — 402; II — 349, 360.
Вестфалия, область — I — 340; II — 263, 313, 405.
Вестфальский мир 1648 г. — I — 401.
Виктор, французский генерал — II — 417.
Вилизен, военный писатель — I — 122; II — 146.
Виллар, маршал — II — 286, 305.
Виллах, город — I — 159.
Вильгельм Оранский — II — 151.
Вильно, город — I—391, 418; II — 228, 263, 364.
Винценгероде, русский генерал —II — 142.
Висла, река — I — 407; II — 32.
Витгенштейн, русский генерал — I — 165; II — 166, 404, 417.
Витебск, город — I — 391, 398; II — 183, 186, 314.
Де-Витт, братья, политические деятели — II — 151.
Владимир, город — II — 189.
Вогезы, горы — I — 213; II — 85, 122, 160, 163, 285.
Воданкур, французский писатель — I — 309.
Война за австрийское наследство (1740—1748 гг.) — I — 182, 339; II — 119.
Война за испанское наследство (1700—1714 гг.) — I — 183; II — 12.
Война 1914—1918 гг. — I — 13.
Волынь — II — 177, 192.
Восточная Пруссия — I — 367.
Вреде, генерал — II — 177.
Вурмзер, австрийский генерал — I — 162.
Вюртембергский принц Евгений — I — 165, 215, 236.
Вюрцбург, город — II—73, 74,

Г

Гаарлемское море — II — 151, 291.
Галлия — II — 346.
Ганау, сражение 1813 г. — I — 314.
Ганнибал — I — 183, 280; II — 234, 444, 461.
Ганновер — II — 261.
Гастенбек, сражение 1757 г. — II — 261.
Гегель — I — 8, 16.
Геннесдорф, город — II — 313.
Генрих, принц прусский — II — 144, 159, 394, 395.

Генрих IV, король французский — I — 96; II — 348.
Генуя, город — II — 431, 459.
Германия — I — 7, 8, 13, 338; II — 20, 73, 74, 75, 134, 149, 163, 197, 349, 357, 398, 425, 442, 479.
Гессен, область — II — 405.
Глац, крепость — I — 219.
Глогау, сражение — II — 236.
Гнейзенау, прусский генерал (1760—1831 гг.) — I — 22; II — 264, 425.
Гогенлинден, сражение — II — 276, 509.
Гогенлоэ, прусский генерал — I — 152, 272; II — 65, 218, 220, 263.
Гогенфридберг, сражение 1745 г. — I — 436; II — 38, 44, 52.
Голландия — II — 148, 152, 262, 290, 319, 388, 399, 418, 421.
Гольдберг, бой 1813 г. — I — 392.
Гольштиния, область — I — 431.
Горкум, селение — II — 150.
Гоф, селение — II — 95, 218.
Гохкирх, сражение — I — 248, 249, 319, 322, 361; II — 246, 252.
Гош, французский генерал — I — 158.
Граверт, прусский генерал — I—152; II—163, 241.
Грант, генерал — II — 215.
Гренинген, крепость — II — 151.
Греция — II — 347.
Гроссбеерен, сражение 1813 года — I — 309.
Гросс Гершен (Люцен), сражение 1813 г. — I — 309, 341.
Густав Адольф, король шведский — I — 202; II — 351, 353, 361, 444, 459.

Д

Даву, маршал — I — 272, 391.
Данциг, крепость — II — 451.
Даун, фельдмаршал — I — 180, 188, 190, 215, 220, 221, 277, 295, 322, 361; II — 41, 47, 83, 96, 166, 174, 234, 246, 252, 259, 263, 289, 308, 330, 355, 395.
Двина, река — II — 166, 404.
*Денен*ские линии в 1712 г. — II — 286, 309.
Денневиц, сражение 1813 г. — I — 309.
Домштетель, бой 1758 г. — II — 306, 308.
Дона, прусский генерал — II — 221.
Дорнбург, бой 1806 г. — I — 152; II — 95.
Драгомиров, русский переводчик трудов Клаузевица — II — 435.
Дрезден, сражение 1813 г. — I — 212, 219, 235, 329; II — 57, 177, 236, 247, 281, 305, 430.
Дрисский лагерь — II — 89, 94, 176, 178, 193, 263, 414, 448.

Дунай, река — I — 407; II — 130, 163, 360, 451.
Дюнкирхен, город — II — 431.

Е

Евгений Савойский — I — 201, 308; II — 286, 303, 309.
Европа — I — 5, 8, 379; II — 195, 196, 350, 353, 354, 386, 395, 414, 429, 431.
Египет — II — 347.

Ж

Жером Бонапарт — II — 405.
Жомини, писатель — I — 122, 123; II — 259, 320.

З

Заала, река — I — 236; II — 95, 134, 218, 219, 220.
Заальфельд, сражение 1806 год — I — 152.
Зильберберг, крепость — II — 77.
Зюдерзее, залив — II — 151.

И

Ивангород, крепость — II — 59.
Иена, сражение 1806 г. — I — 6, 7, 152, 267, 292, 315, 317; II — 95, 134, 136, 202, 220, 276, 404.
Индия — II — 347.
Иорк, прусский генерал — I — 274, 392; II — 264.
Испания — I — 183, 415, 433; II — 28, 51, 115, 272, 346, 349, 356, 364, 395, 425.
Исполинские горы — II — 122.
Италия — I — 183, 338; II — 74, 115, 285, 346, 349, 389, 398, 399, 402, 427, 430, 431.
Итальянские походы Гогенштауфенов — I—338; II — 348.

К

Калуга, город — I — 391, 423; II — 176, 188, 360.
Калькрейт, прусский генерал — I — 272.
Камбрэ, город — I — 419; II — 305.
Кампания 1672 г. — II — 148, 152, 290.
Кампания 1673 г. — II — 289.
Кампания 1674 г. — II — 312.
Кампания 1675 г. — II — 256, 289.
Кампания 1712 г. — II — 303, 309.
Кампания 1740 г. (Силезские войны) — II — 388.
Кампания 1741 г. (Силезские войны) — II — 313, 388.
Кампания 1742 г. (Силезские войны) — II — 194, 342.
Кампания 1743 г. (Силезские войны) — II — 194.
Кампания 1744 г. (Силезские войны) — II — 194, 342, 389.
Кампания 1745 г. — II — 313.
Кампания 1756 г. — II — 91, 92.
Кампания 1757 г. — I — 221; II — 261, 342, 389, 393, 401, 446.

Кампания 1758 г. — I — 388; II — 76, 303, 305, 308, 313, 342, 389, 394, 446.
Кампания 1759 г. — II — 221, 289.
Кампания 1760 г. — I — 188, 189, 387; II — 144, 173, 252, 289, 305.
Кампания 1761 г. — I — 218; II — 289.
Кампания 1762 г. — I — 398; II — 173.
Кампания 1787 г. — II — 148, 152, 153, 290.
Кампания 1792 г. — II — 194, 360, 421.
Кампания 1793 — 1794 гг. — I — 213; II — 160, 163, 241, 262, 285, 384, 420.
Кампания 1794 г. — II — 285, 420.
Кампания (зимняя) 1794—1795 гг. — I — 367.
Кампания 1795 г. — II — 285, 384.
Кампания 1796 г. — I — 162, 165, 180; II — 107, 111, 113, 262, 280, 285, 402.
Кампания 1797 г. — I — 158, 161; II — 107, 285.
Кампания 1799 г. — II — 120, 319.
Кампания 1800 г. — I — 221; II — 113, 120, 262, 285.
Кампания 1805 г. — I — 170, 171; II — 111, 261, 342, 360, 404.
Кампания 1806 г. — I — 152, 236, 249, 272, 386, 388; II — 65, 94, 96, 218, 263, 313, 340, 342, 357, 360, 364, 405.
Кампания 1807 г. — I — 170, 367; II — 361.
Кампания 1808 г. — II — 364.
Кампания 1809 г. — I — 170; II—111, 319, 342, 343, 357, 364, 384, 404.
Кампания 1810—1811 гг. в Португалии — II — 194, 450.
Кампания 1812 г. — I — 161, 170, 171, 181, 221, 231, 246, 313, 326, 338, 390, 392, 398, 412, 413, 423; II — 17, 45, 166, 172, 176, 177, 183, 184, 187, 192, 193, 194, 263, 314, 357, 365, 369, 393, 398, 414, 415, 417, 450.
Кампания 1813 г. — I — 314, 326, 365, 392; II — 52, 141, 188, 219, 264, 357, 384, 398.
Кампания 1814 г. — I — 163, 193, 219, 278; II — 279, 357, 384, 399, 402, 422.
Кампания 1815 г. — I — 325, 371, 388, 399; II — 360, 384.
Кампо-Формийский мир 1797 года — I — 160, 161.
Кант — I — 8.
Каппельдорф, бой 1806 г. — I — 152.
Карл V, император германский — II — 349.
Карл VIII, король французский — II — 349.
Карл XII, король шведский — I — 66, 96, 189, 202, 212, 308; II — 351, 353, 361.
Карл, эрцгерцог — I — 122, 158, 159, 282; II — 108.

Карно, французский военный министр — II — 384.
Карфаген, город — I — 183; II — 346.
Карл Лотарингский, принц, австрийский главнокомандующий — I — 221; II — 91, 236, 261, 312.
Католиш — Геннерсдорф, сражение — I — 266.
Кауниц, австрийский министр — II — 421.
Кацбах, сражение 1813 г. — I — 392; II — 57, 276.
Кельн, город — I — 419.
Кеплер — II — 46.
Кессельдорф, сражение 1745 года — I — 266; II — 313.
Киев, город — II — 189.
Китай — II — 156.
Китайская (Великая) стена — II — 88, 156.
Клейст — I — 8.
Клостер-Зевенская конвенция 1757 г. — II — 261.
Кобленц, город — I — 21, 314.
Коллин, сражение 1757 г. — I — 212, 221, 295, 318; II — 41, 446.
Кольберг, крепость — II — 89, 94.
Конде, город — II — 420.
Конде, принц — I — 140; II — 151, 290, 305, 455.
Крисманич, австрийский генерал — II — 244.
Крымское ханство — II — 31, 33, 160.
Кульм, сражение 1813 г. — I — 235.
Кумберлендский, герцог — II — 261.
Куннерсдорф, сражение 1759 года — I — 249, 276.

Л

Лан (Лаон), сражение 1814 года — I — 165, 274, 309, 329; II — 264.
Ланглуа, военный писатель — II — 480.
Лангр, город (плоскогорье) — I — 437; II — 161, 163.
Ландау, город — II — 420.
Ландресси, осада 1712 г. — II — 303, 309.
Ландсгут, город — II — 362, 378, 466, 469, 476.
Ласси, австрийский генерал — I — 190, 219, 387; II — 263.
Ласси, русский фельдмаршал — II — 161.
Лаудон, австрийский генерал — I — 218, 219, 220, 277; II — 246, 289, 308, 422.
Левенберг, бой 1813 г. — I — 392.
Лейпциг, сражение 1813 г. — I — 212, 315, 329, 392; II — 52, 57, 142, 177, 219, 264.
Лейтен, сражение 1737 г. — I — 212, 215, 295, 302, 307, 382; II — 437.
Ленин В. И. — I — 8, 11, 16, 17, 18, 23, 34, 54, 55, 56, 57, 59, 127, 144, 176, 200, 204, 205, 206, 207, 330, 334; II — 27, 30, 48, 52, 116, 140, 162, 165, 209, 240, 248, 253,

256, 257, 260, 265, 269, 337, 339, 342, 351, 356, 357, 358, 370, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 385, 386, 387, 413, 449.
Леобенское перемирие — I — 159.
Ли, генерал — II — 215.
Лигниц, сражение 1760 г. — I — 190, 220, 277.
Лилль, город — II — 305.
Линц, город — II — 360.
Линьи, сражение 1815 г. — I — 6, 371, 400.
Лиссабон — II — 43.
Литва — II — 177, 193, 415.
Ллойд, военный писатель — I — 213, 317; II — 162.
Лобау, остров — II — 451.
Ловозвиц, сражение 1756 г. — II — 224.
Лоди, бой 1796 г. — II — 262.
Ломбардия — I — 414; II — 116, 277.
Лотарингия, область — II — 402, 419, 420.
Лотарингский герцог — II — 312.
Луара, река — II — 426, 428, 431.
Лувен, город — I — 419.
Лузация, область — I — 219, 266, 387; II — 313.
Льеж, город — I — 399, 419.
Людвиг Баденский — II — 286.
Людвиг-Фердинанд, принц прусский, генерал — I — 152.
Людовик XI, король французский — II — 349.
Людовик XIV, король французский — I — 162, 338, 351, 400, 401; II — 151, 238, 297, 298, 305, 350, 353.
Люксембург, маршал — I — 93, 351; II — 151, 290.

М

Маас, река — II — 142.
Магдебург, крепость — II — 65.
Майн, река — II — 177.
Майнц, город — II — 177, 402.
Макдональд, маршал — I — 361, 365; II — 142, 417.
Макиавелли — I — 8.
Максен, сражение 1759 г. — I — 283, 297; II — 247, 252, 262.
Малый Ярославец, бой 1812 года — II — 184.
Мальборо, английский полководец — I — 201, 308.
Мальче, сражение 1796 г. — II — 111.
Мальяр, военный писатель — II — 480.
Маннгейм, город — I — 314; II — 142.
Мантуя, осада 1796—1797 гг. — I — 162, 165.
Марафон, сражение — I — 212.
Маренго, сражение 1800 г. — II — 275.
Мария-Терезия, австрийская императрица — II — 355.
Маркс, Карл — I — 16, 17, 18, 71.

Мармон, маршал — I — 274, 278, 318.
Марна, река — I — 165, 220, 318; II — 296.
Маратты, группа народов — I — 212.
Марс, планета — II — 46.
Массена, маршал — II — 43, 45, 194, 459.
Массенбах, прусский генерал — I — 213; II — 163, 218.
Мейссен, позиция — II — 284.
Мёкерн, бой 1813 г. — I — 392.
Мелас, австрийский генерал — I — 221; II — 113, 263, 285.
Мергентгейм (Мариендаль), сражение 1644 г. — II — 312.
Минден, сражение 1759 г. — II — 223.
Менен, крепость — II — 461.
Минчио, река — II — 279.
Мозель, река — II — 137, 142.
Молдавская армия — II — 166.
Моллендорф, прусский генерал — II — 241.
Мольвиц, сражение 1741 г. — I — 339; II — 38, 313.
Мольтке-старший — II — 328, 333, 363, 396.
Мольтке-младший — II — 408, 419.
Монмираль, бой 1814 г. — I — 163, 215, 278.
Монс, город — I — 419.
Монтекукули, австрийский генерал — II — 256, 289.
Монтенотте, бой 1796 г. — II — 262.
Монтескье — I — 8, 20.
Монтро, бой 1814 г. — I — 163, 165, 215.
Моравия — II — 8, 173, 194, 389, 394.
Мориц Саксонский, французский маршал — II — 238.
Морман, бой 1814 г. — I — 163, 165.
Моро, французский генерал — I — 158, 282; II — 111.
Москва — I — 161, 170, 232, 245, 310, 327, 390, 391, 418, 423; II — 17, 45, 172, 177, 178, 184, 185, 188, 189, 190, 228, 340, 360, 364, 365, 396, 414, 415.
Мюнхен, город — II — 73, 430.
Мюрат — I — 367, 391.

II

Наарден, селение — II — 150.
Намюр, город — I — 400.
Наполеон I, Бонапарт — I — 5, 7, 13, 96, 151, 158—166, 168—171, 177, 180, 193, 202, 215, 216, 219, 221, 231, 246, 272, 274, 278, 300, 301, 309, 313—315, 318, 329, 337, 340, 341, 361, 371, 388, 390, 391, 398—400, 403, 404, 407, 413, 415, 417; II — 24, 47, 52, 57, 65, 83, 95, 111, 113, 134, 142, 146, 161, 176, 177, 183, 188, 189, 218, 220, 228, 256, 262—264, 285, 314, 328, 338—

341, 345, 351, 357, 360, 365, 366, 369, 374, 395, 398, 402, 404, 405, 409, 414, 417, 426, 439, 446, 451, 459, 474.
Наполеоновские войны — I — 180, 181, 241, 299, 301, 340, 392.
Нарва, сражение 1700 г. — I — 212.
Неервинден, сражение — I — 352.
Ней, маршал — I — 361.
Нейпперг, австрийский генерал — II — 313.
Нейссе, город — I — 218; II — 236, 247, 308.
Неман, река — I — 326, 388, 390, 391; II — 17, 178, 417.
Нересгейм, сражение 1796 года — I — 282.
Нидерланды — I — 6, 414; II — 152, 156, 298, 305, 420—422, 425—427.
Нидерландские походы — I — 351.
Нижнесилезские горы — II — 242.
Николай I, русский царь — II — 442.
Намвеген, город — II — 142.
Новогеоргиевск, крепость — II — 59.
Норийские Альпы — I — 158; II — 180.
Носсен, город — I — 218.
Ньютон — I — 97, 140; II — 345.
Нюренберг, город — II — 73, 459.

О

Об, река во Франции — I — 318.
Одер, река — II — 144, 177, 357.
Оксер, город — II — 189.
Ольмюц, осада 1758 г. — I — 388, 428; II — 76, 166, 303, 305, 308, 394.
Орлеан, город — II — 427.
Остерман, Толстой, генерал — I — 391.

П

Пальциг, сражение — II — 132.
Париж — I — 163, 165, 193, 419, 437; II — 75, 142, 161, 188, 330, 357, 360, 384, 418, 426, 430, 431.
Парта, река — II — 52.
Пассарга, река — I — 367.
Перекоп — II — 161.
Перемышль, крепость — II — 66.
Петербург — II — 369.
Пиколомини, австрийский генерал — II — 261.
Пиренеи, горы — II — 115.
Пирна, укрепленный лагерь — II — 89, 91, 92, 224, 282, 284.
Плейсса, река — II — 52.
Плеханов — I — 16.
Познань — I — 22.
Польша — I — 22, 412, 416; II — 31—33, 251, 291, 365.
Померания, область — I — 221.
Португалия — II — 43, 51, 194, 459.

Прага, город — I — 221, 235, 318, 382, 383; II — 91, 224, 276, 398, 401, 446, 447.
Прегель, река — I — 221.
Прейсиш-Эйлау, сражение 1807 г. — II — 361, 459.
Прованс, область — II — 389.
Пруссия — I — 7, 13, 236, 246, 295; II — 6, 26, 64, 202, 262, 263, 272, 339, 342, 355—357, 361, 364, 385, 388, 398, 400, 420—422, 425, 426, 429, 432.
Прусская армия — I — 386.
Пуническая война, вторая — I — 183.
Пфуль, генерал — II — 178, 192, 448.
Пюисегюр, французский генерал и писатель — I — 93.
Пюто, французский генерал — II — 57.

Р

Ранцау, французский маршал — II — 312.
Революционные войны — I — 152, 241, 326, 374, 407, 412; II — 119, 256, 356, 455.
Регенсбург, сражение 1809 г. — I — 315; II — 404.
Реймс, город — II — 431.
Рейн, река — I — 158, 159, 163—165, 314, 407, 414; II — 73, 85, 111, 115, 130, 142, 151, 156, 163, 164, 256, 262, 280, 312, 314, 342, 398 — 400, 418, 420 — 422, 426—430, 451.
Риволи, сражение 1797 г. — I — 179; II — 113.
Рига, город — II — 415, 417.
Рим — I — 183; II — 346, 347.
Ричмонд, город — II — 215.
Росбах, сражение 1757 г. — I — 212, 215, 282; II — 38, 261.
Рона, река — II — 427.
Роньа, французский генерал — II — 415, 417.
Россия — I — 13, 221, 231, 246, 340, 342, 392, 402, 412, 423; II — 18, 20, 31, 59, 184, 190, 193, 194, 196, 272, 291, 340, 357, 364—366, 393, 395, 396, 404, 405, 414, 425, 448.
Рюхель, прусский генерал — I — 152, 272; II — 263.

С

Сакен, русский генерал — II — 417.
Саксония, область — I — 221, 318, 388, 392, 414; II — 25, 145, 173, 176, 247, 313, 330, 342, 388, 389, 394, 395, 398, 401, 447.
Салтыков, русский генерал — II — 132.
Св. Елены, остров — II — 366.
Северная армия — I — 326.
Сегюр, французский писатель — I — 309.
Семилетняя война — I — 66, 207, 213, 337, 340, 377—380, 428; II—6, 8, 11, 47, 96, 119, 145, 159, 173, 242, 249, 388, 393, 395, 413, 422.

Сен-Сир, маршал — II — 417.
Сена, река — I — 318; II—296, 357, 428.
Сиваш, часть Азовского моря — II — 161.
Силезия — I — 189, 190, 218, 221, 266, 361, 365, 388, 392, 414, 436; II — 77, 145, 166, 173, 176, 177, 242, 330, 342, 388, 389, 394, 395, 401, 405, 415, 422, 447.
Силезская армия — I — 326.
Силезские войны — I — 281, 353, 361, 401, 404; II — 173, 342, 437.
Синей, селение — I — 399.
Скалиц, сражение 1866 г. — II — 113.
Смоленск, город — I — 390, 423; II — 183, 188, 314, 414.
Совиная гора — II — 120.
Соединенные штаты — II — 215.
Сомбреф, селение — I — 399, 400.
Соор, сражение 1746 г. — I — 267, 282; II — 38.
СССР — I — 14.
Сталин — I — 17.
Стеенкеркен, сражение — I — 352.
Суворов, русский полководец — II — 455.
Судеты, горы — II — 77, 119.

Т

Таго, река — II — 388.
Тальяменто, река — I — 388.
Тарутино, бой 1812 г. — II — 367.
Тауэнцин, прусский генерал — I — 152.
Темпельгоф, военный историк — I—213, 377; II—249, 281, 307.
Тильзитский мир — II — 437.
Тильман, прусский генерал — I — 399.
Тироль — II — 74, 111, 404.
Торгау, сражение 1760 г. — II — 281.
Тормасов, генерал — II — 192, 417.
Торрес-Ведрас, укрепленная позиция 1810—1811 гг. — II — 43, 45, 89.
Траутенау, сражение 1866 г. — II — 113.
Тридцатилетняя война—1618—1648 гг. — I — 401; II — 12, 98, 305, 348.
Троянов вал — II — 88.
Трир, город — II — 431.
Труа, город — II — 318, 426.
Тугут, австрийский министр — II — 421.
Турин, город — II — 115.
Турнэ, крепость — II — 85.
Тутлинген, сражение 1643 г. — II — 312.
Турция — II — 32, 156.
Тюрингия — II — 218.

У

Удино, французский маршал — I — 361; II — 404,

Ульм, операция 1805 г. — I — 300; II — 73, 262, 404.
Утрехт, город — II — 153.

Ф

Фабий Кунктатор — I — 280; II — 45, 234.
Фекьер, автор мемуаров 1648 — 1711 гг. — I — 181, 184, 351.
Фельдкирхенская позиция — II — 120, 284.
Фердинанд Католик, король испанский — II — 349.
Фехта, река — II — 150.
Финк, генерал — I — 283; II — 247.
Фихте — I — 7.
Фландрия — I — 416, 431; II — 85, 421.
Флерюс, сражение — I — 352.
Форарльберг, горная область — II — 120.
Франкфурт на Майне, город — II — 402, 405.
Франкония, область — I — 221, 249; II — 218, 249, 313.
Франц, император австрийский — I — 170.
Франция — I — 5, 6, 221, 295, 338, 378, 437; II — 20, 32, 73, 74, 85, 149, 161, 194, 272, 281, 296, 309, 319, 330, 340, 349, 350, 354, 364, 383, 384, 386, 388, 396, 398—400, 402, 418, 425—431.
Французская революция — I — 6, 8, 245, 404, 412; II — 338, 355, 356, 385, 386.
Франш-Контэ, область — II — 402.
Фрейберг, бой — I — 249.
Фридланд, сражение 1807 г. — I — 170; II — 361, 415.
Фридрих Великий — I — 6, 66, 140, 151, 152, 168, 169, 179, 188, 189, 198, 202, 207, 208, 212, 215, 216, 218, 219, 220, 221, 266, 276, 282, 295, 301, 308, 318, 319, 322, 330, 337, 340, 341, 360, 361, 377, 380, 382, 388, 398, 403, 428, 436; II — 8, 25, 38, 41, 44, 52, 77, 92, 120, 145, 159, 172, 176, 194, 223, 224, 234, 236, 247, 249, 250, 252, 253, 261, 262, 281, 282, 289, 303—306, 308, 313, 330, 342, 351, 353, 355, 361, 388, 389, 393, 394, 395, 398, 401, 415, 437, 444, 446, 458, 461, 477.
Фукэ, генерал — II — 96, 247.

Ц

Цезарь Юлий — I — 202; II — 444, 461.
Цитен, генерал — I — 371, 399.
Цорндорф, сражение 1758 г. — II — 478.
Цюллихау (Пальцен), сражение 1759 г. — II — 132, 221.

Ч

Часлау, сражение — II — 38.
Черное море — II — 31.
Чернышев, генерал — II — 144.
Чичагов, адмирал — II — 166, 417.

Чишбовиц, бой 1758 г. — II — 308.

Ш

Шалон, город — I — 245; II — 403.
Шамбрэ, французский писатель — I — 309, 390.
Шампань, область — II — 421.
Шампобер, бой 1814 г. — I — 163.
Шарлеруа, город — I — 371, 399.
Шарнгорст, прусский генерал и реформатор армии 1756—1813 гг. — I — 6, 7, 176, 367; II — 461.
Шахэ, сражение 1905 г. — II — 88.
Швабия, область — II — 75, 111, 430.
Шварценберг, австрийский генерал — I — 163—165, 215, 318; II — 83, 192, 417, 422, 429.
Шварцвальденские линии — II — 88.
Швейдниц, осада 1762 г. — I — 387; II — 120, 236, 237.
Швейцария — II — 74, 121, 398, 402, 429, 430.
Шверин, прусский генерал — I — 382; II — 447.
Швеция — II — 17, 32.
Шельда, река — II — 85.
Шерф, немецкий генерал — II — 442.
Шлиффен — II — 330, 333, 396, 408, 410.
Шмотзейфен, город — II — 96, 120, 284.
Штирия — I — 159.
Штольгофенские линии 1703 г. — II — 286.
Шуазель, французский генерал — II — 383.

Э

Эбро, река — II — 115.
Эгер, река — II — 447.
Эйлер, математик — I — 97, 140.
Эльба, река — I — 6, 190, 326, 365; II — 145, 177, 313.
Эльзас, область — II — 85, 312, 402, 408, 421.
Эльстер, река — II — 52.
Энгельс Фридрих — I — 5, 8, 16, 17, 18, 71.
Эрфурт, город — II — 218.
Этож, бой 1814 г. — I — 163.
Эч, река — I — 407.

Ю

Юпитер, планета — II — 46.

Я

Япония — II — 364.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
ОБОРОНА

		Стр.
Глава I.	Наступление и оборона	5
Глава II.	Соотношение между наступлением и обороной в тактике	9
Глава III.	Соотношение между наступлением и обороной в стратегии	14
Глава IV.	Концентричность наступления и эксцентричность обороны	19
Глава V.	Характер стратегической обороны	23
Глава VI.	Объем средств обороны	25
Глава VII.	Взаимодействие наступления и обороны	33
Глава VIII.	Виды сопротивления	35
Глава IX.	Оборонительное сражение	53
Глава X.	Крепости	58
Глава XI.	Крепости. Продолжение	71
Глава XII.	Оборонительная позиция	77
Глава XIII.	Крепкие позиции и укрепленные лагери . . .	84
Глава XIV.	Фланговые позиции	94
Глава XV.	Оборона в горах	97
Глава XVI.	Оборона в горах. Продолжение	107
Глава XVII.	Оборона в горах. Продолжение	116
Глава XVIII.	Оборона рек	123
Глава XIX.	Оборона рек. Продолжение	143
Глава XX.	А. Оборона болот	146
	Б. Затопление	148
Глава XXI.	Оборона лесов	153
Глава XXII.	Кордон	155
Глава XXIII.	Ключ страны	160
Глава XXIV.	Фланговое воздействие	165

		Стр.
Глава XXV.	Отступление внутрь страны	179
Глава XXVI.	Народная война	195
Глава XXVII.	Оборона театра войны	203
Глава XXVIII.	Оборона театра войны. Продолжение	208
Глава XXIX.	Оборона театра войны. Продолжение	227
Глава XXX.	Оборона театра войны. Продолжение	230

НАБРОСКИ К СЕДЬМОЙ ЧАСТИ

НАСТУПЛЕНИЕ

Глава I.	Наступление по его отношению к обороне . . .	265
Глава II.	Природа стратегического наступления	267
Глава III.	Об объекте стратегического наступления . . .	270
Глава IV.	Убывающая сила наступления	271
Глава V.	Кульминационный пункт наступления	272
Глава VI.	Уничтожение неприятельских вооруженных сил	273
Глава VII.	Наступательное сражение	274
Глава VIII.	Переправа через реки	276
Глава IX.	Наступление на оборонительные позиции	280
Глава X.	Наступление на укрепленный лагерь	281
Глава XI.	Наступление в горах	282
Глава XII.	Атака кордонных линий	286
Глава XIII.	Маневрирование	287
Глава XIV.	Наступление в болотах, затопленных пространствах и лесах	290
Глава XV.	Наступление на театре войны когда ищут решения	292
Глава XVI.	Наступление на театре войны, когда не ищут решения	296
Глава XVII.	Атака крепостей	301
Глава XVIII.	Нападение на транспорты	306
Глава XIX.	Нападение на квартирное расположение неприятельской армии	309
Глава XX.	Диверсия	316
Глава XXI.	Вторжение	320
	Кульминационный пункт победы	—

НАБРОСКИ К ВОСЬМОЙ ЧАСТИ

ПЛАН ВОЙНЫ

Глава I.	Введение	333
Глава II.	Война абсолютная и война действительная . . .	336

		Стр.
Глава III.	А. Внутренняя связь явлений войны	340
	Б. О размерах политической цели войны и напряжения	343
Глава IV.	Ближайшее определение цели войны. Сокрушение противника	360
Глава V.	Ограниченная цель. Продолжение	370
Глава VI.	А. Влияние политической цели на конечную военную цель	372
	Б. Война есть инструмент политики	376
Глава VII.	Ограниченная цель. Наступательная война . . .	387
Глава VIII.	Ограниченная цель. Оборона	390
Глава IX.	План войны, когда цель заключается в сокрушении неприятеля	396

ПРИЛОЖЕНИЕ

Важнейшие принципы войны. Дополнение к курсу, читанному лично его королевскому высочеству кронпринцу	435
Учебное пособие для обучения тактике или учение о бое . .	462
Предметный указатель	521
Указатель имен собственных, географических названий и исторических ссылок	559

★

К ПЕЧАТИ ПОДГОТОВИЛИ

Редактор комбриг *Н. М. Потапов*
Технический редактор *Д. Моисеенко*
Корректор *Т. Бернштейн*
Выпускающий *Ф. Виноградов*

Сдано в производство 7.10.1936
Подписано к печати 15.12.1936

Формат бумаги 82×110/32.
Объем 36 печ. л. 30,1 авт. л.
В бумажном листе 96.000 знаков.

Г—38560.
Издательский № 304. Заказ № 1013.

Текст отпечатан на бумаге Камского бумкомбината
Переплетные материалы Щелковской ф-ки

Адрес изд-ва: Москва, Орликов пер., д. 3

Отпечатано во 2-й типографии ОГИЗа РСФСР
треста „Полиграфкнига“ „Печатный Двор“
им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

★

ВОЕННО-МЕДИЦИНСКАЯ АКАДЕМИЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

15 Дек

Архив
Ш VI

II
Б-297

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР